+

ЛЕКЦIИ
ПО
ИСТОРIИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

Профессора Э.Д. Гримма.

Высшiе Женскiе Курсы.

С.Петербургъ.

1901-1902 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Дѣленіе всеобщей исторіи на древнюю, среднюю и новую съ научной точки зрѣнія неправильно и держится только въ силу традиціи и удобства. Въ частности выдѣленіе періода отъ IУ до ХУI вѣка въ качествѣ эпохи "среднихъ вѣковъ" имѣетъ нѣкоторый смыслъ только съ точки зрѣнія исторіи западной Европы. Здѣсь этотъ терминъ и возникъ. Съ этой точки зрѣнія "средніе вѣка" являются переходной эпохой "готическаго" варварства между античной культурой и культурой современной, основанной на возродившейся античной. Таковъ взглядъ гуманистовъ, таковъ и взглядъ просвѣтительной литературы ХУIII вѣка. Эпоха отъ III - IУ в. до ХУ - - ХУI в. для нихъ - эпоха безсмысленнаго варварства. И тѣ и другіе |въ разныхъ формахъ| ведутъ ожесточенную борьбу съ религіознымъ, политическимъ и соціальнымъ наслѣдіемъ феодальнаго строя во имя античной культуры, человѣческаго разума и естественнаго права. Борьба ослѣпляетъ ихъ и они не способны распознать, въ какой степени ихъ собственное развитіе и міросозерцаніе покоится на результатахъ европейской эволюціи предшествующаго періода.

Во всякомъ случаѣ ясно, что ихъ взглядъ на"средніе вѣка" представляется глубоко-неисторическимъ. Онъ отрицаетъ смыслъ тысячелѣтняго періода народной жизни, отрицаетъ всякое развитіе за это время.

Литографія Богданова. Эртелевъ пер. д. I.
Директоръ.

Не менѣе неправиленъ однако другой взглядъ, выразителями котораго были романтики начала XIX вѣка, взглядъ на средніе вѣка какъ на эпоху идеальнаго равновѣсія индивидуальныхъ, соціальныхъ, религіозныхъ и политическихъ отношеній и интересовъ на христіанскихъ |и въ частности германско-христіанскихъ| основахъ. Продуктъ реакціи противъ идей XVIII в., этотъ взглядъ также идеализируетъ средніе вѣка, какъ гуманисты и ихъ преемники идеализировали античный міръ. Съ этой точки зрѣнія германцы внесли въ разлагавшійся античный міръ понятіе индивидуальной свободы, построили государство и соціальныя отношенія не на принужденіи, а на договорѣ, на вѣрности подчиненнаго, на заботливости о немъ начальника, наконецъ, пропитали всю жизнь будто бы свойственною имъ религіозностью и т.д.

Во всякомъ случаѣ, однако, будемъ ли мы видѣть въ "среднихъ вѣкахъ" переходную эпоху варварства или эпоху идеальнаго строя народной жизни, ясно, что ни то, ни другое представленіе не можетъ быть примѣнено ни къ Византіи, ни къ Арабамъ и исламскому міру вообще, ни, наконецъ, къ Славянамъ, особенно къ восточнымъ.

Терминъ "средніе вѣка" имѣетъ такимъ образомъ хоть нѣкоторый смыслъ только для западной Европы, объединяя - довольно таки внѣшнимъ образомъ - періодъ отъ эпохи упадка римской имперіи до эпохи великихъ событій XV-XVI в.: открытія Америки и пути въ Индію, изобрѣтенія книгопечатанія, наконецъ, особенно до великаго перелома въ умственной жизни западной Европы, связаннаго съ повсемѣстнымъ торжествомъ гуманизма съ одной и съ рѣшительнымъ обостреніемъ религіозной борьбы съ другой стороны.

За недостаткомъ времени мы вынуждены ограничиться исторіей однихъ только западно-европейскихъ народовъ въ теченіе этого періода и въ виду этого должны поставить дальнѣйшій вопросъ: какое значеніе и смыслъ имѣетъ періодъ "среднихъ вѣковъ" для народовъ Западной Европы?

Прежде всего нужно замѣтить, что средніе вѣка - явленіе крайне сложное.

Съ точки зрѣнія судебъ античной культуры и пріобщенныхъ къ ней народовъ это огромный регрессъ, но регрессъ, вызванный не внѣшними причинами, не нашествіями варваровъ, а внутреннимъ процессомъ развитія самой римской имперіи. Упадокъ самоуправленія, широко развитого въ первыя времена имперіи, и замѣна его чисто бюрократической централизаціей всѣхъ дѣлъ въ рукахъ императора и его министровъ, - упадокъ индивидуальной самостоятельности и личной свободы, приводящей къ кастовой организаціи общества, гдѣ каждое сословіе прикрѣплено къ своимъ занятіямъ, - упадокъ умственнаго развитія, создающій базисъ для крайней религіозной исключительности сначала въ пользу язычниковъ, затѣмъ въ пользу христіанъ, - наконецъ, развитіе антигосударственныхъ тенденцій въ народѣ и обществѣ, развитіе сильной поземельной аристократіи, присваивающей себѣ патронатъ надъ массой, усиленіе политическаго значенія церкви, варваризація войска и усиленіе значенія его германскихъ вождей - вотъ главные факторы и симптомы упадка имперіи. Усиливающіяся въ III и особенно съ конца IУ в. нашествія варваровъ обрушиваются такимъ образомъ на государственный организмъ, уже разъѣдаемый внутреннею болѣзнью. Не они погубили имперію, но они до крайности ускорили ея гибель. Дробленіе имперіи, дезор-

ганизація управленія и суда, упадокъ духовной культуры, упадокъ экономическаго развитія - все это замѣчается уже въ предшествующее время, но все это рѣзко выступаетъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ варвары въ лицѣ своихъ конунговъ присвоили себѣ первенствующую роль въ жизни Италіи, Галліи, Испаніи и Африки, не говоря уже о Британніи. Воспользовавшись внутреннею слабостью имперіи, они создаютъ свои государства на ея развалинахъ, но оказываются неспособными сохранить и тѣ остатки гражданственности и культуры, которые еще существовали въ имперіи и которые продлили существованіе Византіи еще на тысячу лѣтъ. Стоитъ сравнить римскую имперію съ франкскимъ государствомъ, а послѣднее съ эпохой полнаго разложенія государствъ въ X вѣкѣ, чтобы признать въ этой эволюціи съ античной точки зрѣнія постоянно усиливающійся регрессъ.

Съ точки зрѣнія исторіи германскихъ |и славянскихъ| народовъ это, наоборотъ, эпоха пріобщенія къ римско-христіанской культурѣ, эпоха медленнаго, но несомнѣннаго прогресса. Помимо огромнаго непосредственнаго и косвеннаго вліянія римской экономической жизни, которому ближайшіе къ границѣ варвары подчинялись еще до т. наз. великаго переселенія народовъ, не только политическія и административныя учрежденія и идеи, но и вліяніе церкви и духовенства, какъ носителей культурныхъ завѣтовъ прошлаго, имѣли огромное значеніе для относительнаго ускоренія культурнаго развитія германскихъ и славянскихъ народовъ. Изъ соединенія варварскихъ племенъ между собою или съ побѣжденными провинціалами создаются европейскія націи, создаются болѣе сложныя политическія организаціи съ болѣе развитой экономической и

духовной жизнью. Въ этомъ смыслѣ и первый періодъ среднихъ вѣковъ, такимъ образомъ, не можетъ быть признанъ періодомъ чисто регрессивной эволюціи западной Европы.

Но какъ всегда при быстромъ распространеніи культуры на большое количество варваровъ, такъ и въ данномъ случаѣ наблюдается не только культурный подъемъ варваровъ, но и культурный упадокъ цивилизующей націи, особенно если она и безъ того переживаетъ критическое время. Соотношеніе между жизнью и культурой имперіи съ одной, варваровъ съ другой стороны въ IУ и слѣдующихъ вѣкахъ въ виду этого можетъ быть охарактеризовано слѣдующимъ образомъ. Въ экономическомъ отношеніи имперія возвращалась къ первобытнымъ системамъ хозяйства, варвары еще не успѣли ихъ пережить; въ соціальномъ отношеніи имперія видѣла упадокъ городского и средняго сословія вообще, среди варваровъ оно еще не успѣло развиться; въ политическомъ отношеніи имперія, не смотря на сильнѣйшую концентрацію власти, содержала въ своемъ составѣ элементы разложенія государственнаго единства и административнаго порядка, разложенія государственности вообще, варвары еще не успѣли создать государства въ собственномъ смыслѣ слова; въ умственномъ отношеніи въ имперіи совершается рѣзкій упадокъ, варвары еще полны самыхъ первобытныхъ представленій; имперія, наконецъ, разложила всѣ національности и не успѣла создать объединяющей ея народы идеи, варвары не доросли до представленія національности; даже племенная связь у нихъ еще далеко не прочна.

Понятно, что комбинація регрессивной тенденціи внутренняго развитія имперіи съ некультурностью варваровъ наложила на первый періодъ средневѣковой жизни - по сравненію

его съ римской имперіей - печать дезорганизаціи во всѣхъ областяхъ.

Поворотъ въ смыслѣ возрожденія экономической, соціальной, политической и умственной жизни наступаетъ среди разныхъ народовъ и въ разныхъ областяхъ въ разное время, но въ общемъ, онъ ясно намѣчается уже съ XI-XII в. Не слѣдуетъ забывать, что культурная жизнь отдѣльныхъ европейскихъ націй далеко не одинаково продолжительна. Въ самомъ дѣлѣ, если обратить вниманіе на то, съ какихъ поръ мы имѣемъ литературныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ странахъ и народахъ Западной Европы, т.е. съ какихъ поръ они вступаютъ въ болѣе тѣсныя связи съ болѣе культурными странами, то мы увидимъ, что исторія Италіи начинается для насъ за 900 лѣтъ до Р.Х. |основаніе греческой колоніи К у м ы ок. Неаполя относится къ IX в. до Р.Х.|, исторія кельтскаго племени за 400 лѣтъ до Р.Х. |взятіе Рима галлами относится къ 389-7 г. до Р.Х.|, исторія германскаго племени за 100 лѣтъ до Р.Х. |нашествіе Кимвровъ и Тевтоновъ отъ 113 до 101 г.|, а исторія славянскаго племени - къ IУ, У вѣку нашей эры. Можно было бы подумать, что разновременность первыхъ болѣе опредѣленныхъ извѣстій объ отдѣльныхъ народахъ имѣетъ чисто случайный характеръ. Въ виду этого полезно сопоставить время возникновенія первыхъ законодательныхъ сводовъ у европейскихъ націй: римское законодательство XII таблицъ относится къ 450 г. до Р.Х., составленіе варварскихъ |германскихъ| правдъ - къ 500-800 г. послѣ Р.Х., тогда какъ Русская Правда составлена въ XI вѣкѣ. Между законами XII таблицъ и Русской Правдой прошло 1500 лѣтъ: ясно, что куль-

турный уровень того и другого племени совершенно несоизмѣримы.

Въ частности въ составъ народовъ Западной Европы входятъ: 1| населеніе странъ съ самостоятельной древней культурой, т.е. Италіи и ея острововъ, 2| населеніе странъ, находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ римской цивилизаціи, т.е. Испаніи, Галліи, прирейнскихъ и придунайскихъ странъ, 3| населеніе странъ, подвергнувшихся не особенно продолжительному или лишь косвенному вліянію Рима т.е. Британніи, Дакіи, части западной и южной Германіи и, наконецъ, 4| населеніе странъ, почти или вовсе не захваченныхъ римскимъ вліяніемъ, т.е. большей части средней Европы между Рейномъ и Карпатами, между Дунаемъ и Скандинавскими горами.

Ясно, что ходъ культурнаго развитія этихъ четырехъ группъ не могъ отличаться ни одинаковой скоростью, ни одинаковымъ характеромъ, тѣмъ болѣе, что съ бо́льшею степенью романизаціи данной страны совпадаетъ и бо́льшая географическая близость къ средневѣковымъ культурнымъ центрамъ, т.е. къ Византіи и Арабамъ |ср. Италію, Испанію, южную Галлію| и, наоборотъ, со слабою степенью романизаціи - бо́льшая отдаленность отъ этихъ центровъ |ср. Британнію и среднюю Европу|. Согласно съ этимъ мы и видимъ, что культурное возрожденіе Западной Европы раньше всего замѣчается въ Италіи, затѣмъ въ южной Галліи и восточной Испаніи, затѣмъ уже въ остальной Франціи и зап. Германіи и т.д. Такъ, возрожденіе городского строя въ Италіи начинается уже съ X в., во Франціи въ XI и XII вв., тогда какъ въ Германіи города развиваются лишь въ XII, XIII, XIУ вв. и чѣмъ дальше данная мѣстность отъ Рейна и Дуная, тѣмъ позже. Та-

кое же наблюденіе можно сдѣлать и относительно такъ называемаго возрожденія наукъ и искусствъ. Во всѣхъ случаяхъ замѣчается особенная отсталость Германіи: это отразилось на всемъ ея политическомъ, соціальномъ экономическомъ и умственномъ состояніи и развитіи.

Если, однако, пока оставить въ сторонѣ эти различія въ развитіи отдѣльныхъ европейскихъ народовъ, то въ общемъ можно будетъ различать три періода въ исторіи среднихъ вѣковъ.

Эпоха отъ IУ до УIII вѣка представляетъ эпоху борьбы римскихъ традицій государственнаго единства и извѣстнаго административнаго порядка съ антигосударственными тенденціями Германцевъ.

Эпоха отъ IX до XI в. представляетъ эпоху полной побѣды центробѣжныхъ силъ, эпоху распаденія отдѣльныхъ государствъ на феодальныя владѣнія.

Эпоха отъ XI до XУ-XУI вв. представляетъ эпоху постепеннаго усиленія центростремительныхъ тенденцій, эпоху возрожденія государственнаго и созданія національнаго единства, и въ то же время эпоху возрожденія экономической и культурной жизни. Это время развитія городовъ и третьяго сословія, время появленія государственныхъ чиновъ и т.д.

Къ XУI в. уже успѣли сложиться крупныя національныя государства, начинается эра международныхъ войнъ и связей; къ тому же времени третье сословіе уже пріобрѣтаетъ полную духовную самостоятельность и становится носителемъ новыхъ гуманистическихъ и реформаціонныхъ идей. Въ то же время, наконецъ, начинаетъ сказываться огромное вліяніе перемѣ-

щенія торговыхъ путей вслѣдствіе открытія Америки и пути въ Индію. Настаетъ новая эпоха въ жизни западной Европы: окрѣпнувъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря, европейская культура теперь выходитъ за его предѣлы и начинаетъ пріобрѣтать всемірное значеніе.

Такова схема развитія Западной Европы въ "средніе вѣка". Подъ этотъ терминъ подводится не только эпоха возрастающаго упадка культуры и государственности |съ IУ до X в|, но и первыя времена ихъ возрожденія |отъ XI до XУI в|. Внутренняго единства эпоха среднихъ вѣковъ такимъ образомъ не имѣетъ и въ исторіи Западной Европы, и въ виду этого всегда слѣдуетъ помнить, что терминъ "средніе вѣка" не имѣетъ рѣшительно никакого научнаго значенія. Его единственное оправданіе, какъ уже замѣчено, заключается въ его общераспространенности и привычности, а также въ томъ, что пока не удалось установить новое, болѣе научное и общепринятое дѣленіе историческаго матеріала вмѣсто стараго, ненаучнаго дѣленія на древнюю, среднюю и новую исторію.

Въ виду отмѣченнаго мною огромнаго вліянія римской имперіи на дальнѣйшій ходъ западно-европейской исторіи, мы прежде всего займемся ея внутреннимъ строемъ.

ОТДѢЛЪ I.

Римская имперія. Ея историческое значеніе и упадокъ.

Территорія. Въ составъ римской имперіи входили всѣ земли, окружающія бассейнъ Средиземнаго моря, т.е. около 100.000 кв. миль |равно Европейской Россіи|. Въ эпо-

ху Гадріана границей ея на западѣ является Атлантическій океанъ съ его заливами, на сѣверѣ - Шотландскія горы, Нѣмецкое море, Рейнъ, Дунай и Карпаты, на востокѣ - Кавказскія и Армянскія горы, Евфратъ и Тигръ и Аравійская пустыня, на югѣ, наконецъ, - первый Нильскій катарактъ и пустыня Сахара: къ этому времени |116-138| она достигла своей наибольшей величины, которую и сохранила до конца III в., когда Авреліанъ |270-275| отказался отъ области между Дунаемъ и Карпатами |провинція Дакія|.

Въ самыхъ общихъ чертахъ ходъ завоеванія этихъ областей римлянами слѣдующій:

Завоеваніе Италіи до Аппенинъ было закончено въ началѣ III в. до Р.Х.

Сицилія была присоединена въ 241 г.

Сардинія ....въ 231 г.

Сѣверная часть Италіи была окончательно завоевана до II пунической войны.

Завоеваніе Испаніи началось во время II пунической войны. Къ 197 г. она была организована какъ римская провинція,но потребовалось еще почти 200 лѣтъ для полнаго ея замиренія. Нумантинская война |взятіе Нуманціи въ 133 г.|, война съ Виріатомъ, вождемъ Лузитанцевъ, въ 60-хъ годахъ до Р.Х., наконецъ, походы Августа и его сподвижниковъ представляютъ главные этапы въ этой долгой борьбѣ.

Завоеваніе восточнаго побережья Адріатическаго моря относится къ половинѣ II в. до Р.Х.

Македонія и Греція |Ахайя| были обращены въ провинцію въ 146 г.

Къ тому же году относится созданіе провинціи Африки |послѣ разрушенія Карѳагена|.

Провинція Азія |сѣверо-западная часть Малой Азіи| досталась Риму въ 133 г.

Завоеваніе южной Галліи | provincia Narbonnensis| совершается до 120 г.

Виѳинія, прилегающая къ провинціи Азіи, была присоединена въ 74 г., Кирена - въ 74, Критъ - въ 67 г.

Киликія и Сирія обращены въ провинцію въ 64 Г.

Таковы римскія пріобрѣтенія эпохи республики. Какъ видно, всѣ эти области прилегаютъ непосредственно къ средиземному морю или его заливамъ, являются наиболѣе культурными мѣстностями данной области и не обезпечены съ тыла отъ набѣговъ сосѣднихъ варваровъ, да вдобавокъ соединены другъ съ другомъ почти только морскими путями.

Первымъ дѣломъ имперіи было географическое округленіе этихъ областей, обезпеченіе ихъ отъ внѣшнихъ враговъ и устройство огромной системы сухопутныхъ стратегическихъ |а дальше и торговыхъ| дорогъ между отдѣльными провинціями.

Такъ, уже при Августѣ присоединяются н а в о с т о к ѣ: 1| Египетъ въ 30 г., 2| Галатія и Памфилія въ 25 г. и 3| Кипръ въ 27 г.; н а Б а л к а н с к о м ъ п о л у о с т р о в ѣ: 1| Мизія |Болгарія| и 2| Сѣверозападъ |Иллирикъ|; к ъ с ѣ в е р у о т ъ И т а л і и: 1| Реція и Норикъ |въ 15 г.| и 2| Паннонія |въ 10 г. по Р.Х.|; н а З а п а д ѣ завоеванная уже Цезаремъ Галлія получаетъ провинціальную организацію и окончательно покоряется Испанія. - При послѣдующихъ императорахъ къ имперіи присоеди-

няется на сѣверѣ Британнія, область между верхнимъ Рейномъ и верхнимъ Дунаемъ |т. наз. agri decumates| и область между Тиссой, Карпатами, Прутомъ и нижнимъ Дунаемъ |нынѣшнія Венгрія и Румынія|, на Востокѣ остальная Малая Азія, на Югѣ - сѣверо-западная Африка.

Вся эта площадь въ эпоху Антониновъ|II вѣкъ н.э.| распадается на 37 провинцій |вмѣсто I5 республиканскихъ|.

Н а с е л е н і е. Установить количество населенія римской имперіи точно невозможно, такъ какъ на этотъ счетъ не имѣется никакихъ статистическихъ данныхъ, а тѣ попытки, которыя были сдѣланы въ этомъ направленіи, имѣютъ чисто гипотетическій характеръ и не могутъ быть провѣрены. Приблизительно опредѣляютъ количество населенія имперіи во II в. въ I00 милліоновъ или около I000 человѣкъ на квадратной милѣ. Эти цифры едва ли преувеличены. Второй вѣкъ нашей эры - время наибольшаго расцвѣта имперіи; памятники свидѣтельствуютъ объ относительно большомъ богатствѣ провинцій, а I000 чел. на кв. милю, какъ видно изъ примѣра современной европейской Россіи, не представляютъ слишкомъ большой густоты населенія,особенно если вспомнить, что римская имперія не содержала такихъ огромныхъ неудобныхъ для обработки пространствъ, какъ напр. Россія съ первобытными лѣсами, болотами и тундрами Архангельской и Вологодской губерній, занимающихъ между тѣмъ площадь земли въ 23.000 кв. м., т.е. почти одну четверть всей европейской Россіи.

По своему культурному уровню народы, населявшіе имперію, распадались на двѣ группы, на народы съ болѣе или менѣе

древней культурой и народы некультурные. Первые населяють преимущественно, но не исключительно |ср. Египеть, Кипръ, средняя и восточная Малая Азія, часть Сиріи| области, присоединенныя въ эпоху республики, вторые преимущественно области, завоеванныя въ эпоху имперіи.

Культурное населеніе имперіи въ свою очередь распадается на народы греческой или эллинистической |т.е. восточной, но болѣе или менѣе сильно подчинившейся греческой| культуры и народы римской культуры. Къ первой принадлежать южная часть Балканскаго полуострова съ Македоніей и островами, Малая Азія, Сирія и Египеть съ Киреной. Ко вторымъ принадлежить Италія съ ея островами |кромѣ полугреческой Сициліи| и уже романизованныя въ эпоху республики области т.е. восточная часть Испаніи и южная часть Галліи |provincia narbonnensis|.

Некультурное населеніе имперіи по своему этнографическому составу также распадается на рядъ болѣе или менѣе некультурныхъ племенъ. Испанія заселена Иберами и Кельтиберами, Галлія, Британнія, Паннонія и Дакія - Кельтами, область нынѣшняго Тироля заселена Ретами, племенемъ, родственнымъ Этрускамъ, по берегамъ Рейна и Дуная живуть Германцы, наконецъ, въ сѣверо-западной Африкѣ - Нумиды.

Если культурная часть населенія и была, несомнѣнно, болѣе многочисленна и болѣе богата, то все же спрашивалось, сумѣетъ ли она подчинить своему вліянію остальную часть и пріобщить ее къ своей культурѣ.

З н а ч е н і е р и м с к а г о в л а д ы ч е с т в а и в ъ ч а с т н о с т и Р и м с к о й и м п е р і и д л я п о к о р е н н ы х ъ о б л а с т е й. Долгое время огромное значеніе римской имперіи не признавалось наукой. Ученые поддались впечатлѣнію мрачныхъ картинъ Т а ц и т а и Ю в е н а л а и видѣли въ эпохѣ имперіи только одинъ упадокъ римскаго народа. Въ сущности римская исторія кончалась битвой при Акціумѣ, а Брутъ и Кассій признавались "послѣдними римлянами". Послѣдующее развитіе римскаго государства и римской культуры покрывалось презрѣніемъ, точно также какъ развитіе Греціи и греческой культуры послѣ битвы при Херонеѣ и гибели Демосѳена. Ясно, что такого рода отношеніе къ цѣлому богатому періоду народной жизни въ настоящее время должно быть признано ненаучнымъ. Но если бы мы обладали только одними литературными данными |историки, юристы, поэты, писатели по спеціальнымъ вопросамъ|, наше представленіе о внутреннемъ строѣ имперіи было бы очень скуднымъ и одностороннимъ. Къ указанной группѣ источниковъ однако слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько очень важныхъ другихъ: I| надписи латинскія и греческія, изданныя преимущественно въ огромныхъ собраніяхъ Берлинской Академіи Наукъ, 2| египетскіе папирусы, изученіе которыхъ въ сущности только началось и 3| вещественные памятники |остатки римскихъ городовъ - Помпеи, - лагерей, построекъ, укрѣпленій, дорогъ и т.д.|. Къ этимъ источникамъ, наконецъ, слѣдуетъ еще прибавить монеты.

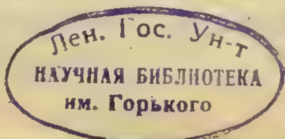
Изученіе всѣхъ этихъ источниковъ и сдѣлало возможнымъ не только болѣе справедливую оцѣнку значенія имперіи, но и бо-

лѣе глубокое пониманіе литературныхъ памятниковъ. Рядъ свидѣтельствъ, на которыя прежде вовсе не обращалось вниманія или обращалось слишкомъ мало вниманія, при сопоставленіи съ новымъ матеріаломъ получили иное освѣщеніе и бо́льшее значеніе, чѣмъ раньше.

Въ какомъ же видѣ представляется намъ въ настоящее время вліяніе имперіи на провинціаловъ?

Въ этомъ смыслѣ, конечно, особенно любопытно, какъ отвѣчали на этотъ вопросъ современники. Вотъ нѣсколько современныхъ императорамъ отзывовъ.

Разсказывая о подавленіи возстанія Галловъ, поднявшихся противъ Нерона, но продолжавшихъ борьбу и противъ его преемниковъ [68 и слѣд. годы], Тацитъ [Hist. 4, 73-74] передаетъ, что римскій главнокомандующій, Петилій Церіалисъ, обратился къ побѣжденнымъ съ слѣдующей любопытной рѣчью: "я никогда не занимался краснорѣчіемъ, да и римскій народъ доказалъ свою доблесть не имъ, а оружіемъ. Но такъ какъ слова у васъ такъ много значатъ, а добро и зло оцѣниваются вами не по существу, а согласно съ взглядами мятежниковъ, я рѣшилъ сказать нѣсколько словъ, которыя теперь, по окончаніи войны, вамъ полезнѣе выслушать, чѣмъ намъ говорить. Римскіе полководцы и императоры вошли въ вашу страну и страны остальныхъ Галловъ безъ всякихъ корыстныхъ цѣлей. Ваши предки сами призвали ихъ, истощивъ свои силы въ междоусобіяхъ и видя, какъ призванные ими же Германцы подчинили своему игу и союзниковъ и враговъ. Извѣстно, сколько разъ

мы бились съ Кимврами и Тевтонами, съ какимъ напряженіемъ нашихъ военныхъ силъ и съ какимъ успѣхомъ мы вели войны съ Германцами. А мы вѣдь расположились на Рейнѣ не для того, чтобы защищать Италію, а для того, чтобы Галліей не завладѣлъ новый Аріовистъ. Или вы, быть можетъ, думаете, что вы дороже Цивилису, Батавамъ и другимъ зарейнскимъ племенамъ, чѣмъ ваши отцы и дѣды ихъ предкамъ? Пробраться въ Галлію Германцевъ всегда побуждаетъ одна и та же причина, грубая страсть и жадность и желаніе перемѣнить мѣсто жительства, желаніе покинуть свои болота и пустыни и завладѣть этой плодороднѣйшей страной и вами самими. Предлогомъ разумѣется, должны служить свобода и другія красивыя слова; но вѣдь нѣтъ такого человѣка, который бы стремился ко власти и къ порабощенію другихъ и не пользовался бы при этомъ этими словами.

Пока вы еще не вошли въ составъ нашего государства, въ Галліи постоянно были войны и тираніи. Мы же, хотя насъ и часто оскорбляли, ввели по праву побѣдителя лишь столько новаго, чтобы обезпечить миръ. А миръ невозможно сохранить безъ оружія, оружіе безъ войска, войско безъ налоговъ. Во всемъ остальномъ вы равноправны съ нами. Вы сами часто начальствуете надъ нашими легіонами, сами управляете разными провинціями; нѣтъ ничего, что для васъ было бы закрыто и недоступно. Наравнѣ съ нами, хотя бы и издали, вы пользуетесь хорошими правителями, тогда какъ отъ нападеній жестокихъ больше всего страдаютъ тѣ, кто ближе къ нимъ, т.е. мы. Подобно тому какъ вы переносите неурожай или чрезмѣрную сырость и другія невзгоды, такъ переносите развратъ или жадность правителей (т.е. императоровъ). Зло

будетъ существовать, пока будутъ существовать люди, но оно не безпрерывно и искупается добромъ, которое его подчасъ замѣняетъ. Или вы въ самомъ дѣлѣ ожидаете, что Туторъ и Классикъ (вожди возставшихъ галловъ) будутъ управлять болѣе милостиво, или что вы будете платить меньше налоговъ когда вамъ придется самимъ содержать войско для отраженія Германцевъ и Бриттовъ? Ибо, если римляне будутъ изгнаны - да не позволятъ этого боги, - то не вызоветъ ли это войны всѣхъ народовъ между собой?... Такъ любите же и чтите государство и городъ, въ которомъ всѣ мы, и побѣдители и побѣжденные, находимся въ равномъ положеніи. Помните уроки прошлаго, чтобы не промѣнять повиновеніе, обезпечивающее вамъ спокойствіе, на дерзкія попытки, влекущія за собою гибель."

Очень сомнительно, разумѣется говорилъ ли Петилій то, что Тацитъ ему приписываетъ. Но если бы эта рѣчь даже цѣликомъ была выдумана Тацитомъ, она все же очень любопытна какъ проявленіе взгляда современныхъ ему римлянъ на значеніе ихъ владычества надъ покоренными провинціями. Оставляя въ сторонѣ разсужденія о безкорыстности римскихъ завоеваній - не слѣдуетъ забывать, что передъ нами своего рода оправдательная рѣчь - двумя пунктами, на которые Тацитъ обращаетъ особенное вниманіе, слѣдуетъ признать во-первыхъ обезпеченіе мира отъ внѣшнихъ враговъ и отъ гражданскихъ войнъ и во вторыхъ равноправность провинціаловъ съ римлянами. Дальше мы увидимъ, насколько правильно Тацитъ рисуетъ положеніе дѣла. Здѣсь отмѣтимъ только, что не слѣдуетъ думать, чтобы нашъ авторъ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду только вліяніе римскаго господства вообще и

что онъ не особенно высоко цѣнитъ вліяніе римской имперіи, которой онъ, несомнѣнно, мало сочувствуетъ. Дѣло въ томъ, что въ другихъ мѣстахъ онъ прямо признаетъ благопріятное вліяніе замѣны республики имперіей на провинціи. "Провинціи", говоритъ онъ [*Ann.* 1, 2] "ничего не имѣли противъ новаго строя (т. е. противъ имперіи Августа) Вѣдь правленіе сената и народа не возбуждало довѣрія изъ за борьбы магнатовъ и жадности магистратовъ, тѣмъ болѣе, что и защита со стороны законовъ была слишкомъ слаба: ихъ нарушали насиліемъ, интригами, наконецъ, подкупомъ".

Если такъ выражается Тацитъ, то не удивительно, что писатели менѣе пессимистическіе чѣмъ онъ гораздо рѣзче подчеркиваютъ благодѣтельное вліяніе имперіи. "Италія", говоритъ Плиній Старшій [*Nat. Hist.* 3, 39] - онъ былъ современникомъ Веспасіана [69 - 73] - "Италія избрана божествомъ, чтобы соединить разрозненныя государства, смягчить нравы, замѣнить разнозвучные и дикіе языки стольких народовъ однимъ языкомъ, дать людямъ возможность вступать въ сношенія другъ съ другомъ и сообщить имъ человѣчность, однимъ словомъ, - сдѣлаться общей родиной всѣхъ народовъ на всемъ земномъ шарѣ". "Люди оставили желѣзные доспѣхи для праздничныхъ одѣяній, ваши провинціи полны богатыхъ городовъ, составляющихъ украшеніе имперіи, блещущихъ какъ драгоцѣнныя ожерелья богатой женщины. Вся земля нынѣ точно огромный садъ" утверждаетъ два поколѣнія спустя греческій риторъ Аристидъ [ок. 150 г.] въ рѣчи, обращенной къ римлянамъ (*de Roma*) "Вотъ двѣсти лѣтъ", вторитъ ему его современникъ Аппіанъ, "что имперія существуетъ; за это время городъ (Римъ) сталъ изумительно красивъ, госу-

дарственные доходы возрасли и благодаря постоянному миру народы достигли апогея счастья".

Можно было бы предположить, что всѣ эти восторженные отзывы представляютъ изъ себя сознательную лесть по адресу императоровъ. Но многочисленныя латинскія и греческія надписи подтверждаютъ ихъ слишкомъ явно, чтобы возможно было сомнѣваться въ относительномъ благосостояніи имперіи Да и независимо отъ этого цѣлый рядъ монументальныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ въ болѣе или менѣе исправномъ видѣ, свидѣтельствуетъ о томъ же: таковы многочисленныя шоссейныя дороги, удивительная прочность которыхъ до настоящаго времени возбуждаетъ вниманіе спеціалистовъ, таковы особенно многочисленныя постройки, возведенныя въ римскихъ муниципіяхъ какъ на общественный счетъ, такъ и на частныя средства. Ихъ богатство, красота и многочисленность лучше всего доказываютъ цвѣтущее состояніе имперіи въ первые вѣка нашей эры.

Но еще важнѣе другой фактъ: это - сравнительно поразительно быстрая романизація Запада и значительной части Балканскаго полуострова, явленіе, наложившее свою печать на всю дальнѣйшую судьбу западной Европы. Моммзенъ какъ то замѣчаетъ, что если бы Цезарь и Августъ не остановили германскаго движенія на западъ, если бы римское государство погибло подъ ихъ напоромъ, то "наша цивилизація едва ли стояла бы въ болѣе тѣсной внутренней связи съ греко-римской чѣмъ съ индійской или ассирійской культурой". [Rom. Gesch. 3, 300-301]. Иначе говоря, сдѣлалось бы невозможнымъ то богатое и быстрое развитіе романо-германскихъ народовъ, которое мы наблюдаемъ въ средніе вѣка и

новое время, такъ какъ имъ пришлось бы начинать, такъ сказать, свое культурное развитіе сначала. Наслѣдіе античной культуры, огромное вліяніе которой на европейскую жизнь извѣстно хотя бы изъ исторіи гуманизма, пропало бы для дальнѣйшаго развитія Европы

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, мы, такимъ образомъ, должны признать, что вліяніе имперіи на благосостояніе и культурное развитіе провинцій было очень велико. Чѣмъ же объясняется быстрый расцвѣтъ имперіи въ первые два вѣка нашей эры, чѣмъ, съ другой стороны, не менѣе быстрый упадокъ ея въ послѣдующее время?

П р и ч и н ы п р о ц в ѣ т а н і я и м п е р і и.

I. Обезпеченіе мира, внѣшняго и внутренняго. На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить то обезпеченіе внѣшняго и внутренняго мира, о которомъ говоритъ Петилій Церіалисъ у Тацита. Со времени удачныхъ войнъ Августа, покоренія испанскихъ и альпійскихъ племенъ съ одной, обезпеченія рейнской и дунайской границы съ другой стороны, границы имперіи были относительно обезпечены отъ опасныхъ нашествій. Сосѣдями и врагами имперіи были какъ рядъ болѣе или менѣе некультурныхъ племенъ (Пикты и Скотты въ Шотландіи, Германцы по Рейну и верхнему Дунаю, Даки на нижнемъ Дунаѣ, Арабы въ Сиріи, Берберы и другіе африканскіе племена въ сѣверной Африкѣ и Египтѣ) такъ и одно культурное государство. Несмотря на то, что послѣднее - пареянское царство-признавалось наслѣдственнымъ врагомъ римлянъ, пареянскіе набѣги были менѣе опасны для культуры данной мѣстности, чѣмъ набѣги варваровъ. Пареяне, какъ всякій культурный

народъ, ведутъ войны, всегда болѣе или менѣе рѣдкія, и въ худшемъ случаѣ пароянское нашествіе можетъ привести къ временному раззоренію страны и къ ея завоеванію, но не къ массовому переселенію ихъ въ предѣлы завоеванной области. Варварскія нашествія, со спеціально военной точки зрѣнія, менѣе опасныя потому, что въ нихъ нѣтъ широкой организаціи, въ случаѣ побѣды враговъ наоборотъ приводятъ къ переселенію варваровъ, а слѣдовательно и къ пониженію культурнаго уровня завоеванной страны, какъ это и случилось въ IУ, У и слѣдующихъ вѣкахъ. Опасенія относительно германцевъ, которыя мы встрѣчаемъ, напр., у Тацита, имѣютъ такимъ образомъ вѣское основаніе и независимо отъ того быстраго увеличенія народонаселенія, которое свойственно народамъ на той ступени развитія на которой находились германцы, и которое давало варварамъ возможность быстро пополнять свои ряды даже послѣ самыхъ кровопролитныхъ пораженій. Римскіе писатели неоднократно говорятъ о полномъ истребленіи того или иного племени, которое затѣмъ снова появляется у позднѣйшихъ писателей.

Опасность, угрожавшая Риму отъ внѣшнихъ враговъ, такимъ образомъ заключалась не въ войнахъ съ Пароянами. Не они и не ихъ преемники Сассаниды, а Германцы, Славяне, Берберы и Арабы сдѣлались наслѣдниками Рима. Но это случилось, какъ извѣстно, гораздо позже и объясняется не столько усиленіемъ варваровъ, сколько преимущественно внутреннимъ упадкомъ имперіи. Въ I же и во II вв. имперія была въ цвѣтущемъ состояніи, а враги ея въ свою очередь слабѣе, чѣмъ начиная съ III вѣка. Такъ пароянское царство (см. v. Gutschmid: „Geschichte Irans unter den Arsakiden).

въ это время находилось въ состоянiи полнаго разложенiя и тогда какъ римскiе легiоны три раза проникали до столицы пароянъ (при Неронѣ, при Траянѣ, при Септимiи Северѣ), пароянe только разъ воспользовались внутренними смутами въ имперiи (послѣ смерти Нерона), чтобы завладѣть Сирiой и нѣкоторыми другими провинцiями. Вдобавокъ они скоро принуждены были отказаться отъ своихъ завоеванiй.-

Набѣги германцевъ, въ свою очередь, за первые 200 лѣтъ имперiи также неопасны, такъ какъ германскiе племена въ общемъ слишкомъ мелки и разрознены, чтобы вести успѣшно борьбу съ 8 прирейнскими и 5-6 придунайскими легiонами (съ вспомогательными войсками около 80.000 или около 50-60.000 человѣкъ).

Дѣло, какъ мы еще увидимъ мѣняется лишь къ началу III вѣка. Въ 226 году царство Пароянъ смѣняется царствомъ гораздо болѣе грозныхъ враговъ Сассанидовъ и въ 259 году первый римскiй императоръ Валерiанъ попадается въ плѣнъ. Въ то же самое время среди Германцевъ начинаютъ складываться болѣе крупныя племенныя соединенiя Алемановъ,Франковъ Саксовъ и появляются на сценѣ Готы и другiя крупныя восточно-германскiя племена.

Въ теченiе двухсотъ лѣтъ имперiя во всякомъ случаѣ была вполнѣ въ состоянiи не только обезпечить спокойствiе на границахъ, но даже расширять свои предѣлы (завоеванiе Британнiи при Клавдiи и Домицiанѣ, завоеванiе Дакiи при Траянѣ).

Но имперiя обезпечиваетъ въ это время спокойствiе не только границъ. она въ общемъ устраняетъ и внутреннiя сму-

ты. Вѣкъ безпрестанныхъ гражданскихъ войнъ, революціи и анархіи отъ Тиберія Гракха [134 г.] до Августа кончается битвой при Акціумѣ [31 г. до Р.Х.]. Начиная съ этого времени и до смерти Коммода [192 г. по Р.Х.] внутреннее спокойствіе серьезно нарушается только до и послѣ смерти Нерона [войны 68 и слѣд. г.] и пожалуй еще въ первые годы управленія Марка Аврелія Философа [возстаніе намѣстника Сиріи Авидія Кассія въ 160 -хъ годахъ]. Всѣ остальные перевороты не имѣютъ обще-имперскаго значенія, носятъ дворцовый характеръ и сравнительно мало затрагиваютъ интересы провинціаловъ. Независимо отъ этого въ предѣлахъ имперіи прекращаются и тѣ войны, между соседними племенами и городами которыя такъ часто разоряли еще непокоренныя римлянами страны.

Положеніе дѣлъ мѣняется и тутъ къ концу II, къ началу III вѣка. Послѣ убійства Коммода начинается цѣлый рядъ военныхъ возстаній и внутреннихъ войнъ, наполняющихъ весь третій вѣкъ, эпоху военнаго деспотизма и анархіи. Въ то же время проявляются первые признаки разложенія государственнаго единства: около половины III вѣка большинство крупныхъ провинцій имѣютъ своихъ императоровъ, вступающихъ другъ съ другомъ въ ожесточенную борьбу и втягивающихъ даже самихъ варваровъ во внутреннія несогласія имперіи. Въ этой формѣ такимъ образомъ возрождается и старая непріязнь между отдѣльными областями.

Но всѣ эти измѣненія къ худшему, о значеніи которыхъ рѣчь впереди, относятся къ III вѣку и вовсе не касаются двухъ первыхъ вѣковъ нашей эры, рѣзко отличающихся въ этомъ отношеніи какъ отъ послѣднихъ временъ республики, такъ и отъ

болѣе позднихъ временъ имперіи.

Въ теченіе двухсотъ лѣтъ миръ въ имперіи обезпеченъ и нечего распространяться, насколько это должно было содѣйствовать процвѣтанію провинцій, освобожденныхъ какъ отъ вражескаго раззоренія, такъ и отъ огромныхъ контрибуцій римскихъ полководцевъ и узурпаторовъ.

II. Коренное измѣненіе въ отношеніяхъ правительства къ провинціямъ.

Положеніе провинцій въ эпоху республики было самое незавидное. на нихъ смотрѣли какъ на "помѣстія римскаго народа" (*praedia populi romani*).

"Тяжело признаться, Квириты", говоритъ Цицеронъ къ римлянамъ (*pro lege Manilia* 22), "какъ насъ ненавидятъ другіе народы за несправедливость и распущенность тѣхъ, которыхъ мы посылаемъ къ нимъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ качествѣ правителей. Назовите мнѣ въ тѣхъ странахъ хоть одну святыню, хоть одинъ городъ, хоть одинъ домъ, которые бы оказались священными для нашихъ магистратовъ. Гдѣ былыя богатства обнищавшихъ нынѣ городовъ? Нечего ихъ искать, разъ вы видите въ Аѳины и Пергамъ, Кизикъ и Милетъ, Хіосъ и Самосъ, всю Азію, Ахайю, Грецію и Сицилію цѣликомъ въ тѣхъ виллахъ, которыя красуются среди нашихъ полей". Жестокость и вымогательства намѣстниковъ, торопившихся въ одинъ два года награбить себѣ состояніе - вспомнимъ, что званіе намѣстника Испаніи дало возможность Цезарю не только уплатить свои колоссальные долги (около 60.000.000 сестерціевъ), но и продолжать свою безумно роскошную жизнь - вдобавокъ дополнялись безззастѣнчивыми грабежеми публикановъ

и раззорительною дѣятельностью римскихъ капиталистовъ и банкировъ. Что касается первыхъ, то извѣстно, что большая часть государственныхъ доходовъ Рима не взымалась непосредственно государственными чиновниками, а отдавалась въ откупъ частнымъ лицамъ, организованнымъ въ большія и вліятельныя товарищества (societates publicanorum). Откупщики уплачивали государству опредѣленную круглую сумму и затѣмъ, разумѣется, стремились вознаградить себя насчетъ провинціаловъ. "Чтобы удовлетворить публикановъ, не раззоряя союзниковъ, нужно быть божествомъ", признается Цицеронъ брату своему Квинту (ad Quint fr. 1,1,11). А если провинціальные города не могли уплатить намѣстнику или публиканамъ требуемую сумму, на сцену выступали римскіе капиталисты, дававшіе имъ ссуды подъ огромные проценты: знаменитый убійца Цезаря М.Юній Брутъ, бралъ, напримѣръ, съ города Саламиса на Кипрѣ 48% и когда городъ оказался несостоятельнымъ, окружилъ городской сенатъ вооруженнымъ отрядомъ и морилъ его голодомъ, чтобы добиться расплаты, такъ что нѣсколько человѣкъ умерло отъ голода (см. объ этомъ Cic. ad Att., 5,21 и 6,1). Такъ каппадокійскій царь Аріобарзанъ ежемѣсячно долженъ былъ платить Помпею по 33 таланта (около 66.000 руб.). "Нѣтъ болѣе бѣднаго царя, ни болѣе раззореннаго царства", замѣчаетъ по этому поводу Цицеронъ (ad Att. 6,1). И такихъ данныхъ можно было бы собрать сколько угодно.

Если, наконецъ, провинціалы думали жаловаться, то имъ приходилось обращаться къ судамъ, составленнымъ изъ тѣхъ же лицъ, которые ихъ грабили. Насколько неудовлетворительно въ республикѣ было отправленіе правосудія доказываетъ

извѣстный случай съ консуломъ 92 г. П.Рутиліемъ, случай надѣлавшій огромнаго шума, но нисколько не улучшившій положенія провинціаловъ. Отбывъ свой консулатъ, П.Рутилій отправился въ качествѣ проконсула въ провинцію Азію, гдѣ отличался заботливостью объ интересахъ провинціаловъ и необыкновенно строгимъ надзоромъ надъ публиканами. Изъ мести они добились доноса на него, въ которомъ онъ обвинялся въ возмутительныхъ вымогательствахъ: его судьи принадлежали къ сословію всадниковъ, къ которымъ принадлежали всѣ публиканы и вслѣдствіе этого онъ былъ осужденъ на изгнаніе. Характерно, что онъ удалился именно въ ту провинцію, которую будто бы грабилъ и былъ торжественно принятъ населеніемъ. "Защита законовъ была слишкомъ слаба", признается, какъ мы видѣли, самъ Тацитъ.

Съ паденіемъ республики и созданіемъ принципата положеніе провинцій быстро и рѣзко улучшается. Весьма естественно, что принцепсъ, въ интересахъ своей власти и своего бюджета не могъ допустить ни распущеннаго своеволія и жестокости, ни вымогательствъ намѣстниковъ и что онъ далѣе долженъ былъ подвергнуть возможно болѣе строгому надзору и публикановъ, которыхъ онъ вдобавокъ съ теченіемъ времени старается замѣнить сборщиками податей, состоящими на государственной службѣ.

Наряду съ верховнымъ надзоромъ принцепса въ этомъ смыслѣ пріобрѣтаютъ значеніе и областные съѣзды, если и не созданные, то реорганизованные въ эпоху имперіи. Это насъ приводитъ къ вопросу объ организаціи управленія въ императорскую эпоху.

Римская имперія первыхъ временъ на подобіе республики уп-

равляетъ мало, а въ общемъ, довольствуется верховнымъ надзоромъ.

Въ основаніи провинціальнаго управленія лежитъ раздѣленіе территоріи данной провинціи на округа, во главѣ каждаго изъ которыхъ стоитъ самоуправляющаяся городская община [civitas]. Такъ, напримѣръ, Галлія, завоеванная Цезаремъ, содержала отъ 300 до 400 обособленныхъ племенъ, которыя при Августѣ были раздѣлены на три провинціи (Aquitania до Луары, Lugdunensis между Луарой, Сеной и Соной, Belgica отъ Сены и Соны до Рейна), въ свою очередь распадавшіяся на 60 civitates, въ составъ каждой изъ которыхъ вошло большее или меньшее количество галльскихъ племенъ. Такъ какъ при этомъ дѣленіи и распредѣленіи не принимались въ разсчетъ этнографическія и другія кровныя связи |такъ въ составъ Аквитаніи вошли не только иберскія, но и кельтскія племена, въ составъ Ліонской провинціи кромѣ кельтскихъ два бельгійскихъ, въ составъ Бельгійской кромѣ бельгійскихъ три кельтскія|, то такое распредѣленіе помимо созданія новыхъ административныхъ центровъ приводило къ разложенію старыхъ племенныхъ соединеній и тѣмъ самымъ къ усиленію римскаго вліянія.

Каждая civitas охватываетъ не только городъ, но и всю его территорію и на подобіе греческихъ и римскихъ государствъ управляется исключительно городскими властями. По своему юридическому положенію среди civitates слѣдуетъ отличать нѣсколько группъ. Въ наиболѣе привиллегированныхъ условіяхъ находятся города, не подчиненные намѣстнику данной провинціи. Это вопервыхъ, civitates foederatae, liberae et immunes,

(свободные и неподчиненные податямъ города). Ихъ положеніе опредѣляется международнымъ договоромъ (*foedus*) между ними и Римомъ: они имѣютъ свою монету, свой судъ (по гражданскимъ дѣламъ даже надъ римскими гражданами) и не подчинены римскимъ податямъ и налогамъ. Ихъ обязанности по отношенію къ Риму теоретически ограничиваются тѣмъ, что они должны *maiestatem populi Romani comiter conservare*, т.е. не должны нарушать общеимперскіе интересы. На практикѣ римское правительство оказывало, разумѣется, серіозное вліяніе и на ихъ внутреннюю жизнь, поддерживая всюду вліяніе аристократіи (*Cic. ad Quint fr.* I, I, 8, 25: *ut civitates optimatum consilus administrentur*).

Вторую группу привиллегированныхъ городовъ образуютъ *civitates sine foedere liberae ac immunes*, которые отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что ихъ положеніе не гарантировано международнымъ договоромъ, а покоится на одностороннемъ актѣ того римскаго магистрата, который организовалъ провинцію или позднѣе даровалъ имъ привиллегіи. И тѣ и другіе представляютъ болѣе или менѣе рѣдкое исключеніе: къ нимъ принадлежатъ, напримѣръ, такіе города, какъ Неаполь, Аѳины, Спарта и т.д. Гораздо болѣе значительно число тѣхъ *civitates*, которыя подчинены контролю намѣстника и римскимъ налогамъ и податямъ (*civitates stipendiariae*). Но и онѣ пользуются широкимъ самоуправленіемъ уже потому, что при незначительномъ числѣ провинцій и намѣстниковъ надзоръ послѣднихъ фактически почти всегда исчерпывается наблюденіемъ за общимъ ходомъ дѣлъ и вмѣшательствомъ въ исключительныхъ случаяхъ. Стоитъ вспомнить, что территорія современной Франціи управлялась че-

тырьмя намѣстниками, тогда какъ теперь во главѣ ея стоитъ болѣе 80 префектовъ, чтобы убѣдиться что о постоянномъ вмѣшательствѣ и рѣчи быть не могло. Самоуправленіе городовъ по необходимости играетъ въ виду этого очень большую роль.

Мы уже видѣли, что не только городъ, но и вся окружающая область, управляются исключительно городскими властями. Но въ чьихъ рукахъ находится это управленіе? Полнаго единообразія, особенно въ началѣ, въ этомъ отношеніи не было, но такъ какъ внутренній строй римскихъ муниципій съ теченіемъ времени распространился почти на всѣ города, то мы можемъ его положить въ основаніе характеристики городского самоуправленія имперіи.

Во главѣ города первоначально стоитъ народное собраніе, состоящее изъ всѣхъ гражданъ (cives) даннаго города и его территоріи: граждане другихъ городовъ, пребывающіе въ данномъ городѣ по дѣламъ или другимъ причинамъ (incolae - обыватели) не имѣютъ права голоса. Народное собраніе, какъ въ Римѣ, избираетъ магистратовъ и законодательствуетъ, т.е. издаетъ общеобязательныя для данной мѣстности постановленія.

Управленіе въ собственномъ смыслѣ (опять также какъ въ Римѣ) находится въ рукахъ магистратовъ и городского сената. Магистратовъ чаще всего четыре: два duumviri iure dicundo и два duumviri aediles. Первые соотвѣтствуютъ римскимъ консуламъ, вторые - эдиламъ. Они предсѣдательствуютъ въ созванномъ ими же народномъ собраніи и сенатѣ, имѣютъ юрисдикцію по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ и завѣдуютъ всѣмъ городскимъ управленіемъ, со-

гласно инструкціямъ народнаго собранія и сената. Финансовыя дѣла города - подряды, откупъ городскихъ доходовъ, составленіе бюджета, также какъ и составленіе списка городскихъ сенаторовъ предоставляются, однако, не имъ, а особымъ *duumviri quinquennales*, которые, также какъ римскіе ценцоры, избираются каждые пять лѣтъ (отсюда терминъ *quinquennales*) и имѣютъ въ общемъ тѣ же функціи, какъ послѣдніе. И обыкновенные *duumviri* и *duumviri quinquennales* обязательно совѣщаются по всѣмъ болѣе важнымъ дѣламъ съ сенатомъ (*curia*), составляющимся изъ бывшихъ магистратовъ и изъ лицъ "причисленныхъ" (*adlecti*) по постановленію куріи и обладающихъ опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ. Члены сената вносятся въ особый списокъ, *album, album decurionum* (*decurio* отъ *curia*). Курія или сенатъ имѣетъ теоретически совѣщательное, практически обыкновенно рѣшающее вліяніе на ходъ дѣла.

Народное собраніе, сенатъ и магистраты вмѣстѣ взятые рѣшаютъ всѣ городскія дѣла - среди коихъ финансовыя и судебныя особенно важны - распредѣляютъ и взимаютъ государственныя подати и налоги, собираютъ рекрутовъ и, повидимому, имѣютъ даже право созывать ополченіе. Ясно, такимъ образомъ, что римская имперія, устранивъ республиканскій строй въ самомъ Римѣ (если не въ теоріи то на практикѣ), не только не коснулась городского самоуправленія, но даже покровительствовала ему, покуда города еще фактически были въ состояніи обойтись безъ ея постояннаго вмѣшательства. Вмѣшательство власти въ городскія дѣла, подчиненіе ихъ болѣе строгому надзору и контролю объясняется не враждой

римскаго абсолютизма къ самоуправленію, а внутреннимъ упадкомъ этого послѣдняго. Ближайшей причиной его почти всюду является разстройство городскихъ финансовъ.

Широкое развитіе самоуправленія было необходимо и неизбѣжно уже потому, что власть не располагала такимъ сложнымъ бюрократическимъ механизмомъ, который могъ бы ей дать возможность обойтись безъ мѣстныхъ силъ и вступать въ непосредственныя отношенія съ отдѣльнымъ гражданиномъ. Самымъ важнымъ и характернымъ фактомъ внутренняго развитія имперіи за первые четыре вѣка нашей эры съ этой точки зрѣнія нельзя не признать постепенное развитіе имперской бюрократіи и постепенный же упадокъ городского и мѣстнаго самоуправленія вообще. Третій вѣкъ и въ этомъ отношеніи представляетъ критическій моментъ въ исторіи имперіи.

Еще любопытнѣе, однако, чѣмъ богатое развитіе городского самоуправленія, - развитіе нѣкотораго подобія областного самоуправленія, всецѣло созданнаго императорами и очень характернаго для ихъ политики. Оно связано съ культомъ императоровъ и встрѣчается во всѣхъ провинціяхъ, но мы познакомимся съ нимъ на примѣрѣ Галліи (см. Guiraud, les assemblées provinciales dans l'empire romain).

Культъ императоровъ для современнаго человѣка является наиболѣе страннымъ явленіемъ въ общественной жизни древняго міра (см. о немъ Boissier, la religion romaine

Литографія Богданова. Эртелевъ пер. д. I-I2.
Директоръ [signature]

d'Auguste aux Antonins, русск. пер.; Réville, la religion à Rome sous les Sévères; Friedländer, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms von Augustus bis zu den Antoninen).

Долгое время въ немъ усматривали наиболѣе явный признакъ глубокаго нравственнаго упадка населенія имперіи и объясняли его исключительно грубою лестью. Болѣе близкое знакомство съ религіозными взглядами древняго міра, малокультурныхъ и первобытныхъ народовъ заставило, однако, ученыхъ отказаться отъ этого поверхностнаго взгляда.

Въ самомъ дѣлѣ, римляне, какъ большинство народовъ на низкихъ ступеняхъ религіознаго развитія (для введенія въ исторію религій см. М е н з и с ъ "Исторія религій"), соединяли вѣру въ посмертную жизнь души съ культомъ предковъ. Какъ среди живыхъ людей, такъ, разумѣется, и среди умершихъ предковъ, при этомъ различаются болѣе и менѣе могущественные. Первые пользуются исключительно семейнымъ или родовымъ культомъ (см. Cic. de leg. 2,9: suos leto datos divos habento), вторымъ поклоняется цѣлое племя, цѣлый народъ и они мало чѣмъ отличаются отъ божествъ или прямо присоединяются къ нимъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ лицо, производящее большое впечатлѣніе на фантазію населенія уже при жизни признается божественнымъ: вѣдь послѣ смерти оно во всякомъ случаѣ будетъ почитаться какъ божество. Согласно высокому и дѣйствующему на воображеніе положенію царей на Востокѣ (греческіе и римскіе цари не могли сравняться въ этомъ отношеніи съ египетскими или ассирійскими), мы здѣсь уже рано встрѣчаемся съ ихъ обоготвореніемъ. Въ египетскихъ надпи-

сяхъ они не только называются дѣтьми боговъ, но и сами называютъ себя богами: "я богъ милостивый и богъ великій", говорятъ фараоны, обращаясь къ населенію. Весьма понятно, что Птоломеи и Селевкиды, замѣнивъ прежнія восточныя династіи, усваиваютъ и этотъ взглядъ на царя. Но уже раньше эпохи діадоховъ мы встрѣчаемъ и среди грековъ обожествленіе, напримѣръ, Лизандра, имя котораго взятіе Аѳинъ (въ 404 г.) окружило особенною славой. Съ внесеніемъ культа греческихъ царей съ востока въ самую Грецію, обожествленіе даннаго властителя становится все болѣе обычнымъ. Обожествляется въ сущности обыкновенно данное лицо не какъ таковое, а какъ носитель и представитель благодѣтельной, но въ то же время и страшной государственной власти. Вотъ почему мы очень рано встрѣчаемъ не только поклоненіе генію города Рима (въ Смирнѣ уже въ 195 г. появляется *ara Romae*), но и поклоненіе проконсуламъ, какъ представителямъ Рима: такого культа удостоился не только знаменитый побѣдитель Филиппа Македонскаго и освободитель грековъ Т.Квинцій Фламининъ, но и заурядный проконсулъ и даже грабитель вродѣ Верреса. Ясно, что отсюда только одинъ шагъ до обожествленія императоровъ, какъ верховныхъ представителей римской имперіи: уже въ 29 году - два года спустя послѣ битвы при Акціумѣ, - малоазіатскія провинціалы обратились къ Августу, тогда еще Цезарю, съ просьбой о разрѣшеніи воздвигнуть "алтарь въ честь города Рима и Цезаря". Послѣдовало разрѣшеніе воздвигнуть алтари въ четырехъ крупныхъ городахъ, въ Эфесѣ, Никеѣ, Пергамѣ и Никомедіи. Въ 26 г. такой же алтарь былъ воздвигнутъ въ Ни-

паніи (въ Тарраконѣ), въ 12 г. въ Галліи для трехъ новыхъ галльскихъ провинцій (*ara Romae et Augusti ad confluentes Araris et Rhodani* въ Ліонѣ), въ 10 г. въ Нарбоннѣ для старой галльской провинціи (*Gallia Narbonnensis*) и т.д.

"Что же касается Рима и Италіи", говоритъ историкъ и сенаторъ III в. Діонъ Кассій, "то никто никогда не осмѣливался воздвигать тамъ такіе памятники, хотя и тамъ воздавались почести и воздвигались алтари въ честь тѣхъ у м е р ш и х ъ императоровъ, которые хорошо пользовались своею властью". Изъ словъ Діона можно было бы заключить, что населеніе самого Рима и Италіи не сочувствовало культу императоровъ и усматривало въ немъ оскорбленіе своихъ вѣрованій, но такое заключеніе было бы неправильно. Диктаторъ Цезарь, говоритъ Светоній (*div. Jul.* 88) "былъ присоединенъ къ числу боговъ не только на словахъ тѣми, которые сдѣлали это постановленіе (т.е.сенатомъ), но и согласно убѣжденію народа. Такъ что, когда во время первыхъ игръ, которыя Августъ давалъ послѣ его апоѳеоза въ его честь, въ теченіе семи дней съ II часовъ на небѣ сверкала комета, то были убѣждены, что это душа Цезаря, принятаго на небеса". Согласно съ этимъ мы видимъ, какъ популярнѣйшіе писатели послѣдующаго времени, Горацій и Виргилій, Овидій и Проперцій, постоянно называютъ Августа не только сыномъ божества, но и прямо божествомъ. Въ словахъ Діона такимъ образомъ, отражается несочувствіе сенаторовъ къ императорамъ, о степени божественности которыхъ они лучше всего могли судить. А фактъ отсутствія оффиціальнаго культа живыхъ императоровъ въ Римѣ и Италіи объясняется.

по всему вѣроятію, именно уступкой, сдѣланной Августомъ настроенію сената.

Въ общемъ, такимъ образомъ, слѣдуетъ различать культъ умершихъ императоровъ, признанныхъ сенатомъ божествами (*divi*), въ Римѣ и Италіи и культъ Рима и даннаго царствующаго императора въ провинціяхъ.

Для послѣдняго соединяются провинціалы одной или нѣсколькихъ смежныхъ провинцій, воздвигаютъ алтарь, избираютъ жреца при немъ, обсуждаютъ и рѣшаютъ денежные вопросы, связанные съ новымъ культомъ, т.е. съ сохраненіемъ алтаря, устройствомъ игръ, жертвоприношеніями и т.д. Таковъ первоначальный смыслъ тѣхъ *consilia provinciarum* на которыя каждая изъ *civitates* данной области посылаютъ депутатовъ: такъ въ *consilium trium Galliarum* т.е. Аквитанской, Ліонской и Бельгійской Галліи принимаютъ участіе депутаты всѣхъ 60-64 *civitates*, на которыя распадались эти три провинціи.

Первоначально чисто религіозныя собранія, эти ежегодно собиравшіяся *consilia* неизвѣстно когда, но несомнѣнно очень рано получили два существенныхъ права, создававшихъ изъ нихъ новое контрольное учрежденіе по отношенію къ намѣстникамъ, а именно, право обращаться непосредственно къ императорамъ съ разнаго рода петиціями и право выражать намѣстникамъ, по окончаніи срока ихъ пребыванія въ данной области, но не позже 60 дней послѣ ихъ выѣзда изъ провинціи, похвалу или порицаніе.

Насколько важно было это право, можно заключить изъ рѣчи извѣстнаго сенатора и бывшаго консула Ѳразеи Пета въ эпоху Нерона, которая приводится у Тацита (*Ann.* 15,20)

и вѣроятно заимствована имъ изъ біографіи Пета, составленной его ученикомъ и зятемъ, Гельвидіемъ Прискомъ (казненъ при Веспасіанѣ). "Опытъ доказываетъ", говоритъ здѣсь Петъ, "что превосходные законы и частныя правила возникли среди достойныхъ людей вслѣдствіе проступковъ дурныхъ. Такъ, распущенность ораторовъ породила законъ Цинтія, интриги кандидатовъ при выборахъ - законъ Юлія (*lex Julia de ambitu*), жадность должностныхъ лицъ - законъ Кальпурнія. Вина предшествуетъ наказанію; улучшеніе слѣдуетъ за злоупотребленіемъ. Такъ примемъ же и мы мѣры противъ новой заносчивости провинціи, мѣры, достойныя твердости и великодушія римлянъ, которыя не уменьшили бы покровительства, оказываемаго союзникамъ (т.е. провинціаламъ), но позволили бы намъ самимъ рѣшать, кто чего достоинъ, и основываться при этомъ только на общественномъ мнѣніи Римлянъ, (а не отзывахъ провинціальныхъ собраній). Прежде посылались не только консулы и преторы, но даже частные люди, чтобы ревизовать провинціи и узнать, кто намъ преданъ и насколько, и народы трепетали передъ мнѣніемъ одного человѣка. А теперь мы сами умоляемъ иноземцевъ и кланяемся имъ (чтобы избавиться отъ порицанія). Любому изъ нихъ стоитъ кивнуть и мы тотчасъ готовы награждать, а еще чаще наказывать (кого онъ пожелаетъ). Пусть будетъ такъ: оставимъ провинціаламъ право доказывать такимъ путемъ свою силу, но изгонимъ навсегда эти ложныя похвалы, результатъ униженныхъ просьбъ: давайте наказывать за нихъ какъ за несправедливость, какъ за жестокость. Мы виноваты гораздо больше въ угодливости, чѣмъ въ желаніи вредить. Есть и добродѣтели, которыя люди ненавидятъ, - упорная строгость и непреклон-

ная твердость духа. Вотъ почему наши магистраты всегда лучше начинаютъ, нежели кончаютъ (свою дѣятельность по управленію провинцій): они принуждены вербовать голоса точно кандидаты (передъ выборами). Устранимъ это зло и управленіе провинціями сдѣлается справедливымъ и твердымъ. Законъ, повелѣвающій вернуть то, что нажито неправдой, сдержитъ корыстолюбіе; уничтоженіе публичныхъ благодарностей сдержитъ интриги честолюбцевъ". Иначе говоря, зависимость намѣстниковъ отъ настроенія ихъ провинцій настолько значительна, ихъ дальнѣйшая карьера настолько зависитъ отъ отношенія къ нимъ провинцій, что они измѣняютъ своему долгу, чтобы угодить вліятельнымъ провинціаламъ. Сенатъ согласился со мнѣніемъ Пета и было постановлено, "чтобы никто не предлагалъ въ собраніи союзниковъ выразить пропреторамъ или проконсуламъ благодарность въ сенатѣ и чтобы никто не бралъ на себя такого посольства". Неронъ уступилъ желанію сената, но впослѣдствіи отнятое у провинціальныхъ собраній право было имъ возвращено, какъ видно изъ Плинія Младшаго (около 100 г.), который въ отличіе отъ Оразеи подчеркиваетъ благодѣтельную сторону этого порядка. (Paneg. 70. Cp. Lampr. v. Alex. Sev. 12). Цѣлый рядъ подобнаго рода постановленій, дошедшихъ до насъ въ видѣ надписей доказываютъ, что провинціалы охотно пользовались своимъ правомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что и здѣсь были возможны всякаго рода злоупотребленія - давленіе преемника даннаго намѣстника на провинціальное собраніе, подавляющее вліяніе какихъ нибудь провинціальныхъ магнатовъ на рѣшеніе (такъ критянинъ Клавдій Тимархъ кичился тѣмъ, что

"отъ него зависитъ, будетъ ли выражена благодарность проконсуламъ Крита", см. Tac. Ann. 15,20) - самое право собранія высказываться относительно управленія даннаго намѣстника и въ случаѣ надобности преслѣдовать его передъ судомъ сената, представляло въ высшей степени важное нововведеніе для обузданія намѣстниковъ.

Вмѣстѣ съ непосредственнымъ контролемъ императора, оно поставило провинціи въ совершенно иное положеніе. Онѣ перестали быть только расхищаемыми помѣстьями римскаго народа и получили возможность оказывать серьезное давленіе на ходъ управленія (Ср. списокъ процессовъ намѣстниковъ у Guiraud стр. 172 и слѣд.).

Независимо отъ этого городское и областное самоуправленіе имѣетъ, впрочемъ, еще большое значеніе въ процессѣ романизаціи, но объ этомъ рѣчь впереди.

III. Забота о путяхъ сообщенія.

Послѣднія времена республики отличаются между прочимъ полнымъ упадкомъ безопасности на дорогахъ и особенно на моряхъ. Извѣстно, какія огромныя усилія нужны были для истребленія морского разбоя Помпеемъ, но послѣ его необыкновенно быстраго и удачнаго похода противъ нихъ морскіе разбои вскорѣ (особенно во время гражданскихъ войнъ) снова развились въ устрашающей степени и значеніе его сына С. Помпея, соперника Антонія, Октавія и Лепида, главнымъ образомъ покоилось на томъ, что онъ превратилъ Сицилію въ центръ всѣхъ морскихъ разбойниковъ бассейна Средиземнаго моря. Съ побѣдой Октавіана надъ нимъ и съ прекращеніемъ гражданскихъ войнъ безопасность снова была возстановлена

и два флота (въ Мизенумѣ около Неаполя и въ Равеннѣ) должны были поддерживать спокойствіе на морѣ, что имъ въ теченіе 200 лѣтъ повидимому и удавалось. Морская торговля, наиболѣе важная въ бассейнѣ Средиземнаго моря, быстро развилась и пріобрѣла еще большее значеніе, чѣмъ прежде. Въ этомъ смыслѣ очень характеренъ одинъ фактъ, разсказываемый Светоніемъ о послѣднихъ дняхъ жизни Августа. "Когда онъ однажды объѣзжалъ Путеоланскій заливъ (около Неаполя), къ нему вышли навстрѣчу купцы и матросы съ александрійскаго корабля, который только что присталъ къ берегу, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками и благовоніями и расточали ему добрыя пожеланія и величайшую хвалу; ему они обязаны жизнью, ему возможностью плавать по морю, пользоваться жизнью и свободой" (*Suet. div. Aug.* 98). Въ этихъ словахъ въ сущности нѣтъ ничего преувеличеннаго: установленіе имперіи и въ этомъ отношеніи было благодѣяніемъ для провинцій и развалины виллъ богатыхъ антіохійскихъ купцовъ, тянущіяся верстами по берегамъ Оронта, доказываютъ блестящій подъемъ морской торговли въ эпоху имперіи.

Но имперія не ограничилась заботами о морской торговлѣ. Громадная сѣть шоссейныхъ дорогъ, соединявшихъ Англію съ Египтомъ и Испанію съ Сиріей, значительная часть которыхъ построена именно въ эпоху имперіи оказывало не меньшее вліяніе на сухопутную торговлю. Значительная часть этихъ дорогъ по первоначальному замыслу, по всему вѣроятію, имѣла стратегическое значеніе, но наряду съ войсками ими пользовалась въ широкихъ размѣрахъ и торговля, въ общемъ обезпеченная и тутъ отъ грабежей и разбоевъ.

Отсутствіе статистическихъ данныхъ и здѣсь не позволяетъ

намъ точнѣе опредѣлить ростъ торговыхъ оборотовъ. Но измѣненіе внѣшнихъ условій, по сравненію съ послѣдними временами республики, настолько значительно, что мы и независимо отъ общихъ указаній источниковъ имѣемъ право предположить огромный ростъ какъ морской, такъ и сухопутной торговли, постепенно проникавшей до Индіи и даже до Китая съ одной, до центральной Африки и внутренней Германіи съ другой стороны.

IV. Распространеніе римской культуры среди варварскихъ народовъ. Романизація.

I. Наряду съ указанными внѣшними условіями, способствовавшими процвѣтанію имперіи въ I и II вѣкѣ, особенно большую роль играетъ внутренній, культурный подъемъ ея некультурныхъ народовъ вслѣдствіе вліянія римской цивилизаціи. Говорить о сознательномъ стремленіи власти къ романизаціи варваровъ, о враждебномъ отношеніи къ тѣмъ изъ нихъ, которые не подчинялись римской культурѣ, тѣмъ не менѣе, однако, нельзя. Точно также, впрочемъ, нельзя говорить и о враждебномъ отношеніи варваровъ къ римскому вліянію: сколько мы можемъ судить, немногія возстанія провинціаловъ направлены не противъ римскаго владычества и римской культуры, а противъ того или иного намѣстника, противъ римскихъ ростовщиковъ и т.д. Тѣмъ не менѣе политика правительства и весь внутренній строй имперіи косвенно не мало содѣйствовали ускоренію романизаціи, хотя основнымъ факторомъ ея и слѣдуетъ признать неоспоримое превосходство римской культуры и преклоненіе варваровъ предъ ней. Говорить на языкѣ римлянъ, вести римскій образъ жизни, сдѣлать-

ся римляниномъ - таково желаніе всякаго, стремящагося впередъ провинціала. Будь у него историческія и культурныя традиціи, національное самосознаніе, своя литература, свое искусство, даже стремленіе сблизиться съ болѣе культурнымъ народомъ - властителями не могло бы его вполнѣ обезличить въ національномъ смыслѣ. Но у него, такъ сказать, нѣтъ ничего за душой и, становясь римляниномъ, онъ совершенно теряетъ свои прежнія черты, взгляды и обычаи: или точнѣе они сохраняются, но въ настолько разбавленной и видоизмѣненной формѣ, что нѣтъ возможности ихъ распознать по истеченіи 1500 лѣтъ.

2. Но въ какихъ формахъ совершается это пріобщеніе галловъ, кельтиберовъ, иллировъ и т.д. къ римской культурѣ и какія внѣшнія условія содѣйствуютъ его ускоренію?

а) Весьма значительно прежде всего должно было быть вліяніе римскихъ колонистовъ, поселявшихся въ предѣлахъ завоеванныхъ областей. "Какое огромное количество колоній римляне послали во всѣ провинціи", говоритъ Сенека (Ad Helv. matr. 7,7), "всюду, гдѣ римлянинъ побѣдилъ, онъ и поселился". И въ самомъ дѣлѣ, мы напримѣръ, въ одной только Дакіи встрѣчаемъ 122 римскихъ колоніи несмотря на то, что эта провинція только 170 лѣтъ находилась въ рукахъ римлянъ (Neigebauer, Dacien 5). Купцы, сопровождавшіе римскіе войска, около лагерей которыхъ ютились ихъ Tabernae, canabae и т.д., съ одной стороны, масса лицъ, покидавшихъ Италію въ виду тяжелаго экономическаго положенія мелкаго люда въ ней, всякаго рода авантюристы и т.д., все это устремлялось въ провинціи, какъ въ настоящее время избытокъ европейскаго населенія ищетъ се-

бѣ занятія въ колоніяхъ и особенно въ Америкѣ. Всѣ они приносятъ съ собой болѣе высокую технику, относительно высокія потребности и привычку къ иному быту, къ инымъ правовымъ порядкамъ. Правительство въ свою очередь пользуется этимъ естественнымъ движеніемъ и, думая о внѣшнемъ прикрѣпленіи провинцій путемъ основанія колоній, въ самомъ дѣлѣ содѣйствуетъ и ихъ внутреннему сліянію съ остальными частями государства и въ частности въ Италіи.

б) Наряду съ переселенческимъ движеніемъ, о которомъ мы имѣемъ очень мало данныхъ, весьма значительное культурное вліяніе имѣло и римское войско съ той школой, которую проходили въ немъ провинціалы.

Служба въ войскѣ чрезвычайно продолжительна, отъ 20 до 25 и больше лѣтъ, и при нормальныхъ условіяхъ заканчивается пріобрѣтеніемъ права римскаго гражданства, причемъ прижитые солдатами внѣ брака дѣти (запрещеніе законныхъ браковъ для солдатъ съ одной и продолжительность службы съ другой стороны естественно приводятъ къ весьма многочисленнымъ внѣзаконнымъ связямъ) узаконяются. По мѣрѣ того какъ лагери легіоновъ становятся постоянными, ветераны наряду съ массой лицъ, кормящихся около солдатъ, образуютъ поселокъ около лагеря съ храмами, банями, амфитеатрами, лавками и т.д. Насколько значительны эти поселки можно заключить изъ того, что цѣлый рядъ городовъ II и III вв. произошолъ изъ нихъ и что часть этихъ городовъ сохранилась и до настоящаго времени. Сюда относятся такіе центры, какъ Леонъ (мѣсто стоянки legionis VII geminae) въ Испаніи, Іоркъ (Eboracum) и рядъ городовъ и мѣстечекъ, оканчивающихся на chester или cester (=castra)

въ Англіи, *Colonia Ulpia Traiana* (нынѣ Ксантенъ), *Moguntiacum* (Майнцъ), *Argentoratum* (Страсбургъ), *Castra Regina* (Регенсбургъ) въ Германіи, *Vindobana* (Вѣна), *Aquincum* (Будапештъ), *Brigetio* (Коморнъ) и др. въ Австріи и Венгріи и т.д. Развалины одного изъ этихъ лагерныхъ городовъ *Lambaesis*'а въ Африкѣ, даютъ ясное представленіе о характерѣ римскихъ лагерей и городовъ, а свыше 2000 надписей, открытыхъ здѣсь, даютъ возможность познакомиться съ внутренней жизнью и исторіей *legionis* III *Augustae* которая здѣсь стояла.

Но и независимо отъ военной и культурной школы, которую населеніе проходило въ лагеряхъ и независимо отъ вліянія постепенно возникающихъ лагерныхъ городовъ, культурное значеніе римскаго войска было весьма значительно. Дѣло въ томъ, что наряду съ чисто военными занятіями войска должны были отдавать много времени и труда на постройку дорогъ, акведуктовъ, больницъ, на проведеніе каналовъ, осушеніе болотъ, а подчасъ и прямо на земледѣльческія работы (напр. на устройство виноградниковъ въ Иллиріи при Пробѣ 276-282). Приказъ Гадріана (118-137), отданный по одному изъ легіоновъ (*legio* III *Augustae*), дошолъ до насъ и даетъ представленіе о культурной роли римскаго войска.

в) Если всѣ указанныя условія имѣютъ вліяніе преимущественно на массу провинціаловъ, то общій характеръ правительственной политики особенно отражается на высшихъ слояхъ провинціальнаго общества и уже черезъ ихъ посредство, но все же весьма сильно, вліяетъ и на массу населенія.

Согласно аристократическому характеру не только римскаго республиканскаго, но и императорскаго режима, Римъ опирается въ завоеванныхъ областяхъ преимущественно на аристократію. Для римской олигархической республики послѣднихъ временъ совѣтъ Цицерона, данный его брату Квинту, добиваться аристократизаціи городской жизни въ предѣлахъ его намѣстничества, не содержитъ естественно ничего удивительнаго. Скорѣе можно было бы удивиться, что имперія, погубившая силу олигархіи, тѣмъ не менѣе въ провинціальномъ управленіи сохраняетъ ея аристократическую политику. Между тѣмъ это несомнѣнно такъ, и особенно замѣтно это направленіе въ эпоху самого возникновенія имперіи, при Августѣ и Тиберіи. Объясненіе этого любопытнаго явленія слѣдуетъ искать въ банкротствѣ римскихъ демократическихъ идей, скомпрометированныхъ не только въ глазахъ сената, но и въ глазахъ всего римскаго общества вѣкомъ революцій и анархій, главнымъ виновникомъ которыхъ считали именно демократическую партію съ ея Маріями и Циннами, Катилинами и Клодіями и - last not least - съ демократомъ-диктаторомъ Цезаремъ.

Писатели эпохи имперіи всѣ являются сторонниками аристократіи, хотя сами большею частью и не принадлежатъ къ ней.

Аристократическое настроеніе общества и нашло себѣ выразителей прежде всего въ лицѣ Августа и Тиберія, вся политика которыхъ была направлена къ примиренію сената съ новымъ строемъ. При такихъ условіяхъ не удивительно, что они и въ провинціяхъ придерживаются той же политики: и здѣсь имперія прежде всего считается съ мѣстной знатью,

старается примирить ее съ потерей прежняго вліянія и привлечь ее къ себѣ путемъ удовлетворенія ея матеріальныхъ интересовъ и ея честолюбія.

Характеръ мѣстной жизни при этомъ въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно содѣйствовалъ успѣху правительственной политики. Такъ мы, напримѣръ, относительно Галліи положительно знаемъ, что масса населенія здѣсь еще до римскаго завоеванія находилась въ тѣсной зависимости отъ знати: число кліентовъ у нѣкоторыхъ лицъ доходило до десятковъ тысячъ. То же самое въ той или иной формѣ намъ извѣстно, или можно предположить относительно Испаніи, Британніи, Придунайскихъ провинцій и Иллирика.

Знать данной мѣстности прежде всего - какъ это и было въ Галліи еще до завоеванія - входитъ въ составъ сената соотвѣтственной *civitas* и сохраняетъ такимъ образомъ свое вліятельное положеніе: а когда данный городъ пріобрѣтаетъ римское муниципальное устройство, это вліяніе естественно закрѣпляется за ней, такъ какъ участіе въ городскихъ дѣлахъ основывается на цензѣ, которымъ она, конечно обладаетъ.

Далѣе идетъ уже пріобрѣтеніе латинскаго и римскаго гражданскаго права, даруемаго либо отдѣльнымъ лицамъ, либо опредѣленнымъ группамъ лицъ, либо цѣлымъ *civitates*.

Латинское право, нѣкогда бывшее правомъ латинскихъ колоній, съ теченіемъ времени давалось въ видѣ привиллегіи городамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ древними латинами, но почему либо заслуживавшимъ вниманіе или благодарность Рима. Оно давало всѣмъ свободнымъ гражданамъ даннаго города такъ называемое *ius commercii*, т.е. право пріо-

обрѣтать и отчуждать имущество согласно нормамъ римскаго гражданскаго права (см. дальше), и въ добавокъ открыло имъ доступъ къ праву римскаго гражданства. Въ этомъ послѣднемъ отношенiи различали *maius Latium* и *minus Latium*. Граждане города, получившаго *maius Latium*, становились римскими гражаднами съ того момента, какъ были избраны на городскую магистратуру, или были избраны въ городскую курiю. Граждане города, получившаго *minus Latium*, становились римскими гражданами исключительно послѣ того, какъ пробыли магистратами. Во всякомъ случаѣ ясно, что въ обоихъ случаяхъ мѣстная знать, даже поскольку ея представители не поучили лично для себя права гражданства, раньше всего должна была воспользоваться этими привиллегiями. А между тѣмъ латинское право было даровано всей Испанiи въ эпоху Веспасiана (69-79) и постепенно, начиная съ Клавдiя (41-54), начало распространяться въ Галлiи.

Само собой разумѣется, что дарованiе латинскаго права отдѣльному лицу или цѣлому городу всегда предполагало болѣе или менѣе значительную близость одаряемаго къ римской культурѣ. Проникнуть же въ городахъ съ латинскимъ правомъ въ составъ магистратуры или курiи опять таки могли лишь лица, вполнѣ владѣющiя латинскимъ языкомъ и, такимъ образомъ, наряду съ войскомъ, городское и областное самоуправленiе служили школой романизацiи, притомъ въ частности для состоятельныхъ классовъ.

Прiобрѣтенiе права римскаго гражданства служило высшимъ вознагражденiемъ для провинцiала. На основанiи его, онъ,

наряду съ уже упомянутымъ *ius commercii* получалъ еще *ius connubii* , т. е. право вступать въ законный бракъ съ римской гражданкой или римскимъ гражданиномъ, право оставлять свое имущество по завѣщанію или получать таковое по завѣщанію (*factio testamenti*), - далѣе онъ записывался въ одну изъ 35 римскихъ *tribus* , могъ носить тогу и освобождался отъ тѣлесныхъ наказаній и пытки. Право же занимать римскія должности *ius honorum*) первоначально не было соединено съ римскимъ гражданствомъ, но уже императоръ Клавдій распространилъ это право, по крайней мѣрѣ, на часть Галловъ, именно на Эдуевъ, послѣ чего оно, естественно быстро распространилось и среди остальныхъ. Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда власть при всемъ своемъ аристократизмѣ должна была вступить въ борьбу съ сенатомъ, гдѣ распространеніе права латинскаго и римскаго гражданства на провинціаловъ, а слѣдовательно тѣмъ болѣе допущеніе провинціаловъ въ сенатъ были крайне не популярны. Въ виду этого особенно любопытно, какіе доводы Клавдій привелъ въ пользу своего намѣренія: къ счастію его рѣчь, почти цѣликомъ, дошла до насъ въ подлинникѣ въ видѣ надписи, найденной въ 1528 году въ Ліонѣ (и кромѣ того перефразирована у Тацита, *Ann.* II,23-25). Вотъ слова Клавдія:

"Прежде всего, прошу васъ отклонить то общее всѣмъ людямъ предубѣжденіе, будто я ввожу нѣчто новое, и прошу васъ

имѣть въ виду, сколько порядковъ было измѣнено въ нашемъ государствѣ и сколько разнообразныхъ формъ и порядковъ оно приняло съ самаго своего основанія. Нѣкогда этимъ городомъ владѣли цари, но все же имъ не удавалось передать своимъ естественнымъ наслѣдникамъ. Власть переходила къ чужимъ и даже къ чужестранцамъ: Ромулу, напримѣръ, наслѣдовалъ Нума, происходившій отъ Сабинянъ, сосѣдъ, но въ тѣ времена чужестранецъ; такъ же точно за Анкомъ Марціемъ послѣдовалъ Тарквиній Старшій. Послѣдній, будучи сыномъ Демората Коринѳскаго и знатной но небогатой уроженки Тарквиній {городъ въ Этруріи}, былъ устраненъ на своей родинѣ {въ Тарквиніяхъ} отъ должности и послѣ того, какъ переселился въ Римъ, пріобрѣлъ царскую власть. Послѣ него и до его сына или внука - писатели спорятъ о томъ - царемъ сталъ Сервій Тулій, по словамъ нашихъ писателей сынъ пленницы Окрезіи, по словамъ этрурскихъ - другъ Целія Вивенны и товарищъ его во всѣхъ условіяхъ его жизни, покинувшій со всѣми остатками войска Целія Этрурію и занявшій Целійскую гору {въ Римѣ}, которую и назвалъ по имени своего начальника Целія; послѣ этого онъ перемѣнилъ свое имя, по этрурски его звали Мастарна, - на то, которое я привелъ и обладалъ царскою властью къ великому благу государства. Затѣмъ, когда нравы какъ Тарквинія Гордаго, такъ и его сыновей стали ненавистны нашему государству, народу опротивѣла царская власть и управленіе государствомъ было передано годичнымъ магистратамъ, консуламъ.

Къ чему мнѣ дальше напоминать, что наши предки отдавали предпочтеніе власти диктаторовъ предъ консульской и пользовались ею въ болѣе трудныхъ войнахъ или во время болѣе

опасныхъ гражданскихъ смутъ? или что стали избирать народныхъ трибуновъ для охраны плебса, или что власть была перенесена съ консуловъ на децимвировъ и затѣмъ, по уничтоженіи царства децемвировъ снова передана консуламъ? или что консульская власть была распредѣлена между большимъ числомъ лицъ, названныхъ военными трибунами съ консульской властью, коихъ избиралось семь, а часто и восемь? или что въ концѣ концовъ плебеи были допущены къ должностямъ, не только къ гражданскимъ, но и жреческимъ? А если бы я сталъ перечислять войны, съ которыхъ начали наши предки, и до какихъ успѣховъ мы теперь дошли, я боюсь, что показался бы надменнымъ свыше всякой мѣры и что можно было бы подумать, что я хочу хвалиться славой, пріобрѣтенной распространеніемъ нашихъ границъ за предѣлы океана. [При Клавдіи началось завоеваніе Британніи]. Но я возвращаюсь къ своему предмету.

.....Несомнѣннымъ нововведеніемъ было то, что мой божественный дѣдъ Августъ и мой дядя Тиберій Цезарь пожелали ввести въ сенатъ весь цвѣтъ всѣхъ колоній и муниципій, всѣхъ ихъ добрыхъ и богатыхъ членовъ. Что же изъ этого? Развѣ сенаторъ изъ Италіи не стоитъ выше сенатора-провинціала? Скоро когда я вамъ [сенаторамъ] буду докладывать объ этой сторонѣ моей цензуры [рѣчь произнесена была во время и по поводу цензуры Клавдія], я на дѣлѣ докажу вамъ, какъ я отношусь къ этому вопросу [т.е. что и онъ отдаетъ предпочтеніе сенаторамъ изъ Италіи]. Но я полагаю, что не слѣдуетъ отвергать и провинціаловъ, если только они могутъ служить украшеніемъ сената.

Вспомните, сколько лѣтъ доблестная и сильная Віеннская коллонія [нынѣ Viennes въ южной Франціи] поставляетъ сенаторовъ въ нашу курію...

Сенаторы имѣютъ также мало основанія быть недовольными столькими доблестными юношами, которыхъ я [здѣсь] вижу, какъ знатнѣйшій мужъ и другъ мой Персикъ тѣмъ, что онъ встрѣчаетъ среди своихъ предковъ одного съ званіемъ Аллоброгійскаго [Аллоброги - одно изъ галльскихъ племенъ, изъ котораго происходилъ предокъ Персика]. Если вы съ этимъ согласны, то вамъ только остается желать, чтобы я вамъ пальцемъ указалъ, что и страна за предѣлами Нарбоннской провинціи уже посылаетъ вамъ сенаторовъ: вѣдь мы не сожалѣемъ о томъ, что имѣемъ сочленовъ изъ Лерудуна [Ліона] Я осторожно вышелъ за предѣлы привычныхъ и родныхъ вамъ провинцій, отцы сенаторы, но теперь я долженъ опредѣленно защищать интересъ Волосатой Галліи (Gallia Comata так называлась вся сѣверная Галлія, завоеванная Цезаремъ, по характеру головного убора]: а если кто замѣтитъ, что она десять лѣтъ вела войну съ божественнымъ Цезаремъ, то пусть онъ противопоставитъ этому столѣтнюю непоколебимую вѣрность и повиновеніе ея, достаточно испытанное во время многихъ трудныхъ періодовъ нашей жизни..."

Указавъ такимъ образомъ на необходимость роста реформъ по мѣрѣ роста государства - одной изъ такихъ реформъ и является допущеніе романизованныхъ и отличившихся провинціаловъ въ сенатъ - и подчеркнувъ предпочтеніе, которое и послѣ этого оказывается италикамъ, Клавдій отстаиваетъ новую мѣру для всѣхъ трехъ новыхъ галльскихъ провинцій. Сенатъ, однако, какъ мы видѣли, успѣлъ ограничить значеніе новаго

принципа предѣлами области Эдуевъ и жестокія насмѣшки въ дошедшемъ до насъ и приписываемомъ Сенекѣ - философу памфлетѣ на Клавдія (такъ наз. *Apocolocynthosis divi Claudii*, т.е. разсказъ о превращеніи его въ тыкву) показываютъ, какъ мало римская знать сочувствовала его политикѣ. Тѣмъ не менѣе, политика Клавдія осталась въ силѣ и при его преемникахъ и число провинціаловъ среди римскихъ сенаторовъ и магистратовъ постоянно возростало. Уже 50 лѣтъ послѣ Клавдія одинъ изъ нихъ, испанецъ Траянъ (98-118) вступилъ даже на императорскій престолъ.

Но если допущеніе въ сенатъ и магистратуру и было высшимъ идеаломъ провинціала, заставлявшимъ его искать полнаго слиянія съ римской культурой, то пріобрѣтеніе права римскаго гражданства отражалось не только въ этомъ смыслѣ на его жизни. Въ обыденной жизни провинціаловъ гораздо большее значеніе имѣло право оставлять и получать имущество по завѣщанію и *ius commercii* (См. *Viollet, Histoire des institutions politiques et administratives de la France* I, 37)

Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ, повидимому, основаніе предположить, что среди населенія завоеванныхъ римлянами западныхъ и придунайскихъ областей идея частной личной собственности, особенно относительно недвижимыхъ имуществъ, не успѣла еще доразвиться до той ясности и неограниченности, которая характеризуетъ римское право. По всему вѣроятію особенно поземельная собственность какъ въ Галліи, такъ и въ другихъ малокультурныхъ областяхъ имперіи принадлежала не отдѣльному лицу, а семьѣ. Глава данной семьи заботится о цѣлесообразномъ употребленіи этого имущества, но не имѣетъ

права ни отчуждать, ни тѣмъ болѣе завѣщать его безъ согласія остальныхъ членовъ семьи, порядокъ, который и въ настоящее время встрѣчается еще во многихъ малокультурныхъ мѣстностяхъ. Между тѣмъ соединенное съ латинскимъ правомъ *ius commercii* именно и даетъ обладателю его неограниченное никакимъ семейнымъ совѣтомъ право отчуждать свое имущество, а право римскаго гражданства дѣлаетъ возможнымъ и посмертное распоряженіе имуществомъ въ формѣ завѣщанія. Весьма понятно, въ какой мѣрѣ должно было измѣниться положеніе главы семьи при такихъ условіяхъ и какъ рѣзко должно было быть потрясеніе семейныхъ и другихъ кровныхъ связей среди провинціаловъ. Вся жизнь семьи измѣнялась какъ разъ въ области экономической, а это не могло остаться безъ вліянія на весь ея внутренній строй: семейная и родовая собственность быстро начинаетъ замѣняться чисто индивидуальной и глава семьи пріобрѣтаетъ исключительно благопріятное для него положеніе римскаго *pater familias.*

Какъ всегда въ такихъ случаяхъ мобилизація собственности должна была далѣе содѣйствовать упадку мелкаго и концентраціи крупнаго землевладѣнія, оказавшей такую огромную и гибельную роль въ римской жизни.

Но каковы бы ни были дальнѣйшія послѣдствія отмѣченнаго процесса, ясно, что всѣ указанныя условія взятыя вмѣстѣ должны были чрезвычайно содѣйствовать разложенію традиціоннаго провинціальнаго строя и быстрому сближенію провинціаловъ и завоевателей.

Опредѣлить точнѣе степень романизаціи отдѣльныхъ областей въ настоящее время невозможно. На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стоятъ области къ сѣверу отъ Италіи до Ду-

ная, и Испанія, затѣмъ, Галлія, Африка, далѣе сѣверозападная и сѣверная часть Балканскаго полуострова, Дакія и Британнія. О Галліи въ частности мы знаемъ, что здѣсь еще въ концѣ IУ в. - вѣроятнѣе всего въ захолустныхъ мѣстностяхъ - говорили по кельтски: блаженный Іеронимъ услышалъ тѣ же звуки въ восточной Галліи около Трира и среди кельтскихъ Галатовъ Малой Азіи (поселившихся здѣсь въ началѣ III в. до Р.Х.) около Анкиры (нынѣ Ангора. См. обо всемъ этомъ и о положеніи провинцій вообще въ эпоху имперіи пятый томъ римской исторіи Моммзена. Объ Испаніи стр. 68 и слѣд., о Галліи стр. 90 и слѣд. и т.д.).

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію что романизація указанныхъ провинцій достигла весьма значительнаго развитія и что вліяніе ея на экономическій и культурный подъемъ имперіи было огромное. "Я едва ли могъ бы найти еще такую страну, которую населяютъ еще одни туземцы", говоритъ уже философъ Сенека (около 50 года по Р.Х.). "Всё смѣшалось и слилось".

Но провинціи не только получали импульсы отъ центра, онѣ и сами въ свою очередь содѣйствовали ея блеску и не въ одномъ только экономическомъ отношеніи. Римская литература этого періода полна провинціальныхъ именъ. Испанцы вродѣ Сенеки - ритора, его двухъ сыновей, Сенеки - философа и географа Мелы, его внука, поэта Лукана, вродѣ Марціала и Квинтиліана, Африканцы - вродѣ Аппулея и Тертуліана, Галлы - вродѣ риторовъ IУ в. и т.д., - всѣ содѣйствовали расцвѣту римской письменности.

Романизація западныхъ провинцій оказала, наконецъ, какъ

мы видѣли, огромное вліяніе и на дальнѣйшія судьбы западной Европы. Уже романское происхожденіе испанскаго, французскаго, румынскаго, отчасти англійскаго языка (не говоря уже объ итальянскомъ) указываетъ на огромное вліяніе римской культуры и на тѣсную связь современной европейской культуры съ нею.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о параллельномъ, но далеко не настолько глубокомъ процессѣ эллинизаціи на Востокѣ. Въ виду большого почтенія Римлянъ къ греческой культурѣ и въ виду большей культурности греческаго населенія сравнительно съ римскимъ - характерно, напримѣръ, что кровавыя гладіаторскія игры не привились среди грековъ, - вполнѣ естественно, что римское правительство никогда не дѣлало попытокъ романизовать востокъ и наоборотъ даже содѣйствовало распространенію греческой культуры въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ о серьезномъ римскомъ вліяніи и безъ того рѣчи быть не могло. Но тогда какъ романизація измѣнила характеръ культурной жизни не только въ городахъ, но и среди земледѣльческой массы, греческая культура - кромѣ Малой Азіи- затронула почти исключительно городскіе центры. Основная причина этого любопытнаго различія заключается въ томъ, что римляне всюду имѣли дѣло съ болѣе или менѣе не культурными племенами сѣверо-западной Африки, Испаніи, Галліи, Британніи, придунайскихъ областей и Иллиріи, тогда какъ греки наоборотъ, какъ въ Сиріи такъ и въ Египтѣ сталкивались съ народами, культурная жизнь которыхъ восходила къ гораздо болѣе раннимъ временамъ, чѣмъ ихъ собственная. Но и независимо отъ этого, колонизаціонная

дѣятельность грековъ даже въ лучшія времена ихъ исторіи не была настолько успѣшна, какъ аналогичная дѣятельность римлянъ, главнымъ образомъ вѣроятно потому, что греческое культурное вліяніе никогда не опиралось на такую внушительную внѣшнюю силу, какъ римское. Особенно характерно въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что сѣверная и сѣверозападная часть Балканскаго полуострова несмотря на близость Греціи, а затѣмъ и полугреческой Македоніи, и несмотря на чрезвычайно древнія сношенія этихъ областей съ центромъ греческой культуры все же подчинились не греческому, а римскому вліянію. При такихъ условіяхъ не удивительно, что эллинизація Малой Азіи, куда съ давнихъ поръ направляется особенно значительный притокъ греческихъ переселенцевъ, потребовала гораздо больше времени, чѣмъ, напримѣръ, романизація Испаніи: начавшись въ началѣ перваго тысячелѣтія до Р.Х. эллинизація Малой Азіи, да и то не всей, заканчивается лишь въ эпоху римской имперіи. Въ Сиріи же и Египтѣ, въ сущности только населеніе городовъ, цѣлый рядъ которыхъ притомъ былъ основанъ въ Македонскую эпоху и съ самаго начала заселенъ греками, отличалось греческимъ характеромъ, тогда какъ масса земледѣльческая не только сохранила свой языкъ и свои нравы, но даже оказала существенное вліяніе на самихъ грековъ. Вотъ почему съ одной стороны именно здѣсь совершается сліяніе восточныхъ и греческихъ религіозныхъ системъ, вотъ почему съ другой стороны Сирія и Египетъ были почти сразу завоеваны родственнымъ племенемъ Арабовъ, тогда какъ Малая Азія еще пять столѣтій продолжала представлять основу могущества восточной части римской имперіи, т.е. Византіи. Въ этомъ смыслѣ завершеніе

эллинизацiи Малой Азiи, также какъ и неудача ея въ Сирiи и Египтѣ имѣетъ огромное всемiрно-историческое значенiе, независимо отъ значенiя этихъ фактовъ для внутренняго развитiя имперiи.-

Итакъ, мы познакомились съ главными причинами быстраго расцвѣта имперiи въ первое время ея существованiя и съ ея культурнымъ влiянiемъ на населенiе. Послѣднее является основнымъ фактомъ для пониманiя всего дальнѣйшаго развитiя западной Европы. Римскiя экономическiя, соцiальныя и политическiя условiя, римская умственная и художественная жизнь наложили свою печать на жизнь западно-европейскихъ народовъ, а черезъ ихъ посредство и на всю культурную жизнь Европы и ея колонiй. Съ ихъ изученiя поэтому и необходимо начать знакомство съ средневѣковой исторiей.

Необходимо однако тутъ же отмѣтить, что варварскiе народы центральной Европы вступили въ особенно тѣсную связь съ римской культурой, когда она уже явно клонилась къ упадку. Если это вѣрно даже относительно Кельтовъ и Кельтиберовъ, то еще болѣе относительно Германцевъ и Славянъ. При своемъ столкновенiи съ Кельтами и Кельтиберами Римъ, правда, съ внѣшней стороны еще шелъ къ успѣху, но силы римскаго народа уже были подточены возрастающимъ ухудшенiемъ соцiальныхъ условiй. Покоренiе Испанiи, Галлiи и т.д. и романизацiя ихъ - послѣднiи успѣхъ римскаго народа - дали Риму возможность опереться на свѣжiя силы провинцiй. Но когда тотъ же соцiальный процессъ, который погубилъ Италiю - развитiе крупнаго землевладѣнiя на счетъ средняго и мелкаго - перешедши ея предѣлы, захватилъ и провинцiи, а новыхъ областей, которыя могли бы замѣнить

Испанію, Галлію и Иллирію, но оказалось, имперія оказалась безсильной передъ варварами и началось ея быстрое расчлененіе. Какъ раньше республика, такъ теперь имперія сами допустили уничтоженіе капитала народныхъ силъ, на которыя онѣ могли опираться, и когда онъ исчезъ, исчезла и сама имперія. Но то соціальное развитіе, которое ее погубило, не исчезло съ ней, а наоборотъ проявилось еще рѣзче и въ концѣ концовъ привело къ развитію феодализма, этого замѣчательнѣйшаго продукта средне-вѣковой жизни.

Понятно, что намъ въ виду этого нужно теперь познакомиться съ симптомами и причинами упадка имперіи.

Причины упадка имперіи.

Если первыя времена имперіи отмѣчены чрезвычайно быстрымъ разцвѣтомъ имперіи и подъемомъ ея культурныхъ силъ, то, начиная съ III в., мы присутствуемъ при еще болѣе быстромъ упадкѣ ея. Внѣшнимъ образомъ этотъ упадокъ проявляется особенно рѣзко въ безконечныхъ гражданскихъ войнахъ и анархіи, въ быстрой смѣнѣ императоровъ, изъ коихъ почти ни одинъ не умираетъ естественной смертью, въ сепаратистическихъ стремленіяхъ провинцій и въ возрастающихъ успѣхахъ варваровъ, захватывающихъ рядъ пограничныхъ областей, и совершающихъ набѣги далеко въ предѣлы имперіи. Военный деспотизмъ, анархія и усиленіе варваровъ долгое время разсматривались какъ главныя причины упадка имперіи. Между тѣмъ это только симптомы ея упадка, усиливающіе, разумѣется, послѣдній, но не вызвавшіе его. Рядъ другихъ симптомовъ указываетъ на то, что настоящія причины лежатъ зна-

чительно глубже и подкапывают основы римскаго могущества еще задолго до III в. Упадокъ городского самоуправленія, усиленіе бюрократическаго надзора надъ мѣстной жизнью проявляется уже съ начала II в.; ко II в. становится рѣзко замѣтнымъ и умственный и художественный упадокъ, усиливаются мистически-аскетическія тенденціи, замѣчающіяся на востокѣ еще гораздо раньше; къ III в. становится несомнѣннымъ и экономическій упадокъ, постепенно истощается запасъ благородныхъ металловъ и торговые обороты затрудняются; съ того же времени наконецъ увеличивается рядъ признаковъ начинающейся варваризаціи войска и общества. Во всѣхъ областяхъ культурныя силы римскаго населенія оказываются безсильными и правительство усматриваетъ единственный выходъ въ томъ, чтобы принудить всѣ общественные классы продолжать тѣ же занятія, которымъ они прежде охотно предавались и отъ которыхъ они теперь систематически стараются избавиться. Очевидно, болѣзнь гораздо глубже, чѣмъ прежде думали, и причины ея не заключаются въ политическомъ и международномъ положеніи имперіи.

Приступая къ изученію этихъ причинъ, мы разсмотримъ развитіе и строй имперіи съ трехъ точекъ зрѣнія, а именно, съ точки зрѣнія ея соціально-экономической, политической и умственной жизни.

I. Соціально-экономическое развитіе имперіи.

Выше мы познакомились съ рядомъ отзывовъ современниковъ, свидѣтельствующихъ о возрастающемъ богатствѣ имперіи и довольствѣ части его населенія. Но наряду съ ними мы встрѣ-

чаемъ и не въ меньшемъ количествѣ совершенно обратныя данныя. Сдѣлать изъ этого выводъ, что всѣ эти противорѣчащія другъ другу свидѣтельства не имѣютъ значенія, было бы совершенно неправильно. Они лишь освѣщаютъ положеніе имперіи съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія: первыя, восхваляющія имперію, имѣютъ въ виду рядъ ея производительныхъ силъ увеличеніе національнаго богатства; вторыя, наоборотъ, отмѣчаютъ ухудшеніе въ распредѣленіи этого богатства, обѣдненіе однихъ классовъ при обогащеніи другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, нечего доказывать не только то, что національное богатство можетъ быть распредѣлено между отдѣльными лицами или группами лицъ болѣе или менѣе равномѣрно, но и то, что при возрастаніи національнаго богатства, ростъ богатства отдѣльныхъ лицъ не только не долженъ быть обязательно равномѣрнымъ, но можетъ быть и обратно-пропорціональнымъ. Такъ, сосредоточеніе многихъ мелкихъ плохо обрабатываемыхъ участковъ земли въ рукахъ одного лица, заботящагося о значительномъ улучшеніи ихъ обработки, увеличиваетъ какъ общее богатство страны, такъ и богатство даннаго крупнаго хозяина, но въ тоже время приводитъ къ обезземеленію и, если они не находятъ другихъ источниковъ дохода, къ обѣднѣнію прежнихъ мелкихъ собственниковъ. Противорѣчіе двухъ группъ источниковъ, такимъ образомъ, не должно непремѣнно обезцѣнивать данныхъ, сообщаемыхъ какъ той, такъ и другой группой, если только они въ самомъ дѣлѣ освѣщаютъ то же явленіе съ разныхъ сторонъ. А это въ данномъ случаѣ несомнѣнно такъ.

На что въ самомъ дѣлѣ обращаютъ вниманіе писатели, выражающіе неудовольствіе по поводу существующихъ порядковъ или просто отмѣчающіе обратную сторону блестящаго развитія

имперіи?

Ключъ къ этому даютъ знаменитыя слова Плинія Старшаго, (умеръ въ 80 г.) Verum confitentibus latifundia perdidere Italiam, jam mox et provincia (N. H. 18, 35).

Гибель Италіи, а тамъ и провинцій, заключается въ грандіозномъ развитіи крупнаго землевладѣнія на счетъ средняго и мелкаго, иначе говоря, въ обезземеленіи крестьянъ.

Въ признаніи самого факта развитія латифундій, сходятся всѣ писатели, такъ или иначе касающіеся этого предмета. Развитіе крупнаго землевладѣнія несомнѣнно характеризуетъ уже два послѣднихъ вѣка республики упадокъ средняго и мелкаго землевладѣнія, соединенный съ замѣной прежняго свободнаго крестьянства рабами и представляетъ главную причину римскихъ соціальныхъ и политическихъ революцій, начинающихся съ попыткой Тиберія Гракха возродить на новыхъ началахъ римское крестьянство и кончающихся съ паденіемъ республики; но процессъ начавшійся въ Италіи подъ вліяніемъ накопленія колоссальныхъ богатствъ въ рукахъ сенаторовъ - намѣстниковъ и всадниковъ - публикановъ съ одной, подъ вліяніемъ конкурренціи провинціальнаго хлѣба и задолженности крестьянства съ другой стороны, не ограничился предѣлами Италіи и не былъ остановленъ широкими реформами правительства.

Уже писатели временъ Августа даютъ не мало свѣдѣній доказывающихъ, что процессъ концентраціи землевладѣнія продолжается [См. Гревсъ, "Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія" т. I, очеркъ I; землевладѣніе во времена Августа по сочиненіямъ Горація стр. 63-234] "Ты вырываешь межевые

камни сосѣднихъ полей и поглощаешь участки кліентовъ," восклицаетъ Горацій, "а они согнанные тобою [съ отцовской земли], уходятъ всею семьей - и жена и мужъ - унося на груди домашнихъ боговъ и нищихъ дѣтей". - "Ты считаешь такого-то богатымъ, потому что онъ обрабатываетъ земли во всѣхъ провинціяхъ", замѣчаетъ Сенека, желая доказать Луцилію, что не въ этомъ заключается истинное богатство.

"Какъ далеко будете вы простирать границы вашихъ владѣній?" спрашиваетъ тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ [Ep. 89,20]. "Страна, достаточно большая для цѣлаго народа, мала для одного человѣка. Какъ далеко будете вы простирать предѣлы обрабатываемыхъ вами земель, разъ вамъ не довольно включать въ составъ ихъ цѣлыя провинціи? Все теченіе славныхъ рѣкъ заключается въ границахъ одного имѣнія; большія рѣки, служащія границей большихъ народовъ, принадлежатъ вамъ отъ источника и до устья. Всего этого мало: вамъ надобно, чтобы вы окружали моря своими латифундіями, чтобы вашъ управляющій царилъ за Адріатическимъ, Іонійскимъ и Эгейскимъ моремъ, чтобы цѣлые острова, государства великихъ монарховъ считались ничтожнымъ предметомъ". Даже принимая въ разсчетъ риторическія преувеличенія приведеннаго мѣста, нельзя не признать, что другія данныя ихъ въ общемъ подтверждаютъ. Колумелла [De re rust. I,3,2] упоминаетъ о лицахъ, обладающихъ землями цѣлаго племени [fines gentium], которыхъ даже верхомъ не могутъ объѣхать. Плиній старшій [n. h. 18,35] сообщаетъ, что половина провинціи Африки принадлежала шести лицамъ, казненнымъ при Неронѣ; Флоръ [3,19] вскользь замѣчаетъ, что вся Сицилія была занята латифундіями римскихъ гражданъ. Фронтинъ со-

общаетъ [de contr. agr. p. 53] опять таки относительно Африки, что "здѣсь частныя лица имѣютъ территоріи, не уступающія территоріямъ городовъ или вѣрнѣе болѣе значительныя чѣмъ территоріи многихъ городовъ", и говоритъ, что собственники "имѣютъ въ своихъ имѣніяхъ значительное плебейское поселеніе и деревни около усадебъ". То, что мы узнаемъ изъ этихъ писателей и надписей относительно западныхъ провинцій, то вполнѣ подтверждается и относительно восточныхъ; такъ, колоссальныя земли Птоломея въ Египтѣ перешли къ императорамъ, которые, какъ мы сейчасъ еще увидимъ, вообще были крупнѣйшими землевладѣльцами имперіи; такъ, мы случайно узнаемъ объ огромныхъ латифундіяхъ въ Греціи, на островахъ, въ Малой Азіи и т.д.

По всему вѣроятію, меньше всего въ первыя времена имперіи латифундіи были распространены въ Испаніи, Галліи и другихъ вновь завоеванныхъ провинціяхъ. Но дальнѣйшее развитіе имперіи доказываетъ, что онѣ не замедлили развиться и здѣсь.

Сосредоточеніе огромныхъ земель въ рукахъ относительно ничтожнаго количества лицъ, обезземеленіе значительно, а мѣстами и большей части населенія представляетъ, такимъ образомъ, одинъ изъ характернѣйшихъ фактовъ соціальной жизни имперіи. Какое же вліяніе имѣлъ этотъ фактъ на положеніе массы населенія? Какъ относились крупные собственники руководимые "прелестью накопленія" [pulchritudo iungendi у Плинія Мл. Ep. 3,19] къ прежнимъ владѣльцамъ и въ какихъ формахъ совершался самый процессъ концентраціи земель?

Въ этомъ отношеніи существуетъ очень важное различіе между эпохой республики и первыхъ временъ имперіи съ одной и послѣдующими временами съ другой стороны.

Первый періодъ отмѣченъ не только развитіемъ крупной собственности но и крупнаго хозяйства, второй - продолжающимся развитіемъ крупной собственности при возрастающемъ значеніи мелкаго хозяйства. Иначе говоря, въ первый періодъ новый собственникъ сгоняетъ съ земель прежнихъ мелкихъ хозяевъ и обрабатываетъ ихъ поля, соединенныя въ одно цѣлое, болѣе или менѣе значительной массой рабовъ, причемъ планъ обработки устанавливается для всего новаго имѣнія и весь сборъ посупаетъ непосредственно въ руки крупнаго собственника; во второй періодъ, наоборотъ, мелкіе хозяева не только не сгоняются съ земли, а остаются на ней въ качествѣ мелкихъ фермеровъ, но и земли, прежде обрабатывавшіяся рабами, большею частью распредѣляются между такими же мелкими арендаторами и обрабатываются каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности; сборъ при этомъ не поступаетъ непосредственно цѣликомъ въ руки собственника, а попадаетъ въ руки арендаторовъ, которые затѣмъ, въ той или иной формѣ (арендная плата, оброкъ, барщина) уплачиваютъ ренту въ пользу собственника. На почвѣ этихъ позднѣйшихъ условій и отношеній съ теченіемъ времени развивается колонатъ.

Нельзя сказать, чтобы причины, вызвавшія такое измѣненіе въ характерѣ обработки крупныхъ имѣній, были изъяснены въ

Литографія Богданова, Эртелевъ пер. д.I-I2
Директор

достаточной степени, но нѣкоторыя изъ нихъ можно указать съ большой долей вѣроятія.

Прежде всего нужно замѣтить, что при быстромъ развитіи императорскаго и частнаго крупнаго землевладѣнія для смѣны мелкихъ хозяевъ или фермеровъ рабами требовалось огромное и постоянно возрастающее количество послѣднихъ. Между тѣмъ рабскій рынокъ въ эпоху имперіи не только не увеличивается, но даже сокращается: сокращеніе количества внѣшнихъ войнъ и измѣненіе ихъ характера, сокращеніе внутреннихъ войнъ въ предѣлахъ имперіи и морского разбоя (одного изъ существенныхъ источниковъ рабства), измѣненіе законодательства, стремившагося оградить интересы свободнорожденныхъ, все это вмѣстѣ не могло не отразиться на рабскомъ рынкѣ, на цѣнахъ на рабовъ, а слѣдовательно должно было умалить, а затѣмъ и уничтожить дешевизну рабочаго труда, качество котораго притомъ всегда въ нѣсколько разъ ниже качества свободнаго труда. А само по себѣ рабское населеніе имперіи не могло пополняться даже настолько значительно, чтобы удовлетворять нуждамъ и тѣхъ крупныхъ хозяйствъ, которыя уже существовали: примѣръ рабскаго населенія испанскихъ, англійскихъ и французскихъ колоній доказываетъ, что рабство непремѣнно должно питаться извнѣ. Необезпеченность личности и домашняго скарба раба вмѣстѣ съ отсутствіемъ законныхъ браковъ между ними (рабъ, по римскому праву не имѣетъ права на бракъ, а только на ничѣмъ необезпеченное сожительство да и то только съ разрѣшенія хозяина) и съ стремленіемъ собственника эксплуатировать его рабочую силу въ періодъ ея наибольшаго напряженія (чему мѣшаетъ, напримѣръ, бере-

менность и періодъ кормленія), наконецъ отвратительныя внѣшнія условія сокращают количество рожденій и особенно содѣйствуютъ большой смертности во всѣхъ возрастахъ, но преимущественно, разумѣется, въ дѣтскомъ.

Невозможность внутренняго пополненія рабскаго рынка въ связи съ постепеннымъ сокращеніемъ внѣшняго притока, таким образомъ, дѣлаетъ невозможнымъ замѣну мелкихъ хозяйствъ рабскими плантаціями и заставляютъ крупныхъ собственниковъ перемѣнить характеръ обработки своихъ земель.

Такова, повидимому, главная причина наступающаго измѣненія въ процессѣ развитія крупнаго землевладѣнія.

Наряду съ сокращеніемъ количества рабовъ, повидимому, впрочемъ играло роль и сознаніе хозяевъ, что трудъ свободнаго арендатора выгоднѣе рабскаго труда. Уже Колумелла, писатель эпохи Августа, оставившій сочиненіе о земледѣліи и земледѣльческомъ хозяйствѣ, замѣчаетъ, что выгоднѣе вести обработку имѣнія съ колонами (т.е. арендаторами), чѣмъ съ рабами, причемъ совѣтуетъ требовать съ нихъ не денежные взносы, а барщину (*operae* Gr. I,7). Весьма вѣроятно, что разъ этотъ взглядъ былъ формулированъ въ спеціальномъ трудѣ, уже существовала тенденція къ замѣнѣ рабовъ арендаторами, тенденція, которая въ теченіе перваго вѣка, по всему вѣроятію, продолжала бы развиваться, даже если бы сокращеніе количества рабовъ не заставляло хозяевъ приступить къ этой реформѣ.

Во всякомъ случаѣ фактъ самъ по себѣ не подлежитъ сомнѣнію. Крупные собственники оказываются вынужденными добровольно отдавать принадлежащія имъ или вновь пріобрѣтенныя земли въ аренду тѣмъ мелкимъ хозяевамъ, изъ земель кото-

рыхъ составилось данное имѣніе, или другимъ лицамъ, почему либо предложившимъ имъ свои услуги. Отношенія между собственниками и арендаторами при этомъ первоначально юридически совершенно равныя и покоятся на общемъ гражданскомъ договорѣ locatio-conductio. Теоретически срокъ контракта, по истеченіи котораго не только собственникъ можетъ сдать землю свою другому лицу, но и арендаторъ имѣетъ право покинуть свой участокъ, также какъ и условія аренды въ каждомъ данномъ случаѣ зависятъ отъ свободнаго соглашенія сторонъ. На практикѣ однако срокъ, первоначально обыкновенно пятилѣтній, тогда какъ арендная плата чаще всего вѣроятно заключается не въ деньгахъ, а въ части плодовъ. Но естественно, что какъ собственникъ, такъ и арендаторъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ стремятся возобновить договоры по истеченіи срока: первый нуждается въ работникахъ, обрабатывающихъ его имѣніе, второй - въ работѣ, въ участкѣ земли, который могъ бы пропитать его и его семью. Само собой далѣе разумѣется, что собственникъ обыкновенно очень богатое и вмѣстѣ съ тѣмъ вліятельное лицо (императоръ, сенаторъ и т.д.), находится при этомъ въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ арендаторъ, котораго одинъ неурожай можетъ повергнуть въ неоплатные долги: кредиторомъ его, какъ по арендной недоимкѣ, такъ и по займамъ опять таки будетъ собственникъ и, если ему не удастся уплатить свой долгъ до истеченія договореннаго срока, онъ фактически будетъ въ полной зависимости отъ своего помѣщика и кредитора. Право покинуть арендуемый участокъ и прервать всякія отношенія фактически при такихъ условіяхъ перестанетъ дѣйствовать: онъ будетъ принужденъ остаться на

своемъ участкѣ, какъ неоплатный должникъ. Нѣсколько писемъ Плинія Младшаго прекрасно иллюстрируютъ этотъ несомнѣнно очень обыкновенный процессъ. "Меня здѣсь задерживаютъ", пишетъ онъ, (9,37) "необходимость сдать мои земли въ аренду такъ, чтобы хоть нѣсколько возстановить порядокъ. При этомъ придется прибѣгнуть къ новымъ мѣрамъ, несмотря на то, что я въ предыдущемъ пятилѣтіи былъ вынужденъ сложить большія недоимки, онѣ еще возрасли. Поэтому многіе изъ задолжавшихъ арендаторовъ уже не заботятся объ уменьшеніи своего долга, такъ какъ потеряли надежду, чтобы имъ когда либо удалось уплатить его. Они грабятъ и расточаютъ все, что родится...." Характерно, что въ результатѣ Плиній не рѣшаетъ замѣнить неисправныхъ арендаторовъ другими - очевидно это не такъ легко, - а только обязываетъ ихъ вносить впередъ свою плату не деньгами, а частью урожая (10,8 *medendi una ratio si non summa sed partibus locem*). Въ другомъ мѣстѣ (3,19) онъ разсказываетъ, что желалъ бы купить одно плодородное имѣніе; единственно что его останавливало, это то, что имѣніе обрабатывается мелкими фермерами, на которыхъ накопилось столько недоимокъ, что прежній собственникъ уже нѣсколько разъ былъ вынужденъ продавать ихъ имущество (въ томъ числѣ вѣроятно скотъ и орудія обработки). Понятно, что при такихъ условіяхъ "нищета колоновъ и постоянные неурожаи понизили не только доходность, но и цѣну имѣній. (Ср. 3,19: *verum et hoc penuria colonorum et communi temporis iniquitate, ut reditus agrorum, sic etiam pretium retro abiit*).

Имѣніе о которомъ онъ говоритъ, прежде стоило 500000 нынѣ лишь 300000 сестерціевъ. И это происходитъ въ эпоху глубокаго внутренняго мира и внѣшняго процвѣтанія имперіи: что же должно было происходить въ III вѣкѣ съ его безконечными войнами, анархіей и набѣгами варваровъ.

Если наряду съ задолженностью фермеровъ принять во вниманіе привычку къ данной мѣстности, консерватизмъ и упорство земледѣльца, наконецъ прямое принужденіе со стороны могущественнаго помѣщика или его уполномоченныхъ, то сдѣлается вполнѣ понятнымъ, что прежніе свободные фермеры постепенно все болѣе прикрѣпляются къ имѣнію и сами забываютъ о своей свободѣ.

Въ этомъ смыслѣ особенно любопытна одна надпись, найденная въ 1879 г. въ Африкѣ: арендаторы императорскаго имѣнія (saltus Burunitanus) воздвигнули ее въ память успѣха ихъ прошенія, обращеннаго къ Коммоду, (180-192) и содержавшаго жалобы на управляющаго имѣніемъ (procurator) и главнаго фермера (conductor Аллій Максимъ), снимавшаго все огромное имѣніе и сдававшего его по частямъ этимъ самымъ мелкимъ арендаторамъ, приносшимъ императору свои жалобы. Надпись, къ сожалѣнію сильно пострадала, но все же въ высокой степени важна. (О ней Fustel de Coulanges „Rescherches sur quelques problemes d'histoire" стр. I сл. см. также Mommsen въ журналѣ Hermes т. XV, стр. 386 сл.). Арендаторы разсказываютъ, что вопреки "закону Гадріана", т.е. статуту, опредѣлявшему ихъ обязанности Аллій Максимъ систематически увеличивалъ ихъ барщину - ежегодно каждый изъ нихъ былъ обязанъ два дня

пахать, два дня сѣять и два дня жать, - а когда они обратились съ жалобой къ императору, онъ воспользовался дружбой управляющаго, отправилъ въ имѣніе солдатъ и подвергъ ихъ всякого рода истязаніямъ, не остановившись даже передъ тѣмъ, чтобы подвергнуть тѣлеснымъ наказаніямъ римскихъ гражданъ, которые были среди арендаторовъ. Въ виду этого они вторично обращаются къ императору, рескриптъ, котораго, прибавленный къ тексту ихъ петиціи, оправдалъ ихъ надежду: императоръ категорически запретилъ превышать законную норму ихъ обязанностей и требовать отъ нихъ болѣе шести дней барщины въ годъ.

Надпись, какъ видно уже изъ этого, даетъ очень много любопытнаго матеріала. Прежде всего мы видимъ изъ нея, что огромныя императорскія имѣнія не сдавались по участкамъ непосредственно мелкимъ арендаторамъ, а снимались крупнымъ ферморомъ, который затѣмъ отъ себя ужъ сдавалъ ихъ дальше. Мелкіе арендаторы фактически - разъ только управляющій, что, конечно, и было такъ въ большинствѣ случаевъ, былъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ богатымъ фермеромъ - были совершенно безпомощны по отношенію къ последнему. Они и сами сознаютъ эту безпомощность, говорятъ о себѣ въ униженныхъ выраженіяхъ: *miserrimi homines, rustici tui vernulae et alumni saltum tuorum* и что характернѣе всего, вовсе не думаютъ покинуть имѣніе, въ которомъ терпѣтъ явныя притѣсненія. Даже наоборотъ, они гордятся тѣмъ, что родились и выросли на земляхъ императора (*vernulae* отъ *verna, alumni*) и въ свою защиту ссылаются только на статутъ Гадріана, по которому и они и ихъ отцы жи-

ли вотъ уже около 50 лѣтъ.

Отъ эпохи Плинія Младшаго (около 100 г.) до эдикта Коммода (180-183) прошло всего 80 лѣтъ, а измѣненіе въ положеніи арендаторовъ бросается въ глаза. Арендаторы Коммода гораздо болѣе похожи на закрѣпощенныхъ колоновъ IУ вѣка, чѣмъ на мелкихъ, но свободныхъ фермеровъ I в. Весьма возможно, что это измѣненіе въ ихъ положеніи проявилось раньше всего именно на императорскихъ земляхъ, хотя мы и не имѣемъ несомнѣнныхъ данныхъ въ пользу этого предположенія. Статутъ, которымъ опредѣлялись условія, при соблюденіи которыхъ желающіе могли арендовать участки имѣнія, здѣсь исходилъ не отъ частнаго лица, а отъ самого императора и легко могъ превратиться изъ простого списка условій въ законъ, которымъ регулировались обязанности арендаторовъ, тогда какъ о ихъ правахъ въ немъ естественно не говорилось. Уже арендаторы Коммода ссылаются на "законъ Гадріана", опредѣляющій ихъ обязанности, а самъ Коммодъ называетъ его въ своемъ рескриптѣ *perpetua forma*, "данный на вѣчныя времена указъ". Права арендаторовъ забываются, на первый планъ выступаютъ обязанности. Отсюда только одинъ шагъ до того, чтобы принуждать ихъ къ исполненію своихъ обязанностей, еслибы они даже пожелали избавиться отъ нихъ, покинувъ тотъ участокъ земли, за обработку котораго они нѣкогда и взялись ихъ исполнять.

Этотъ послѣдній шагъ - принудительное прикрѣпленіе арендаторовъ къ землѣ, превращеніе ихъ изъ свободныхъ въ крѣпостныхъ колоновъ - повидимому былъ сдѣланъ еще

въ III вѣкѣ, хотя первое оффиціальное свидѣтельство о закрѣпощеніи колоновъ относится къ 332 году. Въ этомъ году Константинъ Великій издаетъ слѣдующій указъ: "Лицо, у котораго будетъ найденъ колонъ, принадлежащій другому, не только обязанъ вернуть его въ то имѣніе, въ которомъ онъ родился, но кромѣ того обязанъ внести поголовный налогъ за него за все время его пребыванія въ чужомъ имѣніи" (Apud quemcumque iuris alieni fuerit inventus, is non solum eundem origini suae restituat, verum super eodem capitationem temporis agnoscat.).

Дѣлать однако изъ этого выводъ, что самое закрѣпощеніе колоновъ совершилось именно въ этомъ году и этимъ указомъ, совершенно невозможно. Законодательный сборникъ Θеодосія II приводитъ лишь тѣ указы, которые были даны начиная съ Константина, а слѣдовательно если первый помѣщенный въ немъ указъ о колонахъ принадлежитъ именно Константину, это еще не значитъ, чтобы до Константина не было аналогичныхъ указовъ: въ римскихъ сборникахъ указы сплошь и рядомъ повторяются въ разныхъ формахъ по нѣсколько разъ. Да вдобавокъ указъ Константина очевидно имѣетъ спеціально въ виду одно изъ фискальныхъ послѣдствій крѣпощенія колоновъ: онъ разрѣшаетъ вопросъ, кто отвѣчаетъ за поголовную подать, лежащую на колонѣ: его собственный помѣщикъ, отъ котораго онъ бѣжалъ, или тотъ, который его принялъ у себя послѣ бѣгства, и разрѣшаетъ его очень логично въ послѣднемъ смыслѣ.

Основанія по которымъ слѣдуетъ предположить, что законное закрѣпощеніе колоновъ относится уже къ III вѣку, слѣдую-

щія: вопервыхъ именно въ это время внутренняя анархія и варварскія нашествія дѣлали положеніе земледѣльцевъ окончательно невыносимымъ: отсутствіе личной безопасности при частой невозможности обрабатывать землю или воспользоваться урожаемъ должно было привести къ массовому стремленію землевладѣльцевъ укрыться отъ опасностей въ укрѣпленныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Непосредственнымъ результатомъ этого было не только значительное сокращеніе доходности имѣній, но сокращеніе суммы поземельнаго (и поголовнаго) налога. А между тѣмъ, пропорціонально росту государственныхъ задачъ, - отраженіе варваровъ, подавленіе возстаній, устраненіе анархій - ростутъ и государственныя потребности. Бѣгство земледѣльцевъ въ города или въ разныя недоступныя мѣста (горы, лѣса) затрагивало, такимъ образомъ, интересы двухъ могущественнѣйшихъ факторовъ римской жизни - аристократіи и императоровъ. Весьма естественно, что послѣдніе, земельныя владѣнія которыхъ были огромны, запрещаютъ это бѣгство, т.е. лишаютъ свободныхъ людей, колоновъ, одного изъ ихъ существеннѣйшихъ правъ, а именно - права свободнаго передвиженія съ одного мѣста на другое, иначе говоря - закрѣпощаютъ ихъ.

Среди землевладѣльцевъ тенденція къ закрѣпощенію колоновъ проявляется довольно рано. Еще Филиппъ Арабъ (244 - -249) въ рескриптѣ 244 года (l. 11 C. J. 4, 65) говоритъ: "invitos conductores (= colonos) seu heredes eorum post tempora locationis impleta, retinendos non esse, saepe rescriptum est" (Часто было постановлено, чтобы не задерживать противъ ихъ

воли арендаторовъ или ихъ наслѣдниковъ по истеченіи срока аренды). Но какъ многія другія запрещенія, и это не имѣло успѣха. Либо въ такъ называемую эпоху 30 тирановъ (251--268), когда въ разныхъ частяхъ имперіи было провозглашено около 20 императоровъ, либо, что вѣроятнѣе, въ эпоху реставраціи имперіи при иллирійскихъ императорахъ (268-304), былъ сдѣланъ необходимый при данныхъ условіяхъ последній шагъ, и закрѣпощеніе состоялось. Возможно даже, что крестьянское возстаніе багаудовъ въ Галліи стоитъ въ связи съ этимъ фактомъ.

Переходъ къ окончательному закрѣпощенію колоновъ былъ, впрочемъ, значительно упрощенъ еще и тѣмъ, что еще до него колоны записывались въ описи имѣній, составлявшіяся съ цѣлью выясненія ихъ податной силы (отсюда выраженія *censiti, censibus adscripti, adscripticii*). Сама по себѣ эта запись не имѣла юридическаго значенія въ смыслѣ закрѣпощенія, но при неблагопріятныхъ для колоновъ условіяхъ, она легко могла пріобрѣсти такое значеніе: колоны могли войти въ инвентарь имѣнія, расточеніе или уничтоженіе котораго въ фискальныхъ цѣляхъ было очень нежелательно. Приписка къ оцѣночной описи имѣнія могла сдѣлаться доказательствомъ законной, вѣчной и наслѣдственной принадлежности колона имѣнію.

Таковъ первый и главный источникъ колоната, т.е. крѣпостного, земледѣльческаго населенія имперіи. Ростъ крупнаго землевладѣнія и экспропріація мелкихъ собственниковъ переходъ отъ крупнаго рабскаго хозяйства къ мелкому арендному, экономическій упадокъ арендаторовъ, фактическое прикрѣпоеніе большинства изъ нихъ въ силу задолженности, обы-

чая и отсутствія другого источника дохода для нихъ, наконецъ, юридическое прикрѣпленіе всѣхъ вслѣдствіе опасности ихъ своевольнаго ухода для интересовъ государства и аристократіи - вотъ главные этапы того процесса, который превратилъ всю свободную земледѣльческую массу въ крѣпостную.

Наряду съ этимъ основнымъ процессомъ, имѣютъ впрочемъ, значеніе еще нѣкоторыя добавочныя причины, которыя содѣйствовали созданію колоната. Сюда относится поселеніе покоренныхъ варварскихъ племенъ на имперскихъ земляхъ и надѣленіе рабовъ участками земли для отдѣльной обработки.

Что касается прежде всего послѣдняго пункта, то не подлежитъ сомнѣнію, что собственники неоднократно предоставляли тотъ или иной участокъ своей земли рабамъ, чтобы заинтересовать ихъ въ результатахъ ихъ работы и тѣмъ устранить основной недостатокъ рабскаго труда, или съ тѣмъ, чтобы вознаградить ихъ за какія нибудь услуги и т.д. Юридическаго значенія, однако, такой фактъ не имѣлъ: хозяинъ во всякое время могъ отнять у раба его участокъ и заставить его снова вернуться къ прежней жизни или продать его. Но тотъ же самый обычай и тотъ фактъ приписки къ оцѣночной описи имѣнія, который постепенно лишаетъ колона его свободы, можетъ обезпечить положеніе раба: онъ становится такой же частью инвентаря, какъ колонъ, и сохраняетъ свой участокъ земли, приближаясь, такимъ образомъ, къ положенію крѣпостного, чему еще содѣйствуетъ гуманное направленіе философіи этого времени, а затѣмъ и христіанская проповѣдь. Но во всякомъ случаѣ это источникъ от-

носительно очень неважный. Въ общемъ крѣпостная масса не поднялась надъ рабскимъ уровнемъ, а наоборотъ спустилась съ уровня свободнаго человѣка.

Гораздо большее, хотя и далеко не первенствующее значеніе, имѣетъ поселеніе покоренныхъ варварскихъ племенъ въ предѣлахъ имперіи, въ которомъ многіе ученые (Lumpt, Huschke, Savigni, Laboulaye, Kuhn, Marquardt) усматривали главный источникъ колоната. На самомъ дѣлѣ въ Codex Theodosianus сохранился слѣдующій любопытный указъ императоровъ Гонорія и Θеодосія II отъ 409 года: "Мы покорили нашей власти варварскій народъ Скировъ... разбивъ ихъ отряды. Въ виду этого мы позволяемъ всѣмъ поселять людей изъ названнаго племени на собственныхъ земляхъ съ тѣмъ, однако, чтобы всѣ знали что принятые ими варвары должны находиться у нихъ не иначе, какъ на правахъ колоновъ". Но этотъ указъ, какъ видно, относится къ такому времени, когда римскій колонатъ давно существовалъ, и Скиры, такимъ образомъ, могли только увеличить число колоновъ, но не могли создать колонатъ. Спрашивается, однако, не были ли поселены въ имперіи на условіяхъ крѣпостного состоянія и тѣ массы варваровъ, которые, особенно со II вѣка, попадали въ римскій плѣнъ, и не были ли перенесены эти условія уже позже и по аналогіи на римскихъ земледѣльцевъ?

Прежде всего нужно замѣтить, что первыя крупныя поселенія варваровъ въ предѣлахъ имперіи относятся къ эпохѣ Марка Аврелія или точнѣе къ эпохѣ его продолжительной и успѣшной борьбы съ Маркоманами и Квадами (165-180):

"accepit in dedicionem Marcomannos, plurimis in Italiam traductis" (vita Marci, 22) и "aequitatem etiam circa captos hostes custodivit; infinitos ex gentibus in Romano solo collocavit" (ib., 24), говоритъ по этому поводу его біографъ. Но къ этому времени, какъ видно изъ Плинія Младшаго и эдикта Коммода о колонахъ бурунитанскаго имѣнія, ухудшеніе экономическаго и соціальнаго положенія римскихъ колоновъ уже начало ихъ приближать къ крѣпостному состоянію, независимо отъ условій поселенія варваровъ въ имперіи.

Далѣе, характерная особенность колоната заключается въ томъ, что отдѣльный колонъ принадлежитъ къ опредѣленному имѣнію и обрабатываетъ за извѣстную часть дохода (обыкновенно одну треть - tertiae partes) и за опредѣленную барщину опредѣленный уголокъ даннаго имѣнія. Относительно варваровъ же мы не знаемъ ничего подобнаго. Едва ли конечно можетъ подлежать сомнѣнію, что поселяя ихъ въ опредѣленной мѣстности и предоставляя имъ обрабатывать ее, императоры взимаютъ съ нихъ извѣстную плату деньгами или, что вѣроятнѣе, натурой и кромѣ того запрещаютъ имъ покидать ее своевольно. Эти мѣстности по всему вѣроятію, соотвѣтствуютъ тѣмъ территоріямъ Соединенныхъ штатовъ Сѣверной Америки, пользованіе которыми предоставлено краснокожимъ, - но изъ этого еще не слѣдуетъ, что они сдѣлались чѣмъ то вродѣ крѣпостныхъ арендаторовъ имѣній данной области. То что ихъ сближаетъ съ колонами IУ и слѣд. вѣковъ - это не обработка опредѣленнаго имѣнія по участкамъ, а запрещеніе свободнаго передвиженія. Ихъ положеніе могло заставить римлянъ привыкнуть къ такого рода запрещенію,

но не могло создать класса людей, къ которому можно было примѣнить это запрещеніе.

Да наконецъ, несмотря на возрастающее количество варварскихъ поселенцевъ - возрастанію его содѣйствовала и большая плодовитость варваровъ сравнительно съ римлянами и большое количество плѣненныхъ или покоренныхъ въ III в. варваровъ - число ихъ значительно увеличивается лишь къ III-ьему вѣку, когда процессъ закрѣпощенія римскихъ колоновъ и безъ того близится къ концу.

Весьма возможно, наконецъ, что развитію колоната содѣйствовали разнаго рода мѣстныя условія. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ старшій современникъ Августа, Варронъ (de re rust. I, 17, 2): "всѣ земли обрабатываются либо рабами либо свободными людьми, либо и тѣми и другими вмѣстѣ: свободные люди либо сами обрабатываютъ свои собственныя земли, какъ многіе бѣдные это дѣлаютъ вмѣстѣ со своимъ потомствомъ, либо состоятъ на жалованіи (mercenarii), совершая на условіяхъ найма болѣе значительныя работы....; сюда же принадлежатъ тѣ, которыхъ мы называемъ задолжавшими (obaerati) и которыхъ еще теперь очень много въ (провинціи) Азіи и въ Египтѣ и въ Иллиріи". Очевидно, Варронъ здѣсь имѣетъ въ виду свободныхъ людей, которые однако не могутъ своевольно покинуть обрабатываемыхъ ими земель и которыхъ римляне, еще не знакомые съ крѣпостнымъ состояніемъ, называютъ задолжавшими. Относительно Египта въ частности и другія данныя приводятъ, повидимому, къ тому заключенію, что здѣсь еще въ эпоху Птоломеевъ, а быть можетъ и раньше, существовалъ значительный классъ крѣпост-

ныхъ. Аналогичныя данныя мы имѣемъ далѣе относительно временъ Цезаря гдѣ завоеватель отмѣчаетъ также большое количество "задолжавшихъ и приниженное положеніе народной массы вообще. Условія, при которыхъ здѣсь, а также вѣроятно въ Иллиріи, развивались сходныя съ крѣпостнымъ правомъ отношенія, несомнѣнно совсѣмъ иныя, чѣмъ въ средѣ римскихъ арендаторовъ (а также вѣроятно въ Египтѣ и Азіи), но результатъ въ обоихъ случаяхъ мало чѣмъ отличается. То, что въ Галліи и Иллиріи было результатомъ очень примитивныхъ соціальныхъ и политическихъ условій, легко могло комбинироваться съ результатами соціально-экономической жизни имперіи и принять такія формы, которыя выработались именно среди римлянъ, а раньше уже въ Египтѣ и въ предѣлахъ древняго пергамскаго царства.

Тѣмъ не менѣе однако центральное значеніе въ процессѣ возникновенія колоната имѣетъ спеціально римская сторона его развитія. Если бы соціально-экономическое развитіе господствующаго и въ политическомъ и въ культурномъ отношеніи народа вело не къ его закрѣпощенію а, наоборотъ, къ свободному развитію его экономическихъ и культурныхъ силъ, это не могло бы не привести къ аналогичнымъ результатамъ среди всей массы населенія. Рѣшающее значеніе, такимъ образомъ, имѣетъ именно тотъ фактъ, что экономическое развитіе привело къ закрѣпощенію самихъ римлянъ. При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о расторженіи узъ, лежавшихъ на покоренномъ населеніи.

Но закрѣпощеніе крестьянъ не единственный признакъ упадка экономической жизни и общественной самодѣятельности, характеризующаго утреннюю жизнь имперіи, особенно съ III в.

Еще болѣе любопытно постепенное закрѣпощеніе цѣлаго ряда других классовъ, особенно декуріоновъ.

Выше мы видѣли, что римская имперія I-го вѣка отличается чрезвычайно большимъ развитіемъ самоуправленія. Римскій городъ обладаетъ весьма значительной самостоятельностью, доходящей въ иныхъ случаяхъ до почти полной свободы. Въ то же время рядъ данныхъ - въ томъ числѣ напримѣръ помпеянскія надписи, касающіяся избирательной кампаніи, - доказываютъ, что выборы городскихъ магистратовъ возбуждаютъ большой интересъ въ населеніи и что граждане добиваются званія дуумвира и декуріона несмотря на то, что это должности чисто почетныя | *honores* | и не оплачиваемыя. Независимо отъ той власти или вліянія, которыя соединены съ этими должностями въ мѣстной жизни, это объясняется, по крайней мѣрѣ во всѣхъ городахъ римскаго или латинскаго права, еще и тѣмъ, что пройдя городскія должности | *omnibus honoribus functus* | часто отмѣчается въ надписяхъ о томъ или иномъ лицѣ | можно было получать право римскаго гражданства, либо воспользоваться имъ для поступленія на императорскую службу, или - таковъ высшій идеалъ провинціала - попасть въ число римскихъ магистратовъ республиканской эпохи |квесторы-эдилы и трибуны-преторы-консулы| и вмѣстѣ съ тѣмъ въ сенатъ.

Литографія Богданова. Эртелевъ пер. д.I-I2.
Директоръ

Между тѣмъ мы видимъ, что въ IУ вѣкѣ народъ устраненъ отъ избранія городскихъ магистратовъ, а декуріонатъ сдѣлался наслѣдственнымъ и чрезвычайно тяжелымъ бременемъ, лежащимъ на болѣе состоятельныхъ гражданахъ данной *civitas* : его не только не добиваются, императоры даже наоборотъ, цѣлымъ рядомъ указовъ подчеркиваютъ его наслѣдственность и въ иныхъ случаяхъ преступники въ видѣ наказанія присоединяются къ декуріонамъ.

Чѣмъ же объясняется такой глубокій упадокъ городского самоуправленія, которое въ тоже самое время подчиняется возрастающему контролю центральной власти ?

Долгое время предполагали, что причину упадка римскаго самоуправленія слѣдуетъ искать именно въ возрастающемъ вмѣщательствѣ императоровъ, деспотическая власть которыхъ не мирилась съ автономіей городовъ. Весьма естественно, что по мѣрѣ того, какъ развивалась императорская бюрократія, она пріобрѣтала все болѣе постоянное вліяніе на ходъ мѣстныхъ дѣлъ, но придавать этому факту особенное значеніе нельзя уже потому, что это развитіе въ сущности начинается только съ Гадріана |II8-I37| и завершается лишь въ III и IУ в., тогда какъ первые признаки упадка городовъ относятся уже къ I в.
Уже Плиній младшій говоритъ о лицахъ, *qui inviti fiunt decuriones* | *ep.* I0,II3; *cp. Corp. inscr. lat.* 5,332: *munera decurionatus onerosa iam ut paucis*; *l.* 2 § 8 50,2|, а императоръ Антонинъ |I38-I65| о такихъ, *qui compulsi magistratu funguntur* | *l.* 38, § 6 *D.* 50,I|.

Уже Траянъ |98-II8| счелъ необходимымъ назначать *curatores rei publicae* , а также коммиссаровъ *ad corrigandum statum liberarum civitatium* для надзора надъ городскими финансами и упорядоченія ихъ состоянія. Переписка его съ Плиніемъ Младшимъ, проконсуломъ Вифиніи доказываетъ, что упадокъ городовъ замѣчается не только въ Италіи, но, пожалуй, даже больше на востокѣ, въ частности опять таки въ финансовомъ отношеніи: произведенія Діона Хрисостома, Плутарха и позднѣе Филострата даютъ аналогичные факты для другихъ греческихъ областей.

Возрастающее вмѣшательство власти въ городскія дѣла, такимъ образомъ, не можетъ быть признано основной причиной этого упадка: отчасти оно играетъ роль симптома этого упадка, отчасти оно ускорило его, но самый упадокъ городовъ начался независимо отъ него.

При выясненіи причинъ городского упадка въ имперіи слѣдуетъ принимать въ разсчетъ три фактора: I| что основой городского хозяйства, а также и хозяйства большей части населенія были доходы съ поземельной собственности города или частныхъ лицъ, 2| что взиманіе государственныхъ податей въ предѣлахъ каждой *civitas* составляло обязанность городскихъ властей, которые отвѣчали за поступленіе всей установленной правительствомъ суммы въ соотвѣтственную государственную кассу, и 3|что лица муниципальнаго происхожденія, но пріобрѣвшія званіе римскаго сенатора, переставали входить въ составъ данной *civitas* , не подлежали тѣмъ натуральнымъ повин-

ностямъ, которыя лежали на гражданахъ города, и не могли занимать въ немъ ни муниципальныхъ должностей, ни званія декуріона. Если принять въ разсчетъ эти условія, становится яснымъ какое значеніе для городского хозяйства долженъ былъ имѣть тотъ процессъ концентраціи земель, который имѣлъ такое огромное значеніе при возникновеніи колоната.

Въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ процессъ концентраціи землевладѣнія распространяется на провинціи, падаетъ среднее и мелкое землевладѣніе. Но въ то же время крупные собственники стремятся перейти въ составъ римскихъ гражданъ, а дальше и сенаторовъ, такимъ образомъ, переносятъ центръ своихъ интересовъ изъ родного города въ Римъ и теряютъ связь съ родиной. Естественно, что именно они, матеріально наиболѣе обезпеченные, и могли прежде всѣхъ брать на себя большіе расходы, соединенные съ званіемъ дуумвира или декуріона; теперь, когда эти суммы тратятся на римскія магистратуры, становится, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе затруднительнымъ, а наконецъ и совершенно невозможнымъ, найти необходимое число кандидатовъ на городскія должности. Тогда приходится прибѣгнуть къ принудительному пополненію должностей, предусмотрѣнному уже статутомъ города Малаки | lex Malacitana | данному въ 81-84 г. Домиціаномъ.

"Если къ тому дню", говорится здѣсь въ 51 главѣ, "къ которому кандидаты должны заявить свои имена, вовсе не будетъ сдѣлано заявленіе или будетъ заявлено меньше именъ чѣмъ нужно будетъ избрать лицъ, или, наконецъ, если тѣхъ

изъ выставившихъ свою кандидатуру, которые могутъ быть избираемы на основаніи этого закона, будетъ меньше, чѣмъ нужно, тогда тотъ, кто долженъ предсѣдательствовать на избирательномъ собраніи, долженъ выставить такъ, чтобы каждый могъ прочесть ихъ съ улицы, столько именъ такихъ лицъ, которыя могутъ добиваться означенной должности на основаніи этого закона, сколько не будетъ доставать до того числа должностныхъ лицъ, которое должно быть избрано на основаніи этого закона. Тѣ, имена которыхъ такимъ образомъ будутъ объявлены, могутъ, если захотятъ, каждый порознь заявить предсѣдательствующему по одному имени лица одинаковаго съ ними положенія; послѣдніе, въ свою очередь, если захотятъ, опять таки каждый порознь могутъ сдѣлать то же съ соблюденіемъ того же условія. Тотъ же, которому было сдѣлано это заявленіе, долженъ выставить всѣ эти имена такъ, чтобы ихъ удобно можно было прочесть съ улицы, и всѣ они тоже должны приниматься въ разсчетъ при избраніи, какъ будто и ихъ имена были заявлены въ законный срокъ и какъ будто они добровольно пожелали выставить свою кандидатуру и не пожелали отказаться отъ этого намѣренія".

Изъ почести, которой добиваются, званіе дуумвира становится бременемъ, которое по очереди падаетъ на всѣхъ состоятельныхъ членовъ городской общины, свободно-рожденныхъ, достигшихъ законнаго возраста и не запятнанныхъ ни позорнымъ ремесломъ, ни преступленіемъ. Вмѣстѣ съ этимъ самая процедура избранія становится чисто формальной: разъ число кандидатовъ равно числу должностныхъ

лицъ, которыя должны быть избраны, фактически участіе народнаго собранія становится совершенно излишнимъ. Его мѣсто - какъ и въ Римѣ - занимаетъ городская курія, съ которой имѣющій произвести выборы дуумвировъ, разумѣется, совѣщается относительно тѣхъ лицъ, имена которыхъ въ данномъ случаѣ должны быть выставлены. Понятно, что въ связи съ этимъ совершенно измѣняется и характеръ куріи: она уже не пополняется народнымъ избраніемъ, а кооптаціей, такъ какъ дуумвиры, поступающіе по истеченіе срока своей службы въ курію, фактически избираются уже не народомъ, а самой куріей. Таковъ дѣйствительно результатъ, къ которому привелъ этотъ процессъ почти всюду уже въ III вѣкѣ. Вдобавокъ, какъ императоръ со времени Тиберія |14-37| рекомендовалъ римскому сенату своихъ кандидатовъ, избраніе которыхъ было обязательно, такъ въ провинціальныхъ городахъ намѣстники пользовались правомъ давать куріи "совѣты" | consilium |, кого слѣдуетъ избрать.

Таковы чисто мѣстныя, городскія условія, приводящія къ упадку самоуправленія. Вліяніе ихъ на ходъ городскихъ дѣлъ, очевидно было очень значительно. Тамъ, гдѣ управленіе городскими дѣлами, а въ частности финансами, городскими доходами и расходами, находится въ рукахъ замкнутой олигархіи, по своему усмотрѣнію и согласно своимъ интересамъ допускающей или недопускающей новыхъ членовъ въ свой составъ, все управленіе неминуемо становится узко-классовымъ и партійнымъ. Не только распоряженія финансоваго характера, опредѣленіе высоты обложенія жителей городскихъ налогами, распредѣленіе государственныхъ

налоговъ между ними, сдача разнаго рода подрядовъ и другихъ городскихъ работъ, но и судопроизводство неизбѣжно пріобрѣтаетъ сословный характеръ.

"Сколько декуріоновъ, столько и тиранновъ въ городѣ", говоритъ въ началѣ У вѣка марсельскій пресвитеръ Сальвіанъ, и едва ли можно сомнѣваться, что такъ было и раньше. Аналогія римской и средневѣковой олигархіи не позволяетъ усомниться въ этомъ. И чѣмъ болѣе ухудшалось положеніе декуріоновъ, чѣмъ тяжелѣе становилось лежавшее на нихъ податное бремя, чѣмъ труднѣе было выбраться изъ ихъ числа, тѣмъ эгоистичнѣе, разумѣется, становилось ихъ управленіе. Мы еще увидимъ, что въ концѣ концовъ власть |въ 364 г.| была принуждена создать особую должность "защитника народа" | defensor plebis |, причемъ спеціально оговаривалось, что онъ не долженъ принадлежать ни къ провинціальнымъ чиновникамъ, ни къ декуріонамъ. Ему поручалась особенная забота о сельскомъ населеніи и вмѣнялось въ обязанность доводить до свѣдѣнія высшихъ властей о неправильномъ распредѣленіи налоговъ |Ср. C. I,25. C. Th. I,29|.

Независимо отъ этого и значительно раньше подверглась ограниченію, какъ финансовая, такъ и судебная автономія городовъ. Тѣ curatores rei publicae коммиссары ad corrigendum statum городовъ, curatores kalendarii correctores, которые встрѣчаются съ конца I-го вѣка для контроля надъ финансовымъ управленіемъ городовъ также должны были ограничить финансовыя злоупотребленія городовъ, поскольку они могли отразиться

на интересахъ государства какъ *consulares* и *iuridici* встрѣчающіеся въ Италіи съ Гадріана и Марка Аврелія, должны были контролировать судопроизводство.

Нечего говорить, что всѣ эти мѣры имѣютъ чисто паллiативный характеръ; онѣ стараются устранить не причины возрастающаго зла, а его признаки и, слѣдовательно, не могутъ имѣть сколько нибудь значительнаго вліянія.

А между тѣмъ государство было чрезвычайно заинтересовано въ благосостояніи городовъ и въ добропорядочности ихъ администраціи; мы уже видѣли, что оно не само взимаетъ налоги, а предоставляетъ эту функцію, о важности которой нечего распространяться, городскимъ властямъ. Императоры сами заявляютъ, что "блескъ курій представляетъ для нихъ предметъ величайшей заботы" | *l.* 34 ср. 66 C. *Th.* I2,I: *ordines curiarum, quorum nobis splendor vel maxime cordis est* |, а риторъ IУ в. Либаній |Ip.57I *R.*| заявляетъ, что "сила куріи составляетъ душу города и государства."

Заботясь преимущественно объ исправномъ поступленіи податей, государство, повидимому, съ самаго начала сдѣлало городскихъ магистратовъ отвѣтственными за ихъ поступленіе. Среди многочисленныхъ тяжелыхъ обязанностей дуумвировъ, эта отвѣтственность представляла самую тяжелую. Покуда города процвѣтали и богатѣйшіе граждане не удалились изъ нихъ, покуда особенно среднее и мелкое землевладѣніе еще не подверглись концентраціи въ рукахъ магнатовъ, всегда имѣвшихъ возможность освободить себя отъ уплаты налоговъ, и вдобавокъ свободныхъ отъ цѣлаго ряда

повинностей, положеніе городского хозяйства и въ этомъ отношеніи было еще сравнительно болѣе благопріятно. Но съ теченіемъ времени взиманіе податей становится все болѣе затруднительнымъ и дуумвиры постоянно должны ихъ пополнять изъ своихъ средствъ. Въ то же время сами дуумвиры превращаются въ представителей куріи и государство, видя невозможность взвалить всю отвѣтственность за поступленіе налоговъ на дуумвировъ, устанавливаетъ круговую поруку декуріоновъ. Съ этого момента собственно и начинается мортирологъ куріи. Подобно тому какъ колоны были закрѣпощены въ интересахъ аристократіи и особенно государства, такъ теперь подвергаются той же участи и декуріоны.

Третій вѣкъ со своими войнами и возстаніями и здѣсь особенно ускорилъ ходъ процесса: взиманіе податей при постоянномъ раззореніи полей какъ варварами, такъ и собственными римскими войсками чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе становится невозможнымъ, особенно, такъ какъ требованія государства растутъ и декуріоны |или куріалы| стремятся избавиться отъ своего разорительнаго, вслѣдствіе круговой поруки, званія. Они уходятъ на государственную службу, гдѣ число чиновниковъ постоянно возрастаетъ, а съ IУ вѣка - въ христіанское духовенство или монашество, наконецъ, прямо спасаются бѣгствомъ, оставляя свои раззоренныя земли на произволъ судьбы. Но если ихъ не будетъ, то кто же будетъ отвѣчать за поступленіе налоговъ ? Можно было бы, правда, снять съ нихъ это бремя и предоставить распредѣленіе и взиманіе государственныхъ налоговъ,

какъ это дѣлается въ современныхъ государствахъ, государственнымъ же чиновникамъ. Но для этого необходимо создать цѣлый новый и сложный штатъ служащихъ, которыхъ еще нѣтъ, и, что еще важнѣе съ фискальной точки зрѣнія, нужно открыть новую статью расхода на ихъ жалованіе, тогда какъ декуріоны взимаютъ подати безвозмездно. Наконецъ, декуріоны, такъ или иначе, всетаки классъ лицъ, обладающій опредѣленнымъ земельнымъ или инымъ имуществомъ, а слѣдовательно есть къ чему обратиться въ случаѣ недоимки, тогда какъ средніе или низшіе чиновники большею частью не обладаютъ такими средствами, которыя могли бы служить залогомъ успѣшности ихъ дѣятельности и, вдобавокъ, правительство не безъ основанія не довѣряетъ ихъ честности.

Въ результатѣ, разъ оказывается неудобнымъ передать взиманіе податей чиновникамъ, только и остается прикрѣпить декуріоновъ къ ихъ обязанности, превратить взиманіе податей въ ихъ основную и наслѣдственную повинность. Этотъ шагъ, какъ уже замѣчено, и былъ сдѣланъ, вѣроятно уже въ III в.

Въ высшей степени характерно, что декуріоны вдобавокъ были обязаны отвѣчать и за налоги, лежавшіе на опустѣвшихъ земляхъ: еще Авреліанъ постановилъ, что городскія куріи отвѣчаютъ за такія земли, и что, если ихъ собственникъ не найдется, то курія обязывается взять на себя ихъ обработку, за то въ теченіе трехъ лѣтъ пользуется освобожденіемъ отъ налоговъ /l. 1 C. J. 11, 59 de omni agro deserto/

Закрѣпощенiе земледѣльческой массы, такимъ образомъ, сопровождалось закрѣпощенiемъ остатковъ средняго землевладѣнiя.

Дальше мы увидимъ, что та же мѣра была примѣнена и къ войску, и къ чиновникамъ, и къ торгово-промышленному классу, къ послѣднему, по крайней мѣрѣ настолько, на сколько это казалось необходимымъ въ интересахъ государства. Въ основѣ всѣхъ этихъ явленiй лежитъ одинъ и тотъ же фактъ: упадокъ экономической жизни государства вслѣдствiе крайней неравномѣрности въ распредѣленiи средствъ къ существованiю и производству и проистекающее отсюда затрудненiе свободной конкурренцiи наряду съ тяжелыми внутренними и внѣшними условiями постепенно парализуютъ самодѣятельность общества. Вмѣсто того, чтобы приниматься за тѣ или иныя занятiя добровольно, вмѣсто того, чтобы добиваться ихъ, общество, наоборотъ, старается отъ нихъ отдѣлаться. Колоны, добивавшiеся права обрабатывать опредѣленный участокъ на арендныхъ началахъ, бѣгутъ отъ земли; горожане, добивавшiеся званiя дуумвира и декурiона, стараются избавиться отъ него; судохозяева, стремившiеся перевозить египетскiй хлѣбъ въ Римъ, не хотятъ продолжать эту сторону своей дѣятельности; сенаторы, интриговавшiе изъ за избранiя ихъ преторами и консулами, боятся громадныхъ расходовъ, соединенныхъ съ этими магистратурами, и перестаютъ являться въ Римъ, потерявшiй вдобавокъ значенiе политическаго центра и т.д. А государство, податная система котораго была разсчитана на добровольное участiе общества въ несенiи цѣлаго ряда по-

винностей, въ то же время увеличиваетъ свои требованія и замѣняетъ добровольное несеніе повинностей принудительнымъ, самодѣятельность общества замѣняетъ закрѣпощеніемъ.

Такова одна изъ сторонъ внутренняго упадка имперіи,

Какъ уже сказано, онъ становится замѣтнымъ уже съ конца I-го вѣка, но быстро и рѣшительно ускоривается въ III вѣкѣ. Тѣ самыя безчисленныя узурпаціи и успѣхи варварскихъ нашествій, которые основываются на немъ и являются его симптомами, въ то же время устраняютъ главное благодѣяніе, оказанное имперей провинціямъ, а именно внѣшнюю и внутреннюю безопасность и энергично содѣйствуютъ упадку не вызванному но, во всякомъ случаѣ, ускоренному ими.

Параллельно съ соціальнымъ зломъ имперія, чѣмъ дальше тѣмъ больше, страдаетъ еще отъ другого, не менѣе опаснаго недуга, - отъ сокращенія количества народонаселенія особенно замѣтнаго какъ разъ среди культурной части населенія. | Cp. Seek, Geschichte des Untergangs der antiken Welt. I стр. 338|.

И это явленіе стоитъ въ самой тѣсной связи съ экономическимъ положеніемъ населенія. Обостреніе борьбы за существованіе и далѣе возрастающее затрудненіе ея для массы населенія всегда отражается на количествѣ браковъ съ одной, на смертности и физическомъ вырожденіи населенія съ другой стороны.

Въ высокой степени характерно, что первыя жалобы на возрастающую склонность къ безбрачію и на стремленіе но-

кусственно ограничить число дѣтей, встрѣчается именно въ Греціи, экономическая и культурная жизнь которой была значительно древнѣе, чѣмъ римская. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ Полибій |37,7| во второй половинѣ II вѣка до Р.Х.: "Мы не видали ни эпидеміи, ни долгой войны, а между тѣмъ наши города пустѣютъ. Не будемъ обвинять боговъ и обращаться къ оракуламъ: и лѣкарства и болѣзнь заключаются въ насъ самихъ. Подъ вліяніемъ разврата и лѣни у насъ избѣгаютъ заключенія брака и если отъ временныхъ связей родятся дѣти, изъ нихъ оставляютъ жизнь лишь одному или двумъ, чтобъ и они были также богаты, какъ и мы сами. Но стоитъ болѣзни погубить одного изъ нихъ, войнѣ - другого и домъ пустѣетъ. Вотъ какъ гибнутъ наши города". "Когда я возвращался изъ Азіи и изъ Эгиніи плылъ по направленію къ Мегарѣ", разсказываетъ лѣтъ 80 спустя Цицеронъ | ep 4,5,4| я сталъ оглядывать страны, лежавшія вокругъ меня: за мной была Эгина, предо мной - Мегара, съ правой стороны Пирей, съ лѣвой - Коринѳъ. Нѣкогда эти города были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, теперь лежатъ передъ путешественникомъ раззоренные и погубленные. И сталъ я думать: увы, мы людишки негодуемъ, если кто нибудь изъ нашихъ умеръ или былъ убитъ, а вся наша жизнь должна быть еще короче, если вспомнить, что на одномъ мѣстѣ разбросано столько городскихъ труповъ". Что положеніе дѣлъ не измѣнилось и позднѣе, въ эпоху имперіи, разсказываютъ хотя бы жалобы Страбона |ок. Р.Х.| и замѣчаніе Плутарха |ок. 70 г. по Р.Х.| , объясняющаго почему боги дали оракуламъ замолкнуть: "къ чему въ самомъ

дѣлѣ можетъ послужить оракулъ, существовавшій нѣкогда въ Те ирахъ или на горѣ Птоонѣ, гдѣ теперь можно путешествовать цѣлый день и едва встрѣтить пастуха ? |de def. orac. 8 |. Вотъ до чего по его словамъ дошло всеобщее обезлюденіе, которое онъ, впрочемъ, въ отличіе отъ Полибія объясняетъ "волненіями и войнами происходившими |въ эпоху римскихъ гражданскихъ смутъ| на всемъ земномъ шарѣ".

То что въ Греціи замѣчалось еще въ эпоху Платона и Аристотеля - характерно, что къ этому времени относится первая коммунистическая утопія |авторомъ которой былъ Платонъ. См. объ этомъ Pöhlmann, Geschichte des antiken Communismus und Socialismus. т.I|, - то начало пугать римлянъ въ началѣ перваго вѣка до Р.Хр.

Тогда цензоръ Кв. Метеллъ обратился къ народу съ рѣчью противъ безбрачія, содержаніе которой тоже любопытно, какъ комментарій писателя II в. нашей эры, Авла Геллія, къ ней.

"Нѣкоторымъ казалось", говоритъ послѣдній |noct. att. I,6,3|, "что цензоръ Кв. Метеллъ, разъ онъ желалъ побудить гражданъ вступать въ браки, не долженъ былъ говорить о тягости и постоянныхъ неудобствахъ брачной жизни: вѣдь это значитъ не побуждать къ браку, а скорѣе удерживать и отпугивать отъ него. Онъ, дескать, наоборотъ, долженъ былъ настаивать на томъ, что въ большинствѣ случаевъ съ бракомъ вовсе не связаны никакія неудобства и что, если

тѣмъ не менѣе какія либо окажутся на лицо, то они легки и незначительны и искупаются наслажденіями, что, наконецъ, они не свойственны всѣмъ и не должны быть объясняемы природой брака, а представляютъ результатъ ошибокъ и неправильной жизни отдѣльныхъ лицъ. Между тѣмъ Метеллу какъ частному человѣку, не слѣдовало говорить ничего, кромѣ того, что и самъ онъ и всѣ признавали за истину, особенно въ виду того, что онъ говорилъ о такомъ предметѣ, который всѣмъ знакомъ по ежедневному опыту и всеобщему народному примѣру. Признавъ, такимъ образомъ, слишкомъ извѣстную всѣмъ людямъ тягость брака | *de molestia igitur cunctis hominibus notissima confessus* и пріобрѣвши этимъ довѣріе къ своей заботливости и искренности, онъ легко и удобно убѣдилъ всѣхъ, что государство не можетъ существовать безъ многочисленныхъ браковъ | *civitatem salvam esse sine matrimoniorum frequentia non posse* | - а это есть самое сильное и вѣрное доказательство въ пользу брака."

Оставляя въ сторонѣ характерность всего этого разсужденія, замѣтимъ только, что рѣчь Метелла нисколько не улучшила положенія. Безбрачіе, наоборотъ, становится самымъ обыкновеннымъ явленіемъ въ частности въ Римѣ и въ Италіи. На это указываютъ уже законы Суллы, Цезаря и особенно Августа о бракахъ и противъ безбрачія. Несмотря на особенно тяжкія постановленія законовъ Августа для холостыхъ - между прочимъ чрезвычайно ограничивалось ихъ право получать по завѣщанію наслѣдства - несмотря на привиллегіи, отличавшія отцовъ семейства смотря по количес-

тву дѣтей, положеніе и теперь не улучшилось и уже Тиберій былъ вынужденъ облегчить наказаніе холостяковъ. "Браки и рожденіе дѣтей", замѣчаетъ Тацитъ по поводу законовъ Августа | *Ann.* 3,25| "не стали чаще отъ этого, а безбрачіе преобладало | *praevalida orbitate* |". Согласно съ этимъ, современникъ Августа, Ливій, |7,25,8| замѣчаетъ, что, тогда какъ на границѣ IУ и III в. до Р.Х. правительство съ легкостью могло набрать IО легіоновъ по 4200 пѣшихъ и 300 конныхъ солдатъ изъ римскихъ гражданъ, къ его времени это стало невозможнымъ не смотря на колоссальный ростъ государства. Само собой разумѣется, что онъ имѣетъ въ виду прежнія требованія ценза и другихъ условій для службы въ легіонахъ, при строгомъ примѣненіи которыхъ въ самомъ дѣлѣ было бы невозможно собрать даже такое небольшое войско изъ римскихъ гражданъ Точно также слѣдуетъ понимать и слова Тацита, что количество свободно-рожденнаго населенія съ каждымъ днемъ уменьшалось |*Ann.* 4,27: *minore in dies plebe ingenua* |: онъ также имѣетъ въ виду спеціально римскихъ гражданъ.

Но можно поставить вопросъ, можетъ ли въ самомъ дѣлѣ такое явленіе какъ безбрачіе и искусственное ограниченіе количества дѣтей, распространяться на жизнь народной массы, не представляетъ ли оно спеціальнаго результата ненормальной жизни высшихъ классовъ, иначе говоря, не представляютъ ли указанныя и иныя аналогичныя свидѣтельства источниковъ плодъ риторическаго брюзжанія ?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ прежде всего можетъ служить

указаніе на современное положеніе дѣлъ не только во Франціи, но и, напримѣръ, среди крестьянъ-собственниковъ альпійскихъ областей Австріи |Штиріи, Каринтіи и т.д.|: приростъ населенія здѣсь настолько ничтоженъ, что немного нужно для фактическаго уменьшенія народонаселенія. Въ древнемъ, въ частности въ римскомъ мірѣ, вдобавокъ отецъ имѣлъ право рѣшать вопросъ о жизни и смерти новорожденнаго и намъ положительно извѣстно, что этимъ правомъ пользовались въ настолько значительныхъ размѣрахъ, что императорское законодательство было вынуждено ограничить злоупотребленіе отцовской властью.

Само собой разумѣется однако, что упадокъ народонаселенія, замѣтный на греческомъ востокѣ съ IУ вѣка, въ центральной Италіи съ I-го вѣка до Р.Х., лишь постепенно захватывалъ провинціи, да и то, разумѣется, не въ одинаково сильной степени. Тамъ, гдѣ экономическія условія были особенно тяжелы, онъ проявляется сильнѣе и притомъ опять таки преимущественно среди болѣе культурной и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе требовательной части населенія, понижая такимъ образомъ и степень ея культурнаго вліянія на менѣе развитыя народности.

Обезлюденіе имперіи не могло не обратить на себя вниманіе правительства, заинтересованнаго въ его устраненіи, хотя бы съ точки зрѣнія своихъ военныхъ потребностей. Тѣмъ не менѣе, мѣры, предпринятыя противъ него, опять та-

Литографія Богданова, Эртелевъ пер. д.I-I2.
Директоръ

ки имѣютъ чисто паллiативный характеръ. О законахъ противъ безбрачiя мы уже говорили. Наиболѣе рацiональной изъ всѣхъ мѣръ правительства нельзя не признать такъ называемыя алиментарныя учрежденiя. Суть дѣла слѣдующая: сознавая, что именно упадокъ средняго и мелкаго землевладѣнiя составляетъ главную причину пугающаго его явленiя, правительство тратитъ огромныя суммы |при Нервѣ 60 мил. сестерцiевъ| на поддержку его въ формѣ дешеваго мелiоративнаго кредита, причемъ проценты съ отданныхъ въ займы капиталовъ въ свою очередь должны итти на поддержку бѣдныхъ семействъ при воспитанiи дѣтей |отсюда и названiе: а л и м е н т а р н ы я учрежденiя|. Несмотря на то, что эти учрежденiя пользовались вниманiемъ и при послѣдующихъ императорахъ, и несмотря на то, что примѣру правительства послѣдовали и частныя лица |напримѣръ Плинiй Младшiй| ни суммы, истраченныя на это дѣло, несмотря на всю свою величину не были достаточно значительны, ни районъ дѣйствiя этихъ учрежденiй |главнымъ образомъ сѣверная Италiя| не былъ достаточно обширенъ. Въ результатѣ и эта попытка облегчить положенiе массы населенiя и тѣмъ задержать сокращенiе ея количества, осталась безплодной.

Уже со второй половины II вѣка правительство прибѣгаетъ къ новому, чрезвычайно опасному средству, къ переселенiю военно-плѣнныхъ или вообще покоренныхъ варваровъ въ предѣлахъ имперiи. Какъ разъ въ это время |165 и слѣд. годы| страшная чума, распространившаяся съ войсками Марка Аврелiя изъ Сирiи по всей имперiи, нанесла населенiю

имперіи непоправимый уронъ и чрезвычайно затруднила веденіе войны съ Маркоманнами и Квадами |165-180|.

"Онъ велъ всего одну войну Маркоманнскую", говоритъ Эвтропій |8,12,2| о Маркѣ Авреліи, "но такую, какой не помнили, такъ что ее сравниваютъ съ пуническими. Тяжесть ея еще увеличилась отъ того, что всѣ римскія войска погибли, ибо въ это время господствовалъ такой моръ, что послѣ побѣды надъ Пароянами |въ 165 г.| въ Римѣ, Италіи и провинціяхъ большая часть населенія и почти всѣ военныя силы погибли отъ болѣзней". "Наступилъ моръ", вторитъ ему Орозій |7,15,5| "распространившійся на большинство провинцій, и чума такъ опустошила всю Италію, что повсемѣстно усадьбы, поля и города, оставшіеся безъ земледѣльцевъ и обладателей были покинуты людьми и превращались въ развалины и лѣса."

Тяжкая эпидемія, поразившая уже истощенное населеніе, повидимому, и побудила Марка Аврелія поселить покоренныхъ германцевъ массами на пустующихъ поляхъ. Варвары, говоритъ Діонъ Кассій |71,11,4| "получали земли въ Дакіи |завоеванной лѣтъ 50 раньше|, въ Панноніи, въ Мизіи |нынѣшняя Болгарія|, въ Германіи |т.е. странѣ по лѣвой сторонѣ Рейна| и даже въ самой Италіи". Число этихъ варваровъ, по словамъ біографа Марка Аврелія, было "безконечно". | infinitas, v. Marci 24,3|. Система переселенія варваровъ съ этого времени сохраняется въ обиходѣ римской политики. "Римскія провинціи были наполнены рабами и земледѣльцами изъ Скиѳовъ |т.е. Готовъ|", разсказываетъ біографъ императора Клавдія |268-270|. Изъ варва-

ровъ были сдѣланы солдаты, изъ Готовъ колоны. И не было такой области, которая не обладала бы готскимъ рабомъ, рабство котораго было своего рода признакомъ тріумфа". "По твоему приказу, о Максиміліанъ Августъ", обращается риторъ Эвменъ | paneg. 5,21| къ соправителю Діоклеціана |284-304 "пустующія поля Нервіевъ и Треверовъ |въ сѣверо-восточной Галліи| обрабатываются радостными Франками, принятыми подъ господство римскихъ законовъ". Одинъ изъ современныхъ изслѣдователей | Seek, 12, стр. 584| отмѣчаетъ, что намъ извѣстны варварскія поселенія, кромѣ указанныхъ выше областей, еще въ Сициліи, Британніи, Скиѳіи, Фракіи, Македоніи, Виѳиніи, Фригіи, Сиріи, Египтѣ, т.е. почти во всѣхъ провинціяхъ имперіи. Онъ же указываетъ, что, сколько намъ извѣстно, послѣ Марка Аврелія правительство прибѣгало къ этой мѣрѣ еще при Коммодѣ |180-192|, Александрѣ Северѣ |222-235|, Клавдіи Пробѣ |276-282| и Деоклеціанѣ |284-304| не говоря о болѣе позднихъ временахъ, когда переселенія варваровъ становятся все болѣе значительными.

Между тѣмъ опасность этой политики бросается въ глаза и едва ли могла вполнѣ ускользнуть отъ вниманія римскаго правительства. Прежде всего существованіе крупныхъ варварскихъ поселеній представляло прямую опасность для внутренняго мира. Пробъ |276-282| поселилъ въ имперіи 100000 Бастарановъ, которые всѣ остались вѣрными Риму. "Но когда онъ сдѣлалъ тоже самое со многими изъ другихъ племенъ, т.е. изъ Гепидовъ, Гротунковъ |Визиготы| и Вандаловъ, они всѣ нарушили вѣрность", т.е. нужно думать

возстали или оказали содѣйствіе своимъ соплеменникамъ при набѣгахъ ихъ, а военно-плѣнные Франки, переведенные имъ или его предшественниками на берегъ Чернаго моря, захватили тамъ нѣсколько кораблей и, несмотря на свою малочисленность, разграбили берега Малой Азіи, Греціи и Африки, взяли Сиракузы и благополучно вернулись черезъ Гибралтарскій проливъ къ устьямъ Рейна. Если такіе факты, какъ успѣшная экспедиція Франковъ, прежде всего указываютъ на глубокій упадокъ военныхъ, и въ частности морскихъ силъ имперіи и на полную безпомощность ея населенія то они въ то же время очень ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ опасна была правительственная политика въ данномъ случаѣ.

Но наряду съ указанной опасностью, съ которой правительство не могло не считаться и которая ему, очевидно, показалась менѣе существенной, чѣмъ та, которая грозила отъ обезлюдѣнія имперіи, варварскія поселенія влекли за собой еще другую, менѣе явную, но, пожалуй, еще болѣе значительную. Римское населеніе, истощенное соціальными недугами и упадкомъ своей численности, уже растратившее часть своихъ культурныхъ силъ на романизацію Кельтовъ, Германцевъ, Даковъ, Иллировъ и т.д., теряетъ, по мѣрѣ того, какъ число переселенцевъ растетъ, способность ихъ ассимилировать. Каждая ассимиляція двухъ народовъ характеризуется взаимнымъ вліяніемъ ихъ другъ на друга; менѣе культурный не только самъ подпадаетъ вліянію болѣе культурнаго, но и самъ вліяетъ на него. Сліяніе провинціальнаго населенія съ римской культурой не могло поэтому не

понизить культурнаго уровня римлянъ. Теперь римлянамъ и романизованнымъ провинціаламъ предстояла новая трудная задача - романизація германцевъ, массами переселенныхъ въ имперію. Въ концѣ концовъ и ихъ романизація состоялась, но зато самая римская культура, постоянно принимавшая въ свой составъ варваровъ, рѣшительно понижается. Замѣчается не только романизація варваровъ, но и варваризація самихъ римлянъ: оба народа сближаются, но культурный уровень болѣе развитого изъ нихъ значительно измѣняется къ худшему. Особенно явно варваризація замѣтна въ области литературы и художества. Упадокъ литературы и литературнаго языка замѣтенъ уже со II вѣка |вліяніе провинціаловъ|: безыдейность литературы, манерная архаичность и изысканность языка, проникновеніе въ его составъ нелитературныхъ и неправильныхъ народныхъ формъ идутъ рука объ руку. Въ то же самое время рѣзко проявляется упадокъ творчества, вкуса и, наконецъ, техники въ области всѣхъ искусствъ. Третій вѣкъ и въ этомъ отношеніи является критической эпохой. Но непосредственная опасность варваризаціи для имперіи гораздо больше со стороны варваризаціи войска, т.е. увеличенія количества варваровъ въ его составѣ. Весьма естественно, что именно здѣсь количество варваровъ непропорціонально быстро растетъ: естественное предубѣжденіе культурныхъ народовъ противъ военной службы и противъ войны вообще уже рано проявляется въ Италіи |еще раньше въ Греціи и на Востокѣ|. Уже младшій современникъ Августа, Веллей

Патеркулъ, вскользь замѣчаетъ, что наборъ представляетъ предметъ ужаса для населенія, а поэты его времени всѣ въ одинъ голосъ проклинаютъ войну. То настроеніе, которое заставляло Августа прибѣгать къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, даже къ казнямъ, когда послѣ Тевтобургской битвы пришлось произвести въ Италіи наборъ, послѣ него медленно но вѣрно начало охватывать провинціи. Вотъ почему число варваровъ, которые первоначально могли служить только въ вспомогательныхъ войскахъ | auxilia |, но не въ легіонахъ, постоянно растетъ въ послѣднихъ. Наконецъ, особенно въ IУ вѣкѣ ихъ начинаютъ принимать на римскую военную службу цѣлыми племенами | foederati т.е. союзники|. А такъ какъ военная служба открываетъ доступъ ко всѣмъ должностямъ, то варвары скоро начинаютъ играть огромную роль въ администраціи и при дворѣ. Особенно замѣтнымъ становится ихъ значеніе съ IУ вѣка, но уже въ III вѣкѣ оно рѣшительно подготовляется.

Объ опасности всѣхъ этихъ явленій для цѣлости имперіи нечего и говорить. Варвары, совершающіе набѣги на имперію, почти въ каждой провинціи встрѣчаются съ соплеменниками, вдобавокъ находящимися въ угнетенномъ положеніи колоновъ или рабовъ. а войско, которое должно ихъ отражать, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе состоитъ изъ такихъ же варваровъ, какъ они сами. Подобно тому, какъ турецкіе рабы и наемные войска подготовили паденіе Багдадскаго халифата, расчищая путь позднѣйшимъ завоевателямъ изъ того же племени, такъ германскіе колоны, рабы и наемныя вой-

ка подготовили паденіе имперіи и завоеваніе цѣлаго ряда ея провинцій готами, Бургундами, Аллеманами и Франками.

Таковы въ конечномъ выводѣ результаты соціально-экономическаго развитія имперіи. Упадокъ экономической жизни и общественной самодѣятельности, закрѣпощеніе колоновъ, декуріоновъ и цѣлаго ряда другихъ общественныхъ классовъ, обезлюдѣніе имперіи и варваризація ея - таковы основныя явленія, объясняющія разложеніе имперіи и неслыханные успѣхи варваровъ. Понятно, что всѣ эти условія не могли не вызвать чувства глубокаго недовольства жизнью, чувства, нашедшаго себѣ выраженіе въ стихахъ христіанскаго поэта Коммодіана въ Галліи и въ оракулахъ Сивиллы, чрезвычайно распространенныхъ, особенно на Востокѣ. "Стихи этихъ оракуловъ", замѣчаетъ Boissier | La fin du paganisme 2,25-27| "полны жестокихъ протестовъ противъ римскаго владычества. Это, быть можетъ ихъ самая интересная сторона для насъ: побѣжденные и уничтоженные собрали здѣсь свои жалобы, и это единственный памятникъ той ненависти, которая была возбуждена великимъ государствомъ. Оффиціальные акты , сохранившіеся въ надписяхъ, рѣчи ораторовъ, стихи придворныхъ поэтовъ на каждой страницѣ содержатъ восхваленіе Рима; тутъ мы имѣемъ предъ собой крикъ гнѣва и мести тѣхъ жертвъ этого порядка, которые не довольствовались молчаніемъ. Эти взрывы ненависти на первый взглядъ насъ поражаютъ; по общему убѣжденію покоренные народы довольно быстро привыкли къ господству Рима; полагаютъ что они были счастливы, что вошли въ составъ этого обширнаго государства, защищеннаго

отъ внутренней анархіи энергичной администраціей, отъ вражескихъ угрозъ - силою легіоновъ; безусловно довѣряютъ всѣмъ знакамъ благоданости, которые міръ расточалъ своимъ повелителямъ за то благосостояніе и спокойствіе, которое они всюду водворили. Но вотъ раздаются диссонансы въ этомъ концертѣ привѣтствій. Среди этого всеобщаго довольства были, значитъ, и такіе люди, которые жаловались, которые ненавидѣли римлянъ, которые предвидѣли и привѣтствовали гибель вѣчнаго города. Несомнѣнно, слѣдуетъ принять въ разсчетъ эти жалобы, но чтобы не приписать имъ слишкомъ большого значенія, вспомнимъ, что эти недовольные присходятъ изъ Сиріи и изъ Египта, т.е. изъ странъ, которыя Римъ никогда не могъ основательно ассимилировать". Авторами сивиллиныхъ оракуловъ вдобавокъ были преимущественно александрійскіе евреи |первые изъ нихъ принадлежатъ къ III вѣку до, послѣдніе - къ IУ вѣку послѣ Р.Х.| и наряду съ общей расовой ненавистью востока къ Риму въ нихъ выражается еще спеціальное озлобленіе евреевъ противъ того народа и государства, которое раззорило Іерусалимъ. Съ другой стороны, однако, ими зачитывались и христіане, принадлежавшіе къ грекамъ, римлянамъ и т.д., несмотря на запрещеніе ихъ императорами. "Смертная казнь грозитъ тому, кто читаетъ оракулы Гистаспа или Сивиллы или пророковъ"..., говоритъ св. Юстинъ | Apol. I,44|...."но мы ихъ читаемъ безбоязненно". Въ виду этого особенно любопытно познакомиться съ нѣкоторыми, особенно характерными чертами ихъ. Помимо религіозной оппозиціи противъ политеизма оракулы содержатъ

какъ уже замѣчено не менѣе рѣшительную оппозицію политическую, а далѣе и соціальную.

"Горе, горе тебѣ, фурія, подруга ядовитыхъ змѣй", говорится напримѣръ, въ нихъ о Римѣ |5,17|...."Подлый городъ, нѣкогда полный праздничныхъ звуковъ, молчи. Въ твоихъ храмахъ молодыя дѣвы не будутъ болѣе поддерживать постоянный огонь. На твоихъ алтаряхъ не будетъ болѣе жертвъ..... Ты опустишь голову, надменный Римъ. Огонь тебя опустошитъ, твои богатства погибнутъ; волки и лисицы будутъ жить на твоихъ развалинахъ, ты опустѣешь, и будетъ такъ, какъ будто тебя не было". "Когда же я буду радоваться, видя страшный для тебя и для всей латинской расы день ?" |8,151|.

"Земля будетъ принадлежать всѣмъ", такъ высказывается въ другомъ мѣстѣ соціальный идеалъ авторовъ |2,320|. "Ея не будутъ дѣлить точными границами, ни замыкать въ стѣны. Не будетъ болѣе ни богатаго ни бѣднаго, ни господина ни раба, ни малыхъ, ни великихъ, ни царей ни вельможъ; все будетъ принадлежать всѣмъ". Теперь совсѣмъ иное. "Чтобы увеличить свои владѣнія и пріобрѣсти слугъ, они |богатые| грабятъ несчастныхъ. О, если бы земля не стояла такъ твердо и не была бы такъ далека отъ солнца, они бы оговорились, чтобы и солнечный свѣтъ не былъ распредѣленъ одинаково между всѣми. Свѣтъ покупался бы за деньги и освѣщалъ бы только богатыхъ, а Богъ принужденъ былъ бы создать другой міръ для бѣдныхъ".

Таковы взгляды "радикальной оппозиціи" временъ имперіи | Duruy 5,231|. Любопытно, что точно такое же

отношеніе къ имперіи мы встрѣчаемъ у Коммодіана, христіанскаго епископа III вѣка. "Пускай оно исчезнетъ навсегда, это царство", говоритъ онъ | Carm. apol. 923|, "гдѣ царитъ неправда: своими налогами, которые взимало оно безъ всякой милости, оно истощило весь міръ. Пусть городъ, который надменно называлъ себя вѣчнымъ, вѣчно страдаетъ | luget in eternum, quae se iactabat aeternam|". Близость автора къ народу - Boissier прямо называетъ его "народнымъ поэтомъ" | ib. 2,243| - придаетъ этимъ словамъ съ ихъ жалобой на жестокое взиманіе налоговъ, особенный интересъ. Онъ показываетъ намъ то, что происхожденіе, придворная жизнь или литературныя традиціи заставляютъ скрывать или не замѣчать огромное, подавляющее большинство римскихъ писателей глухое народное недовольство, нашедшее себѣ именно въ III вѣкѣ выраженіе въ поддержкѣ многочисленныхъ узурпацій, въ крестьянскихъ возстаніяхъ Галліи, въ египетскихъ движеніяхъ временъ Деоклеціана и т.д. Если у Коммодіана это недовольство принимаетъ характеръ ненависти къ Риму, то въ этомъ несомнѣнно сказывается вліяніе Сивиллиныхъ пророчествъ и едва ли можно думать, чтобы хотя бы только все христіанское общество раздѣляло этотъ взглядъ. Но недовольство существующимъ положеніемъ дѣлъ остается несомнѣннымъ, да при разсмотрѣнныхъ раньше условіяхъ, это и не представляетъ ничего удивительнаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ понятно, что недовольство массы населенія не содѣйствуетъ прочности даннаго государственнаго строя.

II. Отношеніе власти къ соціально-экономическому процесу и его результатамъ и отношеніе общества къ власти.

Мы уже видѣли, что правительство, все равно, стоялъ ли во главѣ Рима Неронъ или Траянъ, ограничивалось чисто паллiативными мѣрами противъ симптомовъ внутренняго упадка имперіи. Когда городское хозяйство и самоуправленіе начало приходить въ упадокъ, оно подчинило его своему контролю; когда количество народонаселенія начало убавляться, оно прибѣгло къ переселенію варваровъ; когда бѣгство колоновъ съ земель императоровъ, аристократіи и землевладѣльцевъ вообще, бѣгство декуріоновъ изъ курій грозило финансамъ государства, оно прикрѣпило и тѣхъ и другихъ къ ихъ занятіямъ и т.д. Мысль о коренныхъ реформахъ, о возсозданіи свободнаго мелкаго землевладѣнія, объ обезпеченіи ему дешеваго кредита, объ облегченіи его податного бремени, о сложеніи тяжелыхъ натуральныхъ повинностей и т.д., во всей ея совокупности никогда, повидимому, не приходила императорамъ. Отдяльныя случайныя мѣры по поводу того или другого единичнаго явленія исчерпываютъ ихъ дѣятельность: всего больше они стремятся, силой указовъ и предписаній, устранить неудобныя послѣдствія болѣе глубокихъ и сложныхъ явленій.

Въ концѣ концовъ, соціальное развитіе имперіи, какъ мы еще увидимъ, было выгодно только для одной крупной, поземельной аристократіи и несмотря на то, что имперія

выросла на почвѣ борьбы съ олигархіей, несмотря даже на терроризмъ I вѣка нашей эры, ея внутренняя политика всегда оставалась аристократической. Покуда "здоровое соціальное кровообращеніе, какъ выражается Fustel de Coulanges , еще не было прекращено затрудненіемъ свободной конкурренціи, наконецъ, и чисто кастовой организацiей общества, низшимъ и среднимъ слоямъ общества еще оставалась по крайней мѣрѣ надежда на движеніе впередъ. Но съ исчезновеніемъ или закрѣпощеніемъ средняго землевладѣнія переходъ изъ массы населенія въ высшіе слои сдѣлался невозможнымъ почти, масса населенія перестаетъ стремиться впередъ и, потерявъ надежду на самостоятельное улучшеніе своего положенія, видя постоянное возрастаніе налоговъ и чиновничьихъ вымогательствъ, отдается подъ покровительство знати или церкви, двухъ факторовъ, постепенно готовящихся занять мѣсто государственной власти.

Недовольство населенія, какъ мы видѣли, не подлежитъ сомнѣнію. Но такъ какъ оно не имѣетъ не только общаго, но и провинціальнаго органа для выраженія своихъ взглядовъ - областныя собранія всегда отличались аристократическимъ составомъ, а когда города стали управляться куріями, окончательно сдѣлались представителями послѣднихъ, - недовольство остается глухимъ, не выражается въ опредѣленныхъ жалобахъ и требованіяхъ, а представляетъ только общій фонъ жизни, на которомъ легко разыграться узурпаціямъ и военнымъ мятежамъ.

Анархія конца II и всего III вѣка въ самомъ дѣлѣ была бы немыслима безъ такого глубокаго недовольства общества. Попытки военныхъ возстаній или узурпацій намѣстниковъ встрѣчаются и раньше: въ 14 году возстали 8 прирейнскихъ |германскихъ| и 3 паннонскихъ среднедунайскихъ| легіоновъ, въ 41 возсталъ намѣстникъ Далмацій Камиллъ Скрибоніанъ, въ первые годы Гадріана - Лузій Квіетъ, въ первые годы Марка Аврелія - Авидій Кассій - я не говорю о болѣе мелкихъ заговорахъ въ городѣ Римѣ - и тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ нихъ не разыгрался настолько, чтобы повергнуть въ опасность все государство, и даже возстаніе Галліи, Испаніи, придунайскихъ и сирійскихъ легіоновъ въ 68 и 69 гг., приведшее къ гибели Нерона и къ быстрой смѣнѣ трехъ императоровъ |Гальба, Отонъ, Вителлій| не привело къ такому періоду военной анархіи и внутренняго разложенія, какимъ представляется III вѣкъ. Искать этому объясненіе въ какихъ нибудь случайныхъ явленіяхъ нельзя: мятежное настроеніе войска и его генераловъ въ III вѣкѣ отражаетъ общее настроеніе всего населенія.

Но это населеніе само плохо сознаетъ, чѣмъ объясняются его злоключенія, и еще меньше знаетъ, къ какимъ средствамъ слѣдуетъ прибѣгнуть для ихъ устраненія - мы сейчасъ увидимъ почему - оно не имѣетъ опытныхъ руководителей и поэтому все его недовольство выражается въ стихійныхъ, и въ концѣ концовъ безсмысленныхъ движеніяхъ, въ поразительно быстрой смѣнѣ императоровъ, въ безпрерывномъ потрясеніи порядка, которыя въ свою очередь при-

водятъ къ полному упадку внѣшней и внутренней безопасности и въ конечномъ выводѣ - къ дальнѣйшему ухудшенію положенія того же общества.

Періодъ неустройства въ сущности начинается уже съ убіенія Коммода и Пертинакса |192|: за престолъ ведется ожесточенная война между Дидіемъ Сальвіемъ Юліаномъ, купившимъ поддержку преторіанцевъ донативомъ въ размѣрѣ 19.000 сестерціевъ |около 1000 руб.| на каждаго рядового преторіанца, Песценніемъ Нигромъ, Клодіемъ Альбиномъ и Септиміемъ Северомъ. Послѣ смерти Севера почти ни одинъ императоръ не умеръ естественной смертью: сынъ его Антонинъ Каракалла |ум. 217|, Макринъ, первый всадникъ на императорскомъ престолѣ |ум. 218|, Элагабалъ |ум.222|, Александръ Северъ |ум.235|, Максиминъ Ѳракіецъ, первый варваръ среди императоровъ |ум.238|, Пупіенъ и Балобинъ |ум.238|, Гадріанъ |ум.244| и Филиппъ Арабъ |ум.249|, одинъ за другимъ убиваются своими войсками. Децій |ум. 251| палъ въ битвѣ, побѣжденный готами, Галлъ и Эмиліанъ были убиты |253|, Валеріанъ |253-259| былъ взятъ въ плѣнъ сассанидскимъ царемъ Шепуромъ и умеръ въ плѣну, Галіенъ |ум. 268| былъ убитъ, Клавдій Готскій погибъ отъ чумы |270|, Авреліанъ |275|, Тацитъ |276|, Пробъ |282|, Каръ |283|, наконецъ Нумеріанъ |284| были убиты своими войсками или генералами. За 92 года на римскомъ престолѣ, не считая Клавдія Альбина и многочисленныхъ провинціальныхъ императоровъ эпохи Галліана |ихъ насчитываютъ 18|, перебывало 24 императора, изъ коихъ, такимъ образомъ, на каждаго въ среднемъ приходится меньше 4-хъ лѣтъ.

Но даже если принять въ разсчетъ все время отъ Августа до смерти Θеодосія I |31до 395 послѣ Р.Х.|, средняя продолжительность отдѣльнаго царствованія достигнетъ всего 8 лѣтъ |какъ въ эпоху упадка халифата въ IX и X вв.|, тогда какъ средняя продолжительность ихъ въ Россіи отъ 1462 до 1894 г. равняется 18, а во Франціи - отъ 1363 до 1793 даже 27, 28 годамъ.

Понятно, что такая неустойчивость центральной власти, объясняющаяся отчасти отсутствіемъ законнаго престолонаслѣдія, но въ то же время являющаяся и главной причиной почему престолонаслѣдіе никакъ не могло установиться, не могла не отразиться на послѣдовательности и цѣлесообразности императорской политики. Вмѣстѣ съ отсутствіемъ центральныхъ и мѣстныхъ всесословныхъ органовъ для выраженія и выясненія жалобъ, интересовъ и требованій населенія, неустойчивость императорской власти, особенно въ III вѣкѣ, является одной изъ серьезныхъ причинъ чисто внѣшней дѣятельности или полной бездѣятельности власти въ виду грозныхъ признаковъ государственнаго разложенія.

Въ то же время огромное большинство императоровъ III вѣка выходитъ изъ военныхъ лагерей, интересуются преимущественно внѣшними дѣлами и плохо понимаютъ внутреннюю жизнь имперіи. Привыкши къ военной дисциплинѣ, они только въ ней и видятъ спасеніе Рима: ихъ управленіе отличается принудительнымъ характеромъ и то возрожденіе государства, которое начинается съ Клавдія и Авреліана, окончательно проводитъ бюрократическое управленіе и кастовую

организацію общества.

Развитіе императорской бюрократіи само по себѣ было необходимо и въ извѣстной степени желательно. По мѣрѣ ея развитія, однако, выяснялось, что независимо отъ ея вліянія на упадокъ самоуправленія, бюрократія и для самой власти представляла обоюдоострое оружіе. Возможность быстраго вмѣшательства въ мѣстныя дѣла и не менѣе быстраго смѣщенія и замѣщенія неугодныхъ центру лицъ, правда, значительно увеличивала силу правительства, особенно въ виду матеріальной необезпеченности массы чиновниковъ. Но въ то же время всякая сильно развитая бюрократія даже независимо отъ свойственной ей рутинности въ значительной мѣрѣ парализуетъ силу правительства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда интересы власти или всего государства расходятся съ интересами или привычками массы ея собственныхъ членовъ. Борьба императорской власти съ казнокрадствомъ, вымогательствами и продажностью чиновниковъ, составляетъ одно изъ характерныхъ отличій всего законадательства IУ, У и слѣдующихъ вѣковъ. А между тѣмъ бюрократія въ сущности была единственнымъ жизнеспособнымъ созданіемъ внутренней политики императоровъ и чѣмъ больше падала мѣстная жизнь, тѣмъ болѣе возрастало ея значеніе.

Литографія Богданова, Эртелевъ пер. д.I-I2.

Директоръ [signature]

III. Умственное развитіе имперіи.

При видѣ уродливаго соціально-экономическаго развитія имперіи и политической безыдейности и безпомощности ея правительства и общества, естественно возникаетъ вопросъ, чѣмъ объясняется, что общество не сумѣло не только провести, но даже формулировать проэкта реформъ, отъ которыхъ можно было бы ожидать улучшенія экономическаго, соціальнаго и политическаго положенія имперіи?

Политическіе взгляды каждаго общества и каждаго отдѣльнаго лица непосредственно покоятся на его болѣе или менѣе ясно сознанномъ міросозерцаніи. Чѣмъ выше, сознательнѣе и научнѣе общее міросозерцаніе даннаго лица или общества, тѣмъ выше сознательнѣе и научнѣе будутъ и его политическіе взгляды. Между тѣмъ эволюція міросозерцанія античнаго міра окончилась его полнымъ банкротствомъ въ области мысли. Въ основѣ его никогда не лежало достаточное количество точныхъ эмпирически добытыхъ научныхъ данныхъ. Въ большинствѣ областей знанія греки и ихъ ученики, римляне, не далеко ушли отъ того простого накопленія большею частью критически не провѣреныхъ свѣдѣній, которое характеризуетъ научный уровень культурныхъ народовъ Востока, Египтянъ и Вавилонянъ. На этомъ недостаточномъ базисѣ и строились тѣ метафизическія системы, которыя оказали впослѣдствіи такое большое вліяніе и на европейскую мысль. Въ высокой степени характерно, что наибольшее количество постоянныхъ, научныхъ резуль-

татовъ опять таки было достигнуто античнымъ міромъ въ такихъ областяхъ, гдѣ умозрительный, спекулятивный методъ находитъ себѣ наиболѣе значительное примѣненіе, въ математикѣ, астрономіи, математической физикѣ. Экспериментальный методъ всегда оставался чуждъ для нихъ, даже въ физикѣ. Общественныя науки въ сущности также не шли далѣе опредѣленія типовъ государственнаго устройства и чисто внѣшняго констатированія ихъ смѣны въ томъ порядкѣ, который наблюдается среди культурныхъ народовъ бассейна Средиземнаго моря: историческія свѣдѣнія античнаго міра по необходимости были слишкомъ ограничены для болѣе глубокихъ выводовъ, для самой выработки идеи о необходимости генетическаго объясненія историческихъ процессовъ, не говоря уже о широкомъ примѣненіи сравнительнаго метода и созданія науки общаго обществовѣдѣнія.

Если еще въ настоящее время масса важнѣйшихъ вопросовъ, въ частности въ области науки объ обществѣ остается неразрѣшенной, то тѣмъ болѣе понятно, что въ античномъ мірѣ количество точно устновленныхъ и сознательно объясненныхъ данныхъ было гораздо незначительнѣе. При томъ естественномъ нетерпѣніи перейти отъ накопленія, провѣрки и объясненія фактовъ къ практическимъ выводамъ, которое всегда отличаетъ человѣческое мышленіе, вслѣдствіе этого очень естественно, что античному міру приходилось въ гораздо большей степени прибѣгать къ отчасти очень сомнительнымъ гипотезамъ и умозрительнымъ выводамъ, чѣмъ современному мыслящему человѣку. Вотъ почему все міро-

созерцаніе античнаго міра отличается спекулятивнымъ характеромъ, причемъ практически, какъ всегда, на первомъ планѣ стоятъ этическіе вопросы: какъ жить?

Между тѣмъ коренное различіе исторически добытыхъ научныхъ взглядовъ съ одной, и спекулятивныхъ съ другой стороны заключается въ томъ, что тогда какъ первые безусловно ясны и достовѣрны для каждаго нормальнаго и обладающаго соотвѣтственными знаніями человѣка, вторые имѣютъ болѣе или менѣе субъективный характеръ, не могутъ быть научно доказаны, а, слѣдовательно, не отличаются такимъ обязательнымъ для всѣхъ характеромъ, какъ научныя положенія. Ни одинъ нормальный и знающій человѣкъ не усомнится въ томъ, что земля вращается около солнца, несмотря даже на то, что непосредственный внѣшній опытъ, повидимому, противорѣчитъ этому, тогда какъ очень и очень можно усомниться въ правильности теоріи Платона или Гегеля, въ которыя можно вѣрить, но правильности которыхъ доказать нельзя.

Непосредственнымъ результатомъ этой внутренней недостовѣрности метафизическихъ системъ является ихъ болѣе или менѣе быстрая смѣна съ одной, скептическое отношеніе къ нимъ съ другой стороны. Недостовѣрность непосредственнаго внѣшняго опыта, также какъ и недостовѣрность внутренняго опыта была рано сознана софистами и греческой скептической философіей. Но скепсисъ здѣсь не приводитъ ни къ установленію границъ человѣческаго мышленія, ни къ критикѣ тѣхъ фактовъ, которые входятъ въ кругъ его дѣятельности: недостатки матеріала и методовъ его обра-

ботки наоборотъ приводятъ къ высокомѣрному отношенію къ точному знанію, которое отличаетъ уже Сократа. Интересъ философовъ все болѣе сосредоточивается на практическихъ вопросахъ, на вопросахъ индивидуальной этики.

Спекулятивный и въ частности практически-этическій характеръ древняго міросозерцанія эллинистической и римской эпохи съ его преувеличеннымъ значеніемъ логики и діалектики, съ его презрѣніемъ къ точному знанію естественно оказываетъ огромное вліяніе и на систему воспитанія даннаго періода, на постановку школы въ указанное время. Очень мало точныхъ знаній, очень много логики, діалектики и риторики и въ видѣ завершенія немного философіи - вотъ умственный багажъ средняго интеллигента этого времени. При отсутствіи науки и невозможности изученія философскихъ системъ въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ далѣе весьма естественно, что главнымъ матеріаломъ чтенія и изученія, главнымъ источникомъ свѣдѣній является изящная литература въ ея классическихъ представителяхъ, Гомерѣ, Вергиліи и т.д.

Огромное значеніе системы воспитанія для степени умственнаго развитія общества заставляетъ насъ остановиться еще нѣсколько на этомъ предметѣ. Какъ и чему, въ самомъ дѣлѣ учились въ низшихъ, среднихъ и высшихъ школахъ римской имперіи?

Воспитаніе начиналось съ грамматики въ обширномъ смыслѣ, заключавшей какъ обученіе грамотѣ, такъ и изученіе литературы. Обученіе грамотѣ |не только чтенію, но и письму| начинается очень рано: "мы начинаемъ изучать

грамматику съ дѣтства, чуть не съ пеленокъ", говоритъ Секстъ Эмпирикъ | adv. gram. I,41|. "Грамматика въ собственномъ смыслѣ состоитъ изъ двухъ частей: искусства правильно выражаться и объясненія поэтовъ" | Quintil inst. or. I|. По дѣленію одного античнаго писателя |Секста Эмпирика ib. I,91 сл.| она распадается на три части. Первая изъ нихъ техническая и посвящена изученію слога, причемъ даются опредѣленныя правила относительно устраненія варваризмовъ и т.д. и для выработки правильной рѣчи вообще. Вторая, историческая, заключается въ объясненіи и заучиваніи именъ боговъ и героевъ, легендъ и сказаній, встрѣчающихся въ читаемыхъ учениками писателяхъ. Третья, наконецъ, критико-экзегатическая, должна научить различать подлинныя и подложныя произведенія или части произведеній и, кромѣ того, посвящена объясненію содержанія даннаго писателя. Въ основѣ всюду лежитъ чтеніе писателей: "недостаточно читать однихъ поэтовъ, нужно изучать всякій родъ письменности" | Quint. ib. |. Классиковъ тогда читали не только изъ за ихъ естетическаго, но и изъ за ихъ нравственнаго значенія, замѣчаетъ англійскій церковный историкъ Hatch | Griechentum u. Christentum |. "Ихъ читали какъ мы читаемъ священное писаніе. Ихъ учили наизусть; все мышленіе современниковъ было пропитано ими. Цитаты изъ Гомера или изъ трагиковъ |въ римской имперіи изъ Виргилія и т.д.| примѣнялись къ каждому случаю, въ каждомъ обществѣ". Діонъ Хрисостомъ убѣдился, что Гомера знали наизустъ даже Борисеониты, жители греческой колоніи, затерянной въ южной

Россіи, на берегахъ Днѣпра | Orat. 36|.

Съ другой стороны ими почти исчерпывались свѣдѣнія учениковъ. Изученіе разныхъ наукъ считалось нужнымъ лишь постольку, поскольку онѣ были необходимы для пониманія литературныхъ памятниковъ: таковы напримѣръ математика и геометрія, астрономія, философія |необходимыя напримѣръ для пониманія Эмпедокла и Лукреція|, музыка |для метрики|, географія и исторія. Понятно, что знать основательно всѣ эти предметы не могъ не только ученикъ, но и учитель. Но цѣль преподаванія и не заключалась вовсе въ болѣе или менѣе основательномъ или послѣдовательномъ изученіи элементарнаго курса данной науки; онѣ изучались попутно, по поводу того или иного литературнаго произведенія, и, что самое главное, должны были лишь подготовить къ центральному предмету всего обученія, - къ красноречію. Грамматика, говоритъ Boissier |ук. соч. I, 220| "если употреблять это слово въ античномъ смыслѣ, содержитъ филологію, исторію, музыку, геометрію, астрономію, однимъ словомъ - всѣ науки. Что будетъ съ ними, если ихъ преподавать только какъ вспомогательные предметы для риторики? Онѣ должны изучаться ради нихъ самихъ, онѣ дѣлаютъ успѣхи и получаютъ сильное развитіе, лишь если занимаются ими серіозно и безкорыстно. Подчиненныя краснорѣчію, ограниченныя и задержанныя въ своемъ свободномъ развитіи, существуя лишь для того, чтобы сообщить оратору аргументы или украшенія рѣчи, онѣ становятся безплодными. Римскія |и греческія| школы никогда не обладали дѣйствительнымъ научнымъ преподаваніемъ и при-

чиной этого |вѣрнѣе одной изъ причинъ| было мѣсто, отведенное въ нихъ краснорѣчію".

"Раньше чѣмъ перейти въ руки ритора, мальчикъ - по словамъ Квинтиліана - долженъ получить то, что греки называютъ энциклопедическимъ образованіемъ". Окончивъ его онъ уже не будетъ больше заботиться о его расширеніи и углубленіи, а лишь о примѣненіи его къ риторикѣ. Огромное значеніе послѣдней въ системѣ античнаго образованія указаннаго періода объясняется огромнымъ значеніемъ слова въ политической жизни древняго міра. Со временъ Одиссея ораторскія способности а впослѣдствіи и ораторское искусство играли огромную роль въ политической жизни античныхъ городскихъ общинъ: они представляли изъ себя одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ для карьеры, они неоднократно оказывали серіозное вліяніе на ходъ исторіи того или другого города Вліяніе ихъ было настолько значительно, почтеніе, окружавшее ихъ, настолько велико, что краснорѣчіе сохранило свое первенствующее мѣсто въ преподаваніи даже тогда, когда его главное поприще - политическія рѣчи передъ народнымъ собраніемъ - съ паденіемъ республики закрылось передъ нимъ. Но стоитъ только вспомнить карьеры нѣкоторыхъ ораторовъ даже IУ и У вв. |напримѣръ Ѳеликтія|, чтобы убѣдиться, что, лишившись своего настоящаго смысла и политическаго вліянія, оно всетаки могло сильно содѣйствовать личнымъ успѣхамъ отдѣльнаго лица.

Въ настоящее время трудно понять то значеніе, которое въ римской интеллигенціи приписывали краснорѣчію. "Изу-

чай краснорѣчіе", говоритъ Сенека-отецъ | contros. 2, praef |, "отъ него легко перейти ко всѣмъ изящнымъ наукамъ | artes |, оно развиваетъ и тѣхъ, кого не готовитъ въ ораторы". "Ораторъ", въ свою очередь замѣчаетъ Цицеронъ, "не можетъ заслужить полной похвалы, если онъ не будетъ располагать знаніемъ всѣхъ великихъ предметовъ и искусствъ.

Изученіе краснорѣчія ведется совершенно систематически. Цѣль его заключается въ пріобрѣтеніи умѣнья красиво говорить и писать. Прежде всего ученикъ заучиваетъ правила, продиктованныя преподавателемъ, параллельно съ отрывками изъ хорошихъ писателей. Затѣмъ онъ декламируетъ заученные отрывки въ присутствіи преподавателя съ подходящими удареніями и жестами. Далѣе онъ объясняетъ тотъ или иной отрывокъ съ риторической точки зрѣнія. Засимъ онъ приступаетъ къ составленію рѣчей, сначала по опредѣленному образцу, затѣмъ самостоятельно, причемъ старательно устраняетъ всѣ выраженія, не встрѣчающіяся у того или иного авторитета, и строго соблюдаетъ всѣ правила искусства. Риторическое образованіе считается, наконецъ законченнымъ, когда ученикъ безъ подготовки можетъ говорить на любую предложенную тему, т.е. импровизировать.

Рядъ сборниковъ и риторикъ, дошедшихъ до насъ, даетъ намъ возможность узнать, какія темы предлагались ученикамъ и какъ онѣ обрабатывались. И тутъ поражаешься безжизненности, искусственности и прямо безсмысленности темъ и не менѣе хитрымъ и искусственнымъ пріемамъ ихъ

разработки. На первомъ планѣ стоятъ тираны, причемъ проповѣдуется - въ римской имперіи - законность ихъ убіенія, далѣе морскіе разбойники, увозящіе дочерей благородныхъ родителей и ставящіе ихъ въ разные затруднительныя положенія, далѣе конфликты равно священныхъ обязанностей, равно сильныхъ и законныхъ чувствъ. Вотъ, напримѣръ, больной требуетъ отъ своего раба яда, чтобы прекратить свои страданія; рабъ отказывается исполнить приказаніе; больной оставляетъ завѣщаніе, въ которомъ приказываетъ своимъ наслѣдникамъ казнить раба; рабъ обращается въ судъ и возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ его казнить или нѣтъ, по поводу котораго произносятся рѣчи. Вотъ мужъ нѣкоей женщины во время гражданскихъ смутъ находится во враждѣ съ ея отцомъ и братомъ; она слѣдуетъ за мужемъ, но онъ умираетъ во время смутъ и она обращается къ отцу; отецъ ее выгоняетъ и на вопросъ, чѣмъ она можетъ заслужить прощеніе, совѣтуетъ ей умереть; тогда она повѣсилась передъ его дверью, а ея братъ предлагаетъ объявить отца умалишеннымъ. Вотъ у нѣкоего отца умираютъ два сына; отецъ отъ постояннаго плача слѣпнетъ и ему снится, что онъ снова получитъ зрѣніе, если умретъ и третій сынъ; онъ разсказываетъ свой сонъ женѣ, а она сыну, который спѣшитъ повѣсится; отецъ дѣйствительно, получаетъ зрѣніе, узнаетъ о происшедшемъ и хочетъ развестись съ женой; жена оспариваетъ его право на это и произносятся рѣчи *pro* и *contra*. -

Если прибавить къ этому конфликты между богатыми и бѣдными |любовь ихъ дѣтей и т.д.|, оракулы о необходимости

принести въ жертву нѣсколько дѣвицъ, чтобы прекратить чуму, чрезвычайнаго рода чудеса, а также семейныя трагедіи |отцеубійство, дѣтоубійство и т.д.| и все это въ самыхъ неожиданныхъ въ самыхъ романтическихъ комбинаціяхъ, то получится огромный арсеналъ совершенно пустыхъ темъ, годныхъ для новеллы, романа, но не способныхъпріучить мысль къ серіозной работѣ.

Цѣль оратора при этомъ естественно заключается не въ выясненіи истины, не въ доказательствѣ того или иного положенія, которое онъ считаетъ истиннымъ, а въ красивой формѣ и ловкой аргументаціи. "Аристотель", говоритъ тотъ же Boissier, очень справедливо замѣчаетъ, что ораторское разсужденіе покоится не на абсолютной истинѣ, а на вѣроятности и что аргументы оратора не должны быть по необходимости так же точны, какъ аргументы философа. Когда нужно увлечь невѣжественную и буйную толпу, силлогизмъ имѣетъ мало успѣха. Чтобы заставить себя слушать и понять, ораторъ долженъ опереться на взгляды, распространенные въ обществѣ и удовлетворительные съ точки зрѣнія обыденной жизни.

Ихъ называютъ общими прописными истинами, но они лишь отчасти вѣрны: почти всегда имъ можно противопоставить противоположныя истины и можно колебаться, къ какой изъ нихъ слѣдуетъ примкнуть. Народная мудрость любитъ высказываться въ пословицахъ; но нѣтъ ничего болѣе обыкновеннаго, какъ найти противорѣчащія другъ другу пословицы и вы не можете утверждать, чтобы одна изъ нихъ была безусловно вѣрна, другая - безусловно невѣрна. Изъ этого слѣ-

дуетъ, что въ области житейскихъ отношеній часто можно высказаться съ нѣкоторою вѣроятностью и за и противъ извѣстнаго положенія и что при нѣкоторомъ желаніи легко найти основанія для двухъ противоположныхъ мнѣній. Вотъ чему, собственно говоря, и научаетъ риторика. И понятно, какъ опасно изучать только одно искусство, основанное на возможности и вѣроятности. Если молодежь, занимающаяся этимъ дѣломъ не находитъ рядомъ съ нимъ другого, которое возвращаетъ ее къ истинѣ, она рискуетъ утратить пониманіе ея и интересъ къ ней... Переходя отъ одной крайности къ другой |античная интеллигенція| кончила тѣмъ, что окружила учениковъ фантастическимъ міромъ, гдѣ не было больше ничего реальнаго, гдѣ изобрѣтались романическія происшествія, гдѣ обсуждались воображаемые законы, гдѣ условныя личности выражали театральныя чувства... Къ тому же, чтобы лучше изощрить молодыхъ людей, ихъ заставляли защищать двѣ противоположныя истины |какъ уже въ послѣдніе годы Катона Старшаго - ум. въ 146 г. - въ Римѣ грекъ Канреадъ послѣдовательно говорилъ за справедливость и противъ нея|. Они поддерживали ихъ одну за другой съ равнымъ индифферентизмомъ, находя всегда что сказать, благодаря тѣмъ общепризнаннымъ истинамъ, которыя представляли доказательства для всего, и когда обѣ противоположныя аргументаціи имѣли успѣхъ одинаковый, они заключали, что вопросъ самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія и что все искусство сводится къ тому чтобы находить по поводу чего бы то ни было остроумныя доказательства и красивыя фразы.

Пустое и манерное краснобайство, вотъ чему научилась римская молодежь въ своихъ школахъ. Можно удивиться, почему общество не подняло рѣшительнаго протеста противъ такой постановки дѣла. Но и въ данномъ случаѣ было легче отмѣтить недостатки существующаго порядка - жалобы на него встрѣчаются неоднократно - чѣмъ замѣнить его чѣмъ либо другимъ, лучшимъ. Отсутствіе не только настоящей науки, но и серіознаго интереса къ ней въ огромной, подавляющей массѣ интеллигенціи и всесильная традиція - тѣмъ болѣе сильная, что критическій духъ былъ очень слабъ и въ лучшемъ случаѣ исчерпывался безплоднымъ скепсисомъ - заставляли какъ столицу, такъ и особенно жившія по ея указаніямъ провинціи, довольствоваться старой, извращавшей умы системой.

"Живя въ воображаемомъ мірѣ, они |римляне| утратили пониманіе реальнаго. Они не проникаютъ вглубь и охотно скользятъ по поверхности. Привычка опираться на общераспространенные взгляды дѣлаетъ ихъ снисходительными къ предразсудкамъ. Они ихъ охотно принимаютъ и повторяютъ, не обращая и на это особеннаго вниманія. Прежде всего они уважаютъ преданія и живутъ прошлымъ. Риторы эпохи Августа, декламаціи которыхъ дошли до насъ, благодаря Сенекѣ-отцу, и риторы славившіеся въ IУ вѣкѣ въ Галліи говорятъ и мыслятъ почти совершенно тождественно, по шаблону: они имѣютъ тѣ же самыя представленія о людяхъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ". | Boissier указ. соч. I, 225|.

Если прибавить къ этому, что и философскія занятія, завершавшія циклъ образованія римлянина, сводились къ изученію и комментированію авторитетовъ, на которыхъ изучались пріемы логической діалектической аргументаціи, техническія философскія выраженія и основныя начала исторіи философіи, что и здѣсь обученіе завершалось умѣніемъ диспутировать по поводу любого предмета и въ любомъ направленіи, то станетъ яснымъ, какъ малъ былъ багажъ положительныхъ знаній римскаго интеллигента и, главное, какъ мало онъ привыкалъ серіозно и послѣдовательно мыслить, какъ невысокъ въ конечномъ результатѣ былъ уровень его общаго міросозерцанія.

Античная жизнь не создала самостоятельной науки и самостоятельнаго научнаго образованія и обученія, иначе говоря, не создала противовѣса противъ всякаго рода предразсудковъ и мистицизма - этимъ объясняются быстрые успѣхи восточныхъ религій - и не создала орудія для критической оцѣнки существующаго строя и для выработки опредѣленнаго плана коренныхъ реформъ - этимъ объясняется ея политическая безпомощность и безыдейность.

При отсутствіи физическихъ и общественныхъ наукъ вся живая дѣятельность мысли пріобрѣтаетъ индивидуальный характеръ и сосредоточивается на вопросахъ личной практической этики. Вопросы: откуда зло въ мірѣ ? и какъ жить ? разрѣшаются не на основѣ широкаго знакомства съ мірозданіемъ и человѣческимъ обществомъ, а на основаніи этическихъ данныхъ и взглядовъ. Меньшинство наиболѣе чуткихъ представителей какъ интеллигенціи, такъ и насе-

ленія вообще, сознательно недовольно не только соціальными условіями, но и собственною жизнью, большинство населенія по крайней мѣрѣ полно глухого недовольства, не находящаго себѣ вполнѣ подходящаго выраженія.

Неудовлетворенность жизнью становится всеобщей и пессимизмъ становится одной изъ характерныхъ чертъ наиболѣе выдающихся представителей римской письменности: восхваленіе добраго стараго времени представляетъ одну изъ наиболѣе обычныхъ формъ его проявленія. При такихъ условіяхъ, теоретически разсуждая, возможны три выхода изъ нестерпимаго положенія. Возможна дѣятельная борьба съ существующимъ зломъ во имя опредѣленнаго идеала - но такого идеала, какъ мы видѣли, античная жизнь не успѣла выработать; возможно безумное прожиганіе жизни quand même чтобы воспользоваться всѣмъ, что жизнь и при данныхъ тяжелыхъ условіяхъ можетъ дать - и несомнѣнно таковъ былъ выходъ, привѣтствованный очень многими; возможно, наконецъ, отчаяніе въ человѣческой природѣ, развитіе теоріи грѣховности человѣка и о необходимости побѣдить эту, свойственную человѣку грѣховность какими нибудь рѣдкостными религіоными церемоніями или аскетизмомъ.

Большинство населенія пошло по послѣднему пути и это вполнѣ естественно. Прожиганіе жизни всегда доступно лишь для немногихъ; массѣ, при отсутствіи опредѣленнаго жизненнаго идеала остается только отчаяніе и надежда на сверхчеловѣческія силы. Но и наиболѣе чуткіе и нравствен-

но развитые элементы изъ господствующаго меньшинства не могутъ довольствоваться болѣзненнымъ преувеличеніемъ жажды жизни и они то являются духовными руководителями массы на пути къ аскетическому мистицизму.

Представленіе о природной грѣховности человѣка совершенно чуждо не только греку Гомеровской эпохи, но и греку эпохи Перикла; оно не менѣе чуждо и римлянамъ эпохи республики. Изъ того что человѣкъ можетъ совершить отдѣльный преступный актъ, который искупается жертвой божеству и наказывается государствомъ, для грека и римлянина этой эпохи, какъ для германца и славянина эпохи переселенія, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы вся природа человѣка была грѣховна: для этого представленія уже нѣтъ потому почвы, что самыя божества слишкомъ близки къ человѣку, раздѣляютъ его страсти и недостатки.

Представленіе о грѣховности человѣческой природы предполагаетъ болѣе высокую и тонкую нравственную систему, болѣе нервную и впечатлительную организацію человѣка, чѣмъ та, которую мы встрѣчаемъ среди первобытныхъ народовъ, не подвергнувшихся, какъ современные культурные народы Европы, религіозному вліянію болѣе древней культуры и еще не дошедшихъ до той степени этическаго развитія и жизненнаго переутомленія, какъ античный міръ эпохи имперіи.

Раньше всего этическое развитіе античнаго міра приводитъ къ протесту противъ обыденнаго политеизма. Еще философъ VI вѣка до Р.Х.--Ксенофанъ формулируетъ его слѣдующимъ образомъ: "Все то, что люди признаютъ позорнымъ

и безнравственнымъ, Гомеръ и Гезіодъ приписали богамъ, - воровство, прелюбодѣяніе, обманъ". "Если бы волы и львы имѣли руки и могли творить какъ человѣкъ, они бы создали боговъ по своему образцу": вѣдь представляютъ же себѣ негры своихъ боговъ черными съ приплюснутыми носами, а Фракійцы синеокими и рыжими. Переходъ отсюда къ болѣе или менѣе чистому монотеизму, къ представленію о божествѣ, не похожемъ на людей ни силой ни мыслями, представляется вполнѣ естественнымъ и сдѣланъ еще тѣмъ же Ксенофаномъ. "Если боги совершаютъ что либо позорное, они не боги", говорится у Эврипида. | fr. 287|.

Ничего не можетъ быть характернѣе для нравственнаго прогресса античнаго міра, чѣмъ этотъ протестъ. Сначала достояніе однихъ лучшихъ представителей, интеллигенціи, этотъ взглядъ при посредствѣ поэтическихъ произведеній - вспомнимъ хотя бы огромное значеніе театра для развитія античнаго общества - проникаетъ и глубже.

Проступокъ противъ нравственности перестаетъ быть отдѣльнымъ объективнымъ фактомъ |напримѣръ, служеніемъ Аполлона у Адмета, жертвой и т.д.| и не имѣетъ значенія для оцѣнки субъективной нравственной природы даннаго лица. Не судьба | fatum |, а отдѣльный человѣкъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія.

Лекціи по Исторіи Среднихъ Вѣковъ. Листъ 9-ый.
Литографія Богданова, Эртелевъ пер. д.1-12.
Директоръ [signature]

При продолжающемся развитіи нравственнаго кодекса, при усложненіи жизни и учащеніи сложныхъ конфликтовъ становится все болѣе труднымъ, а наконецъ и невозможнымъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ этого кодекса. Форма жизни какъ отдѣльнаго лица, такъ и всего общества, чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе соотвѣтствуетъ нравственнымъ требованіямъ, которыя всѣми признаются и никѣмъ не исполняются. Вопросъ о "высшемъ благѣ" |summum bonum| и о средствахъ его достиженія въ тоже время разрѣшается все болѣе пессимистически: въ существѣ дѣла всѣ три философскія школы эллинистическаго и ранняго римскаго періода, стоическая, скептическая и эпикурейская отвѣчаютъ на него чисто отрицательно. Дѣло практически не въ достиженіи высшаго блага, а въ опредѣленіи наименьшаго зла. Атараксія |неподвижность| эпикурейцевъ апатія |безстрастіе| стоиковъ, афасія |отказъ отъ сужденія| скептиковъ въ сущности представляютъ послѣднее слово страдательнаго пессимизма.

Остается вѣчный вопросъ о происхожденіи зла и при индивидуальномъ направленіи мысли весьма естественно, что онъ разрѣшается въ томъ смыслѣ, что всѣ люди, ихъ страсти, пороки, недостатки, иначе - ихъ природа - и есть источникъ зла. "Не будемъ обманывать себя", говоритъ уже Сенека-философъ | ep. 28, 9|. "Причина нашихъ бѣдствій не внѣ насъ, а въ насъ самихъ и свойственна человѣческой природѣ". "Наши предки жаловались, мы жалуемся и будущія поколѣнія будутъ жаловаться, что нравы испортились, что господствуетъ развратъ и что человѣчество

становится все худшимъ, а все святое гибнетъ. Но это такъ и всегда будетъ такъ.... Всегда намъ придется говорить о насъ одно и то же: мы дурны |mali|, были дурны и, къ сожалѣнію, я долженъ прибавить, будемъ дурны" |de benef. I, 10|. Грѣховностью человѣческой природы объясняется все зло, накопившееся въ обществѣ: эгоистическая страсть къ наживѣ съ этой точки зрѣнія объясняетъ все соціальное неравенство, эгоистическая жажда власти - все политическое неравенство и его злоупотребленія. Но если это такъ, то какія же внѣшнія реформы могутъ улучшить положеніе ? Очевидно, о нихъ безполезно даже и думать.

Остается такимъ образомъ, только внутреннее очищеніе человѣческой личности, только нравственное и религіозное самосовершенствованіе. Когда человѣкъ очистится отъ внутренняго зла, тогда, и только тогда исчезнетъ и внѣшнее.

Достигнуть такого очищенія можно двоякимъ путемъ. Во-первыхъ, самоочищеніемъ въ собственномъ смыслѣ, т.е. прежде всего аскетизмомъ, умерщвленіемъ грѣховной плоти съ ея похотями и порочнымъ наклонностями. При этомъ человѣкъ возлагаетъ всю надежду на свою собственную волю, на свой собственный разумъ: ясно, что это направленіе стоитъ въ самой тѣсной связи съ стоицизмомъ. Къ его первымъ представителямъ принадлежитъ Эпиктетъ и Маркъ Аврелій во II вѣкѣ нашей эры. Философская сторона стоицизма для нихъ отступаетъ, окончательно, на задній планъ передъ этической. "Если, изучая философію, я имѣ

въ виду одну лишь |философскую| литературу, я не философъ, а филологъ", говоритъ Эпиктетъ; разница лишь въ томъ, что я объясняю не Гомера, а Хризиппа". "Рустину |его учителю-стоику| я обязанъ тѣмъ, что я сознал н е о б х о д и м о с т ь н р а в с т в е н н а г о в о з р о ж д е н і я, и что я не стремился добывать литературные лавры или писать статьи о философскихъ предметахъ и риторическія изліянія,.. что я избавился отъ риторики и поэзіи и манерной рѣчи", замѣчаетъ Маркъ Аврелій | *Medit.* I, 7|.

Но самоочищеніе дѣйствіемъ собственной воли и разума не всѣмъ доступно и скоро перестаетъ удовлетворять. Довѣріе къ человѣческой природѣ слишкомъ потрясено, чтобы можно было опереться на свойства той же природы для очищенія ея. Появляется потребность въ божественной поддержкѣ и самоочищеніе замѣняется очищеніемъ, исходящимъ отъ божества. Болѣе примитивныя натуры и теперь довольствуются внѣшнимъ актомъ, опредѣленной религіозной церемоніей которой приписывается очищающее дѣйствіе. Ясная олимпійская религія предшествующихъ временъ слишкомъ привычна и слишкомъ мало разсчитана на новыя условія. Мистическія религіи Востока - культъ Изиды и Озириса, культъ Миѳры и т.д. - наоборотъ, окружены ореоломъ глубокой древности и таинственности: чѣмъ непонятнѣе ихъ церемоніи, возникшія въ древнѣйшія времена и при совершенно чуждыхъ греку или римлянину условіяхъ, тѣмъ больше они дѣйствуютъ на воображеніе, тѣмъ болѣе ихъ установленіе

связываютъ съ прямымъ внушенiемъ божества. Изъ античныхъ культовъ только элевзинскiя и аналогичныя мистерiи могутъ конкуррировать съ ними. Весь культъ получаетъ мистическiй характеръ, иногда очень грубый и чувственный. Такъ напримѣръ, поклонники Миеры прибѣгали для своего очищенiя къ тавроболiямъ: надъ вырытой въ землѣ и покрытой сверху неплотно досками ямой, въ которой находился очищаемый, съ опредѣленными церемонiями приносилось въ жертву, т.е. закалывалось весьма значительное количество быковъ, кровь которыхъ стекала въ яму на голову и тѣло очищаемаго, который тѣмъ самымъ и очищался отъ своихъ грѣховъ.

Но именно грубость и чисто внѣшнiй, условный характеръ большинства этихъ мистерiй отталкивалъ и не удовлетворялъ очень многихъ, хотя къ нимъ и прибѣгали еще въ IУ и У вѣкахъ. Наряду съ ними развиваются поэтому двѣ другiя формы очищенiя. Одна изъ нихъ практически находится въ тѣсной связи съ аскетическимъ стоицизмомъ. Это - неоплатонизмъ, въ которомъ аскетическая этика дополняется мистическимъ углубленiемъ въ божество, цѣль котораго заключается въ полномъ соединенiи съ божествомъ внутреннемъ откровенiи послѣдняго. Но если восточныя и греческiя мистерiя были слишкомъ грубы, то неоплатонизмъ былъ слишкомъ высокъ для большинства.

Вотъ почему третья форма очищенiя, какъ отдѣльнаго человѣка такъ и всего человѣчества, отъ грѣховъ, очищенiе посредствомъ искупительной смерти посредника между божествомъ и людьми, чѣмъ дальше тѣмъ все больше беретъ

верхъ.

Во всякомъ случаѣ ясно, что центральный интересъ римскаго общества II и III вѣка, т.е. того времени, когда соціальный и политическій упадокъ имперіи рѣзко отмѣчается, былъ этическій и религіозный, а никакъ не политическій, соціальный или научный. Въ то время , когда античная литература и наука окончательно падаютъ, когда политическая жизнь не выдвигаетъ ни одного первостепеннаго представителя, начинается богатѣйшее развитіе христіанской литературы: это эпоха, когда начинается философское развитіе и обоснованіе новой религіи - вспомнимъ огромную, большею частью погибшую для насъ гностическую литературу - , когда выясняются тѣ основныя положенія, которыя впослѣдствіи были подтверждены вселенскими соборами.

Оставляя въ сторонѣ религіоную сторону всего очерченнаго процесса, мы, такимъ образомъ, можемъ сказать, что отсутствіе строго сознательной научной и общественной дѣятельности при полной неудовлетворительности соціально - экономической и политической жизни приводитъ общество къ аскетизму и мистицизму. Этимъ и объясняется, почему римское общество отличается такою безпомощностью въ области соціально-политическихъ фактовъ и идей.

Результаты внутренняго упадка имперіи.

Въ половинѣ III вѣка нашей эры могло казаться, что дни римской имперіи сочтены. Внутренняя анархія достигла сво-

его апогея, признанный сенатомъ императоръ Галліенъ могъ располагать силами почти только одной Италіи, почти во всѣхъ провинціяхъ узурпаторы смѣняли другъ друга, а въ то же время варвары и персы опустошали предѣлы имперіи. Франки подвигались впередъ по нижнему Рейну, Аламаны - по верхнему Рейну и Дунаю проникали въ сѣверную Италію, готы нападали на Дакію, Мизію и Малую Азію, персы взяли въ плѣнъ предшественника и отца Галліена, Валеріана и опустошали Сирію и Малую Азію, пограничныя африканскія племена совершали набѣги на ближайшія къ нимъ провинціи.

Римская военная организація не была разсчитана на одновременную борьбу на всѣхъ границахъ. Расположенное по границамъ имперіи войско не имѣло запаса. При нормальныхъ условіяхъ все ограничивалось пограничной стражой, но если где либо возникала серіозная борьба съ опаснымъ врагомъ, при такихъ условіяхъ приходилось вызывать войска изъ другихъ провинцій и тѣмъ ослаблять въ нихъ пограничную стражу. А одновременное опасное нападеніе въ разныхъ мѣстахъ дѣлаетъ защиту во всѣхъ отдѣльныхъ пунктахъ невозможной, особенно такъ какъ разсчитывать на содѣйствіе истощеннаго населенія или на большое число добровольцевъ не приходится.

При такихъ условіяхъ войско и его представители естественно выступаютъ на первый планъ: почти всѣ императоры III вѣка провозглашены той или иной частью римскаго войска и до своего провозглашенія сами служили въ

его рядахъ. Весьма естественно также, что сосредоточенiе всѣхъ государственныхъ дѣлъ въ рукахъ императора въ это время окончательно опредѣляется - фикцiя сенатскаго управленiя частью провинцiй именно въ это время прекращается и что наряду съ императоромъ, вѣчно занятымъ военными дѣлами, появляется сановникъ, сосредоточивающiй въ своихъ рукахъ всѣ нити управленiя, т.е. преторiанскiй префектъ, нѣкогда простой начальникъ гвардiи, превратившiйся теперь, по мѣткому выраженiю Моммзена въ "вице-императора". Въ то же самое время военныя и финансовыя потребности государства становятся все болѣе тяжкими и не встрѣчая добровольной поддержки общества, государство готовится прикрѣпить общество къ его занятiямъ и обязанностямъ, опредѣляетъ цѣны на всѣ предметы |ср. стратоникейскiй эдиктъ Деоклецiана 302 г. *de pretiis rerum venalium*| и т.д.

Но въ это время экономическая, культурная и политическая связь, соединявшая отдѣльныя части государства и подвергнувшаяся своему первому тяжкому испытанiю, очевидно еще не ослабла настолько, чтобы возстановленiе государственнаго единства стало невозможнымъ. Утомившееся отъ постоянной анархiи общество еще разъ предпочло подчиниться тяжелой опекѣ единой власти: только этимъ всеобщимъ утомленiемъ и можно объяснить сравнительно быстрые успѣхи такъ называемыхъ иллирiйскихъ императоровъ, Клавдiя Готскаго |268-270|, Аврелiана |270-275|, Проба |276-282|, Кара |282-283| и Дiоклецiана |284-304|

После громкой побѣды Клавдія надъ готами при Наиссѣ |Нишъ въ Сербіи|, возстановившей престижъ власти - о славѣ Клавдія можно судить по тому, что еще сорокъ лѣтъ спустя Константинъ Великій старался установить свое происхожденіе отъ Клавдія - Авреліанъ въ пять лѣтъ возстановилъ единство имперіи и укротилъ варваровъ, правда, уступивъ при этомъ наиболѣе опаснымъ изъ нихъ, Готамъ, огромную провинцію Дакію, изъ которой римское населеніе было большей частью выведено.

I. Реорганизація государства.

Начиная съ возстановленія государственнаго единства при Авреліанѣ сдѣлалась возможной и внутренняя реорганизація государства. Обыкновенно она приписывается спеціально Діоклеціану и Константину и полагають что она совершенно измѣнила весь строй римской жизни. На самомъ же дѣлѣ она стала необходимой, благодаря періоду анархіи, началась при Авреліанѣ, получила своеобразный и неожиданный характеръ при его преемникахъ, Тацитѣ и Пробѣ, и получила рѣшительный толчокъ при Діоклеціанѣ, но не содержитъ ни одной принципіально новой мысли и всецѣло покоится на предыдущемъ развитіи государственнаго строя и административнаго порядка.

Сущность ея сводится къ возможно большей централизаціи управленія, къ окончательной побѣдѣ бюрократизма надъ самоуправленіемъ, къ замѣнѣ свободной личной дѣ-

ятельности общества принудительной опекой.

А. Конституціонный строй. Характеръ верховной власти.

Раньше чѣмъ перейти къ окончательному установленію абсолютически бюрократичекаго режима, стоитъ нѣсколько остановиться на своеобразной попыткѣ воскресить значеніе сената, попыткѣ, отличающей эпоху Тацита и Проба |275-282|. Убійство Авреліана въ началѣ 275 года повидимому вызвало глубокое недовольство даже въ войскѣ, привыкшемъ распоряжаться жизнью императоровъ: всеобщее утомленіе, повидимому, отразилось и на немъ. Быстрая смѣна императоровъ дискредитировала самую власть и всѣ глаза обратились на единственное учрежденіе, непрерывно функціонировавшее съ древнѣйшихъ временъ Рима и все еще окруженное большимъ внѣшнимъ почетомъ, на сенатъ. Войско извѣстило его объ убійствѣ императора, потребовало его апоѳеозъ и предложило сенату дать ему преемника. Сенатъ естественно колебался и въ свою очередь предложилъ войску избрать императора. Только шесть мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Авреліана сенатъ по новому предоложенію войска избралъ императоромъ своего принцепса | princeps senatus |, 75 -тилѣтняго Тацита. Казалось, что лучшія времена сената вернулись и источники сообщаютъ, что сенатъ и въ самомъ дѣлѣ мечталъ стать снова и окончательно во главѣ всѣхъ дѣлъ. Пред-

полагалось передать ему рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ, а императоръ, повидимому, долженъ былъ быть лишь предсѣдателемъ сената *ipsum senatum principem factum v. Tac.*

Но для этого выборъ былъ какъ нельзя болѣе неудаченъ. Какъ только Тацитъ былъ вызванъ вторженіемъ Алamaновъ и Готовъ въ Малую Азію, выяснилось, что дисциплина въ войскѣ можетъ быть поддержана только сильнымъ и популярнымъ императоромъ, а не старикомъ сенаторомъ. Убійство одного изъ родственниковъ Тацита, назначеннаго имъ намѣстникомъ въ Сирію, служило введеніемъ къ убійству самого императора |начало 276 г.|. Но и послѣ этого надежда на сенатъ, какъ на носителя традицій и представителя порядка, не исчезаетъ. Избранный восточными легіонами, М. Аврелій Пробъ предоставилъ сенату утвердить его избраніе и въ то же время передалъ ему право судить по аппеляціямъ, назначать проконсуловъ и ихъ легатовъ и даже право утверждать императорскіе указы. Себѣ онъ предоставлялъ, очевидно, непосредственное начальство надъ войсками и внѣшнія дѣла, тогда какъ все верховное управленіе внутренними дѣлами было отдано сенату. Къ чему привела эта попытка исправить ошибку, сдѣланную при избраніи Тацита, и сохранить сильную военную власть при свободномъ сенатскомъ управленіи на практикѣ намъ, къ сожалѣнію, не извѣстно. Во всякомъ случаѣ, со смертью Проба, убитаго въ 282 г. солдатами, она потеряла значеніе.

Фактическое могущество и вліяніе сената было слишкомъ мало, чтобы можно было опереться на него при реорганизаціи государства.

Эпоха сенатской реставраціи кончилась и послѣдующіе императоры, въ частности Діоклеціанъ, видѣли спасеніе не въ сенатской олигархіи, а въ полнѣйшей концентраціи всѣхъ силъ государства и общества въ рукахъ императора.

Никакого разрыва съ предшествующимъ при этомъ не требовалось: такой разрывъ послѣдовалъ бы только тогда, если бы сенату, дѣйствительно, было суждено встать на мѣсто императора. Республиканскія формы первоначальнаго принципата |см. мою книгу Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти, т.I|, правда, потеряли всякое практическое значеніе, но въ сущности онѣ потеряли его по крайней мѣрѣ уже въ эпоху Септимія Севера |193-211|; уже тогда императоръ сплошь и рядомъ называется "государемъ" | *dominus* |, уже тогда онъ назначаетъ всѣхъ магистратовъ, уже тогда его указъ имѣетъ законную силу, уже тогда въ Италію вводятся войска и императоръ распространяетъ свою военную |проконсульскую| власть на эту страну. Съ другой стороны рядъ республиканскихъ принциповъ сохраняется еще въ IУ и У вѣкѣ и теперь императорская власть основывается не на Божьей милости и не на собственномъ правѣ даннаго лица, а на народномъ верховенствѣ, представителемъ котораго прежде являлся сенатъ, а съ III вѣка обыкновенно вой-

ко. Согласно съ этимъ и теперь не можетъ быть и рѣчи о наслѣдственности императорской власти: хитроумная попытка Діоклеціана обезпечить спокойное престолонаслѣдіе назначеніемъ одного равноправнаго соправителя | Augustus | Максиміана и двухъ неравноправныхъ | Caesares | Констанція Хлора |при Максиміанѣ на западѣ| и Галерія |при самомъ Діоклеціанѣ|, причемъ каждый цезарь усыновляется соотвѣтственнымъ Августомъ, и ограниченіемъ срока управленія каждаго императора 20 годами, по истеченіи коихъ онъ долженъ передать власть своему Цезарю, эта своеобразная комбинація системы усыновленія и раздѣленія имперіи лучше всего доказываетъ, что и въ этомъ отношеніи ничего не измѣнилось противъ прежняго. И теперь |до Граціана 375-383| сохраняется республиканская титулатура: оффиціально императоръ по-прежнему называетъ себя обладателемъ трибунской власти верховнымъ проконсуломъ, верховнымъ понтифомъ, отцомъ отечества. И теперь сенату формально приписывается самостоятельная функція: въ законѣ 384 г. | I, , I, 16 | императоры Θеодосій, Граціанъ и Валентиніанъ II признаютъ, что сенаатское постановленіе само по себѣ, независимо отъ императорскаго утвержденія, имѣетъ законную силу | quamvis consultum senatus perpetuam per se obtineat firmitatem

а въ 446 | l. 8, C.T. I,14| императоры Θеодосій II и Валентиніанъ III признаютъ, что участіе сената въ обсужденіи законовъ обязательно. И теперь, наконецъ, им-

ператоръ формально подчиненъ законамъ: въ 429 г. |*l.* 4, *C.J.* I,14| тѣ же императоры заявляютъ, что "достойно величія царствующихъ признать, что принцепсъ связанъ законами. Вотъ въ какой степени нашъ |императорскій| авторитетъ зависитъ отъ авторитета законовъ. Да и въ самомъ дѣлѣ подчиненіе принципата законамъ составляетъ интересъ власти" |Ср. *l.* 10 *C.J.* I,14 - 468 |.

Согласно съ этимъ императоры неоднократно заранѣе упраздняютъ всѣ свои мѣропріятія, несогласныя съ закономъ, и даже возлагаютъ отвѣтственность за исполненіе ихъ незаконныхъ приказовъ на бюрократію.

Принципіальныхъ конституціонныхъ реформъ мы, такимъ образомъ, вовсе не встрѣчаемъ: введеніе восточныхъ формъ придворнаго церемоніала |колѣнопреклоненіе, отчужденіе императора отъ подданныхъ и т.д.|, которое обыкновенно приписывается Діоклеціану, если только оно и въ самомъ дѣлѣ состоялось сразу при немъ, такимъ образомъ, не должно означать, что императоръ систематически уничтожаетъ всѣ прежнія полу-республиканскія формы и привычки.

Серіозныя нововведенія въ пониманіе императорской власти относятся лишь къ V и VI вѣку: въ 457 году впервые вводится помазаніе императора константинопольскимъ патріархомъ и лишь въ 529 - 530 г. Юстиніанъ провозглашаетъ теорію абсолютной власти Божьею милостью. "Что можетъ быть выше, что священнѣе императорской власти ?"

восклицаетъ онъ въ указѣ 529 года, "или кто настолько надмененъ, чтобы презирать царскую мысль, разъ и старые юристы открыто и ясно опредѣлили, что указы, основывающіеся на императорскомъ рѣшеніи, имѣютъ силу закона? Если теперь одному только императору предоставлено создавать законы, то интерпретировать законы должно быть достойно только власти". Согласно съ этимъ, историкъ этой эпохи Агаѳій |с. I4| утверждаетъ, что "изъ всѣхъ государей, когда либо царствовавшихъ въ Константинополѣ, онъ |Юстиніанъ| первый былъ неограниченнымъ монархомъ, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ".

Говорить о конституціонномъ переворотѣ, происшедшемъ будто въ эпоху Діоклеціана и Константина, такимъ образомъ нельзя. Дѣло сводится къ тому, что подъ давленіемъ внѣшнихъ опасностей и всего предшествующаго соціальнаго и административнаго развитія имперіи императорокая власть фактически все болѣе возвышается надъ гражданскимъ обществомъ: изъ перваго гражданина |princeps| императоръ окончательно превращается въ государя |dominus|, а населеніе изъ гражданъ |cives| въ подданныхъ |subiecti|. Въ то же самое время естественное усложненіе придворнаго церемоніала всегда встрѣчающееся при аналогичныхъ условіяхъ, постепенно отчуждаетъ императора отъ общества: императоръ качественно возвышается надъ обыкновеннымъ смертнымъ въ эпоху Августа, но внѣшнимъ образомъ, это начинаетъ вы-

ражаться особенно съ III вѣка, т. е. съ того времени, когда наряду съ восточными религіями въ римское общество усиленно прорываются многочисленныя другія восточныя представленія и нравы.

Характеръ верховной власти въ IУ вѣкѣ, такимъ образомъ мало чѣмъ отличается отъ характера ея въ III вѣкѣ При такихъ условіяхъ дальше возникаетъ вопросъ, имѣли ли принципіально большое значеніе административныя реформы Діоклеціано-Константиновской эпохи ?

2. Административный строй.

а| Общій характеръ.

Прежде всего нужно замѣтить, что наши данныя для выясненія хода административнаго развитія, приведшаго въ теченіе III и IУ вѣковъ къ административному строю рѣзко отличающемуся отъ строя I вѣка имперіи, крайне неудовлетворительны. Третій вѣкъ, особенно важный въ виду его переходнаго х рактера, представляетъ ту эпоху развитія римской имперіи, относительно которой до насъ дошло особенно незначительное количество данныхъ: огромное большинство законодательныхъ актовъ, сохранившихся въ сборникахъ Θеодосія II и Юстиніана, какъ уже замѣчено, относятся къ IУ и У вѣкамъ |сборникъ Θеодосія содержитъ исключительно указы императоровъ начиная съ Константина Великаго|. Списокъ должностей этого періода | *notitia dignitatum* | вѣроятно составленъ въ началѣ У и во всякомъ случаѣ не раньше конца IУ вѣка, историческіе же писатели и надписи именно для III

вѣка содержатъ совершенно ничтожный матеріалъ, что очень естественно въ виду упадка свѣтской литературы и всеобщей анархіи въ эту эпоху.

Прослѣдить въ виду этого въ точности ходъ административнаго развитія за III вѣкъ, совершенно невозможно, и вслѣдствіе этого точно также невозможно установить въ какой мѣрѣ новая административная система представляетъ результатъ реформъ Діоклеціана и Константина, или различить, какія мѣры принадлежатъ въ частности каждому изъ нихъ.

Рядъ отрывочныхъ данныхъ, на которыхъ здѣсь не мѣсто остановиться, однако, позволяетъ заключить, что и въ этомъ отношеніе значеніе Діоклеціано-Константиновской реформы обыкновенно сильно преувеличивается.

Каковъ же государственный строй, возникшій подъ давленіемъ внутренняго упадка и внѣшнихъ опасностей, превращавшихъ всю имперію въ одинъ огромный лагерь въ III и IУ в?

Основную отличительную черту его представляетъ колоссальное развитіе бюрократіи и централизаціи. Въ связи съ этимъ исчезаетъ старое различеніе должностей, доступныхъ однимъ сенаторамъ, и должностей, доступныхъ однимъ всадникамъ, различеніе, установленное еще Августомъ по

Литографія Богданова, Эртелевъ пер. д.I-I2.
Директоръ

политическимъ соображеніямъ. Желая примирить сенатъ съ возникновеніемъ принципата, Августъ предоставляетъ сенаторамъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ должностей по управленію и Римомъ и имперіей - таковы всѣ крупныя намѣстничества |кромѣ Египта|, причемъ съ званіемъ намѣстника было соединено и командованіе войсками данной провинціи большинство второстепенныхъ военныхъ должностей и рядъ должностей по управленію городомъ Римомъ, въ томъ числѣ особенно городская префектура. На ряду съ этими сенаторскими должностями, онъ, однако, создаетъ рядъ всадническихъ для такихъ отраслей управленія, которыя были особенно тѣсно связаны съ интересами или безопасностью императора - таковы финансовыя прокуратуры и особенно префектура Египта, т.е. богатѣйшей провинціи имперіи и житницы Италіи, префектура Анконы, т.е. главнаго управленія по обезпеченію хлѣбнаго продовольствія Рима, полицейская префектура въ Римѣ | praefectus vigilum | и, наконецъ, важнѣйшая изъ всѣхъ преторіанская префектура.

Прослѣдить всѣ видоизмѣненія въ этой системѣ должностей и ихъ взаимныхъ отношеній - отмѣтимъ только, относящееся къ III вѣку, возвышеніе преторіанскаго префекта надъ всѣми должностными лицами и указъ Галліена, |254-258|, запрещавшій сенаторамъ доступъ ко всякой военной должности - для насъ не нужно. Въ IУ вѣкѣ отъ сословнаго разграниченія должностей во всякомъ случаѣ ничего не осталось и бюрократія этого времени имѣетъ

единый характеръ.

Въ связи съ этимъ исчезаетъ и всякое различеніе императорскихъ и сенатскихъ провинцій: исчезновеніе его было подготовлено уже Септиміемъ Северомъ |введеніе войскъ въ Италію и тд.|, а затѣмъ особенно узурпаціями и смутами III вѣка, когда провинціальные императоры естественно и думать не могли о соблюденіи давно уже чисто фиктивныхъ правъ сената. |Въ прежнее время они заключались преимущественно въ избраніи намѣстниковъ сенатскихъ провинцій сенатомъ и въ томъ, что при нормальныхъ условіяхъ аппеляціи на рѣшеніе этихъ намѣстниковъ подавались въ сенатъ|.

Вторымъ характернымъ отличіемъ новой бюрократіи слѣдуетъ признать строгое проведеніе іерархіи во взаимныхъ отношеніяхъ должностныхъ лицъ. Тогда какъ въ первыя времена имперіи каждый намѣстникъ и каждое должностное лицо вообще |оставляя въ сторонѣ мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ| находится лишь подъ непосредственнымъ надзоромъ императора, а внѣ этого надзора равноправно со всѣми остальными должностными и одно исключительно вѣдаетъ всѣ дѣла, входящія въ кругъ его компетенціи, теперь наоборотъ, простой намѣстникъ | praeses | подчиненъ викарію, а далѣе преторіанскому префекту, простой dux |командующій отдѣльнымъ отрядомъ| подчиненъ comes'у rei militaris, а надъ послѣднимъ стоитъ magister militum. Такая же іерар-

хія существуетъ и въ финансовомъ вѣдомствѣ и въ вѣдомствѣ государственныхъ и императорскихъ имуществъ. Въ связи съ этимъ развитіемъ іерархическаго начала стоитъ и развитіе органовъ центральнаго управленія. Усложненіе бюрократической системы и накопленіе массы дѣлъ которыя прежде входили въ кругъ вѣдѣнія самоуправляющихся общинъ, прежде всего сдѣлали невозможнымъ, чтобы императоръ слѣдилъ за всѣми текущими дѣлами и заставили его поставить во главѣ администраціи лицъ, облеченныхъ его довѣріемъ, обязанности которыхъ заключались въ томъ чтобы снять съ него необходимость слѣдить за всей повседневной практикой управленія. Потребность въ такомъ облегченіи императорской дѣятельности сказалась уже въ I вѣкѣ имперіи: еще при Клавдіи начальники императорской канцеляріи, состоявшихъ изъ либертовъ и рабовъ, начали играть большую роль. Но тогда императорская власть была еще слишкомъ нова, чтобы императорское недовѣріе къ аристократіи съ одной, гордость самой аристократіи, не желавшей занимать важныя, слишкомъ подчиненныя императору должности, съ другой стороны, дѣлали невозможнымъ замѣщеніе этихъ должностей не только сенаторами, но и всадниками и даже просто римскими гражданами. Вотъ почему должность ab epistulis (graecis и latinis a rationibus a memoria и т.д. - т.е. должности начальниковъ канцелярій по провинціямъ на Высочайшее имя, по финансовымъ дѣламъ и т.д. - замѣщались либертами. Но какъ бы низко не было соціальное

положеніе этихъ лицъ, огромное вліяніе либертовъ Клавдія, особенно Палласа, Полибія |см. униженное посланіе Сенеки-Философа къ нему *ad Polibium de consolatione* | и Нарцисса, доказывало быстрое фактическое возвышеніе новыхъ центральныхъ органовъ управленія. Въ виду этого становится возможнымъ уже при Гадріанѣ назначать на эти должности всадниковъ и между прочимъ историкъ Светоній занималъ одну изъ нихъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе разумѣется возрастаетъ потребность въ облегченіи императора, иначе говоря въ усложненіи центральныхъ органовъ и раздѣленія труда между императоромъ и его ближайшими помощниками: изъ начальниковъ канцелярій они все больше превращаются въ министровъ. Третій вѣкъ съ его войнами и анархіей, какъ мы видѣли, даже приводитъ къ любопытному возвышенію преторіанскаго префекта: важность гвардіи для личной безопасности императора въ самомъ дѣлѣ заставляетъ назначать на эту должность особенно близкихъ къ императору людей, самой испытанной вѣрности, и отсюда естественно слѣдуетъ, что императоръ поручаетъ своему префекту все большій и большій кругъ дѣлъ. Практически своего рода *alter ego* императора, преторіанскій префектъ становится вице-императоромъ или, чтобы воспользоваться болѣе точной аналогіей, неограниченнымъ великимъ визиремъ |см. *Kremer. Kulturgesch. d. Orients unter den Chalifen* т.I, стр. 185 сл. о различеніи

visarat tafryd и. visarat tanfyd эпохи Абассидовъ: первый управляетъ vice sacra и представляетъ alter ego халифа, второй лишь исполняетъ приказанія халифа|. Онъ стоитъ во главѣ всего управленія военнаго и гражданскаго и даже имѣетъ право издавать общеобязательные приказы | formae |, которые имѣютъ полную силу закона, но, разумѣется, не должны противорѣчить императорскому указу или отмѣнять его. Центральные органы управленія - министерства и государственный совѣтъ | consistorium principis | - подчинены ему.

Одна изъ важнѣйшихъ реформъ конца III и начала IУ вѣка состоитъ въ виду этого въ сокращеніи функцій преторіанскаго префекта: опасность, естественно угрожавшая императору отъ всесильнаго перваго и въ сущности единственнаго министра съ одной, все то же колоссальное накопленіе дѣлъ и необходимость раздѣленія труда, непосильнаго для одного лица, съ другой стороны, приводятъ къ упадку власти префекта и къ возвышенію на его счетъ подчиненныхъ ему въ III вѣкѣ начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, о которыхъ намъ еще придется говорить. Вмѣсто временнаго сосредоточенія всѣхъ дѣлъ въ рукахъ одного лица, мы видимъ въ IУ вѣкѣ рядъ министерствъ, которымъ іерархически подчинены всѣ мѣстные представители того же вѣдомства.

Наряду съ устраненіемъ дуализма должностей сенаторскихъ и всадническихъ, наряду съ окончательнымъ разви-

тіемъ центральныхъ органовъ и бюрократической іерархіи, третьей характерной чертой административнаго строя IУ и сл. вѣковъ является ограниченіе функцій мѣстныхъ властей, т.е. главнымъ образомъ намѣстниковъ. Помимо подчиненія ихъ викаріямъ и префектамъ, оно производится въ двухъ направленіяхъ: возрастающее дробленіе провинцій ограничиваетъ географическіе предѣлы ихъ дѣятельности, строгое разграниченіе гражданской и военной власти - его внутренній объемъ.

Раньше мы уже видѣли, что провинціи первыхъ временъ имперіи, унаслѣдованныя ею отъ республики или пріобрѣтенныя вновь, большею частью чрезвычайно велики. Пиринейскій полуостровъ |ок. II,000 кв.м.| распадался на три провинціи |*Tarraconensis, Baetica, Lusitania*|, страна между Бискайскимъ заливомъ и Рейномъ съ Альпами, между Средиземнымъ моремъ и каналомъ *La Manche* |Франція, Бельгія, Голландія, западная Германія, Швейцарія ок. 15.000 кв.м.| распадалась на шесть провинцій *Narbonensis, Aquitania, Lucdunensis, Belgica, Germania superior, Germania inferior* | область современной Румыніи и большей части Венгріи съ Семиградіей составляла всего лишь одну провинцію |*Dacia*| и т.д. Общее число ихъ при Августѣ доходило до 26, тогда какъ уже упомянутый списокъ должностныхъ лицъ начала У вѣка насчитываетъ I20. Отчасти это увеличеніе объясняется

присоединеніемъ новыхъ првинцій послѣ Августа |напримѣръ Британнія, Дакія|, но наряду съ этимъ уже рано встрѣчается разложеніе какой нибудь одной, слишкомъ большой провинціи на болѣе мелкія: уже Августъ раздѣлилъ завоеванную Цезаремъ Галлію на пять провинцій, Домиціанъ раздѣлилъ Мизію на двѣ части |*Moesia superior* и *inferior*| и т. д. Къ эпохѣ Марка Аврелія число ихъ возрасло до 45 |изъ нихъ шесть сенатскихъ| къ эпохѣ воцаренія Діоклеціана до 57. Тѣмъ не менѣе усиленное дробленіе начинается съ него: по списку 297 года насчитывается 96 провинцій, тогда какъ позднѣйшіе списки, относящіеся ко второй половинѣ IУ вѣка даютъ 104, 113 и наконецъ *notitio dignitatum* 120 провинцій. При одномъ Діоклеціанѣ такимъ образомъ было создано 37 провинцій новыхъ |распредѣлявшихся между 12 діоцезами| и этимъ объясняется замѣчаніе его врага, христіанина Лактанція, что при немъ "провинціи были раздроблены |*provinciae in frusta concisae, multi praesides et plura officia singulis regionibus ac paena iam civitatibus incubare, item rationales multi et vicarii praefectorum*; *cw. de mort. persec.*, c. 7.|.

Значительное быстрое увеличеніе числа провинцій указываетъ на то, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ актомъ, хотя и давно подготовленнымъ, но во всякомъ

случаѣ вполнѣ планомѣрныхъ.

Отвѣтить въ настоящее время на вопросъ, какія соображенія руководили Діоклеціаномъ въ данномъ случаѣ, разумѣется, довольно трудно. Весьма возможно, что наряду съ политическими соображеніями - чѣмъ больше провинція, тѣмъ легче намѣстнику ея поднять возстаніе противъ императора - особенную роль играли фискальныя соображенія и возрастающій упадокъ городовъ. Реорганизація государства требовала не меньше средствъ, чѣмъ внѣшнія войны этого періода съ персами и варварами, и намъ положительно извѣстно, что податныя реформы Діоклеціана привели еще къ болѣе тяжкому обложенію населенія чѣмъ прежде: между тѣмъ непосредственный надзоръ надъ взиманіемъ податей былъ возложенъ на намѣстниковъ, которые въ то же время должны были заботиться о сохраненіи полнаго состава куріи, обезпечивавшаго регулярное поступленіе податей. Вдобавокъ, въ это время и судебныя функціи намѣстниковъ становятся сложнѣе: вмѣсто того, чтобы передавать рѣшеніе дѣлъ другимъ лицамъ | iudices pedanei |, намѣстникъ, какъ видно изъ указа 294 года - теперь обязанъ самъ судить и только въ крайнемъ случаѣ имѣетъ по прежнему право отсылать стороны къ назначенному имъ лицу. Возрастаніе количества дѣлъ требовало и здѣсь раздѣленія труда, которое прежде всего и выразилось въ сокращеніи предѣловъ провинцій: при возрастающемъ упадкѣ самоуправленія намѣстники уже не могли довольствоваться какъ прежде общимъ

руководствомъ и надзоромъ, а должны были непосредственно рѣшать и направлять массу дѣлъ, которыми прежде занимались мѣстные органы самоуправленія.

Тѣ же причины привели, по всему вѣроятію, и къ другому сокращенію дѣятельности и правъ всѣхъ намѣстниковъ не исключая и преторіанскихъ префектовъ, а именно къ строгому отдѣленію гражданской и военной власти. Если намѣстники временъ Августа обладали функціей командующихъ войсками, расположенными въ ихъ провинціяхъ |войска, какъ извѣстно, были расположены почти исключительно въ такъ называемыхъ императорскихъ провинціяхъ, т.е. провинціяхъ, намѣстники которыхъ назначались непосредственно императорами|, а власть преторіанскихъ префектовъ первоначально была чисто военная, то теперь наоборотъ намѣстники и префекты лишены всякихъ военныхъ прерогативъ и имѣютъ почти исключительно судебныя и административныя полномочія. По всему вѣроятію и въ данномъ случаѣ играли роль политическія соображенія - генералъ, бывшій въ то же время и намѣстникомъ, былъ опаснѣе простого начальника, хотя бы и большого отряда уже потому, что располагалъ деньгами и большими средствами давленія на населеніе. Наряду съ этимъ могли играть роль и соображенія о необходимости облегчить непомѣрно возросшій трудъ намѣстниковъ. Весьма возможно, наконецъ, что и чисто военные интересы оказали давленіе на рѣшеніе власти: постоянные набѣги дѣлали желательнымъ постоянное присутствіе и большую подвижность командующаго, то-

гда какъ разнообразіе дѣлъ и необходимость посѣщать отъ времени до времени всѣ судебные округи провинціи связывали намѣстника.

Переходнымъ этапомъ къ новому порядку, впрочемъ, былъ вѣроятно указъ Галліена, запрещавшій сенаторамъ доступъ въ лагери: такъ какъ большинство намѣстниковъ принадлежало къ сенаторамъ, то связь между ними и войскомъ была этимъ порвана и данъ толчокъ къ образованію спеціальныхъ военныхъ командъ, которыя затѣмъ сохранились даже и тогда, когда самое различеніе сенаторскихъ и другихъ должностей исчезло.

Во всякомъ случаѣ таковы наиболѣе характерныя общія черты административнаго строя IУ и сл. вѣковъ. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще только то, что всѣ должности по государственному управленію теперь оплачиваются, причемъ, наряду съ опредѣленнымъ жалованіемъ, чиновники имѣютъ еще право на опредѣленныя въ свою очередь подношенія отъ своихъ подчиненныхъ и особенно отъ частныхъ лицъ - sportulae.

Намъ остается познакомиться въ общихъ чертахъ съ самымъ устройствомъ управленія за это время.

б| Центральныя учрежденія.

Центральныя учрежденія, какъ уже замѣчено, особенно развились въ указанную |и предшествовавшую| эпоху. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы въ распредѣленіи компетенцій между отдѣльными центральными органами была за-

мѣтна полная цѣлесообразность и строгое разграниченіе функцій по существу. Историческія наслоенія и потребности данной минуты и въ данномъ случаѣ играютъ рѣшающую роль.

Основное значеніе для характеристики центральнаго управленія въ IУ и сл. вѣкахъ, какъ мы уже видѣли имѣетъ упадокъ власти преторіанскихъ префектовъ. Вопрервыхъ увеличивается ихъ число |ихъ теперь четыре|, во вторыхъ происходитъ раздѣлъ компетенцій между ними такъ, что каждый префектъ управляетъ той частью государства, надъ которой онъ поставленъ, и не долженъ вмѣшиваться въ дѣла другихъ префектуръ |ихъ также четыре: Oriens т.е. Египетъ, Italia т.е. Италія, острова, Африка и Illiricum т.е. Британнія, Галлія и Испанія|. Наконецъ, и это пожалуй самое важное, самая компетенція префектовъ значительно сокращается: превратившись въ своего рода генералъ-губернаторовъ или вице-королей, они теряютъ связь съ центральными учрежденіями въ собственномъ смыслѣ, и въ то же время лишаются своихъ военныхъ функцій и правъ. Весьма возможно, что раздѣленіе управленія имперіей между Діоклеціаномъ, Максиміаномъ, Констанціемъ Хлоромъ и Галеріемъ послужило введеніемъ къ упадку власти префекта, такъ какъ при каждомъ Августѣ и каждомъ Цезарѣ, по всему вѣроятію, состояло по одному префекту, завѣдывавшему вѣроятно преимущественно гражданскими дѣлами, такъ какъ веденіе войнъ, повидимому всецѣло сосредоточивалось въ рукахъ самихъ прави-

телей. Во всякомъ случаѣ, позднѣйшее дѣленіе имперіи на префектуры почти безусловно соотвѣтствуетъ дѣленію ея между Діоклеціаномъ и его соправителями. Наряду съ этимъ и тутъ несомнѣнно дѣйствовала все та же необходимость раздѣленія труда: сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ въ рукахъ префектовъ III вѣка было временнымъ перерывомъ въ созданіи центральныхъ органовъ, вызваннымъ тяжелыми условіями времени и несомнѣнно представлялось крайне нежелательнымъ съ точки зрѣнія интересовъ управленія и управляемыхъ.

Несмотря однако на значительное сокращеніе правъ префектовъ, положеніе ихъ все еще крайне внушительно и они сохраняютъ первенствующее мѣсто среди должностныхъ лицъ Префектъ является въ своей префектурѣ верховнымъ представителемъ судебной и административной власти. Онъ судитъ по всѣмъ дѣламъ *vice sacra* т.е. вмѣсто самого императора и слѣдовательно въ послѣдней инстанціи: аппеляція на его рѣшенія невозможна а возможна лишь *supplicatio* , т.е. прошеніе на высочайшее имя. Ему подчинены всѣ *praesides* провинцій и викаріи діоцезъ: первыхъ онъ самъ назначаетъ, смѣняетъ и судитъ; вторые назначаются императоромъ и онъ не имѣетъ права ихъ смѣнять, но можетъ суспендировать |пріостановить| ихъ дѣятельность впредь до императорскаго рѣшенія и во всякомъ случаѣ обладаетъ дисциплинарной властью и по отношенію къ нимъ. Онъ располагаетъ собственной кассой

| arca praefecturae | въ которую поступаетъ часть податей его провинціи и на которой лежатъ всѣ расходы по управленію ввѣренной ему префектурой. Онъ собираетъ деньги и продовольствіе для содержанія войска и вообще стоитъ во главѣ всего взиманія податей, которыя онъ распредѣляетъ между провинціями и городами и часть которыхъ затѣмъ препровождаетъ въ кассы финансоваго вѣдомства. Онъ сохраняетъ, наконецъ, право издавать общеобязательные приказы | formae |, которые онако, не должны противорѣчить императорскимъ указамъ, которые имъ же публикуются. Въ первое время онъ также стоитъ въ главѣ почтоваго вѣдомства своей префектуры | забота о путяхъ сообщенія, объ обезпеченіи ямской службы, лежащей на населеніи, выдача подорожныхъ и т.д. |, завѣдуетъ ружейными заводами и складами, но въ послѣдствіи эти обязанности были возложены на magister ' a officiorum . Въ результатѣ префекты представляютъ нѣчто въ родѣ министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.

Префектамъ непосредственно подчинены викаріи | vicarii praefecti | I2-I3 діоцезъ, а далѣе губернаторы I04-II6 - I20 провинцій | rectores, praesides, correctores, consulares и т.д. |, на которые распадается имперія. Число діоцезъ отдѣльныхъ префектуръ неодинаково. Префектура востока Oriens praefectus praetoris per Orientem | въ началѣ пятаго вѣка содержитъ пять діоцезъ: Aegyptus, Oriens =

= Сирія, Pontus и Asia |Малая Азія|, Thracia |, Иллирійская | Illyricum | - двѣ |Macaedonia и Dacia |, Италійская - три | Italia, Illyrica occidentalis, Africa | Галльская - тоже три | Gallia, Hispania, Britannia|. Резиденціями въ каждой изъ нихъ служатъ Константинополь, Сирмія или Солунь, Миланъ, Триръ или Арль.

При префектѣ, также какъ и при всѣхъ другихъ должностяхъ сфстѣяпхпнпннисл енныя концеляріи | officia)

Преторіанскимъ префектамъ не подчинены лишь два городскихъ округа, - Римскій и Константинопольскій, во главѣ которыхъ стоятъ praefecti urbe . Они назначаются всегда изъ бывшихъ консуловъ и представляютъ верховную судебную и административную власть столицы и окрестностей | въ предѣлахъ до сотаго милліарія отъ города|. Они судятъ даже сенаторовъ двухъ столицъ, слѣдятъ за взиманіемъ спеціально сенаторскихъ податей и за тѣмъ, чтобы они не отказывались отъ претуры, наиболѣе тяжелой изъ ихъ натуральныхъ повинностей , такъ какъ она сопряжена съ огромными расходами на игры: такъ Симмахъ | ср. ¯4,8| въ концѣ IУ вѣка истратилъ на претуру двѣ тысячи золота|считая цѣну фунта золота въ 450 рублей, около 900,000 рублей|, а Θеодосій I | желая ограничить расходъ возложилъ на двухъ первыхъ преторовъ | изъ восьми |, расходъ въ 1000 фунтовъ серебра |15 - 18,000 рублей|, тогда какъ остальные должны были истра-

тить значительно меньше.

Съ окончательнымъ переходомъ военныхъ функцій префектовъ и намѣстниковъ къ лицамъ, спеціально завѣдующимъ военными дѣлами, на ряду съ префектами появляются *magistri militum*. Соединеніе цѣлаго ряда легіоновъ въ рукахъ одного лица встрѣчается во всѣ времена имперіи, но лишь возрастающія внѣшнія затрудненія III и IУ вѣковъ вызываютъ созданіе особаго званія главнокомандующаго, причемъ отличаются *magistri peditum magistri equitum, magistri militidae*

Число ихъ мѣняется въ зависимости отъ цѣлаго ряда болѣе или менѣе случайныхъ условій; въ началѣ У вѣка ихъ было пять на востокѣ |два *magistri mün praesenti* или *praesentales* т.е. при особѣ государя, три въ провинціяхъ *per Orientem* противъ Персовъ, *per Thraciam* и *per Illyricum* противъ варваровъ| и 3 на западѣ | 2 *praesentales*, одинъ *peditum*, другой *equitum* и I *per Gallias* |. Тѣ изъ нихъ которые находились *in praesenti*, повидимому стояли выше областныхъ.

Они являются главными начальниками ввѣренныхъ имъ войскъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время: Только гвардія состоящая изъ отряда *scholares* | 7 *schole* по 500 человѣкъ| и изъ особенно привиллегированныхъ *domestici et protectores* |изъ бывшихъ центуріоновъ и лицъ сенаторскаго сословія|, подчинена

не имъ, а первые магистрату *officiorum* , вторые особымъ *comites* , принадлежащимъ въ концѣ IУ в. къ высшему классу должностныхъ лицъ | *viri illustres* |. Зато подъ ихъ начальствомъ находится вся армія, въ свою очередь распадающаяся на пограничную | *limitanei* | и на неимѣющую постояннаго мѣстопребыванія | *comitatensis* |: смыслъ этого дѣленія, очевидно, заключается въ обезпеченіи возможности двинуть на угрожаемую границу свободныя силы, не нарушая пограничной стражи въ другихъ мѣстахъ, какъ это было прежде, когда такой свободной военной силы не было.

Подъ начальствомъ и дисциплинарной властью главнокомандующихъ состоятъ *viri spectabiles duces* или *viri spectabiles comites rei militaris* | *viri spectabiles* составляютъ второй классъ должностной іерархіи, къ которому принадлежатъ и викаріи префектовъ|. Подъ начальствомъ этихъ бригадныхъ или дивизіонныхъ командировъ въ пограничныхъ мѣстахъ состоятъ еще *praefecti castrorum*|начальники постояннаго военнаго лагеря и расположеннаго въ немъ отряда|, *praefecti militum* и т.д.

Если мы такимъ образомъ не видимъ полнаго объединенія управленія ни въ вѣдомствѣ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, ни въ военномъ вѣдомствѣ, гдѣ центральные органы въ то же время имѣютъ и территоріальный характеръ - практическое превосходство *praefecti praetorio in praesenti* и *magistri militum in praesenti* |надъ остальными, кстати сказать, доказываетъ, что неудобство этой системы ощущалось уже тогда,- то наряду съ ними су-

ществуетъ рядъ органовъ исключительно центральнаго характера, наиболѣе соотвѣтствующихъ въ этомъ смыслѣ нашимъ министерствамъ и главнымъ управленіямъ.

Всѣ они, повидимому, прежде были подчинены государственному совѣту, о кот. намъ еще придется говорить, и кажется, лишь въ теченіе IУ в. получили полную самостоятельность. Во всякомъ случаѣ они лишь постепенно входятъ въ первый классъ должностныхъ лицъ. Очень вѣроятно, что они до IУ в. были начальниками отдѣльныхъ департаментовъ, состоявшихъ при государственномъ совѣтѣ, и были подчинены его обыкновенному предсѣдателю, т.е. преторіанскому префекту. Когда его компетенціи именно въ этомъ смыслѣ были упразднены и они стали снова докладывать лично императору, ихъ значеніе чрезвычайно быстро начало возрастать.

На первомъ мѣстѣ среди нихъ стоитъ quaestor sacri palatio въ рукахъ котораго сосредоточивается вся подготовительная работа по законодательной и указной дѣятельности государя. Представляя нѣчто вродѣ государственнаго секретаря, онъ естественно стоитъ въ особенно тѣсной связи съ Государственнымъ Совѣтомъ, обсуждающимъ законы и указы императора до ихъ утвержденія и обнародованія. Въ то же время онъ принимаетъ всѣ жалобы и прошенія на высочайшее имя, просматриваетъ ихъ, даетъ свое заключеніе и докладываетъ о нихъ государю.

Финансами государства завѣдуетъ comes sacrarum largitionum, въ вѣдѣніи котораго находится государственная казна | sacrum aerarium | и производящіеся изъ нея расходы. Распредѣленіемъ и взыманіемъ податей, какъ мы видѣли, завѣдуетъ не онъ, а praefectus praetorio и его подчиненные, но

зато онъ контролируетъ дѣйствія этихъ лицъ. Въ его рукахъ далѣе находятся вопросы о введеніи или сложеніи податей, объ опредѣленіи государственнаго бюджета и общей суммѣ требуемыхъ доходовъ и т.д.

Государственными и императорскими землями завѣдуетъ *comes rei praetorii*, въ вѣдѣніи кот. находится особое *aerarium privatum* на которомъ лежатъ не только личные, но и многочисленные государственные расходы императора. О важности этой области управленія можно судить по огромному количеству дошедшихъ до насъ указовъ на имя этого министра.

Подъ начальствомъ двухъ названныхъ лицъ состоятъ *comites largitionum* |въ діоцезахъ|, *rationales summarum* |въ провинціяхъ| съ одной, *rationales rerum privatarum* |для болѣе значительныхъ округовъ| и *procuratores* или *praepositi rei privatae* |для болѣе мелкихъ подраздѣленій этихъ округовъ| съ другой стороны. Наряду съ этими должностными лицами существуетъ еще рядъ другихъ для спеціальныхъ отраслей управленія отдѣльнаго вѣдомства: таковы *comites commerciorum u metallorum, thesaurorum, procuratores monetarum,* прокураторы или магистраты императорскихъ фабрикъ и заводовъ въ вѣдомствѣ министра финансовъ, *praepositi gregum et stabulorum, praepositi saltuum* и т.д. въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ.

О податной организаціи см. дальше.

Наименѣе опредѣленными функціями отличается четвертый изъ этихъ министровъ - *magister officiorum*. Судя по имени первоначально лишь начальникъ центральной канцеляріи при государственномъ совѣтѣ |*scrinium memoriae, epistularum, libellorum*|, онъ особенно возвышается по мѣрѣ того, какъ компетенція преторіанскихъ префектовъ падаетъ: именно неопредѣленност

его функцій, которой онъ отличается отъ трехъ названныхъ министровъ, способствуетъ тому, что въ его рукахъ сосредоточивается рядъ самыхъ разношерстныхъ обязанностей, лежавшихъ прежде на префектахъ. Сохраняя исключительное начальство надъ указанными канцеляріями, несмотря на то, что ими пользуется и quaestor sacri palatii , онъ постепенно начинаетъ завѣдывать иностранными дѣлами, такъ какъ ему поручается введеніе по..овъ во дворецъ, и полиціей, такъ какъ ему поручается почтовое вѣдомство, имѣвшее всегда и полицейскій оттѣнокъ, и начальство надъ отрядомъ своего рода чиновниковъ особыхъ порученій, agentes in rebus . Вдобавокъ онъ состоитъ начальникомъ части гвардіи и получаетъ завѣдываніе оружейными заводами и складами |т.ск.интендантское вѣд.|.

Въ высокой степени характерно для возрастающаго значенія чисто придворныхъ должностей, проистекающаго изъ отчужденія императора отъ общества, наконецъ то, что наряду съ указанными министрами начинаетъ играть огромную роль и принадлежащій къ высшему классу должностей praepositus sacri cubiculi |начальникъ священной опочивальни|, т.е.нѣчто вродѣ оберкамергера изъ эвнуховъ, состоящій во главѣ придворной прислуги и завѣдующій также частью императорскихъ дворцовъ и имѣній.

Съ этими пятью |вмѣстѣ съ префектами одиннадцатью| министрами не можетъ выдержать сравненія primicerius notariorum нѣчто вродѣ начальника инспекторскаго департамента, завѣдующій назначеніемъ всѣхъ должностныхъ лицъ, составляющій соотвѣтственные приказы и получающій за это опредѣленныя подношенія. Въ виду массы указовъ,либо вовсе закрывающихъ самымъ разнообразнымъ классамъ населенія доступъ къ госу-

дарственнымъ должностямъ, либо устанавливавщихъ рядъ условій для поступленія на службу и служебнаго движенія, эта должность не можетъ быть признана чистой синекурой, но никогда не имѣла болѣе серьезнаго значенія. Тѣмъ не менѣе и *primicerii notariorum* состоятъ въ первомъ классѣ должностей, а одинъ изъ нихъ въ 423 г. послѣ смерти Гонорія |395 -423| даже узурпировалъ престолъ.

Наряду съ министерствами главнымъ центральнымъ учрежденіемъ является Государственный Совѣтъ |*sacrum consistorium*|, происхожденіе кот. относится ко II вѣку. Задача его заключается въ обсужденіи законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ дѣлъ, рѣшаемыхъ въ послѣдней инстанціи императоромъ. Засѣданія его негласныя и происходятъ подъ предсѣдательствомъ императора, который одинъ сидитъ при этомъ. Въ составъ Совѣта входятъ постоянные и чрезвычайные члены, всѣ по назначенію императора. Къ первымъ принадлежатъ министры и начальники тѣхъ *scrinia*, кот. состоятъ подъ начальствомъ магистра *officiorum*. Подготовленіе законопроэктовъ и т.д. лежитъ на *quaestor s. palatii*. О фактическомъ вліяніи совѣта на ходъ дѣлъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что государственный совѣтъ практически совершенно оттѣснилъ сенатъ. Послѣдній, въ составъ кот. входятъ лица, возведенныя императоромъ въ званіе сенаторовъ, лица, занимающія извѣстныя должности |именно должности первыхъ трехъ классовъ: *illustres et clarissimi*, *spectabiles et clarissimi* и просто *clarissimi*|, и наконецъ лица, отслужившія свой срокъ въ центральныхъ канцеляріяхъ |*officia palatina*|, сохраняетъ, правда, теоретически свое совѣщательное значеніе по всѣмъ общегосударственнымъ дѣламъ, но на дѣлѣ является лишь муниципальной

куріей города Рима или Константинополя, завѣдующей городской кассой |aerarium Saturni| и выборами преторовъ и консуловъ. Значеніе этихъ старыхъ республиканскихъ магистратуръ, разумѣется, чисто почетное; единственными указаніями на прежнее значеніе консулата является высокое положеніе настоящихъ и бывшихъ консуловъ среди должностныхъ лицъ |они стоятъ даже выше префектовъ и самъ императоръ при воцареніи принимаетъ званіе консула| и сохраненіе стараго обычая называть года по именамъ консуловъ. Лишь Юстиніанъ упразднилъ консулатъ въ 541 году.

В| Областное и мѣстное управленіе и самоуправленіе.

Принципіальнаго переворота мы не замѣчаемъ и въ мѣстномъ самоуправленіи. При предполагаемыхъ сознательно-абсолютическихъ реформахъ, приписываемыхъ Діоклеціану и Константину, можно было бы ожидать полное исчезновеніе областнаго и мѣстнаго самоуправленія. Между тѣмъ и то и другое сохраняется и если оно сохраняется въ совершенно уродливомъ видѣ, то это результатъ не только и не столько императорской политики, сколько результатъ внутренняго экономическаго и соціальнаго упадка городской жизни. Города по прежнему имѣютъ свое представительное учрежденіе, курію, но оно представляетъ не народные интересы, а интересы меньшинства; да и послѣднее охотно отказалось бы отъ своего участія въ куріи, но государство принуждаетъ его къ этому участію. Провинціи порознь или нѣсколько изъ нихъ вмѣстѣ по прежнему имѣютъ свои собранія |consilio |, кот. сохраняются даже послѣ того, какъ ихъ первоначальное raison d'être - культъ Рима и Августа - исчезло съ принятіемъ христіанства; права этихъ собраній нисколько не сокращаются: императоры неоткно-

кратно обращаются къ нимъ съ рескриптами, содержащими очевидно отвѣтъ власти на жалобы и петиціи собраній |напр. о сложеніи недоимокъ|, запрещаютъ даже префектамъ препятствовать свободному собранію съѣзда одной или нѣсколькихъ провинцій или даже цѣлаго діоцеза |*C. Th.* 12,12-384г.| и даже заботятся о ихъ возрожденіи тамъ, гдѣ они пришли въ упадокъ. Но и эти собранія имѣютъ чисто аристократическій характеръ, да всегда и отличались таковымъ, и народные интересы лишь тогда находятъ въ нихъ представителей, когда они совпадаютъ съ интересами декуріоновъ и мѣстной знати. А эти интересы почти всегда совершенно расходятся.

Упадокъ самоуправленія, разумѣется, еще усиливается значительнымъ развитіемъ бюрократіи, но, какъ мы видѣли, вмѣшательство государства на первыхъ порахъ было и необходимо и въ извѣстныхъ предѣлахъ даже желательно: разстройство городскихъ финансовъ, несправедливое обложеніе, злоупотребленіе и кумовство городской олигархіи декуріоновъ въ общемъ, хотя и въ гораздо въ меньшихъ размѣрахъ, напоминаетъ аналогичные факты изъ исторіи римской олигархической республики послѣднихъ временъ. Тѣмъ, чѣмъ для самого Рима было созданіе монархіи, для провинціальныхъ городовъ былъ надзоръ правительства: онъ задержалъ, но не предотвратилъ упадокъ и постепенно замѣнилъ свободную дѣятельность принудительной опекой.

Въ результатѣ все мѣстное управленіе было подчинено гораздо болѣе постоянному, непосредственному и близкому надзору властей: уже увеличеніе количества намѣстниковъ и упраздненіе ихъ военныхъ функцій сдѣлало возможнымъ значительно болѣе бдительный надзоръ, чѣмъ прежде. Увеличеніе числа

городскихъ кураторовъ |curatores publicae | подчиняетъ большинство городовъ еще болѣе непосредственному контролю; въ IУ в.они, правда, избираются самимъ населеніемъ |при Антонинахъ и Северахъ они назначались императоромъ|, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что они,несмотря на это, по существу являлись послушными органами мѣстныхъ властей: избраніе ихъ населеніемъ вдобавокъ подчеркивало почетный характеръ должности, которая потому и не оплачивается государствомъ. Какъ декуріоны обязаны безвозмездно распредѣлять и взымать подати и передавать ихъ намѣстнику, такъ и кураторъ безвозмездно долженъ исполнять его волю и слѣдить за декуріонами.

Выше уже было замѣчено, что въ IУ в.была создана новая городская должность "защитника плебса" или "города" |defensor plebis или civitatis |, спеціальная обязанность котораго заключалась въ обезпеченіи массы населенія отъ злоупотребленій и вымогательствъ декуріоновъ: очевидно, намѣстники и ихъ канцеляріи, а далѣе кураторы оказались безсильными дѣлать то дѣло, кот.только и оправдывало вмѣшательство государства въ городскую жизнь. Но и эта должность была или скоро сдѣлалась избирательной, не оплачивалась и скоро превратилась въ новую реальную повинность богатѣйшей части населенія, отъ кот.старались избавиться и которой въ случаѣ неудачи злоупотребляли. Содѣйствуя дальнѣйшему упадку злоупотребленій, она не помогла населенію.

2| Финансовая и податная система.

Раньше чѣмъ перейти къ соціальному строю имперіи, необходимо нѣсколько остановиться на финансовомъ положеніи и подат-

ной системѣ IУ и сл.вв., въ характерѣ кот.заключается ключъ къ соціальной политикѣ правительства.

Выше уже было замѣчено, что государственныя средства проистекали изъ двухъ источниковъ, изъ доходовъ съ государственныхъ и императорскихъ земель съ одной, изъ податей, взымаемыхъ съ разныхъ классовъ населенія съ другой стороны. Наряду съ этимъ огромное значеніе имѣютъ повинности общественнаго характера, лежащія на населеніи и постоянно возрастающія съ теченіемъ времени: сюда принадлежитъ повинность сенаторовъ отбывать претуру, повинность декуріоновъ распредѣлять и взымать налоги, лежащія на массѣ населенія, повинность купцовъ распредѣлять и взымать торговопромышленные налоги, повинность землевладѣльцевъ поставлять новобранцевъ изъ колоновъ или вносить за нихъ опредѣленную сумму |т.наз. tironum plebitio |, ямская повинность и т.д. Ясно, до какой степени эти безчисленныя повинности облегчали финансовую задачу государства и какъ значительно они обременяли населеніе: очевидно, если бы мы даже обладали точными данными объ имперскомъ бюджетѣ, цифра доходовъ и расходовъ не давала бы никакого представленія о степени дѣйствительнаго обремененія населенія, особенно еще потому, что наряду съ общегосударственными расходами на немъ лежали и мѣстные, городскіе. Вдобавокъ высшіе разряды землевладѣльцевъ - самъ императоръ, его домъ и высшая сенаторская аристократія - были освобождены отъ цѣлаго ряда государственныхъ повинностей и безусловно свободны отъ городскихъ, такъ какъ ни императоръ, ни сенаторъ не состоятъ гражданами того города, гдѣ лежитъ ихъ имѣніе.

а| Государственные доходы съ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Оставляя пока въ сторонѣ повинности и отношеніе къ нимъ привилегированныхъ классовъ, остановимся на государственныхъ податяхъ и налогахъ.

Основнымъ налогомъ является поземельный | tributum, capitatio terrena, iugatio |. Онъ уплачивается съ самаго начала всѣми покоренными | civitates stipendiariae отъ stipendium|, которые не заслужили особыхъ привилегій |civitates immunes|. Съ теченіемъ времени онъ распространяется на все населеніе имперіи безъ всякаго исключенія: даже Италія подчиняется ему, какъ полагаютъ, со временъ Діоклеціана. Для опредѣленія высоты обложенія еще при Августѣ былъ произведенъ всеобщій кадастръ, кот.затѣмъ повторялся |въ Галліи напр.уже при Тиберіи|: очевидно, земли облагались пропорціонально ихъ доходности. Вотъ указаніе, что должно было содержаться въ податныхъ оцѣночныхъ спискахъ |formula censualis -l.4 D. 50 15 изъ Ульпіана, знаменитаго юриста начала III вѣка|: "Названіе каждаго имѣнія |fundus | съ указаніемъ, въ какомъ городскомъ округѣ |civitas | и въ какой волости его |pagus | оно находится,и съ указаніемъ двухъ ближайшихъ сосѣднихъ имѣній. Количество югеровъ |одинъ югеръ - приблизительно I|4 десятины| пахатной земли, кот.за послѣдніе IO засѣвалась; количество принадлежащихъ къ нему югеровъ виноградника и количество лозъ; количество югеровъ луговъ, на кот. за послѣдніе IO лѣтъ производился покосъ, приблизительное количество югеровъ пастбищъ а также вырубаемыхъ лѣсовъ. Все это оцѣнивается тѣмъ, кто дѣлаетъ заявленія, |т.е. самимъ собственникомъ или его уполномоченнымъ|. При заявкѣ рабовъ слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы въ точности указыва-

лось ихъ происхожденіе и возрастъ и ремесла. Собственникъ обязанъ также заявить о рыбныхъ озерахъ и пристаняхъ. Если въ имѣніи имѣются соляные промысла |salinae|, то и они должны быть внесены въ оцѣнку.

Ясно, какую сложную процедуру представляетъ такая оцѣнка всѣхъ имѣній имперіи и какая масса злоупотребленій и процессовъ съ фискомъ должна была проистекать отсюда; въ указанномъ текстѣ, правда, спеціально рекомендуется не обременять напрасно собственника, если онъ не былъ въ состояніи пользоваться всѣмъ своимъ земельнымъ имуществомъ, напр. вслѣдствіе землетрясенія, естественной гибели виноградныхъ лозъ и лѣса и т.д. Тѣмъ не менѣе понятно, что при отсутствіи общественнаго контроля, при желаніи чиновниковъ выслужиться или обогатиться, подобная оцѣнка сама по себѣ очень обременительная, хотя въ пользу ея и говоритъ лежащая въ ея основаніи пропорціональность обложенія. Въ этой формѣ, однако, взымался налогъ вплоть до конца III вѣка.

При Діоклеціанѣ, вѣроятно, для облегченія распредѣленія налога и для замѣны разнообразныхъ способовъ его взыманія, дѣйствовавшихъ въ отдѣльныхъ городахъ, однимъ общимъ для всей имперіи порядкомъ, была произведена реформа въ системѣ его взыманія, а именно искусственно была создана новая единица обложенія, равная во всей имперіи |iugum, caput|. Каждая провинція на основаніи точной оцѣнки доходности земли была раздѣлена на опредѣленное количество такихъ единицъ, фактическіе размѣры которыхъ зависѣли отъ качества земли и характера обработки. Такъ напр. въ Сиріи въ V в. одна податная единица |iugum| содержала 5 югеровъ виноградника или 20 югеровъ пахатной земли перваго класса или 40 юг. пахат-

ной земли II класса или 60 юг.пах.земли III кл. или плантацію въ 225 оливковыхъ деревьевъ I класса или такую же плантацію въ 450 дер. II класса и т.д. Несмотря на разницу въ размѣрахъ всѣ эти единицы представляли равную цѣнность и облагались равной суммой налога. Въ этомъ, очевидно, и заключалось большое практическое удобство новой системы для власти: зная количество податныхъ единицъ во всей имперіи и зная или предполагая цифру расхода, который въ данномъ году надлежало покрыть изъ поземельнаго налога, очевидно, ничего не стоило опредѣлить, какая часть всей суммы должна пасть на отдѣльное *iugum*. Понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, что отъ времени до времени при такой системѣ необходимо произвести переоцѣнки; въ имперіи IУ и сл.вв. онѣ производятся каждые I5 лѣтъ |отсюда счисленіе по индиктамъ, *indictio* |.

Высота обложенія, разумѣется мѣнялась, согласно потребностямъ времени и степени корыстности политики отдѣльныхъ императоровъ: такъ, когда Юліанъ |36I-363| въ 357 году былъ назначенъ цезаремъ и посланъ въ Галлію, размѣръ обложенія каждаго *iugum* доходилъ здѣсь до 25 солидовъ |ок. I25 руб. а послѣ значительныхъ произведенныхъ имъ сокращеній въ расходахъ на каждомъ *iugum* лежало всего лишь 7 солидовъ |35р.|. Нѣкоторые ученые старались воспользоваться этими данными |*Amm. Marc.* I6,5,4| и указаніемъ ритора начала IУ в. Эвмена |*Panegyr.* стр. I84, I89, I90|, на основаніи котораго можно заключить, что *civitas* гальскаго племени Эдуевъ содержала 32000 податныхъ единицъ, чтобы опредѣлить высоту обложенія всей Галліи. Принимая во вниманіе, что *civitas* Эдуевъ составляла около I|48 всей Галліи и что, находясь въ центрѣ страны, она представляетъ типичное явленіе для

экономической жизни всей Галліи, они пришли къ выводу, что Галлія эпохи Юліана содержала ок. I,529,000 *iuga* и слѣдовательно уплачивала до Юліана ок. 190 мил. рублей, послѣ него ок. 53 мил. р. одного поземельнаго налога. Къ сожалѣнію, этотъ результатъ, при помощи кот. въ свою очередь считали возможнымъ опредѣлить количество населенія Галліи въ 10 мил. человѣкъ, представляется чисто гипотетическимъ, такъ какъ основанъ на совершенно недостаточныхъ данныхъ.

Во всякомъ случаѣ мы видимъ изъ значительнаго сокращенія обложенія, произведеннаго Юліаномъ, несмотря на раззореніе восточныхъ областей Галліи франками и алламанами и несмотря на продолжающуюся войну съ ними, что обложеніе имѣло тенденцію къ повышенію, а затѣмъ къ сохраненію достигнутой высоты, даже если непосредственной потребности къ этому не ощущалось, въ силу одного рутинерства и корыстолюбія бюрократіи.- Облегченіе обложенія, кстати сказать, достигалось либо пониженіемъ его высоты на отдѣльное *iugum*, либо сокращеніемъ числа *iuga* данной провинціи или *civitas*.

Дополненіемъ къ собственно поземельному налогу являются: I|*annona* и 2|*superindictiones* или *augmenta*. Аннона представляетъ налогъ натурой |хлѣбомъ, мясомъ, виномъ и т.д.| спеціально для содержанія войска, чиновничества, двора и столичнаго населенія. Она лежитъ на поземельной собственности и распредѣленіе ея совершается по той же системѣ: смотря по характеру производства данной провинціи, каждая податная единица обязывается внести опредѣленное количество хлѣба, мяса, вина или другихъ предметовъ. Вмѣстѣ съ трибутомъ она составляетъ основную и нормальную форму обложенія землевладѣльцевъ.

Superindictio или augmentum наоборотъ имѣетъ чрезвычайный характеръ, представляетъ болѣе или менѣе значительное дополненіе къ tributum и аннонѣ и устанавливается въ случаѣ экстренныхъ государственныхъ потребностей самимъ императоромъ.

Наряду съ поземельнымъ налогомъ и его добавленіями, лежащимъ на всѣхъ землевладѣльцахъ |со II половинѣ IУ в. онъ лежитъ и на государственныхъ земляхъ| и уплачиваемымъ, слѣдовательно, и сенаторами и декуріонами и остатками мелкаго землевладѣнія |possessores |, наиболѣе общій характеръ имѣетъ подушная подать |capitatio humana или plebeia, лежащая первоначально на всѣхъ лицахъ, не владѣющихъ поземельной собственностью, т.е. на массѣ городского населенія, на колонахъ и даже на рабахъ. Съ теченіемъ времени, однако, она была сложена съ городского населенія |plebs urbana|, съ духовенства, съ извѣстныхъ группъ чиновничества и солдатъ, съ ветерановъ и т.д. и съ тѣхъ поръ падала почти исключительно на колоновъ и рабовъ, за которыхъ вносилась соотвѣтственнымъ помѣщикомъ или собственникомъ. Размѣръ ея съ теченіемъ времени былъ значительно пониженъ |особенно Граціаномъ l. 2 C. Th. 13, II|.

Рядъ другихъ прямыхъ налоговъ падаетъ лишь на опредѣленныя сословія или классы населенія. Такъ сенаторы обязаны вносить I| особый поземельный налогъ |collacio glebalis, gleba senatoria, follis |, 2| особое ежегодное подношеніе по поводу новаго года |oblatio votorum| и 3| чрезвычайныя подношенія по поводу всѣхъ счастливыхъ событій царствованія |aurum oblatium |. Два послѣднихъ налога, очевидно, развились изъ добровольныхъ даровъ, постепенно

сдѣлавшихся обычными, а затѣмъ и обязательными. Всѣ эти налоги соразмѣряются съ состояніемъ и доходомъ даннаго лица и, поскольку на самомъ дѣлѣ правильно вносятся, повидимому, довольно обременительны. Характерно, что они были упразднены около 450 года.

Декуріоны, независимо отъ остальныхъ налоговъ и повинностей, несутъ еще aurum coronarium, первоначально добровольный даръ по поводу торжественныхъ событій, затѣмъ обыкновенный налогъ, соотвѣтствующій сенаторскому aurum oblaticium.

На торговопромышленномъ классѣ, наконецъ, лежитъ также спеціальный налогъ, нѣчто вродѣ патентнаго сбора |lustralis collatio, chrysargiron, aurum et argentum|. Взымаемый со всѣхъ negotiatores, |т.е.лицъ, профессіонально занимающихся купдей-продажей| онъ распредѣляется между ними ихъ же представителями: въ каждомъ городѣ для этого образуется особый corpus, организація торговцевъ, представители которыхъ |mancipes| отвѣчаютъ за правильное поступленіе той круглой суммы, которая налагается на торговцевъ даннаго города правительствомъ и взымается каждые пять лѣтъ. Налогъ, повидимому, былъ очень обременителенъ для торговли и былъ отмѣненъ на востокѣ въ 501 г.императоромъ Анастасіемъ.

Наряду съ прямыми налогами существуетъ рядъ косвенныхъ. Сюда относится: I| centesima rerum venalium |или auctionem |, т.е.однопроцентный налогъ на всякую куплю-продажу. Введенный при Августѣ онъ съ теченіемъ времени былъ доведенъ до 4%: еще въ У в.предписывается заносить въ особые реестры всѣ купли-продажи недвижимыхъ имуществъ для обезпеченія правильности поступленія налога. 2| Таможенные сборы |portoria |, существовавшіе очень давно, повиди

мому, также были довольно обременительны. Они взымались не только на внѣшнихъ границахъ государства |торговля съ востокомъ была, естественно, особенно значительна|, но и на внутреннихъ границахъ нѣкоторыхъ провинцій, напр Италіи и Галліи. Высота ихъ была, повидимому, различна: на границахъ испанскаго таможеннаго округа она доходила до 2%, на границахъ галльскаго и италіанскаго до 2½%. Полагаютъ, что послѣдняя цифра была наиболѣе обычная.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще доходы съ государственныхъ монополій, соляной, горной и монетной. Особенно чеканка монетъ низкаго достоинства представляла частое и крайне вредное явленіе.

Общая сумма доходовъ съ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и съ государственныхъ монополій, какъ уже сказано, не можетъ быть установлена.

в| Доходы съ государственныхъ и императорскихъ земель.

Во всякомъ случаѣ ихъ не хватало для покрытія расходовъ и наряду съ ними въ государственномъ хозяйствѣ играютъ огромную роль доходы съ государственныхъ земель.

Среди земель, находившихся въ распоряженіи императора, слѣдуетъ различать двѣ группы: *fundi rei privatae* или *res privatae* и *fundi patrimoniales* или *patrimonium*, т.е. государственныя земли и земли, принадлежащія императору и его семейству. Первыя послѣ смерти даннаго императора переходятъ къ его преемнику, все равно является ли послѣдній родственникомъ и частноправнымъ наслѣдникомъ умершаго или нѣтъ, вторыя, наоборотъ, при нормальныхъ условіяхъ переходятъ къ частноправнымъ законнымъ наслѣдникамъ умершаго, его дѣтямъ, женѣ, братьямъ, даже если они не вступаютъ на

престолъ. Лишь въ случаѣ, если умершій императоръ умеръ безъ законныхъ наслѣдниковъ или если онъ былъ низложенъ своимъ преемникомъ и его земли конфискованы, послѣднія присоединяются къ государственнымъ землямъ. Несмотря на такое существенное различіе этихъ двухъ группъ, и тѣ и другія земли въ IУ и У вв.находятся подъ управленіемъ одного лица, *comes rei privatae*. Лишь въ концѣ У в.императоръ Анастасій |491-517| отдѣлилъ свой патримоній отъ государственныхъ земель и создалъ для него особое главное управленіе, во главѣ котораго стоялъ *comes sacri patrimonii*. Наряду съ этими землями существовала, впрочемъ, еще одна группа, доходы съ которой, повидимому поступали на содержаніе императорскаго двора и которая находилась подъ управленіемъ оберкамергера |*praepositum sacri cubiculi*|. При Юстиніанѣ для нихъ появляется новое техническое выраженіе -*praedia domus divinae, praedia tamiaca*. Несмотря на это различеніе, имѣющее значеніе съ точки зрѣнія происхожденія отдѣльныхъ группъ этого землевладѣнія и источниковъ ихъ увеличенія, всѣ они, разумѣется, находятся въ полномъ распоряженіи государя. Также какъ онъ можетъ воспользоваться доходами съ налоговъ для покрытія своихъ личныхъ расходовъ, также точно онъ производитъ государственные расходы изъ своихъ личныхъ средствъ | 5 II,75-431г.|.

Въ совокупности земли, находящіяся въ распоряженіи императора, чрезвычайно значительны. Мы, однако, не будемъ излагать исторіи императорскаго землевладѣнія, а ограничимся указаніемъ на главные источники его. Въ составъ *rei privatae*

вошли: 1| государственныя земли республиканской эпохи и вновь пріобрѣтенныя впослѣдствіи; 2| домены египетскихъ царей, 3| земли вымершихъ или низложенныхъ династій, т.е. главнымъ образомъ Юліевъ и Клавдіевъ, Флавіевъ и Антониновъ, 4| продукты грандіозныхъ императорскихъ конфискацій |bona damnatorum| - одинъ Неронъ пріобрѣлъ такимъ образомъ половину провинціи Африки, а въ началѣ У в. пришлось создать особую крупную администрацію для земель, конфискованныхъ послѣ смерти мятежнаго африканскаго намѣстника Гильдона, 5| земли, оставленныя прежними императорами по наслѣдству |такъ Агриппа оставилъ Августу весь Ѳракійскій Херсонесь, еврейская принцесса Саламія Ливіи цѣлое княжество въ Палестинѣ; тоже продолжается въ разныхъ размѣрахъ и позже| и 6| т.наз. bona vacantia или caduca, т.е. земли, оставшіяся безъ собственника вслѣдствіе отсутствія, смерти или гражданской неправоспособности или отреченія наслѣдника или наслѣдниковъ. При значительномъ распространеніи безбрачія и тяжелыхъ наказаніяхъ, падавшихъ на холостыхъ и лишавшихъ ихъ въ большей или меньшей степени права получать наслѣдства по завѣщаніямъ, число земель, попадавшихъ въ составъ государственныхъ земель, было очень значительно, пока Константинъ Великій не упразднилъ законовъ Августа о бракахъ |Lex Julia de maritandis ordinibus и lex Pappia Poppaea ср. C. Th. 8, 16|

Въ то же время мы именно въ теченіе У и сл.вв. постоянно встрѣчаемъ жалобы на увеличеніе количества пустующихъ земель, которыя также присваиваются государствомъ. Наконецъ, 7| слѣдуютъ еще обширныя конфискаціи городскихъ земель въ IУ вѣкѣ. Дѣло начинается уже при Константинѣ Великомъ съ

конфискаціи значительной части земель, принадлежавшихъ языческимъ храмамъ и части городскихъ доходовъ, уходившихъ на нужды языческаго культа. Это не значитъ, чтобы власть выступила противъ языческаго культа вообще; она запрещала лишь нѣкоторые культы, особенно культы безнравственнаго характера. Земли отчасти поступали въ res privatae , отчасти были розданы христіанскимъ церквямъ и частнымъ лицамъ. При сыновьяхъ Константина, особенно при Констанціи, конфискація языческихъ храмовъ, а также и городскихъ земель въ пользу государства и церквей снова возобновились въ широкихъ размѣрахъ. Попытка Юліана вернуть городамъ и храмамъ ихъ земли, поскольку они не поступили въ собственность частныхъ лицъ, не имѣла успѣха. Что касается храмовыхъ земель, то Валентиніанъ I снова отнялъ возвращенныя Юліаномъ земли, а ок.382г.Граціанъ, Валентиніанъ II и Өеодосій конфисковали и всѣ оставшіяся. Городскія земли въ свою очередь подверглись цѣлому ряду конфискацій; на востокѣ ок.379г. и въ началѣ У в.конфискаціи приняли особенно широкіе размѣры и только ок.443г.Өеодосій II вернулъ городамъ часть ихъ земель. На западѣ земли остались за городами, но 2|3 ихъ дохода должны были поступать въ государственную казну, а въ 400 г.значительная часть ихъ была конфискована. Въ результатѣ императорское землевладѣніе играетъ большую роль почти во всѣхъ провинціяхъ имперіи: характерно то, что императорскія земли, составляя мѣстами огромныя латифундіи, въ общемъ все таки не представляютъ компактныхъ массъ, а раскиданы по огромному пространству. То же самое въ меньшихъ,разумѣется,размѣрахъ можно сказать и о крупномъ частномъ землевладѣніи.

Форма хозяйства, господствовавшая на этихъ земляхъ, имѣла

большое соціальное и практическое значеніе, съ одной стороной котораго - закрѣпощеніемъ массы - мы уже познакомились.

Выше мы уже видѣли, что развитіе крупнаго землевладѣнія императорскаго періода не приводитъ къ развитію крупнаго хозяйства. Ни частныя лица, ни императоръ не обрабатываютъ своихъ земель при посредствѣ большаго или меньшаго количества рабовъ или наемныхъ рабочихъ, а раздаютъ большую часть своей земли мелкимъ арендаторамъ |coloni |. Имѣніе |fundus, villa, massa| при этомъ распадается на двѣ части: на большую, отданную въ аренду, и на меньшую, господскую, которая обрабатывается барщиннымъ трудомъ тѣхъ же арендаторовъ, а иногда и рабами. На послѣдней находится усадьба, помѣщеніе управляющаго и т.д. Мы уже видѣли, какъ эти мелкіе арендаторы постепенно закрѣпощаются.

Сношенія съ мелкими арендаторами, надзоръ надъ ними, забота о правильномъ поступленіи арендной платы и о соблюденіи другихъ условій аренды и т.д. однако чаще всего лежали не на управляющемъ собственника, а на крупномъ фермерѣ |conductor|: за опредѣленную круглую сумму онъ снималъ все имѣніе, вносилъ эту сумму собственнику и затѣмъ уже самъ долженъ былъ вознаградить себя обработкой господской земли и арендной платой мелкихъ арендаторовъ. Выгода для крупнаго землевладѣльца заключалась при этомъ въ томъ, что онъ могъ разсчитывать при этомъ на опредѣленный доходъ съ своего имѣнія, не былъ принужденъ возиться съ мелкими арендаторами и былъ относительно болѣе независимъ, какъ отъ случайностей неурожая, такъ и отъ степени внимательности и безкорыстія своего управляющаго. Срокъ арендныго договора съ крупнымъ фермеромъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, могъ быть

различнымъ, но во всякомъ случаѣ *conductor* предварительно долженъ былъ обезпечить правильное поступленіе договорной суммы, а присутствіе управляющаго должно было гарантировать собственника отъ хищнической обработки, порубки лѣсовъ и т.д.

Въ виду большихъ удобствъ этой системы какъ для частныхъ лицъ, такъ и для императора, весьма естественно, что она представляется безусловно преобладающей. Такъ, лишь нѣкоторыя опредѣленныя категоріи недвижимаго имущества императоровъ не одаются такимъ образомъ: таковы императорскіе дворцы съ ихъ парками, земли, предназначенныя для императорскихъ табуновъ, рудники, каменоломни, соляныя копи и т.д. Частныя лица при этомъ обыкновенно если не всегда, заключали лишь краткосрочные договоры съ фермерами; наиболѣе обыкновеннымъ срокомъ слѣдуетъ признать пятилѣтній. Наоборотъ, аренда государственныхъ и городскихъ земель, по крайней мѣрѣ съ IУ в., всегда долгосрочна и чаще всего вѣчна и наслѣдственна. Уже въ эпоху республики, когда цензоры формально сдавали государственныя земли на пятилѣтній срокъ - т.е.на срокъ дѣйствительности ихъ распоряженій - фактически, вѣроятно, аренда въ огромномъ большинствѣ случаевъ по истеченіи даннаго срока возобновлялась на новое пятилѣтіе |*lustrum*|. На городскихъ земляхъ, гдѣ дуумвиры съ цензорской властью тоже избирались каждые пять лѣтъ, во всякомъ случаѣ довольно рано установился обычай сдавать эти земли на сто и больше лѣтъ, причемъ такія земли назывались *agri vectigales*, а снимавшее ихъ лицо имѣло на нихъ *ius in agro vectigali* |*Hygin. 116 въ Bruns, fontes; Gai inst. 3, 145. l. 1 pr. D. 6, 3 (paulus)*| иначе говоря арендаторъ имѣлъ наслѣдст-

венное право на нихъ, пока онъ и его наслѣдники уплачиваютъ установленную ежегодную плату | *vectigal* |, такъ что въ сущности его положенiе мало чѣмъ отличается отъ положенiя настоящаго собственника. Чѣмъ объясняется появленiе такихъ долгосрочныхъ арендъ, остается къ сожалѣнiю неяснымъ; во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что до III в. онѣ примѣняются только на городскихъ земляхъ и лишь въ видѣ рѣдкаго исключенiя на государственныхъ, не говоря уже о частныхъ.

Лишь въ IУв. онѣ безусловно господствуютъ и на государственныхъ земляхъ, притомъ въ трехъ разныхъ, но по существу очень близкихъ другъ къ другу формахъ. Это *ius perpetuum, ius privatum salvo canone* и *ius emphyteuticum*; первое является формой арендованiя государственныхъ земель | *res privatae* |, послѣдняя формой арендованiя императорскихъ земель | *patrimonium* |, тогда какъ *i. p. s. c.* встрѣчается и тамъ и здѣсь. Но тогда какъ юридическiй смыслъ каждой изъ этихъ трехъ формъ въ настоящее время вполнѣ выясненъ, ни причина окончательнаго установленiя вѣчной и наслѣдственной аренды, ни въ частности причина: почему долгое время на государственныхъ земляхъ господствуетъ *ius perpetuum*, на императорскихъ наоборотъ *ius emphyteuticum* не могутъ быть признаны разъясненными.

Познакомимся прежде всего съ юридическимъ характеромъ и различiями трехъ указанныхъ формъ.

Наименѣе выгодно для государства *ius perpetuum salvo canonae*. Лицо, владѣющее на основанiи этого права имѣнiемъ, вноситъ при заключенiи договора опредѣленную сумму и вдобавокъ обязывается ежегодно вносить еще нѣкоторую разъ навсегда установленную сумму. За это оно обладаетъ всѣми правами полнаго собственника на данное имѣнiе: оно напр. мо-

жетъ отпускать на волю рабовъ имѣнія, чего другіе наслѣдственные арендаторы не могутъ. Въ сущности этотъ договоръ приводитъ так.обр. къ отчужденію имѣнія государствомъ: за исключеніемъ ежегодной ренты государство не имѣетъ рѣшительно никакихъ правъ на него и сами императоры признаютъ этотъ фактъ. |*l.* 9 *исp.* 10, *C.J.* II,62|: имѣніе куплено |*fundus emptus* |. Опасность этой сдѣлки для сохраненія императорскаго землевладѣнія была настолько очевидна, что они неоднократно запрещаютъ передавать частнымъ лицамъ императорскія земли на этихъ условіяхъ |*l.* 38, *C.Th.* 5,13 - 415г; *l.* 13, *C.J.* 11, 62-439г.| Если тѣмъ не менѣе приходится прибѣгать къ такимъ плохо скрытымъ отчужденіямъ, то причина, по мнѣнію изслѣдователей, заключается въ томъ, что при отсутствіи государственныхъ займовъ и государственнаго кредита въ римской имперіи *ius privatae salvo canone* въ крайнемъ случаѣ даетъ власти возможность немедленно получить деньги за уступку государственныхъ земель, причемъ послѣднія всетаки не отчуждаются окончательно и несутъ хоть нѣкоторыя обязанности въ формѣ ежегодной ренты. Характерно для эгоистической политики власти, что она неоднократно даже прямо прибѣгаетъ къ конфискаціи уступленныхъ так.обр. земель |*l.* 17 *C.Th.* 5,3 - указъ 364г.; *l.* 8 *C.J.* II, 62-386г.|.

Въ отличіе отъ *ius privatum salvo canone* *ius perpetuum* представляется только вѣчной и наслѣдственной арендой и вполнѣ соотвѣтствуетъ прежнему *ius in agro vectigali* городскихъ земель. За ежегодную плату |*canon* или *pensio*| соотвѣтственное лицо |*perpetuarius* | обладаетъ вѣчнымъ и наслѣдственнымъ правомъ пользованія данной землей, можетъ отчуждать и дарить ее, также какъ лицо, владѣющее на основа-

нiи *ius privatum salvo canone* , но въ отличiе отъ последняго не является ея собственникомъ и следовательно наприм. не можетъ освобождать рабовъ владенiя.

Позднее двухъ указанныхъ формъ, по крайней мере въ римскомъ праве, развивается *ius emphyteuticum* , притомъ раньше всего именно на собственно императорскихъ земляхъ. Эмфитевзисъ, какъ видно уже изъ названiя, греческаго происхожденiя и встречается здесь со всеми своими характерными чертами еще задолго до Р.Хр. Представляя, какъ *ius perpetuum*, форму вечной и наследственной аренды, эмфитевзисъ отличается отъ *ius perpetuum* темъ, что эмфитевтъ обязанъ улучшать обработку земли |напр.устраивать виноградникъ, сажать оливковыя деревья, расчищать новь или запущенныя поля и т.д.|. За это эмфитевтъ освобождается на известный срокъ |обыкновенно 3 года| отъ всякой платы за снятую имъ землю и лишь по истеченiи этого срока вноситъ плату, обыкновенно меньшую, чемъ та, которую вноситъ *perpetuarius* . Въ случае, если онъ въ теченiе двухъ летъ не будетъ исполнять своей основной обязанности, улучшать обработку земли, или въ теченiе известнаго срока |обыкновенно 3 года| не будетъ вносить установленной платы, онъ можетъ быть лишенъ данной ему земли; *perpetuarius* наоборотъ не пользуется этимъ льготнымъ срокомъ. При соблюденiи возложенныхъ на него обязательствъ эмпитевтъ наоборотъ обладаетъ полнымъ правомъ пользованiя уступленной ему землей и имеетъ даже право ее отчуждать |впрочемъ, съ согласiя собственника, кот.имеетъ преимущественное передъ всеми остальными покупщиками право покупки -*vorkaufsrecht*- и если не пользуется имъ, получаетъ два процента съ покупной суммы|. Несмотря на наследственность своего права, эмфитевтъ, впрочемъ, какъ и перпетуарiй, не признается соб-

ственникомъ, а слѣдовательно не пользуется и правами такового |напр.правомъ отпускать на волю рабовъ|.

Выше уже было замѣчено, что *ius perpetuum* встрѣчается преимущественно на государственныхъ, но и на императорскихъ земляхъ, эмфитевзисъ исключительно на послѣднихъ. Лишь въ концѣ У, началѣ УI в. *ius perpetuum* и *emphyteuticum* сливаются или вѣрнѣе эмфитевзисъ вытѣсняетъ *ius perpetuum* и представляетъ тогда безусловно господствующую форму аренды на всѣхъ земляхъ, такъ или иначе находяшихся въ распоряженіи императора.

Сами по себѣ переходы отъ *ius perpetuum* |*ius perpetuum salvo canone* мы оставляемъ въ сторонѣ какъ болѣе рѣдкое, вызванное, повидимому, исключительными условіями, явленіе| къ *ius emphyteuticum* представляются очень естественными, если принять въ разсчетъ постоянныя указанія на пустующія поля, которыя встрѣчаются въ императорскихъ указахъ. Если, повидимому, уже императоры начала II в. прибѣгали къ поощренію разработки нови, то войны и анархія III в., а затѣмъ фискальныя затраты IУ привели къ прекращенію обработки массы земель. При огромномъ значеніи поземельнаго налога для государственнаго хозяйства весьма понятно, что государство должно было прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ мѣрамъ, чтобы возстановить падающую обработку земли: въ одной компаніи въ 395 г. 528042 югеровъ |ок.130 тыс.десятинъ были запущены |*l*. 2 *C.Th.*II,28|.

Императоры отдаютъ пустующія земли |*terrae vacantes*| ветеранамъ, освобождая ихъ отъ налога и выдавая имъ ссуды для перваго обзаведенія |*l*. 3,8 *C.Th.*7,20|; наконецъ, предоставляетъ всѣмъ желающимъ вообще занимать пустующія земли съ

цѣлью обработки, причемъ прежній собственникъ, по истеченіи двухъ лѣтъ со дня захвата, теряетъ всѣ права на запущенную имъ землю |l. 8 C.J. II, 9|. Но все это не помогаетъ и правительство принуждаетъ собственниковъ богатыхъ обработанныхъ земель взять въ придачу сосѣднія съ ихъ землей пустующія земли |т.наз. ἐπιβολή| и дѣлаетъ ихъ отвѣтотвенными за поступленіе налога и съ этихъ земель |l. 5.6.7.C.J.I, 59|. Говорить объ опасности и нецѣлесообразности послѣдней мѣры не приходится, такъ какъ она слишкомъ явно бросается въ глаза. Во всякомъ случаѣ видно, что опасность запущенія полей, очевидно, очень велика и правительство, кот.по праву принадлежатъ всѣ пустующія земли, не въ состояніи справиться своими средствами съ ними.

При такихъ условіяхъ условія эмфитевзиса - трехлѣтнее освобожденіе отъ арендной платы за обработку пустующихъ земель или улучшеніе обработки плохо обработанныхъ при относительно пониженной арендной платѣ вообще и при наслѣдственномъ правѣ пользованія - представляютъ наиболѣе раціональную попытку найти охотниковъ для земледѣльческаго труда. Если же мы встрѣчаемъ эту форму аренды исключительно на собственно императорскихъ и лишь гораздо позже на государственныхъ земляхъ, то позволительно предположить, что именно здѣсь количество пустующихъ земель было особенно велико. А это въ свою очередь легче всего объясняется, если предположить,что въ IУ в.пустующія земли, поскольку онѣ не предоставлялись ветеранамъ или самовольному захвату и не присоединялись къ землямъ сосѣднихъ крупныхъ помѣщиковъ, поступали въ собственность даннаго царствующаго лица для увеличенія его личнаго имущества. Въ такомъ случаѣ понятно

почему именно здѣсь особенно озабочены привлеченіемъ арендаторовъ возможно болѣе выгодными условіями. Съ теченіемъ времени, понятно, выданныя раньше на этихъ условіяхъ и приведенныя въ нормальный видъ земли ничѣмъ почти не отличались отъ обыкновенныхъ *fundi perpetuarii*. Тогда то эмфитевзисъ, дѣйствовавшій так.обр.и на уже обработанныхъ и на только что выдаваемыхъ для обработки земляхъ, потерялъ свой первоначальный характеръ и начинаетъ сливаться съ *ius perpetuum* причемъ въ виду большей выгодности эмфитевзиса онъ постепенно вытѣсняетъ болѣе раннюю форму аренды.

Таково наиболѣе вѣроятное объясненіе развитія эмфитевзиса вообще и появленія его на императорскихъ земляхъ въ частности.

Если дальше спросить, чѣмъ объясняется самое появленіе наслѣдственной аренды во всѣхъ ея формахъ на государственныхъ и императорскихъ земляхъ, то и тутъ вѣроятнѣе всего объясненіе заключается по крайней мѣрѣ отчасти въ необходимости привлекать желающихъ болѣе выгодными условіями, чѣмъ какія представляетъ краткосрочная аренда. При краткосрочной арендѣ опасность лишиться послѣ пяти лѣтъ арендованной земли естественно удерживаетъ отъ особыхъ затратъ на улучшеніе обработки, а при неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ и отъ арендованія ея вообще. Массу мелкихъ второстепенныхъ арендаторовъ-колоновъбыло относительно легко принудить къ обработкѣ, да и тоесъ предоставленіемъ имъ наслѣдственнаго права на ихъ участки. Крупные фермеры наоборотъ естественно принадлежатъ къ богатымъ и вліятельнымъ классамъобщества и если хотятъ ихъ привлечь,тоздѣсь нѣтъ другой возможности, какъ улучшить условія аренды,т.е. сдѣлать ее наслѣдствен-

ной, а ихъ болѣе или менѣе полными хозяевами имѣніями, къ чему позднѣе присоединяется трехлѣтнее освобожденіе отъ арендной платы и т.д.

Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что уже въ эпоху имперіи мы именно на государственныхъ и императорскихъ земляхъ встрѣчаемся съ однимъ характерныхъ отличій средневѣковаго строя: съ раздѣленіемъ права собственности |*dominium eminens*| и права пользованія |*dominium utile*| относительно одной и той же земли, причемъ послѣднее, т.е. право пользованія вѣчно и наслѣдственно. Формы, въ кот. этотъ порядокъ проявляется въ послѣдующихъ вѣкахъ, часто очень существенно отличается отъ позднеримскихъ, но начало было так. обр. положено еще здѣсь.

Наряду съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить еще одно существенное явленіе, непосредственно вытекающее изъ наслѣдственнаго характера крупныхъ императорскихъ фермъ. Крупные фермеры, и безъ того уже принадлежащіе къ богатымъ и вліятельнымъ классамъ - только представители послѣднихъ вѣдь имѣютъ возможность снимать огромныя имѣнія - въ силу наслѣдственности своей аренды становятся фактически въ положеніе полныхъ хозяевъ данныхъ имѣній. А такъ какъ эти имѣнія, о чемъ рѣчь впереди, также какъ и имѣнія многихъ крупныхъ магнатовъ не входятъ въ составъ муниципальныхъ территорій и не подчинены ихъ городскимъ властямъ, а стоятъ непосредственно подъ властью непосредственныхъ должностныхъ лицъ, то зависимость мѣстныхъ колоновъ отъ крупныхъ фермеровъ особенно значительна. Экономически безпомощные, лишенные права покидать имѣнія, колоны не только на частныхъ, но и на государственныхъ земляхъ попадаютъ въ полное подчиненіе къ

хозяину. Имѣй государство дѣло непосредственно съ колонами, съ массой, хотя бы и несвободныхъ, крестьянъ, оно въ ихъ лицѣ имѣло бы противовѣсъ противъ могущественной аристократіи. Повсемѣстное подчиненіе какъ частныхъ, такъ и государственныхъ колоновъ классу крупныхъ землевладѣльцевъ или полусобственниковъ-фермеровъ создавало этому классу широкій базисъ для политическихъ вожделѣній. Само собой ясно, что стоитъ центральной власти по тѣмъ или инымъ причинамъ |внутренніе безпорядки, недостатки управленія, варварское нашествіе| потерять престижъ и силу, ея фермеры не менѣе другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ постараются этимъ воспользоваться, прежде всего для того, чтобы стряхнуть послѣднюю связь съ казной, затѣмъ чтобы обезпечить свое политическое вліяніе. А населеніе, единственнымъ защитникомъ котораго они поневолѣ явятся, окончательно попадетъ въ подданство къ нимъ.

Извѣстно, что этотъ процессъ на западѣ потребовалъ для своего завершенія ок.300-400 лѣтъ, а на востокѣ вовсе не былъ доведенъ до послѣднихъ результатовъ, но во всякомъ случаѣ сданныя для него имѣлись уже въ имперіи и не были заново созданы варварскими нашествіями.

Оставляя однако пока въ сторонѣ вопросъ о ростѣ аристократіи, отмѣтимъ, что наряду съ продуктомъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, сумма которыхъ теоретически могла быть заранѣе точно установлена, и доходы съ государственныхъ земель въ общемъ поддавались довольно точному опредѣленію, такъ какъ размѣръ арендныхъ взносовъ съ нихъ при замѣнѣ краткосрочной аренды наслѣдственной долженъ былъ быть почти безусловно одинаковымъ.

c| Повинности населенія. Выше уже было замѣчено, что помимо прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и доходовъ съ государственныхъ и императорскихъ земель государство располагаетъ еще цѣлымъ рядомъ безвозмездныхъ повинностей населенія. Не покрывая опредѣленныхъ расходовъ изъ собственныхъ средствъ, а слагая ихъ на населеніе, оно облегчаетъ свою собственную задачу и въ то же время, какъ уже сказано, чрезвычайно обременяетъ населеніе.

Остановимся пока на повинностяхъ землевладѣльцевъ. Прежде всего на нихъ лежала рекрутская повинность |praebitio tironum|, т.е.обязанность предоставлять государству изъ состава свободныхъ людей имѣнія |а колоны признаются свободными, ingenui | извѣстное, опредѣляемое въ каждомъ данномъ случаѣ согласно размѣрамъ имѣнія и количеству его населенія |т.е.главнымъ образомъ колоновъ| число рекрутовъ, кот. затѣмъ на 20-25 лѣтъ поступаютъ на военную службу и во всякомъ случаѣ ужъ больше не возвращаются въ имѣніе. Если помѣщикъ не желаетъ поставить рекрута и государство не противится его желанію, то онъ можетъ откупиться отъ набора уплатой опредѣленной суммы |во II половинѣ IУ вѣка 25 сол.- ок.150 р.|. Власть въ свою очередь можетъ предпочесть такую комбинацію особенно въ IУ и сл.вв. потому, что она даетъ ей не только солидныя суммы, но и возможность замѣнить непривыкшаго къ военному дѣлу колона воинственными варварами: возможность воспользоваться визиготами для этой цѣли и была главной причиной, почему императоръ Валентъ разрѣшилъ имъ въ 375 г.перейти черезъ Дунай и поселиться въ Мизіи.

Рекрутскій наборъ лежитъ на всѣхъ имѣніяхъ безъ исключе-

нія, т.е. одинаково и на земляхъ сенаторовъ, декуріоновъ и мелкихъ поссесоровъ и на государственныхъ и на императорскихъ земляхъ.

Съ военными интересами государства далѣе связана обязанность землевладѣльцевъ и владѣльцевъ недвижимаго имущества вообще предоставлять войскамъ въ случаѣ надобности право постоя |hospitalitas, hospites|. Среднимъ военнымъ чинамъ и солдатамъ должна была быть предоставлена треть усадьбы или дома, причемъ хозяинъ самъ производилъ раздѣлъ, послѣ чего онъ, потомъ hostes выбирали себѣ по трети, тогда какъ третья eo ipso принадлежала хозяину. Высшіе военные сановники, принадлежавшіе къ классу illustres, имѣли даже право на половину всего помѣщенія, причемъ одна изъ заинтересованныхъ сторонъ производила раздѣлъ, другая имѣла право выбора |l. 2-398г. C.J. 12,40|. Уступкой части дома по закону исчерпывались обязанности собственника: онъ не былъ обязанъ давать ни офицерамъ, ни солдатамъ дровъ, масла и т.д. |l. I C.J. 12, 413-340? 2| Вмѣстѣ съ тѣмъ приписывалось войскамъ не останавливаться долго въ одной мѣстности, "чтобы продолжительность ихъ пребыванія не наносила никакого вреда имѣнію", |l. 5 § 2 C.J. 12,40|.

Въ отличіе отъ рекрутскаго набора отъ военнаго постоя освобождаются государственныя и императорскія земли |l. 5 § I C.J. 12,40|, а также земли активныхъ чиновниковъ высшаго класса |illustes| и нѣкоторыя другія группы лицъ |напр. лейбмедики - archiatri, преподаватели и т.д.

Чрезвычайно тяжелую повинность представляетъ также ямская. Устроенная еще при Августѣ почтовая служба имѣла въ виду исключительно государственные интересы |cursus publicus

и пользоваться ею можно было только на основаніи подорожныхъ, выдача кот. производилась сначала преторіанскими префектами, затѣмъ магистратомъ *officiorum* причемъ чиновники |и сенаторы| могли пользоваться ими только, если путешествовали по долгу службы. Тѣмъ не мнѣе какъ содержаніе почтовыхъ станцій |*mansiones*|, такъ и поставка повозокъ и лошадей въ IУ в. лежитъ всецѣло на населеніи, кот. привлекается къ этой повинности пропорціонально состоянію каждаго лица, причемъ можетъ отбывать ее либо натурой, либо откупаться соотвѣтственной суммой |*l.*19 *C. J.*12,50 - 403г.|. Если Аммiанъ Марцеллинъ разсказываетъ, что многочисленные соборы IУ в., въ виду кот. епископамъ предоставляется свободный проѣздъ на почтовыхъ, чрезвычайно тяжело отразились на благосостояніи населенія, то это, разумѣется лишь особенно рѣзкій примѣръ обреминительности этой повинности, лежавшій, повидимому, на всѣхъ земляхъ безъ исключенія |*l* 21 *C. J.*12,50: или это исключительно *tempore expeditionis*?).

Въ связи съ ямской повинностью слѣдуетъ отмѣтить другую, пожалуй, еще болѣе тяжелую, а именно обязанность населенія доставлять аннону |а также, если онъ уплачивался натурой, что нерѣдко случалось, и поголовный налогъ и т.д.| въ казенныя хранилища. Перевозка зерна, масла и т.д. въ иногда довольно отдаленные пункты, очевидно, была крайне неудобна населенію, но освобождало государство отъ крупныхъ расходовъ.

Можно было бы съ легкостью еще значительно увеличить этотъ списокъ повинностей. Намъ будетъ довольно отмѣтить еще т. наз. *sordida munera* отъ кот. большая часть привилигированныхъ классовъ была, впрочемъ, освобождена, въ силу чего они тѣмъ болѣе тяжело ложились на массу населенія. Сюда при-

надлежатъ содержаніе и постройка мостовъ и дорогъ, общественныхъ построекъ и храмовъ, производство и доставка разныхъ строительныхъ и горючихъ матеріаловъ, печеніе хлѣбовъ |для войска| и т.д. Хотя всѣ эти повинности и были разсчитаны на экстренные случаи, но постоянныя войны, набѣги и безпорядки IУ и особенно У вв.дѣлали изъ теоретически экстренныхъ случаевъ почти постоянныя явленія.

Таковы наиболѣе важныя и характерныя повинности всѣхъ землевладѣльцевъ. О соціальныхъ повинностяхъ опредѣленныхъ классовъ населенія, снимавшихъ съ государства тѣ или иныя обязанности и расходы, отчасти выше уже говорилось. Всѣ они имѣютъ сословный и наслѣдственный характеръ.

Такъ, сенаторы несутъ, какъ повинность, связанные съ претурой расходы на игры въ городѣ Римѣ и Константинополѣ. Декуріоны несутъ особенно тяжелую повинность распредѣленія государственныхъ поземельнаго и подушнаго налога. Навикуаріи несутъ повинность доставкой хлѣба и т.д.для продовольствія Рима, Константинополя и нѣкоторыхъ другихъ городовъ |Кареагенъ, Александрія, Антіохія|.

Соотвѣтственныя группы ремесленниковъ этихъ городовъ въ свою очередь обязаны обрабатывать привязенныя въ сыромъ видѣ продовольствія для потребленія.

Далѣе особенно характерна повинность военной или гражданской службы, лежащая насосолдатахъ и на низшихъ чиновниковъ | officiales |.

Наслѣдственная воинская повинность солдатъ, по всему вѣроятію представляетъ результатъ трехъ фактовъ: недостатка

Литографія Богданова, Эрт.пер.д.I. Директоръ [signature]

добровольцевъ, фактически давно господствовавшаго обычая, въ силу кот. дѣти ветерановъ сами поступали на военную службу, и раздача пустующихъ или иныхъ земель ветеранамъ, сначала для вознагражденія за службу, позднѣе въ надеждѣ создать наслѣдственный военный классъ. Наряду съ римскими гражданами наслѣдственная военная власть лежитъ и на повидимому довольно многочисленномъ классѣ летовъ |laeti|, т.е. населенныхъ съ соотвѣтственнымъ условіемъ на римскихъ земляхъ варваровъ.

Наслѣдственность гражданской службы отчасти объясняется тѣмъ, что большинство канцелярій первоначально состояло изъ откомандированныхъ съ этой цѣлью солдатъ. Выше уже было отмѣчено, что |по примѣру респрублики и ранней имперіи| законодательство проводитъ рѣзкую гранъ между государственными и канцелярскими должностями |administrationes или dignitates и officia |. Разница заключается лишь въ томъ, что число канцелярскихъ должностей чрезвычайно возрасло |такъ, въ канцеляріяхъ префектовъ и большинства министровъ число штатныхъ должностей доходитъ до 300 и больше и что дѣти тѣхъ изъ нихъ, кот. служатъ въ канцеляріяхъ губернаторовъ |cohortalini | обязательно должны служить въ тѣхъ же канцеляріяхъ, что ихъ отцы. За попытку бѣжать отъ службы они подвергаются такимъ же преслѣдованіямъ, какъ декуріоны за попытку бросить курію. Они могутъ покинуть службу лишь послѣ того, какъ пройдутъ всѣ ступени строгой іерархіи, господствующей и въ канцеляріяхъ, для прохожденія кот. существуютъ опредѣленныя правила. Какъ уже замѣчено, это закрѣпощеніе чиновниковъ по очень естественнымъ причинамъ не распространяется на канцеляріи министерствъ, префектовъ и глав

нокомандующихъ, а касается спеціально тѣхъ чиновниковъ, кот. занимаютъ наименѣе выгодныя провинціальныя должности, для занятія кот. не находится достаточно любителей. Въ отличіе отъ сенаторовъ и декуріоновъ они, впрочемъ, также какъ и ветераны не несутъ совершенно безвозмездной повинности: если ветераны получаютъ надѣлъ, то оффиціалы получаютъ жалованіе. Тѣмъ не менѣе ихъ закрѣпощеніе освобождаетъ государство отъ необходимости заботиться о пополненіи ихъ рядовъ привлеченіемъ добровольцевъ, что, очевидно, оказалось бы невозможнымъ безъ увеличенія матеріальныхъ выгодъ службы, т.е. расходовъ государства.

Мы не будемъ останавливаться на повинностяхъ, падающихъ на другіе классы населенія. Сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться, на сколько важную роль повинности играютъ въ жизни государства и какъ тяжело они отражаются на экономической жизни населенія. Весьма вѣроятно, что не налоги, а именно повинности особенно содѣйствуютъ упадку экономической жизни, начавшемуся еще раньше по другимъ причинамъ, вызвавшему самое закрѣпощеніе общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилившему его матеріальный и духовный регрессъ.

д) Соціальная политика правительства. Мы уже видѣли, что два факта, упадокъ личной и общественной самодѣятельности и конкурренціи съ одной, и постоянное возростаніе государственныхъ задачъ и потребностей съ другой стороны, ярче всего отмѣчаютъ внутреннюю жизнь римской III и сл. вв. Мы видѣли дальше, чѣмъ въ свою очередь объясняются эти явленія, а именно общей тенденціей соціальнаго развитія, устраняющаго среднихъ и мелкихъ собственниковъ, создавшаго непереходимую границу между аристократіей и массой населенія и

и нарушившаго так. путемъ то здоровое соціальное кровообращеніе |выраженіе Фюстель де Куланжа|, кот. необходимо какъ для обновленія господствующаго класса, такъ и вообще для поощренія личной дѣятельности. Мы видѣли, наконецъ, и то, почему общество не приняло мѣръ противъ такого развитія или не оказало давленія на императорскую политику въ желательномъ для него направленіи: характеръ его умственной жизни и его интересовъ удалялъ его отъ пониманія и изученія его реальныхъ нуждъ и направлялъ всю его дѣятельность на вопросы индивидуальной этики и религіи.

Упадокъ личной и общественной самодѣятельности, соединенный съ глубокимъ недовольствомъ широкихъ круговъ населенія: немодленно отразился на всей внутренней и внѣшней жизни имперіи. Анархія и, какъ противовѣсъ къ ней, военный деспотизмъ были ея непосредственными результатами. Когда при помощи послѣдняго государственное единство и порядокъ были возстановлены, передъ правительствомъ всталъ вопросъ, какія мѣры слѣдуетъ принять для обезпеченія многочисленныхъ государственныхъ интересовъ, страдавшихъ отъ отсутствія общественной дѣятельности и поддержки? Земледѣльцы-колоны бѣжали съ арендованныхъ участковъ, декуріоны изъ курій, чиновники изъ канцелярій, навикуляріи отъ перевозки хлѣба и т.д. Теоретически разсуждая, были возможны два исхода: коренныя реформы для улучшенія соціальнаго и экономическаго быта, реформы, для кот. не существовало никакого плана и кот. требовали много времени, труда и возможности спокойнаго развитія, тогда какъ границы на дѣлѣ постоянно подвергались варварскимъ нашествіямъ, и простое, непосредственное принужденіе населенія къ исполненію тѣхъ обязанностей, кот. они прежде брали на себя добровольно.

Основное отличіе всей политики правительства этого времени заключается именно въ томъ, что оно предпочло и при данныхъ условіяхъ не могло не предпочесть второй, болѣе удобный и легкій путь для удовлетворенія непосредственныхъ, насущныхъ потребностей данной минуты. Принудительная опека - таковъ характеръ законодательства IУ и сл. вѣковъ.

Въ этомъ вмѣстѣ съ тѣмъ заключается первая характерная особенность соціальной политики того времени. Чтобы обезпечить обработку государственныхъ и частныхъ земель, а дальше и возможность собирать поземельный налогъ со всѣхъ земель, арендную плату съ государственныхъ, закрѣпощаются колоны; чтобы обезпечить правильное поступленіе поземельнаго и поголовнаго налога закрѣпощаются декуріоны; чтобы обезпечить государству достаточное количество солдатъ и низшихъ чиновниковъ закрѣпощаются ветераны и официалы и т.д. Всюду одно и то же: упадокъ самодѣятельности, отсюда опасность для государственныхъ интересовъ, отсюда закрѣпощеніе соотвѣтственнаго класса или, что то же, установленіе цѣлаго ряда наслѣдственныхъ повинностей. Полное закрѣпощеніе достигается, когда данный классъ населенія лишается права свободнаго передвиженія: это происходитъ относительно колоновъ, декуріоновъ, официаловъ, ветерановъ. Да и сенаторамъ безусловно свободное передвиженіе было предоставлено только послѣ 426 года |ср. *l.* 15, *C.J.* 12,I|. Но ни одинъ классъ, даже сенаторы, не можетъ освободиться отъ своихъ тяжелыхъ обязанностей: онѣ переходятъ неумолимо отъ отца къ сыну.

Вторая характерная черта соціальной политики правительства IУ и сл.вв., черта, унаслѣдованная имъ отъ первыхъ временъ имперіи, но еще усиленная, это аристократизмъ. Не только администрація, вся общественная жизнь организуется -

іерархически. Нарушеніе сословнаго и чиновнаго порядка признается прямо и формально святотатствомъ и наказывается такъ же, какъ оскорбленіе божества, т.е. страшно строго.

Въ теченіе IУ в. различаются 4 іерархическія группы населенія: сенаторы, къ кот. причисляетъ себя самъ императоръ |*l. 8 C.Th.* 12,1|, всадники, занимающіе второе мѣсто послѣ сенаторовъ |*l. un. C.Th.* 12,31 - указъ 364г.|, *perfectissimi*, въ составъ кот. могли входить только свободныя лица, не бывшія въ долгу у фиска или у куріи, не бывшіе *pistores*, не занимавшіяся торговлей или ремесломъ |*negotium*|, не служившія управляющими частныхъ лицъ и не купившія грамоты |*codicillus*| на это званіе, и, наконецъ, масса плебеевъ |*l. un. C.Th.* 12,32|. Съ какимъ презрѣніемъ сама власть относилась къ послѣднимъ, видно, напр., изъ указа, кот. запрещается всякій доступъ къ основнымъ должностямъ и къ сенаторскому званію тѣмъ "подонкамъ населенія", кот. служатъ въ низшихъ канцеляріяхъ |*l. 6 C.Th.* 12,1: *ne quis ex ultimis negotiatoribus vel monetariis abiectisque officiis vel deformis ministerii stationariis omnique officiorum faeci diversisque pastis turpibus lucris aliqua frui dignitate permit-tet. sed et si quis meruerit, repellatur: repulsus autem etiam propriis reddi consortiis oportebit*|.

Званія всадника и *perfectissimi* повидимому не играли большой роли. Тѣмъ крупнѣе было значеніе сенаторскаго званія и сословія. Мы не будемъ останавливаться на организаціи сенаторскаго сословія и отмѣтимъ только, что слѣдуетъ различать лица, принадлежащія къ сословію сенаторовъ, и членовъ сената въ собственномъ смыслѣ. Каждый членъ сената вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежитъ къ сословію сенаторовъ, но не наоборотъ.

Особенно существеннаго социальнаго и политическаго значенія это различіе не имѣетъ.

Званіе сенатора наслѣдственно и даетъ право на титулъ *clarissimus*. Независимо отъ происхожденія, оно пріобрѣтается еще службой и императорской грамотой |*codicillus*|. На службѣ оно пріобрѣтается либо назначеніемъ на опредѣленныя должности, либо въ видѣ вознагражденія при отставкѣ. Оно освобождаетъ отъ пытки и отъ подсудности мѣстнымъ властямъ |сенаторы подсудны только городскому префекту и, разумѣется, императору| и вдобавокъ значительно смягчаетъ наказанія за совершенныя преступленія, тогда какъ, наоборотъ, низшее происхожденіе приводитъ и къ болѣе тяжкимъ наказаніямъ.

Въ составѣ сенаторовъ, однако, есть въ свою очередь рядъ подраздѣленій: надъ обыкновеннымъ *vir clarissimus* стоитъ *vir clarissimus et spectabilis* |короче просто *v. spectabilis*|, а надъ послѣднимъ *vir clarissimus et illustris (v. illustris)*. Эти званія, повидимому, пріобрѣтаются исключительно службой |такъ напр.викаріи принадлежатъ къ *spectabiles*, префекты и министры - къ *illustres*| или императорской грамотой и по наслѣдству не передаются, но фактически происхожденіе отъ *vir illustris* всегда отмѣчается и не только фактически, но и по закону даетъ извѣстныя преимущества передъ тѣми, кот.его получили по императорской милости. |*honoraria dignitas* ср. *ib.*|.

Во главѣ всей этой лѣстницы стоятъ, наконецъ, бывшіе или настоящіе консулы и патриціи, званіе кот.въ новой формѣ было возстановлено Константиномъ Великимъ|.

Каждое сословіе и каждое подраздѣленіе даннаго сословія

имѣетъ, разумѣется свои привилегіи, отчасти очень незначительныя, но все таки отличающіяся отъ другихъ. Общество, такимъ образомъ, не представляетъ компактной, равноправной массы - оно равноправно, вѣрнѣе безправно, только передъ произволомъ абсолютной власти - а распадается на большое количество іерархически высшихъ или низшихъ группъ.

Практически наибольшее значеніе имѣютъ общія привилегіи всего сенаторскаго сословія.

Въ результатѣ соціальная политика императоровъ жертвуетъ интересами всѣхъ общественныхъ классовъ для государства и въ то же время разбиваетъ общество на болѣе или менѣе привилегированныя группы. Не разъ государство, думая служить совокупности всѣхъ интересовъ, нарушаетъ интересы каждаго отдѣльнаго класса, кот.вмѣстѣ и составляютъ совокупность общественныхъ интересовъ, оно тѣмъ самымъ не удовлетворяетъ ни одного класса населенія и вызываетъ всеобщее недовольство, кот.при первомъ серьезномъ испытаніи силы центральной власти должно привести къ банкротству всей системы. Принужденіе можетъ оказать желательное дѣйствіе, покуда власть имѣетъ физическую возможность прибѣгать къ нему; но оно не создаетъ общности интересовъ и не обезпечиваетъ государству поддержки населенія въ критическую минуту. Только отсутствіе сочувствія общества къ государству, отсутствіе серьезнаго желанія общества помочь власти въ ея судорожныхъ попыткахъ отразить варваровъ можетъ объяснить быстрые успѣхи послѣднихъ въ концѣ IУ и въ У вв. Недаромъ Сальвіанъ Марсельскій отмѣчаетъ въ началѣ IУ в.,что римляне начинаютъ оказывать предпочтеніе варварскому владычеству передъ римскимъ.

Съ другой стороны аристократизмъ соціальной политики правительства готовилъ почву для ея наступающаго владычества. Въ этомъ смыслѣ императоры создаютъ почву для грядущаго феодализма.

e| Перенесеніе столицы въ Константинополь. Изъ всѣхъ областей римской имперіи больше всего реформы конца III, начала IУ вв. отразились на Италіи. Она не только была подчинена общей административной организаціи, будучи раздѣлена на провинціи и подчинена спеціальному викарію, а дальше преторіанскому префекту, но и лишилась своего древняго освобожденія отъ поземельнаго налога. Еще въ концѣ IУ в. Аврелій Викторъ отмѣчаетъ фактъ распространенія этого "великаго зла" на Италію, а Лактанцій |de mort. persec. 10| прямо называетъ эту мѣру безуміемъ |ad hanc usque prosiluit insaniam|. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что уравненіе Италіи съ провинціями было вполнѣ раціонально и необходимо: привилегіи Италіи, исторически вполнѣ понятныя какъ результатъ ея господствующаго надъ варварами положенія, теряли смыслъ по мѣрѣ романизаціи покоренныхъ провинцій и необычайнаго напряженія всѣхъ общественныхъ силъ для сохраненія государственнаго единства и порядка.

Въ связи съ общими потребностями государства и въ частности государственной обороны стоитъ и перенесеніе столицы на востокъ. Признать этотъ фактъ вполнѣ неожиданнымъ нельзя уже потому, что еще въ III вѣкѣ замѣчается значительный упадокъ центральнаго значенія Рима. Почти всѣ императоры III в. |за исключеніемъ Пупіана и Бальбина въ 238 г., Гардіана III отъ 238 до 244г и Тацита 275- 276| были ставленниками провинціальныхъ армій и почти все время проводили въ

безконечныхъ походахъ противъ варваровъ, персовъ и узурпаторовъ, не имѣя постоянной резиденціи. Попытки Діоклеціана обезпечить престолонаслѣдіе и возможность постояннаго и относительно скораго вмѣшательства власти своего рода раздѣломъ послѣдней между двумя Августами и двумя Цезарямитакже естественно привела къ увеличенію количества резиденцій и къ расположенію ихъ около границъ, подвергавшихся наибольшей опасности. Самъ Діоклеціанъ изъ Никомидіи||сѣв.-зап. Малой Азіи|отражаетъ персовъ, Галерій изъ Сирміума |въ Сербіи|-готовъ,Максиміанъ изъ Милана-аламанновъ, Констанцій Хлоръ изъ Трира - аламанновъ и франковъ.

Періодъ неуязвимости Имперіи прошелъ: Имперія ослабѣла и въ то-же время замѣна разлагавшагося Парфянскаго царства свѣжимъ царствомъ Сассанидовъ, сближеніе и соединеніе мелкихъ германскихъ племенъ въ болѣе крупные союзы, а также давленіе славянъ и другихъ восточныхъ народовъ на германцевъ сдѣлали войны болѣе частыми и болѣе опасными. Необходимо было созданіе стратегическаго центра для всей Имперіи или по крайней мѣрѣ для наиболѣе угрожаемой ея части. Попытка создать четыре такихъ центра и тѣмъ не менѣе сохранить единство государства окончилась двадцатилѣтней междоусобной войной |305-323|, т.е.полной неудачей.

По окончаніи междоусобій и возстановленіи единства имперіи Константиномъ Великимъ оставалось такимъ образомъ найти такое мѣсто, которое могло бы служить желательнымъ центромъ. Римъ не имѣлъ никакой стратегической цѣны какъ по своей отдаленности отъ границъ, такъ и по особенностямъ своего положенія среди плохо обработанной равнины и потому, что обезпечить подвозъ хлѣба къ нему было очень трудно, если не совершенно невозможно. Наибольшая опасность при этомъ

угрожала съ Востока, со стороны персовъ въ Сиріи и Малой Азіи, со стороны готовъ и другихъ восточныхъ варваровъ на на Балканскомъ полуостровѣ. Въ виду этого мы видимъ, что Константинъ ищетъ здѣсь подходящаго мѣста для военнаго и политическаго центра. Онъ колеблется между древней Троей |Ylion ср. Sozam.h.e. 2,3|, Сердикой |нынѣ Софія| и Халкидономъ |на азіатскомъ берегу Босфора|, покуда не останавливается на одномъ изъ древнѣйшихъ и крупнѣйшихъ центровъ Мраморнаго моря, на Византіи, откуда удобнѣе всего отражать какъ сухопутныя и морскія |по Черному морю| нашествія варваровъ, такъ и персидскія войска. Дальнѣйшая исторія Константинополя, въ теченіе почти 1200 лѣтъ отражавшаго многочисленныя нашествія, доказываетъ, какъ удаченъ былъ этотъ выборъ.

Византія была основана еще ок.660 г. до Р.Хр. переселенцами изъ Мегаръ и быстро возвысилась благодаря своему блестящему въ торговомъ отношеніи положенію. Освобожденная отъ персидскаго владычества послѣ битвы при Платеяхъ |479г. до Р.Хр.|, она входитъ въ составъ Аѳинскаго союза, гдѣ является однимъ изъ важнѣйшихъ и богатѣйшихъ союзниковъ, освободилась отъ Аѳинскаго господства во время Пелопонесской войны и продолжала господствовать на Мраморномъ, отчасти на Черномъ морѣ. Безуспѣшная осада города Филиппомъ Македонскимъ не повредила ему нисколько и въ послѣдующее время онъ представляетъ важнѣйшій торговый центръ на сѣверо-востокѣ греко-римскаго міра. Въ концѣ II вѣка на городъ обрушалась тяжелая катастрофа: принявъ участіе въ междоусобной войнѣ между Септиміемъ Северомъ и Песценіемъ Нигромъ, городъ былъ осажденъ Северомъ |въ 193-196г.| и послѣ трех-

лѣтней знаменитой осады былъ взятъ вслѣдствіе голода, стѣны разрушены, городъ лишенъ свободы и самоуправленія и присоединенъ къ территоріи Перинеа. Несмотря на это положеніе Византіи было настолько благопріятно, что она даже въ III вѣкѣ быстро снова пріобрѣла значительную часть своего прежняго богатства и вліянія и послужила въ 323 г. послѣдней опорой Лицинія противъ Константина.

Уже въ 326 г. начались работы по расширенію города и сооруженію столицы, причемъ наряду съ христіанскими обрядами освященія были пущены въ ходъ и языческіе. Послѣдовалъ рядъ указовъ о льготахъ для переселяющихся въ городъ сенаторовъ и другихъ лицъ, объ организаціи дарового продовольствія населенія |annona|, о дарованіи городу италійскаго права |которое предоставляло гражданамъ полное квиритарное право собственности на землю и освобожденіе отъ поземельнаго налога| и т.д. Въ 359г. городъ по примѣру Рима былъ подчиненъ особому praefectus urbi и такимъ образомъ изъятъ изъ вѣдѣнія провинціальной администраціи. При Юліанѣ |361-364| наконецъ, курія Византіи была уравнена въ правахъ съ римскимъ сенатомъ |одинъ изъ консуловъ теперь дѣйствуетъ въ Константинополѣ|, въ 381г. ея епископъ признанъ патріархомъ.

Значеніе Рима съ перенесеніемъ столицы на Востокъ формально сохраняется, также какъ и всѣ его привилегіи, но практически онъ быстро и неудержимо падаетъ. Когда когда западныя области имперіи съ 395 г. имѣютъ своего императора, онъ живетъ не въ Римѣ, а обыкновенно въ Равеннѣ, болѣе защищенной отъ вражескаго нашествія.

ж| Провозглашеніе вѣротерпимости и принятіе христіанства.

Изобразить исторію развитія христіанства и взаимное отношеніе церкви и государства должна исторія церкви. Намъ необходимо только отмѣтить наиболѣе важныя для насъ явленія этой группы фактовъ.

Обычное представленіе о преслѣдованіи христіанства императорами сильно преувеличено. Въ сущности систематическія преслѣдованія христіанъ какъ большой, самостоятельной и признаваемой государствомъ опасной секты относятся только къ эпохѣ Декія |249-251| и отчасти Валентиніана |253-259| и затѣмъ къ эпохѣ Діоклеціана и Галерія |303-311|. Предшествующія преслѣдованія смѣшиваютъ христіанъ въ большей или меньшей степени съ евреями, представляются спородическими и вызваны преимущественно отказомъ участвовать въ культѣ императоровъ, въ чемъ усматривается, помимо святотатства, преимущественно политическій протестъ и оскорбленіе величества. Какъ видно изъ переписки Плинія Младшаго, намѣстника Виѳиніи, съ Трояномъ, а также изъ отзывовъ Тацита, власть и интеллигенція въ началѣ II вѣка нашей эры не только презираютъ христіанъ, но и не приписываютъ имъ никакого серьезнаго значенія.

По мѣрѣ усиленія религіознаго настроенія въ обществѣ и по мѣрѣ параллельнаго съ этимъ, разобраннаго выше, фактомъ распространенія христіанства, т.е. со второй половины II и особенно съ первой половины III вв. христіанство становится болѣе извѣстнымъ какъ самостоятельное и значительное, но въ то же время и небезопасное движеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если перенестись на точку зрѣнія средняго римлянина III вѣка, религіозная, политическая и культурная опасность, угрожав-

шая государству отъ христіанства, не подлежитъ сомнѣнію. Тогда какъ всѣ остальныя религіи |кромѣ національной и малораспространенной религіи евреевъ| нисколько не исключаютъ другъ друга, богъ христіанъ въ принципѣ единственный. Эта исключительность, т.е.отрицаніе всѣхъ другихъ боговъ, поскольку они не превращаются въ представленіи христіанъ въ злыхъ духовъ, съ римской точки зрѣнія есть святотатство, оскорбленіе всего Пантеона, а народъ, допускающій святотатство, тѣмъ самымъ навлекаетъ на себя кару оскорбленныхъ боговъ. Каждое общественное бѣдствіе поэтому разсматривается какъ такого рода кара. Когда Тибръ поднимается до стѣнъ, когда Нилъ не наводняетъ полей, когда происходитъ солнечное затмѣніе или землетрясеніе, голодъ или моръ, сейчасъ же кричатъ: бросьте христіанъ львамъ на съѣденіе", жалуется поэтому Тертулліанъ въ началѣ III в. |Apol. 40|. Далѣе христіане не только отказываются отъ участія въ культѣ Рима и Августа съ его полурелигіознымъ, полуполитическимъ характеромъ, но отказываются и отъ участія въ государственной и политической жизни: christianus sum, militare non possum то и дѣло раздается, и многія куріи (omnis curia a cruore) начинаютъ пустѣть. Представимъ себѣ настроеніе массы французскаго или нѣмецкаго населенія напр.въ 1870-71гг., если бы большая и |особенно на востокѣ| довольно многочисленная секта отказалась отъ участія въ воинской повинности; между тѣмъ имперія въ III в.какъ разъ находится въ осадномъ положеніи,всѣ силы общества напряжены до послѣдней степени, а христіане отказываются по совершенно непонятнымъ для большинства причинамъ отъ поддержки власти въ ея борьбѣ съ варварами и въ

то же время именно среди нихъ, по ихъ собственному признанію, |Just. Apol. I,44|, особенно распространены враждебныя "вавилонской блудницѣ", т.е. Риму, пророчества |Апокалипсисъ, Сивиллины книги|. Наконецъ, и культурная опасность римской съ точки зрѣнія безспорна: если далеко не всѣ, то очень многіе христіане несомнѣнно сочувствовали глубокому презрѣнію Тертуліана къ "аттическому шуту" Сократу |scurra Atticus|, къ "жалкому" |miserabilis| Аристотелю, къ грекоримской философіи, къ искусству и т.д.

Вотъ почему и лица, хорошо знакомыя съ христіанской доктриной, какъ писатель II в. Цельсъ, энергично возстаютъ противъ христіанства. Вотъ почему сначала въ исключительныхъ случаяхъ часть населенія, а затѣмъ въ III в. правительство выступаютъ противъ христіанъ.

До половины III в. мы не встрѣчаемъ, однако, спеціальныхъ законовъ противъ христіанъ. Они преслѣдуются на основаніи закона о запрещеніи поклоненія божеству, не признанному формально сенатомъ. |Cic. de leg. II,8: separatim nemo habescit deos; Liv. 39,16: quotiens hoc patrum avorumque aetate negotium est magistratibus datum, ut sacra externa fieri vetarent, sacrificulos vatesque foro circo urbe prohiberent, vaticinios libros conquirerent comburerentque omnem disciplinam sacrificandi praeterquam more romano abolerent),

на основаніи закона объ оскорбленіи величества, наконецъ, на основаніи закона о запрещеніи тайныхъ сборищъ и обществъ, способныхъ привести къ смутамъ, иначе говоря на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ имперіи. Положеніе ихъ въ силу этого и въ виду настроенія значительной части общества, которое можетъ

оказать давленіе на намѣстниковъ и принудить ихъ къ примѣненію указанныхъ законовъ къ христіанамъ, постоянно не обезпечено, но христіанство, какъ таковое, еще не признано оффиціально вредной сектой, для борьбы съ кот.требуются особыя мѣры.

Оффиціальное признаніе вредности христіанства и систематическое преслѣдованіе его, какъ уже сказано, встрѣчается впервые при Деціи |249-251|. Эдиктомъ 250 г.предписывается приглашать христіанъ къ исполненію обрядовъ римской государственной религіи. Они должны быть вызываемы въ опредѣленные сроки, бѣглецы подвергаются конфискаціи имущества, лишаются права гражданства и подъ страхомъ смертной казни не должны возвращаться; отказывающіеся отъ предъявленнаго имъ требованія принять участіе въ римскихъ обрядахъ, подвергаются послѣдовательно тюремному наказанію, пыткѣ, голоду и жаждѣ, священники немедленно должны быть казнены. Эдиктъ касался всей имперіи и примѣненіе становилось все болѣе строгимъ, такъ что смертная казнь со священниковъ была распространена и на многихъ другихъ христіанъ. Впечатлѣніе, произведенное этимъ преслѣдованіемъ на христіанъ, было подавляющее: весьма значительное количество отпало отъ новой вѣры, приносило жертвы |т.наз. *sacrificati*| или воскуряло ладонъ |*thurificati* |; много другихъ откупались отъ фактическаго участія въ римскихъ обрядахъ взяткой, за которую получали удостовѣреніе, |*libellum* отсюда *libellatici*| въ томъ, что удовлетворили требованіе правительства. Послѣдовавшая быстро за этимъ смерть Декція |епископъ Кипріанъ называлъ его *tyrannus infestus sacerdotibus Dei*| лишь временно улучшила положеніе христіанъ. Валеріанъ |253-

259| прежде всего запретилъ христіанское богослуженіе, собраніе приходовъ и посѣщеніе кладбищъ |катакомбъ| и приказалъ изгнать и сослать всѣхъ епископовъ, а затѣмъ въ 258 году велѣлъ немедленно казнить всѣхъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, лишить ихъ званія и имущества, а въ случаѣ упорства казнить сенаторовъ и всадниковъ, сослать женщинъ знатнаго происхожденія и разослать остальныхъ по императорскимъ имѣніямъ, гдѣ они въ цѣпяхъ должны работать.

Плѣненіе Валеріана персами и переходъ власти къ его сыну Галліану вмѣстѣ съ безуспѣшностью преслѣдованія и впечатлѣніемъ мученической смерти многихъ христіанъ привело къ прекращенію преслѣдованій. Весьма возможно, что этому содѣйствовало и усиленіе внутренней анархіи и внѣшнихъ опасностей въ эпоху Галліена и его ближайшихъ преемниковъ. Но съ реорганизаціей государства возобновляется и преслѣдованіе растущей секты, не покоряющейся государственнымъ требованіямъ. Уже Авреліану |270-275| приписывается намѣреніе возобносить преслѣдованія, на самомъ же дѣлѣ оно состоялось только при Діоклеціанѣ.

Уже въ 295 г. христіане изгоняются изъ войска; до сихъ пор очевидно требованія закона нерѣдко обходились и они не совершали жертвоприношеній. Въ 303 г. разрушается христіанскій храмъ, построенный въ самой резиденціи Діоклеціана, въ Никомидіи. За симъ слѣдуетъ рядъ эдиктовъ о разрушеніи церквей, уничтоженіи христіанской литературы и отставкѣ христіанскихъ должностныхъ лицъ, объ арестѣ священниковъ, о принужденіи ихъ къ жертвоприношенію. Протесты христіанъ плакатъ съ первымъ эдиктомъ былъ сорванъ съ того мѣста,

гдѣ былъ выставленъ, во дворцѣ произошелъ пожаръ, приписанный поджигательству христіанъ, въ Арменіи началось возстаніе - привели къ новому эдикту, согласно кот. всѣ христіане должны быть принуждаемы къ жертвоприношенію. Многочисленные христіане и теперь отпали отъ церкви, но въ общемъ преслѣдованіе и теперь оказалось безуспѣшнымъ несмотря на то, что продолжалось до 311 года.

Лишь въ 311 г. эдиктъ Галерія, Константина, Лицинія разрѣшилъ, чтобы снова было позволено быть христіаниномъ |ut denuo sint christiani|, причемъ на христіанъ возлагалась очень характерная обязанность - молиться своему богу за императоровъ. Эдиктъ исходилъ отъ Галерія, кот. христіане считали главнымъ интеллектуальнымъ виновникомъ всего преслѣдованія. Опасность отъ соединенныхъ съ преслѣдованіемъ волненій и недовольства - христіане были особенно многочисленны на Востокѣ, гдѣ постоянно угрожала опасность отъ персовъ - упорство христіанскихъ мучениковъ, кот. несомнѣнно производило большое впечатлѣніе и объяснялось поддержкой ихъ, очевидно, не лишеннаго могущества божества, наконецъ, быть можетъ, тяжелая болѣзнь Галерія, о которой намъ сообщаютъ современники и которая, вѣроятно, не только христіанами признавалась карой того же божества, все это вмѣстѣ привело къ новому повороту въ политикѣ правительства.

Для настроенія, диктовавшаго эдикты о вѣротерпимости, во всякомъ случаѣ очень характеренъ текстъ миланскаго эдикта Константина и Лицинія, даннаго два года спустя |въ 313 г.| "Мы, Константинъ и Лициній Августы", гласитъ этотъ важный документъ, "собравшись въ Миланѣ для обсужденія всѣхъ дѣлъ, касающихся интересовъ и безопасности государства рѣшили,

что среди предметовъ, кот.должны насъ занять, ничего не будетъ полезнѣе нашимъ народамъ, чѣмъ установить прежде всего то, что касается формы поклоненія божеству. Мы рѣшили даровать христіанамъ и всѣмъ другимъ право на свободное исполненіе требованій той религіи, кот.они предпочитаютъ, чтобы небесное божество было милостиво и благорасположено какъ къ намъ, такъ и ко всѣмъ, живущимъ подъ нашей властью. Намъ показалась прекрасной и очень разумной та политика, кот.не лишаетъ ни одного изъ нашихъ подданныхъ, будь онъ христіанинъ или придерживайся онъ другого культа, права слѣдовать той религіи, кот.ему всего больше по душѣ. Так. обр.верховное существо, кот.каждый изъ насъ отнынѣ свободно будетъ поклоняться, будетъ въ состояніи даровать намъ обычную свою милость и благоволеніе. Почему Ваше Превосходительство |*Excellentia vestra*, указъ обращенъ къ намѣстникамъ| должно знать, что мы упраздняемъ всѣ |неизвѣстныя намъ| ограниченія, содержащіяся въ предыдущемъ, посланномъ вамъ эдиктѣ относительно христіанъ, и что начиная съ этого дня мы имъ позволяемъ исполнять требованія ихъ религіи безъ всякаго безпокойства или непріятностей. Мы сочли нужнымъ сообщить вамъ объ этомъ самымъ точнымъ образомъ, дабы вы знали, что предоставляемъ христіанамъ самую полную, самую неограниченную свободу культа, а разъ мы предоставляемъ ее христіанамъ, то Ваше Превосходительство, конечно, пойметъ, что другіе должны пользоваться тѣмъ же правомъ. Достойно вѣка, въ которомъ мы живемъ, и спокойствія, кот пользуется имперія, чтобы всѣ наши подданные обладали полной свободой поклоняться тому богу, котораго они избрали, и чтобы ни одинъ культъ не былъ лишенъ того почета, кот.

ему долженъ быть оказанъ". Въ виду этого христіанамъ возвращаются ихъ конфискованныя церкви и кладбища и вообще все ихъ имущество, причемъ та часть христіанскаго имущества, которая находится въ рукахъ государства, возвращается безъ всякаго вознагражденія, тогда какъ частныя лица, получившія часть конфискованнаго, должны получить вознагражденіе отъ государства |Lact. de mort. pers. 48; Euseb. h. e. 9,9,12).

Содержаніе эдикта, независимо отъ его принципіальнаго значенія, очень любопытно по тону и руководящимъ мыслямъ. Императоры отнюдь не признаютъ себя христіанами, а высказываются развѣ только въ смыслѣ довольно неопредѣленнаго монотеизма, не исключающаго признанія многообразныхъ формъ божества и поклоненія ему, но полагающаго, что всѣ отдѣльные боги какъ бы сливаются въ одно верховное божество |numen, maximum numen|. Запрещеніе любой изъ формъ поклоненія можетъ оскорбить это божество, а потому "чтобы божество могло даровать намъ свою обычную милость и благоволеніе" не слѣдуетъ запрещать ни одной изъ нихъ. Исходная мысль такимъ образомъ и тутъ страхъ передъ божественной карой и надежда на божественную милость. Что такія опасенія и надежды могутъ играть очень большую роль въ такой вѣкъ особеннаго религіознаго напряженія, какимъ, какъ мы видѣли, былъ IУ в., представляется вполнѣ естественнымъ и подтверждается цѣлымъ рядомъ данныхъ.

Но если въ Миланскомъ эдиктѣ не замѣтно и тѣни предпочтенія по адресу христіанства и если въ теченіе всего царствованія Константина языческія церемоніи продолжаютъ не только пользоваться полнымъ покровительствомъ власти |Константинъ сохраняетъ званіе pontifex maximus , кот. сложилъ съ

себя только Граціанъ въ 381 г.|, но и примѣняются самой властью наряду съ христіанскими, напр.при освященіи Константинополя; если, наконецъ, самъ Константинъ формально принялъ христіанство только передъ смертью, то все же не подлежитъ сомнѣнію, что онъ и раньше сильно склонялся, если не къ существу христіанскаго ученія, то къ христіанскому культу.

При общихъ условіяхъ времени вопросъ о причинахъ, побудившихъ Константина встать на сторону христіанъ, получаетъ нѣсколько иное освѣщеніе, чѣмъ у его современниковъ, Евсевія и Лактанція, кот.,вопреки многимъ безспорнымъ даннымъ, утверждаютъ, что причина заключалась въ вполнѣ сознательномъ обращеніи Константина, а также чѣмъ у многихъ у ченыхъ |напр. у Burckhardt'а|, кот.считаютъ, что властолюбивой натурой Константина и въ данномъ случаѣ могли руководить только политическіе разсчеты. Причина не заключается и въ "философскомъ теизмѣ и терпимости", кот.нѣкоторые приписываютъ Константину, а въ глубокомъ, постоянно возрастающемъ синкретизмѣ и религіозномъ напряженіи всей эпохи вмѣстѣ съ довольно грубымъ представленіемъ о могуществѣ христіанскаго бога и выгодахъ его покровительства. Въ письмѣ къ намѣстнику Африки онъ говоритъ, что понялъ, что этотъ богъ строго наказываетъ тѣхъ, кто оскорбляетъ его культъ, и окружаетъ счастьемъ тѣхъ, кто ему служитъ |Eus.h.e.10,7|. Вынесши убѣжденіе въ томъ, что этотъ богъ ему спеціально покровительствуетъ,- къ нему онъ обратился во время войны съ Максенціемъ, призвавшимъ всѣхъ боговъ кромѣ христіанскаго, онъ также оказываетъ ему культъ какъ напр.Авреліанъ персидскому Миѳрѣ. "Внутренняго пониманія религіозной и нравст-

венной сущности христіанства мы у него не встрѣчаемъ: сколько можно судить, его рѣшеніями руководитъ больше всего именно страхъ передъ могуществомъ и надежда на покровительство христіанскаго бога. Эта не была одна изъ тѣхъ болѣющихъ отъ сомнѣнія душъ, которыя приходили искать у христіанства прочныхъ вѣроученій; его не привлекала, также какъ многихъ другихъ, красота этическихъ доктринъ новой вѣры или симпатіи несчастнымъ, которые переносятъ несправедливое гоненіе; единственное основаніе, кот. онъ имѣлъ для того, чтобы предпочесть новый культъ старому, заключался въ томъ, что онъ, по его мнѣнію, болѣе щедро награждалъ вѣрующихъ, и притомъ именно ближайшими земными благами, которыя его, вѣроятно, больше интересовали, чѣмъ далекое блаженство будущей жизни. Я признаю, что это довольно жалкія чувства, совершенно не отличающіяся возвышенностью и безкорыстіемъ, но тотъ жаръ, съ кот. онъ ихъ излагаетъ, ихъ постоянное повтореніе доказываютъ, что онъ былъ глубоко проникнутъ ими". |Boissier, ук.соч.I.46-7; см.всю первую главу; также Seek, ук.соч.I.42 сл.,особ.55-69|.

Во всякомъ случаѣ сначала эдиктъ о вѣротерпимости, затѣмъ фактическое покровительство христіанству - императоръ самъ предсѣдательствуетъ на соборахъ - наконецъ, принятіе христіанства императоромъ не могло остаться безъ вліянія на массу общества. Если и прежде уже, помимо искренно и страстно вѣрующихъ, многіе принадлежали къ церкви только потому, что родились въ христіанской семьѣ, или прямо находили для себя выгоднымъ принять христіанство, то теперь число чисто внѣшнихъ обращеній быстро начало возрастать. До миланскаго эдикта хранилось лишь на востокѣ и въ нѣкоторыхъ

более крупныхъ центрахъ запада |напр. Римъ, Кареагенъ, Ліонъ и т.д.| представляли более заметную часть населенія: одинъ изъ церковныхъ историковъ |Schutze, Gesch. des Untergangs des griech.-röm. Heidentums, т. I, стр. I-27| определяетъ ихъ общее число |на I00 мил. населенія| въ I0 мил., что, вероятно, значительно преувеличено. Буркгардтъ |ук. соч. I57| полагаетъ, что они составляли ок. I|I2 населенія |ок. 8½ мил.|, Гиббонъ и Wietersheim - ок. I|20 |ок. 5 мил.|, Chastel - I|I5 на Западе, I|I0 - на Востоке |ок. 9 мил.|. Какъ ни мало обоснованы эти чисто гипотетическія предположенія, число настоящихъ христіанъ несомненно было еще значительно меньше наименьшей изъ указанныхъ цифръ. 50 летъ спустя христіанство было религіей подавляющаго большинства населенія и правительство въ лице Феодосія I начинаетъ решительную борьбу съ остатками язычества. Само собой понятно, что этотъ колоссальный успехъ въ значительной степени вызванъ чисто внешними условіями, въ частности покровительствомъ государства. При такихъ условіяхъ вполне естественно, что въ церковь врывается масса языческихъ представленій и обычаевъ: массовое, чисто внешнее обращеніе не даетъ христіанскимъ идеямъ возможность проникнуть глубже въ умы и нравы. Церкви приходится вести продолжительную и упорную борьбу съ гладіаторскими и другими играми иногда самаго божественнаго характера; но и въ составе духовенства очень многое изменилось къ худшему, что видно напр. изъ жалобъ бл. Іеронима |во второй половине IУ в.| или изъ характерныхъ словъ Сальвіана Марсельскаго въ начале У в.: "что такое почти все собраніе христіанъ, какъ не гнездо пороковъ? Сколько народа можно найти въ церкви, которые бы не были

пьяницами или драчунами или прелюбодѣями или развратниками или ворами или убійцами?" |De gub. Dei 3,9,44,ср.4,33,5|.

Риторическое преувеличеніе въ этихъ жалобахъ бросается въ глаза; съ другой стороны, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что аскетическая или по крайней мѣрѣ чрезвычайно строгая жизнь сознательно присоединившихся къ церкви христіанъ первыхъ временъ, къ которымъ естественно принадлежали нравственно наиболѣе развитые и чуткіе элементы, оказалась такъ же недоступна для большинства новобращенныхъ ,какъ самое религіозное ученіе христіанства. Признаніе одной изъ аскетическихъ и мистическихъ религій эпохи и въ частности наиболѣе высокой изъ нихъ, христіанской, государствомъ, какъ мы видѣли, было необходимо, но то, что было выработано лучшей въ нравственномъ и умственномъ отношеніи частью общества и было доступно для нея, оказалось слишкомъ высокимъ для остальной массы и та"порча церкви", на которую жаловались въ ХУ и ХУІ вв., имѣетъ свой первоисточникъ въ указанныхъ фактахъ.

Разсмотрѣть всѣ разнообразныя формы, въ которыхъ выражается вліяніе новообращенной массы на церковную жизнь, мы не можемъ. Съ политической ролью церкви мы познакомимся далѣе. Здѣсь замѣтимъ лишь, что признаніе равноправія хритсіанской церкви съ остальными культами и принятіе христіанства императорами непосредственно привели къ окончательной побѣдѣ монархическаго элемента церкви, епископата надъ демократическимъ съ одной, постоянному вмѣшательству власти въ церковныя дѣла съ другой стороны. Религіозная борьба между сторонниками Арія и Аѳанасія, борьба африканской секты донатистовъ съ остальной церковью, въ которой положеніе Кон-

стантинополя было самое безпомощное и жалкое, такъ какъ догматическіе споры ему были совершенно непонятны, тѣмъ не менѣе вызывали постоянное обращеніе обѣихъ сторонъ къ верховной власти. Эра полной вѣротерпимости въ этомъ смыслѣ была очень непродолжительна: когда окончились гоненія на христіанство, почти немедленно начинаются преслѣдованія еретиковъ. Успокоеніе всего общества такимъ образомъ несомнѣнно не было достигнуто и часть населенія по прежнему оставалась недовольной, независимо отъ податного гнета и соціальныхъ условій, еще по религіознымъ причинамъ.

-.-.-.-.-.-.-

Съ внѣшней стороны, однако, признаніе христіанства завершило предпринятую сложную реорганизацію государства. Сосредоточеніе всѣхъ общественныхъ силъ въ рукахъ одного лица, подчиненіе всего населенія тяжелому гнету правительственной опеки временно увеличило средства власти, дало ей возможность еще разъ отразить враговъ и задержать ихъ торжество еще на сто слишкомъ лѣтъ и скрыло такимъ образомъ отъ невнимательнаго глубокій и постоянно возрастающій упадокъ политической, соціальной и культурной жизни имперіи. Подъ охраной власти лучшіе элементы общества еще сто лѣтъ могли спокойно предаваться аскетизму и мистицизму.

Но реорганизація государства только скрыла зло, но не устранила его. Всѣ основныя тенденціи жизни предшествовавшаго времени на дѣлѣ продолжали свою разрушительную работу. Ростъ крупнаго землевладѣнія и подчиненіе ему массы населенія, ростъ варварскаго элемента въ войскѣ и администраціи, упадокъ общественныхъ интересовъ и возростаніе аскетически-мистическаго индифферентизма къ государственнымъ интере-

самъ - "нельзя создать націю изъ монаховъ и факировъ", замѣчаетъ одинъ писатель - кладутъ свою печать на исторію IУ и особенно У вв.

II. Ростъ элементовъ дезорганизаціи. Три важнѣйшихъ фактора, содѣйствовавшихъ разложенію имперіи и въ концѣ концовъ сдѣлавшихся ея наслѣдниками, это поземельная аристократія, варвары и церковь. На ихъ развитии намъ остается теперь остановиться.

I. Аристократія. Высшимъ сословіемъ имперіи, какъ мы видѣли, по прежнему было сенаторское, къ кот. причисляетъ себя императоръ; точно также впослѣдствіи французскій король называлъ себя le premier gentilhomme du royaume. Но сила этого сословія заключается не въ его привилегіяхъ, а въ томъ, что оно является представителемъ крупнаго землевладѣнія имперіи. О роли крупнаго землевладѣнія въ соціальной и политической жизни имперіи мы уже говорили и видѣли, что къ IУв. оно настолько уже успѣло развиться, что безусловно преобладаетъ и одно сохраняетъ свою соціальную независимость, тогда какъ остатки средняго землевладѣнія, т.е. декуріоны, и масса обезземеленныхъ арендаторовъ, т.е. колоны, безусловно прикрѣплены къ своимъ званіямъ.

Спрашивается, каково положеніе крупнаго землевладѣльца въ его имѣніи и далѣе его отношеніе къ государству и городу?

Основнымъ фактомъ во всѣхъ ихъ отношеніяхъ слѣдуетъ признать независимость огромнаго большинства крупныхъ имѣній отъ городскихъ властей: крупное имѣніе находится въ непосредственной зависимости отъ провинціальныхъ властей и далѣе отъ императора какъ въ податномъ, такъ и въ судебномъ

отношеніи. Оно не входитъ въ составъ городской территоріи, не участвуетъ въ несеніи городскихъ налоговъ и повинностей, не подчинено городскому суду. Выше мы замѣтили, что провинціальная организація покоится на раздѣленіи данной области на большее или меньшее количество самоуправляющихся городскихъ округовъ | *civitates* |; ихъ процвѣтаніе и упадокъ служитъ основаніемъ для процвѣтанія и упадка самой имперіи. Теперь намъ приходится познакомиться съ новымъ элементомъ провинціальной и общеимперской, съ автономной вотчиной, предшественницей средневѣковой сеньеріи. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что самый фактъ сумещствованія такихъ вотчинъ установленъ и значеніе его выяснено лишь въ самое послѣднее время благодаря трудамъ *A. Schulten'a, die römischen Grundherrschaften (1896)* и *Beaudouin'a, les grands domaines dans l'empire romain 1899.* (Ср. также *R. His, die Domänen der römischen Kaiserzeit 1896* и *Wiart, le régime des terres du fisc au Bas-Empire 1894*).

Техническимъ терминомъ, обозначающимъ автономное крупное имѣніе, повидимому, слѣдуетъ считать *saltus*. "Въ Италіи, говоритъ Фронтинъ | *Grom. vet. ed. Lachmann, p. 35* |, "нѣтъ земли, подлежащей уплатѣ трибута | рѣчь идетъ о до-діоклеціановскихъ порядкахъ, когда основное различіе между Италіей и провинціями заключалось въ томъ, что только въ первой возможна полная собственность на земли, тогда какъ въ завоеванныхъ областяхъ вся земля считается собственностью государства, а частныя лица могутъ только владѣть ею за уплату *tributi, stipendii* и т.д. |; вся земля состоитъ изъ земель колоній или муниципій или изъ *saltus* частныхъ лицъ | *pimpis*

ager est aut colonicus, aut municipalis, aut saltus privati). Онъ же въ другомъ мѣстѣ указываетъ на частые споры, особенно въ Африкѣ, гдѣ "частныя лица имѣютъ владѣнія |saltus| не меньшія, чѣмъ территоріи городовъ", между колоніями и муниципіями между собой и съ имѣніями императора |saltus| и частныхъ лицъ |ib. p 46,53| по вопросамъ de modo agri и de iure territorii. Очевидно, эти saltus не входятъ въ составъ городскихъ территорій. Согласно съ этимъ географы |Плиній Старшій ок. 70 г., Птоломей ок. 150 г.|, описывая провинціи, перечисляютъ не только городскіе округа, но и наряду съ ними и независимо отъ нихъ тѣ saltus, кот. встрѣчаются въ данной провинціи. Точно также и законодательство и писатели IУ в. противоставляютъ praedia |частныя имѣнія| и territoria civitatum, saltus и res publica |подъ этимъ терминомъ обыкновенно подразумѣвается самоуправляющійся городской округъ|, наконецъ, procuratores possessionem и ordines civitatem, т.е. частныхъ управляющихъ вотчинъ и городскія куріи |ordo|.

Самъ по себѣ фактъ существованія автономныхъ имѣній так. обр. не подлежитъ сомнѣнію. Не слѣдуетъ думать, чтобы земли каждаго крупнаго собственника непремѣнно были автономны, т.е. не входили въ составъ какого либо городского округа и составляли одно самостоятельное цѣлое. Земли магната могли быть раскинуты относительно небольшими имѣніями по территоріямъ цѣлаго ряда городовъ, не составляя нигдѣ настолько крупнаго цѣлаго, чтобы претендовать на самостоятельность; таково, повидимому, было положеніе въ Италіи, гдѣ, вслѣдствіе созданія огромнаго количества римскихъ и латинскихъ колоній, почти вся земля была распредѣлена между городами. Если здѣсь началась концентрація землевладѣнія, она,

естественно, вслѣдствіе конкуренціи покупателей, въ большинствѣ случаевъ не могло привести къ образованію большихъ сплошныхъ имѣній, а вызвало лишь соединеніе большого количества среднихъ владѣній и мелкихъ участковъ въ однихъ рукахъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь встрѣчается цѣлый рядъ указаній на императорскія и частныя *saltus* и *massae* | *scil fundorum* , происхожденіе которыхъ слѣдуетъ искать въ древней оккупаціи государственныхъ земель магнатами или въ удавшемся соединеніи очень значительнаго количества географически связанныхъ земель или, наконецъ, въ захватѣ большихъ пустующихъ вслѣдствіе малой плодородности почвы пространствъ, захватѣ, который могъ продолжаться и въ эпоху имперіи.

Послѣднее, т.е. захватъ пустующихъ пространствъ, и въ провинціяхъ былъ однимъ изъ первыхъ источниковъ происхожденія автономныхъ *saltus* . Уже самое названіе указываетъ на это. Первоначально слово *saltus* означало земли, состоявшія изъ лѣсовъ и пастбищъ | *Festus* , *Varro* |. Большинство изъ нихъ, вѣроятно, не вошло въ составъ городскихъ или племенныхъ округовъ, на которые распадались провинціи, а считались собственностью государства. А такъ какъ ихъ должно было быть такъ много во вновь завоеванныхъ мало культурныхъ и относительно мало населенныхъ областяхъ, что государство не могло эксплуатировать ихъ своими средствами, и такъ какъ обрабатывать ихъ или пользоваться ими въ качествѣ пастбищъ могли только крупные капиталисты, то послѣдніе и оккупируютъ весьма значительныя сплошныя территоріи, изъ которыхъ съ возрастаніемъ интенсивности хозяйствъ выростаютъ настоящія огромныя имѣнія, въ иныхъ случаяхъ не

уступающія цѣлымъ городскимъ округамъ.

Другимъ источникомъ, судя по одной недавно найденной надписи | въ мѣстечкѣ Henchir-Mettich въ Африкѣ | является императорское пожалованіе. Надпись соедржитъ вотчинный уставъ | lex saltus |, опредѣляющій взаимныя отношенія между собственникомъ | dominus |, его управляющимъ | villicus | крупнымъ фермеромъ | conductor | и мелкими фермерами | coloni |. Исходитъ онъ, однако, не отъ самого собственника, а данъ по предписанію имп. Траяна | между апрѣлемъ 116 и августомъ 117 г. | его прокураторами, т.е. управляющими его африканскими имѣніями. Отсюда съ большой вѣроятностью можно заключить, что самое имѣніе было пожаловано тѣмъ же императоромъ какому либо частному лицу. Если императоръ при этомъ заранѣе позаботился установить взаимныя отношенія между собственникомъ и колонами, то это, повидимому, объясняется тѣмъ, что императоръ пожаловалъ не голую почву, а населенное имѣніе. Изъ названія имѣнія fundus, villae, magnae id est Mappalia Siga въ самомъ дѣлѣ можно заключить, что данное пространство земли раньше было занято мелкимъ нумидійскимъ племенемъ | Mappalia называется Sal. iug. 18 хижины туземцевъ |; было ли это племя раньше, быть можетъ, по поводу какого нибудь возстанія, наказано конфискаціей его земли, на которой оно было оставлено на правахъ аренды, и перешло затѣмъ уже новое имѣніе изъ рукъ императора въ руки частнаго лица, произошла ли эта конфискація земли и обращеніе ея собственниковъ въ колоновъ непосредственно въ связи съ пожалованіемъ и съ тѣмъ, чтобы создать подходящій объектъ для послѣдняго, объ этомъ намъ ничего не извѣстно. Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что мы имѣемъ передъ собой

случай несомнѣннаго пожалованія огромнаго автономнаго *saltus* императоромъ. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что такія императорскія пожалованія представляли явленіе очень обычное: цѣлый рядъ указовъ IУ и У вв. свидѣтельствуетъ объ этомъ.

А государственныя и императорскія земли, о громадномъ количествѣ которыхъ мы уже говорили, несомнѣнно всѣ находились въ совершенно исключительныхъ условіяхъ. Императоръ, разумѣется, не считается гражданиномъ тѣхъ городовъ, въ территоріи которыхъ расположены его имѣнія. При его всеподавляющемъ могуществѣ поэтому весьма естественно, что даже имѣнія, не лежащія съ самаго момента своего созданія, т.е. съ начала ихъ оккупаціи и эксплуатаціи, внѣ предѣловъ городскихъттерриторій, а наоборотъ расположенныя въ предѣлахъ таковыхъ, выдѣляются въ особыя автономныя единицы и пріобрѣтаютъ такимъ образомъ характеръ типичныхъ *saltus*. Этому по крайней мѣрѣ для государственныхъ земель |*res privata*| содѣйствуетъ уже ихъ свобода отъ поземельнаго и иныхъ налоговъ, просуществовавшая, какъ мы видѣли, до конца первой половины IУ в. Да и независимо отъ этого императоръ, не будучи гражданиномъ данной *civitas*, не подлежитъ податямъ и повинностямъ, лежащимъ на ея гражданахъ. Декуріонамъ нечего дѣлать въ его имѣніи.

То же самое касается и всѣхъ сенаторовъ вообще: сенаторы *eo ipso* считаются гражданами города Рима, гдѣ бы ихъ имѣнія не были расположены и гдѣ бы они не родились |*l.* 5 *Dig.* 50,I,22 (*Paulus*): *senatores et eorum filii filiaeque itemque nepotes pro nepotes ex filio origini exi*–

muntur; l. 23, ib: municeps esse desinit senatoriam adeptus dignitatem, quantum ad munera.

Согласно съ этимъ и они не подлежатъ городскимъ податямъ и повинностямъ, а также и вообще городскимъ властямъ, которыя устраняются отъ звыманія государственныхъ податей съ сенаторскихъ имѣній. |l. 2, C. Th. 6,3 - 396 г.: senatoriae functionis curiaeque sit nulla concunctio, et ne laedendi curialibus praebeatur occasio, per apparitores rectoris provinciae de senatorum fundis fisco posculentur; ср. l. 3 C. Th 6 3 - 396г.; l. I2, C. Th. II,7 - 383г.; ср. впрочемъ l. 4 C. Th 6,3 - 397г.|. Что они свободны отъ "чрезвычайныхъ и грязныхъ повинностей", мы уже видѣли | 4 I2,I|.

Въ результатѣ оккупація пустующихъ земель, не вошедшихъ въ территорію какого либо города, императорское пожалованіе, пріобрѣтеніе наслѣдственнаго до правнуковъ сенаторскаго званія, наконецъ, принадлежность къ государственнымъ и императорскимъ землямъ, таковы источники автономіи крупнаго имѣнія.

Крупное автономное имѣніе свободно отъ городскихъ властей, податей и повинностей, но подчинено государственнымъ налогамъ, суду и надзору намѣстника провинціи. Въ этомъ заключается его коренное отличіе отъ феодальной сеньеріи, гдѣ сеньеръ самъ для себя взымаетъ налоги, творитъ судъ и управляетъ.

Но уже въ эпоху имперіи мы видимъ постоянное возрастаніе какъ правъ, такъ особенно притязаній собственника-магната.

Базисомъ всѣхъ его правъ и притязаній является его экономическое, а впослѣдствіи и юридическое господство надъ населеніемъ его вотчины. Совершенно какъ императорское имѣ-

облеченныхъ всеобщимъ довѣріемъ, являющихся представителями традиціи и прежде всего призванныхъ къ поученію и руководству общины: это пресвитеры и епископъ. На первыхъ, повидимому, лежала преимущественно дисциплинарная власть и религіозно-нравственная юрисдикція, на вторыхъ - завѣдываніе общинной кассой для нищихъ, больныхъ, чужихъ и иныхъ расходовъ общины. И тѣ и другіе участвуютъ въ богослуженіи и поученіи общины. Со II в. замѣчается постепенное возвышеніе епископовъ: борьба съ гностицизмомъ естественно приводитъ къ подчеркиванію традицій и требуетъ болѣе строгаго единенія и дисциплины. Епископы становятся предсѣдателями въ собраніи пресвитеровъ сначала на правахъ перваго между равными, затѣмъ на все болѣе монархическихъ началахъ. Клиръ вообще выдѣляется изъ общины вѣрующихъ: если прежде каждый членъ послѣдней, если только онъ удостаивался благодати, былъ призванъ къ поученію братіи, то теперь требуются извѣстныя внѣшнія данныя, гарантирующія общину отъ рѣзкихъ нововведеній. Верховнымъ хранителемъ традиціи въ каждой общинѣ при этомъ становится именно епископъ и какъ таковой признается непосредственнымъ преемникомъ апостоловъ и Христа; непрерывная связь между ними символизируется рукоположеніемъ.

Выдѣленіе клира и возрастающее вліяніе епископовъ во второй половинѣ II в. приводитъ къ широко распространенной реакціи противъ установленія внѣшнихъ условій для учительства и руководства, т.е. противъ выдѣленія клира и за исключительное господство харисметическаго вдохновенія "проро-

ковъ". Это движеніе |монтанизмъ| особенно распространено въ Малой Азіи и Африкѣ, гдѣ къ нему принадлежитъ напр. Тертулліанъ |нач. III в.|, и вызываетъ собраніе первыхъ мѣстныхъ соборовъ для обсужденія связанныхъ съ нимъ вопросовъ. Весьма естественно, что побѣда осталась на сторонѣ принципа обособленности клира и привела къ усиленію епископовъ, такъ какъ монтаизмъ приводилъ къ дезорганизаціи общинъ, къ нарушенію традиціи и дисциплины. Организованная сила традиціи взяла верхъ надъ неорганизованнымъ и полуанархическимъ протестомъ "пророковъ".

Насколько велико было значеніе клира и въ частности епископовъ уже въ III в. видно изъ того, что Децій и Валеріанъ, желая уничтожить христіанство, направляютъ свои удары прежде всего на клиръ. Гоненія половины III и начала IУ в. въ свою очередь приводили къ усиленію внутренней дисциплины въ христіанскихъ общинахъ, иначе говоря къ новому усиленію епископской власти. Ко времени принятія христіанства Константиномъ во внутренней жизни церкви монархическій принципъ епископской власти взялъ окончательно верхъ какъ надъ демократической массой общины, такъ и надъ аристократіей пресвитеровъ.

Въ каждой отдѣльной общинѣ верховная власть принадлежитъ епископу. Онъ признается преемникомъ апостоловъ, стоитъ не на ряду съ пресвитерами, а надъ ними и является руководителемъ всей общины. По болѣе важнымъ дѣламъ онъ продолжаетъ совѣщаться съ пресвитерами, которые сохраняютъ свое право учительства. Ближайшими помощниками епископа являются безусловно подчиненные ему діаконы |обыкновенно ихъ семь|. Наряду съ указанными высшими представителями |ordines maiores собственно clerus| въ составъ клира въ болѣе крупныхъ

общинахъ входитъ еще рядъ другихъ; таковы иподіаконы, необходимые въ виду ограниченнаго числа діаконовъ, чтецы |lectores, anagnostes|, привратники, псаломщики и т.д. Всѣ вмѣстѣ послѣдніе составляютъ т.наз. ordines minores, clerus minor.

Ни одна изъ этихъ церковныхъ должностей не занимается иначе, какъ по избранію или назначенію; анархическій принципъ вдохновенія, кромѣ какъ въ нѣкоторыхъ сектахъ, совершенно уничтожается. Самъ епископъ первоначально избирается всей общиной, со II в. клиромъ съ согласія народа |plebs, міряне|, съ III - сосѣдними епископами съ согласія пресвитеровъ |de clericorum testimonio| и при аккламаціи народа |de plebis suffragio| и рукополагается епископомъ же. Избраніе всѣхъ остальныхъ находится въ рукахъ епископа, который при опредѣленіи пресвитеровъ выслушиваетъ народное желаніе. Таковъ по крайней мѣрѣ нормальный порядокъ.

Процессъ диффереціаціи на этомъ выдѣленіи клира и развитіи власти епископовъ не останавливается. Среди епископовъ уже во II и особенно въ III в. замѣчается возвышеніе нѣкоторыхъ стоящихъ во главѣ особенно славныхъ и особенно богатыхъ и значительныхъ числомъ своихъ членовъ городскихъ церквей. Связь между отдѣльными церквями, особенно въ эпохи борьбы между разными направленіями, первоначально устанавливалась и поддерживалась посредствомъ посланій и болѣе или менѣе случайныхъ путешествій отдѣльныхъ членовъ разныхъ общинъ. Съ увеличеніемъ количества христіанъ и христіанскихъ церквей эта относительно довольно случайная и слабая связь замѣняется періодическими съѣздами епископовъ одной провинціи. Председательство на этихъ съѣздахъ выпада-

етъ либо на долю старшаго по возрасту изъ членовъ даннаго съѣзда, либо на долю епископа старшей общины данной провинціи, отъ которой произошли остальныя, либо, наконецъ, на долю епископа политической и административной метрополіи данной провинціи. Послѣднее встрѣчается особенно часто,такъ какъ административный центръ почти всегда въ то же время представляетъ важнѣйшій экономическій и культурный центръ провинціи, гдѣ вслѣдствіе этого обыкновенно раньше всего и возникла христіанская община. Предсѣдательство на съѣздахъ вмѣстѣ съ традиціоннымъ значеніемъ провинціальной митрополіи постепенно создаетъ ея епископу первенствующее положеніе. Надъ епископомъ возвышаются митрополиты. Независимо отъ созванія и предсѣдательствованія на соборахъ, рѣшенія которыхъ разсылаются въ формѣ митрополичьихъ посланій, митрополиты пріобрѣтаютъ нѣкоторое право надзора надъ мѣстными церквями, участвуютъ при избраніи епископовъ и обязываютъ послѣднихъ совѣщаться съ ними по болѣе важнымъ дѣламъ. Но это не значитъ, чтобы они безусловно господствовали на соборахъ: рѣшающій голосъ принадлежитъ епископамъ, наряду съ кот. присутствуютъ и пресвитеры и діаконы, но только съ совѣщательнымъ голосомъ.

Уже въ III в. замѣчается возвышеніе новой власти надъ самими митрополитами. По мѣрѣ роста христіанства нѣкоторые центры пріобрѣтаютъ значеніе, выходящее за предѣлы отдѣльной провинціи и охватывающее болѣе или менѣе значительныя области. Таковы на Западѣ Римъ для Италіи, Галліи, Испаніи, Британніи и части придунайскихъ и балканскихъ земель, Карѳагенъ - для всей сѣв.-зап. |латинской| Африки, на Востокѣ Александрія для Египта и остальной сѣв.-вост. |греческой|

Африки, Антіохія - для Сиріи и значительной части Востока, Ефесъ - для западной Малой Азіи, Кесарея - для центральной части Малой Азіи |Капподокія|, Гераклея - для Θракіи. Часть ихъ постепенно теряетъ свое значеніе, |а именно: Эфесъ, Кесарея, Гераклея - вслѣдствіе возвышенія Константинополя - и Карθагенъ|, а вмѣсто нихъ появляются новые |Константинополь, Іерусалимъ|, но самый фактъ возвышенія патріарховъ надъ митрополіями остается въ силѣ.

Среди патріарховъ въ свою очередь возвышается римскій. Епископъ имперской столицы, преемникъ апост.Петра,является,такъ сказать, внѣшнимъ представителемъ единства церкви. Въ этомъ выражается естественное вліяніе столицы, кот. позднѣе такъ ярко отразилось напр.на возвышеніи константинопольскаго или московскаго патріарха. Но это первенство римскаго епископа, признанное напр.на соборѣ 347 г. въ Сердикѣ |Софіи|, было чисто нравственное и не давало никакихъ опредѣленныхъ правъ по созыву общихъ соборовъ, назначенію епископовъ, вмѣшательству въ дѣла мѣстныхъ церквей, а тѣмъ болѣе по рѣшенію догматическихъ и иныхъ вопросовъ.

Но въ то же время, когда формальное единство церкви достигнуто, замѣчается націонализація отдѣльныхъ ея частей, разное развитіе и соревнованіе латинской и греческой, сирійской, африканской и т.д.церквей. Разнообразіе культурныхъ условій и мѣстныхъ традицій комбинируется съ борьбой разныхъ религіозныхъ направленій въ церкви и вражда сплошь и рядомъ принимаетъ чрезвычайно ожесточенныя формы. Нетерпимость, отличающая эту, какъ и всякую другую, эпоху сильнаго религіознаго напряженія |напр.реформаціонную|, доходитъ до того, что язычникъ Аммiанъ Марцеллинъ во второй полови-

нѣ IУ в. не безъ основанія замѣчаетъ, что "нѣтъ звѣрей, которые бы такъ ненавидѣли человѣка, какъ большинство христіанъ другъ друга" |Amm. Marc. 22, 5: nullas infestas hominibus bestias, ut sunt sibi ferales plerique Christiani|.

Таково въ общихъ чертахъ внутреннее положеніе церкви въ эпоху Константина. Самостоятельность организацій, возрастающая централизація, такъ въ отдѣльныхъ общинахъ, такъ и во всей церкви, ожесточенная борьба религіозныхъ направленій и параллельно съ нею нетерпимость, основывающаяся на глубокой и страстной вѣрѣ въ собственную правоту, вотъ характерныя черты христіанской церкви начала IУ вѣка. Признаніе церкви государствомъ должно было оказать огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе церкви: оно упразднило самостоятельность церкви, подчинивъ ее императору, усилило централизацію и внесло ядъ государственныхъ преслѣдованій въ борьбу религіозныхъ направленій. Вознагражденіемъ за эти крупныя опасности служило обезпеченіе христіанства какъ таковаго отъ гоненій, несочувствіе власти къ язычеству и затѣмъ преслѣдованіе его, наконецъ, многочисленныя привилегіи клира |въ 313 г. освобожденъ отъ личныхъ, въ 313-5 - отъ поголовныхъ налоговъ| и вліяніе его на управленіе, сначала чисто фактическое, нравственное, затѣмъ и законное |участіе епископа въ избраніи городского дефенсора, надзоръ надъ тюрьмами, надъ городскимъ управленіемъ вообще и т.д.|.

Слѣдить за всѣмъ этимъ развитіемъ мы не будемъ. Остановимся лишь вкратцѣ на появленіи и развитіи двухъ діаметрально-противоположныхъ представленіяхъ о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства, пріобрѣвшихъ съ теченіемъ времени огромное практическое значеніе, - на теоріи кесаропапизма,

т.е.безусловнаго подчиненія церкви государству |нашедшаго себѣ осуществленіе въ Византіи|, и теократіи, т.е.безусловнаго подчиненія государства церкви,|осуществившагося въ средневѣковомъ папствѣ|.

Взаимныя отношенія церкви и государства въ IУ в. совершенно неопредѣленны. Если императоръ Констанцій |337-361| категорически заявляетъ: "моя воля да будетъ церковнымъ закономъ", то Амвросій Миланскій наоборотъ говоритъ |sermo contra Auxentium,36|: "что можетъ быть почетнѣе|для императора| чѣмъ, чтобы императоръ назывался сыномъ церкви?... Императоръ вѣдь входитъ въ составъ церкви, а не стоитъ надъ ней |imperator enim intra ecclesium, non supra ecc. est|; добрый императоръ ищетъ поддержки церкви, а не отвергаетъ ее". "Какъ можешь ты говорить, что можешь судить среди епископовъ?"-спрашиваетъ другой церковный писатель IУ в. |Люциферъ Каралитанскій, pro sancta Athanasio, l. I p.61| императора Констанція. "Вѣдь если ты не будешь имъ повиноваться, ты уже, поскольку это зависитъ отъ Бога, наказанъ смертью" |т.е.наказанъ вѣчной смертью|. Въ другомъ греческомъ памятникѣ, пріурочиваемомъ къ III в., уже проводится извѣстная средневѣковая параллель:"насколько душа выше тѣла, настолько священство выше царской власти" |Const.apost.2,34|.

На самомъ дѣлѣ ни та, ни другая сторона не различала спеціальныхъ круговъ дѣятельности государства и церкви. Государство должно было быть христіанскимъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ данное лицо или партія понимала христіанство, а церковь въ свою очередь должна была повиноваться интересамъ и политикѣ государства, т.е. |при государственномъ строѣ имперіи| самого императора. При такихъ условіяхъ и при не-

терпимости всѣхъ партій столкновенія самаго рѣзкаго характера были неизбѣжны. Каждый императоръ считалъ себя въ правѣ диктовать свою волю даже въ области догматическихъ вопросовъ, а "каждая побѣжденная |при дворѣ| партія требовала для себя вѣротерпимости |чтобы отрицать ее, если она окажется снова у власти|: отказывала неправовѣрному, съ ея точки зрѣнія, императору въ повиновеніи въ вопросахъ вѣры и ссылалась на то, что Божіи дѣла должны имѣть преимущество передъ дѣлами людскими, что слѣдуетъ больше повиноваться Богу, чѣмъ людямъ. Отсюда возникало постепенно средневѣковое ученіе о подчиненіи государства церкви, ученіе, во всѣхъ основныхъ пунктахъ разработанное уже великими іерархами IУ в., Афанасіемъ, Амвросіемъ и Іоанномъ Златоустомъ" |Schiller, Geschichte der röm. Kaiserzeit, 2,272-273|.

При матеріальной и нравственной силѣ церкви обособленіе и возвышеніе ея интересовъ надъ государственными грозило государственной власти очень большими опасностями. Въ дѣйствительности церковь наряду съ аристократіей сдѣлалась вершительницей судебъ Западной Европы въ средніе вѣка. Сила ея организаціи, еще возросшая съ усиленіемъ папства, давала ей при этомъ большое преимущество надъ неорганизованной аристократіей.

3. Варвары, въ частности Германцы. Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о германцахъ въ имперіи, не мало содѣйствовавшихъ подготовленію быстрыхъ успѣховъ своихъ соплеменниковъ въ У в. и представлявшихъ анархическій по преимуществу элементъ общества.

Выше мы уже указывали на причину появленія массовыхъ германскихъ поселеній въ предѣлахъ имперіи: обезлюденіе имперіи, какъ результатъ тяжелыхъ соціальныхъ и экономическихъ

условій усиленное страшными эпидеміями и тяжелыми внутренними войнами, уже съ эпохи Марка Аврелія вынуждаетъ правительство къ заселенію опустѣвшихъ пространствъ германцами, кот.толпятся на границахъ имперіи и прежде всего добиваются земель для собственнаго прокормленія, затрудненнаго примитивностью ихъ хозяйства при быстромъ ростѣ населенія, свойственнаго народамъ на соотвѣтственномъ уровнѣ развитія. Такова первая группа германцевъ въ предѣлахъ имперіи, группа, быстро увеличивающаяся какъ вслѣдствіе постояннаго переселенія новыхъ варваровъ, побѣжденныхъ императорами или просто принятыхъ подъ ихъ власть, такъ и вслѣдствіе продолжающагося быстраго роста германскаго населенія. Огромное большинство изъ нихъ поселяется на государственныхъ земляхъ |къ которымъ принадлежатъ и пустующія, bona vacantia| съ обязанностью или правомъ ихъ обработки, но безъ права свободнаго передвиженія, т.е на условіяхъ, изъ которыхъ развился колонатъ. Раскиданные по всей имперіи и расположенные среди римскаго большинства, они болѣе или менѣе романизуются, но въ то же время, какъ мы уже видѣли, и сами варваризуютъ окрестное римское населеніе, подавленное тяжелыми экономическими и соціальными условіями и уже въ силу этого менѣе способное сохранить свое культурное превосходство. Въ качествѣ колоновъ, т.е.лично свободныхъ людей, германцы подлежатъ воинской повинности и съ особенной силой вносятъ германскіе обычаи и взгляды въ римское войско: полагаютъ, что изъ опредѣленія нормальной высоты солдата въ 5 футовъ 7 дюймовъ |указъ 367г. - l. 3 C.Th.7,13| можно заключить, что около половины IУ в.большая часть войска должна была состоять изъ чистыхъ или недавно и плохо романизованныхъ варваровъ. Въ са-

момъ дѣлѣ указанная высота въ I,65 метра превосходитъ современную нѣмецкую и французскую |I,54 метра| и мало вѣроятно, чтобы среди низкорослыхъ южанъ можно было собрать цѣлую армію, отвѣчающую этому условію. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ мѣняется даже военная техника римскаго войска.

Наряду съ варварскими поселенцами-колонами, образующими германскіе острова въ имперіи, и съ разрозненными военноплѣнными, попадающими въ рабство, мы уже въ концѣ III вѣка встрѣчаемся съ германскими военными поселеніями въ провинціяхъ, особенно въ Галліи. Это т.наз.леты |laeti|, обрабатывающіе на наслѣдственную военную службу спеціально имъ предоставленныя земли |terrae laeticae|. Они не имѣютъ ни права отчуждать эти земли, ни покидать ихъ, подчинены особымъ префектамъ |praefecti laetorum|, но помимо этого, повидимому пользуются большой долей самостоятельности въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Земли выдаются имъ самимъ императоромъ | IO I3,II|. Въ началѣ У в.мы ихъ встрѣчаемъ исключительно въ Галліи, особенно въ сѣв.-вост.ея части |Belgica|, распадаются на I2 префектуръ и находятся подъ начальствомъ magistri militum praesentalis a parte peditum, а слѣдовательно выставляютъ въ римское войско пѣхоту. Полагаютъ, что они состоятъ изъ покоренныхъ франковъ, задача которыхъ заключается въ отраженіи ихъ соплеменниковъ.

Во второй половинѣ IУ в.наряду съ летами въ Италіи и Галліи встрѣчаются такія же сплошныя варварскія военныя поселенія, называемыя поселеніями гентиловъ |gentiles отъ gentes|, также состоящія подъ особыми praefecti gentilum. и принадлежащія къ сарматскому, а отчасти и къ германскому

племени.

Превращеніе пограничныхъ войскъ |limitanei, ripenses| изъ подвижныхъ легіоновъ прежнихъ временъ въ военныя поселенія съ наслѣдственной воинской повинностью, законченное въ началѣ IУ в., при преобладаніи германцевъ въ войскахъ также приводитъ къ созданію большихъ полугерманскихъ или даже чистогерманскихъ территорій, притомъ какъ разъ на границахъ римскаго міра.

Въ IУ в., наконецъ, |особенно съ Константина| власть прибѣгаетъ еще къ одному, пожалуй, самому опасному средству, къ привлеченію цѣлыхъ большихъ племенъ на римскую службу въ качествѣ "союзниковъ" |foederati|. Сохраняя всю свою національную организацію, находясь подъ начальствомъ своихъ князей |надъ которыми стояли затѣмъ римскіе magistri militum|, они составляютъ отдѣльные корпуса римскаго войска, организація котораго на нихъ не распространяется, и въ случаѣ надобности привлекаются къ участію въ римскихъ войнахъ. Они признаютъ верховную власть императора и получаютъ за свою готовность служить римскимъ интересамъ субсидіи отъ казны. Въ такомъ положеніи еще со временъ Константина Великаго находились напр. западные готы |визиготы|, населявшіе старую провинцію Дакію, очищенную Авреліаномъ; не безъ основанія Юліанъ Отступникъ |361-364| обвинялъ его позднѣе въ томъ, что онъ значительно увеличилъ опасность, угрожавшую римской имперіи отъ варваровъ. Послѣдующія событія конца IУ и начала У в. доказали, что именно союзныя племена подъ національными князьями сыграли наибольшую роль въ процессѣ раздробленія имперіи: Аларихъ Визиготскій первый изъ варваровъ взялъ Римъ.

Раньше чѣмъ успѣли проявиться всѣ опасности германизаціи пограничныхъ и многихъ иныхъ областей, германизаціи войска и допущенія цѣлыхъ племенъ въ составъ имперіи, значеніе германскаго элемента успѣло проявиться съ большой силой и вызвать протестъ римскаго и греческаго общества. Характерно уже то, что съ IУ в.по УI в. слово *barbarus* является техническимъ выраженіемъ для солдата. Характерно и то, что провозглашеніе Юліана и Валентиніана I сопровождается поднятіемъ ихъ на щитъ, т.е.чисто германскимъ обычаемъ, что войска начинаютъ располагаться въ битвахъ по германской традиціи въ формѣ *cuneus*'а, т.е.остроконечныхъ отрядовъ, и иногда начинаютъ битву германскимъ военнымъ крикомъ. Въ высшей степени характерно, наконецъ, высокое положеніе и политическое вліяніе многихъ германцевъ во второй половинѣ IУ и въ У в.: франкъ Меробаудъ первый достигаетъ консульскаго званія, франкъ Арбогастъ не только убиваетъ Валентиніана II, но и провозглашаетъ своего императора, ритора Евгенія |392-394|, признаннаго всѣмъ Западомъ, вандалъ Стилихонъ 13 лѣтъ |395-408| управляетъ западной частью имперіи и отражаетъ германскія нашествія, готы Аларихъ и Гайнасъ добиваются званія *magistri militum* и держатъ въ страхѣ всю имперію, свевъ Рикимеръ и готъ Аспаръ распоряжаются престоломъ, одинъ на западѣ, другой на востокѣ, тогда какъ другіе германцы, визиготы Атаульфъ, Валлія и Эврикъ, вандалъ Гензерихъ, бургундъ Гундобадъ, франкъ Хлодвихъ, наконецъ, Одоакръ и Теодорихъ Великій создаютъ себѣ самостоятельныя царства въ предѣлахъ имперіи. Почти всѣ они |исключеніе составляютъ Гензерихъ и Хлодвихъ| при этомъ не только въ началѣ своей карьеры, но и позднѣе, признаютъ верховную власть им-

ператора, что имъ не мѣшаетъ проявлять постоянно возрастающее своеволіе и самостоятельность. Всюду, гдѣ они появляются, они вносятъ анархію, которая, наконецъ, приводитъ къ дробленію имперіи: передъ глазами Өеодосія Великаго одинъ германскій магнатъ убиваетъ другого и остается безнаказаннымъ. Несмотря на всю свою политическую инертность, римское общество не могло не замѣтить грозившей ему отъ варваровъ опасности. Конецъ IУ и начало У в. отмѣчены рядомъ явленій, указывающихъ на реакцію греко-римскаго элемента противъ варваровъ. Избіеніе варварскаго элемента въ Өессаоникѣ, наказанное Өеодосіемъ избіеніемъ 7000 горожанъ, уличная борьба населенія Византіи съ готскими войсками Гайнаса ок. 400 г., убіеніе Стилихона и соединенное съ нимъ избіеніе чисто германскихъ отрядовъ римскими въ 408 г., все это указываетъ, что національная рознь, усиливаемая религіозной противоположностью |большинство германцевъ въ римской имперіи приняло аріанство|, приводила къ жестокимъ и опаснымъ столкновеніямъ. Въ то же самое время епископъ Киренскій и бывшій неоплатоникъ Синезій въ рѣчи "о царской власти", обращенной къ императору Аркадію |395-408| и сказанной въ 399 г., опредѣленно формулируетъ взглядъ греко-римской интеллигенціи на опасность положенія.

Всѣ эти совѣты и попытки реакціи противъ варваровъ оказались тщетными. Власть на дѣлѣ уже была безсильна противъ нихъ: вѣдь варварское войско служило ей главной опорой. Но когда среди этого войска появились національные вожди съ большимъ честолюбіемъ и широкими планами, власть оказалась безъ опоры, населеніе, истощенное ею, не поддержало ее и одна провинція за другой попадаетъ въ руки германскихъ, а

позднѣе и славянскихъ вождей и ихъ племенъ.

-.-.-.-.-.-

Въ результатѣ мы видимъ въ полотической и общественной жизни имперіи IУ и У вв. двѣ прямо противоположныя, взаимно исключающія другъ друга тенденціи развитія, съ одной стороны тенденцію къ безусловной централизаціи всѣхъ государственныхъ и общественныхъ силъ въ рукахъ императора, съ другой стороны - тенденцію къ дезорганизаціи государства въ интересахъ аристократіи, церкви и варваровъ. Но тогда какъ аристократія и церковь, выросшія на почвѣ греко-римской культуры, были связаны съ римскими традиціями, ограничивавшими ихъ свободу дѣйствія, тогда какъ онѣ въ то же время не обладали сколько нибудь значительной военной силой, варвары лишь самымъ внѣшнимъ образомъ или вовсе не восприняли римскихъ культурныхъ традицій и въ то же время составляли главную военную силу эпохи. Въ результатѣ именно отъ нихъ и исходятъ первые рѣшительные толчки къ разложенію римской имперіи и ихъ конунги сдѣлались ея ближайшими наслѣдниками. Время аристократіи и церкви наступило лишь значительно позднѣе.

ОТДѢЛЪ II.

Германцы до завоеванія западной части римской имперіи.

Германцы до образованія племенныхъ союзовъ. I. Источники. Данныя, на основаніи кот. мы можемъ составить себѣ представленіе о бытѣ германцевъ до III в. нашей эры, въ общемъ могутъ быть подраздѣлены на три главныя группы: данныя лингвистическія, данныя археологическія и памятники греко-римской письменности.

Лингвистическія данныя даютъ намъ возможность установить родственное отношеніе германцевъ къ окружающимъ ихъ народамъ, ихъ дѣленіе на нѣсколько большихъ племенныхъ группъ и принадлежность исторически извѣстныхъ германскихъ народностей къ той или иной изъ этихъ группъ. Далѣе лингвистика даетъ возможность сдѣлать нѣкоторыя заключенія о культурномъ уровнѣ и родинѣ индоевропейскаго племени до выдѣленія изъ него особой общегерманской группы, о культурномъ уровнѣ послѣдней до выдѣленія изъ нея большихъ племенъ, объ отношеніи германцевъ къ кельтамъ и славянамъ и т.д. Сама по себѣ она, однако, не можетъ дать опредѣленныя хронологическія рамки для раздѣленія племенъ, ни географическій матеріалъ.

Археологическія данныя даютъ возможность установить фазисы культурнаго развитія племенъ, населявшихъ Западную Европу: археологія даетъ представленіе о развитіи орудія и оружія, одежды, формъ экономическаго быта. Но сама по себѣ она не можетъ ни опредѣлить этнографическаго состава тѣхъ племенъ, остатки быта кот.она изучаетъ, ни дать опредѣленный хронологическій матеріалъ относительно времени, къ которому эти остатки относятся. Она можетъ установить фазисы развитія, но не фиксировать ихъ хронологически.

Памятники греко-римской письменности - или собственно-историческіе источники - сами по себѣ очень скудны, односторонни и сбивчивы: вдобавокъ они пріобрѣтаютъ нѣкоторое значеніе лишь для времени около начала нашей эры. Цѣлый рядъ вопросовъ остался совершенно неразрѣшимымъ, если бы располагали только ими |напр.этнографическое отношеніе германцевъ къ кельтамъ, италійскимъ народамъ и т.д., прародина

дина германцевъ, взаимныя отношенія германскихъ племенъ и т.д.|. Независимо отъ этого разсказы древнихъ писателей о германцахъ имѣютъ чисто описательный характеръ, отмѣчаютъ преимущественно внѣшнія стороны быта, чуждаго грекамъ и римлянамъ, и его видоизмѣненія не отличаются не отличаются ни внимательнымъ анализомъ, ни глубокой критикой. Помимо необходимости пополнять ихъ при помощи лингвистики и археологіи въ виду этого нужно сопоставлять и то, что мы узнаемъ непосредственно изъ нихъ о жизни и развитіи германцевъ, съ данными этнологіи, т.е. сравнительной этнографіи малокультурныхъ племенъ. Только при такихъ условіяхъ многія отрывочныя свѣдѣнія античныхъ писателей объ экономической, семейно-родовой, соціальной, умственной и политической жизни германцевъ становятся понятными и пріобрѣтаютъ большее или меньшее значеніе. Съ другой стороны хронологическія указанія писателей даютъ возможность отвѣтить на рядъ вопросовъ, которые лингвистика и археологія принуждены оставить безъ отвѣта. Понятно, что чѣмъ дальше мы будемъ стараться проникнуть въ прошлое, тѣмъ болѣе недостовѣрны и гадательны будутъ выгоды: здѣсь можно будетъ говорить только о вѣроятности, и ошибки не только въ десятки, но и въ сотни лѣтъ вполнѣ возможны.

Наши литературныя данныя о германцахъ указаннаго періода находятся главнымъ образомъ у Цезаря |*Commentarii de bello gallico*, особенно 6, 9-28, а также I,I; I, 31-54; 2,4; 4,19|, Страбона |ок.18 г.по Р.Хр.- см.7 книгъ его географіи|, Плинія Старшаго |ум.79 г. *naturalis historia* 4,94-104|, Тацита |особенно *Germania*, но также *Annales* и *Historiae*| и Птоломея |ок.150 г., особенно II гл.2 книги его географіи|. Наиболѣе цѣнныя данныя о внутренней жизни германцевъ содер-

жатъ Цезарь и Тацитъ; сочиненіе Плинія Старшаго о германскихъ войнахъ въ 20 книгахъ, также какъ сочиненіе Посидонія |ок.125-40 до Р.Хр.|, описавшаго походы кимвровъ и тевтоновъ, къ сожалѣнію, до насъ не дошли. Ихъ данныя отчасти использованы Цезаремъ, Страбономъ и Тацитомъ.

Свѣдѣнія Цезаря и Тацита о германцахъ касаются почти исключительно западныхъ германцевъ; очеркъ Тацита, вдобавокъ, отличается сильно риторическимъ характеромъ, что отражается какъ на формѣ |сжатость, доходящая до неудобопонятности, и эпиграмматичность|, такъ и на содержаніе |нравоучительныя параллели съ римскими нравами|.

Къ свидѣтельству античныхъ писателей о древнѣйшемъ германскомъ бытѣ слѣдуетъ, наконецъ, прибавить еще рядъ позднѣйшихъ данныхъ, касающихся германскаго быта эпохи т.наз.великаго переселенія народовъ, особенно варварскія правды. Почти у всѣхъ германскихъ племенъ, сыгравшихъ роль въ дальнѣйшей исторіи, мы встрѣчаемся съ кодификаціями ихъ обычнаго права, отчасти относящимися ко времени, непосредственно слѣдовавшему за образованіемъ ихъ государствъ на римской почвѣ. Сравнительное изученіе этихъ законодательныхъ памятниковъ |особенно архаическимъ характеромъ отличается Салическая Правда, составленная въ концѣ V в.| даетъ возможность установить общія, свойственныя всѣмъ германцамъ этого періода черты, установившіяся еще до великаго переселенія и могущія служить поясненіемъ къ даннымъ античныхъ писателей.

Весьма важное значенiе имѣетъ также, какъ мы еще увидимъ, изученiе межевыхъ картъ, изображающихъ распредѣленiе занятой земли между членами разныхъ народностей, дающихъ возможность судить о характерѣ ихъ разселенiя |селами или дворами| и о формахъ владѣнiя землею и ея обработки. Главнѣйшiй трудъ: Meitzen, Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven.

II. Общiй характеръ племени и занимаемой имъ территорiи.

Германцы принадлежатъ къ индоевропейской расѣ: это доказывается сравнительнымъ изученiемъ языковъ индоевропейскихъ народовъ |т.е.индiйскаго иранскаго, греческаго, италiйскаго, кельтскаго, германскаго, литовскаго и славянскихъ племенъ|. Для доказательства стоитъ только напомнить общность одного изъ многочисленныхъ корней, встрѣчающихся въ этихъ языкахъ: древнеинд. mātā, арм. mair, греч. mēter, лат. mater, др.-ирл. mathir, нѣм. Mutter, лит. mōtē, слав.- мать.

Народы, языки кот. впослѣдствiи выдѣлились изъ общаго праязыка, очевидно, первоначально занимали одну общую территорiю. Эта территорiя |т.наз.прародина индоевропейскихъ племенъ|, какъ въ настоящее время полагаютъ, состояла изъ обширныхъ среднеазiатскихъ и южнорусскихъ степей, расположенныхъ къ сѣверу, западу и югу отъ Каспiйскаго моря. Здѣсь пранародъ велъ пастушескую и кочевую жизнь съ первыми самыми примитивными начатками земледѣлiя, которое еще не играло никакой роли въ его хозяйствѣ. Судя по общности ихъ обозначенiя въ разныхъ языкахъ, ему были извѣстны: волъ, лошадь, овца, свинья, собака гусь и утка. Общность корней, обозначающихъ жилье |санскрит. damas, греч domos, лат. domus, слав.- домъ|, нисколько не доказываетъ, чтобы пранародъ уже перешелъ къ осѣдло-

сти: раньше чѣмъ сдѣлать домъ - постойку, эти корни могли означать домъ - повозку. Зато общіе корни, повидимому, доказываютъ, что пранародъ былъ знакомъ съ лодками и веслами, съ мѣдью и нѣкоторыми другими металлами, умѣлъ шить и плести, но не зналъ тканья. У него существовало нѣкоторое количество числительныхъ и представленіе о божествѣ.

Постепенное увеличеніе народонаселенія, входившаго въ составъ пранарода, и вызванное имъ разселеніе по болѣе обширному пространству увеличили разстояніе между отдѣльными частями пранарода и сдѣлали возможнымъ развитіе діалектическихъ различій въ общемъ языкѣ. По мѣрѣ географическаго разъединенія діалектовъ послѣдніе затѣмъ постепенно настолько расходятся въ своемъ развитіи, что образуютъ самостоятельные языки. Переселеніе индійской группы въ Индію, большей части Иранской - въ Иранъ, греческой и ѳракійско-иллирійской на балканскій полуостровъ и т.д. окончательно завершаетъ этотъ естественный процессъ, кот. начинается въ III тысячелѣтіи до Р.Хр.

Какъ самостоятельная часть индоевропейскаго племени германцы, повидимому, существуютъ уже ок. 2000 г. до Р.Хр. и населяютъ, по всему вѣроятію, часть южнорусскихъ степей. Въ первой половинѣ I тысячелѣтія до Р.Х. они постепенно передвигаются дальше на западъ, потому ли, что ихъ тѣснятъ съ востока другіе народы или по естественному тяготѣнію кочевыхъ народовъ къ новымъ пастбищамъ. Около 500 г. до Р.Хр. они, повидимому, занимаютъ пространство къ востоку отъ средней и нижней Эльбы до Одры и соприкасаются на западѣ съ кельтами, а на востокѣ, можетъ быть, со славянами. Кельты въ это время играютъ господствующую роль въ западной и средней Евро-

пѣ: они занимаютъ Германію къ западу и югу отъ Эльбы, Богемію и значительную часть Австро-Венгріи. Есть основаніе думать, что часть германскаго племени была ими покорена и подчинилась вліянію не только ихъ языка, но и ихъ болѣе высокой культуры.

Область, занятая германцами ок. 500 г., сравнительно очень невелика и естественно, что въ связи съ ростомъ населенія должна проявиться тенденція къ ея расширенію. Параллельно съ этимъ идетъ опять таки развитіе діалектическихъ особенностей. Изъ общаго германскаго племени выдѣляется нѣсколько самостоятельныхъ группъ. Въ настоящее время лингвисты считаютъ возможнымъ различать четыре группы: 1| восточно и сѣверно германскую |которыя могутъ считаться и двумя самостоятельными группами, 2| англо-фрисландскую, 3| франкскую и 4| верхне-германскую. Несмотря на многія общія черты и на переходныя формы, каждая изъ этихъ группъ достаточно опредѣленно отличается отъ другихъ. При объясненіи развитія ихъ особенностей слѣдуетъ имѣть въ виду, что при примитивныхъ средствахъ сообщенія того времени и при лѣсистомъ и болотистомъ характерѣ большей части тогдашней Европы относительно небольшія естественныя препятствія могли вести къ политической и діалектической обособленности.

Около 300 г. до Р.Хр. мы, повидимому, должны предположить большія передвиженія германскихъ племенъ: на западѣ они переходятъ черезъ Эльбу и двигаются на Везеръ, тогда какъ на сѣверѣ |въ южной части датскаго полуострова| прародители восточно и сѣверогерманскихъ народовъ расходятся: первые передвигаются на востокъ къ Вислѣ |и въ лицѣ бастарновъ и скировъ ок. 200 г. доходятъ до Чернаго моря, властвуя надъ

покоренными туземцами|, вторые черезъ Ютландію и датскіе острова идутъ на сѣверъ и постепенно проникаютъ все дальше въ Швецію и Норвегію.

Всѣ эти движенія въ общемъ совершаются медленно: такъ,западные германцы |англофризы, франки и верхнегерманскія народности| только ок.100 г. доходятъ до Рейна, вытѣсняя на своемъ пути Кельтовъ. Кельты, уже успѣвшіе перейти къ осѣдлому быту, именно въ силу этого оказываются неспособными бороться съ болѣе подвижнымъ непріятелемъ, способнымъ передвигаться сравнительно огромными массами. Царство кельтскихъ боевъ |въ Богеміи -*Boihamia*|, еще ок.115 г.отразившее нашествіе кимвровъ, ок.75 г.уничтожается германцами, и подъ начальствомъ Аріовиста |72-58| верхнегерманское племя свевовъ нападаетъ сначала на гельветовъ, населявшихъ тогда не только позднѣйшую Гельвецію |Швейцарію|, но и область между Рейномъ, Дунаемъ и Майномъ, а затѣмъ переходятъ черезъ Рейнъ и начинаютъ покореніе восточной Галліи, тогда какъ въ то же время рядъ другихъ племенъ |принадл.къ франк. гр.| стремится перейти нижній Рейнъ. Побѣда Цезаря надъ гельветами, пытавшимися покинуть угрожаемую германцами территорію и проникнуть во внутреннюю Галлію, и побѣда его же надъ Аріовистомъ, однака, останавливаетъ это вѣковое движеніе: съ этого времени Рейнъ охраняется римскими легіонами и только упадокъ имперіи позволяетъ германцамъ перейти черезъ него.

Страна, занятая такимъ образомъ германцами, уже до нихъ и даже до кельтовъ была заселена. Въ самомъ дѣлѣ, данныя геологіи и палеонтологіи заставляютъ признать, что еще за много тысячелѣтій до появленія кельтовъ средняя и западная Европа - еще въ т.наз.ледниковый періодъ - была населена людь-

ми, современниками мамонта и сѣвернаго оленя, встрѣчавшихся тогда въ этихъ краяхъ. Опредѣлить хронологически время появленія человѣка въ Европѣ, однако, очень трудно: спеціалисты колеблются въ своихъ выводахъ между 224000 лѣтъ |Lyell| и больше |230-240000 лѣтъ по Mortilleet | съ одной и 16-18000 лѣтъ до нашей эры |Ferry | съ другой стороны. Во всякомъ случаѣ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ колоссальными цифрами и въ виду этого довольно трудно сказать, можно ли думать, чтобы тѣ народы, которые, какъ намъ исторически извѣстно, были вытѣснены кельтами изъ ихъ прежнихъ земель, Лигуры, Либеры и Этруски, занимавшіе, повидимому, всю Испанію, значительную часть, если не всю, Франціи и сѣв.Италію, чтобы эти народы и были первыми европейцами. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что эти индоевропейскіе народы,раньше чѣмъ быть вытѣсненными напоромъ кельтовъ, сами вытѣснили и ассимилировали себѣ болѣе раннихъ поселенцевъ. Во всякомъ случаѣ едва ли можно предположить, чтобы все болѣе раннее населеніе было истреблено или изгнано кельтами, а позднѣе германцами и трудно сказать, въ какой мѣрѣ смѣшеніе съ этимъ болѣе раннимъ покореннымъ населеніемъ могло отразиться на антропологическомъ типѣ и культурномъ развитіи завоевателей. Что кельтскій, а отчасти и германскій типъ подвергся видоизмѣненіямъ, не подлежитъ сомнѣнію: такъ, преобладаніе черныхъ волосъ и темныхъ глазъ во Франціи и значительное распространеніе этого типа въ Германіи рѣзко противорѣчитъ единогласнымъ показаніямъ древнихъ писателей о тѣхъ и другихъ, согласно которымъ мы должны себѣ представить кельтовъ и германцевъ рыжими и свѣтлоглазыми. Но можно ли объяснить эти явленія вліяніемъ болѣе ранняго населенія, какъ нѣкото-

рые полагали, сказать очень трудно.

Трудно также сказать, на какомъ уровнѣ развитія находилось покоренное индоевропейцами болѣе древнее населеніе, такъ какъ доисторическая археологія не даетъ матеріала для опредѣленія этнографическаго характера народовъ, остатки труда которыхъ она изучаетъ. Въ общемъ, согласно матеріалу, изъ кот. изготовляются орудія и оружія, она различаетъ каменный, бронзовый и желѣзный вѣкъ. Каменный вѣкъ въ свою очередь распадается на два періода, на палеолетическій |древне-каменный|, кот. занималъ огромное количество лѣтъ |по Mortillet 220000| и въ теченіе котораго пользовались неполированными камнями, и на неолетическій |новокаменный|, въ теченіе кот. неполированные камни замѣняются полированными. Нѣкоторые ученые считали возможнымъ думать, что переходъ отъ перваго ко второму совпадаетъ съ появленіемъ индоевропейцевъ въ Европѣ, такъ что послѣдніе и ввели впервые употребленіе полированныхъ камней. Но это чистое предположеніе, не подтверждаемое рѣшительно никакими историческими или этнографическими данными.

Замѣна камня бронзой и желѣзомъ, по всему вѣроятію, происходитъ подъ вліяніемъ древнихъ восточныхъ культуръ |египетской, вавилонской, финикійско-малоазіатской| и несомнѣнно совершается крайне медленно: такъ еще въ битвѣ при Гастингсѣ въ 1066 г. англосаксы пользовались и каменнымъ оружіемъ |lignis imposita saxa |. Очевидно, параллельно съ новыми металлическими оружіями и орудіями долгое время, особенно въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ и вообще среди массы населенія, продолжали существовать и каменныя, такъ что можетъ быть было бы правильнѣе говорить о двухъ періодахъ, каменномъ и

желѣзномъ, причемъ полная побѣда желѣза относится къ относительно не очень далекому прошлому.

Во всякомъ случаѣ мы въ правѣ предположить, что при дороговизнѣ бронзы и при сравнительно позднемъ появленіи и медленномъ распространеніи желѣза кельты и германцы, уже будучи въ Европѣ, еще очень долго пользовались преимущественно камнемъ. Особенно рѣзкаго измѣненія въ этомъ смыслѣ индоевропейцы такимъ образомъ не внесли въ завоеванную ими Европу.

Поселяясь въ вышеуказанной территоріи, т.е. занимая страну между Рейномъ и нижней Эльбой съ двумя добавленіями въ видѣ южной Скандинавіи и западной части южнорусскихъ степей |здѣсь среди туземнаго населенія, надъ кот. они господствовали, поселились бастарны, родичи готовъ и вандаловъ|, германцы около начала нашей эры уже перестаютъ составлять одно единое по культурному уровню, историческимъ традиціямъ и языку цѣлое. Страна, кот. они занимаютъ, слишкомъ велика, лѣсиста и болотиста, чтобы всѣ они могли сохранить тѣсную связь между собой. "Хотя страна не всюда одинакова", говоритъ Тацитъ |Germ. 5|, "она все таки полна страшныхъ лѣсовъ и отвратительна по количеству болотъ", и дѣлаетъ изъ этого очень характерный выводъ: "самихъ германцевъ я считаю автохтонами безъ примѣси другихъ народовъ... Кто въ самомъ дѣлѣ могъ бы пожелать переселиться изъ Азіи или Африки или Италіи въ Германію съ ея неплодородными землями, холоднымъ небомъ, печальною растительностью и общимъ видомъ, если это только не его родина?" Въ виду этого ускоренное обособленіе указанныхъ выше племенныхъ группъ, разъединенныхъ еще въ свою бытность къ востоку отъ Эльбы и еще тамъ выработавшихъ извѣстныя діалектическія особенности, представляется вполнѣ естественнымъ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что если мы въ настоящее время говоримъ о восточно-германской |или готской|, сѣверно-германской |или скандинавской|, англофризской, франкской и верхне-германской группѣ, то всѣ эти названія придуманы лишь въ настоящее время и указываютъ прежде всего на особенную близость языковъ тѣхъ народностей, кот. входятъ въ составъ каждой изъ этихъ группъ. Исторически мы не знаемъ того времени, когда каждая изъ этихъ группъ составляла болѣе тѣсно сплоченное политическое и географическое цѣлое, но лингвистическія данныя, по необходимости, приводятъ къ такому заключенію. На нѣкогда существовавшее болѣе тѣсное единство цѣлаго ряда народностей указываетъ, впрочемъ, и сохранившееся у римскихъ писателей |Плинія и Тацита| дѣленіе западныхъ германцевъ на ингвеоновъ, истфеоновъ и герминоновъ, довольно точно соотвѣтствующее лингвистическому дѣленію ихъ на англофризовъ, франковъ и верхнихъ германцевъ. "Они славятъ въ старыхъ пѣсняхъ... Туистона, бога, рожденнаго землей, и сына его Манна, источниковъ и родоначальниковъ ихъ племени", говоритъ Тацитъ |Germ. 2|. "Манну они приписываютъ трехъ сыновей, отъ которыхъ ведутъ свое имя расположенные около моря Ингвеоны, населяющіе среднюю часть страны Герминоны и |живущіе къ западу| Исвеоны." Ясно, что мы въ этомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ такими же искуственно созданными эпонимами западно-германскихъ племенъ |о сѣверныхъ и восточныхъ римляне знаютъ слишкомъ мало|, какіе намъ извѣстны для Іонійцевъ |Іонъ|, Дорійцевъ |Доръ|, Эолійцевъ |Эолъ| и для всего Эллинскаго народъ |Эллинъ|. Во всякомъ случаѣ созданіе этихъ эпонимовъ и дѣленіе германцевъ на рядъ группъ, происходящихъ отъ соотвѣтствующихъ эпони-

мовъ, указываетъ на то, что народности, входившія въ составъ каждой группы, сознавали свою обособленность. Еще болѣе сильнымъ доказательствомъ въ пользу того же служитъ тотъ фактъ, что особенности этихъ группъ оказали значительное вліяніе на образованіе позднѣйшихъ нѣмецкихъ племенъ и ихъ взаимныя отношенія, о чемъ намъ еще придется говорить. Объ устойчивости этого сознанія обособленности можно судить потому, что что оно, напр. среди фризовъ, рѣзко проявлялось еще въ XYII в. |эндогамія| и не исчезло вполнѣ до настоящаго времени. |ср. Bremer, ук. соч. стр. 807 или 73|.

III. Бытъ германцевъ по Цезарю и Тациту. Приступая къ характеристикѣ германскаго быта по античнымъ писателямъ, мы должны имѣть въ виду два факта 1| культурное различіе отдѣльныхъ германскихъ племенъ и народностей, находящееся въ зависимости отъ большей или меньшей близости къ римской имперіи и отъ большей или меньшей степени ихъ осѣдлости, очевидно, болѣе значительной на западѣ, менѣе значительной на востокѣ, и 2| тотъ фактъ, что наши данныя о германскомъ бытѣ почти исключительно касаются болѣе близкихъ къ Риму, болѣе осѣдлыхъ и относительно болѣе культурныхъ западныхъ германцевъ. Не имѣя возможности судить о бытѣ восточныхъ и сѣверныхъ германцевъ, такъ какъ о нихъ мы почти ничего не знаемъ, мы въ виду этого ограничимся характеристикой западно-германскаго быта. Установивъ отличительныя черты послѣдняго, мы затѣмъ будемъ въ правѣ предположить, что культурный уровень восточныхъ германцевъ въ данный періодъ былъ еще ниже.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что слишкомъ низкимъ нельзя себѣ представлять бытъ всѣхъ германцевъ вообще. Ихъ нель-

зя напр.сопоставлять съ краснокожимъ населеніемъ сѣверной Америки, какъ это дѣлаетъ Гизо: тогда какъ краснокожіе еще находятся на уровнѣ охотничьяго періода и не пользуются въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ ручными домашними животными, германцы уже начинаютъ постепенно переходить къ земледѣлію. Къ такому же результату мы приходимъ при сравненіи формъ семьи и брака, встрѣчающихся у германцевъ II в. и у краснокожихъ XУIII и XIX вв. У германцевъ имѣются, наконецъ, зачатки государственной и соціальной дифференціаціи.

Наиболѣе общее опредѣленіе германскаго быта I и II вв.нашей эры сводится къ тому, что германцы находятся въ переходномъ періодѣ отъ пастушески-кочевого быта къ земледѣльческому, отъ родового быта къ государственному. Свѣдѣнія Цезаря около 50 г.до Р.Хр.и свѣдѣнія Тацита ок.100 г.по Р.Хр. въ виду этого отнюдь не противорѣчатъ другъ другу, а рисуютъ лишь два разныхъ фазиса въ этомъ процессѣ, который въ общемъ продолжается очень долго. Съ одной стороны сравненіе данныхъ Цезаря и Тацита показываетъ, какъ въ теченіе 150 л. постепенно увеличивается осѣдлость западныхъ германцевъ и какъ въ связи съ этимъ право собственности переходитъ отъ народности къ роду и какъ съ другой стороны не только отдѣльныя народности, но и ихъ составныя части |волости, роды| становятся опредѣленными территоріальными единицами, въ кот.кровныя родовыя связи по необходимости должны уступить мѣсто территоріальнымъ. Понятно, что этотъ процессъ совершается очень медленно: еще нѣтъ личной собственности на землю, и родъ сохраняетъ огромное значеніе въ экономическомъ отношеніи, въ дѣлѣ охраны личности и имущества своихъ сочленовъ, наконецъ, въ военномъ отношеніи. Постепенный ростъ

государства съ одной, личности съ другой стороны, насчетъ рода, иначе говоря, постепенное разложеніе родовой знати и ея значенія продолжается до IX в. и дальше.

Въ какомъ же видѣ представляется намъ политическій, соціальный и экономическій строй германцевъ въ указанную эпоху?

Народность и ея составныя части. Германское племя распадается на рядъ сравнительно мелкихъ народностей, отчасти связанныхъ общими воспоминаніями и общими чертами языка, но политически совершенно самостоятельныхъ и равноправныхъ. Каждое изъ нихъ отдѣлено отъ другихъ естественно или искусственно созданными препятствіями |болота, лѣса; намѣренно опустошенныя и запущенныя мѣстности| и большею частью смотритъ на сосѣда, какъ на врага. Территоріи отдѣльныхъ племенъ слишкомъ велики для ихъ сравнительно незначительнаго и скученнаго въ болѣе плодородныхъ и удобныхъ мѣстахъ населенія. Значительная часть ея поэтому не обрабатывается, а находится въ общемъ пользованіи въ видѣ пастбищъ |напр. для огромныхъ стадъ свиней| или для охоты. О степени густоты населенія, а следовательно и о количествѣ населенія, входившаго въ составъ германскаго племени, мы, къ сожалѣнію, судить не можемъ. Предположеніе Зибеля, что на одной квадратной милѣ жило отъ 1000 до 1200 чел. |Entstehung des deutschen Königstuhms 75-76|, покажется совершенно неправдоподобнымъ, если принять въ разсчетъ огромную массу болотъ и лѣсовъ германской области и вспомнить, что въ европейской Россіи въ настоящее время всего приходится по 1000 чел. на кв. милю. По всему вѣроятію, средняя густота населенія въ Германіи временъ Тацита была значительно ниже, чѣмъ въ современной Россіи и общее количество всѣхъ германцевъ въ указанную эпоху едва ли превышало 4 мил. чел., а может быть было

и меньше |считая около 300-400 чел.на кв.милю|.

Каждая болѣе значительная народность |*civitas*| распадается на колѣна |*pagi*| и далѣе на сотни |*centenae*| и роды |*gentes*|; есть, однако, народности, состоящія только изъ одного *pagus*. Съ другой стороны колѣна |*pagi*| одной и той же народности не связаны на столько тѣсно, чтобы онѣ не могли отдѣлиться и образовать самостоятельную *civitas* |такъ напр. батавы отдѣлились отъ хаттовъ, *Tac. Hist.* 4,2| или вести свою, независимую отъ всей *civitas* внѣшнюю политику |такъ *pagus* херусковъ, во главѣ котораго стоялъ Ингвіомеръ, сохранилъ нейтральность въ борьбѣ остальныхъ херусковъ, во главѣ которыхъ стоялъ Арминій, съ римлянами|. Очевидно, связь между отдѣльными колѣнами была очень слаба и уже поэтому политическое вліяніе общенародныхъ властей не могло быть значительно.

О происхожденіи и характерѣ колѣна можно только догадываться. Цезарь разсказываетъ |*bell. gall.* 4,I|, что у свевовъ было 100 *pagi*, каждый изъ которыхъ выставлялъ ежегодно для войны 1000 воиновъ, тогда какъ остальное населеніе оставалось дома и занималось хозяйствомъ. Черезъ годъ эта тысяча замѣнялась другой и въ свою очередь оставалась дома, чтобы на слѣдующій годъ снова приняться за войну. Сопоставляя это свидѣтельство съ дѣленіемъ восточно-германскихъ народовъ на тысячи, можно заключить, что колѣна первоначально представляли изъ себя отдѣльныя тысячи, на кот.данная народность распадалась. Существованіе цифровыхъ подраздѣленій самаго точнаго характера не представляется несовмѣстимымъ съ большой древностью; но такія дѣленія свидѣтельствуютъ не столько о ихъ древности, сколько объ отсутствіи болѣе естественныхъ основаній для группировки народа. Кочевой народъ мо-

жетъ располагать другимъ основаніемъ для собственной организаціи, чѣмъ какое представляетъ число. Между тѣмъ дѣленіе необходимо для организаціи войска. А посему поселеніе въ захваченной области или колонизація вновь найденной регулируется такимъ путемъ |Stubbs I,61|. Съ переселеніемъ въ опредѣленной территоріи тысяча превращается затѣмъ въ территоріальную единицу, pagus, Gau, волость, способную разростись, отдѣлиться отъ народности и создать новую. Въ эпоху Тацита pagus во всякомъ случаѣ уже представляетъ изъ себя территоріальную единицу, а не подраздѣленіе народности безъ опредѣленной территоріи. Поскольку [illegible] не склоненъ порвать съ народностью, къ которой принадлежитъ, онъ подчиняется рѣшеніямъ народнаго собранія всей civitas, но имѣетъ своего князя и свое собраніе.

Населеніе колѣна-волости распадается на сотни. Въ отличіе отъ волости сотня не имѣетъ территоріальнаго характера, т.е. не представляетъ подраздѣленія волости съ опредѣленными границами. Это часть населенія, но не территоріи. Созданіе ея несомнѣнно связано съ военными потребностями. Отрядъ, выставляемый отдѣльнымъ pagus, для большаго удобства раздѣляется на сотни, которыя подчиняются сотскому. Понятно, что эти сотни и въ мирное время, далеко не частое въ тѣ времена, продолжаютъ существовать, причемъ на ихъ долю выпадаютъ судебныя функціи. Верховнымъ представителемъ судебной власти въ волости является волостной князь, но онъ судитъ не тайно и единолично, а публично и при участіи сотни, которая его сопровождаетъ по его приказу и затѣмъ смѣняется другой. При этомъ сотня, по выраженію Тациту, оказываетъ князю concilium |совѣтъ| и поддерживаетъ его своей auctoritas |автори-

теть, убѣжденіе|. Ср. Germ. I2. Позднѣе въ У и сл.вв. у нѣкоторыхъ германскихъ народовъ |а именно у франковъ, аламановъ, англосаксовъ и сѣверныхъ германцевъ| сотня, также какъ раньше волость, получаетъ территоріальное значеніе, т.е.составляетъ заключенное въ опредѣленныя границы подраздѣленіе волости. Подъ франкскимъ вліяніемъ дѣленіе волости на сотни распространяется затѣмъ и на другія племена. Весьма возможно и вѣроятно, что это измѣненіе въ характерѣ сотни стоитъ въ связи съ ростомъ населенія и необходимостью раздѣлить слишкомъ большіе восточные округа. Въ эпоху Тацита во всякомъ случаѣ сотня еще не имѣетъ территоріальнаго характера, а слѣдовательно не имѣетъ и собранія, являющагося представителемъ опредѣленныхъ мѣстныхъ интересовъ и въ мирное время, можетъ быть, не имѣетъ и начальника. Во всякомъ случаѣ роль этого начальника была, вѣроятно, чисто военная и онъ пріобрѣлъ нѣкоторыя административныя и судебныя права лишь послѣ территоріальнаго подраздѣленія волости на сотни.

Сотни въ свою очередь состоятъ изъ взрослыхъ и способныхъ носить оружіе членовъ тѣхъ родовъ, которые входятъ въ составъ колѣна. Низшей единицей народной жизни является именно родъ, а не село или деревня. Фактически, впрочемъ, каждая деревня принадлежитъ обыкновенно опредѣленному роду |или если она болѣе значительна, нѣсколькимъ родамъ|. Но не какъ односельчане, а какъ члены рода, послѣдніе играютъ роль въ народной жизни.

Родъ и его значеніе въ судебно-политической, военной и экономической жизни германцевъ. Родъ |Sippe| состоитъ изъ

лицъ, связанныхъ другъ съ другомъ общностью происхожденія или иначе крови. Въ виду того, что въ болѣе древнія времена не было возможности опредѣлить съ достовѣрностью отца даннаго лица, тогда какъ мать всегда можно было указать, въ древнѣйшія времена родство, по всему вѣроятію, вообще всегда устанавливалось по женской линіи. Еще въ эпоху Тацита встрѣчаются ясные слѣды такого положенія: связь между даннымъ лицомъ и братомъ его матери |дядей со стороны матери| считается не менѣе тѣсной, чѣмъ его связь съ собственнымъ отцомъ. Въ виду этого заложники берутся преимущественно изъ родныхъ даннаго лица со стороны его матери. Тѣмъ не менѣе уже въ эпоху Тацита это только одно изъ переживаній прежняго порядка. Семья въ это время имѣетъ уже несомнѣнно патріархальный порядокъ, т.е. основана на отцовской власти. Отецъ имѣетъ власть не только надъ дѣтьми, но и надъ женой; самый бракъ совершается либо въ формѣ умыканія, либо въ формѣ купли жены, причемъ жена естественно играетъ пассивную роль |купля жены у племени дитмарсовъ на берегахъ сѣвернаго или нѣмецкаго моря продолжалась до XVII в.|. Власть отца и мужа |*mundium*| простирается до убійства и продажи жены и дѣтей, но пользованіе ею контролируется родомъ, въ частности родомъ жены. Дочери выходятъ изъ подъ отцовской власти, когда выходятъ замужъ, чтобы поступить подъ власть мужа. Сыновья освобождаются отъ отцовской власти, когда выходятъ изъ отцовскаго дома, т.е. либо создаютъ самостоятельное хозяйство, либо поступаютъ въ дружину, либо усыновляются другимъ лицомъ. По смерти отца всѣ сыновья имѣютъ равное право на наслѣдство, въ случаѣ ихъ отсутствія - братья отца, затѣмъ его дяди со стороны его отца, а

затѣмъ дяди со стороны его матери |Tac. Germ. 20: heredes successoresque sui cuique liberi et nullum testamentum si liberi non sunt, proximus gradus in possessione fratres, patrui avunculi|. И тутъ такимъ образомъ родство по женской линіи имѣетъ хотя бы и ограниченное значеніе.

При такихъ условіяхъ понятно, что родъ даннаго лица составляется изъ двухъ группъ, изъ родныхъ со стороны отца |т. наз. Vatermagen| и родныхъ со стороны матери |т. наз. Muttermagen|. Смотря по близости родства родъ даннаго лица распадается на группы, соотвѣтствующія поколѣніямъ.

Значеніе рода во всей жизни какъ отдѣльнаго лица, такъ и всей народности, очень велико. Такъ, войско составляется изъ родовъ и семействъ |Germ. 7|, а не изъ односельчанъ, независимо отъ того, принадлежатъ ли они къ одному роду или нѣтъ, ни тѣмъ менѣе, какъ современныя войска, вообще изъ жителей всего государства, безотносительно къ мѣсту ихъ рожденія и къ ихъ происхожденію. Ясно, что соблюденіе родовой связи въ войскѣ практически только тогда было возможно, если самое разселеніе народности произошло съ соблюденіемъ этой связи, т.е. если члены одного и того же рода съ самаго начала населяли и обрабатывали одну и ту же мѣстность, все равно образовали ли первоначальные поселенцы деревни |эта форма безусловно преобладаетъ| или они поселились отдѣльными дворами |подъ кельтскимъ вліяніемъ въ области между нижнимъ Рейномъ и Эмсомъ|.

Еще болѣе характерно судебно политическое значеніе рода.

Въ отличіе отъ современныхъ государствъ |и отъ римской имперіи| ни народность, ни радица не въ состояніи обезпечить личность и имущество своихъ членовъ. Единственной охраной послѣднихъ въ виду этого является родъ. Если одинъ изъ членовъ рода убитъ, изувѣченъ или оскорбленъ членомъ другого рода, то весь родъ потерпѣвшаго старается и долженъ отомстить обидчику. Первоначально кровна месть, вѣроятно, основывалась на правилѣ: око за око, зубъ за зубъ, и безусловно господствовала во всѣхъ случаяхъ оскорбленія члена одного рода членомъ другого, причемъ кровная связь о б я з ы в а л а оба рода принимать участіе въ мести или борьбѣ |faida, Fehde |. При такихъ условіяхъ каждое нарушеніе мира отдѣльными лицами приводило къ войнѣ двухъ родовъ. Съ теченіемъ времени неудобства и опасности кровной мести приводятъ къ мирнымъ соглашеніямъ между отдѣльными родами и постепенно обычай вырабатываетъ опредѣленный, тарифъ вознагражденій сначала за менѣе важныя, затѣмъ за болѣе важныя нарушенія мира. Но и въ эпоху Тацита, и въ эпоху варварскихъ правдъ |У и сл.вв.| рѣшеніе вопроса, слѣдуетъ ли прибѣгнуть къ мести или заключить соглашеніе, по цѣлому ряду пунктовъ всецѣло зависитъ отъ рода, къ которому принадлежитъ потерпѣвшій: если родъ потерпѣвшаго не пожелаетъ мирнаго рѣшенія вопроса |а во многихъ случаяхъ- напр.при убійствѣ - такое рѣшеніе считалось позорнымъ|, родъ обидчика долженъ либо вступить въ борьбу, либо отречься отъ обидчика. Во всякомъ случаѣ убійство или другое дѣяніе, совершенное на основаніи кровной мести,считается актомъ позволительнымъ и народность вовсе не вмѣшивается въ борьбу двухъ враждебныхъ родовъ. Обычай вырабатываетъ вполнѣ точныя правила, на комъ

лежитъ преимущественная обязанность мести |обыкновенно на ближайшемъ родственникѣ потерпѣвшаго|, какова должна быть форма мести |такъ въ Голштиніи въ XIУ в.за убійство отца или брата даннаго лица послѣдній убиваетъ не убійцу, а отца или брата его; такъ въ Норвегіи родъ за убійство своего сочлена убиваетъ лучшаго представителя враждебнаго рода| и каковы, наконецъ, предѣлы мести.

Если родъ потерпѣвшаго соглашаетс, на примиреніе, то оно можетъ совершиться либоччастнымъ образомъ |такова, вѣроятно, болѣе древняя форма|, либо предъ властями народности. Въ первомъ случаѣ результатъ соглашенія, т.е.высота вознагражденія, зависитъ отъ силы, упорства и т.д.сторонъ, во второмъ случаѣ высота вознагражденія |*Busse* ,*compositio* | определяется обычнымъ въ данной народности тарифомъ. Вознагражденіе, частную форму котораго составляетъ вознагражденіе за убитаго |*Vergeld* ,*Mannbusse*, вира|, опредѣляется большимъ или меньшимъ количествомъ головъ|рогатаго|скота. Вознагражденіе уплачиваетъ весь родъ обидчика, причемъ отдѣльные члены его участвуютъ въ уплатѣ соотвѣтственно степени своей кровной близости съ обидчикомъ; въ свою очередь и уплачивается вознагражденіе не лично потерпѣвшему или его ближайшимъ наслѣдникамъ, а всему роду, и опять таки распредѣляется въ немъ соотвѣтственно близости родства съ потерпѣвшимъ. Это и вполнѣ естественно, такъ какъ въ случаѣ кровной мести весь родъ участвовалъ бы въ ней.

Если,наконецъ, родъ потерпѣвшаго соглашается на замѣну кровной мести вознагражденіемъ, а обидчикъ отказываетъ въ немъ, несмотря на то, что судъ народности или ея представителей призналъ его вину и приговорилъ его къ обычному штра

фу, то народность съ своей стороны вступается за родъ потерпѣвшаго и объявляетъ обидчика опальнымъ или точнѣе лишаетъ его защиты закона и поддержки его рода, который обязанъ отъ него отречься. Такой человѣкъ считается стоящимъ "внѣ мира" |friedlos, exlex, utlagh|, который предписывается народностью и обезпечивается кровной местью. Исключенный изъ рода |и изъ семьи.- его жена считается вдовой, его дѣти - сиротами|, онъ не пользуется больше его защитой; каждый членъ народности не только можетъ, но и долженъ его убить и никто, ни даже жена и дѣти, не имѣютъ права оказать ему поддержку. Обыкновенно ему предоставляется возможность бѣжать, но онъ безусловно не долженъ habitare inter homines, т.е.жить среди людей своей народности. Единственнымъ убѣжищемъ его является лѣсъ: вотъ почему онъ называется напр. въ эдиктѣ франкскаго конунга Хильперика |с.10| homo qui per silvas vadit. Исключенный изъ общества людей онъ долженъ вести жизнь бездомнаго грабителя, "волка", какъ его чаще всего называютъ |warc, warg, warag, wargr|. Объявленіе человѣка стоящимъ "внѣ мира" или "внѣ закона" всегда совершается торжественно и исходитъ сначала отъ народнаго собранія, позднѣе отъ конунга. Само по себѣ это страшно тяжелое наказаніе, очевидно, представлялось единственнымъ, которымъ народность могла хоть нѣсколько обезпечить миръ въ странѣ и прочность всей системы вознагражденій, крайне желательныхъ въ общихъ интересахъ.

Во всякомъ случаѣ ясно, что разъ замѣна мести взысканіемъ вознагражденій сдѣлалась обычной для менѣе важныхъ преступленій, то должна была проявиться тенденція къ дальнѣйшему

ограниченію сферы дѣйствія мести. Но этотъ процессъ совершается очень медленно - парeллельно съ ростомъ государственности - и еще въ У и сл.вв.месть допускается въ случаѣ убійства, обезчещенія или похищенія женщинъ и даже при нанесеніи простыхъ ранъ. Въ эпоху Тацита кругъ дѣйствія мести долженъ былъ быть значительно шире. Въ извѣстномъ смыслѣ право мести еще въ настоящее время признается, напр. въ формѣ дуэли. Очевидно, замѣна инстинктивнаго чувства мести болѣе спеціальными чувствами представляется чрезвычайно сложнымъ и труднымъ процессомъ.

Таково въ общихъ чертахъ судебно-политическое значеніе рода у германцевъ эпохи Тацита. Уже изъ этого ясно, что при значительной самостоятельности, которой пользуются роди, съ одной стороны, при тѣсной сплоченности рода съ другой стороны, связь, соединяющая всѣ члены народности, по сравненію напр.съ римской имперіей, очень слаба. Истинной основой повседневной жизни является родъ и его интересы, а не государство и его интересы.

Но значеніе рода этимъ не ограничивается. Помимо военнаго и судебно-политическаго значенія родъ играетъ весьма значительную роль и въ экономической жизни.

Основой экономической жизни германцевъ какъ въ эпоху Цезаря и Тацита, такъ и много столѣтій спустя, является скотоводство. Но наряду съ нимъ земледѣліе, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, начинаетъ играть существенную роль.

При Цезарѣ роль земледѣлія еще ничтожна |minime homines Germani agriculturae student: bell. gall. 6,29; ср. Tacit. Germ. 15|. Земля имѣетъ преимущественно значеніе, поскольку годится для пастбищъ. "Никто не имѣетъ ни опредѣленнаго количест-

ва земли, ни собственнаго участка; магистраты |т.е. выборныя власти| и князья роздают родам и родственным союзам, которые |до этого| собрались вмѣстѣ, столько земли и там, сколько и гдѣ они сочтут нужным, а через год заставляют их перейти на другое мѣсто", говорит Цезарь |см. de bell. gall. 6,22: neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios; sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui tum una coierunt, quantum ac quo loco visum est, agri attribuunt atque anno post alio transire cogunt|, и в другом мѣстѣ, спеціально относительно свевов, снова утверждает, что "частной и заключенной в опредѣленныя границы земли у них совсѣм нѣт и оставаться дольше года в одном мѣстѣ с цѣлью поселиться в нем не разрѣшается" |de bell. gall. 4,1: privati ac separati agri apud eos nihil est neque longius anno remanere in loco incolendi causa licet |. Из этого ясного и простого описанія видно, что собственность на занимаемую данною народностью землю принадлежит самой народности, которая в лицѣ выборных властей и князей распредѣляет земли между родами; послѣдніе, очевидно, сообща пользуются данным им участком, т.е. выгоняют на него свой скот или обрабатывают его. Отдѣльные участки при этом не остаются из года в год в руках данных родов; послѣдніе, наоборот, ежегодно занимают новые.

Цезарь прибавляет, будто бы со слов самих германцев, что этот порядок заведен с тѣм, чтобы народ сохранял свою воинственность, и видимо он не допускает мыс-

ли, чтобы онъ могъ возникнуть естественно, безъ давленія власти: власти "заставляютъ" |cogunt| родъ покинуть насиженное мѣсто, ему "не позволено" |non licet| оставаться на немъ дольше года. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе: изъ описанія Цезаря мы видимъ, что германское земледѣліе этого времени еще ведется крайне экстенсивно, а именно находится въ періодѣ переложной системы. Не видя въ земледѣліи центра своего хозяйства и не будучи поэтому вынуждены перейти къ болѣе интенсивной обработкѣ земли для полученія возможно большаго урожая, не имѣя, наконецъ, никакого представленія о болѣе высокихъ формахъ земледѣлія, германцы довольствуются тѣмъ, что даетъ почти совсѣмъ не обработанное, а лишь засѣянное на лѣто поле. Понятно, что при такихъ условіяхъ |полное отсутствіе унавоживанія| земля быстро истощается, но это не представляетъ никакого неудобства, такъ какъ земли очень много и можно ее постоянно мѣнять. Еще въ настоящее время эта крайне примитивная форма хозяйства встрѣчается въ сѣверной и восточной Россіи, притомъ не только въ степныхъ, но и лѣсистыхъ пространствахъ |напр. въ Олонецкой губ.|. Если въ степныхъ и вообще безлѣсныхъ мѣстностяхъ извѣстный участокъ земли непосредственно засѣвается на лѣто |озимаго нѣтъ| и засѣиваніе, смотря по качеству почвы, продолжается большее или меньшее количество лѣтъ до полнаго истощенія почвы, послѣ чего участокъ запускается на 15-20 лѣтъ, то въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ посѣву естественно предшествуетъ сожженіе лѣса |преимущественно мелкаго|, при такихъ условіяхъ невозможно собрать больше двухъ-трехъ жатвъ, послѣ чего участокъ снова запускается лѣтъ на 20-30, пока не выростетъ снова лѣсъ, зола котораго настолько улучшаетъ поч-

ву, что урожаи доходятъ до самъ 25 и даже до самъ 40.

Понятно, что при такомъ хозяйствѣ постоянной пахоты не имѣется и народность уже поэтому первоначально мѣняетъ съ мѣстомъ посѣва и свои жилища. Земли гораздо больше, чѣмъ нужно, домашній скарбъ очень незначителенъ, подвижность народности велика и передвиженія не представляютъ ничего затруднительнаго и сложнаго.

Съ теченіемъ времени народность, однако, принуждена осѣсть на опредѣленной территоріи: ростъ населенія какъ въ ней, такъ и въ сосѣднихъ народностяхъ ограничиваетъ предѣлы пустующихъ земель и дѣлаетъ передвиженіе всей народности на совершенно новую территорію все болѣе затруднительной. Народность, окруженная, хотя и на большихъ разстояніяхъ, другими, все еще имѣетъ въ своемъ распоряженіи массу земель, но эти земли уже имѣютъ опредѣленныя и въ общемъ устойчивыя границы. Передвиженіе теперь совершается въ предѣлахъ данной опредѣленной территоріи. Власти, согласно обычаю, величинѣ родовъ и характеру земли, выбираютъ часть послѣдней для посѣва |большая часть служитъ выгономъ| и распредѣляетъ ее между родами. Послѣдніе не становятся собственниками даннаго участка, но пользуются имъ, притомъ сообща, т.е. вмѣстѣ обрабатываютъ участокъ и затѣмъ, вѣроятно, дѣлятъ урожай между своими членами.

Съ теченіемъ времени, опять таки по мѣрѣ роста населенія, передвиженія въ предѣлахъ территоріи всей народности становятся невозможными и отпадаютъ. *Радиs* |тысяча| пріобрѣтаетъ характеръ территоріальной единицы, передвиженія и передѣлы совершаются въ его предѣлахъ. Право собственности на землю переходитъ къ волости |*радиs*|, родъ по прежнему сообща обрабатываетъ ее и пользуется ею.

Наконецъ, ростъ населенія и сокращеніе и безъ того незначительнаго количества болѣе удобной земли заставляетъ осѣсть и родъ. Обычное владѣніе однимъ и тѣмъ же участкомъ въ теченіе многихъ лѣтъ превращается въ право собственности рода на этотъ участокъ. Обработка, первоначально общеродовая, въ то же время замѣняется семейной, но характеръ хозяйства и въ этихъ болѣе узкихъ предѣлахъ остается все тотъ же. Родъ ежегодно опредѣляетъ, какія мѣста должны служить для посѣва, какія для выгона и распредѣляетъ первыя между входящими въ его составъ семьями, тогда какъ вторыми весь родъ продолжаетъ пользоваться сообща. Для достиженія возможно болѣе справедливаго распредѣленія пахатной земли она при этомъ соотвѣтственно качеству распредѣляется на участки, въ каждомъ изъ которыхъ каждый хозяинъ получаетъ равную другимъ часть.

Отъ эпохи Цезаря, когда право собственности на всю землю принадлежало народности, но земля обрабатывалась родами сообща, до эпохи Тацита прошло 150 лѣтъ, въ теченіе которыхъ столкновеніе съ Римомъ заставило западныхъ германцевъ окончательно осѣсть на занятой ими территоріи и вотъ что Тацитъ сообщаетъ о германскомъ земледѣліи: „agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur; facilitatem partiendi camporum spatia praebent: arva per annos mutant et superest ager." Germ. 26.

Земли поочереди занимаются - для запашки - всѣми согласно количеству земледѣльцевъ-хозяевъ, послѣ чего онѣ раздѣляются согласно оцѣнкѣ - лицъ или земли?-; раздѣлъ производится

легко, благодаря величинѣ территоріи. Въ извѣстные - неопредѣленные - сроки они мѣняютъ мѣста, подлежащія запашкѣ, и еще остается свободная земля|. Это мѣсто "Германіи", благодаря неясности и краткости изложенія, вызвало массу самыхъ противорѣчивыхъ толкованій, особенно потому, что ученые слишкомъ неохотно пользовались этнографическими и историческими аналогіями. |Отмѣтимъ *Hannsen, Agrarhistorische Abhandlungen*, особ. т. I стр. I сл., I23-I52; *Meitzen, Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven*, особ. т. I, стр. 33-I73; *Fustel de Coulanges, Recherches sur quelques problèmes d'histoire*, стр. I87-3I5; *les germains connaissaient-ils la propriété des terres?* Ср. *Waitz, deutsche Verfassungsgeschichte*, т. I, стр. 97 сл.; *Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte* I, стр. 56-64.|

По нынѣ господствующему взгляду слова Тацита должны быть понимаемы слѣдующимъ образомъ. Вся совокупность членовъ одной общины |каковой слѣдуетъ считать родъ| вмѣстѣ выбираютъ опредѣленную часть принадлежащей общинѣ территоріи для запашки и посѣва. Эта территорія, однако, не обрабатывается ими сообща, а распредѣляется для обработки между отдѣльными самостоятельными хозяевами, принадлежащими къ общинѣ. По истощеніи обработаннаго участка |*per annos* не значитъ ежегодно, а "черезъ извѣстное количество лѣтъ"| всѣ вмѣстѣ опять таки выбираютъ новое мѣсто для запашки, а прежнее запускается . Передвиженіе не вызываетъ затрудненій, такъ какъ земли болѣе, чѣмъ достаточно.

Принимая во вниманіе все то, что намъ извѣстно о тѣсномъ единеніи, господствующемъ среди родовъ, а далѣе и то, что

позднѣе термины genealogia, fara, maegd означающіе родъ, употребляются для значенія той или иной мѣстности, и сосѣди | vicini | имѣютъ наслѣдственныя права на землю односельчанъ, мы естественно приходимъ къ заключенію, что тѣ universi, о которыхъ говоритъ Тацитъ, представляютъ совокупность членовъ одного или нѣсколькихъ родовъ, поселившихся вмѣстѣ и образовавшихъ деревню. Въ такомъ видѣ описанный Тацитомъ порядокъ хозяйства вполнѣ совпадаетъ съ послѣднимъ звеномъ въ указанной нами выше цѣпи развитія германскаго хозяйства и права собственности на землю. Единственное, что остается неяснымъ, это смыслъ словъ secundum dignationem partiuntur: касается ли оцѣнка земли, которая въ такомъ случаѣ раздѣляется на участки равнаго достоинства съ тѣмъ, чтобы каждый изъ членовъ рода получалъ по равной части въ равныхъ участкахъ, или же она касается сравнительнаго достоинства отдѣльныхъ лицъ, причемъ смотря по своему соціальному положенію одни получаютъ больше, другіе меньше земли, на этотъ вопросъ отвѣтить очень трудно. Весьма возможно, что обѣ системы дѣйствуютъ параллельно: послѣ оцѣнки и раздѣленія земли на участки одни получаютъ большую, другіе меньшую часть въ подраздѣляемомъ участкѣ.

Во всякомъ случаѣ едва ли подлежитъ сомнѣнію, что частная собственность на землю въ эпоху Тацита еще не успѣла установиться. Вся земля - за исключеніемъ усадебной, какъ мы сейчасъ увидимъ,- принадлежитъ роду |или гдѣ поселилось нѣсколько родовъ - ихъ совокупности|. Часть ея служитъ общимъ выгономъ и при огромномъ значеніи скотоводства въ германскомъ хозяйствѣ этого времени ясно, что это - большая часть всей земли. Другая часть, выбираемая всѣмъ родомъ для этой

цѣли, подвергается крайне поверхностной обработкѣ, причемъ послѣдняя производится не всѣмъ родомъ сообща, а отдѣльными хозяевами съ ихъ семьей и рабами. Вся та часть земли, которая не обрабатывается и не употребляется въ качествѣ пастбища, такъ же какъ выгонная, находится въ общемъ пользованіи. Само собой разумѣется, что это наименѣе удобная часть земли - старые первобытные лѣса и болота. Всѣ члены рода могутъ рубить въ ней лѣсъ, охотиться, ловить рыбу и т.д.

Единственной землей, служащей предметомъ личной собственности, какъ видно изъ Тацита, является та, на которой стоитъ домъ отдѣльнаго хозяина и которая непосредственно его окружаетъ. Потребуется много столѣтій для того, чтобы право личной собственности установилось на пахатную землю, а затѣмъ на выгоны и чтобы, наконецъ, даже право пользованія остальной землей |Allmende, Marre, общинная земля въ тѣсномъ смыслѣ| было ограничено и поставлено въ зависимость отъ размѣровъ участка, принадлежащаго данному лицу. Увеличеніе количества народонаселенія и постепенное сокращеніе свободной земли естественно должны привести къ этому результату, но въ эпоху Тацита это развитіе едва началось.

Въ результатѣ мы видимъ, что трудно преувеличивать значеніе родовой организаціи въ повседневной жизни германской народности указаннаго періода. Родъ является собственникомъ земли, которую обрабатываютъ его члены, и устанавливаетъ порядокъ пользованія ею; онъ контролируетъ отца семейства при пользованіи отцовской властью; онъ защищаетъ своихъ членовъ отъ посягательствъ на ихъ личность и имущество и мститъ за нихъ; онъ составляетъ, наконецъ, одно цѣлое въ войскѣ народности и въ народномъ собраніи. Онъ обезпечиваетъ интересы

личности, но въ то же время онъ чрезвычайно ограничиваетъ ея свободу. Въ то же время разнообразіе его функцій и сила его организаціи въ значительной мѣрѣ парализуетъ ростъ государственности. Но онъ обреченъ на медленный упадокъ по мѣрѣ роста населенія и внутреннихъ сношеній кровныя связи должны замѣниться территоріальными. Община сельчанъ, какъ бы тѣсны не были ея матеріальныя связи, не будетъ отличаться такимъ единствомъ какъ родъ и въ то же время государство пріобрѣтаетъ большую силу.

Но въ эпоху Тацита можно еще сказать, что государство-народность на каждомъ шагу принуждено считаться съ родами. Особенно ясно это въ тѣхъ народностяхъ, которыя не распадаются на колѣна-волости; здѣсь только и есть двѣ инстанціи: общее собраніе народности и собраніе членовъ рода. Въ остальныхъ мы имѣемъ дѣло съ тремя инстанціями: собраніе народности, собраніе волости и собраніе рода; но и здѣсь родъ имѣетъ явно огромное значеніе. Всѣ три собранія составляются изъ взрослыхъ членовъ отдѣльныхъ родовъ, которые формально вполнѣ равноправны; притомъ родъ сохраняетъ свою связь и единство какъ въ войскѣ, такъ и въ народномъ собраніи, которое представляетъ въ то же время и войско.

Таковы составныя части народности, какъ видно, пользующіяся весьма значительной самостоятельностью. Каковы же функціи самой народности, въ чьихъ рукахъ верховная власть и чьи ея органы?

Соціальный строй народности. Прежде всего нужно замѣтить, что не все населеніе, живущее въ территоріи, занимаемой данной народностью, равноправно. Уже въ эпоху Тацита въ немъ можно различать четыре группы: аристократію, свободныхъ,

полусвободныхъ и рабовъ.

Простые свободные |Friling, Kerl| безспорно составляютъ массу населенія. Всѣ они входятъ въ составъ тѣхъ или иныхъ родовъ и равноправны въ народномъ собраніи. Молодые люди признаются равноправными съ того момента, когда народное собраніе ихъ признаетъ таковыми, т.е.принимаетъ ихъ въ составъ войска |Germ. 13|, съ чѣмъ связано и право голоса въ народномъ собраніи. Политическая полноправность ихъ не влечетъ за собой освобожденія отъ отцовской власти, которое, какъ мы видѣли, связано съ созданіемъ своего хозяйства, съ поступленіемъ въ дружину, наконецъ, съ усыновленіемъ другимъ лицомъ. Можно такимъ образомъ быть политически полноправнымъ, не имѣя своего хозяйства.

Аристократія |nobiles, adalinge| повидимому не имѣетъ политическихъ преимуществъ передъ свободнымъ: въ народномъ собраніи простой фрилингъ имѣетъ тѣ же права, что и адалингъ. Аристократическое происхожденіе даетъ лишь большее нравственное вліяніе, основывающееся на обычаѣ и на богатствѣ адалинговъ; римляне поэтому предпочитаютъ брать заложниковъ изъ аристократіи |Germ. 8|. Изъ аристократіи, наконецъ, выбираются конунги |reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt. Germ. 7|, а также, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ и князья |principes| и жрецы.

О происхожденіи этой аристократіи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Весьма вѣроятно, что происхожденіе значительной части ея относится къ очень древнимъ временамъ народной жизни. Въ эпоху родового быта въ каждомъ соединеніи - добровольномъ или вынужденномъ - нѣсколькихъ родовъ одинъ родъ играетъ первенствующую роль. Его глава - родоначальникъ - является вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ всей группы,

его члены естественно играютъ большую роль, чѣмъ члены всѣхъ остальныхъ родовъ. При образованіи народности - добровольно или вынужденно, - постепенно или въ силу войны сразу - соединяется нѣсколько такихъ родственныхъ группъ и въ народности такимъ образомъ окажется нѣсколько руководящихъ родовъ, изъ коихъ одинъ опять будетъ возвышаться надъ остальными, представляя такъ сказать царственный родъ. Согласно съ этимъ, мы видимъ, что уже Тацитъ дѣлаетъ различіе между аристократіей вообще и царственнымъ домомъ въ частности: у херусковъ, разсказываетъ онъ |Ann II, 16| вслѣдствіе смутъ, связанныхъ съ смертью Арминія, погибла вся аристократія |amissis nobilibus| и, желая избрать царя, они обратились къ послѣднему представителю царственнаго дома |stirpe regia| Италику, жившему въ Римѣ, и избрали его конунгомъ. Происхожденіе аристократіи и въ частности царственнаго рода связывалось съ божествами и эпонимами народности, отъ которыхъ они непосредственно происходили. Этимъ объясняется, что именно царская власть является монополіей аристократіи: ея сакральный характеръ, жреческія функціи, всегда соединенныя у примитивныхъ народовъ съ царской властью, дѣлаютъ желательнымъ, чтобы конунгъ уже по происхожденію стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ богамъ.

Матеріальной опорой аристократіи является богатство, позволяющее ея представителямъ въ отличіе отъ массы населенія имѣть по нѣскольку женъ |ob nobilitatem Tac. Germ. 18|. и первоначально заключающееся въ большемъ количествѣ скота. При поселеніи въ опредѣленной территоріи первенствующіе роды по всему вѣроятію получаютъ и большій участокъ земли |это необходимо уже въ виду большаго количества скота, находящагося въ ихъ распоряженіи|. Вдобавокъ они, какъ по сво-

ему богатству, такъ и по своему политическому вліянію, больше другихъ имѣютъ возможность пользоваться пустующими землями, принадлежащими народности или колѣну, расчищать ихъ при помощи рабовъ, поселять рабовъ на расчищенные участки и т.д.

Таковъ одинъ и, на нашъ взглядъ, важнѣйшій источникъ происхожденія аристократіи. Наряду съ этой наиболѣе древней аристократіей могли образоваться и другіе аристократическіе роды: личное вліяніе отдѣльнаго лица, избраннаго наприм. герцогомъ, унаслѣдованное его потомками вмѣстѣ съ его качествами въ теченіе двухъ - трехъ поколѣній, могло создать его роду исключительное положеніе. При благопріятныхъ условіяхъ этотъ новый родъ могъ вытѣснить или совсѣмъ замѣнить старые роды и т.д.

Позднѣе, въ эпоху переселеній у всѣхъ германскихъ племенъ упоминается о знати, которая затѣмъ погибла отчасти отъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ, отчасти подъ давленіемъ конунговъ. Но примѣръ баварцевъ, у которыхъ наряду съ герцогскимъ родомъ Агилольфинговъ, существовало еще пять особенно знатныхъ родовъ | lex baiuv. 3, I: de genealogia, qui vocantur Huosi, Drozza, Fagana, Hahiligga, Anniona: isti sund quasi primi post Agilolfingos, qui sunt de genere ducali; innis enim duplum honorem concedamus; et sic duplam compositionem accipiant Agilolvinga vero usque ad ducem in quadruplum componantur: quia summi principes sunt inter vos|

доказываетъ, что при соединеніи германскихъ народностей въ племенные союзы продолжается все тотъ же процессъ подчиненія прежде равныхъ родовъ, господствующихъ надъ болѣе тѣсной группой, одному изъ нихъ, ставшему во главѣ всѣхъ

групп вмѣстѣ. Каждый изъ пяти родовъ, занимающихъ второе мѣсто послѣ царственнаго рода Агилольфинговъ, нѣкогда по всему вѣроятію самъ былъ первымъ и царственнымъ въ одной изъ народностей, которыя соединились въ баварскомъ племени.

Но какъ бы значительно не было нравственное и матеріальное вліяніе аристократіи, юридически ея члены не имѣли никакихъ преимуществъ передъ массой свободныхъ. Аристократія, такимъ образомъ, не составляетъ самостоятельнаго сословія, а представляетъ лишь высшій разрядъ свободныхъ людей.

Иное дѣло полусвободные и рабы. Они строго отдѣлены отъ свободныхъ и другъ отъ друга. Относительно рабовъ это само собой понятно. Рабъ |Knecht, Skalks, thew | юридически не лицо, а вещь, принадлежащая его господину на тѣхъ же основаніяхъ, что и другія вещи. Въ случаѣ его убійства за него уплачивается не вира, а его стоимость; не его дѣти, а его господинъ получаетъ соотвѣтственную сумму. Господинъ безнаказанно можетъ убить раба или подвергнуть его любому наказанію. Онъ не можетъ пріобрѣтать въ собственность: все, что находится въ его рукахъ или что онъ зарабатываетъ, принадлежитъ его господину. Онъ не можетъ заключать ни договоровъ, ни брака, а слѣдовательно не имѣетъ семьи и не принадлежитъ ни къ какому роду. Уже въ силу этого онъ не можетъ быть объявленъ "внѣ мира", такъ какъ не пользуется его защитой или вѣрнѣе пользуется ею лишь наравнѣ съ другими вещами своего господина, а не какъ личность. Въ виду этого за совершенное имъ преступленіе отвѣчаетъ не онъ, а его господинъ, |а онъ самъ лишь постольку, поскольку послѣдній считетъ

нужнымъ наказать его собственной властью|.

Источниками рабства являются: I| война, такъ какъ военноплѣнные и насильственно-покоренные по нормальному порядку подвергаются рабству |которое въ этомъ смыслѣ представляетъ прогрессъ противъ простого избіенія плѣнныхъ|, 2| происхожденіе отъ рабовъ, 3| продажа въ рабство жены и дѣтей свободнаго лица послѣднимъ въ случаѣ нужды и самопродажа свободнаго |закабаленіе|, какъ результатъ нужды или проигрыша при игрѣ въ кости, наконецъ 4| продожа неоплатныхъ должниковъ для оплаты долга и особенно вознагражденія за совершенное имъ преступленіе.

Юридически совершенно безправное, положеніе рабовъ на практикѣ, по словамъ Тацита, было болѣе сносно, чѣмъ въ римской имперіи. И это вполнѣ правдоподобно: при примитивномъ характерѣ германской жизни бытовая разница между господиномъ и рабомъ была ничтожна, а при частыхъ войнахъ, страстности германцевъ при игрѣ въ кости и т.д.переходъ отъ свободнаго состоянія къ рабскому труду грозилъ постоянно почти всѣмъ. Несмотря на это, однако, основная особенность рабства, полная необезпеченность отъ произвола господина, не могла не оказывать своего деморализующаго вліянія какъ на рабовъ, такъ и на господъ. Число рабовъ, впрочемъ, повидимому было незначительно: большимъ числомъ ихъ облададли только представители аристократіи. Они, вѣроятно, и раздавали часть своихъ земель рабамъ для обработки: хозяинъ обязываетъ раба обрабатывать данный участокъ и взымаетъ съ него за это извѣстное количество хлѣба или скота или тканей | vestis |;за это рабъ пользуется плодами своего труда | Germ. 25|. Масса свободныхъ, поскольку они владѣли рабами, не могли этого дѣлать уже потому, что въ ихъ пользу при поселеніи не были вы-

дѣлены особыя земли и рабы обрабатывали участокъ своего господина вмѣстѣ съ послѣднимъ и подъ его надзоромъ.

Рабъ можетъ заслужить отпущеніе на волю, но "либерты не стоятъ много выше рабовъ" |liberti non multum super servos sunt, raro aliquid momentum in domo numquam in civitate, exceptis dumtaxat iis gentibus quae regnantur. ibi enim et super ingenuos et super nobiles ascendunt; apud ceteros impares libertini libertatis argumentum sunt. Germ. 25.

Тацитъ явно намекаетъ на вліяніе либертовъ при дворѣ императоровъ|. Позднѣйшіе источникик отмѣчаютъ разныя формы отпущенія на волю. Либертъ либо остается въ зависимости у своего господина, прикрѣпленъ къ землѣ и обязанъ либо платить опредѣленную сумму либо работать на господина, причемъ, однако, размѣръ его обязанностей въ отличіе отъ рабскихъ опредѣленъ и ограниченъ, или либертъ совершенно освобождается отъ своей зависимости, не прикрѣпленъ къ землѣ и не несетъ повинностей, но, не имѣя рода, который бы его защищалъ, принужденъ искать защитника изъ свободныхъ |обыкновенно бывшаго господина|, который въ силу этого пріобрѣтаетъ надъ нимъ mundium, |опеку, власть отца надъ женой и дѣтьми|, или, наконецъ, либертъ отпускается на волю передъ народнымъ собраніемъ или конунгомъ и съ ихъ согласія принимается въ какой нибудь родъ, въ силу чего онъ становится полноправнымъ членомъ народности.

Большинство либертовъ, несомнѣнно, принадлежали къ первой группѣ.

Среднее положеніе между свободными и рабами занимаютъ литы или альдіи |leti, lazzi, lassi, aldii|. Наши свѣ

дѣнія о нихъ очень ограничены и почерпаются изъ болѣе позднихъ источниковъ, изъ варварскихъ правдъ. Повидимому, литы составляли особое сословіе, прикрѣпленное къ землѣ и носившее опредѣленныя повинности. Уже опредѣленность повинностей отличала ихъ отъ рабовъ. Еще существеннѣе тотъ фактъ, что литы не считаются вещью господина, въ силу чего за нихъ уплачивается вира, а не оцѣночная стоимость, и что они могутъ заключать браки, а слѣдовательно образовать семьи и роды, которые, такъ же какъ роды свободныхъ, пользуются правомъ мести. Степень ихъ матеріальной зависимости отъ господина въ эпоху варварскихъ правдъ у разныхъ племенъ разная, можно допустить, что лангобардское право, во многихъ отношеніяхъ сохранившее очень древніе порядки и особенно ограничивающее гражданскую правоспособность альдіевъ |безъ согласія господина они не могутъ отчуждать имущество; господинъ отвѣчаетъ за нихъ предъ судомъ| характеризуетъ ихъ первоначальное положеніе. Во всякомъ случаѣ прикрѣпленіе къ землѣ рѣзко отличиаетъ ихъ отъ свободныхъ.

О происхожденіи сословія литовъ можно только догадываться. Предполагаютъ, что первоначально оно возникло изъ добровольнаго подчиненія побѣжденнаго народа народу-побѣдителю. Позднѣе, какъ свободный, такъ и рабъ, первый добровольно, второй по желанію господина, могутъ войти въ составъ литовъ, число которыхъ, повидимому, не было значительно. |у восточныхъ германцевъ ихъ совсѣмъ нѣтъ|. Литы не участвуютъ въ народномъ собраніи.

Таковы сословія и группы, на которыя распадается населеніе германской *civitas* . Право участія въ политической жизни послѣдней имѣютъ только свободные и входящая въ ихъ со-

ставъ аристократія.

Политическій строй. I| Народное собраніе.

Верховная власть народности всюду принадлежитъ народному собранію |consilium civitatis, thing, mallus, gemōt|. Въ составъ его входятъ всѣ свободные и взрослые члены народности, которые обязаны явиться въ собраніе въ полномъ вооруженіи; оно представляетъ не только политическое, но и военное собраніе народности, собирается при нормальныхъ условіяхъ два раза въ мѣсяцъ, при новолуніи и полнолуніи, и происходитъ на священномъ мѣстѣ, такъ какъ во время него приносятся и жертвы богамъ народности. При примитивности германскаго быта и большомъ значеніи рода вопросы, подлежащіе обсужденію въ народномъ собраніи, не представляются сложными: наиболѣе важные изъ нихъ - вопросъ о войнѣ и мирѣ, избраніе конунговъ, князей, герцоговъ и жрецовъ, судебныя дѣла, перенесенныя по желанію сторонъ |licet apud consilium accusare. Germ. 11) или по характеру преступленія |особенно измѣна, переходъ къ врагамъ, трусость| на разсмотрѣніе народности, наконецъ, вопросъ о принятіи молодыхъ людей въ войско и о принятіи отпускаемаго на полную волю раба въ составъ свободныхъ.

Форма обсужденія и рѣшенія дѣлъ также крайне примитивна. Собраніе начинается съ религіозной церемоніи, которую производятъ жрецы |на востокѣ, вѣроятно, конунги, являющіеся въ то же время и верховными жрецами народности| и жрецы же |или конунги| заботятся о сохраненіи порядка |silentium per sacerdotes, quibus tum et coercendi ius est, imperatur Tac. Germ. 11|. Затѣмъ выслушивается конунгъ или князь или тѣ, что выдѣляются возрастомъ, знатностью, военной славой или краснорѣчіемъ. "Ихъ слова имѣютъ авторитетъ совѣта, не силу приказанія" | Germ. 11

mox rex vel princeps, prout aetas cuique, prout nobilitas, prout decus bellorum, prout facundia est, audiuntur auctoritate suadendi magis quam iubendi potestate.

Масса народа, очевидно, не участвуетъ въ обсужденіи, а выражаетъ лишь свое согласіе или несогласіе сотрясеніемъ копій или ропотомъ. Голосованія не было: вѣдь и спартанцы рѣшали дѣла "крикомъ, не голосованіемъ".

2| Reges. Principes. Duces. Sacerdotes. Значеніе народнаго собранія въ извѣстной мѣрѣ зависитъ отъ того, стоитъ ли во главѣ народности конунгъ или нѣтъ. Въ эпоху Тацита конунги встрѣчаются только на востокѣ; на западѣ, гдѣ они въ болѣе отдаленныя времена несомнѣнно существовали тоже |ср.напр. stirps regia у херусковъ Tac. Ann. II,16: Marobundum regis nomen invisum apud populares Ann. въ эпоху Августа, 2,44, Germ. 42; Vebilius, Hermundorum rex тогда же; Ann. 12,29|, они позднѣе |въ концѣ У, въ началѣ УI в.| снова появляются. Но въ эпоху Тацита они здѣсь вовсе или почти вовсе не встрѣчаются. По всему вѣроятію эта разница стоитъ въ связи съ большей величиной восточно-германскихъ народностей: жизнь среди низменностей сѣверо-восточной Германіи и въ западныхъ степяхъ южной Россіи, въ отдаленности отъ римской имперіи, естественно гораздо меньше содѣйствовала окончательному переходу къ осѣдлости, который мы наблюдаемъ среди болѣе гористыхъ мѣстностей западной Германіи и по сосѣдству съ Римской имперіей. Въ связи съ этимъ отдѣльныя части восточно-германскихъ народностей менѣе рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга географическими препятствіями, а слѣдовательно и связь между ними была сильнѣе. Тогда какъ на западѣ мы встрѣчаемъ народности, составлявшіяся изъ одного колѣна болѣе крупной народности и не подраздѣляющіяся на колѣна, мы на востокѣ не видимъ ниче-

го аналогичнаго. Точно также мы видимъ на западѣ, благодаря большей осѣдлости и большему дробленію,народности, не имѣющія общаго конунга, а лишь волостныхъ князей, тогда какъ на востокѣ сохранились общенародные князья, т.е. конунги. Лишь по мѣрѣ того, какъ ростъ населенія и стоящая въ связи съ нимъ расчистка пустпующихъ земель приведетъ къ нѣкоторому географическому сближенію западно-германскихъ народностей и у нихъ окажется общій интересъ въ борьбѣ съ Римомъ, цѣлью которой прежде всего служитъ пріобрѣтеніе новыхъ земель, лишь тогда мы снова замѣтимъ тенденцію къ возрожденію новыхъ крпуныхъ народностей |племенъ| и установленіе общенароной царской власти: у салическихъ и рипуарскихъ франковъ, аламановъ и тюринговъ племенные конунги появляются въ концѣ У, въ началѣ УI вѣка, у фризовъ - въ УII, у англосаксовъ - въ УIII вѣкѣ. Западные германцы отъ первоначальной царской власти перешли къ волостнымъ властямъ, чтобы вернуться къ первой. Восточные германцы, оставаясь все въ тѣхъ же низменныхъ мѣстахъ или пріобрѣтая новыя, также преимущественно низменныя земли, наоборотъ, сохранили все ту же царскую власть, которая первоначально существовала и у западныхъ германцевъ. Поскольку эта разница объясняется переходомъ западныхъ германцевъ къ полной осѣдлости - въ этомъ смыслѣ характерно, что всѣ крупныя переселенія IУ и У вв.совершены восточными германцами - уже въ ней проявляется культурная отсталость восточныхъ народностей сравнительно съ западными.

Какъ бы, однако, не объяснять это различіе между западомъ и востокомъ - на мой взглядъ единственное возможное объясненіе заключается въ вышеуказанныхъ соображеніяхъ - фактъ

тотъ, что во главѣ огромнаго большинства западно-германскихъ народностей нѣтъ единаго конунга. Народность при нормальныхъ условіяхъ не имѣетъ единаго представителя. Но каждое изъ колѣнъ, входящихъ въ ея составъ, имѣетъ своего князя. Тацитъ строго отличаетъ конунга и князя |rex и princeps|. Сами германцы, повидимому, не дѣлали этого различія: очень характерно въ этомъ смыслѣ, что у сѣверно-германскихъ народностей сопоставляются thjodkonungr |народный конунгъ|, fylkiskonungr |волостной конунгъ| и heradskonungr |сотенный конунгъ|, иначе говоря, что конунги различаются только по чисто внѣшнему признаку, по характеру и величинѣ подчиненныхъ имъ группъ. Но всѣ они конунги, всѣ происходятъ отъ божествъ, всѣ въ сущности имѣютъ однородную власть. Князь въ своей волости такой же конунгъ, какимъ послѣдній является въ народности. Понятно, что между конунгомъ народности и конунгомъ колѣна или волости борьба неизбѣжна: волостные конунги должны стремиться къ уничтоженію власти конунга народности, а послѣдній въ свою очередь постарается устранить ихъ или подчинить ихъ всецѣло своей власти, сдѣлать ихъ должностными лицами. Послѣднее, т.е. побѣду верховнаго конунга, мы можемъ прослѣдить напримѣръ у сѣверно-германскихъ народовъ, а также у англосаксовъ, первое, т.е. побѣда волостныхъ конунговъ, имѣла мѣсто среди западныхъ германцевъ еще до эпохи Тацита.

Конунгъ народности и конунги |князья| волостей несомнѣнно первоначально избираются изъ аристократіи. Относительно первыхъ это не подлежитъ сомнѣнію: конунгъ народности |rex| избирается народомъ, но избирается изъ опредѣленнаго царственнаго рода |Germ. 7|. Относительно волостныхъ князей это по крайней мѣрѣ чрезвычайно вѣроятно. И тѣ, и другіе избираются собраніемъ всей народности: относительно конунговъ это

само собой понятно, относительно волостныхъ князей это определенно указано Тацитомъ |eliguntur in iisdem conciliis et principes qui iura per pagos vicosque reddunt. Germ.12|. Весьма вѣроятно, что при избраніи волостныхъ князей обыкновенно избирались лица изъ знати данной волости: но разъ рѣшеніе принадлежало всей народности, какой нибудь особенно вліятельный родъ, какъ мы видимъ въ нѣсколькихъ случаяхъ |напр.у херусковъ|, могъ захватить княжескую власть въ нѣсколькихъ волостяхъ и такимъ образомъ вытѣснить мѣстную знать.

Функціи конунга и князя одинаковыя. Оба стоятъ во главѣ войска, состоятъ верховными жрецами и судьями, только одинъ въ предѣлахъ всей народности, другой - въ предѣлахъ волости. Оба содержатъ дружину и получаютъ отъ населенія почетные дары, по идеи добровольные, по обычаю обязательные. Власть обоихъ, наконецъ, ограничена волей народа |ср.о конунгахъ напр. Germ.43|. Въ народностяхъ, имѣющихъ общаго конунга, руководящая роль въ народномъ собраніи по всему вѣроятію принадлежитъ именно конунгу |при большемъ или меньшемъ участіи князей|. Въ остальныхъ народностяхъ мѣсто конунга занимаетъ совѣтъ волостныхъ князей. Они рѣшаютъ болѣе мелкія дѣла, поступающія на разсмотрѣніе центральной власти,и предварительно обсуждаютъ болѣе крупныя, которыя затѣмъ докладываются народному собранію |Germ.II|.

Но совѣтъ князей не во всѣхъ отношеніяхъ способенъ замѣнить единаго конунга. Особенно это замѣтно въ военныхъ и религіозныхъ вопросахъ. За отсутствіемъ конунга народность не имѣетъ верховнаго вождя и верховнаго жреца, функціи которыхъ совѣтъ князей не имѣетъ возможности взять на себя. Вотъ почему народное собраніе, кромѣ волостныхъ князей, избираетъ не только верховнаго жреца |sacerdos civitatis, Germ.10|.

но въ случаѣ оборонительной или наступательной войны и верховнаго вождя - герцога |dux, herizoho, heritogo |. Тогда какъ власть перваго вѣроятнѣе всего пожизненна |положеніе его до извѣстной степени соотвѣтствуетъ положенію римскаго rex sacrorum, который и послѣ низверженія царской власти избирался для исполненія тѣхъ религіозныхъ церемоній, которыя только царь могъ исполнять|, власть герцога, наоборотъ, всегда срочна: онъ избирается исключительно для веденія данной войны, но въ теченіе ея первоначально имѣетъ совершенно неограниченныя полномочія, дающія ему право въ случаѣ надобности казнить ослушника собственной властью |Caes. de bell. gall. 6,23: cum bellum civitas aut illatum defendit aut infert, magistratus qui ei bello praesint ut vitae necisque habeant potestatem eliguntur|.

Позднѣе, въ эпоху Тацита, власть герцога, однако не простирается такъ далеко: "ни наказывать смертью, ни повергать въ оковы, ни даже подвергать ударамъ никому кромѣ жрецовъ не позволено, чтобы все это не считалось наказаніемъ, проистекающимъ изъ герцогскаго приказа, а совершалось какъ бы по волѣ бога, который, по ихъ мнѣнію, помогаютъ воюющимъ". |Germ. 7|. Чѣмъ объясняется такое ограниченіе герцогской власти не извѣстно. Быть можетъ, оно проистекаетъ изъ естественнаго желанія волостныхъ князей ослабить герцогскую власть, быть можетъ, и изъ конкурренціи верховнаго жреца съ герцогомъ: не подлежитъ сомнѣнію, что большинство тяжкихъ наказаній первоначально имѣло сакральный характеръ. Преступникъ противъ священныхъ интересовъ народности считается преступникомъ противъ божества, охраняющаго свой народъ, и казнь его имѣетъ характеръ жертвоприношенія разгнѣванному имъ божест-

ву. Между тѣмъ послѣ устраненія власти конунговъ ближайшимъ наслѣдникомъ его религіозныхъ правъ и обязанностей является не герцогъ, а верховный жрецъ, который въ силу этого стремится захватить и въ военное время свойственныя его званію функціи и заставляетъ герцога отказаться отъ нихъ. У восточныхъ германцевъ за отсутствіемъ особаго верховнаго жреца |онъ встрѣчается только у бургундовъ| карательная власть, вѣроятно, всецѣло принадлежитъ конунгу, въ рукахъ котораго соединяется и власть герцога и власть жреца.

Несмотря на позднѣйшее ограниченіе его правъ |относительно котораго, впрочемъ, неизвѣстно, долго ли оно продержалось - по варварскимъ правдамъ не только конунги, но и герцоги, положеніе которыхъ, впрочемъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію тѣхъ герцоговъ, о которыхъ мы говоримъ, имѣютъ право казни; ср. lex Baiw. 2,8; ed. Longob. |Rothari |,2и т.д.|. Власть герцога все таки уже потому чрезвычайно сильна, что ему подчинена вся народность и что военная дисциплина во всякомъ случаѣ, какъ бы слабо она не была развита у германцевъ, должна была обезпечить ему гораздо большее повиновеніе, чѣмъ властямъ, дѣйствовавшимъ въ мирное время. Весьма естественно поэтому, что волостные князья должны были относиться мало сочувственно къ ней, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Тацита, происхожденіе не играло роли при избраніи герцоговъ |duces ex virtute sumunt |. Герцогомъ избиралось вообще лицо, отличающееся военнойсилой и доблестью и, хотя на практикѣ, вѣроятно, герцогъ обыкновенно принадлежалъ къ знати, но изъ словъ Тацита несомнѣнно слѣдуетъ, что исключенія встрѣчались не совсѣмъ рѣдко. Единственной серьезной гарантіей интересовъ волостныхъ князей при такихъ условіяхъ является срочность герцогскихъ полномочій. Но къ тому времени

|III-V вв|, когда германцы будутъ постоянно находиться на военномъ положеніи въ очень многихъ случаяхъ фактически и эта гарантія отпадетъ: постоянство войнъ фактически сдѣлаетъ постоянной и герцогскую власть, которая въ рукахъ талантливаго и честолюбиваго лица легко можетъ получить тенденцію къ наслѣдственности: на этой почвѣ, вѣроятно, создалась герцогская власть Агалильфинговъ у баварцевъ, а также возродилась королевская власть умногихъ западно-германскихъ народностей и племенъ.

Войско. Въ войскѣ обязаны участвовать всѣ свободные и взрослые члены народности: это народное войско или войско-народъ въ полномъ смыслѣ слова. Всеобщая воинская повинность въ то же время разсматривается и какъ драгоцѣнное право: несвободные не могутъ войти въ составъ войска. Наряду съ охотой война представляетъ излюбленное занятіе германцевъ, какъ и многихъ другихъ малокультурныхъ народовъ. Особенно рѣзко отразилось на духовной, какъ религіозной, такъ и поэтической жизни сѣверныхъ германцевъ: смерть въ битвѣ здѣсь прямо открываетъ путь въ Валгаллу, въ рай сѣверныхъ германцевъ, гдѣ убитые герои пируютъ съ самимъ Одиномъ; смерть отъ болѣзни, отъ старости и т.д., наоборотъ, считается позорной. До извѣстной степени этотъ взглядъ можетъ быть предположенъ и у другихъ германцевъ.

Дружина. Наряду съ общенароднымъ войскомъ существуютъ еще дружины. Уже Цезарь разсказываетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда народность долгое время не вела войнъ и накоплялось большое количество молодежи, жаждавшей военной славы, "одинъ изъ князей заявлялъ на народномъ собраніи, что онъ собирается вести желающихъ въ походъ и приглашаетъ желающихъ заявить о своемъ согласіи; тогда тѣ, которые одобряютъ его какъ вож-

дя и все предпріятіе, встаютъ и обѣщаютъ свою помощь, за что восхваляются массой; тѣ изъ нихъ, которые затѣмъ не пойдутъ за нимъ, считаются измѣнниками и дезертирами и ихъ слово послѣ этого ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ цѣны |de bell. gall. 6, 23|. По окончаніи предположеннаго похода связь между вождемъ и тѣми, которые встали подъ его начальство, повидимому, прекращается. Въ то же время вождь не содержитъ добровольцевъ у себя и такимъ образомъ мы здѣсь не имѣемъ дѣла съ настоящей дружиной. Тѣмъ не менѣе возможность собрать войско, подчинное отдѣльному лицу, не занимающему положенія герцога и дѣйствующему независимо отъ народностей |хотя, вѣроятно, и съ ея согласія| представляется крайне характерной для слабаго развитія государственной организаціи въ данное время.

Съ дружиной въ собственной смыслѣ, т.е. съ группой свободныхъ лицъ, добровольно поступившихъ на болѣе или менѣе продолжительное время |обыкновенно на всю жизнь| на службу къ опредѣленному лицу, которое заботится о ихъ матеріальномъ благѣ, но зато пользуется ихъ |особенно, ни не исключительно военными| услугами, мы встрѣчаемся только у Тацита. Наряду съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Тацитъ говоритъ о германскомъ земледѣліи, его слова о дружинѣ отличаются особенной неясностью и вызвали чрезвычайно много коментаріевъ. Вотъ слова Тацита: |Germ. 13|: arma sumere non ante cuiquam moris quam civitas suffecturum probaverit. tum in ipso concilio vel principum aliquis vel pater vel propinqui scuto frameaque iuvenem ornant. haec apud illos toga, hic primus iuvente honos ante hoc domus pars videntur mox rei publicae. Insignis nobilitas aut magna patrum merita principis digna-

tionem etiam adulescentulis assignant. ceteris (или ceteri) robustioribus ac iam pridem probatis aggregantur, nec rubor inter comites aspici. gradus quin etiam ipse comitatus habet, indicio eius quem sectantur. magna-que et comitum aemulatio, quibus primus apud principem suum locus, et principum cuiplurimi et acerrimi comites. haec dignitas, haec vires. magno semper electorum iuvenum globo circumdari, in pace decus in bello praesidium."

Переводъ и смыслъ этого мѣста зивиситъ отъ значенія слова dignatio: согласно общему характеру словоупотребленія у Тацита это слово означаетъ "достоинство, званіе", но рядъ ученыхъ |см. Waitz I, 283 сл.| полагаетъ, что въ данномъ случаѣ dignatio означаетъ не dignitas, а "расположеніе, сочувственная оцѣнка". Смотря по тому, въ какомъ смыслѣ мы поймемъ это слово, и переводъ всего текста будетъ различный. Если считать, что dignatio означаетъ dignitas, слова Тацита могутъ быть переведены слѣдующимъ образомъ: "носить оружіе никому не полагается, покуда народное собраніе не признаетъ его способнымъ къ этому. Тогда |т.е. послѣ того, какъ его признаютъ способнымъ носить оружіе| въ самомъ собраніи одинъ изъ князей или отецъ или родственники украшаютъ юношу щитомъ или копьемъ. Это ихъ тога, это первая честь юности; до этого времени они считаются членами семьи, послѣ этого - членами народности. Особенно знатное происхожденіе или особенныя заслуги отца сообщаютъ уже отрокамъ званіе вождя |или князя|. Они присоединяются къ другимъ, старшимъ и уже испытанныхъ вождямъ |или князьямъ| и не считается стыднымъ состоять въ числѣ ихъ дружинниковъ. Дружина въ свою очередь дѣлится на

разряды согласно рѣшенію ея вождя. Господствуетъ сильное соревнованіе какъ среди дружинниковъ, кто займетъ первое мѣсто, такъ и среди вождей насчетъ числа и храбрости дружинниковъ. Въ этомъ заключается ихъ честь, ихъ сила. Большая толпа окружающихъ ихъ избранныхъ молодыхъ людей окружаетъ ихъ въ мирное время почетомъ, служитъ имъ опорой во время войны." Если принять второй переводъ, смыслъ подчеркнутаго отрывка совершенно мѣняется; тогда его нужно перевести вотъ какъ: "особенно знатное происхожденіе или большія отца ужъ отрокамъ обезпечиваютъ сочувствіе князя |т.е. принятіе въ его дружину|. Они присоединяются къ другимъ старшимъ и уже испытаннымъ |дружинникамъ| и для нихъ не считается отыднымъ состоять въ числѣ послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что они могутъ занять почетное мѣсто въ дружинѣ".

Если принять первый переводъ, то возникаетъ дальнѣйшій вопросъ, въ какомъ смыслѣ Тацитъ употребляетъ слово *princeps*, когда говоритъ, что "особенное знатное происхожденіе или заслуги отца уже отрокамъ сообщаютъ |*assignant*| званіе принцепса". Допустить, чтобы Тацитъ здѣсь говорилъ о принцепсахъ-князьяхъ, очень трудно, такъ какъ онъ въ другомъ мѣстѣ опредѣленно утверждаетъ, что князья избираются народнымъ собраніемъ. Въ данномъ случаѣ, наоборотъ, говорится только о происхожденіе, котороое "сообщаетъ", "даетъ" *dignationem principis* независимо отъ избранія. Если переводить *dignatio principis* словами "достоинство принцепса", то при такихъ условіяхъ только и остается предположить, что принцепсъ въ данномъ случаѣ означаетъ не выборнаго князя, а "вождя" дружины. Въ такомъ случаѣ, однако, Тацитъ употребляетъ одно и то же слово *princeps* для двухъ совершенно различныхъ понятій: то *princeps* означаетъ князя, то вождя дружины. Допу-

стить такую путаницу, очевидно, довольно трудно.

Если не допустить, что Тацитъ употребляетъ слово *princeps* въ данномъ мѣстѣ на протяженіи немногихъ строкъ въ двухъ разныхъ смыслахъ, то весь первый переводъ становится сомнительнымъ. Переводъ слова *dignatio* въ смыслѣ *dignitas* "достоинство", "званіе", не даетъ вполнѣ удовлетворительнаго смысла ни если считать, что *princeps* означаетъ князя |такъ какъ тогда отпадаетъ необходимость избранія князей|, ни если считать, что принцепсъ означаетъ вождя дружины.

Если, наоборотъ, перевести слова *dignationem principis etiam adulescentulis assignant* словами "обезпечиваютъ даже отрокамъ сочувствіе князя", т.е. принятіе въ его дружину, то эти затрудненія отпадаютъ, но возникаетъ новое, такъ какъ тогда слово *dignatio* употреблено въ необычномъ у Тацита, хотя и не противорѣчащемъ законамъ латинскаго языка смыслѣ.

Я нарочно остановился нѣсколько дольше на этомъ мѣстѣ: затрудненія, возникающія при попыткѣ выяснить его смыслъ, лучше всего доказываютъ, какъ трудно дѣлать опредѣленные выводы на основаніи двухъ-трехъ словъ какого нибудь источника. Ничего не стоитъ разрубить гордіевъ узелъ въ томъ или иномъ смыслѣ, но единственно правильный выходъ въ такомъ случаѣ заключается въ признаніи, что нашъ матеріалъ недостаточенъ и что придти на основаніи его къ точному рѣшенію невозможно. Изъ этого непосредственно слѣдуетъ, что нельзя съ увѣренностью рѣшить, могли ли содержать дружину наряду съ князьями и частныя лица. Согласно господствующемъ мнѣнію, фактически дружины во всякомъ случаѣ содержатся только князьями и служатъ имъ опорой въ мирное и военное время: полагаютъ, что если даже частныя лица имѣютъ право содержать дружину,

только князья имѣютъ достаточно средствъ, чтобы воспользоваться этимъ правомъ.

Для насъ самое интересное заключается, впрочемъ, въ самомъ существованіи и характерѣ дружины. Дружина |*comitatus, comites* лангобардскіе *gasindii*, франкскіе *antrustiones*, сѣверногерманскіе *húskarlar*, англосаксонскіе *heordgenâtas* | состоитъ изъ лицъ, добровольно подчинившихся опредѣленному лицу на основаніи договора съ нимъ. Договоръ обязываетъ вождя давать дружинникамъ защиту |*ed. Ratchis 14: nos debemus gasindios nostros defendere*| и военное вооруженіе |коня, копье *etc* | и матеріально обезпечить ихъ существованіе |*Tac. Germ. 14: exigunt enim comites a principes sui liberalitate illum bellatorum equum, illam cruentam victicemque frameam. nam epulae et quamquam incompti, largi tamen apparatus pro stipendio cedunt*|. Матеріальное обезпеченіе достигается совмѣстной жизнью съ вождемъ, а не жалованіемъ и |по крайной мѣрѣ въ это время| не земельными дареніями. За все это дружинникъ обязывается къ безусловной вѣрности и подчиненію своихъ интересовъ интересамъ вождя: "когда началось сраженіе, считается позорнымъ для вождя уступить дружинникамъ въ доблести, позорнымъ для дружины не сравняться съ доблестью вождя. Совершенно позорнымъ на всю жизнь и недостойнымъ считается бросить сраженіе, переживъ вождя. Защищать и отстаивать его, приписывать свои собственные подвиги его славѣ - таковъ главный предметъ присяги |*sacramentum* | дружинноковъ. Вожди сражаются изъ за славы, дружинники - изъ за вождя |*Germ.* 14|. Поступленіе въ дружину, какъ видно изъ этого, обстав-

Лит. Богданова, Эртелевъ пер. д. I. Директоръ

лялось торжественно: дружинникъ приноситъ присягу, а вождь, вѣроятно, послѣ этого вручаетъ ему необходисые для полнаго вооруженія предметы, въ томъ числѣ военнаго коня.

О соревнованіи принцепсовъ насчетъ количества и храбрости ихъ дружинниковъ мы выше уже говорили. Но содержать болѣе значительную дружинуможно только при помощи военной добычи |materia munificentiae per bella et raptus. Germ. 14|. "Если родная народность бездѣйствуетъ во время долгаго мира и спокойствія, многіе молодые люди изъ знати уходятъ къ тѣмъ народамъ, которые ведутъ какую нибудь войну, такъ какъ покой ненавистенъ этому племени и они скорѣе могутъ отличиться среди военныхъ превратностей, да и нѣтъ возможности сохранить большую дружину иначе какъ во время войны" | 14|. Тѣмъ не менѣе случайно извѣстныя намъ цифры о количествѣ дружинниковъ не особенно велики: такъ въ 357 г. вмѣстѣ съ аламанскимъ конунгомъ Хнодомаромъ послѣ битвы при Страсбургѣ были взяты въ плѣнъ 200 comites и 3 iunctissimi |Amm. Marc. 16, 12, 60|.

Тѣмъ не менѣе существованіе и характеръ дружинъ крайне любопытны. Принципъ соціальнаго и политическаго равенства, господствующій среди всѣхъ свободныхъ германцевъ, также какъ и принципъ господства естественнаго родства, здѣсь нарушенъ особенно явнымъ образомъ. Въ основѣ дружиннаго договора лежитъ безусловная вѣрность иповиновеніе дружинника, отказъ отъ своей индивидуальности, отъ собственныхъ, родовыхъ и народныхъ интересовъ. Какія послѣдствія имѣла возможное столкновеніе между интересами вождя и родовыми интересами отдѣльнаго дружинника, разумѣется, трудно сказать, но что дружина въ общемъ составляетъ самостоятельный организмъ наряду съ родомъ и съ

народностью, во всякомъ случаѣ ясно. Она объединяетъ не только членовъ разныхъ родовъ, сходящихся въ ней гораздо болѣе тѣсно, чѣмъ въ народномъ собраніи или въ войскѣ, она объединяетъ даже членовъ разныхъ народностей: молодые люди, не находящіе войны у себя дома, стремятся въ дружины другихъ народностей, и этимъ если не создается, то поддерживается самая связь между народностями. Разлагая такимъ образомъ безусловное господство родовыхъ интересовъ и интересовъ народности, дружина въ то же время можетъ сдѣлаться опорой ея вождя въ борьбѣ за распространеніе и укрѣпленіе его власти. Не даромъ его народъ волнуется, когда одинъ изъ норвежскихъ конунговъ XI в. доводитъ число дружинниковъ отъ 120 человѣкъ - таково было число дружинниковъ его предшественника - до 240. Находясь въ личной зависимости отъ опредѣленнаго лица, она можетъ быть опасна народной свободѣ.

Но и независимо отъ этого существованіе дружинъ является новымъ доказательствомъ слабости государственной идеи у германцевъ, примитивности всего ихъ жизненнаго строя.

Право и судебная организація. Особенно рѣзко примитивность германскаго быта и слабость государства бросается въ глаза при разсмотрѣніи германскаго права и судопроизводства означеннаго и послѣдующаго періода, въ чемъ мы отчасти уже убѣдились изъ характеристики значенія рода въ дѣлѣ охраны личности и имущества его членовъ. |Почти всѣ наши свѣдѣнія о германскомъ правѣ и судебной организаціи этого времени добыты путемъ сравнительнаго изученія варварскихъ правъ. Ср. Brunner, deutsche Rechtsgeschichte.

Германское право этого и послѣдующаго періода всецѣло основывается на обычаѣ. Обычное право представляетъ изъ себя совокупность общепризнанныхъ |но сознательно не провѣрен-

ныхъ| правилъ обыденной жизни, выработавшихся подъ вліяніемъ одинаковыхъ соціальныхъ условій и при одинаковомъ уровнѣ умственнаго развитія болѣе или менѣе одинаково среди всѣхъ членовъ данной общественной группы. Общность этихъ правилъ для всѣхъ членовъ данной группы съ одной, отсутствіе сознательнаго представленія объ ихъ происхожденіи и сознательной ихъ оцѣнки съ другой стороны приводятъ естественно къ убѣжденію о божественномъ происхожденіи права. Чѣмъ примитивнѣе и однообразнѣе условія жизни, чѣмъ медленнѣе ихъ развитіе, тѣмъ упорнѣе держатся разъ установившіяся подъ вліяніемъ тѣхъ же условій нормы; тѣмъ понятнѣе представленіе о вѣчности, божественности и неизмѣнности обычнаго права.

Какъ у всѣхъ малокультурныхъ народовъ, германское обычное право первоначально не было фиксировано письменно. Первыя кодификаціи его относятся къ тому времени, когда германцы очутились въ чуждой имъ обстановкѣ, въ предѣлахъ римской имперіи, когда рѣзко измѣнившіяся условія жизни вызвали стремленіе точно установить обычай. Но и тогда несомнѣнно уже съ очень давнихъ временъ права отдѣльныхъ племенъ и народностей, несмотря на массу сходствъ, объясняющихся вліяніемъ близко сходныхъ условій прежней жизни, не вполнѣ совпадаютъ: визиготы и бургунды, салическіе и рипуарскіе франки, аламаны и баварцы и т.д. имѣютъ каждые свое обычное право, согласно которому живутъ и тогда, когда всѣ вмѣстѣ вошли въ составъ франкской монархіи.

Германское право этого времени такимъ образомъ составляется изъ обычнаго права отдѣльныхъ народностей. И хотя въ эпоху Тацита различія между правами отдѣльныхъ народностей должны были быть меньше, чѣмъ 300-400 лѣтъ спустя, но мы

положительно знаемъ, что и тогда такія различія уже существовали |ср. Germ. 32 о тенктерахъ, знаменитыхъ своей конницей: inter familiam et penates et iura successionum equi traduntur; excipit filius non ut cetera maximus natu sed prout ferox bello et melior|. Во всякомъ случаѣ право каждой народности и тогда уже имѣло силу только для его членовъ.

Наряду съ указанными чертами, касающимися происхожденія и сферы дѣйствія отдѣльныхъ германскихъ правъ, германское право этого времени, опять таки какъ у всѣхъ примитивныхъ народовъ, разсчитано на отдѣльный реальный фактъ и не подводитъ разныя формы одного и того же преступленія подъ одно понятіе, не считается или очень мало считается съ субъективной стороной совершившагося преступнаго факта и вообще отличается формализмомъ. Такъ напр. по салической правдѣ степень наказанія за убійство мѣняется смотря по тому, постарался ли убійца скрыть преступленіе или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ |это такъ наз. murdrum, нѣм. Mord, собственно убійство въ отличіе отъ Totschlag, лишеніе жизни| мѣра наказанія значительно выше. Дѣлая это различіе, салическая правда, однако, не говоритъ, что всякое убійство, соединенное съ попыткой скрыть преступленіе, разсматривается какъ murdrum и наказывается такъ то и такъ то, а говоритъ, что если кто убилъ другое лицо и бросилъ трупъ убитаго въ колодезъ или въ воду, или покрылъ его вѣтвями или одеждой, то его ждетъ такое же наказаніе, т.е. законъ не формулируетъ принципіально отдѣльныя формы убійства, а просто перечисляетъ всѣ тѣ случаи, за которыя полагается усиленное наказаніе. Понятно въ виду этого, что могутъ встрѣтиться случаи, когда убійца прибѣгъ къ другимъ, не предусмотрѣннымъ закономъ мѣрамъ, чтобы скрыть

свое преступленіе, напр.къ сожженію трупа, и тогда онъ не подлежитъ дѣйствію закона, карающаго за murdrum. Вотъ почему позднѣе къ остальнымъ перечисленнымъ случаямъ mordri прибавляется новый, причисляющій къ нимъ буйство съ послѣдующимъ сожженіемъ трупа |Lex sal 41,2,4-5|. Точно также перечисляются и разнообразныя формы увѣчья и т.д. Субъективная сторона совершеннаго дѣйствія, вопросъ - совершено ли оно умышленно или нѣтъ и т.д., остается совершенно въ сторонѣ. Вопросъ о субъективныхъ мотивахъ даннаго дѣйствія слишкомъ сложенъ для примитивныхъ народовъ. Характеръ дѣйствія и мѣра наказанія опредѣляется исключительно по внѣшнему результату его: германское право имѣетъ дѣло исключительно съ опредѣленными типами преступленія, не съ индивидуальными случаями, но, основываясь на общей оцѣнкѣ отдѣльныхъ дѣяній и сообразуясь съ данными нравами, оно, вѣроятно, въ общемъ вѣрно улавливаетъ обычную психологію преступленій и караетъ ихъ согласно настроенію и взглядамъ всего общества. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что оно по характеру своему не отличается гибкостью и во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ должно привести къ несправедливостямъ.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно судопроизводства. И оно отличается крайнимъ формализмомъ, чрезвычайно простыми и несовершенными пріемами для выясненія истины и отсутствіемъ гибкости, способной примѣняться къ отдѣльному случаю.

Выше мы уже видѣли, что судебныя функціи государства далеко не такъ широки, какъ въ римской имперіи или въ современныхъ культурныхъ государствахъ. Всѣ преступленія противъ личности и имущества отдѣльныхъ лицъ преслѣдуются и наказы-

ваются не государствомъ, а родомъ даннаго лица. Лишь если родъ потерпѣвшаго согласится замѣнить кровную месть уплатой вознагражденія, а обидчикъ откажется уплатить вознагражденіе, къ которому его приговорилъ третейскій судъ или государство, послѣднее вмѣшивается въ эту группу дѣлъ и объявляетъ обидчика стоящимъ внѣ закона.

Независимо отъ указанной группы преступленій, въ которыя государство вмѣшивается только по желанію потерпѣвшей стороны, есть еще другія, преслѣдованіе которыхъ государство беретъ на себя. Сюда относится оскорбленіе божества и государства, т.е.нарушеніе "мира"или порядка въ войскѣ, въ народномъ собраніи, въ храмѣ, разграбленіе могилы, измѣна, дезертирство, трусость на войнѣ, колдовство, и особенно гнусныя преступленія, напр.противоестественныя пороки, которые, очевидно, разсматривались также какъ оскорбленія божества. Позднѣе къ этому присоединились тайное убійство, грубое воровство |но не грабежъ| и т.д.

Указанныя преступленія, также какъ отказъ отъ уплаты вознагражденія, преслѣдуется самимъ государствомъ. Наряду съ ними суду, разумѣется, приходится рѣшать и гражданскія дѣла. Преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, можетъ быть безнаказанно убитъ. Въ противномъ случаѣ необходимо судебное разсмотрѣніе дѣла передъ народнымъ собраніемъ. Какъ уже замѣчено, оно отличается строгимъ формализмомъ. Обѣ стороны обязаны исполнять всѣ формальности лично и строго по правиламъ, произнося опредѣленныя слова и совершая опредѣленныя символическія дѣйствія; малѣйшее нарушеніе формы приводило къ потерѣ дѣла. Въ виду этого весь ходъ дѣла совершается публично передъ судьей и народомъ.

Прежде всего истецъ обязанъ въ присутствіи свидѣтелей вызвать |mannire, admallere| отвѣтчика въ судъ съ указаніемъ предмета обвиненія. Если одна изъ сторонъ не являлась въ назначенный день, не предъявивъ достаточнаго объясненія, она подвергалась штрафу въ пользу другой стороны и суда, а при повторной неявкѣ подвергалась заочному осужденію. Если обѣ стороны явились, истецъ устно приносилъ свою жалобу опредѣленными словами и съ опредѣленными жестами, послѣ чего онъ торжественно выражалъ просьбу о произнесеніи вердикта. Если отвѣтчикъ признавался, то вердиктъ произносился немедленно. Если нѣтъ, то назначался новый срокъ, причемъ стороны давали другъ другу торжественное обѣщаніе явиться въ назначенный день.

Доказательства сводились къ свидѣтельскимъ показаніямъ, присягѣ и къ божьему суду. Свидѣтелями, однако, могли быть только лица, въ свое время спеціально приглашенныя присутствовать при данномъ актѣ |куплѣ-продажѣ, наймѣ и т.д|, случайные свидѣтели не признавались, а слѣдовательно фактически свидѣтельскія показанія играли роль только въ гражданскихъ дѣлахъ. Если свидѣтелей не было, то отвѣтчика приводили къ присягѣ, причемъ обыкновенно его присяга должна была быть подтверждена присягой большаго или меньшаго числа другихъ лицъ, т.наз.соприсяжниковъ |consacramentales, coniuratores |. При тяжкихъ преступленіяхъ число ихъ доходитъ до 12 и больше. Соприсяжники подтверждали своей присягой не объективную истинность показанія отвѣтчика, а свою субъективную увѣренность, что онъ не произнесъ ложной присяги. Родные отвѣтчика были обязаны соглашаться на роль соприсяжника; ихъ отказъ отъ присяги допускался только, когда они не были увѣрены въ правотѣ отвѣтчика. Если отвѣтчикъ и со-

присяжники произнесли присягу, и если присяга была произнесена по всѣмъ правиламъ, то судъ, вѣроятно, либо оправдывалъ отвѣтчика, либо подвергалъ его божьему суду.

Божій судъ, игравшій такую большую роль въ послѣдующее время, представляетъ изъ себя обращеніе къ божеству, которое должно дать знакъ, кто виноватъ. Наши источники упоминаютъ только о поединкѣ "полѣ" и существовали ли уже въ это время другія формы божьяго суда, неизвѣстно. Право вызова на судъ божій, вѣроятно, имѣлъ только истецъ.

Смотря по тому, произнесъ ли отвѣтчикъ присягу безъ всякаго признака волненія, не измѣнивъ ни одного слова, ни одного жеста, нашелъ ли онъ соприсяжниковъ и была ли ими произнесена присяга вполнѣ правильно, или смотря по исходу поединка, затѣмъ произносится приговоръ. Въ случаѣ нарушенія интересовъ божества или всей народности преступникъ приговаривался къ казни, но палагаютъ, что до совершенія ея жрецы бросали жребій, чтобы рѣшить, слѣдуетъ ли исполнить приговоръ, т.е. испрашивали оракулъ, по которому рѣшали, угодна ли божеству казнь преступника. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта казнь не исполнялась, но преступникъ объявлялся стоящимъ "внѣ мира" и во всякое время безнаказанно могъ быть убитъ. Въ случаѣ нарушенія частныхъ интересовъ приговоръ на основаніи обычнаго права приговаривалъ преступника въ гражданскихъ дѣлахъ къ выдачѣ спорнаго объекта, въ уголовныхъ къ уплатѣ вознагражденія истцу, къ чему присоединялась еще уплата опредѣленной суммы |позднѣе она называется fredum| конунгу или, если его не было, народности | Germ. 12: pars mulctae regi vel civitati, pars ipsi qui vindicatur vel propinquis exsolvitur |. Большинство гражданскихъ и болѣе мелкихъ уголовныхъ дѣлъ, вѣроятно, разрѣшалось въ волости во время

объѣздовъ волостного князя и вызванной имъ сотни. Болѣе крупныя дѣла, т.е., вѣроятно, всѣ тѣ, которыя влекли за собой объявленіе преступника состоящимъ внѣ мира и закона, разрѣшались народнымъ собраніемъ. Необходимо однако еще разъ подчеркнуть, что масса дѣлъ вовсе не восходила до государства, а касалась только заинтересованныхъ родовъ.

Нравы и умственная жизнь. Всѣ стороны экономической, соціальной и политической жизни германцевъ означеннаго періода одинаково свидѣтельствуютъ о крайне простыхъ условіяхъ быта и малой степени культурнаго развитія всего племени. Въ виду этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и характеръ обыденной жизни не сложенъ, что нравы не только просты, но и грубы и что проступки и пороки германцевъ отличаются грубостью и простотой. Извѣстно, что Тацитъ особенно восхваляетъ простоту германскихъ нравовъ: "добрые нравы имѣютъ здѣсь больше силы, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ законы". На основаніи его словъ послѣдующіе историки часто непомѣрно идеализировали германцевъ. Между тѣмъ это совершенно неосновательно. Простота и чистота нравовъ ихъ жизни, ненужность многихъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ римской имперіи въ эпоху Тацита |напр. законовъ противъ безбрачія|, встрѣчаются не только у германцевъ, но и у всѣхъ народовъ на соотвѣтствующемъ уровнѣ развитія. Но во первыхъ тотъ же Тацитъ упоминаетъ о пьянствѣ и лѣности егрманцевъ |свободный германецъ занимается войной, охотой, пьянствомъ и игрой въ кости; работу онъ предоставляетъ женщинамъ и рабамъ|, грубыхъ проявленіяхъ животной страсти, отсутствіи всякой общественной дисциплины, поскольку она не существуетъ въ родѣ и дружинѣ, а во вторыхъ простота и относительная чистота нравовъ опи-

рается исключительно на простоту окружающихъ условій, а не вытекаетъ изъ сознательнаго міросозерцанія, слѣдовательно крайне неустойчива. Примѣръ германскихъ народовъ, поселившихся въ предѣлахъ римской имперіи, напр. вандаловъ и франковъ, доказываетъ, что при первомъ продолжительномъ столкновеніи съ болѣе сложными условіями жизни чистота нравовъ быстро уступаетъ мѣсто поразительной распущенности и остается только одна грубость ихъ.

Объ умственной и въ частности религіозной жизни германцевъ эпохи Тацита мы почти ничего не знаемъ. Несомнѣнно, что настоящей письменности германцы въ данное время не имѣли и тѣ "руны", т.е. знаки словъ и буквъ, которые у нихъ встрѣчаются въ IУ в., представляютъ передѣлку латинскаго алфавита. Вся ихъ поэзія въ виду этого народная и устная: Тацитъ упоминаетъ объ *antiqua carmina*, въ которыхъ восхвалялись божества. Въ чистомъ видѣ до насъ ничего изъ нея не дошло, а пользоваться поздними свидѣтельствами IX и сл.вв. для характеристики германской религіи и умственной жизни I в., разумѣется, нельзя. А такъ данныя Цезаря и Тацита отличаются именно въ этомъ отношеніи особенной отрывочностью и неясностью, то мы въ сущности принуждены только догадываться объ умственно-религіозной жизни германцевъ I вѣка.

Какъ у всѣхъ примитивныхъ народовъ въ основаніи религіозныхъ представленій германцевъ, вѣроятно, лежитъ анимизмъ, т.е. культъ усопшихъ предковъ и героевъ. Среди предковъ различныхъ членовъ народности, какъ и среди живыхъ, естественно замѣчаются различія: смотря по личной славѣ усопшаго, по большему или меньшему количеству лицъ |родъ, колѣно, народность, племя|, помнящихъ его и оказывающихъ ему культъ, слава и сфера дѣйствія его культа будетъ разная. Разница между

предкомъ отдѣльнаго рода, не пріобрѣвшимъ общенароднаго значенія, и лицомъ, къ которому обращается цѣлая народность или цѣлое племя, первоначально чисто внѣшняя. Умершій, славный и могущественный конунгъ и послѣ смерти считается болѣе сильнымъ, чѣмъ заурядный членъ рода или народности; онъ считается защитникомъ цѣлой народности или племени и выдѣляется изъ среды простыхъ усопшихъ въ качествѣ бога народности или племени.

Каждое племя и даже каждая народность въ виду этого имѣетъ свои культы. Но нѣкоторые изъ нихъ могутъ получить значеніе и внѣ предѣловъ не только народности, но и племени. Такъ напр. культъ Вотана повидимому возникъ среди франкскаго племени, но распространился и на сѣверныхъ германцевъ |Одинъ Вотан|, пѣсни которыхъ еще сохраняютъ воспоминаніе о томъ, что культъ Одина завезенъ на сѣверъ изъ другихъ областей.

Само собой разумѣется, что представленіе о характерѣ, свойствахъ и жизни божествъ, зависитъ отъ жизни самихъ германцевъ: божества отличаются отъ людей только большей силой и могуществомъ, но затѣмъ также увлекаются войной, охотой, виномъ и ѣдой, какъ и ихъ народъ. Въ то же время они являются, однако, и хранителями народа и его интересовъ, защищаютъ освященный вѣковымъ обычаемъ порядокъ жизни. Но если они считаются источниками и хранителями права и добрыхъ нравовъ, то только въ томъ смыслѣ, что или сами непосредственно наказываютъ ослушника |смертью, болѣзнью, гибелью состоянія| или требуютъ его наказанія народомъ и въ противномъ случаѣ караютъ послѣдній, а не только преступника |моромъ, пораженіемъ на войнѣ, засухой и т.д.|: такъ Аполлонъ наказалъ всѣхъ ахейцевъ за оскорбленіе, нанесенное его жрецу Агамемнономъ.

Вѣра въ собственныхъ боговъ нисколько не исключаетъ вѣры

другихъ: собственные боги народности лишь тѣснѣе связаны съ своей народностью, чѣмъ боги другихъ народностей. Но можетъ оказаться, что собственные боги слабѣе боговъ другого племени и тогда культъ послѣднихъ окажется болѣе выгоднымъ. Отношеніе къ богамъ вообще основано на принципѣ: do ut des т.е. данному божеству оказывается культъ лишь постольку, поскольку оно само заботится о своей народности; такъ, римляне при извѣстіи о смерти Германика |въ 17г. по Р.Хр.| сломали массу идоловъ, бросали камнями въ нихъ и т.д. Взглядъ германцевъ на ихъ боговъ несомнѣнно не былъ выше

-.-.-.-.-.-

Таковъ характеръ германской жизни въ эпоху Тацита.

Образованіе германскихъ племенъ. I| Римско-германскія отношенія до образованія племенъ. Отъ эпохи Августа до начала III в. имперія имѣетъ дѣло почти исключительно съ болѣе или менѣе значительными, но обособленными германскими народностями, съ которыми римляне въ общемъ справляются без труда. Попытки Августа сдѣлать границей имперіи Эльбу |походы его пасынковъ Друза |12-9г. до Р.Хр.| и Тиберія |9-8 г. до Р.Хр.| до Эльбы, Луція Домиція Аэнобарда въ долину Гавеля|, правда, не увѣнчались успѣхомъ, вслѣдствіе возстанія коалиціи сѣверно-германскихъ народностей |Арминій|, пораженія въ Тевтобургскомъ лѣсу |9г. по Р.Хр.| и нежеланія Августа продолжать политику завоеваній, тяжело отражавшуюся на финансахъ имперіи. Но появленіе Тиберія на Рейнѣ |послѣ тевтобургской битвы| и походы Германика внутрь Германіи |14-17г. по Р.Хр.| возстановили престижъ римскаго оружія и германцы не рѣшились напасть на страны, лежавшія за Рейномъ.

Внутреннія раздоры среди германскихъ народностей, приведшіе къ гибели не только Арминія |въ 21г.по Р.Хр|, но и къ паденію сильнѣйшаго германскаго царства того времени, Маркоманскаго царства Маробада, центромъ котораго была Богемія |въ 19г.по Р.Хр| давали римлянамъ возможность оказывать сильное вліяніе на германскія дѣла. Такъ, напр.императоръ Клавдій |41-54| имѣетъ возможность поставить царемъ херусковъ племянника Арминія, римскаго всадника Италика. Возстаніе батавовъ подъ начальствомъ Цивилиса, стоящее въ тѣсной связи съ междоусобной войной послѣ гибели Нерона |68 и сл.г.|,получило опасный характеръ не столько вслѣдствіе присоединенія другихъ германскихъ народностей |напр.хавковъ| къ батавамъ, сколько вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій, военныхъ мятежей и т.д. 68-69гг.и было подавлено,какъ только внутренній порядокъ былъ возстановленъ Веспасіаномъ |69-79|. Римская политика и послѣ этого остается чисто оборонительной: къ эпохѣ Домиціана |81-96|, Траяна |96-118|.и Гадріана |118-137| относится постройка огромной укрѣпленной линіи |*limes romanus* | отъ Регенсбурга до Майнца, цѣль которой заключалась въ предупрежденіи и задержкѣ германскихъ набѣговъ на римскія провинціи. Въ теченіе 90 лѣтъ |отъ 69-70 г.до 164-165г.| имперія въ самомъ дѣлѣ не встрѣчается съ серьезной опасностью со стороны германцевъ. Мелкія столкновенія и незначительныя набѣги, правда, встрѣчаются отъ времени до времени, но первое крупное столкновеніе Рима съ варварами - т.наз.Маркоманская война - относится ко времени Марка Аврелія |165-180г.|.

Причина нападенія маркоманновъ, квадовъ и другихъ народностей |языги, бастарны| на дунайскія провинціи имперіи, повидимому, стоитъ въ связи съ движеніемъ готовъ съ Балтійскаг

го моря и изъ привислянскаго края къ Черному морю |ок.150 года|, вызвавшимъ усиленное броженіе во всей центральной Европѣ. Въ 165 или 166 году полчища маркоманновъ и др.народностей проникаютъ черезъ Нерикъ и Рецію до Аквилеи |въ сѣв-вост.Италіи|, разоряютъ всю страну |въ 180 г.они согласно мирнымъ условіямъ возвращаютъ 200тыс.плѣнныхъ римлянъ|, но не способны взять укрѣпленныя мѣстности. Война съ ними съ нѣкоторыми перерывами продолжается до 180 г.и ведется римлянами съ крайнимъ напряженіемъ силъ |тѣмъ болѣе, что имперія все это время страдаетъ отъ занесенной съ востока чумы|. Миръ 180 г., заключенный сыномъ и преемникомъ Марка Аврелія, Коммодомъ, обезпечиваетъ римлянамъ дунайскую границу, но они отказываются отъ полосы земель по лѣвому берегу Дуная и отъ расположенныхъ въ ней укрѣпленій. Въ общемъ попытка варваровъ прорвать римскую границу оканчивается такимъ образомъ неудачей; въ предѣлы римской имперіи проникаютъ лишь тѣ изъ нихъ, которые въ качествѣ военноплѣнныхъ или покорившихся получаютъ земли отъ римскихъ властей, заботящихся о населеніи опустѣвшихъ вслѣдствіе чумы областей.

Маркоманская война представляется послѣднимъ крупнымъ столкновеніемъ Рима съ обособленными германскими народностями. Въ III в.на смѣну имъ выступаютъ племенные союзы.

II. Образованіе племенныхъ союзовъ. Въ теченіе III вѣка среди западныхъ германцевъ замѣчается опредѣленная тенденція къ объединенію отдѣльныхъ народностей въ племена. Въ эпоху Каракаллы |211-217| впервые на верхнемъ Рейнѣ и Дунаѣ упоминаются аламаны |въ 213 г.|, съ половины III в.мы слышимъ о франкахъ, живущихъ по нижнему Рейну, начиная съ того же времени народности сѣверной Германіи объединяются въ саксонское племя. Позднѣе мы слышимъ о тюрингахъ |въ IУ в.| и о

баварцахъ |въ VI в.|.

Каждое изъ этихъ племенъ состоитъ изъ большаго или изъ меньшаго числа нѣкогда совершенно обособленныхъ |въ политическомъ отношеніи| народностей, имена которыхъ и послѣ ихъ соединенія въ племена еще иногда упоминаются, но въ общемъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше засланяются письменными названіями. Взаимная связь народностей, входящихъ въ составъ каждаго племени, впрочемъ, далеко не тѣсная: повидимому, нѣтъ общаго вождя ни въ мирное, ни даже въ военное время. Такъ например аламаны въ 357г. находились подъ начальствомъ семи или менѣе значительныхъ конунговъ, когда вступили въ борьбу съ Юліаномъ, которымъ и были совершенно разбиты при Страсбургѣ, причемъ Юліанъ, повидимому, имѣлъ дѣло не со всѣми аламанами, такъ что кромѣ этихъ семи конунговъ, вѣроятно, существовали еще и другіе. Относительно франковъ намъ также извѣстно, что здѣсь существовалъ цѣлый рядъ конунговъ, которые были устранены только Хлодвигомъ |481-511|. У саксовъ королевская власть вообще никогда не успѣла развиться, и вождь саксовъ въ борьбѣ съ Карломъ Великимъ Видукиндъ не былъ конунгомъ, а герцогомъ саксовъ, притомъ не всѣхъ, а только одной части этого племени.

Каковы были взаимныя отношенія между вождями отдѣльныхъ частей каждаго племени, мы не знаемъ. Вѣроятно, они колебались между полной самостоятельностью и значительной долей зависимости смотря по степени могущества данныхъ лицъ. Несмотря, однако, на такія неопредѣленныя отношенія между отдѣльными частями даннаго племени и ихъ вождями, несмотря на то, что подъчасъ эти отношенія доходили до полной враждебности, племя въ общемъ сознаетъ свою связь и цѣльность, на что указываетъ уже одинъ фактъ появленія и упроченія племен-

ныхъ названій. Чѣмъ объясняется соединеніе нѣсколькихъ народностей въ одно племя, намъ неизвѣстно. Можно только догадываться, что въ данномъ случаѣ играютъ роль три фактора. I| ростъ населенія, а слѣдовательно и необходимой для пропитанія его площади обрабатываемой земли должно было привести къ расчисткѣ части тѣхъ лѣсовъ, которые покрывали территорію каждой народности и отдѣляли ее отъ сосѣднихъ, иначе говоря, долженъ былъ географияески сблизить отдѣльныя народности другъ съ другомъ, облегчить сношенія между ними |какъ мирныя, такъ и военныя| и сдѣлать ихъ болѣе постоянными. Это сдѣлало возможнымъ какъ болѣе прочное подчиненіе одной народности другой, такъ и союзы для достиженія общей цѣли.

Общей цѣлью германскихъ народностей III, IУ и сл.вв.прежде всего является пріобрѣтеніе новыхъ земель. При чрезвычайно низкой степени экономическаго развитія германцевъ ростъ населенія долженъ привести сначала къ расчисткѣ наиболѣе земель удобныхъ въ предѣлахъ территоріи, занятой германцами, чѣмъ и достигается указанное сближеніе народностей. Но разъ и послѣ того, какъ эти наиболѣе удобныя земли расчищены и заняты, количество населенія продолжаетъ расти съ той быстротой, на которую указалъ еще Тацитъ, для обезпеченія потребностей постояннаго излишка населенія остаются только два выхода: либо переходъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства, при коихъ и менѣе удобныя земли могутъ дать удовлетворительный урожай, либо захватъ вполнѣ подходящихъ для обычной обработки земель внѣ предѣловъ германской территоріи. Между тѣмъ первое, т.е.переходъ къ болѣе интенсивнымъ фор-

мамъ хозяйства, требующимъ затрату большаго количества труда, I| можетъ совершаться лишь относительно медленно, а 2| представляется болѣе сложнымъ, чѣмъ простой захватъ новыхъ земель. |Наряду съ этимъ могли дѣйствовать и простая надежда на добычу и славу, преувеличенное представленіе о богатствѣ имперіи, воинственность малокультурныхъ германцевъ и т.д.|. Но борьба съ Римомъ даже въ III и IУ вв.- предпріятіе, хотя заманчивое, но сложное и опасное: многолѣтній опытъ долженъ былъ убѣдить германцевъ, что только дѣйствуя согласно они могутъ разсчитывать на успѣхъ. Отсюда - соединеніе сосѣднихъ народностей въ союзы, сначала, вѣроятно, очень непрочные и случайные, но постепенно естественно пріобрѣтавшіе большую устойчивость.

Соединеніе народностей въ племенные союзы опредѣлялось, однако, не только географическими условіями. Германскія народности эпохи Тацита произошли изъ разложенія болѣе крупныхъ племенъ, отдѣльныя части которыхъ потеряли прежнюю болѣе тѣсную связь съ переходомъ отъ массовыхъ кочеваній къ осѣдлости, но сохранили еще нѣкоторое воспоминаніе о ней. На это указываетъ дѣленіе всѣхъ западныхъ германцевъ на Ингвеоновъ, Иствеоновъ и Герминоновъ, довольно точно соотвѣтствующихъ англофризской, франкской и верхненѣмецкимъ діалектическимъ группамъ. Воспоминаніе о прежней связи и общемъ происхожденіи, быть можетъ выражавшееся въ общихъ культахъ, поддерживалось діалектическими особенностями, соединявшими народности каждой группы и въ то же время отдѣлявшими ихъ отъ другихъ группъ. Эти то общія воспоминанія и діалектическія особенности въ общемъ опредѣлили и составъ тѣхъ племенныхъ союзовъ, которые образовались въ III вѣкѣ. Несмотря на рядъ исключеній въ общемъ въ составъ каждаго племенного

союза вошли родственныя другъ другу народности, чѣмъ въ свою очередь облегчилось ихъ позднѣйшее сліяніе. Такъ, въ составъ франковъ вошли батавы, каниненфаты, матіаки, хаттуаріи, хатты, хамавы, сигамбры, салійцы, бруктеры, тенктеры, амсиваріи, марсы, хазуаріи, тубанты, узипіи и др., причемъ всѣ они признаются лингвистами представителями одной и той же діалектической группы |ср. *Bremer* ук.соч. стр.140 сл.|.

Географическое сближеніе вслѣдствіе увеличенія площади обрабатываемыхъ земель, общее стремленіе къ захвату римскихъ или иныхъ сосѣднихъ земель |если франки расширяютъ свои предѣлы насчетъ римскихъ земель, то саксы захватываютъ франкскія земли|, наконецъ, большая или меньшая кровная близость - таковы, повидимому, факторы, приведшіе къ образованію тѣхъ племенныхъ союзовъ западныхъ германцевъ, съ которыми римлянамъ пришлось считаться съ начала III в.

Нѣсколько инымъ характеромъ отличаются, повидимому, племенные союзы восточныхъ германцевъ, среди коихъ особенно замѣчательны племена готовъ |визиготовъ и остроготовъ|, вандаловъ и бургундовъ. Принимая во вниманіе несомнѣнную отсталость восточныхъ германцевъ сравнительно съ ихъ западными родичами, ихъ большую подвижность, а слѣдовательно ихъ меньшую осѣдлость |почти всѣ крупныя передвиженія IУ и У вв.предприняты именно восточными, а не западными германцами|, можно, кажется, предположить, что среди нихъ дробленіе на народности и обособленіе послѣднихъ никогда не достигало такихъ размѣровъ, какъ среди вполнѣ осѣдлыхъ западныхъ германцевъ, и что указанныя племена не возникли снова въ III в. и всегда сохраняли прежнюю связь, какъ они сохранили свои прежнія названія, съ которыми по крайней мѣрѣ отчасти они

упоминаются у Тацита, или какъ они сохранили царскую власть, которая среди западныхъ германцевъ почти совершенно исчезла въ эпоху Тацита, чтобы постепенно народиться снова со времени образованія племенныхъ союзовъ.

III. Римско-германскія отношенія въ III и IУ вв. Внутренній упадокъ имперіи въ III в., военная анархія, междоусобныя войны съ многочисленными узурпаторами, отложеніе крупныхъ областей отъ центральной власти, упадокъ экономической и соціальной жизни, все это вмѣстѣ значительно облегчало врагамъ имперіи борьбу съ нею.

Около 226 г.царство пареянъ, уже со II в.находившееся въ состояніи полнаго разложенія было низвергнуто и замѣнено царствомъ Сассанидовъ, опиравшихся преимущественно на собственную Персію |Фарсистанъ|, возстановившихъ единство земель, входившихъ въ составъ пареянской монархіи |Иранъ и часть русскихъ среднеазіатскихъ владѣній| и выступившихъ съ притязаніями на возстановленіе древнеперсидскаго царства Ахеменидовъ, уничтоженнаго Александромъ Великимъ. Въ составъ царства Ахеменидовъ входили, однако, Месопотамія, Сирія, Египетъ и Малая Азія, нынѣ принадлежавшія къ римской имперіи,и непосредственно послѣ упроченія владычества Сассанидовъ надъ Ираномъ начинается борьба съ Римомъ, продолжавшаяся вплоть до уничтоженія царства Сассанидовъ арабами |въ 641г.|.

Но если результатомъ персидскихъ побѣдъ въ худшемъ случаѣ являлось болѣе или менѣе продолжительное подчиненіе римскихъ провинцій иноземной властий не оказывавшее серьезнаго вліянія на культурную жизнь завоеванныхъ областей, то успѣхи германцевъ, всюду сопровождавшіеся переселеніемъ вар-

варовъ, угрожали непосредственно римской |точнѣе греко-римской| цивилизаціи либо уничтоженіемъ, либо упадкомъ.

Между тѣмъ именно съ III вѣка германскіе набѣги становятся болѣе значительными, подчасъ превращаясь въ настоящія нашествія. Наибольшую силу они достигаютъ при этомъ на востокѣ, т.е. въ области нижняго Дуная. Мы уже неоднократно отмѣчали большую экономическую отсталость и подвижность восточныхъ германцевъ по сравненію съ западными и замѣтили, что всѣ крупныя переселенія IУ и У вв. приходятся на долю восточныхъ германцевъ. Визиготы изъ юго-западной Россіи проникаютъ въ западную Испанію, ихъ восточные сосѣди, остроготы, въ Италію, вандалы изъ Силезіи въ Африку, бургунды - изъ привислянскихъ областей въ долину Роны и т.д. Изъ западно-германскихъ племенъ только часть англосаксовъ покинула свои жилища и переселилась въ Британнію. Но это не было такое общенародное переселеніе, какое, повидимому, представляютъ передвиженія готовъ, вандаловъ и т.д., а совершалось медленно и отдѣльными кучками въ теченіи У, УI и части УII в. Что же касается лангобардовъ, которые по діалектическимъ признакамъ причисляются къ западнымъ германцамъ, то это племя по культурному характеру и уровню |Gens etiam germana feritate ferocior. Vell 2, 106| скорѣе принадлежитъ къ группѣ восточныхъ германцевъ, такъ что его переселеніе изъ области нижней Эльбы и Мекленбурга въ Венгрію, а отттуда въ Италію нисколько не противорѣчитъ тому различію, которое наблюдается между характеромъ переселеній восточныхъ и западныхъ германцевъ. Тогда какъ восточно-германскія племена почти цѣликомъ покидаютъ прежнія жилища и ищутъ новыя, западные германцы |франки, аламаны| вовсе не совершаютъ массовыхъ переселеній, а постепен-

но вытѣсняютъ римлянъ изъ ближайшихъ пограничныхъ земель и заселяютъ ихъ. Первыя совершаютъ массовыя нашествія, вторыя - преимущественно пограничные набѣги и если борьба не прекращается ни тамъ, ни здѣсь, то имперіи, очевидно, угрожаетъ большая опасность съ востока, чѣмъ съ запада. Набѣги западныхъ германцевъ могутъ привести къ потерѣ пограничныхъ областей и къ болѣе или-менѣе значительному разоренію лежащихъ за ними провинцій шайками аламановъ или франковъ, но они не представляли непосредственной опасности для цѣлой имперіи, для ея единства и силы центральной власти. Съ ними въ общемъ можно было успѣшно бороться простымъ усиленіемъ военнаго надзора надъ границей и лишь сравнительно рѣдко требовалось напряженіе болѣе значительныхъ военныхъ силъ. Другое дѣло массовыя нашествія восточныхъ германцевъ. Здѣсь никакой пограничный надзоръ не могъ обезпечить спокойствія имперіи; масса варваровъ, хотя и плохо дисциплинированныхъ, прямо угрожала единству имперіи и силѣ центральной власти. Они въ концѣ концовъ и нанесли рѣшительный ударъ римскому владычеству: битва при Адріонополѣ въ 378 г., въ которой палъ отъ руки варваровъ римскій императоръ Валентъ |364-378|, и основаніе восточно-германскихъ государствъ визиготовъ и вандаловъ непосредственно привели къ внѣшнему разложенію имперіи и потерѣ всего запада.

Останавливаться на всѣхъ крупныхъ и мелкихъ проявленіяхъ вѣковой борьбы имперіи съ варварами нѣтъ ни надобности, ни возможности. Отмѣтимъ лишь общій ходъ событій и его результаты до конца IУ в., начиная съ котораго |точнѣе съ 375 г.| обыкновенно говорятъ о "великомъ переселеніи народовъ." Въ сущности переселеніе германцевъ въ предѣлы имперіи, разумѣ-

ется, начинается гораздо раньше и скорѣе всего начало этого процесса можетъ быть найдено въ маркоманской войнѣ; если вообще можно называть періодъ послѣ 375 г.періодомъ "великаго переселенія", то только въ томъ смыслѣ, что нашествіе гунновъ привело къ чрезвычайному усиленію давно уже господствовавшаго среди германцевъ броженія и ускорило потерю западныхъ областей имперіи и созданіе въ нихъ германскихъ государствъ. Само по себѣ наступательное движеніе варваровъ на имперію началось гораздо раньше и задолго до 375 г. заставило имперію отказаться отъ нѣкоторыхъ крупныхъ провинцій и примириться съ возрастающей германизаціей другихъ.

Уже около половины III в. положеніе имперіи могло казаться безнадежнымъ: шайки франковъ въ теченіе 12 лѣтъ опустошали Галлію и Испанію и проникли даже въ Африку, тогда какъ франкское племя постепенно подвигалось впередъ по нижнему Рейну; аламаны завладѣли т.наз. agri decumates |нынѣ Баденъ, большая часть Вюртенберга|, а отдѣльныя шайки ихъ нападаютъ на сѣверную Италію, гдѣ ихъ отражаетъ Галліенъ |ум.въ 268г.| и особенно Авреліанъ |270-275|, а затѣмъ Пробъ |276-282|, который оставляетъ имъ agri decumates, но заставляетъ ихъ, по крайней мѣрѣ временно, признать верховенство Рима. Въ то же самое время готы совершаютъ нашествія на Балканскій полуостровъ, гдѣ разбиваютъ и убиваютъ Деція |249-251|, и даже на Малую Азію. Побѣда Клавдія |268-270| въ 269г., приведшая къ гибели ли плѣненію огромнаго количества готовъ |по словамъ источниковъ ихъ было 300 тыс.|,а затѣмъ побѣды Авреліана останавливаютъ ихъ успѣхи, но Авреліанъ же выводитъ римскія войска и римскихъ поселенцевъ изъ Дакіи |Венгрія, Трансильванія, Румынія| и дѣлаетъ Дунай границей рим-

скихъ владѣній. Нѣсколько позже его преемникъ Пробъ допускаетъ массу варваровъ |напр.100 тыс.бастарновъ| въ предѣлы имперіи.

Реорганизація государства, начатая Клавдіемъ, Авреліаномъ и Пробомъ, законченная Діоклеціаномъ и Константиномъ, такимъ образомъ соединена съ значительнымъ сокращеніемъ земель, входящихъ въ составъ имперіи. Декуматскія поля и Дакія потеряны для римской власти и римской культуры. Уступкой этихъ земель по правому берегу Рейна и лѣвому берегу Дуная вмѣстѣ съ усиленіемъ центральной власти въ имперіи на нѣкоторое время останавливается бурный натискъ варваровъ, по крайней мѣрѣ восточной ихъ части, т.е.готовъ, болѣе значительныхъ столкновеній съ которыми, начиная съ 269 и до 377-8 гг., почти не встрѣчается. Независимо отъ того, что они вслѣдствіе отказа Рима отъ Дакіи пріобрѣли обширную территорію въ приблизительно 8-9 тысячъ квадр.миль, ихъ относительно мирное настроеніе объясняется, вѣроятно, еще тѣмъ, что значительная часть ихъ была принята въ составъ имперіи въ качествѣ мирныхъ поселенцевъ, тогда какъ другіе поступали въ число римскихъ вспомогательныхъ войскъ въ качествѣ "союзниковъ" |foederati|. Возможно, наконецъ, что созданіе крупной готской монархіи Эрманариха |ум.въ 375г.|, подчинившаго себѣ, повидимому, значительную часть южной и средней Россіи, отвлекло часть готскихъ силъ отъ римскихъ границъ. Во всякомъ случаѣ болѣе значительныя столкновенія съ Римомъ упоминаются только въ 321-2, въ 337 и, наконецъ, 364-7 гг. Послѣднее служило своего рода прелюдіей къ появленію визиготовъ въ предѣлахъ имперіи въ 375 и слѣд.гг., приведшему къ катастрофѣ римскаго войска при

Адріанополѣ въ 378 г.

На западѣ Максиміанъ и Констанцій Хлоръ, соправители Діоклеціана, вытѣсняютъ франковъ изъ сѣверной Галліи, аламановъ изи Италіи и восточной Галліи. Константинъ Великій продолжаетъ энергично охранять ренскую и верхнедунайскую границы, но въ то же время также, какъ его предшественники, принимаетъ варваровъ массами въ имперію, какъ въ качествѣ поселенцевъ, такъ и въ качествѣ войскъ. Въ эпоху смутъ варвары, вдобавокъ, уже успѣли осѣсть на лѣвомъ берегу Рейна около его устья |франки|, а также въ Эльзасѣ |аламаны|; римскія власти не пытаются больше вытѣснить ихъ оттуда, но заставляютъ ихъ признать свою зависимость отъ имперіи. Порядокъ такимъ образомъ возстанавляется, но не безъ значительныхъ уступокъ и не надолго |приблизительно до 350 г.|. Междоусобныя войны эпохи сыновей Константина Великаго, особенно борьба Констанція |337-361| съ узурпаторомъ Магненціемъ, провозгласившимъ себя въ Галліи императоромъ |около 351г.|, снова открываютъ варварамъ римскія границы. Франки расширяютъ свои владѣнія на сѣверо-востокѣ, аламаны уничтожаютъ 45 римскихъ городовъ, заселяютъ пространство въ 8 миль на лѣвомъ берегу верхняго Рейна до Майнца и держатъ въ страхѣ всю восточную Галлію. Вся страна къ востоку отъ линію Безансонъ-Туль-Маасъ-Шельда фактически переходитъ въ руки варваровъ. Успѣхи Юліана, назначеннаго цезаремъ и намѣстникомъ гальской префектуры |356-361; импер.361-363|, лишь временно возстановляютъ римское владычество къ западу отъ Рейна. Онъ очищаетъ внутреннюю Галлію отъ варваровъ, отнимаетъ у франковъ Кельнъ |Colonia Aggripinensis|; разбиваетъ семь аламанскихъ конунговъ у Страсбурга |357г.|

и заставляетъ какъ франковъ, такъ и аламановъ, поселившихся къ западу отъ Рейна, признать верховенство Рима, но за немногими исключеніями предоставляетъ имъ остаться въ заселенныхъ ими областяхъ. Послѣ его удаленія на востокъ набѣги возобновляются съ прежней силой, причемъ наряду съ франками и аламанами начинаютъ играть роль и бургунды, переселившіеся изъ восточной части средней Европы въ долину Майна. Въ общемъ, однако, императору Валентиніану I |364-375| и его сыну Граціану |375-383|, хотя и съ трудомъ, но удается сохранить порядокъ на Рейнѣ и верхнемъ Дунаѣ.

Новый натискъ восточныхъ германцевъ, наконецъ, служитъ введеніемъ въ періодъ внѣшняго разложенія имперіи. Угрожаемыя съ востока нашествіемъ гунновъ |вѣроятно, принадлежащихъ къ монгольскому племени|, визиготы обращаются къ императору Валенту за разрѣшеніемъ перейти въ качествѣ федератовъ на правый берегъ Дуная, получаютъ разрѣшеніе поселиться въ нынѣшней Болгаріи, но, притѣсняемые римскими чиновниками, возстаютъ и уничтожаютъ 80000 римское войско при Адріанополѣ |въ 378 г.|, послѣ чего опустошаютъ весь Балканскій полуостровъ. Возведенный въ званіе императора соправителемъ и племянникомъ погибшаго Валента Граціаномъ Феодосій Великій |378-395| въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ведетъ съ ними борьбу, пока въ 381 г.ему не удается, не столько силой оружія, сколько уступками, возстановить миръ: визиготы признаютъ свою зависимость отъ имперіи, но остаются въ ея предѣлахъ на правахъ федератовъ и получаютъ земли для поселенія. Ихъ обязанности практически ограничиваются поставкой извѣстнаго количества солдатъ въ императорское войско. Во всемъ остальномъ они, повидимому, сохраняютъ самостоятель-

ность и находятся подъ непосредственнымъ начальствомъ своихъ національныхъ вождей, которые, впрочемъ, подчинены римскимъ властямъ. О подчиненіи ихъ римскимъ порядкамъ и о романизаціи ихъ нечго думать уже въ виду ихъ многочисленности: по словамъ источниковъ въ 375 г. ихъ было 200000 способныхъ носить оружіе |всего, вѣроятно, отъ 80000 до I милліона| и если многіе должны были погибнуть во время войнъ и отъ голода, то съ другой стороны уже послѣ 375 г. къ нимъ присоединились новые варварскіе отряды изъ остроготовъ, алановъ и т.д.

-.-.-.-.-.-.-

ОТДѢЛЪ III.

Образованіе германскихъ государствъ въ предѣлахъ римской имперіи. Разложеніе имперіи. Характеръ новыхъ государствъ и тенденція ихъ развитія.

I. Образованіе германскихъ государствъ и разложеніе имперіи. Останавливаться подробнѣе на внѣшнемъ ходѣ событій, приведшихъ въ теченіе У в. къ образованію германскихъ государствъ въ Галліи, Испаніи, Африки и Италіи мы не можемъ. Попытаемся дать лишь общій очеркъ исторіи У в. съ этой точки зрѣнія. Подробности см. у *Wietersheim'a, Geschichte der Völkerwanderung* 2 т. |II изд.подъ редакціей *Dahn'a*|; *Dahn, Urgeschichte der germanischen und römischen Völker* |въ коллекціи Онкена|; Гревоъ, Аларихъ и вестготы |въ книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, т.I. стр.118-191|.

Несмотря на безпрестанныя войны съ варварами имперія и въ концѣ IУ в. была сильнѣйшей державой тогдашняго цивилизованнаго міра. Объединеніе ея въ рукахъ Феодосія Великаго |394-395| еще разъ подчеркнуло ея единство, которое и послѣ его смерти принципіально не было нарушено несмотря на то, что власть перешла къ его двумъ сыновьямъ, Аркадію и Гонорію, изъ коихъ каждый долженъ былъ управлять двумя префектурами, первый - востокомъ и Иллиріей второй - Италіей и Галліей. Раздѣлена была не имперія, а императорская власть, какъ это неоднократно бывало и раньше. (Раздѣлена не имперія, а императорская власть, какъ это неоднократно бывало и раньше.) Начиная съ Діоклеціана, раздѣлъ центральной власти даже представлялся обычнымъ |она была раздѣлена отъ 284 до 323г, 337-351,364-394г., т.е.въ теченіе 80 слишкомъ изъ 110 лѣтъ|, но тѣмъ не менѣе ни тогда, ни также позднѣе о раздѣлѣ самой имперіи не было и рѣчи. Уже поэтому неправильно говорить о западной и восточной римской имперіи или о "паденіи западной римской имперіи". Принципіально единство имперіи всегда сохранялось.

На практикѣ, однако, раздѣленіе власти между двумя лицами не могло не отразиться на единствѣ политики; несогласія между Аркадіемъ и Гоноріемъ |или точнѣе между ихъ министрами Руфиномъ и Евтропіемъ съ одной, Стилихономъ съ другой стороны| несомнѣнно облегчили варварамъ борьбу съ Римомъ.

Борьба начинается визиготами подъ начальствомъ одного изъ національныхъ вождей Алариха, состоявшаго въ то же время на римской службѣ. О причинахъ ихъ возстанія противъ Аркадія въ 395 и сл.гг. намъ ничего не извѣстно, вѣроятно, личные интересы Алариха, стремившагося къ званію

, совпали съ потребностью визиготовъ расширить уступленныя имъ земли. Первоначально они обрушились на Иллирикъ и разграбили весь Баолканскій полуостровъ, чѣмв вынудили Аркадія пойти на уступки: желанія какъ Алариха, такъ и его народа, были удовлетворены. Слабость власти, обнаружившаяся при этомъ, не могла не усилить притязаній варваровъ и съ 400 г.они обращаютъ свое оружіе на Италію, о богатствѣ которой всѣ варвары, повидимому, имѣли самыя преувеличенныя понятія. Первыя нашествія Алариха были, однако, отражены Стилихономъ, но почти одновременно съ нападеніемъ визиготовъ Италія подвергается новой опасности: въ 402 г. Аларихъ былъ разбитъ при Пленціи и Веронѣ, а въ 404 огромная толпа разныхъ германскихъ племенъ |свевовъ и др.| подъ начальствомъ Радагайса проникаетъ въ Италію съ сѣвера черезъ Альпы и доходятъ до Флоренціи, гдѣ Стилихону удается ихъ окружить и лишить ихъ подвоза: голодъ и болѣзни погубили варваровъ, остатокъ коихъ сдался римлянамъ.

Отраженіе такихъ нападеній, какъ нападенія Алариха и Радагайса, естественно требовало весьма значительнаго напряженія силъ и въ частности сосредоточенія значительныхъ войскъ въ Италіи. Понятно поэтому, что большая часть римскихъ войскъ была переведена изъ провинцій, въ частности изъ Галліи и Испаніи въ центръ государства, но этимъ въ свою очередь настолько ослаблялась охрана границъ, что съ этого времени Британія подвергается безпрерывнымъ набѣгамъ пиктовъ и скоттовъ, а въ Галлію еще въ 406 г. проникаютъ черезъ рейнскую границу вандалы, свевы и аланы, въ теченіе 3 лѣтъ подвергающіе всю страну разграбленію, чтобы затѣмъ перейти черезъ Пиринеи въ Испанію. Весьма естественно, что въ то же время франки, бургунды и аламаны также

расширяютъ предѣлы заселенной ими территоріи и готовятся сбросить съ себя римское владычество, а иные варвары проникаютъ въ провинціи, расположенныя по верхнему Дунаю, и въ Паннонію. Между тѣмъ римская военная организація не разсчитана на одновременную борьбу во всѣхъ провинціяхъ и варвары поэтому не встрѣчаютъ почти никакого сопротивленія. На первый взглядъ могло бы показаться, что Риму просто придется снова испытать такой періодъ анархіи и всеобщаго грабежа, который онъ пережилъ около половины III в. и который не привелъ же къ разложенію имперіи. Но не говоря уже о томъ, что внутреннее разложеніе Рима съ тѣхъ поръ значительно возрасло, самый характеръ варварскихъ нашествій существенно измѣнился. Какъ въ Галліи, такъ и въ Испаніи, внутри границъ имперіи создаются болѣе или менѣе значительные и прочные варварскіе центры съ собственной племенной организаціей и племенными вождями: это уже не шайки франкскихъ или аламанскихъ грабителей III вѣка, отдалившіеся отъ Рейна и не опирающіеся на данное племя, это цѣлыя племена, стремящіяся не только къ добычѣ, но прежде всего и главнымъ образомъ къ захвату земель.

Положеніе имперіи еще ухудшается появленіемъ цѣлаго ряда узурпаторовъ: вслѣдъ за вторженіемъ алановъ, вандаловъ и свевовъ въ Галлію въ 406 г. въ Британніи провозглашается императоромъ Константинъ |407г.|, въ Испаніи Максимъ, и Гонорій принужденъ признать перваго своимъ соправителемъ. Въ послѣдующіе годы число узурпаторовъ, ведущихъ борьбу между собою и съ Гоноріемъ еще растетъ. Сила римской власти отъ этого естественно страдаетъ какъ потому, что ни одинъ изъ претендентовъ на императорскій престолъ не сосредоточива-

етъ въ своихъ рукахъ всего римскаго войска, такъ и потому, что всѣ они одинаково вступаютъ въ соглашеніе съ варварами, принимаютъ ихъ къ себѣ на службу и тѣмъ самымъ узаконяютъ, поскольку это отъ нихъ зависитъ, ихъ положеніе и захваты въ предѣлахъ имперіи: такъ Іовинъ опирается на бургундовъ и алановъ, самъ Гонорій - впослѣдствіи на Атуальфа и визиготовъ.

Непосредственнымъ результатомъ несчастій, обрушившихся на имперію 406 г. - вторженія варваровъ въ Галлію и Испанію, удачной узурпаціи Константина въ Британніи и т.д. - было паденіе главнаго представителя римской имперіи на западѣ - Стилихона. Обвиненный въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Аларихомъ, Стилихонъ палъ жертвой враждебнаго варварамъ настроенія римскаго общества, проявлявшагося въ это время какъ при дворѣ Аркадія, такъ и при дворѣ Гонорія. Характернымъ проявленіемъ этого настроенія является рѣчь философа, оратора и епископа Киренскаго Синесія, произнесенная имъ въ 399 году передъ Аркадіемъ. "Наше положеніе", говоритъ Синесій |см. Guedenpenning, Geschichte des Oströmischen Reichs unter den Kaisern Arkadius und Theodosius II, стр. 104-5|, "представляется крайне опаснымъ и надо надѣяться на Бога и на императора, что удастся устранить нарывъ, давно гноящійся на тѣлѣ римской имперіи. Для этого прежде всего необходимо, чтобы солдатами были римляне, а не варвары, которые, видя слабость имперіи, легко могутъ задумать ея покореніе. Мы уже имѣемъ нѣсколько примѣровъ такихъ попытокъ и еще до сихъ поръ нѣкоторыя области государства не умиротворены, такъ какъ чуждые элементы не могутъ ужиться съ туземными. |Ораторъ имѣетъ въ виду походы Алариха и другихъ готскихъ

вождей|. Варваровъ слѣдуетъ изгнать и въ то же время создать противъ нихъ противовѣсъ въ видѣ римскаго войска. Не слѣдуетъ чрезмѣрно щедро совобождать римлянъ отъ воинской повинности. Пускай молодежь, наоборотъ, оставитъ плугъ и школу философа, ремесло и лавку, пускай она не проводитъ свободнаго времени въ театрѣ, она должна поступать въ войско. Вѣдь защита страны по преимуществу мужская доблесть. Внутреннее управленіе - доблесть женское. Да возродится римскій духъ, да будутъ оедржаны побѣды и прекращены всякія сношенія съ варварами, чтобы дѣло не дошло до того, что |варвары| солдаты будутъ властвовать надъ|римлянами| горожанами. Поэтому ихъ слѣдуетъ прежде всего устранить отъ государственныхъ должностей и изъ сената: вѣдь они сами относятся къ тогѣ, какъ къ чему то позорному, надѣваютъ ее только непосредственно передъ засѣданіемъ сената, а потомъ ее сейчасъ же снимаютъ, такъ какъ она - де мѣшаетъ быстро хвататься за мечъ. Въ каждомъ состоятельномъ домѣ есть скиѳскій рабъ и если Криксъ и Спартакъ могли вызвать нѣкогда страшную войну |война съ рабами ок.70 г.до Р.Хр.|, то что же стоитъ этимъ варварамъ, коихъ такъ много въ рабахъ, въ войскѣ и среди дожностныхъ лицъ напасть на туземцевъ? Пусть же Аркадій очиститъ войско какъ пшеницу и не побоится трудности своей задачи, пусть онъ вспомнитъ, надъ кѣмъ царствуетъ. Вѣдь скиѳы всегда лишь не надолго были страшны; они пришли къ римлянамъ, моля о помощи, и были приняты; потомъ они возстали, но были наказаны Ѳеодосіемъ. Къ сожалѣнію, онъ отнесся къ нимъ слишкомъ милостиво, принялъ ихъ въ число своихъ войскъ, далъ имъ должности и участокъ земли. Съ тѣхъ поръ они смѣются надъ римлянами и даже привлекли въ

имперію еще иныхъ варваровъ".

Весьма вѣроятно, что аналогичные взгляды были сильно распространены во всемъ римскомъ обществѣ и въ частности въ правящихъ сферахъ. Результатомъ ихъ было убійство |варвара по происхожденію| Стилихона и цѣлаго ряда другихъ варварскихъ генераловъ въ 408 г., когда успѣхи варваровъ въ Галліи и Испаніи и слухи о сношеніяхъ Стилихона съ ними и особенно съ Аларихомъ естественно вызвали реакцію римскаго элемента противъ варварскаго. Тѣмъ не менѣе гибель Стилихона не только не улучшила положеніе римской имперіи, а наоборотъ повлекла за собой новые походы Алариха на Италію, взятіе Рима и окончательное потрясеніе престижа имперіи.

Впечатлѣніе взятія Рима визиготами въ 410 году на население имперіи трудно преувеличивать: съ 389 г. до Р.Х. Римъ никогда не находился въ рукахъ враговъ, съ 20 г. до Р.Х. онъ не видалъ предъ стѣнами своими внѣшняго врага. "Голосъ прерывается и рыданія заглушаютъ слова говорящаго", пишетъ бл. Іеронимъ, получивъ извѣстіе о взятіи Рима |ad prinsipiam 127|: "Взять городъ, который покорилъ весь міръ". И Іеронимъ приводитъ извѣстныя слова Энея о взятіи Трои, чтобы выразить свой ужасъ. Язычники обвиняли христіанство въ совершившемся несчастіи: отреченіе отъ родныхъ римскихъ культовъ, по ихъ мнѣнію, повлекло за собой кару оскорбленныхъ боговъ. О широкомъ распространеніи этого взгляда можно судить по тому, что бл. Августинъ

Литографія Богданова Эртелевъ пер., д. № 1.

Директоръ [signature]

счелъ нужнымъ бороться съ нимъ въ литературѣ: его знаменитый трактатъ „о градѣ Божіемъ" | de civitate Dei | написанъ для опровerженія язычниковъ, также какъ и "Исторія" его ученика Орозія | Historiarum adversus paganos libri VII | Въ ихъ лицѣ, какъ мы еще увидимъ, и церковь отвернулась отъ имперіи и опредѣленно заявила свои права на самостоятельное существованіе.

Несмотря на страшный ударъ, нанесенный престижу имперіи среди варваровъ взятіемъ Рима, агонія имперіи продолжается еще больше 60 лѣтъ. Представителями центральной власти въ это время являются въ сущности не императоры |Гонорій 395-423; узурпаторъ Іоаннъ 423-425, Валентиніанъ III 425-455, Максимъ 455, Авитъ 455-456, Маіоріанъ 457-461, Северъ 461-465, Анеимій 467-472, Олибрій 472-3, Гликерій 473-4, Юлій Непотъ 474-475, Ромулъ Августулъ 475-476|, а ихъ полководцы Констанцій при Гоноріи, Аэцій при Валентиніанѣ III, наконецъ, свевъ Рикимеръ, фактически правившій отъ 455 до 472 г. Несмотря на временныя удачи Констанція и Аэція въ Галліи и въ Испаніи одна провинція за другой постепенно переходитъ въ руки варваровъ, сначала въ большей или въ меньшей степени признающихъ верховенство императора, но рано или поздно пріобрѣтающихъ совершенно независимое положеніе.

Раньше всего императоры вступаютъ въ соглашеніи съ визиготами. Взятіе Рима, давно потерявшаго стратегическое значеніе, перешедшее къ Равеннѣ и Миланѣ, и постоянно нуждавшагося въ подвозѣ хлѣба изъ Африки, не обезпечило положенія визиготовъ въ Италіи и уже Аларихъ повидимому собирался переправиться въ Африку, безъ которой обладаніе Италіей было почти невозможно. Его неудача, а затѣмъ и смерть, заставили его преемника Атаульфа искать другой исходъ: повидимому съ согласія Гонорія онъ покидаетъ Италію |въ 410 г.|, переходитъ въ Галлію, побѣждаетъ

узурпаторовъ Іовина и Севастіяна и въ надеждѣ на окончательное примиреніе съ Римомъ женится на сестрѣ Гонорія, Галлѣ Плацидіи, |414 г.|. Вопреки его надеждамъ именно этотъ бракъ приводитъ къ къ новому столкновенію съ Римомъ, причемъ полководецъ, а затѣмъ и соправитель Гонорія, Констанцій, вытѣсняетъ Готовъ изъ Галліи за Пиринеи. Послѣ гибели Атуальфа въ Испаніи и выдачи Плацидіи его преемникомъ Валліемъ Констанцію, Валлія принимается на римскую службу и, по словамъ Фразія, "самъ въ интересахъ Рима подвергается опасности, ведя войны съ другими племенами, поселившимися въ Испаніи |вандалы, аланы и свевы|, и одерживая побѣды надъ ними для Рима". Въ вознагражденіе за эти услуги ob meritum victoriae "Готы въ 419 г.- были вызваны Констанціемъ въ Галлію и получили земли для поселенія | sedes | въ Аквитаніи отъ Тулузы до Океана". Этимъ, къ сожалѣнію, ограничиваются наши свѣдѣнія относительно договора 419 года: мы не знаемъ, на какихъ условіяхъ готы поселены были въ Аквитаніи, т. е. были ли они сразу надѣлены землями или они получали первоначально только продовольствіе отъ населенія, въ домахъ котораго они поселились на правахъ военнаго постоя; мы не знаемъ также, какъ оффиціально было опредѣлено положеніе Веллія, былъ ли онъ признанъ только конунгомъ визиготовъ, или онъ получилъ еще какую-либо римскую должность, и если онъ получилъ таковую, то давала ли она ему только военную команду или также гражданскія полномочія мы не знаемъ, наконецъ, ничего ни о его положеніи, его правахъ и обязанностяхъ по отношеніи къ другимъ римскимъ властямъ, къ префекту галльской префектуры, къ викарію галльской діоцезы, къ высшимъ военнымъ властямъ имперіи |magistri militum|. Несомнѣнно лишь одно, что Галлія и визиготы признали верховенство Гонорія и считались римскими федератами

тогда какъ ихъ фактическое положеніе всецѣло зависѣло отъ силы центральнлй власти.

Въ самонъ дѣлѣ, какъ только послѣ смерти Гонорія | 423 | началась борьба между узурпаторомъ Іоанномъ и Валентиніаномъ III, преемникъ Валліи, Теодорихъ I |419-451| сдѣлалъ попытку захватить "галльскій Римъ" Арль, въ 418 году объявленный административнымъ центромъ семи галльскихъ провинцій. Побѣды Аэція въ 425 и 429 гг. временно остановили развитіе визиготскаго могущества, но и послѣ этого столкновенія визиготовъ съ имперіей не прекращаются и лишь общая опасность отъ гунновъ соединила римлянъ съ визиготами противъ Аттилы |въ 451 г.|. Смерть Аэція убитаго Валентиніаномъ въ 454 г.,убіеніе самого Валентиніана III въ 455 и наставшая послѣ этого реакція окончательно сломила силу Рима и Теодориху II |453-466|, а затѣмъ,особенно Эврику |466-484| ничего не стоило создать огромное готское государство, простиравшееся отъ южной Испаніи до Луары.

Вторымъ крупнымъ германскимъ племенемъ, создавшимъ государство въ предѣлахъ имперіи, являются вандалы. Изъ восточной Европы, гдѣ они жили въ сосѣдствѣ съ готами, вандалы въ концѣ IУ вѣка приникаютъ въ западную Германію и въ 406 году вмѣстѣ съ аланами и свевами переходятъ черезъ Рейнъ, опустошаютъ въ теченіе трехъ лѣтъ Галлію, а затѣмъ въ 409 году проникаютъ въ Италію, гдѣ остаются почти 20 лѣтъ. Несмотря на то, что императорское правительство вступило съ ними въ соглашеніе, признавъ ихъ, вѣроятно, также федератами, вандалы все это время не могли прочно осѣсть въ предѣлахъ Испаніи: столкновеніе съ аланами и свевами, съ визиротами Валлія, съ римскими войсками наполняютъ вандальскую исторію етого-времени. Положеніе мѣняется лишъ тогда, когда ихъ конунгъ Гайзерихъ |Гензерихъ въ

429 г. переходитъ въ Африку, намѣстникъ которой Бонифацій как разъ въ это время находится въ враждебныхъ отношеніяхъ съ все сильнымъ при дворѣ Валентиніана III Аэціемъ. Все равно, были ли вандалы приглашены Бонифаціемъ въ Африку или нѣтъ - невоз можнаго въ такомъ призваніи ничего нѣтъ - во всякомъ случаѣ несогласіе среди римлянъ чрезвычайно облегчили имъ завоеваніе Африки. Независимо отъ борьбы Бонифація съ Аэціемъ, парализовавшей силы обѣихъ сторонъ, вандальскому завоеванію особенно содѣйствовало недовольство многочисленныхъ въ Африкѣ еретиковъ донатистовъ центральной властью, жестоко преслѣдовавшей сторонниковъ донатизма. Попытки Бонифація вытѣснить вандаловъ при помощи византійскихъ вспомогательныхъ войскъ окончились двукратнымъ пораженіемъ римлянъ, которые въ 435 должны были заключить договоръ съ вандалами, на основаніи котораго последніе получили почти всю сѣверо-западную Африку но безъ Карфагена и Триполиса за что признали верховенство императора выдали въ качествѣ заложника сына Гензериха, Гунериха и обязали къ уплатѣ ежегодной дани, вѣроятно, состоявшей въ хлѣбѣ для продовольствія Рима. Было ли точнѣе формулировано ихъ положеніе по отношенію къ императору и къ провинціаламъ и если да, то какъ именно мы не знаемъ. Фактически степень ихъ зависимости отъ имперіи всецѣло зависѣла отъ силы центральной власти пользуясь анархическимъ положеніемъ имперіи, Гензерихъ въ 439 году безъ объявленія войны взялъ Карфагенъ, который съ этого времени сдѣлался столицей вандальскаго конунга. Непосредственно послѣ этого начинаются вандальскіе набѣги на все побережье Средиземнаго моря (особенно его западнаго бассейна), закончившіеся взятіемъ и ограбленіемъ Рима въ 453 г., завоеваніемъ части Сициліи, Сардиніи, Корсики и Балеарскихъ острововъ. Несмот

на соединенныя усилія западныхъ и восточныхъ римскихъ властей вандалы остались хозяевами Средизмнаго моря.

Нѣсколько позднѣе визиготовъ и вандаловъ призваны имперіей бургунды. Переселившись около 370 г. изъ восточной Германіи въ долину Майна, они наряду съ своими сосѣдями алламанами и франками, воспользовались смутнымъ временемъ послѣ нашествія вандаловъ, алановъ и свевовъ на Галлію и захватили область по лѣвому берегу средняго Рейна |около Вормса и Шпейера, нынѣ баварская Пфальцъ|, гдѣ повидимому былъ признанъ узурпаторомъ Іовиномъ еще въ 413 г.| Prosp. Aquit.: Burgundio partem Galliae Rheno propinquam obtinuerant. |. Когда узурпаторы были устранены Констанціемъ при посредствѣ визиготовъ и римская власть въ Галліи усилена Аэціемъ, послѣдній рѣшилъ вытѣснить ихъ изъ занятой области и въ 437 г. при помощи вспомогательнаго войска изъ гунновъ нанесъ имъ чрезвычайно тяжелое пораженіе |память о коемъ отразилась на содержаніи пѣсни о Нибелунгахъ| .Остатки бургундовъ были выведены изъ занятой ими области и въ 443 г. переселены въ Савойю |Sabaudia|, гдѣ получили право поселиться, вѣроятно, на правахъ военнаго постоя. Эпоха смутъ, наставшая послѣ гибели Аэція дала ихъ конунгамъ возможность захватить Віенну, Ліонъ и Женеву, т.е. почти всю область Роны, причемъ они формально продолжаютъ оставаться въ положеніи римскихъ федератовъ: еще между 466 и 473 г. императоръ у нихъ называется dominus noster а ихъ конунгъ Сигизмундъ |516-523| даже въ началѣ VI в. признаетъ себя вассаломъ императора Юстина.

Въ то же время, когда восточные германцы-визиготы, вандалы и бургунды основываютъ свои эфемерные государства въ западныхъ провинціяхъ имперіи, аналогичное, хотя и менѣе быстрое

движенie наблюдается среди аллемановъ, франковъ и англосаксовъ. Захватывая и заселяя область отъ Рейна до Соны, Мааса и Шельды они постепенно готовятъ почву для созданiя франкской монархiи Меровинговъ, тогда какъ англо-саксы въ тоже время завоевываютъ и клонизируютъ Британiю. Влiянie этого движенiя вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается болѣе глубокимъ и прочнымъ, чѣмъ влiянie восточныхъ германцевъ, завоевавшихъ, но не имѣвшихъ восзможности колонизировать обширныя области, подпавшiя ихъ власти. Въ англосаксонскихъ королевствахъ римская культура исчезла почти совершенно вмѣстѣ съ кельто-римскимъ населенiемъ, почти совершенно истребленнымъ германцами. Во франкскихъ и аллеманскихъ областяхъ захваченныхъ этими племенами до счастливыхъ походовъ Хлодвига, германскiй элементъ, по крайней мѣрѣ, безусловно преобладалъ: особенно ярко это отразилось на замѣнѣ кельтской подворной системы разселенiя германской сельской системой.

Потеря всей Африки въ 439 г., потеря Испанiи и большей части Галлiи въ 60 г. V в. |лишь сѣверная Галлiя до 486 г. представляла римскiй островъ среди германскихъ владѣнiй|, оставили за эфемерными императорами второй половины V в., преемниками Валентинiана III, лишь одну Италiю, постоянно подвергавшуюся набѣгамъ вандаловъ и другихъ варваровъ. Вдобавокъ и внутри Италiи вся власть находилась не въ рукахъ императоровъ, а въ рукахъ варвара, патрицiя Рикимера, отъ 465 до 472 г. возводившаго и низлагавшаго императоровъ по собственному усмотрѣнiю два года |465-467| онъ управлялъ даже совсѣмъ безъ императора, опираясь на свои большей частью варварскiя войска. Смерть его въ 472 г. помѣшала ему совершить то, что 4 г. спустя выпало на долю такого же вождя варварскихъ войскъ, Одоакра. Отказъ императора Ромула-Августула, или вѣрнѣе его отца Ореста, раздать

войскамъ земли для поселенія - мы еще увидимъ, что такого рода раздѣлы играютъ существенную роль въ исторіи визиготовъ и бургундовъ - вызвали востаніе варваровъ подъ начальствомъ Одоакра Орестъ былъ разбитъ, его сынъ въ 476 г. низложенъ, а Одоакръ провозглашенъ конунгомъ тѣхъ разноплеменныхъ варваровъ, которые входили въ составъ его войска. Это и есть такъ наз. "паденіе западной римской имперіи" которому прежде неправельно придавали такое большое знаненіе. На самомъ дѣлѣ самый фактъ низложенія Ромула не произвелъ никакого впечатлѣнія и едва отмѣчается обремененными литописками какъ потому что за послѣдніе 200 лѣтъ императоры въ Италіи были совершенно безсильны, такъ и потому что низложеніе Ромула вовсе не влекло за собой "паденія западно-римской имперіи". Дѣло въ томъ, что западно-римская имперія никогда не существовала: какъ уже сказано въ 395 году была раздѣлена не имперія, а императорская власть и если императоръ, управляющій западомъ, переставалъ существовать, то это значило только, что императорская власть снова находилась въ рукахъ одного только лица, резиденція коего была въ Константинополь Согласно съ этимъ Одоакръ отправилъ императорскія инсигніи |ornamenta polatii| къ императору Зенону |474-491| и просилъ его утвердить его въ управленіи Италіей, а бургундскій конунгъ Сигизмундъ обращался къ Юстиніану I |518 - 527| какъ къ своему сюзерену Согласно съ этимъ и Зенонъ считалъ себя въ правѣ поручить теодориху Остроготскому войну съ Одоакромъ и завоеваніе Италіи

Послѣдній фактъ, т.е. завоеваніе Италіи Теодорихомъ созданіе въ ней національнаго германскаго королевства | 493 | завершаетъ первый періодъ борьбы имперіи съ варварами. Результатомъ его потери Италіи, Африки, Испаніи. Галліи и Британіи

не говоря объ областяхъ по верховнему и среднему Дунаю. За имперіей остались Балканскій полуостровъ,Малая Азія, Сирія и Египетъ.

Реакція имперіи противъ германскихъ завоеваній, связанная съ именемъ Юстиніана |527-565|, привела къ возобновленiи императорской власти въ предѣлахъ Африки, Италіи и Восточной Испаніи.

Непосредственно послѣ смерти Юстиніана начинается второй періодъ варварскихъ завоеваній, охватывающій эпоху отъ 568 до половины X в. Лангобарды захватываютъ большую часть Испаніи |въ 568 и сл. годахъ| арабы-Сирію въ 638 г., Египетъ съ Киренаикой въ 642 г., Карѳагенъ съ сѣверозападной частью Африки ок. 990 г Арменію и восточную часть Малой Азіи ок. 700 г.и въ 717-778 осаждаютъ самый Константинополь.Въ то же время славяне а съ ними вмѣстѣ Авары и Болгары захватываютъ весь сѣверъ балканскаго полуострова, а около 900 г. Симеонъ Болгарскій доходитъ въ своихъ походахъ съ другой стороны до Византіи.

Тѣмъ не менѣе вторая половина X и начало XI в. отмѣчаны новой реакціей имперіи |эпоха Никифора Фоки, Іоанна Цимисхія и Василія II Болгаробойца|. Возвращеніе всей Малой Азіи и части Сиріи, покореніе Арменіи, и уничтоженіе боргарскаго царства, приведшее къ возстановленію византійской власти, являются результатами этой борьбы, послѣ которой имперія все еще является сильнѣйшимъ государствомъ отъ Атлантическаго океана до Инда.

Вскорѣ послѣ смерти Василія II Болгаробойцы |1015| однако начинается III періодъ "варварскихъ завоеваній." Турки завладѣваютъ оплотомъ имперіи Малой Азіи |послѣ битвы при Манцикертѣ въ 1071 г.|: начинаются крестовые походы въ общемъ тяжело отражающіеся на имперіи и приводящіе къ завоеванію Кон-

стантинополя крестоносцами въ 1204 г. и созданіе феодальной латинской имперіи; болгары |Іоаннъ II Асѣнь ок. 1215 г.| и сербы| Стефанъ Душанъ въ XIУ в. возобновляетъ свои нападенія съ запада; наконецъ, османскіе турки въ XIУ и XУ вв. завоевываютъ послѣдніе области, подвластныя императорамъ, и въ 1453 г. берутъ Константинополь.

Разложеніе римской имперіи такимъ образомъ въ общемъ потребовало около 1200 лѣтъ и потеря западныхъ областей ея между 406 и 476 гг. съ точки зрѣнія имперіи представляетъ лишь одинъ изъ эпизодовъ этого долгаго процесса. Для насъ послужитъ онъ отправнымъ пунктомъ дальнѣйшей исторіи западно-европейскихъ народовъ.

II Характеръ германскихъ государствъ, возникшихъ въ предѣлахъ имперіи.

I. Условія и характеръ возникновенія германскихъ государствъ. Основнымъ фактомъ для уразумѣнія взаимныхъ отношеній имперіи и варваровъ, вообще для пониманія соціальнаго и политическаго строя новыхъ германскихъ государствъ въ частности слѣдуетъ признать то обстоятельство, что имперія не пала сразу, что ея провинціи попали въ руки германцевъ не въ силу завоеваній |или, по крайней мѣрѣ, не только въ силу завоеванія|, а въ силу формальнаго соглашенія между римскимъ правительствомъ и соотвѣтственными варварскими конунгами, хотя бы формально признавшими верховенство императоровъ. Такъ, визиготы получили земли отъ Гонорія вандалы были признаны въ своихъ владѣніяхъ Валентиніаномъ III, бургунды были поселены въ Савойѣ Аэціемъ, захваты аламановъ и франковъ были, по крайней мѣрѣ, отчасти, санкціонированы имъ же, а затѣмъ и другими римскими властями, остроготы были направлены въ Италію Зенономъ, Хлод-

вигъ въ 508 г. получилъ званіе консула отъ Анастасія. Одни только Англосаксы и въ этомъ отношеніи представляютъ исключеніе, но это объясняется тѣмъ, что имперія еще при Гоноріи отказалась отъ Британіи: когда ея населеніе обратилось въ Равенну за защитой отъ набѣговъ Пиктовъ, Скотовъ и англосаксовъ, правительство заявило, что не имѣетъ возможности исполнить эту просьбу и предложило бриттамъ прибѣгнуть къ самозащитѣ. При такихъ условіяхъ и при своеобразныхъ условіяхъ англо-саксонскаго завоеванія - во главѣ англосаксовъ нѣтъ единаго опредѣленнаго вождя и самое завоеваніе совершается сравнительно очень медленно - ни о какомъ договорѣ съ имперіей естественно и рѣчи быть не могло.

Съ внѣшней формальной стороны появленіе варварскихъ народовъ такимъ образомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не нарушило связей данной области съ имперіей или подчиненія ея императорамъ. Варвары на правахъ федератовъ принимались въ число подданныхъ императора, должны были оказывать ему военную поддержку и за это получали земли для поселенія и въ то же время ихъ конунги назначались на римскія военныя или гражданскія должности. На практикѣ, конечно, каждое изъ варварскихъ племенъ уже въ силу того, что они охраняли свою племенную организацію представляло изъ себя очагъ сепаратизма. Эти варварскія войска имперіи въ тоже время представляли изъ себя стремящіяся къ расширенію своихъ владѣній народы, ихъ генералы были въ то же время національными конунгами. Возрастающая слабость центральнаго правительства естественно не могла не выдвинуть этихъ конунговъ на первый планъ: если въ 420 г. Констанцій, во второй четверти У в. Аэцій, не будучи сами императорами еще стоятъ выше варварскихъ конунговъ, то во второй половинѣ У в. конунги постепенно возвышаются на столько что они -

осксльку разумѣется вообще признали свою зависимость отъ имперіи, считаются подчиненными только самому императору, а не какимъ-либо его лженостнымъ лицамъ . Единая римская имперія такимъ образомъ постепенно сначала фактически, затѣмъ и юридически замѣняется цѣлымъ рядомъ новыхъ государствъ.

Величина и могущество каждаго изъ новыхъ государствъ находится въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій. Съ одной стороны весьма естественно, что племя наиболѣе сильное въ данной мѣстности въ количественномъ отношеніи или по своей организаціи, представляетъ ядро, къ которому примыкаютъ болѣе слабыя племена, теряющіе при этомъ свое самостоятельное бытіе. Такъ, къ вандаламъ примкнула часть алановъ, къ остроготамъ часть ругіевъ и т.д. Немалое значеніе имѣютъ далѣе условія географическія вандалы захьатываютъ Африку, остроготы - Италію и смежныя съ нею области, бургунды долину Роны, свевы - гористня мѣстности сѣверо-западной Испаніи. Наименьшимъ географическимъ единствомъ отличается государство визиготовъ, раскинувшееся далеко по обѣ стороны Пиринеевъ, но за то оно и оказалось особенно непрочнымъ: одно пораженіе Алариха II въ 507 г. франками привело къ потерѣ почти всей области къ сѣверу отъ Пиринеевъ. Значительное вліяніе имѣло наконецъ отношеніе даннаго племени къ имперіи: сила визиготовъ особенно въ Испаніи въ значительной мѣрѣ обьясняются тѣмъ, что они вытѣснили отсуда вандаловъ отъ имени имперіи и при содѣйствіи ея войскъ.

Комбинація всѣхъ этихъ условій , какъ мы видѣли привела къ 476 г. къ слѣдующимъ результатамъ. Италія находилась въ рукахъ варварскихъ войскъ изъ разныхъ германскихъ народностей, объединенныхъ властью Одоакра. Африка съ островами составляетъ царство вандаловъ. Почти вся Испанія хромѣ свевска-

го сѣверо-запада|, а также Галлія до Луары принадлежитъ визиготамъ. Бургунды владѣютъ долиной Роны, Аламанны и Франки, еще не объединеная побѣдами Хлодвига, завладѣли страной между Рейномъ съ одной, Маасомъ и Шельдой съ другой стороны. Лишь область отъ Луары до Шельды еще не завоевана Германцами: здѣсь еще пользуется самостоятельностью келотская Аремо-рика |Бретань| и римская область Сіагрія.

2. Отношеніе германцевъ къ провинціаламъ. Въ ХУIII и въ XIX в. господствовало мнѣніе, что завоеваніе римской имперіи чрезвычайно тяжело отразилось на имущественномъ и юридическомъ положеніи провинціаловъ. Полагали, что они были лишены не только всѣхъ земель, которыя затѣмъ были раздѣлены между германцами, но и свободы и были превращены въ рабовъ или крѣпостныхъ, отъ которыхъ и вели свое произхожденіе средневѣковыя крѣпостные |Графъ Boulainvilliers|.

Болѣе внимательное изученіе процесса внутренняго и внѣшняго разложенія имперіи и варварскихъ правдъ заставило ученыхъ отказаться отъ этого взгляда, противъ котораго впрочемъ и въ ХУIII уже раздовались протесты | аббатъ Dübos, Montesquieu|. Главный трудъ по этому вопросу все еще: Gaupp. Die germanischen Ansiedelungen und Landteilungen in den Provinzen des römischen Westreiche 1844. Какъ же въ самомъ дѣлѣ происходило поселеніе германцевъ въ занятыхъ или данныхъ имъ имперіей областяхъ и какія послѣдствія оно имѣло для провинціаловъ.[2]

Изъ всѣхъ германцевъ, основавшихъ въ У в. государства на римской почвѣ если исключить по вышеуказаннымъ причинамъ англосаксовъ, а также малозначительныхъ испанскихъ све

вовъ - только вандалы | и въ VI в. лангобарды| обязаны своими землями простому факту завоеванія соотвѣтственной области, факту лишь впослѣдствіи признанному имперіей, и только у нихъ поселеніе на завоеванныхъ земляхъ и распредѣленіе ихъ между завоевателями совершилось независимо отъ римскаго вліянія. Въ то же время именно вандальское и позднѣе лангобардское завоеванія особенно тяжело отразились на провинціалахъ. Большая часть вандаловъ, всего ихъ было отъ 50-80,000| была поселена въ такъ наз. provincia Africa proconsularis, т.е. около Кареагена, а для этого естественно потребовалось убіеніе, обращеніе въ рабство или изгнаніе прежнихъ собственниковъ. Внѣ предѣловъ этой провинціи |африканская діопеза содержала 6 провинцій| провинціалы большей частью сохранили и свободу и собственность Императорскіе домены-особенно значительные именно въ Африкѣ - правда перешли въ руки Гензериха, а отдѣльные провинціалы и внѣ центра вандальскихъ поселеній могли пострадать отъ, сопровождавшей завоеваніе, анархіи, но ни принципіальной экспропріаціи всѣхъ провинціаловъ, ни поголовнаго обращенія ихъ въ рабство несомнѣнно не было |Ср. Dahn Urgeschichte des rom. u. germ. Völker. 1, 196 сл.|.

Поселеніе Лангобардовъ въ Италіи носило не менѣе насильственный характеръ, еще усугубляемый десятилѣтнимъ отсутствіемъ королевской власти |574-584|. Значительная часть крупныхъ землевладѣльцевъ была убита | ob cupiditatem, Paul. Diac. 2,32| и ихъ земли поступили въ руки лангобардовъ, замѣнившихъ бывшихъ собственниковъ и по отношенію къ ихъ колонамъ. Но и здѣсь это повидимому не привело ни къ экспропріаціи всѣхъ прежнихъ землевладѣльцевъ, ни тѣмъ болѣе къ поголовному обращенію ихъ

въ колоновъ или рабовъ. |Ср. Hartmann, Geschichte Italiens im Mittelalter II стр. 40 сл. Salvioli, Manuale di storia del diritto Italiano §118, стр. 169 сл.|.

Совершенно иное отношеніе мы наблюдаемъ въ государствѣ визиготовъ, бургундовъ, Одоакра, и остроготовъ, т.е. среди наиболѣе важныхъ для насъ племенъ. Остановимся пока на визиготахъ и бургундахъ. И они, разумѣется, стремились къ пріобрѣтенію земель, но такъ какъ самое поселеніе ихъ совершилось съ согласія и подъ руководствомъ римскихъ властей, то оно и не имѣло такого насильственнаго характера, какъ при захватѣ Африки вандалами.

Какъ визиготы такъ и бургунды считались федератами имперіи и римскія власти не могли не признать необходимости обезпечить ихъ существованія. Визиготы, говорятъ современники, "получили мѣсто для поселения" | sedes acceperunt | "имъ была дана "Аквитанія для поселенія" | ad inhabitandum |, "готы получили отъ имперіи продовольствіе и земли для обработки". Поселеніе визиготовъ, такимъ образомъ совершается отъ имени имперіи; главная цѣль его заключается въ обезпеченіи ихъ существованія и достигается очень просто примѣненіемъ обще - римскихъ правилъ о военномъ постоѣ. Задолго до появленія варваровъ въ предѣлахъ имперіи римскіе землевладѣльцы были обязаны принимать на свои земли опредѣленное количество солдатъ, причемъ послѣдніе получали въ свое распоряженіе часть |обыкновенно треть| соотвѣтственнаго дома. Отношеніе устанавливавшееся такимъ образомъ между землевладѣльцами и солдатами, называлось hospitalitas землевладѣльцы и солдаты были hospites. Понятно, что право собственности

оставалось всецѣло за землевладѣльцами. Согласно съ этимъ и визиготы и бургунды въ качествѣ римскихъ федератовъ были поставлены одни въ долинѣ Гаронны, другіе въ Савойѣ на правахъ военнаго постоя. Они были распредѣлены между римскими землевладѣльцами и вмѣстѣ со своими семьями | семьи имѣлись и у собственно римскихъ солдатъ| заняли каждый опредѣленную часть дома даннаго землевладѣльца. Единсвенное измѣненіе прежняго порядка заключалось въ томъ, что кромѣ части дома, они повидимому имѣли право и на продовольствіе.

Никакого раздѣла земель первоначально при этомъ повидимому не было: варвары просто жили и кормились въ домѣ помѣщика. "Какъ мнѣ писать гименеи", обращается крупный галльскій собственникъ, епископъ и поэтъ Аполлинарій Сидоній |Carm 12; о немъ см. Ешевскаго, К.С. Аполлинарій Сидоній въ Соч. т. III стр. I-342| къ одному другу, "когда я окруженъ этими длинноволосыми шайками, когда мой слухъ страдаетъ отъ грубыхъ звуковъ ихъ языка? Я слышу пѣсни пьянаго бургунда и мой поэтическій даръ гибнетъ. Моя муза не можетъ писать шестистопныхъ стиховъ съ тѣхъ поръ какъ ее окружаютъ защитники длиною въ 7 футовъ ex quo septipedes videt patronos |. Ты счастливъ, что не ощущаешь каждое утро десятки разъ запаха масла |которымъ они смазываютъ свои волосы|: съ самаго утра эти великаны приходятъ къ намъ на поклонъ, точно мы ихъ дѣды". Ясно, что этотъ отрывокъ предполагаетъ не только совмѣстную жизнь римлянина и варваровъ, но и почтительное отношеніе варваровъ къ знатному римскому барину, у котораго они живутъ. Что сами римляне въ извѣстномъ смыслѣ были заинтересованы въ томъ, чтобы у нихъ былъ варварскій постой, видно изъ жалобъ другого писателя того же времени, Паулина Пелльскаго |Eucharist. 283-299

"мой домъ былъ полонъ удобствъ и прелестей", говоритъ онъ, "онъ одинъ не былъ обязанъ принять постояльца изъ готовъ *hospes*. Но эта льгота стала причиной моей гибели: шайка варваровъ, покидавшая страну, не преминула подвергнуть его разрабленію. Защитниковъ не было и домъ былъ разграбленъ. А между тѣмъ много готскихъ *hospites*, какъ мнѣ извѣстно, защитили тѣ дома, въ коихъ ихъ приняли

Само собой разумѣется, что не слѣдуетъ слишкомъ обобщать впечатлѣніе мирнаго сожительства римлянъ и варваровъ, которое вытекаетъ изъ двухъ указанныхъ отзывовъ современниковъ. Въ эпоху глубокой анархіи и безпрестанныхъ войнъ вооруженные варвары фактически или хозяевами страны и если въ общемъ стѣснялись съ римскимъ магнатомъ, влiятельнымъ и при дворѣ ихъ конунга, и не питали никакой національной вражды къ римской массѣ, то все же они ужъ въ силу своей недисциплинированности нерѣдко должны были злоупотреблять своей фактической силой. "Варварскія племена наводнили Галлію" пишетъ Сальвіанъ, въ общемъ скорѣе сочувствующій варварамъ, "мы платимъ имъ дань: нѣтъ больше ни мира, ни безопасности. Богъ послалъ варваровъ въ имперію и сдѣлалъ ихъ хозяевами и господами римской земли". Несомнѣнно, что и тутъ Сальвіанъ сильно преувеличиваетъ - самъ онъ жилъ въ Марсели, гдѣ варваровъ вовсе не было - но жалобы на насилія и грабежи неоднократно повторяются лѣтописцами и всетаки не противорѣчатъ общему относительно мирному поселенію визиготовъ и бургундовъ въ Галліи. Не слѣдуетъ забывать, какъ слабо развито германское государство неспособное безусловно обезпечить миръ въ странѣ, особенно въ такую

Литографія Богданова, Эртелевъ пер., д. № I.

Директоръ *[подпись]*

переходную эпоху.

Во всякомъ случаѣ ни визиготы, ни бургунды не лишали всѣхъ римлянъ ихъ собственности и не обратили ихъ въ крѣпостныхъ или рабовъ. Въ общемъ дѣло сводилось къ тому, что въ каждомъ имѣніи наряду съ римляниномъ появился германецъ, сообща пользовавшійся доходами, доставляемыми колонами, а такъ какъ большенство римлянъ земли и дома которыхъ подвегались варварскому постою, принадлежало къ крупнымъ землевладѣльцамъ , то сравнительно германское поселеніе не отозвалось особенно тяжело на провинціалахъ. Весьма естественно однако, что съ теченіемъ времени, выяснилось, что поселеніе германцевъ не имѣетъ временнаго характера, совмѣстная жизнь римлянъ и германцевъ должна была представиться неудобной для обѣихъ сторонъ и приступили къ выдѣленію части имѣнія въ пользу германскихъ hospites.

Раздѣлъ имѣній между римлянами и германцами совершился при этомъ не сразу и доли сторонъ колебались у разныхъ племенъ и въ разное время. Такъ, въ государствѣ бургундовъ сначала, повидимому, какъ домъ, т.е. усадьба съ ея хозяйственными постройками, такъ и принадлежавшія къ нему земли были раздѣлены поровну. Позднѣе новый законъ присудилъ вавварамъ половину дома, двѣ трети пахатной земли и треть рабовъ, тогда какъ лѣса и пастбища находились въ общемъ пользованіи сторонъ. Еще позже - въ новь захваченныхъ земляхъ - бургунды получили снова лишь половину какъ усадьбы, такъ и земель. |Ср. Lex Burgundionum тит. 38, 54, 55, 79 и constitutiones extravagantes 21.12|.

Какъ совершился радѣлъ у визиготовъ, мы въ точности не знаемъ, но, судя потому, что земли, оставшіеся за римлянами, называются tertiae Romanorum |римскія трети| можно

думать. что визиготы получили 2|3 земель |Ср. *Lex Wisigothorum tit. X, 1 de divisionibus et terris ad placitum datis* 8,9,I6|.

Значительно мягче обошлись съ римлянами Одоакръ и затѣмъ Остроготы. Первый родалъ своим войскамъ всего лишь по трети земель, а остроготы, уничтоживъ государство Одоакра вовсе не прибѣгли къ новому раздѣлу, а довольствовались землями, роз - данными Одоакромъ его войскамъ.

Что касается наконецъ франковъ, то въ ихъ завоевательномъ движеніи на Галлію слѣдуетъ различать два періода, до и послѣ Хлодвига. Въ теченіе перваго періода III, IУ и большая часть У в. |они постепенно и медленно захватываютъ римскія области по лѣвому берегу нижняго Вейна до Мааса и Шельды, причемъ движеніе имѣетъ безпорядочный, общенародный характеръ и приводитъ къ истребленію, изгнанію или бѣгству большей части галлорим - лянъ. Въ связи съ этимъ здѣсь исчезаетъ христіанство, латинскій языкъ и римская культура. Понятно, что при такихъ условіяхъ массовое движеніе франковъ черезъ Нижній Рейнъ |и также точно аналогичное движеніе аламанновъ черезъ верхній Рейнъ| приводитъ къ совершенно новому распредѣленію захваченныхъ земель безъ сколько нибудь значительнаго вліянія имперскихъ порядковъ. Галлоримскія виллы и огороженные участки земли замѣ - няются германскими деревнями съ ихъ черезполосицей и открытыми общинными полями.

Совершенно иной характеръ имѣетъ дальнѣйшее расширеніе франскаго государства. Если франскія завоеванія до 48I года представляются общенароднымъ дѣломъ и приводятъ къ колонизаціи захваченныхъ областей франками, то позднѣйшія завоеванія наоборотъ являются по по преимуществу личнымъ дѣломъ Хлодвига и

къ колонизаціи не приводятъ. Намъ мало извѣстно о распоряженіяхъ Хлодвига послѣ завоеванія государства Сіагрія |486 г.| и визиготовъ |507 и сл.| но мы рѣшительно ничего не слышимъ о конфискаціи всѣхъ земель франками и наоборотъ встрѣчаемъ въ Салической Правдѣ римскихъ землевладѣльцевъ |romanus possessor. lex, Sal. 41,6,|. По всему вѣроятію Хлодвигъ довольствовался ограниченными императорскими доменами съ одной, землями, принадлежавшими солдатамъ и сторонникамъ Сіагрія или вытѣсненнымъ въ Испанію Визиготамъ, съ другой стороны. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ независимо отъ этихъ двухъ группъ земель насильственно захватывались и другія, что совершались убійства и всякаго рода иныя насилія, но систематической конфискаціи римскихъ земель не было и здѣсь и весьма значительная часть римскихъ собственниковъ сохранила свои имѣнія.

Но разъ мы видимъ, что большенство римскихъ землевладѣльцевъ сохранили по крайней мѣрѣ часть своихъ прежнихъ земель и послѣ образованія германскихъ государствъ на римской почвѣ |а нѣкоторые изъ нихъ въ силу привилегіи конунга по всему вѣроятію сохранили даже все свое поземельное имущество|, то становится само собой яснымъ, что не можетъ быть и рѣчи о систематическомъ приниженіи римлянъ и въ юридическомъ отношеніи.

И въ самомъ дѣлѣ - если оставить въ сторонѣ единичныя проявленія насилія - не подлежитъ сомнѣнію, что масса провинціаловъ не только въ Испаніи, Галліи и Италіи, но и въ Африкѣ сохранила свободу. Даже больше: провинціалы не были подчинены дѣйствію обычнаго права разныхъ германскихъ племенъ, завладѣвшихъ римскими провинціями, а сохранили свое римское право. Это, стран-

ное на первый взглядъ, явленіе очень просто объясняется, если принять въ разсчетъ, какъ германцы относились къ имперіи и при какихъ условіяхъ они создавали свои государства на ея почвѣ. Несмотря на ея внутренній упадокъ, несмотря даже на очевидную слабость имперіи въ борьбѣ съ внѣшними врагами, ея богатство, ея культура производили огромное впечатлѣніе на варваровъ, отнюдь не питавшихъ какой нибудь національной ненависти къ римлянамъ и по крайней мѣрѣ отчасти понимавшихъ всю свою отсталось передъ ними. "Я самъ слышалъ", разсказываетъ Орозія |Hist 7,43,4-8|, "какъ нѣкій урожденецъ города Нарбонны, извѣстный своими военными подвигами временъ Θеодосія, человѣкъ религіозный, умный и серьезный, разсказывалъ блаженнѣйшему пресвитеру Іерониму въ палестинскомъ городѣ Виѳлеемѣ, что онъ въ Нарбоннѣ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Атаульфомъ |визиготскимъ| и неоднократно слышалъ отъ этого замѣчательнаго душей, тѣломъ и разумомъ человѣка, что онъ первоначально страстно стремился къ тому, чтобы заставить міръ забыть имя римлянъ и назвать всю римскую землю готской, чтобы, выражаясь просто, Романія сдѣлалась Готіей и Атаульфъ сталъ бы тѣмъ, чѣмъ нѣкогда былъ Цезарь Августъ. Но когда долголѣтній опытъ ему доказалъ, что готы, вслѣдствіе своей варварской недисциплинированности, никоимъ образомъ не способны повиноваться законамъ, и что нельзя же упразднить дѣйствующіе въ республикѣ |т.е. въ римской имперіи| законы, безъ которыхъ государство не будетъ государствомъ, онъ рѣшилъ пріобрѣсти себѣ славу, возстанавливая и возвышая римское имя при помощи готскихъ силъ съ тѣмъ, чтобы потомство его признавало виновниковъ римскаго возрожденія, разъ онъ не могъ совершить задуманной имъ перемѣны. Вотъ почему онъ отказался отъ войны |съ Римомъ| и сталъ стремиться къ

миру"... Совершая набѣги на имперію, завладѣвая ея провинціями, совершая всякаго рода насилія и грабежи, варвары такимъ образомъ по своему отдавали должное античной цивилизаціи. "Слава готовъ |на этотъ разъ остроготовъ| заключается въ охранѣ цивилизаціи" |Laus Gothorum civilitas custodita|, говоритъ въ концѣ V. вѣка Теодорихъ Великій.

Но и независимо отъ этого малочисленность варваровъ и слабое развитіе государственности среди нихъ дѣлали невозможнымъ замѣну всего римскаго быта, въ частности римскаго правового строя германскими порядками и германскимъ правомъ. Если ко всему этому еще прибавить, что почти всѣ германскіе конунги, основавшіе государства на римской почвѣ, формально являлись представителями императорской власти въ данной мѣстности или, какъ напримѣръ Хлодвигъ, находились подъ вліяніемъ церкви, то фактъ сохраненія римскаго права становится вполнѣ понятнымъ.

Особенно благопріятно въ этомъ отношеніи было положеніе римскаго населенія въ государствѣ Одоакра и остроготовъ. Относительно перваго мы можемъ предположить, относительно второго знаемъ, что германцы не только не подчинили римлянъ дѣйствію своего права, но сами были подчинены римскому праву. Такъ, "эдиктъ Теодориха", содержащій въ 154 главахъ преимущественно распоряженія уголовнаго характера, почти цѣликомъ заимствованъ изъ разныхъ источниковъ римскаго права.

Не такъ просто разрѣшился вопросъ въ другихъ германскихъ государствахъ. Здѣсь, т.е. у бургундовъ, визиготовъ, франковъ и лангобардовъ |а также вѣроятно у вандаловъ|, римское право не сдѣлалось господствующимъ, а только продолжало существовать наряду съ правомъ германскимъ. Первое дѣйствовало по тяжбамъ между римлянами, второе по тяжбамъ между германцами, а также

между германцами и римлянами |Ср. Legis Gundobadae forma §2 omnes itaque administrandes ac judices secundum leges nostras, quae communi tractatu compositae et emendatae sunt inter Burgundionem et Romanum judicare debebunt. §8 inter romanos vero... romanis legibus praecipimus judicari. Praec. Chlot. II c. 4: inter romanos negotia causarum romanis legibus praecepimus terminari|.

Подчиненіе тому или другому законодательству основывается такимъ образомъ не на территоріальныхъ началахъ |гдѣ совершено преступленіе и гдѣ происходитъ судъ?|, а на происхожденіи тяжущихся |къ какой національности принадлежатъ стороны?|.

Значеніе этого факта само собой ясно: сохраняя свое тонко развитое право, римляне освобождались |по крайней мѣрѣ поскольку обѣ стороны принадлежали къ римской національности| отъ дѣйствія малоразвитаго германскаго обычнаго права, совершенно не предусматривавшаго массы вопросовъ, возникавшихъ въ культурномъ обществѣ и разрѣшавшаго даже тѣ, которые имъ были предусмотрѣны, крайне грубо и примитивно |ср. напримѣръ систему виръ|.

3. Характеръ государственаго строя и управленія въ германскихъ государствахъ.

а| Развитіе королевской власти. До поселенія германскихъ племенъ въ предѣлахъ имперіи и до образованія германскихъ государствъ на ея почвѣ ни у одного германскаго племени не было ни одного національнаго конунга, ни тѣмъ болѣе абсолютной королевской власти. Даже среди восточныхъ германцевъ, гдѣ, какъ мы видѣли, короловская власть безпрерывно существовала и въ эпоху Тацита и въ слѣдующіе вѣка, ея существованіе, повидимому, не было равносильно объединенію всей народности подъ властью одного конунга. У вандаловъ несомнѣнно существовало нѣ-

сколько конунговъ, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ подраздѣленій народности |главная: Астинги и Силинги|; у визиготовъ мы по крайней мѣрѣ въ IУ вѣкѣ, встрѣчаемъ рядъ вождей римляне ихъ называютъ судьями judices |, отчасти находившихся во враждебныхъ отношеніяхъ |напр. язычникъ Атанарихъ и христіанинъ Фритигернъ|; государство остроготовъ, по крайней мѣрѣ послѣ смерти Эрманариха |ок. 375 г.|, распалось между его сыновьями; у бургундовъ конунгъ | hendinos | раздѣлилъ власть верховнымъ герцогомъ | sinistus |, тогда какъ у лангобардовъ наряду съ нимъ стояли герцоги. Если таково было положеніе на востокѣ, то тѣмъ болѣе понятно, что возрождавшаяся королевская власть среди западныхъ германцевъ и подавно не успѣла объединить отдѣльныя народности. Какъ у франковъ, такъ и у алламановъ мы и въ IУ и въ У вѣкѣ встрѣчаемъ рядъ болѣе или менѣе сильныхъ конунговъ.

Вдобавокъ власть этихъ конунговъ далеко не была неограниченной. Всюду она должна была считаться съ мѣстной знатью |потомками тацитовскихъ principes и duces | и съ обычными вольностями всего народа, повидимому еще собиравшагося на народныя собранія. Только во время войнъ власть конунга, повидимому, была вполнѣ неограничена.

Совершенно иной характеръ имѣетъ королевская власть въ римско-германскихъ государствахъ визиготовъ, вандаловъ, бургундовъ, остро-готовъ и франковъ: во главѣ ихъ всюду стоитъ одинъ конунгъ съ неограниченной властью. Объясняетъ это цѣлымъ рядомъ условій. Прежде всего войны, во время которыхъ, какъ уже замѣчено, власть конунга была также неограничена, какъ власть тѣхъ герцоговъ, о которыхъ говоритъ Тацитъ, почти не прекращались въ періодъ предшествовавшій и непосредственно слѣдовавшій

за поселеніемъ германскихъ племенъ въ имперіи. Отъ перехода визиготовъ черезъ Дунай и до поселенія ихъ въ долинѣ Гаронны прошло около 45 лѣтъ |375-413| отъ начала движенія вандаловъ на западъ до кареагенскаго договора прошло свыше 30 лѣтъ |ок. 400-435| отъ появленія Бургундовъ на Майнѣ до ихъ поселенія въ Савойѣ около 70 лѣтъ |370-443|, отъ поселенія остроготовъ на Балканскомъ полуостровѣ до взятія Равенны болѣе 30 лѣтъ |о. 460-493| и т.д.: за то это время среди всѣхъ народовъ успѣло подрости новое поколѣніе, привыкшаго видѣть во главѣ народа конунга, облеченнаго чисто военной властью, представлявшаго истинное средоточіе народа. Вдобавокъ этотъ конунгъ опирается теперь не только на свои старыя германскія, но и на новыя римскія полномочія: онъ соединяетъ власть національнаго конунга съ властью римскаго магистрата, намѣстника генерала. Договоръ, которымъ самое положеніе германцевъ въ данной области имперіи былъ признанъ имперскимъ правительствомъ, заключенъ, вѣроятно, императоромъ и конунгомъ: германскій народъ едва ли принималъ въ немъ участіе. Малочисленность германцевъ среди римской массы также содѣйствуетъ условію конунга: необходимость нѣкоторой дисциплины не можетъ не увеличить его авторитета. Но и независимо отъ этого онъ теперь располагаетъ совсѣмъ иными средствами, чѣмъ въ предшествующее время: въ его рукахъ находятся огромныя земли, принадлежащія императору, казна, наполняющаяся податями, конфискаціями и военной добычей, наконецъ огромное вліяніе римской административной машины.

Въ то же самое время, когда королевская власть непомѣрно возвышается, ея прежніе конкуренты въ значительной мѣрѣ теряютъ вліяніе. Такъ, родовая знать до періода завоеванія повидимому, обладавшая не малымъ значеніемъ, стушевывается передъ

новой служебной знатью: богатство, какъ движимое, такъ и недвижимое почти всецѣло дается и обезпечивается королемъ: отъ него же зависитъ назначенiе на военныя и гражданскiя должности его дворъ является центромъ всего управленiя. Прежнiя территорiальныя родовыя связи и традицiи потеряли значенiе; тѣ средства, которыя прежде позволяли не только жить богато, но и пользоваться влiянiемъ на народныхъ собранiяхъ, теперь среди новой обстановки потеряли всякое значенiе. Въ результатѣ родовая знать не менѣе обыкновенныхъ свободныхъ вынуждена обращаться къ конунгу какъ источнику всѣхъ благъ, поступать въ его дружину и служить ему: нечего и говорить, что, сохраняя такимъ образомъ часть своего влiянiя среди народа, она въ то же время теряетъ прежнюю самостоятельность свою по отношенiю къ конунгу и, насколько вообще сохраняется, скоро сливается съ новой служебной аристократiей. Съ теченiемъ времени, правда, новая служебная знать вступитъ въ борьбу съ королевской властью и осилитъ ее, но въ первыя времена, пока она еще не успѣла упрочить за собой дарованныя королемъ земли и связанное съ ними влiянiе она неспособна служить противовѣсомъ противъ абсолютной власти конунговъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и народныя собранiя либо совсѣмъ исчезаютъ либо вырождаются и теряютъ всякое практическое значенiе. Созывать отъ времени до времени народныя собранiя становится физически невозможнымъ уже потому, что каждая изъ германскихъ народностей заняла теперь огромную территорiю въ тысячи квадратныхъ миль, а идея представительныхъ собранiй не менѣе, если не болѣе, чѣмъ римлянамъ, чужда германцамъ.

Въ результатѣ первый перiодъ существованiя германскаго государства на римской почвѣ отмѣченъ безусловнымъ владыче

ствомъ королевской власти. Конунгъ въ одно и то же время и верховный военачальникъ и верховный администраторъ |онъ назначаетъ на всѣ должности| и верховный судья и верховный законодатель. Въ послѣднемъ отношенiи ихъ дѣятельность впрочемъ чрезвычайно скромна и наименѣе самостоятельна. Варварскiя правды, являющiяся главнымъ законодательнымъ памятникомъ германской жизни У-IX в., представляютъ изъ себя сборники дѣйствующаго среди данной народности и въ данное время обычнаго права. Послѣднее, хотя и отражаетъ въ большей или меньшей степени ростъ королевской власти, но въ общемъ сравнительно мало подвергается ея влiянiю. Удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ: главная дѣятельность и интересъ германскихъ конунговъ направлены на на поддержанiе королевской власти на внѣшнiя войны, на сохраненiе нѣкотораго хоть, внутренняго порядка, а не на какiя-либо сознательныя внутреннiя реформы, способныя затронуть обычную жизнь ихъ народовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обычное право уже въ силу того, что оно издавна окружено ореоломъ божественнаго происхожденiя, особенно сильно охраняется народными традицiями и произвольное измѣненiе его далеко не безопасно. Вотъ почему большая часть варварскихъ правдъ не представляетъ изъ себя продукта одной только королевской воли, а создана совокупными усилiями, какъ конунга, такъ и народа. Такъ напр. по словамъ конунга Гундобада, бургундская правда составлена ex tractatu nostro et communi omnium voluntate |. такъ, лангобардская правда |Edictus Langobardorum |. была составлена по приказанiю конунга Ротари, но затѣмъ утверждена народомъ. Салическая правда, если вѣрить прологу въ ней, составлена въ силу народнаго постановленiя. О присхожденiи древнѣйшей визиготской правды временъ Эрика |466-484|, намъ ничего не извѣстно.

Съ другой стороны эдиктъ Теодориха остроготскаго |не имѣющі впрочемъ характера варварской правды, а содержащій почти исключи тельно постановленія, извлеченныя изъ римскаго права| изданъ, сколько намъ извѣстно, Теодорихомъ единолично. Таково же происхожденіе бургундскаго и визиготскаго сводовъ, предназначенныхъ для римскихъ подданныхъ бургундскаго и визиготскаго конунговъ lex Romana Burgundionum Гундобада, lex romana Wisigothorum Алариха II|. Да и сама салическая правда дошла до насъ лишь въ позднѣйшемъ изданіи, "улучшенномъ" |Lex Salica emendatum| конунгами Хлодвигомъ, Хильдебертомъ и Хлотаремъ, причемъ ни о какомъ участіи народа при "улучшеніи" законовъ не говорится. Позднѣе въ VI и сл. вѣкахъ, законодательная власть конунговъ безспорно постоянно возрастаетъ, выражаясь и въ болѣе или менѣе серіозныхъ измѣненіяхъ прежнихъ порядковъ и въ созданіи новыхъ нормъ и въ постановленіяхъ о кодифицированіи новыхъ правдъ. И въ этомъ отношеніи королевская власть такимъ образомъ постепенно парализуетъ значеніе народныхъ собраній.

в| Сохраненіе римской системы управленія. Разложивъ единство римской имперіи, замѣнивъ римскихъ намѣстниковъ и главнокомандующихъ, а затѣмъ фактически и римскихъ императоровъ въ обширныхъ, захваченныхъ ихъ народами, областяхъ, германскіе конунги, какъ мы видѣли, отнюдь не имѣли въ виду уничтожить всѣ римскія формы жизни и замѣнить ихъ германскими. Да это и было бы фактически невозможно уже потому, что германцы всюду представляли лишь сравнительно очень незначительное меньшинство, быстро подпавшее вліянію римской массы. Римское вліяніе съ самаго начала рѣзко бросалось въ глаза въ области администраціи новыхъ германскихъ государствъ: поставленные во главѣ обширныхъ областей германскі конунги естественно не могли бы найти въ прошломъ своихъ народо

никакого административнаго опыта, указанія, котораго можно было бы примѣнить къ совершенно новымъ и чрезвычайно сложнымъ условіямъ, если бы даже они вообще помышляли замѣнить римскіе порядки иными. Отсутствіе собственныхъ идей объ администраціи государства съ одной, договорное происхожденіе германскихъ государствъ съ другой стороны поэтому естественно въ общемъ повели къ сохраненію римскихъ формъ управленія. Исчезло сначала лишь то, что было умѣстно въ огромной империи, но не въ сравнительно небольшихъ новыхъ государствахъ: т.е. должности преторіанскихъ префектовъ, викаріевъ и главнокомандующихъ |*magistri militum*|; исчезли областные съѣзды, сенатъ и государственный совѣты; исчезъ или сильно видоизмѣнился сложный аппаратъ римскихъ центральныхъ учрежденій, на характеръ которыхъ съ самаго начала рѣзче всего сказалось вліяніе новыхъ властей. Чище всего сохранились римскіе порядки въ италійскомъ государствѣ остроговъ, чему независимо отъ особенно прочной въ Италіи традиціи несомнѣнно содѣйствовала и быстрота завоеванія Италіи, почти сразу вызвавшая потребность въ обширной административной системѣ, и личный характеръ основателя остготской монархіи, Теодориха Великаго |493-526|. Въ его государствѣ мы встрѣчаемъ должность *quaestoris sacri palatii*, которую долгое время занималъ Кассіодорій, и даже преторіанскаго префекта |управлявшаго однако только частью италійской префектуры, такъ какъ Африка находилась въ рукахъ вандаловъ| и городского префекта для города Рима, наряду съ которыми дѣйствуютъ готскіе *Daedomesomitesmiles*.[1]

[1] См. Mommsen, Ostgothische Studien въ Neues Archiv für deutsche Geschichtsforschung, Т. XIV. и XV.

Во всѣхъ остальныхъ германскихъ государствахъ этой эпохи характеръ центральнаго управленія ближе приближается къ герман-

скому, чѣмъ къ римскому типу. Центромъ управленія здѣсь служатъ не учрежденія чисто государственнаго характера, какъ римскія министерства, а королевскій дворъ съ дружиной, личными служащими и приближенными даннаго конунга. На первомъ планѣ здѣсь стоятъ лица, вліяніе которыхъ основывается на придворныхъ должностяхъ, обезпечивающихъ имъ постоянную близость къ особѣ конунга. "Конюшій" |marescalcus |,"кравчій" |scantio |,"дворецкій" | maior, senescalcus | и т.д. вотъ министры германскихъ конунговъ. Параллельно съ ними возвышается королевская дружина, къ которымъ принадлежатъ и они и среди которой конунгъ выбираетъ представителей мѣстной администраціи |comes, grafio | и военачальниковъ | dux | или спеціальныхъ комиссаровъ, посылаемыхъ въ провинціи |missi |. Но само собой разумѣется, что такая организація центральнаго управленія не является ни результатомъ несочувствія къ римскимъ порядкамъ, ни также результатомъ сознательной идеи, а проистекаетъ изъ германской традіціи и неумѣнія приноровиться къ новымъ сложнымъ условіямъ жизни.

Полная непривычка къ этимъ новымъ условіямъ и проистекавшее отсюда упрощеніе и огрубеніе центральныхъ учрежденій съ теченіемъ времени, разумѣется, не могло не сказаться на всемъ ходѣ администраціи, но первоначально почти вся система римскаго мѣстноаго управленія сохранилась. Провинціи сохранили прежніе центры и границы, подати и пошлины должны были взыматься по прежнему, во главѣ городовъ должны были стоять дефенсоры и декуріоны, римское право продолжало функціонировать и т.д. Единственное видоизмѣненіе весьма существенное, заключалось въ томъ, что усановленное IУ вѣкѣ раздѣленіе военной и гражданской власти было устранено.

Не смотря, однако, на желаніе конунговъ сохранить по мѣрѣ

силъ и разумѣнія римскую административную и финансовую систему скоро начало выясняться, что это задача непосильная для новыхъ государей. Съ одной стороны они сами были способны оцѣнить значеніе римской административной системы для ихъ власти и для поддержанія внутренняго мира и невольно упрощали и лишали ее гибкости и жизнеспособности, съ другой стороны и населеніе, видя только крайнюю обременительность всѣхъ податей и особенно повинностей, необходимыхъ для поддержанія стараго порядка, по мѣрѣ силъ старались избавиться отъ независтныхъ для нихъ тягостей. А условія времени, войны и безпорядки, сопровождавшіе созданіе новыхъ государствъ, съ одной стороны, сопротивленіе германскаго населенія, незнакомаго съ римскими требованіями къ населенію съ другой стороны затрудняли дѣятельность власти и наоборотъ облегчали провинціаламъ ихъ повсемѣстную, ежечастную борьбу съ фискальнымъ наслѣдіемъ имперіи. Въ виду этого вполнѣ понятно, что мы раньше всего замѣчаемъ разложеніе римской финансовой системы. Но безъ неявся вообще сложная бюрократическая система послѣднихъ временъ имперіи теряла почву подъ ногами и рано или поздно должна была измѣниться и упроститься до неузнаваемости. Вмѣсто цѣлаго ряда взаимно контролирующихъ и ограничивающихъ другъ друга учрежденій и должностныхъ лицъ мы въ большенствѣ случаевъ видимъ въ провинціи одно лицо съ почти неограниченной компетенціей, естественно неспособное взять на себя всю ту массу труда, которая отъ него требовалась въ тѣ смутныя времена, хотя бы для охраны личности и имущества населенія, и въ то же время не подчиненное никакому серьезному контролю и естественно склонное злоупортеблять своею властью.

Но при такихъ условіяхъ провинція естественно теряетъ связь съ центромъ, а центральная власть, несмотря на всю свою неогра-

ниченность, утрачиваетъ возможность направлять мѣстную жизнь въ желательномъ направленіи. Остается возможность отдѣльныхъ деспотическихъ актовъ, но нѣтъ болѣе почвы для правильнаго теченія государственной жизни. Власть въ существѣ дѣла неспособна какъ контролировать дѣятельность своихъ органовъ, такъ и охранять самые жизненные интересы подданныхъ. Понятно, что послѣдніе при такихъ условіяхъ ищутъ эту защиту въ поддержкѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, вліяніе которыхъ быстро возрастаетъ.

4| Тенденція соціальнаго развитія и ростъ аристократіи, свѣтской и духовной. Основнымъ фактомъ для уразумѣнія экономическаго и соціальнаго развитія германскихъ государствъ на римской почвѣ является господство натуральнаго хозяйства, сущность котораго, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что производство даннаго лица или данной хозяйственной единицы разсчитано на собственное потребленіе, а не обмѣнъ. Въ зависимости отъ этого каждая хозяйственная единица должна производить все необходимое для ея собственнаго существованія, иначе говоря должна быть самостоятельна и не зависима отъ другихъ хозяйственныхъ единицъ. Каждое село каждое имѣніе должно производить не только продукты добывающей |хлѣбъ, мясо и т.д.|, но и обрабатывающей промышленности |одежда, обувь, земледѣльческія и иныя орудія и т.д.| такъ какъ обмѣна держится въ самыхъ скромныхъ рамкахъ. Весьма понятно, что господство натуральнаго хозяйства само по себѣ съ одной стороны идетъ рука объ руку съ большой простотой и грубостью |или упрощеніемъ и огрубеніемъ| жизни, съ другой стороны влечетъ за собой преобладаніе мѣстныхъ интересовъ надъ общими. Что германская экономическая жизнь, какъ эпохи Тацита, такъ и эпохи поселенія въ предѣлахъ имперіи, находится на уровнѣ натуральнаго хозяйства само собой ясно. Но и экономическая жизнь имперіи въ то же время

быстро клонится къ востановленію полнаго господства того же натуральнаго хозяйства. Замѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ, обособленіе отдѣльныхъ мѣстностей ихъ участіемъ въ "міровой" торговлѣ, едва ли вообще совершилось съ одинаковой полнотой во всѣхъ областяхъ греко-римскаго міра. Болѣе отдаленныя отъ центра области, вѣроятно, и въ эпоху высшаго расцвѣта имперіи мало участвовали въ ея торговой и экономической жизни и по прежнему сохраняли весьма значительную долю хозяйственной обособленности. Для этого самый періодъ экономическаго и политическаго расцвѣта имперіи продолжается слишкомъ недолго. Не слѣдуетъ, однако, и преувеличивать самостоятельность греко-римскаго ойкоса (дома, какъ хозяйственной единицы), Востокъ, Италія, Африка, юговосточная Испанія часть Галліи несомнѣнно принимали серьезное участіе въ общей экономической жизни античнаго міра, производили съ цѣлью обмѣна и находились въ зависимости отъ него. Да и въ болѣе отдаленныхъ отъ центра областяхъ повидимому, существовалъ болѣе или менѣе значительный классъ лицъ, добывавшихъ себѣ пропитаніе трудомъ и участіемъ въ торговымъ оборотахъ. Безъ этого самое существованіе многочисленныхъ и богатыхъ городовъ Британі, прирейнскихъ, и придунайскихъ областей было бы немыслено. Если ихъ участіе въ общеимперской экономической жизни, въ обще-имперскомъ обмѣнѣ, вѣроятно и не было особенно значительно, то для данной области ихъ значеніе едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. (См. объ этомъ K. Bücher Die Entstehung der Volkswirtschaft II изд 1898; Meyer, die wirtschaftliche Entwickelung des Altertums (русскій переводъ).

И. М. Гревсъ Очерки изъ исторіи русскаго землевладѣнія, т. I стр. 468. сл.; М. И. Ростовцевъ въ Русской Мысли Февр. 1900).

Эпохой наибольшаго развитія экономической жизни греко-римскаго міра является I и II вѣкъ нашей эры. Анархія половины III вѣка и крайнее увеличеніе государственныхъ податей и повинностей въ концѣ III и въ IУ вѣкѣ, наоборотъ, представляютъ поворотный пунктъ въ экономической жизни народовъ бассейна Средиземнаго моря.

Торговля безусловно нуждается въ двухъ условіяхъ для своего существованія и развитія, въ обезпеченности внутренняго мира съ одной, въ существованіи болѣе или менѣе значительнаго класса постоянныхъ потребителей предметовъ обмѣна съ другой стороны. Что касается перваго, то само собою ясно, какое вліяніе анархія III вѣка и междоусобныя войны начала IУ вѣка /305-323/должны были оказать на положеніе и обороты торговаго класса. Да и послѣ этого почти не прекращаются набѣги франковъ и аламаповъ на прирейнскія и верхнедунайскія провинціи, а съ конца IУ вѣка начинается тотъ періодъ нашествій и смутъ, который приводитъ къ образованію германскихъ государствъ. Пятый вѣкъ вдобавокъ отмѣченъ грандіознымъ развитіемъ морского разбоя вандаловъ, набѣги которыхъ нанесли тяжелый ударъ экономической жизни особенно Италіи, Галліи и Испаніи. Еще большее значеніе имѣетъ, пожалуй,сокращеніе числа постоянныхъ потребителей предметовъ обмѣна, зависящее не только отъ анархіи, но и отъ мѣръ правительства для ея устраненія. Само собой понятно, какъ должны были пострадать особенно земледѣльческіе классы отъ безпрестанныхъ безпорядковъ, смутъ и нашествій III, IУ и У вв: лишенные защиты городскихъ стѣнъ они чаще и больше всего подвергались всякаго рода раззореніямъ, касавшимся не только урожая даннаго года, но и необходимаго рабочаго инвентаря и главнымъ образомъ скота, который съ легкостью угоняли и варвары и римскіе войска узурпаторовъ или имперскихъ генераловъ, Мы уже видѣли, что самое закрѣпощеніе колоновъ по всему вѣроятію объясняется бѣгствомъ земледѣльче-

ской массы съ полей. Ясно, что какъ это бѣгство, такъ и самое закрѣпощеніе и возстаніе землевладѣльцевъ указываютъ на крайне бѣдственное положеніе массы, на рѣзкое ухудшеніе его экономическаго положенія и въ частности на возникавшую отсюда необходимость сократить свой бюджетъ, понизить свой Standard of life, довольствоваться плодами собственнаго труда и отказаться отъ покупки продуктовъ мѣстной и общеимперской промышленности. Но обнищеніе крестьянъ не можетъ не отразиться на помѣщикахъ, особенно на болѣе мелкихъ, т.е. преимущественно на декуріонахъ, на которыхъ въ то-же время возлагаются все болѣе тяжелыя государственныя повинности. Хотя и менѣе быстро, но и среди нихъ происходитъ постоянно усиливающееся паденіе благосостоянія, а слѣдовательно и ихъ спросъ на предметы обмѣна сокращается до минимума. Стараются замѣнить покупку продуктовъ обрабатывающей промышленности у свободныхъ ремесленниковъ и торговцевъ ихъ выдѣлкой на мѣстѣ, въ предѣлахъ имѣнія, поручая ее рабамъ и т.д.

Сравнительно меньше всего оскуденія замѣчается въ домахъ земельныхъ магнатовъ сенаторскаго сословія, но весьма естественно, что предъявляя спросъ преимущественно на предметы комфорта и роскоши они не могутъ удержать общаго упадка торговли, а въ связи съ ней и промышленности. Понятно, что при такихъ условіяхъ падаютъ прежде всего мѣстная промышленность и торговля, разсчитанныя главнымъ образомъ на болѣе простыя потребности массы потребителей, тогда какъ торговля предметами роскоши /тонкія и драгоцѣнныя ткани, ювелирныя из-

дѣлія, благовонія, художественныя издѣлія/ продолжаетъ существовать во всѣ времена, находя покупателей среди конунговъ, высшаго духовенства и свѣтскихъ магнатовъ Но такая торговля - вдобавокъ и на ней лежатъ тяжелыя повинности - играетъ сравнительно очень незначительную роль въ народной жизни, а поскольку требуетъ уплаты чистыми деньгами кромѣ того постоянно сокращаетъ запасъ благородныхъ металловъ тѣхъ странъ, которыя покупаютъ подобные предметы, не имѣя возможности платить за нихъ равноцѣнными продуктами мѣстной промышленности. Къ тому же торговый классъ всецѣло состоитъ изъ сирийцевъ /и впослѣдствіи изъ евреевъ/ - Сирія съ незапамятныхъ временъ была однимъ изъ важнѣйшихъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ бассейна средиземнаго моря и сохранила свое значеніе до конца ХУ вѣка; населеніе западныхъ областей имперіи наоборотъ не играетъ никакой активной роли въ торговлѣ.

Въ результатѣ уже въ эпоху римской имперіи и до окончательнаго поселенія варваровъ въ ея предѣлахъ самостоятельной промышленной и торговой жизни по крайней мѣрѣ въ западной части имперіи былъ нанесенъ рѣшительный ударъ, отъ котораго она не когда отдохнуть вплоть до XI,XII,XIII вв. Съ III-IУ вѣка роль промышленности и торговли, какъ самостоятельныхъ формъ хозяйственной жизни народовъ западной Европы, безпрерывно падаетъ Германскія завоеванія и внутреннія смуты въ новыхъ государствахъ только содѣйствовали такому результату, не давая населенію обезпеченности жизни и имущества, безъ которыхъ и возрожденіе экономической жизни было

невозможно.

Безусловно господствующей формой хозяйственной дея-
тельности въ виду этого является земледѣлiе, единствен-
ственнымъ обезпеченiемъ существованiя - земля.

Весьма понятно, какое значенiе при такихъ условiяхъ
имѣетъ распредѣленiе земельной собственности и харак-
теръ хозяйства для всей соцiальной и политической жиз-
ни новыхъ государствъ. Отъ распредѣленiя земли между
большимъ или меньшимъ количествомъ лицъ будетъ зависѣть
демократическiй или аристократическiй характеръ всего
государственнаго строя, а также все направленiе его
развитiя.

Основнымъ фактомъ новаго строя поэтому слѣдуетъ при
знать господство права личной собственности и крайнюю
неравномѣрность въ распредѣленiи поземельной собствен-
ности.

Что касается перваго пункта-господства права личной
собственности на землю, до крайности облегчающаго от-
чужденiе земель и въ частности болѣе или менѣе быстрое
и полное сосредоточенiе земель въ рукахъ крупныхъ соб-
ственниковъ - то о его огромномъ влiянiи на римское
экономическое и соцiальное развитiе нечего и распро-
страняться. Римское право славится ясной и отчетливой
формулировкой правъ личной собственности. Но и среди гер
манцевъ общинный строй, повидимому, уже успѣлъ разло-
житься ко времени ихъ поселенiя въ римской имперiи: къ
такому выводу приводятъ данныя, заключающiяся въ вар -
варскихъ правдахъ. Даже по салической правдѣ, отличаю-
щейся наиболѣе архаическимъ характеромъ, видно, что

земля находится въ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и переходитъ по наслѣдству къ ихъ сыновьямъ, внукамъ, правнукамъ и т.д. Лишь въ случаѣ отсутствія сыновей она возвращается въ руки "сосѣдей", т.е. сельской общины; иначе говоря, ни дочери, ни боковые родственники /братья, сестры, племянники и т.д./ еще не имѣютъ правъ на нее. Но и ихъ права были признаны уже столѣтіе спустя чрезвычайно важнымъ эдиктомъ конунга Хильпериха /561-584/, согласно которому въ случаѣ отсутствія сыновей наслѣдуютъ дочери, а въ случаѣ ихъ отсутствія братья и наконецъ сестры даннаго лица. Параллельно съ этимъ развивается и свободное право отчужденія земли, котораго не могло быть покуда община имѣла права на участки своихъ членовъ, не оставившихъ мужского потомства. Въ правдахъ другихъ германскихъ народовъ, на жизнь которыхъ римскіе порядки съ самаго начала оказали большое вліяніе, мы не встрѣчаемъ и тѣхъ ограниченій права наслѣдованія и отчужденія, которыми отличается салическая правда. Вдобавокъ и самый характеръ изъ разселенія, какъ мы видѣли, былъ иной чѣмъ у Франковъ до Хлодвига: тогда какъ послѣдніе /а также и аламаны/ вытѣснили римское населеніе и поселили селами и деревнями, въ которыхъ естественно дольше сохранялось связанность землевладѣнія /визиготы, бургунды, и остроготы заняли по опредѣленной долѣ римскихъ земель и поселились отдѣльными дворами /ср. ук. соч./, что уже само по себѣ ослабляло связь между ними и подчеркивало самостоятельность отдѣльнаго хозяина.

Ясно, до какой степени упадокъ общинной связи и

господство принципа полной личной собственности на земли должны были изолировать отдѣльнаго хозяина въ борьбѣ за существованіе и облегчать процессъ сосредоточенія значительныхъ комплектовъ земли въ рукахъ болѣе счастливыхъ энергичныхъ и т. д. хозяевъ, даже если бы земли первоначально, т. е. при основаніи германскихъ государствъ, были распредѣлены болѣе или менѣе равномѣрно. Между тѣмъ о такой равномѣрности и рѣчи быть могло. Уже въ предѣлахъ собственно германской территоріи и до завоеванія римскихъ областей наряду съ типичнымъ нормальнымъ надѣломъ свобонаго человѣка существовали болѣе значительныя имѣнія родовой германской знати, князей и конунговъ, давшія послѣднимъ возможность жить сообразно со своимъ оффиціальнымъ и специіальнымъ положеніемъ, содержить дружину и т.д. Независимо отъ всего остального на это указываетъ уже характеръ соціальнаго и политическаго развитія у саксовъ, никогда не подчинившихся вліянію римскихъ экономическихъ и соціальныхъ условій жизни и тѣмъ не менѣе выдѣлившихъ къ VIII-IX в. рѣзко обособленную, господствующую аристократію, несомнѣнно опиравшуюся на землевладѣніе.

Тѣмъ не менѣе въ общемъ характеръ германскаго быта I до IУ в. доказываетъ, что существовашія уже тогда раз личія въ соціальномъ и экономическомъ положеніи разныхъ группъ населенія не играли сособенно замѣтной роли въ народной жизни. Количество знатныхъ родовъ въ каж дой народности и даже въ каждомъ племени по повидимому было мало значительно. огромное большинство принадлежало къ числу обыкновенныхъ свободныхъ, нормальный надѣлъ

которыхъ и представлялъ типичную единицу землевладѣнія Демократическій строй народной жизни, слабость общественной дифференцировки и сильная еще общинная и родовая связь въ тоже время не давали болѣе крупному землевладѣнію знати возможности развиться и поглотить мелкое землевладѣніе.

Положеніе сразу измѣнилось, когда германцы очутились въ предѣлахъ имперіи лицомъ къ лицу съ продуктомъ римскаго соціальнаго развитія, съ крупнымъ имѣніемъ /виллои/. Римская имперія также точно отличалась господ - ствомъ крупнаго и крупнѣйшаго землевладѣнія, какъ германская жизнь господствомъ мелкаго землевладѣнія. Само собой разумѣется, что поселеніе германцевъ въ предѣ - лахъ имперіи первоначально должно было довольно значительно увеличить количество свободныхъ и самостоятельныхъ хозяевъ и уже въ силу этого нѣсколько ограничить прежнее нераздѣльное господство крупнаго землевладѣнія самый фактъ созданія германскихъ хозяйствъ, получившихъ отъ одной до двухъ третей земель ихъ римскихъ hospites долженъ былъ привести къ такому результату. Но это отнюдь не привело къ устраненію крупнаго землевладѣнія. хотя бы уже потому, что далеко не всѣ римскія имѣнія подверглись такому раздѣлу. Но и независимо отъ того, что болѣе или менѣе значительная, смотря по мѣстнымъ условіямъ, часть римскихъ магнатовъ сохранила свои земли /какъ напр. Аполинарій Сидоній/, одинъ фактъ перехода огромныхъ императорскихъ земель въ руки конунговъ и сохраненіе весьма значительнаго церковнаго землевладѣнія обезпечивали существованіе крупнаго землевладѣнія

наконецъ,само собою ясно, что и среди массъ германцевъ не могло быть полнаго равенства, какъ потому, что размѣры тѣхъ третей, которые доставались отдѣльнымъ гер - манцамъ, колебались въ зависимости отъ величины цѣлаго имѣнія, подвергавшагося раздѣлу, такъ и потому что приближенные короля, вліятельные или знатные варвары получали или захватывали болѣе значительныя земли, чѣмъ масса германцевъ.

Крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ во всѣхъ новыхъ госу-
дарствахъ безспорно былъ конунгъ и въ эпоху господства
натуральнаго хозяйства при возростающемъ упадкѣ рим-
ской философской системы именно землевладѣніе представ-
ляло наиболѣе прочный базисъ королевской власти. Его
судьбы поэтому имѣютъ весьма существенное значеніе для
всей исторіи государственнаго строя германцевъ отъ
сокращенія и упадка королевскаго землевладѣнія до упад-
ка королевской власти одинъ только шагъ и тѣмъ не ме-
нѣе упадокъ королевскаго землевладѣнія, раздача ко -
ролевскихъ земель церквамъ, монастырямъ и дружин-
никамъ является однимъ изъ характернѣйшихъ фак-
товъ въ исторіи всѣхъ новыхъ германскихъ государствъ.

Ярче всего онъбросается въ глаза въ исторіи визи - готскаго, франкскаго и англосакскаго государства. Но если мы его мало замѣчаемъ въ исторіи вандальскаго, бургундскаго и особенно остроготскаго государства, то причина заключается не въ особенностяхъ ихъ государст- веннаго строя или сознательной политики ихъ конунговъ, а въ томъ, что всѣ эти государства были настолько не долговѣчны, что результаты раздачи королевскихъ земель

здѣсь не успѣли сказаться съ такой опредѣленностью, какъ въ болѣе долговѣчныхъ государствахъ визиготовъ, клонковъ и англосаксовъ. Тогда какъ царство вандаловъ основанное въ 493 г., пало уже въ 555 г., а царство бургундовъ было завоевано франками одновременно съ паденіемъ вандальскаго царства /въ 532 г./, визиготское государство было уничтожено арабами только въ 711 г., а франкское и англосаксонское разложились или были завоеваны только въ X и XI в. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что общія причины должны бы были привести къ аналогическому результату и у бургундовъ, остроготовъ или вандаловъ, если бы ихъ государствамъ было осуждено дольше существовать.

Обладая громадными землями, визиготскіе, франкскіе и англосакскіе конунги пользуются ими самымъ расточительнымъ образомъ для вознагражденія своихъ дружинниковъ съ одной, для обезпеченія загробной жизни своей души съ другой стороны. Что касается послѣдняго, то по грубому представленію эпохи можно посредствомъ совершенно внѣшнихъ актовъ и особенно посредствомъ болѣе или менѣе обширныхъ дареній церквамъ и монастырямъ /точнѣе святымъ, во имя которыхъ или которыми основана данная церковь или монастырь/ обезпечить себѣ опасеніе /соотвѣтственные акты совершаются in remedium salutis animae /. Кто совершаетъ такого рода благочестивыя даренія, тотъ, говорятъ хартіи, "въ этомъ мірѣ будетъ вознагражденъ сторицею, и, что еще лучше, пріобрететъ вѣчную жизнь" / in hoc seculo centuplum accipiet et quod melius est vitam possidebit aeternam/.

Если принять въ разсчетъ необыкновенную разнузданность этой эпохи съ одной стороны и страхъ передъ мученіями ада, пожалуй единственное, что было усвоено варварами изъ христіанскаго ученія - съ другой, и вмѣстѣ съ тѣмъ считаться съ систематическимъ стремленіемъ церкви къ расширенію своихъ земель, то поразительно быстрое увеличеніе церковнаго землевладѣнія станетъ до извѣстной степени понятнымъ. Само собой разумѣется, что въ дареніяхъ для "успокоеніи души принимаютъ участіе всѣ классы общества, но никто не могъ совершать и не совершалъ такихъ огромныхъ дареній, какъ конунги. Уже сто лѣтъ спустя послѣ начала завоеваній Хлодвига его внукъ Хильперикъ жаловался, что королевскій фискъ обѣднѣлъ и королевскія богатства перешли къ церквамъ /Greg. Tur. hist. eccl. Franc 6, 46: ecce pauper remansit fiscus noster, ecce divitiae nostrae ad ecclesiam sunt translatae/. Но и послѣ этого какъ конунги, такъ и частныя лица не перестаютъ дарить разнымъ церквамъ болѣе или менѣе значительные земли. Основанный въ половинѣ VIII въ Фульдѣ, монастырь нѣсколько лѣтъ послѣ основанія имѣлъ уже 15 тысячъ мансъ, т.е. нормальныхъ надѣловъ. Въ результатѣ, по мнѣнію Рота/Geschichte des Beneficialwesens стр.251 въ началѣ VIII в. около трети всѣхъ земель древней Галліи была въ рукахъ духовенства. Совершенно то же мы наблюдаемъ и у визиготовъ и англосаксовъ: и тутъ и тамъ церковное землевладѣніе растетъ съ поразительной быстротой, чѣмъ церкви въ значительной мѣрѣ обязаны щедрости конунговъ.

Наряду съ церковью пользуются королевской щедростью и дружинники. Выше мы уже видѣли, что дружина является главнымъ орудіемъ королевской власти: она не только служитъ имъ гвардіей, но и совѣтомъ. Изъ нея берутся главныя должностныя лица какъ для центральнаго, такъ и для мѣстнаго управленія. Не имѣя, по недостатку благородныхъ металловъ, возможности вознаграждать дружинниковъ за вѣрную службу жалованіемъ, конунги естественно дарятъ имъ болѣе или менѣе значительныя имѣнія. Даренія эти, повидимому имѣютъ условный характеръ - предполагаютъ продолженіе службы не допускаютъ отчужденія безъ спеціальнаго разрѣшенія конунга, не переходятъ по наслѣдству къ потомкамъ или родственникамъ дружинника или могутъ перейти лишь къ извѣстнымъ группамъ послѣднихъ /напр. только къ прямому потомству мужескаго пола, или только къ сыну и внуку , но не внуку или правнуку и т. д. /, но во всякомъ случаѣ они постепенно превращаютъ часть дружинниковъ въ землевладѣльцевъ, удаляютъ ихъ отъ двора и постоянной службы. Дружинникъ-землевладѣлецъ вмѣстѣ съ тѣмъ естественно стремится сохранить подаренное ему имѣніе за своимъ потомствомъ, превратить свои условныя права на имѣніе въ право безусловной собственности, а междоусобія, безпорядки и смуты даютъ ему возможность добиться рано или поздно своей цѣли. Добившись ея, онъ окончательно теряетъ связь съ дружиной, изъ представителя служебной знати становится членомъ родовитой знати, а конунгъ принужденъ искать опоры въ новыхъ лицахъ, съ которыми съ теченіемъ времени повторяется тоже.

Франкскіе, французскіе, нѣмецiе и англосакскіе памятники даютъ намъ возможность различать три послѣдовательно смѣнившіяся группы королевской дружины, антрустіоновъ и гезитовъ, вассаловъ и тановъ, министеріаловъ и кнехтовъ /Knecht/ Когда антрустіоны Хлодвига и гезиты Этельберта Кентскаго, Гены Вессекскаго и т.д. превратились въ родовую и помѣстную знать, ихъ замѣнили вассалы /или газиндіи/ Карла Мартелла и таны Альфреда Великаго, а послѣднихъ въ свою очередь смѣнили министеріалы, игравшіе большую роль въ германской исторіи XI, XII и XIII в., но встрѣчающіеся и во французской и въ англосаксонской жизни XI и XII вв.

Въ результатѣ королевское землевладѣніе быстро и неудержимо падаетъ, замѣняясь крупнымъ землевладѣніемъ духовной и свѣтской власти. Если уже отъ этого королевская власть терпитъ непоправимый уронъ, то паденіе ея вліянія завершается окончательнымъ упадкомъ мелкаго свободнаго землевладѣнія, на которое королевская власть могла бы опереться въ борьбѣ со знатью и поглощеніе котораго крупнымъ землевладѣніемъ устраняетъ послѣдній противовѣсъ противъ возростающаго политическаго могущества церкви аристократіи.

Упадокъ средняго и мелкаго землевладѣнія, сохранившагося отъ римскихъ временъ или созданнаго поселеніемъ германцевъ, объясняется цѣлымъ рядомъ какъ экономическихъ такъ и политическихъ причинъ и не всюду совершается съ одинаковой быстротой. Раньше и полнѣе всего онъ совершился въ тѣхъ областяхъ, гдѣ римскіе порядки въ томъ числѣ и господство крупнаго помѣстья - со

хранились наиболѣе чисто, т.е. въ Италiй, Испанiи, юго-западной и южной Галлiи до Луары, Сены и Женевскаго озера. Медленнѣе проходитъ процессъ поглощенiя мелкаго и средняго землевладенiя въ тѣхъ областяхъ, гдѣ германцы жили или поселились сплошными массами, замѣнивъ подворную перепись разселенiя сельской, и тѣмъ самымъ хоть отчасти устранивъ господство крупнаго помѣстья, т.е. въ Британiи и странѣ къ востоку отъ Сены, Луара и Женевскаго озера.

Что касается послѣдней области, то раньше процесса поглощенiя мелкаго землевладѣнiя крупнымъ здѣсь требовалось самое появленiе послѣдняго, причемъ наряду съ королевскими даренiями весьма значительную роль играли запашки, т.е. расчистка нови и главнымъ образомъ лѣсовъ подъ обработку, не говоря объ огромныхъ лѣсахъ вплоть до XII-XIII в. покрывавшихъ собственно-германскiя области къ востоку отъ Рейна, и въ, прежде римскихъ областяхъ къ западу отъ Рейна вѣковые набѣги и опустошенiя варваровъ создали огромныя пространства, не подвергавшiяся разработкѣ и покрывавшiяся густыми лѣсами. Начиная съ VI в., мы замѣчаемъ появившуюся подъ влiянiемъ роста населенiя тенденцiю къ расширенiю площади обрабатываемыхъ земель. Лѣса и вообще пустующiя земли отчасти составляютъ собственность близь-лежащаго села, отчасти королевскую собственность. Количество этихъ земель однако такъ значительно, что расчистка ихъ въ общемъ не встрѣчаетъ препятствiй и создаетъ права личной собственности на расчищенное пространство /заимки bifang Beifang, aprisis, compepensis, captara и вѣроятно лишь

съ теченіемъ времени общины и король начинаютъ вмѣшиваться въ это дѣло. Устанавливается необходимость согласія общины на расчистку ея земель и право верховной собственности короля на расчищенныя королевскія земли, пректически выражающееся въ томъ, что лицо, расчистившее и обрабатывающее данный участокъ. платитъ за него оброкъ, но пользуется землей наслѣдственно и обладаетъ правомъ отчужденія.

Расчистка земель можетъ производиться цѣлой общиной когда приростъ населенія заставляетъ расширять количество обрабатывающихъ земель и вся община рѣшаетъ выселить часть своихъ членовъ на новыя земли. Чаще такого планомѣрнаго созданія цѣлаго села, требующаго довольно рѣдкое единодушіе и нѣкоторую предпріимчивость, совершались, повидимому, отдѣльно захваты и тутъ то весьма естественно оказывалось превосходство болѣе предпріимчивыхъ,энергичныхъ и особенно болѣе богатыхъ лицъ, способныхъ при помощи рабовъ и другихъ несвободныхъ или даже свободныхъ людей обрабатывать гораздо большія пространства, чѣмъ средній свободный человѣкъ. Наряду съ селами послѣднихъ и въ собственно германской территоріи появляются такимъ образомъ крупныя помѣстья независимо даже отъ королевскихъ дареній.

Въ естественной борьбѣ крупнаго и мелкаго землевладѣнія всѣ выгоды были на сторонѣ перваго. Независимо отъ экономическихъ преимкществъ, крупные землевладѣльцы были болѣе сильны и вліятельны, а въ эпоху постоянныхъ смутъ и слабости государственной власти это очевидно въ высшей степени серьозное обстоятельство: тог-

да какъ мелкій и средній землевладѣлецъ былъ, можно сказать, совершенно беззащитенъ противъ посягательствъ должностныхъ лицъ /графовъ, центуріаловъ и т.д./ и магнатовъ на его жизнь и имущество, подвергался грабежу войскъ, поддерживающихъ королевскую власть или боровшихся съ ней, и т.д., крупный землевладѣлецъ и по своимъ связямъ и по своей матеріальной силѣ въ общемъ находился въ несравненно болѣе благопріятномъ положеніи и самъ тѣснилъ своихъ мелкихъ сосѣдей.

Вдобавокъ государственныя повинности, особенно воинская и судебная /каждый свободный подъ страхомъ штрафа былъ обязанъ появляться по вызову графа въ собранія графствъ и сотенъ, чѣмъ графы охотно пользовались для увеличенія суммы штрафовъ, часть которой поступала въ ихъ руки, тяжелѣе всего отзывались именно на массѣ мелкихъ хозяевъ, не только отрывая ихъ отъ хозяйства, но и заставляя ихъ тратиться какъ на продовольствіе, такъ и на вооруженіе, которымъ каждый самъ былъ обязанъ запастись.

При этихъ условіяхъ - экономическомъ и соціальномъ неравенствѣ, отсутствіи твердой хозяйственной власти, тяжести государственныхъ повинностей и стремленій магнатовъ къ расширенію своихъ владѣній /Прокопій разсказываетъ, что членъ остроготскаго царскаго рода Теодохатъ, не желая "имѣть сосѣдей" всякими средствами успѣлъ пріобрѣсти половину провинціи Тусціи/ - весьма естественно, что мы съ IУ в. наблюдаемъ неудержимо паденіе средняго и мелкаго землевладѣнія.

Помимо отчужденія и насильственнаго захвата весьма

существенную роль въ этомъ процессѣ играетъ уже извѣстная намъ по римской исторіи IУ и У в. коммендація мелкихъ собственниковъ крупнымъ для пріобрѣтенія защиты со стороны послѣднихъ. Вотъ для примѣра переводъ одного изъ актовъ, которымъ данное лицо подчиняется покровительству другого/ Form. Turon. № 43 qui se in alterius potestate commendat/ Великолѣпному государю такому то такой - то. Такъ какъ всѣмъ было достаточно извѣстно что я совершенно не имѣю, чѣмъ бы жить и одѣваться, я просилъ Ваше Благочестіе и рѣшился по собственно волѣ отдаться подъ Ваше покровительство / in vestrum mundoburdum / и коммендировать себя Вамъ, что я и сдѣлалъ съ тѣмъ, чтобы ты былъ обязанъ мнѣ помогать и меня поддерживать какъ относительно пищи, такъ и относительно одежды, поскольку я смогу заслужить и служить Вамъ. И покуда я буду живъ, я долженъ и повиноваться и служить тебѣ /tibi servicium vel obsequium impendere/. на правахъ свободнаго человѣка/ingenuili ordine/. и я въ теченіе всей моей жизни не буду имѣть права уходить изъ подъ Вашей власти и покровительства /de vestra potestate vel mundoburdo /, а долженъ оставаться всѣ дни жизни моей подъ Вашей властью и покровительствомъ и мы согласились между собой, что если одинъ изъ насъ не исполнитъ этого договора, то онъ уплатитъ другому такое-то количество солидовъ и этотъ договоръ сохранитъ силу навсегда. И еще было рѣшено, что будутъ исправлены и подписаны два письма, тождественныя съ этимъ". Очевидно лица коммендирующія себя магнату /графу, епископу, крупному землевладѣльцу - источни

ки ихъ иногда называютъ характернымъ терминомъ *sperantes per alignum f.* т.е. "надѣющіеся" - отказываются отъ своей прежней полной свободы дѣйствія и образуютъ классъ лично зависящихъ отъ магната лицъ, иногда обозначаемыхъ какъ его "

Само собой разумѣется, что коммендироваться могли какъ бездомные люди, такъ и самостоятельные хозяева. Въ послѣднемъ случаѣ они, повидимому, какъ въ римское время, отказывались отъ своего участка земли въ пользу патрона, а затѣмъ получали его обратно, но не на правахъ собственности, а на правахъ прекарнаго владѣнія, притомъ вѣроятно обыкновенно за уплату оборока /независимо отъ котораго и они подчинялись "власти" и "службѣ" патрона/.

Результатомъ неумѣренной, но вынужденной раздачи королевскихъ земель и поглощеніе средняго и мелкаго землевладѣнія, повлекшаго за собой личное подчиненіе большой части прежде свободныхъ людей магнатамъ во всѣхъ трехъ германскихъ государствахъ, просуществовавшихъ болѣе продолжительное время, явился упадокъ королевской власти, развитіе могущественной и непокорной аристократіи такъ или иначе оттѣснявшей нѣкогда неограниченную / у визиготовъ и франковъ/ или по крайней мѣрѣ весьма сильную /у англосаксовъ/ власть конунговъ.

Но если общій характеръ соціальнаго и политическаго развитія трехъ государствъ въ существенныхъ черахъ однороденъ, то въ частности наблюдаются значительныя различія, отличающія франкскую /феодальную/ аристократію отъ визиготской и англосаксонской. Могущественное вліяніе франкскаго государственнаго и культурнаго строя

на всю западно-европейскую жизнь заставитъ насъ поэтому познакомиться въ частности съ политическимъ и соціальнымъ развитіемъ франкскаго государства и съ особенностями ея "феодальной" аристократіи.

5. Характеръ религіозной и умственной жизни въ германскихъ государствахъ.

а/ Принятіе христіанства. Основнымъ фактомъ въ области религіозной и умственной жизни германскихъ народовъ въ IУ и слѣд. вв. слѣдуетъ признать принятіе ими христіанства, оказавшее огромное вліяніе на ихъ дальнѣйшее развитіе. Внѣшній ходъ распространенія христіанства среди германцевъ намъ мало извѣстенъ. Весьма вѣроятно, что еще во II и III вѣкѣ отдѣльные германцы, по тѣмъ или инымъ причинамъ очутившіеся внутри имперіи и попавшіе подъ вліяніе христіанскихъ общинъ, принимали новую религію, но на народную жизнь это не оказало сколько нибудь замѣтнаго вліянія. Первымъ племенемъ, среди котораго христіанство успѣло утвердиться болѣе прочно, являются готы и въ частности визиготы послѣ ихъ поселенія въ предѣлахъ Дакіи, приведшаго къ болѣе близкимъ сношеніямъ съ имперіей. Уже на Никейскомъ соборѣ 325 г. участвовалъ готскій епископъ Θеофилъ, бывшій, какъ доказываетъ его имя родомъ грекъ. Болѣе значительные успѣхи христіанской пропаганды среди визиготовъ связаны, однако, лишь съ именемъ готскаго апостола Ульфилы или Вульфилы. Потомокъ плѣнныхъ провинціаловъ, уведенныхъ въ готскую область въ Каппадокіи. онъ самъ родился внѣ имперіи /въ 311 году; умеръ въ 380 г. въ Константинополѣ/ и былъ обязанъ успѣхомъ своихъ проповѣдей знанію готскаго язы-

ка. Величайшимъ его дѣломъ является его переводъ священнаго писанія /Dahn, Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker T. I стр.430-440 сдѣлалъ интересную попытку использовать этотъ переводъ для характеристики готскаго быта въ IУ вѣкѣ/. Проповѣдь на національномъ языкѣ и существованіе перевода священнаго писанія въ значительной мѣрѣ содѣйствовали успѣхамъ христіанства какъ среди визиготовъ, такъ и среди другихъ восточныхъ германцевъ /остроготовъ, бургундовъ и вандаловъ/: вліяніе дѣятельности Ульфилы на нихъ становится несомнѣннымъ изъ того совершенно необъяснимаго при иныхъ условіяхъ факта, что всѣ эти племена приняли христіанство именно въ его аріанской формѣ, сторонникомъ которой былъ самъ Ульфила. Само собой разумѣется, что язычество не отказалось сразу отъ своей позиціи и что происходила борьба между нимъ и христіанствомъ. Такъ напримѣръ у визиготовъ около 348г. замѣчается реакція противъ христіанскаго ученія, приведшая къ изгнанію Ульфилы и его сторонниковъ и къ ихъ переселенію на Балканскій полуостровъ, гдѣ аріанскій императоръ Валентъ ихъ поселилъ /въ Мизіи около Никополя/ и гдѣ они продолжали жить до шестого вѣка.

Другой существенный успѣхъ христіанства заключался въ принятіи его Хлодвигомъ /въ 496 г./, притомъ не въ аріанской, а въ католической формѣ. Хотя его обращеніе и не привело сразу къ обращенію всего франкскаго племени но съ этого момента возрастающее могущество Меровинговъ обезпечило побѣду христіанства среди западныхъ германцевъ. Миссіонерская дѣятельность, впрочемъ

остается необходимой до IX в. /особенно она усиливается со времени Бонифація/ и въ это время нуждается въ поддержкѣ королевской власти.- Помимо внутренней Германіи примѣръ Меровинговъ оказалъ существенное вліяніе и на англосакскихъ конунговъ и народъ, обращеніе которыхъ совершается въ УII вѣкѣ.

Таковъ внѣшній ходъ распространенія христіанства среди германцевъ, завершившагося /если оставить въ сторонѣ сѣверныхъ германцевъ/ насильственнымъ обращеніемъ сак - совъ при Карлѣ Великомъ.

Что касается причинъ перехода германцевъ въ христіанство, то прежде всего слѣдуетъ устранить изъ ихъ числа глубокое пониманіе христіанскаго ученія и его внутренняго превосходства надъ національно-германскими культами. Когда германскій /а позднѣе славянскій/ міръ стулкнулся съ христіанскимъ ученіемъ, онъ былъ совершенно чуждъ основнымъ началамъ христіанскаго ученія. Какъ принципъ монотеизма, такъ и представленіе о грѣховности человѣческой природы /и дальше о необходимости искупленія человѣчества/, такъ, наконецъ, и нравственное ученіе христіанства съ его проповѣдью всепрощающей любви и самоотреченія представляли изъ себя продукты тысячелѣтняго религіознаго и нравственнаго развитія относительно высококультурнаго грекоримскаго и переднеазіатскаго міра, и даже здѣсь оказались, дѣйствительно, по плечу и удовлетворяли взгляды и чувства относительно незначительнаго меньшиства. Германское культурное прошлое, ихъ религіозная и нравственная жизнь были слишкомъ бѣдны, просты и, если такъ можно выразиться, слишкомъ

свѣжи, чтобы принятіе христіанства могло имѣть глубокія внутреннія причины и значеніе для племени, не выработавшаго даже такихъ религіозныхъ и миѳологически-космогоническихъ идей, какъ греки эпохи Гомера и Гезіода, полнаго почти животной жизнерадостности, не истомленнаго долгой борьбой за существованіе и широко примѣнявшаго систему кровной мести, этой полнѣйшей противоположности евангельской кротости и любви.

Принятіе христіанства - по самому существу своему противорѣчившаго всему быту и всѣмъ инстиктамъ варваровъ - могло быть только чисто внѣшнимъ и самыя причины внѣшняго обращенія германцевъ были совершенно внѣшними. Во первыхъ христіанство было религіей единственнаго культурнаго сосѣда римлянъ, давно оказывавшаго огромное вліяніе на внутреннюю жизнь германцевъ. Чѣмъ тѣснѣе становились сношенія германцевъ съ имперіей, чѣмъ прочнѣе съ другой стороны христіанскій культъ /мы намѣренно говоримъ только о немъ/ устанавливался въ имперіи, тѣмъ больше онъ импонировалъ варварамъ своимъ благолѣпіемъ и оказываемой ему правительственной поддержкой и тѣмъ естественнѣе онъ проникалъ въ ихъ жизнь. Препятствій къ этому въ сущности не было; религіозная жизнь самихъ германцевъ не вылилась въ опредѣленныя формы, затруднившія признаніе болѣе могущественнаго бога, и въ то же время у нихъ не существовало сильнаго и прочно организованнаго жреческаго класса, который могъ бы оказать серьезное сопротивленіе христіанской пропогандѣ. Да и самый фактъ перехода въ христіанство

далеко не имѣлъ такого значенія, которое мы склонны ему приписывать, въ огромномъ, подавляющемъ большинствѣ случаевъ онъ не вытекалъ изъ сознательнаго проникновенія христіанскимъ ученіемъ, не приводилъ /по крайней мѣрѣ непосредственно/ ни къ существенному измѣненію міросозерцанія, ни къ побѣдѣ новыхъ нравственныхъ началъ. Дѣло сводилось къ тому, что прежніе боги уступали мѣсто христіанскому /превращаясь постепенно изъ боговъ въ демоновъ и дьяволовъ/-вѣдь и сама церковь не отрицала ихъ существованія, а только объявляла ихъ представителями злой силы - и что языческіе культы въ лѣсахъ, около источниковъ и озеръ замѣнялись христіанскимъ въ церквяхъ, выстроенныхъ очень часто какъ разъ въ центрахъ прежняго культа. Потребовалось очень много столѣтій, чтобы чисто внѣшнее принятіе христіанства оказало вліяніе на внутреннюю жизнь народной массы. Въ теченіе многихъ столѣтій христіанское ученіе, какъ таковое, чрезвычайно мало вліяло на народъ, внутренно измѣняя его міросозерцаніе и одухотворяя его жизнь, и не измѣненіемъ народныхъ взглядовъ объясняется въ это время внѣшняя христіанизація нѣкоторыхъ сторонъ жизни. Всѣ или почти всѣ христіанскія черты собственно германскаго законодательства и быта объясняются вліяніемъ церкви, точнѣе духовенства, постепенно проводившаго свои взгляды на бракъ / борьба съ похищеніемъ и покупкой невѣсты, съ браками между близкими родственниками, съ многоженствомъ/ и т.д. чрезъ законодательство въ народную жизнь причемъ не слѣдуетъ забывать, что большая часть духовенства была римскаго происхожденія, иначе говоря го-

раздо болѣе пропитана христіанскими ученіями и гораздо болѣе способна ихъ понять, чѣмъ германская масса.

Принятіе христіанства германцами сводилось, такимъ образомъ, къ принятію его формальной стороны, которая лишь тонкимъ слоемъ покрывала языческій фонъ. Вспомнимъ хотя бы отмѣченные въ источникахъ поводы, приведшіе къ принятію христіанства разными конунгами германскаго происхожденія. Хлодвигъ во время битвы обѣщаетъ принять христіанство, если онъ одержитъ побѣду надъ аламаннами, иначе говоря онъ подвергаетъ испытанію внѣшнее могущество христіанскаго бога и, когда убѣждается въ его силѣ, исполняетъ свое намѣреніе. Разсказъ о томъ, какъ онъ сожалѣетъ при разсказѣ объ искупительной смерти Христа о томъ, что тутъ не было его и его франковъ, чтобы освободить Христа, необыкновенно характеренъ: очевидно, центральный пунктъ христіанскаго ученія объ искупительномъ значеніи смерти Христа остался для него совершенно непонятнымъ. Не менѣе любопытенъ разсказъ Беды /hist. eccl. gentis Angl 2, 13/ о разсужденіяхъ витановъ нортумбрійскаго конунга Эдвина /въ 627г./ по поводу принятія христіанства. Верховный жрецъ заявляетъ, что по его мнѣнію культъ языческихъ боговъ ничего не стоитъ: "вѣдь никто изъ подданныхъ короля не отдался культу нашихъ боговъ болѣе усердно, чѣмъ я, и тѣмъ не менѣе многіе получали лучшіе дары и высшія почести отъ тебя, чѣмъ я, и болѣе счастливы во всемъ, что рѣшаютъ предпринять или пріобрѣсти. А вѣдь если бы боги имѣли бы какую либо силу, они бы должны были оказать мнѣ болше помощи, такъ какъ я старался служить имъ усерднѣе всѣхъ". Послѣ не-

го, говоритъ Беда, говорили въ томъ же духѣ и другіе виганы, изъ коихъ одинъ замѣтилъ, что ни происхожденіе, ни будущія судьбы человѣка имъ неизвѣстны, а новая религія разрѣшаетъ оба вопроса и уже потому ее слѣдуетъ предпочесть. Очень характеренъ также разсказъ объ обращеніи датскаго конунга Гаральда въ X вѣкѣ: "миссіонеръ, спрошенный королемъ, желаетъ ли онъ доказать правдивость своихъ словъ испытаніемъ раскаленнымъ желѣзомъ, радостно отвѣтилъ, что онъ готовъ это сдѣлать, и на другой день, благословивъ его, понесъ страшно тяжелый кусокъ раскаленнаго желѣза до указаннаго королемъ мѣста и спокойно поднялъ необожженную руку". /Dietrich Mehsel /. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣшающимъ моментомъ является могущество христіанскаго бога и ожидаемое отъ него какъ здѣсь, такъ и въ загробной жизни, благополучіе.

При такихъ условіяхъ очень понятно, что принятіе аріанскаго или католическаго ученія, одинаково недоступныхъ для германской массы, объясняется не сознательнымъ выборомъ между ними, а внѣшними моментами. Принятіе аріанства визиготами и въ частности Ульфилой также точно объясняется его господствомъ въ восточной части имперіи /гдѣ быстро слѣдовали другъ за другомъ два ревностно аріанскихъ императора, Констанцій 337-361 и Валентъ 364-378/, какъ принятіе католичества Хлодвигомъ - господствомъ католической церкви въ Галліи и соревнованіемъ франкскаго конунга съ аріанами - визиготами. И какъ аріанство отъ визиготовъ перешло къ остальнымъ восточнымъ германцамъ, такъ католичество отъ франковъ и

при содѣйствіи франковъ въ остальнымъ западнымъ германцамъ.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о политическомъ значеніи принятія аріанства готами, вандалами и лангобардами, мы здѣсь должны еще замѣтить, что если непосредственно принятіе христіанства германцами и славянами и представляется совершенно внѣшнимъ и долгое время не оказывало серьезное вліяніе на жизнь народныхъ массъ то это не значитъ, чтобы принятіе христіанства не оказало вліянія на теченіе исторической жизни обоихъ племенъ. Это вліяніе на оборотъ было въ высшей степени значительно и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опредѣлило дальнѣйшій ходъ развитія варваровъ.

Не говоря о томъ, что принятіе христіанства въ концѣ концовъ настолько же объединило европейскіе народы, насколько оно ихъ отдѣлило напр. отъ исламскихъ народовъ, и что въ частности католичество съ всеобъемлющимъ вліяніемъ средневѣкового папства, съ крестовыми походами и т.д. объединило романо-германскіе народы и наложило свою печать на многія стороны ихъ жизни, принятіе христіанства оказало еще гораздо болѣе глубокое вліяніе на романо-германскія и славянскія народы въ томъ смыслѣ, что оно опредѣлило исходъ ихъ религіознаго развитія.

Не подлежитъ,разумѣется, ни малѣйшему сомнѣнію, что продолжительное культурное, умственное и религіозное развитіе и независимо отъ вліянія и римской культуры и принятіе христіанства привело бы германскіе и славянскіе народы къ единобожію и болѣе или менѣе высокимъ нравственнымъ ученіямъ. Но такъ-же несомнѣнно и то, что

характеръ этого монотеизма, развившагося безъ подавляющаго вліянія христіанства, былъ бы совершенно иной чѣмъ монотеизмъ современнаго религіознаго человѣка. Онъ могъ бы приближаться къ христіанскому или мусульманскому или къ еврейскому типу единобожія, но не могъ бы не отличаться специфическими чертами, вытекающими изъ специфическаго хода развитія германскаго и славянскаго племени. Засимъ безъ принятія христіанства и самый ходъ развитія единобожія едва ли былъ бы настолько сравнительно быстрымъ, какъ подъ вліяніемъ этого факта: несомнѣнно германцы и славяне сдѣлали бы такое же количество разнообразныхъ попытокъ подняться надъ политеизмомъ, какъ напримѣръ греки, раньше чѣмъ достигнуть удовлетворительнаго результата, и самое распространеніе новыхъ взглядовъ среди народной массы было бы значительно труднѣе и медленнѣе, чѣмъ при данныхъ условіяхъ.

Въ частности, наконецъ, именно принятіемъ христіанства въ свойственной ему IУ,У и слѣд. вв. рѣзко-аскетической тенденціей обусловливается своеобразный характеръ средневѣковой письменности и средневѣкового представленія о мірѣ и спасеніи. Если вплоть до XIII вѣка огромное большинство нравственно или умственно выдающихся личностей дѣйствуетъ на почвѣ аскетической, духовной а не свѣтской морали, то это въ значительной мѣрѣ зависитъ именно отъ принятія христіанства. Можно представить себѣ болѣе жизнерадостныя формы монотеизма - ихъ принятіе измѣнило бы очень многое въ германо-славянской жизни не только среднихъ вѣковъ, но и послѣдующихъ временъ.

Въ результатѣ мы такимъ образомъ приходимъ къ выводу, что не слѣдуетъ преувеличивать роли христіанства въ культурной и умственной жизни народныхъ массъ занимающаго насъ періода и не слѣдуетъ чрезмѣрно обобщать впечатлѣніе, къ которому приводитъ ознакомленіе съ - преимущественно монастырской - литературой среднихъ вѣковъ /особенно до XII-XIII вѣка/, такъ какъ между чувствами, настроеніемъ и міросозерцаніемъ средневѣковой интеллигенціи народной массы лежитъ по меньшей мѣрѣ столь же глубокая пропасть, какъ между міросозерцаніемъ современной интеллигенціи и современныхъ народныхъ массъ. Терминъ "средневѣковое міросозерцаніе" не долженъ вводить насъ на этотъ счетъ въ заблужденіе. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, хотя это и само собой ясно, что носителями христіанскихъ идей являются преимущественно римляне, а позднѣе романскіе народы. Моментъ крайняго паденія умственнаго и нравственнаго развитія ихъ, иначе говоря моментъ нераздѣльнаго господства грубыхъ инстинктовъ романо-германской массы, является въ то же время эпохой наибольшаго упадка церкви /VII-IX в./, а возрожденіе ея исходитъ опять таки изъ романскихъ областей, въ частности изъ Бургундіи. Согласно съ этимъ и всѣ крупные монашескіе ордена/ и связанныя съ ними движенія/ бенедиктинскій, клюнійскій, цистерціенскій /Cîteaux /, премонстатенскій, доминиканскій и францисканскій возникаютъ и особенно развиваются именно въ романскихъ областяхъ.

в/ Умственная жизнь эпохи. Упадокъ экономической, соціальной и политической жизни римлянъ, также какъ и ум-

ственная отсталость и дикость германцевъ рѣзко оказывается на литературѣ У и особенно слѣдующихъ вѣковъ.

Выше мы видѣли, что начиная съ II-III вѣка замѣчается упадокъ античной науки во всѣхъ ея областяхъ безъ исключенія и въ то же время упадокъ античной литературы какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Скудость мысли скрывается за все болѣе и болѣе вычурной формой и вмѣстѣ съ тѣмъ упадокъ вкуса оказывается и на языкѣ, который подъ вліяніемъ варварскихъ элементовъ теряетъ свою прежнюю эластичность и богатство. По мѣрѣ распространенія христіанства и религіознаго настроенія вообще почти всѣ таланты сосредоточиваются на разработкѣ религіозныхъ и нравственныхъ вопросовъ. Какъ Василій Великій, Григорій Назіанзинъ, Іоаннъ Златоустъ и др. являются наиболѣе блестящими представителями греческой литературы ІУ вѣка, такъ бл.Іеронимъ, Амвросій Миланскій и особенно блаженный Августинъ являются крупнѣйшими представителями латинской литературы ІУ и У вѣковъ.

Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ свѣтская литерартура и свѣтское образованіе представляютъ довольно грустное зрѣлище. О какихъ бы то ни было научныхъ трудахъ за это время не можетъ быть и рѣчи: мѣсто ихъ занимаютъ короткія и постоянно сокращающіяся компиляціи энциклопедическаго или спеціальнаго /напр. историческаго/ характера, отчасти сохранившія свое значеніе до XIУ-XУ вѣка, или педантическія разсужденія филологическаго характера. Уровень историческихъ знаній палъ до того, что одинъ изъ выдающихся историковъ У вѣка Орозій могъ серьезно утверждать, что императоръ Тиберій

/14-37/ потому преслѣдовалъ сенатъ, что послѣдній не далъ ему признать Христа божествомъ. Начинается эпоха лѣтописцевъ, замѣняющихъ труды Ливіевъ, Тацитовъ и Аммiановъ краткими погодными записями, въ которыхъ не видно ни знанія, ни пониманія событій.

И тѣмъ не менѣе время до половины УI вѣка еще выгодно отличается отъ послѣдующей эпохи. Значительная часть римскихъ учебныхъ заведеній еще продолжаетъ существовать и покрайней мѣрѣ въ государствѣ остроготовъ даже пользуется матеріальной поддержкой со стороны правительства. Но какъ двадцатилѣтняя борьба, погубившая государство остроготовъ и послѣдовавшее за нею вторженіе лангобардовъ уничтожили матеріальное благосостояніе Италіи и понесли непоправимый уронъ ея образованію, такъ внутреннія войны окончательно погубили благосостояніе и образованіе Испаніи и особенно Галліи. Компиляціи конца У, начала УI вѣка - особенно Марціана Капеллы, Боэція и Кассіодорія - представляютъ основные источники всего позднѣйшаго средневѣковаго образованія. "Свадьба Меркурія и филологія" Марціана Капеллы /середины У вѣка/ представляетъ чрезвычайно скучную аллегорическую исторію бракосочетанія Меркурія и богини Филологіи, въ которой между прочимъ разсказывается, что Меркурій даритъ своей невѣстѣ семь рабынь, олицетвореніе 7 свободныхъ искусствъ. Рабыни - искусства / это: грамматика, діалектика и риторика, которыя въ средніе вѣка составляютъ одно цѣлое, т.наз. trivium , геометрія, ариеметика, иастрономія и гармонія; т.е. музыка, которыя въ свою очередь составляютъ quadrivium / являются

предъ собраніемъ боговъ и каждая изъ нихъ въ кратцѣ излагаетъ самымъ сухимъ образомъ содержаніе соотвѣтствующей ей науки. Эта-то книга въ слѣдующіе вѣка и была главной, если не единственной, основой всего школьнаго обученія. Нѣсколько иной характеръ имѣетъ дѣятельность Боэція, главное значеніе котораго заключается въ переводѣ логики Аристотеля и греческихъ комметаріевъ къ ней /къ которымъ онъ прибавляетъ свои собственныя/ и въ другихъ переводахъ греческихъ трудовъ по математикѣ, теоріи музыки, астрономіи и т.д., которые хоть отчасти сохранили плоды греческой науки и мысли /хотя и не безъ извращеній/ для позднѣйшихъ временъ и сдѣлали ихъ доступными средневѣковымъ ученымъ. Аналогическое значеніе имѣетъ и дѣятельность министра Теодориха Великаго, Кассіодорія. Особенно характорны его *institutiones divinarum et saecularium lectionum* /или *litterarum*/ въ нихъ мы уже наблюдаемъ характерное для среднихъ вѣковъ соединеніе богословія съ свѣтскимъ знаніемъ, причемъ первое занимаетъ почетное мѣсто. Другой его также чисто компилятоивный трудъ по церковной исторіи /въ I2 книгахъ/ сдѣлался главнымъ источникомъ средневѣковыхъ ученыхъ по соотвѣтственному предмету, несмотря на то, что изобилуетъ противорѣчіями, ошибками, неточностями и т.д.

Съ половины УІ вѣка въ Галліи и Италіи почти совершенно исчезаетъ и эта скромная группа компиляторовъ и комментаторовъ. Только въ Испаніи мы еще въ первой половинѣ УІІ вѣка встрѣчаемъ энциклопедическія компиляціи епископа Исидора Сивильскаго /ум.636/, вмѣстѣ съ

вышеназванными лицами оказавшаго огромное вліяніе на средневѣковую "науку". Главнымъ его трудомъ, свидѣтельствующимъ околоссальной начитанности и полной несамостоятельности автора, были "этимологія" /въ 20 книгахъ/ Характерно какъ то, что научныя свѣдѣнія сообщаются здѣсь въ связи съ этимологіей /отчасти совершенно фантастической/ отдѣльныхъ словъ, такъ и самое расположеніе матеріала, безсвязность и отрывочность изложенія. Первыя три книги посвящены свободнымъ искуствамъ, четвертая - медицинѣ, пятая - законамъ и временамъ, причемъ къ разсмотрѣнію лѣтосчисленія прибавляется краткая хроника міровой исторіи да 627г.; въ шестой книгѣ дается обзоръ книгъ священнаго писанія съ указаніемъ ихъ авторовъ и далѣе говорится о библіотекахъ, родахъ литературныхъ произведеній, матеріалѣ, на которомъ пишутся книги, пасхальномъ циклѣ и т.д. Седьмая книга знакомитъ съ тремя лицами божества, съ небесной іерархіей /ангелы,патріархи,пророки,апостолы/ и съ организаціей духовенства. Восьмая книга посвящена церкви и /68/ сектамъ, къ чему по поводу сивиллъ и маговъ присоединяется обзоръ языческихъ боговъ. Въ девятой говорится о языкахъ, причемъ вторженіе варваризмовъ и солецизмовъ въ римскій языкъ отмѣчается какъ результатъ варварскаго вліянія. Здѣсь же дается списокъ народовъ правительственныхъ формъ, магистратовъ, разсказывается о дѣленіи войска и населенія, а также о степеняхъ родства. Въ послѣдующихъ книгахъ въ такомъ же безпорядкѣ содержатся свѣдѣнія по естественной исторіи /ботаника, зоологія, минералогія/, по географіи, астрономіи земле-

дѣлію, огородничеству, плодоводству, по военному искусству, процессуальнымъ порядкамъ, театральному дѣлу, архитетурѣ, по кораблестроенію, даются данныя о пищѣ, одеждѣ, устройству дома и.д. и т.д.

"Несмотря на свои многочисленные недостатки", замѣчаетъ Ebert, Allgemeine Geschichte der Litteratur des Mittelalters im Abendlande". стр. 5 4/, "этотъ трудъ сталъ для среднихъ вѣковъ истиннымъ кладезомъ науки: въ частности отсюда почерпалось немало свѣдѣній объ античномъ мірѣ въ такое время, когда память о нихъ исчезла, а древніе авторы, изъ которыхъ здѣсь содержались непосредственныя выписки или выписки изъ вторыхъ рукъ, болѣе не читались. А если трудъ Исидора большею частью представляетъ не больше реальнаго словаря, то это именно соотвѣтствовало низкому культурному уровню наступающей съ этого времени эпохи". То же самое можно сказать и о произведеніяхъ Мартіана, Боэція и Кассіодорія. Ихъ внутренняя цѣнность крайне невелика, но польза, которую онѣ принесли, сохраняя нѣкоторую часть культурнаго наслѣдія античнаго міра, не подлежитъ сомнѣнію.

Если періодъ до половины УI вѣка отмѣченъ такимъ образомъ стремленіемъ сдѣлать результаты античной жизни доступными посредствомъ компиляцій болѣе или менѣе энциклопедическаго характера и посредствомъ болѣе или менѣе слабыхъ, но всегда очень многословныхъ комментаріевъ и если въ этомъ во всякомъ случаѣ выражается сознаніе превосходства античной

Литографія Богданова. Эртелевъ пер.д.I-I2.

Директоръ

/языческой/ мысли, то со второй половины УI вѣка наблюдается постепенный разрывъ съ прошлымъ и возрастающее значенiе спецiально богословскихъ взглядовъ и интересовъ, явный признакъ, что остатки свѣтскаго образованнаго общества вымираютъ и наступаетъ полное господство духовенства и въ частности монашества въ умственной жизни и литературѣ западно-европейскихъ народовъ. Въ частности бенедиктинскiй орденъ, основанный въ УI вѣкѣ итальянцемъ Бенедиктомъ изъ Нурсiи въ Италiи же /монастырь Monte Cassino / становится однимъ изъ немногихъ центровъ выдающагося образованiя, такъ какъ орденскiя правила предписываютъ монахамъ умственныя занятiя, чему былъ данъ примѣръ еще Кассiодоромъ въ уставѣ основаннаго имъ монастыря.

Параллельно съ упадкомъ образованiя происходитъ широкое вторженiе легенды и суевѣрiя въ литературу, замѣчается дальнѣйшее пониженiе интереса къ произведенiямъ языческой эпохи и вторженiе народныхъ нарѣчiй въ письменность.

Что касается перваго, т.е. господства аллегорическаго, легендарнаго, фантастическаго и суевѣрно - чудеснаго элемента, характернаго для средневѣковой письменности, то не подлежитъ сомнѣнiю, что онъ играетъ немалую роль и въ предшествующее время, но тогда ему служило противовѣсомъ болѣе философское пониманiе религiи и большiй уровень умственнаго развитiя и образованiя. Устраненiе этого противовѣса создаетъ самыя благопрiятныя условiя для необычайнаго развитiя ничѣмъ не регулируемой фантазiи, образы которой постепенно все болѣе грубѣютъ и становятся все болѣе несообразными. Вотъ напримѣръ чрезвычайно любопытный разсказъ крупнѣйшаго галльскаго писателя и епископа УI вѣка. Григорiя Турскаго, о чу-

дѣ, разрѣшившемъ споръ аріанскаго и католическаго священника относительно истинности ихъ ученій. Однажды, разсказываетъ Григорій / притчахъ.I, 81/, аріанскій и католическій священники долго спорили о вѣрѣ, наконецъ, католикъ воскликнулъ " къ чему намъ утруждать себя долгими разговорами. пусть факты подтвердятъ истину, пусть мѣдный котелъ поставленъ будетъ на огонь и чей либо перстень брошенъ въ кипящую воду. Кто его вынетъ изъ кипящей воды,тотъ тѣмъ самымъ докажетъ свою правоту, послѣ чего другая сторона должна обратиться къ сознанію его правоты". Аріанинъ соглашается и рѣшаютъ приступить къ испытанію на другой же день. Ночью католическаго дьякона беретъ страхъ и ставъ рано утромъ онъ намазываетъ свою руку масломъ и мазями. Затѣмъ они сходятся на площади, гдѣ собирается много народа, зажигается огонь, на него ставится котелъ и когда вода сильно закипѣла, въ нее бросаютъ кольцо. Діаконъ приглашаетъ еретика вынуть кольцо, но тотъ очень резонно отвѣчаетъ, что такъ какъ католикъ предложилъ такое испытаніе, то пусть онъ самъ первый ему и подвергнется. Дрожа діаконъ оголяливаетъ свою руку, но когда его противникъ видитъ, что она намазана, онъ протестуетъ и говоритъ, что при такихъ условіяхъ испытаніе недѣйствительно. Тутъ какъ разъ случайно подходитъ другой католическій священникъ изъ Равены /дѣло, очевидно, происходитъ въ Италіи/, по имени Яцинктъ, спрашиваетъ о причинѣ спора и, не долго думая, обнаживъ руку, опустилъ десницу въ котелъ. А кольцо, которое было брошено въ котелъ, было очень легкое и маленькое, такъ что вода его уносила съ собой, какъ вѣтеръ уноситъ былинку. Поискавъ его долго, онъ черезъ часъ его нашелъ. Въ это время огонь сильно пылалъ подъ котломъ и нелегко поэтому было найти кольцо въ

кипящей водѣ и тѣмъ не менѣе діаконъ, вынувъ кольцо, ничего не почуствовалъ на своемъ тѣлѣ, но даже наоборотъ воскликнулъ, что внизу вода холодна, а наверху средней теплоты. Увидѣвъ это и сильно смущенный, еретикъ смѣло сунулъ свою руку въ котелъ, говоря: вѣра моя обезпечитъ меня. Но только онъ сунулъ руку въ воду, какъ все разжижженное мясо стекло съ его руки до самой кости и этимъ кончился споръ". Тутъ все характерно и способъ разрѣшенія богословскаго спора, и самый ходъ дѣла, и точное указаніе на имя и мѣсто рожденія героя. Такого рода сказанія массами заполняютъ всю средневѣковую литературу, причемъ цѣль ихъ заключается, разумѣется, въ назиданіи.

Другой характерной чертой литературы разбираемой эпохи, какъ мы видѣли, является нѣкоторое подозрѣніе къ античной культурѣ. Выразителемъ ея является между прочимъ папа Григорій I /5 0 - 604/. Въ письмѣ къ одному изъ галльскихъ епископовъ, Дезидерію /ep. II,54/, Григорій рѣзко выражаетъ свое неудовольствіе по поводу того, что онъ, Дезидерій,"обучаетъ нѣкоторыхъ грамматикѣ /въ античномъ смыслѣ этого слова/: хвала Юпитеру и хвала Христу не вмѣщаются въ однихъ устахъ". "Пускай онъ самъ сообразитъ,какъ недостойно и преступно воспѣвать то, что не подобаетъ воспѣвать и вѣрующему - міряннну". Папа выражаетъ надежду, что дошедшій до него слухъ ложенъ и Дезидерій "не занимается глупостями /nugis/ и свѣтской литературой". Неудивительно, что Григорій при такихъ условіяхъ убѣждается въ томъ, что греки образованнѣе латинянъ, но онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что латиняне зато не совершаютъ такихъ литературныхъ подлоговъ какъ греки.

Третьей особенностью этого періода слѣдуетъ признать

быстрый упадокъ латинскаго литературнаго языка, точнѣе единственнаго литературнаго языка этой эпохи въ западной Европѣ. Германской письменности до IX вѣка вовсе нѣтъ: ихъ литература все это время остается народной, эпической и устной. Единственнымъ германскимъ народомъ, выработавшимъ нѣкоторое подобіе національной литературы на народномъ языкѣ являются англосаксы: уже къ VII вѣку относятся религіозныя поэмы / на христіанскія темы / Кадмона, въ VIII вѣкѣ былъ записанъ текстъ поэмы о Беовульфѣ, а Беда /ум. 727/ перевелъ евангеліе отъ Іоанна на родной языкъ и оставилъ англосаксонскія стихотворенія. Позднѣе мы встрѣчаемся съ англосаксонской хроникой и съ переводами и полусамостоятельными произведеніями Альфреда Велика: /871 - 901/. Но англосаксонскіе порядки рѣзко отличаются отъ континентальныхъ. Римское вліяніе здѣсь было особенно слабо, что между прочимъ выражается и въ томъ, что изъ всѣхъ варварскихъ правдъ только англосаксонскія были составлены и дошли до насъ на германскомъ языкѣ.

Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ умственная и литературная жизнь на материкѣ. Оставаясь въ весьма первобытномъ состояніи во внутренней Германіи, которой ни имперія ни церковь не коснулись въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ, она совершенно подчиняется вліянію провинціаловъ среди франковъ, визиготовъ, бургундовъ и т.д. Англосаксъ, изучавшій латинскій языкъ, уже изучалъ его какъ мертвый, исключительно литературный языкъ и не находилъ въ окружающемъ его обществѣ сколько нибудь замѣтнаго круга лицъ, все еще говорившихъ на латинскомъ хотя бы и въ высокой степени исковерканномъ латинскомъ языкѣ: когда онъ желалъ писать для публики ли хотя бы быть понятнымъ ей, онъ по необходимости долженъ былъ писать на на англосаксонскомъ нарѣчіи. Франкъ, визиготъ, бургундъ,

научившись латинскому языку, въ это время видѣлъ въ немъ живой языкъ: на латинскомъ языкѣ были составлены его Правды, на латинскомъ языкѣ говорили всѣ провинціалы. Да и независимо отъ этого образованные варвары здѣсь составляли едва замѣтный процентъ среди провинціальный интеллигенціи, для которой латинскій языкъ былъ роднымъ языкомъ, которымъ она продолжала пользоваться въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ.

Съ другой стороны, однако, между разговорнымъ и литературнымъ языкомъ давно уже существовала разница, особенно, какъ всегда замѣтная по сравненію послѣдняго съ простонародными нарѣчіями. Эти послѣднія /sermo risticus, lingua rustica или vulgaris / представляли изъ себя смѣсь національныхъ кельтскихъ, кельтиберскихъ, иберскихъ, пуническихъ и т.д. нарѣчій съ господствующимъ латинскимъ языкомъ. На характерѣ его отражались далѣе діалектическія особенности италійскихъ племенъ, представители которыхъ въ качествѣ мирныхъ переселенцевъ /земледѣльцевъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ/ или въ качествѣ солдатъ имперіи содѣйствовали романизаціи западной Европы. Если, наконецъ, принять въ разсчетъ вліяніе самихъ германцевъ, то становится понятнымъ, что подъ относительнымъ однообразіемъ и чистотою литературнаго языка давнымъ давно скрывалось огромное разнообразіе болѣе или менѣе исковерканныхъ нарѣчій романскаго типа, изъ коихъ съ теченіемъ времени и развились современные романскіе языки, итальянскій, французскій испанскій и португальскій /къ нимъ же принадлежитъ, какъ извѣстно и румынскій/

Въ лучшіе времена имперіи эти мѣстныя, простонародныя

нарѣчія не оказывали серьезнаго вліянія на литературный языкъ для этого уровень образованія какъ въ собственно римскомъ, такъ и въ романизованномъ провинціальномъ обществѣ былъ слишкомъ высокъ, да и самый характеръ воспитанія и обученія, какъ мы видѣли, особенно содѣйствовалъ внимательному отношенію къ чистотѣ слога.

Упадокъ соціальной и экономической жизни, сократившій число образованныхъ людей, усиленное вторженіе /мирное и насильственно/ варваровъ, упадокъ школьнаго дѣла въ связи съ необходимостью заботиться во времена анархіи прежде всего о своем существованіи, а не объ образованіи и чистотѣ рѣчи, наконецъ общій упадокъ развитія и образованія - все это вмѣстѣ измѣняетъ положеніе. Литературный латинскій языкъ становится постоянно болѣе чуждымъ и мертвымъ; его приходится изучать, чтобы не дѣлать невольно всякаго рода ошибокъ противъ грамматики, стилистики и т.д.

При такихъ условіяхъ передъ писателемъ открываются два пути: пожертвовать общепонятностью для литературности или литературностью для общепонятности, и мы видимъ въ самомъ дѣлѣ еще въ VI вѣкѣ представителей обоихъ направленій. Такъ напримѣръ въ Галліи VI вѣка представителемъ перваго является поэтъ Венанцій Фортунатъ, представителемъ второго - епископъ и историкъ Григорій Турскій. "Ты часто употребляешь женскій родъ вмѣсто мужского", жалуется послѣдній на самого себя, вмѣсто женскаго-средній, а вмѣсто средняго мужской, вѣдь даже предлоги, на которые авторитетъ великихъ писателей велѣлъ обращать вниманіе ты часто ставишь не въ должномъ мѣстѣ. Вмѣсто предложнаго ты ставишь винительный падежъ и наоборотъ вмѣсто винительнаго предложный". Само собой ясно, что и Винан

цій не свободенъ отъ грамматическихъ и стилистическихъ промаховъ отъ варваризмовъ, солецизмовъ и другихъ признаковъ упадка литературнаго вкуса, само собой разумѣется, что и его слогъ рѣзко отличается отъ классической латыни, но въ общемъ онъ весьма опредѣленно отличается отъ слога Григорія и едва ли можно это объяснить только однимъ большимъ образованіемъ его или его италіанскимъ происхожденіемъ. Григорій Турскій былъ по своему времени образованный человѣкъ и другъ Венанція и самъ совѣтывалъ послѣднему собрать и издать его поэтическія произведенія, а слѣдовательно былъ способенъ ихъ оцѣнить. Но тогда какъ Венанцій обращался къ небольшому кружку сравнительно образованныхъ людей, Григорій Турскій, точно также какъ и папа Григорій I, хвалившійся тѣмъ, что онъ дѣлаетъ ошибки обращается къ болѣе обширному кругу читателей, пишетъ для назиданія, а не ради эстетическаго удовольствія, и поэтому приближается къ разговорной рѣчи и пишетъ безъ риторическихъ прикрасъ, просто и даже неуклюже: "философствующаго ритора понимаютъ немногіе", говоритъ Григорій Турскій, "говорящаго просто многіе" /philosphantem intelligunt pauci, loquentem risticum multi/.

Въ теченіе УІІ и первой части УІІІ вѣка разговорная рѣчь все болѣе удаляется отъ литературной, крупныхъ писателей вовсе не встрѣчается ни въ Галліи, ни въ Италіи и всѣ памятники этого періода уже потому отличаются необыкновенною грубостью неуклюжестью и неправильностью слога, передавая болѣе или менѣе явно особенности мѣстныхъ разговорныхъ нарѣчій. Въ высшей степени характерно при этомъ, что возрожденіе латинскаго языка исходитъ не изъ романскихъ областей, гдѣ латинскій языкъ въ измѣненномъ видѣ продолжалъ царить, а изъ англосак-

сонской Британіи, гдѣ онъ изучался какъ мертвый языкъ въ монастыряхъ и школахъ: учителемъ младшихъ современниковъ Карла Великаго былъ англосаксонецъ Алкуинъ, знанія котораго по латинскому языку не приходили въ столкновеніе съ полулатинскимъ говоромъ окружающаго общества, а сохранились въ своей разумѣется, относительной, теоретической чистотѣ среди англосаксовъ Іорка.

Со времени возрожденія латинскаго литературнаго языка въ эпоху Карла Великаго можно вести начало окончательнаго разрыва между литературнымъ языкомъ съ одной и разговорнымъ языкомъ не только народа, но и "общества" съ другой стороны разрыва, являющагося однимъ изъ характерныхъ отличій среднихъ вѣковъ. Языкъ и произведенія средневѣковой интеллигенціи совершенно непонятны и недоступны какъ для народа, такъ и для значительной части властвующаго класса.

Основной причиной этого появленія, разумѣется, является тотъ фактъ, что интеллигенція этого времени исключительно и по преимуществу монашеская, а всѣ источники ея образованія всѣ произведенія, отвѣчающія на ея духовные запросы, написаны на латинскомъ языкѣ или переведены съ него: прежде всего священное писаніе, писанія отцовъ церкви, церковныя молитвы и гимны, далѣе компиляціи У и УІ вв., наконецъ, великія произведенія классическихъ латинскихъ писателей, Вергилія, Горація и др. Замѣнить ихъ ни одна народная литература не въ состояніи.

Лишь когда экономическій, соціальный и культурный прогрессъ XI и сл. вѣковъ создаетъ болѣе или менѣе значительный классъ, спообный посвятить свои досуги вопросамъ духовной

и общественной жизни, когда появится свѣтская интеллигенція съ особыми интересами и цѣлями, нераздѣльному владычеству латинскаго языка долженъ придти конецъ. Съ XIII вѣка среди всѣхъ западно-европейскихъ народовъ начинается реакція въ пользу народныхъ языковъ. Ея представители - Данте, Петрарка и Боккачіо въ Италіи, Villehardouin, Froissart, Commines Rablais во Франціи Chaces, авторъ кентерберійскихъ разсказовъ, Тиндаль, переводчикъ священнаго писанія, наконецъ Шекспиръ въ Англіи, нѣмецкіе мистики Гуттенъ и особенно Лютеръ въ Германіи - создаютъ богатые и сильные національные литературные языки, способные замѣнить мертвую латынь. Но только въ XVIII вѣкѣ ея значеніе окончательно падаетъ, когда и ученые переходятъ къ національнымъ языкамъ.

Ознакомленіе съ внутреннимъ строемъ жизни въ германскихъ государствахъ, возникшихъ въ предѣлахъ римской имперіи, привело насъ къ слѣдующему общему выводу.

Находясь на сравнительно очень низкомъ уровнѣ экономическаго, соціальнаго, политическаго, религіознаго и умственнаго развитія, германскіе завоеватели оказались неспособными обновить жизнь римскаго государства и общества. Въ конечномъ итогѣ они лишь усилили всѣ элементы разложенія, уже дѣйствовавшіе въ эпоху имперіи. Эпоха отъ V до X и даже XI вѣка характеризуется рѣзкимъ и постоянно усиливающимся упадкомъ культурныхъ началъ античной жизни. Въ экономическомъ отношеніи это эпоха возвращенія къ натуральному хозяйству, въ соціальномъ эпоха добровольнаго или вынужденнаго подчиненія народной массы представителямъ свѣтской и духовной знати, въ политическомъ - эпоха упадка государственной идеи, разложенія центральной власти, развитія фео-

дальной аристократіи, упадка культурной дѣятельности государства въ судебной, просвѣтительной и экономической сферахъ наконецъ, въ религіозномъ и умственномъ отношеніи это эпоха чисто внѣшняго пониманія какъ догматической, такъ и нравственной стороны христіанскаго ученія, эпоха всеобщаго упадка образованія, исчезновенія свѣтской интеллегенціи, исключительнаго торжества монашескихъ интересовъ, разрыва между литературнымъ и народнымъ языками, иначе говоря разрыва между интеллигенціей /духовенствомъ/ и обществомъ.

Претендовавшая на универсальное значеніе римская имперія сходитъ со сцены и вмѣстѣ съ ней падаетъ и универсальная античная культура. Только католическая церковь сохраняетъ часть наслѣдія античнаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ его притязанія на міровое значеніе.

Но паденіе имперіи съ нивеллирующимъ характеромъ ея политики, съ ея всеподавляющей императорской властью и обширной и стройной бюрократической машиной въ то же время открываетъ просторъ развитію мѣстныхъ особенностей и личной дѣятельности: въ этомъ заключается залогъ будущаго развитія западно-европейской жизни.

Та же эпоха, которая отмѣчена всеобщимъ упадкомъ античныхъ культурныхъ началъ, является и эпохой возникновенія обособленныхъ европейскихъ національностей. Возвращеніе къ натуральному хозяйству парализуетъ вредное вліяніе сосредоточенія землевладѣнія въ рукахъ немногочисленной знати: развитіе крупной поземельной собственности идетъ рука объ руку съ сохраненіемъ и развитіемъ мелкаго хозяйства. Даже въ такихъ странахъ, гдѣ, какъ въ Италіи, земледѣліе утратило

свое значеніе и населеніе кормилось привознымъ хлѣбомъ; земледѣліе теперь поневолѣ возраждается и создается многочисленное крестьянство, этотъ базисъ всякаго здороваго культурнаго развитія.

Въ то же время, какъ уже замѣчено, личность освобождается отъ гнета римской административной и финансовой системы и римскаго политическаго строя. Разложеніе государства, правда, прежде всего благопріятно для аристократіи и тѣмъ не менѣе не даромъ эдиктъ Хлотаря II въ 614 году /см. дальше/ называется „великой хартіей вольностей" франкскаго государства. Содержащееся въ немъ обѣщаніе короля соблюдаетъ извѣстные, обычаемъ выработанные порядки въ администраціи, судѣ и т.д., являясь уступкой магнатамъ, въ то же время вноситъ новый принципъ въ европейскую жизнь, принципъ договорныхъ отношеній между государемъ и народомъ съ его необходимымъ выводомъ - принципомъ организованнаго или неорганизованнаго контроля послѣдняго надъ первымъ. Воспользовались имъ сначала одни феодалы, но какъ ихъ обязанности по отношенію къ королю чѣмъ дальше тѣмъ болѣе становятся условными и опредѣляются обычаемъ, такъ и отношеніе подвластной массы къ феодаламъ постепенно устанавливается тѣмъ же обычаемъ, нарушеніе котораго признается актомъ произвола, противъ котораго протестуютъ, а подчасъ и возстаютъ.

Освободительное значеніе того разложенія государственности, которое мы наблюдаемъ съ У по X вѣкъ, становится особенно явнымъ, если сопоставить развитіе западной Европы и Византіи въ теченіе среднихъ вѣковъ. Классъ крупныхъ землевладѣль развивается и тамъ и здѣсь, но организація имперіи по причинамъ, на которыхъ здѣсь не мѣсто останавливаться, на

востокѣ оказалась болѣе крѣпкой, чѣмъ на западѣ, и не только перенесла рядъ вварварскихъ нашествій, но успѣла сохранить силу центральной власти въ неприкосновенности. Покуда Византія существуетъ, она въ разныхъ формахъ сохраняетъ все ту же систему строгой бюрократической опеки, съ которой мы знакомы по имперіи IУ и У вѣка, и по римскому образцу подавляетъ свободное развитіе какъ отдѣльной личности, такъ и областей, провинцій и племенъ, входящихъ въ ея составъ. Византія не пережила такой анархіи, какъ та, которая характеризуетъ почти весь періодъ западно европейской исторіи отъ У до XI в., но она не выработала и тѣхъ новыхъ формъ государственной жизни, въ частности представительныхъ учрежденій, которыя мы встрѣчаемъ на западѣ съ XIII вѣка и которые вмѣстѣ съ привиллегіями дворянства, духовенства и городовъ освободили личную жизнь и дѣятельность западно-европейскаго общества отъ безграничнаго гнета римской имперіи и дали его силамъ возможность развернуться. Если въ Византіи не было феодальной анархіи, то въ ней не было и коммунальнаго движенія, если не было дикаго произвола феодаловъ, то не было и великой хартіи вольностей. А послѣдняя, какъ мы еще увидимъ, хоть и косвенно, но опирается на первый: вѣдь именно бароны принудили Іоанна Безземельнаго отказаться отъ произвола англо нормандскихъ королей и вплоть до ХУ вѣка именно они были главными защитниками хартіи.

---:---

ОТДѢЛЪ УI. ФРАНКИ И РАЗВИТІЕ ФЕОДАЛИЗМА .

I. Историческое значеніе Франскаго государства. Ни одно изъ государствъ, основанныхъ германцами въ предѣлахъ римской

имперіи, не оказало такого громаднаго вліянія на жизнь всей западное Европы /не исключая и Англіи/, какъ франкская монархія.

Прежде всего это объясняется недолговѣчностью, внутренней и внешней слабостью всѣхъ другихъ германскихъ государствъ о которыхъ намъ уже пришлось упоминать и на причинахъ которой намъ здѣсь необходимо остановиться. При этомъ нужно, однако, различать англосаксонское государство съ одной, государства вандаловъ, бургундовъ, остроготовъ, визиготовъ и лангобардовъ съ другой стороны.

Что касается анлосаксонскаго государства, то его развитіе и характеръ рѣзко отличаютъ его отъ остальныхъ германскихъ государствъ, возникшихъ въ предѣлахъ римской имперіи. Англосаксонское государство Эгберта Вессекскаго /ок. 827 г./ представляетъ изъ себя результатъ медленнаго объединенія цѣлаго ряда мелкихъ государствъ, основанныхъ въ теченіе У и УІ вѣка въ предѣлахъ Британіи, объединенія, законченнаго только самимъ Эгбертомъ. Весьма естественно, что покуда совершался этотъ процессъ объединенія, силы англосаксовъ всецѣло сосредоточивались на немъ и на борьбѣ съ бриттами, пиктами и скоттами. Но и послѣ объединенія всего англосаконскаго населенія подъ властью вессекскихъ конунговъ рядъ условій - географическое положеніе Британіи, продолжающаяся борьба съ туземцами и новая борьба съ датским нашествіями - парализовали силы англосаксовъ и не давали имъ возможности оказать вліяніе на западно - европейскую жизнь. Вліяніе англосаксонской проповѣди /Бонифацій/ на обращеніе германцевъ въ христіанство и англосаксонскихъ ученыхъ /Алкуинъ/ на возрожденіе школьнаго дѣла при Карлѣ Великомъ не играютъ въ этомъ смыслѣ никакой

роли, такъ какъ въ дѣятельности тѣхъ и другихъ нѣтъ ничего специфически - англосаксонскаго. Какъ Бонифацій, такъ и Алкуинъ являются представителями космополитическаго вліянія церкви, а не національныхъ идей и учрежденій англосаксовъ. Англосаксы сами, наоборотъ, подчиняются вліянію норманновъ, приносящихъ въ Англію массу идей, выработанныхъ на почвѣ франкскаго политическаго и соціальнаго развитія.

Причины неустойчивости и слабости остальныхъ германскихъ государствъ /по сравненію ихъ съ франкскимъ/ имѣютъ совершенно иной характеръ и дѣйствуютъ почти одинаково у всѣхъ упомянутыхъ народовъ.

Прежде всего германскіе поселенцы - завоеватели всюду представляютъ изъ себя сравнительно ничтожное меньшинство. Такъ, количество вандаловъ, поселившихся въ предѣлахъ Африки й занявшихъ территорію въ приблизительно 15000 кв.миль, опредѣляется Dahnомъ въ 50 - 80000 головъ ко времени завоеванія. О визиготахъ намъ извѣстно изъ Эвнапія, что, когда они переправились черезъ Дунай въ 375 г., ихъ было 200000 способныхъ носить оружіе, т.е. всего съ женами, дѣтьми, стариками и рабами около 1000000 головъ /ср. несовсѣмъ ясный текстъ Эвнапія въ Hist. graec. min., Eun. frg. 42/. Не слѣдуетъ, однако, думать, что вся эта масса двинулась позднѣе подъ начальствомъ Алариха на Западъ: послѣ побѣды при Андріанополѣ, разграбленія всего Балканскаго полуострова и умиротворенія готовъ Ѳеодосіемъ визиготы, число которыхъ несомнѣнно должно было сократиться за это бурное время, поселились въ предоставленныхъ имъ мѣстностяхъ и лишь часть ихъ, нѣсколько десятковъ тысячъ воиновъ съ женами и дѣтьми, послѣдовали за Аларихомъ. Его походы на Элладу, а позднѣе на Италію съ крупными битвами при Полленціи

и Веронѣ /въ 402 и 403 г./ несомнѣнно опять таки должны были понизить численность переселившейся части племени; съ другой стороны присоединеніе 30.000 варварскихъ федератовъ /послѣ убійства Стилихона/ и отряда готовъ и иныхъ варваровъ, приведенныхъ къ Алариху Атуальфомъ, до извѣстной степени уравновѣшивали потери отъ сраженій, недостатка продовольствія, болѣзней въ непривычномъ италійскомъ климатѣ и т.д. Въ результатѣ полагаютъ, что общее число визиготовъ /съ женами, дѣтьми и т. д./ ко времени поселенія ихъ въ южной Галліи /въ 419 г./ доходило зо 300000 головъ. А между тѣмъ количество провинціаловъ въ югозападной Галліи и въ Испаніи, гдѣ въ началѣ II вѣка количество населенія доходило до 8 - 9 милліоновъ /нынѣ ок. 20.000.000./, очевидно нужно считать милліонами и, даже если принять въ разсчетъ, вѣроятно, довольно быстрый ростъ визиготскаго населенія, безусловный огромный перевѣсъ провинціаловъ надъ варварами не можетъ подлежать сомнѣнію. Одинъ фактъ сравнительно быстрой романизаціи визиготовъ вполнѣ ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Относительно другихъ германскихъ племенъ, бургундовъ, остроготовъ и лангобардовъ, мы не имѣемъ даже такихъ скудныхъ /и мало достовѣрныхъ/ данныхъ, какъ относительно вандаловъ и визиготовъ. Несомнѣнно лишь то, что количество варваровъ во всѣхъ ихъ государствахъ было относительно ничтожно.

А между тѣмъ всѣ они въ отличіе отъ франковъ болѣе или менѣе опредѣленно порвали связь съ внутренней Германіей, отъ которой охъ отдѣляли подчасъ огромныя пространства и вдобавокъ враждебныя отношенія, господствовавшія между германски племенами. Ни остроготы, ни бургунды, ни тѣмъ болѣе визиго

ты и вандалы не имѣютъ возможности, да и не желаютъ пополнять свои ряды притокомъ свѣжихъ силъ изъ внутренней Германіи.

Являясь піонерами германскаго движенія на Западѣ, они въ то же время больше чѣмъ их пріемники, франки, принуждены считаться съ римскими традиціями провинціаловъ, съ врожденнымъ имъ презрѣніемъ къ варварамъ и съ ихъ естественнымъ тяготѣніемъ къ имперіи. Когда франки приступили къ завоеванію Галліи, германское владычество продолжалось здѣсь уже около ста лѣтъ, населеніе болѣе или менѣе привыкло къ нему и перестало надѣяться на возстановленіе имперіи; не то было въ эпоху возникновенія визиготскаго, бургундскаго, остроготскаго и вандальскаго государства. А вдобавокъ между франками, принявшими католичество, и провинціалами не было и той религіозной розни, которая существовала между всѣми остальными германскими племенами, поголовно принадлежавшими къ аріанской церкви, и католической массой. Франки считались освободителями католической церкви отъ аріанскихъ варваровъ и едва ли подлежитъ сомнѣнію, что ихъ успѣхи въ борьбѣ съ визиготами и бургундами по крайней мѣрѣ отчасти объясняютя поддержкой, оказанной имъ католической церковью.

Малочисленность германскихъ завоевателей при первоначально существовашей между ними и провинціалами національной /и религіозной/ розни и при отсутствіи притока свѣжихъ силъ изъ внутренней Германіи - вотъ такимъ образомъ основная причина неустойчивости созданныхъ ими государствъ. Походы войскъ Юстиніана приводятъ къ поразительно быстрой ги-

бели вандальскаго царства въ 533 г., а далѣе послѣ 20 лѣтней войны къ возсоединенію Италіи съ имперіей въ 554 г. и наконецъ къ завоеванію юговосточной части Испаніи у визиготовъ, тогда какъ франки около того же времени отнимаютъ у визиготовъ почти всю Галлію /послѣ 507 г./ и уничтожаютъ царство бургундовъ /въ 534 г./.

Самостоятельнымъ остается только испанское государство визиготовъ, къ которому во второй половинѣ VI вѣка прибавляется новое государство лангобардовъ. Вся остальная часть западной имперіи /если оставить въ сторонѣ Британію/ оказывается въ рукахъ франковъ съ одной, Византіи съ другой стороны. Спасеніе визиготовъ отъ судьбы вандаловъ, остроготовъ и бургундовъ въ свою очередь объясняется повидимому географической отдаленностью ихъ испанскихъ владѣній отъ центра франкскаго государства и отъ Византіи, а также истощеніемъ послѣдней вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ съ персами и остроготами. Зато визиготы, сохранивъ свою политическую самостоятельность теряютъ національную: переходъ ихъ конунга Реккареда /въ концѣ VI вѣка/ въ католицизмъ, повлекшій за собой принятіе католицизма всѣми визиготами, является внѣшнимъ выраженіемъ ихъ сліянія съ римской массой, какъ принятіе католицизма Ліутпрандомъ и лангобардами /въ началѣ VIII в./ доказываетъ, что и послѣдніе утратили свою національную обособленность.

Въ VIII вѣкѣэти два государства исчезаютъ: визиготы подвергаются нашествію фанатизированныхъ мусульманъ - арабовъ пользующихся внутренними раздорами въ Испаніи, лангобарды — нашествію франковъ /при Пипинѣ Короткомъ и Карлѣ Великомъ/, призванныхъ и поддержанныхъ римскою церковью.

Въ концѣ VIII вѣка три державы замѣнили единую римскую

имперію: восточно-римская или византійская имперія, владѣющая въ Азіи - Малой Азіей, въ Европѣ - Балканскимъ полуостровомъ и южною частью Италии, Франкская монархія /а съ 800 г. рим - ская имперія/, владѣющая Галліей, большею частью Италіи, сѣверо-восточной Испаніей и внутренней Германіей до Эльбы и Дравы и наконецъ, арабскій халифатъ, съ 754 г., впрочемъ, распавшійся на холифатъ кордофскій, охватывающій почти всю испанію, и на халифатъ багдатскій, простирающійся отъ антлантическаго океана до Инда, отъ Сахары и Индійскаго океана до Средиземнаго и Каспійскаго морей.

Франкская монархія съ конца УIII вѣка является такимъ образомъ главной и за исключеніемъ Англіи единственной представительницей романо-германскаго католическаго міра. Весьма понятно, что спеціально франкскія учрежденія и формы быта при такихъ условіяхъ пріобрѣтаютъ огромное значеніе для всего дальнѣйшаго развитія западной Европы. Онѣ далѣе естественно оказываютъ вліяніе и на строй испанскихъ государствъ, постепенно возникавшихъ на развалинахъ кордофскаго халифата, онѣ же, наконецъ, переносятся норманами въ Англію и южную Италію, крестоносцами въ Палестину и византійскую имперію /основаніе латинской имперіи въ 1204 г./, нѣмцами въ Скандинавію и къ западнымъ славянамъ.

Въ виду всего этого ясно, какое значеніе для пониманія дальнѣйшаго развитія западной Европы имѣетъ изученіе политическаго и соціальнаго строя франкской монархіи.

II. Ходъ развитія франкскаго государства и королевской власти.

I. Франки до завоеваній эпохи Хлодвига. Въ концѣ У в.

франкское племя населяло область между Соммой, Шельдой и Маасомъ съ одной и правыми притоками нижняго Рейна съ другой стороны и распадалось на двѣ группы, на салическихъ франковъ съ сѣверной, приморской и на рипуарскихъ /береговыхъ/ франковъ съ Хаттами въ южной части этой территоріи. И тѣ и другіе стояли подъ властью конунговъ, причемъ по крайней мѣрѣ у салическихъ франковъ ихъ было нѣсколько /Хлодвигъ, Рагнахарій, Харарихъ/, и тѣ и другіе далѣе находились въ вѣковомъ наступательномъ движеніи на западъ, приведшемъ ихъ съ праваго берега Рейна въ нѣкогда римскія провинціи Beldica и Germania inferior движенія ихъ, какъ мы видѣли очень опредѣленно отличаются отъ движенія восточныхъ германцевъ. Совершаясь сравнительно крайне медленно, отдѣльными отрядами, оно не приводитъ къ переселенію въ отдаленныя чисто римскія области, гдѣ завоеватели являлись незначительнымъ меньшинствомъ среди массы римскихъ провинціаловъ, а наоборотъ соединено съ полной германизаціей предварительно опустошенныхъ и покинутыхъ римскимъ элементомъ пограничныхъ областей, въ которыхъ франки сохраняютъ возможность, не порывать связи съ остальными западно-германскими племенами.

О политическомъ и соціальномъ бытѣ франковъ до завоеваній Хлодвига мы къ сожалѣнію имѣемъ очень скудныя данныя. Тогда какъ франкская исторія VI /особенно второй половины VI/ в. намъ относительно очень хорошо извѣстна по большому труду епископа Турскаго Historia ecclesiastica Francorum /въ 10 книгахъ; ср. Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, I стр. 90 сл./, Франкская исторія V в. намъ почти совсѣмъ неизвѣстна: въ разсказахъ самаго Григорія объ этой эпохѣ содержится немало легендарнаго элемента /ср. попытку выдѣлить этотъ элементъ у G. Kurth,

Histoire poétique des Merovingiens /, а другихъ болѣе раннихъ источниковъ у насъ вовсе нѣтъ. Единственнымъ источникомъ болѣе раннихъ временъ франкской жизни въ виду этого является составленная вѣроятно въ эпоху Хлодвига, Салическая Правда /lex. Salica/, но и она дошла до насъ не въ первоначальномъ видѣ и невсегда легко выдѣлить болѣе поздніе элементы изъ дошедшаго до насъ текста /см. объ этомъ Brunner, Deutsche Rechtsgechiche т.I стр. 292 сл./.

Архаическій характеръ, отличающій, какъ уже было замѣчено Салическую Правду и выражающійся напр. въ ограниченіяхъ права собственности на земли, отчасти устраненныхъ лишь эдиктомъ Хильпериха, наряду съ значительной самостоятельносью народныхъ собраній, волостей и сотенъ, имѣющихъ своихъ выборныхъ представителей /тунгинъ въ волости, центенарій, hunno въ сотнѣ/ съ судебными функціями, наконецъ, рядъ болѣе или менѣе легендарныхъ, но характерныхъ разсказовъ / о происхожденіи Салической Правды, объ отношеніи Хлодвига къ франкамъ/ все это вмѣстѣ доказываетъ, что мелкія франкскія государства половины У в. недалеко ушли отъ германскихъ государствъ эпохи Тацита.

Масса населенія принадлежитъ къ классу простыхъ свободныхъ людей съ среднимъ нормальнымъ надѣломъ. Родовая знать, исчезающая при Хлодвигѣ, чтобы со временемъ замѣниться знатью служилой, не обособилась опредѣленно отъ массы свободныхъ имѣетъ лишь нравственныя, но не юридическія преимущества передъ послѣдней. Полусвободные литы и несвободные также не играютъ никакой роли въ политической и соціальной жизни.

Свободные, основой жизни которыхъ служитъ земледѣліе /встрѣчаются уже и огородничество и виноделіе/, по прежнему

входятъ въ составъ того или иного рода, при чемъ родъ сохраняетъ еще почти всю свою прежнюю силу. Кровная месть, родовое соприсяжничество, родовая отвѣтственность за уплату виры и штрафовъ, участіе рода въ полученіи виры, родовая опека надъ малѣтними - все это сохранилось не только въ эпоху составленія Салической Правды, но и значительно позже, не смотря на то, что съ конца У в. сила родовой связи встрѣчается съ тремя противниками: государствомъ, церковью и интересами отдѣльной личности. Государство стремится замѣнить кровную месть и международныя войны развитіемъ своихъ судебныхъ правъ и системой денежныхъ вознагражденій, церковь борется съ браками близкихъ родственниковъ и въ интересахъ своего обогащенія отстаиваетъ право отдѣльнаго лица, распоряжаться своимъ недвижимымъ имуществомъ безъ родового и семейнаго контроля, отдѣльное лицо, наконецъ, добивается полнаго права собственности на недвижимости. Тѣмъ не менѣе родъ въ теченіи столѣтій отстаиваетъ свои права и лишь очень медленно уступаетъ мѣсто новымъ силамъ.

Во главѣ государства стоитъ конунгъ, окруженный дружиной но далеко не владѣющій неограниченной властью послѣдующаго времени. Его представителемъ въ волостяхъ, на которые распадается государство, является графъ /grafio/, первоначально повидимому не имѣвшій судебныхъ функцій, лежавшихъ на выборныхъ тунгинахъ и центенаріяхъ. Большинство вопросовъ мѣстной жизни и судебныхъ дѣлъ рѣшается на мѣстѣ, въ сотнѣ или волости и королевской власти мало дѣла и мало простора. По преданію даже Салическая Правда была составлена не только по рѣшенія народа, но и при посредствѣ его представителей. Коро-

левская власть, вѣроятно, ограничивается какъ родовой знатью, такъ и народнымъ собраніемъ государства: главная цѣль ея существованія и центръ королевской дѣятельности заключается въ начальствѣ надъ народнымъ войскомъ.

Военныя предпріятія могутъ быть направлены какъ противъ соплеменниковъ, такъ и противъ римлянъ. Но именно салическихъ франковъ мы съ половины IУ в. чаще всего встрѣчаемъ въ роли римскихъ федератовъ, что имъ, разумѣется, не мѣшаетъ пользоваться ослабленіемъ имперіи для расширенія своихъ владѣній. Тѣмъ не менѣе еще въ эпоху визиготскихъ завоеваній времени Эврика /466-484/ и параллельнаго съ ними расширенія бургундскихъ владѣній конунги салическихъ франковъ и предки Хлодвига, Хлодіонъ и Хильдерихъ /отецъ Хлодвига/ состоятъ на римской службѣ и подъ начальствомъ римскихъ генераловъ, Эгидія и др. ведутъ войны съ визиготами и др. варварами.

2. Франкскія завоеванія въ эпоху Хлодвига и его сыновей.

"Всѣ остальныя германскія государства были основаны завоевателемъ народомъ, франкское королевство основано завоевателемъ королемъ", замѣчаетъ Sohm. (Fränkische Reichs und Gerichtsverfassung, стр. 35/, но если завоеванія Хлодвига отличаются отъ завоеваній визиготовъ Алариха, вандаловъ Гензериха, остроготовъ Теодориха, лангобардовъ Альбоина и т.д., завоеваній, повлекшихъ за собой переселеніе болѣе или менѣе значительной части даннаго племени въ отдаленныя провинціи имперіи, то оно не менѣе опредѣленно отличается отъ предшествовавшихъ завоеваній самихъ франковъ. До Хлодвига движеніе франковъ на западъ имѣло еще болѣе стихійный народный характеръ, чѣмъ движенія восточно-германскихъ племенъ, совершившихъ свои передвиженія, какъ никакъ

подъ начальствомъ одного лица, тогда какъ франки до Хлодвига не имѣли единаго вождя, а поселились въ ближайшихъ римскихъ областяхъ отдѣльными группами безъ всякаго планомѣрнаго руководства, истребляя римлянъ и германизируя заселенныя ими мѣстности.

Совершенно иной характеръ имѣютъ завоеванія Хлодвига и его сыновей. Они исходятъ отъ конунга или конунговъ, а не отъ народа, приводятъ къ завоеванію, но не колонизаціи сосѣднихъ областей. До Луары франки еще поселились въ подаренныхъ имъ королемъ или просто захваченныхъ помѣстьяхъ въ болѣе значительномъ количествѣ, За Луарой они не играютъ никакой роли въ этнографическомъ смыслѣ: здѣсь они являются почти исключительно въ роли крупныхъ землевладѣльцевъ, быстро сливающихся съ римской массой. Но и къ сѣверу отъ Луары до Соммы, Шельды и Мааса они представляютъ такое же меньшинство, какъ визиготы въ Испаніи и съ теченіемъ времени также романизуются. Лишь къ сѣверо-востоку отъ Соммы, Шельды и Мааса они составляютъ большинство населенія и, чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ значительнѣе становится римскій элементъ.

Такой характеръ франкскихъ завоеваній имѣетъ огромное историческое значеніе. Съ одной стороны имъ объясняется поразительно быстрый ростъ королевской власти въ первую половину VI в., съ другой стороны имъ же объясняется и тенденція къ обособленію отдѣльныхъ составныхъ частей франкскаго государства, которая проявляется уже въ концѣ VI в. и не смотря на старанія Каролинговъ опредѣлила дальнѣйшія судьбы франкскаго государства.

Останавливаться подробно на ходѣ франкскихъ завоеваній и на внѣшней исторіи франкской монархіи я не могу, но дать

общій очеркъ франкской исторіи мнѣ представляется необходимымъ.

Завоеванія Хлодвига /481-511/, одного изъ салическихъ конунговъ, простираются какъ на области съ римскимъ, такъ и на области съ германскимъ населеніемъ, - и это вторая характерная черта франкскихъ завоеваній, сдѣлавшая франковъ посредниками между римской культурой и народностями внутренней Германіи.

Въ 486 г. Хлодвигъ разбиваетъ Сіагрія, послѣдняго представителя чисто римскихъ властей въ Галліи, унаслѣдовавшаго свою власть отъ своего отца Эгидія и правившаго, опираясь по видимому на германскихъ федератовъ, областью между Луарой и Соммой, которая послѣ его пораженія сдѣлалась добычей франковъ. Послѣдніе теперь дошли до границъ визиготскаго государства, достигшаго при Эврикѣ своего наибольшаго могущества. Въ 496 г. Хлодвигъ обращается на востокъ и, побѣдивъ аламановъ, подчиняетъ себѣ большую часть этого племени. Лишь южная часть Аламанніи, благодаря заступничеству Теодориха Остроготскаго, на время осталась свободной. Остальные должны были признать верховенство франскаго конунга, т.е. вѣроятно платить дань и участвовать въ его походахъ. Ихъ внутреннее управленіе, ихъ обычное право, по всему вѣроятію, остались совершенно нетронутыми и только назначеніе франкскихъ графовъ, вѣроятно, доказывало владычество Хлодвига.

Къ какому времени относится объединеніе всего франкскаго племени подъ властью Хлодвига остается неизвѣстнымъ. Разсказы Григорія Турскаго объ устраненіи Сигибарта рипуарскаго и его сына Хильдериха, а также двухъ салическихъ конунговъ, Рагнахарія и Харариха, какъ доказалъ Kurth, отличаются

чисто легендарнымъ характеромъ и заимствованы имъ изъ народныхъ пѣсенъ. Фактъ устраненія другихъ франкскихъ конунговъ самъ по себѣ однако едва ли подлежитъ сомнѣнію. "Богъ ежедневно подвергалъ къ его ногамъ враговъ его", заключаетъ Григорій разсказъ объ убійствахъ Хлодвига, "ибо онъ жилъ праведно /recto corde ambulavit ante eum/ и дѣлалъ, что было пріятно Его очамъ".

Причина такого своеобразнаго отзыва Григорія заключается въ фактѣ обращенія Хлодвига въ католичество, причемъ примѣру его первоначально послѣдовало лишь 3000 франковъ. Тѣмъ не менѣе переходъ всѣхъ франковъ въ христіанство при данныхъ условіяхъ былъ лишь вопросомъ времени, а принятіе именно католичества, а не аріанства, какъ мы видѣли, поставило франковъ въ исключительно благопріятныя условія, когда они въ началѣ VI в. столкнулись сначала съ визиготами, а затѣмъ уже послѣ смерти Хлодвига съ бургундами. И тамъ и здѣсь католическая церковь явно сочувствовала католикамъ - франкамъ и поддерживала ихъ противъ аріанъ. Одной битвы при Вуглѣ повидимому было достаточно /въ 507 г./, чтобы опрокинуть государство визиготовъ: ихъ конунгъ, Аларихъ II /484 - 507/ палъ во время битвы, послѣ чего началась борьба за престолъ и только вмѣшательство Теодориха Остроготскаго въ пользу его внука, сына Алариха II, Амалариха, остановило побѣдоносное шествіе Хлодвига, Септиманія /область по Ліонскому заливу между Пиринеями и Роной/ осталась за визиготами, перенесшими свою столицу изъ Толозы /Тулузы/ въ Толедо; Провансъ былъ занятъ остроготами. Вся остальная часть визиготскаго государства подпала владычеству Хлодвига, которому не доставало только завоеванія Бургундіи, чтобы соединить въ своихъ рукахъ всю римскую

Галлію.

Рядъ удачныхъ походовъ поставилъ Хлодвига во главѣ государства приблизительно I0-I2.000 кв. миль. Въ его казну оступали налоги и пошлины еще зимавшіяся съ галлоримлянъ и доходы съ огромныхъ нѣкогда императорторскихъ земель и съ неразданныхъ земель удалившихся зизиготовъ. Одно это создавало ему совсѣмъ иное положеніе чѣмъ то, которое онъ занималъ до начала завоеваній въ качествѣ мелкаго салическаго конунга. Въ то же самое время подъ его власть поступила теперь вся масса провинціаловъ, еще съ римскихъ временъ привыкшихъ къ пассивному повиновенію и вдобавокъ знавшихъ, что императоръ Анастасій 491-5I8/ послѣ побѣды надъ визиготами прислалъ Хлодвигу консульскія инсигніи и тѣмъ самымъ призналъ его власть въ Галліи. Если, наконецъ, принять въ разсчетъ поддержку со стороны католической церкви и нравственный авторитетъ, который необыкновенно счастливые походы должны были дать Хлодвигу и въ глазахъ франковъ, то станетъ понятнымъ, до какой степени его власть должна была возрасти.

Завоеванія, а вмѣстѣ съ ними, разумѣется, и ростъ королевскаго авторитета не прекращаются и при ближайшихъ преемникахъ Хлодвига, его сыновьяхъ, между которыми послѣ его смерти его государство было раздѣлено. Государство, завоеванное Хлодвигомъ, разсматривается какъ его частная собственность и въ виду этого, согласно германскому праву, дѣлится на болѣе или менѣе равныя части. Старшій сынъ Теодорихъ взялъ себѣ востокъ /область отъ Мааса до правыхъ притоковъ Рейна/ съ столицей въ Реймсѣ, Хлодоміръ страну за Луарой съ Орманомъ, Хильдбертъ область между Луарой и Сеной съ Парижемъ Хлотарь область между Сеной и устьемъ Рейна съ Суассономъ

Несмотря на раздѣленіе государства и порой крайне враждебныя отношенія между братьями и ихъ семьями / такъ Теодорихъ подсылалъ убійцъ къ Хлотарю, Хлотарь и Хильдебертъ зарѣзали двухъ сыновей умершаго Хлодоміра, а третьяго постригли, и послѣ смерти Теодориха попытались сдѣлать то же съ его сыномъ, Теодебертомъ, Хильдебертъ оказывалъ поддержку Храмну, /незаконному сыну Хлотаря, возставшему противъ отца /, конунги неоднократно дѣйствовали сообща при походахъ противъ сосѣдей въ 531 году Теодорихъ и Хлотарь вмѣстѣ покоряютъ племя Тюринговъ, въ 532 году Хильдебертъ и Хлотарь завоевываютъ царство бургундовъ. Упадокъ царства остроготовъ, съ 532 года - ведущаго ожесточенную борьбу съ Византіей, даетъ послѣднимъ возможность пріобрѣсти Провансъ, тогда какъ Теодебертъ, сынъ Теодориха, /534 - 551/ принуждаетъ баварцевъ и остатокъ аламановъ признать франкское верховенство.

Когда смерть всѣхъ другихъ потомковъ Хлодвига въ 558 году даетъ Хлотарю I. / 558 - 561 / возможность объединить все государство, оно уже простирается отъ Пиринейскихъ горъ до Богеміи и Эльбы, отъ Альпъ до устья Рейна и верховьевъ Везера. Само собой разумѣется, что удивительно быстрое соединеніе всѣхъ этихъ земель подъ властью франковъ не идетъ рука объ руку съ одинаково быстрой ассимиляціей всѣхъ вошедшихъ въ государство меровинговъ племенъ. Франкское государство распадается на романизованную христіанскую и чисто германскую языческую часть, не говоря уже о чисто мѣстныхъ особенностяхъ.

Спрашивается , какъ управляли франкскіе конунги сво-

имъ обширнымъ государствомъ и насколько ихъ система управленія была приспособлена для сохраненія государственнаго порядка и силы королевской власти?

3. Внутренняя организація франкскаго государства. Пособія: Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, т. II - IV; Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, т. II; Schröder, Deutsce Rechtsgeschichte. - Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politique de l'ancienne France, т. III, la monarchie franque; Viollet, Histoire des institutions politiques et administratives et des institutions françaises, т. II; Esmain Cours élémentaire de l'histoire du droit français; Flach, les origines de l'ancienne France; w. Sickel, Entstehung der fränkischen Monarchie въ Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst IV, 3. Ср. вышеуказанное сочиненіе Sohn'а, а также Dahn, Konigen der Germanen, т. VII - IX.

Самымъ характернымъ фактомъ развитія франкскаго государства является необычайное развитіе королевской власти, вытекающее изъ характера франкскихъ завоеваній и огромнаго значенія личной дѣятельности конунговъ при созданіи франкской монархіи. Уже при Хлодвигѣ и, пожалуй, еще болѣе при его сыновьяхъ конунгъ и его дворъ представляютъ настоящій и единственный постоянный центръ государственной жизни. Народныя собранія, по

всему вѣроятію игравшія весьма значительную роль до начала завоеваній, быстро утрачиваютъ свое значеніе и повидимому въ теченіе VI вѣка вовсе перестаютъ существовать величина государственной территоріи и рѣзкія различія въ этнографическомъ составѣ населенія, римская часть котораго не привыкла къ такимъ собраніямъ, дѣлаютъ созывъ регулярныхъ народныхъ собраній невозможнымъ. А знать, собранія которой съ конца VI вѣка замѣняютъ народныя собранія, въ эпоху Хлодвига и его сыновей еще не существуетъ какъ самостоятельная сила. Только съ войскомъ франкскимъ конунгамъ подчасъ приходится также считаться, какъ римскимъ императорамъ III и IV вѣковъ.

Компетенція короля на практикѣ безграничная Онъ является верховнымъ правителемъ, судьей и военачальникомъ который можетъ быть низвергнутъ, противъ котораго возможно возстаніе, но надъ которымъ или около котораго нѣтъ ни одого учрежденія, способнаго или хотя бы имѣющаго право контролировать его дѣйствія. Въ качествѣ верховнаго военачальника онъ призываетъ своихъ подданныхъ / какъ франковъ и другихъ варваровъ, такъ и по крайней мѣрѣ со временъ сыновей Хлодвига и римлянъ / въ походъ, когда и куда онъ пожелаетъ. Въ качествѣ верховнаго судьи онъ является истиннымъ хранителемъ внутренняго мира: миръ считается королевскимъ но не народнымъ миромъ, но независимо отъ общей охраны король можетъ даровать и даруетъ отдѣльнымъ лицамъ или группамъ лицъ / королевскія должностныя лица и дружина, церковь, вдовы, сироты / спеціальную

охрану , беретъ ихъ подъ свою защиту и тѣмъ самымъ увеличиваетъ втрое ихъ виру . Они находятся подъ спеціальнымъ королевскимъ mundium, mundeburdis, состоятъ въ его trustis . При рѣшеніи дѣлъ король не связанъ никакими процессуальными формами и можетъ приговорить къ смертной казни безъ слѣдствія и формальнаго суда . Въ качествѣ верховнаго правителя онъ назначаетъ всѣхъ должностныхъ лицъ , вмѣшивается въ избраніе или прямо назначаетъ епископовъ , назначаетъ и взимаетъ сохранившіеся отъ римскаго времени налоги и пошлины , собираетъ " добровольные дары " съ своихъ германскихъ подданныхъ , распоряжается государственными / точнѣе королевскими / землями и издаетъ общеобязательныя распоряженія / bannus dominicus, bannire / , за нарушеніе которыхъ взимаетъ штрафъ въ 60 солидовъ.

Подданные приносятъ ему присягу въ вѣрности / leudesamium / : " я принесъ господину моему Хлотарю ненарушимую присягу " , пишетъ въ своемъ завѣщаніи нѣкій Бертрамгъ / Paradessus, diplomata № 230 , т. I , стр. 201 / , " ибо Ценоманскій округъ долженъ былъ достаться ему законнымъ образомъ изъ наслѣдства его отца .... Моя присяга связала меня безусловно / in integrum constrinxit / , такъ что я никоимъ образомъ не долженъ былъ покинуть его т. е. измѣнить ему / " . Текстъ присяги до насъ не дошелъ , но изъ одного памятника VII вѣка / Marc. I , 40 / мы знаемъ , что она приносилась по графствамъ всѣмъ населеніемъ послѣднихъ , т. е. какъ

франками, такъ и римлянами и лицами другихъ/варварскихъ/ національностей", въ присутствіи спеціальныхъ уполномоченныхъ короля |и притомъ на реликвіяхъ святыхъ. Эту общенародную присягу, которую приносили всѣ подданные, не слѣдуетъ смѣшивать съ спеціальной присягой дружинниковъ. Какъ наряду съ общекоролевскимъ миромъ существуетъ спеціальный миръ, такъ и наряду съ общенародной присягой существуетъ спеціальная, и какъ установленіе спеціальнаго королевскаго мира доказываетъ недостаточную силу общаго мира, такъ спеціальная присяга дружинниковъ доказываетъ недостаточную силу общенародной присяги. Необходимость спеціальной охраны и присяги вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что, несмотря на всю кажущуюся силу, королевская власть неспособна безъ особыхъ угрозъ или связей сохранить порядокъ въ государствѣ и обезпечить повиновеніе населенія.

Основная причина этого факта, о которомъ намъ дальше еще придется говорить, заключается въ полной неподготовленности внезапно возвысившихся Меровинговъ къ управленію огромнымъ государствомъ.

"Какъ бы неограниченно не было всевластіе римскаго императора , оно находилось подъ властью государственной идеи. Императоръ былъ лишь представителемъ государства; онъ обладалъ и пользовался властью отъ имени и въ интересахъ государства, т.е. всей совокупности населенія. Варварскій конунгъ франкскій монархъ, наоборотъ видѣлъ въ государственной власти какъ бы свою собственность, свое частное владѣніе". /Eumein, ук. соч. 63; Fustel de Coulanges, стр. 118 сл./.

Созданное завоеваніемъ конунговъ, государство разсматривается и ими и ихъ подданными какъ ихъ вотчина, подлежащая дѣлежу между наслѣдниками, т.е. сыновьями, братьями и т.д.

умершаго конунга. Если въ У в. народное собранiе, вѣроятно участвовало при избранiи конунга изъ даннаго царствующаго рода, если позднѣе его мѣсто и въ этомъ отношенiи заняла знать, то въ УI и УII в. королевская власть безусловно наслѣдственна и представляетъ естественное достоянiе всѣхъ членовъ королевскаго дома. Въ концѣ УI в. мы даже встрѣчаемся съ правомъ даннаго конунга завѣщать свою власть надъ данной территорiей избранному имъ представителю царствующаго дома. "Король Гунтрамнъ", разсказываетъ Григорiй Турскiй, вручилъ своему племяннику королю Хильдеберту копье и сказалъ ему: вотъ знакъ, гдѣ я тебѣ передалъ все мое царство. Прими подъ свою собственную власть всѣ мои земли, какъ твою собственность... Ты долженъ быть моимъ наслѣдникомъ во всемъ моемъ царствѣ, всѣхъ остальныхъ я лишаю наслѣдства". И только послѣ этого онъ собралъ своихъ воиновъ и, указавъ на Хильдериха, заявилъ: "вотъ король, которому вы отнынѣ должны повиноваться" /rex est cui vos nunc deservire debetis Greg. Tur. Hist 7, 33/ Единственнымъ внѣшнимъ переживанiемъ прежнихъ избранiй при такихъ условiяхъ является обычай подымать новаго конунга на щитъ и три раза обносить его вокругъ собравшейся толпы дружинниковъ или знати /sublimare/: эта церемонiя впослѣдствiи и послужила, вѣроятно, поводомъ къ претензiямъ знати на право избирать того, кого ей будетъ угодно поднять на щитъ

Ближайшимъ послѣдствiемъ этого взгляда на королевскую власть, какъ на наслѣдственное достоянiе Меровинговъ, и на государство, какъ на вотчину, подлежавшую раздѣлу между на-

Лит. Богданова, Эртелевъ пер. д. № I-12.

Директоръ [signature]

слѣдниками, является безконечная междоусобная борьба: зачатки ея, какъ мы видѣли встрѣчается уже при сыновьяхъ Хлодвига, но въ особенно жесткой и разнузданной формѣ мы ее встрѣтимъ въ по слѣдующую эпоху отъ 561 по 613 г., почти сплошь наполненную войнами и убійствами и особенно много содѣйствовавшую быстрому росту могущества аристократіи и параллельно съ этимъ упадку королевской власти.

Такова одна изъ формъ, въ которыхъ выражается неподготовленность Меровинговъ къ управленію огромнымъ государствомъ. Не меньшее значеніе имѣетъ отсутствіе стройной бюрократіи, которая при отсутствіи народныхъ собраній и широкой системы самоуправленія одна способна поддержать королевскій авторитетъ, обезпечить внутренній миръ и взаимнымъ контролемъ разныхъ ея представителей до извѣстной степени ограничить злоупотребленія и произволъ мѣстныхъ представителей королевской власти и даже самаго конунга.

Обязанности, лежавшія на Меровингскомъ конунгѣ до эпохи завоеваній, были настолько немногочисленны и просты, что конунгъ не нуждался въ сколько нибудь значительномъ штатѣ помощниковъ. Дѣла, восходившія до него лично, онъ разрѣшалъ самъ единолично или при участіи наиболѣе вліятельныхъ дружинниковъ Его вліяніе на ходъ народной жизни, какъ мы видѣли, было мало значительно: народъ самъ избиралъ своихъ тунгиновъ и центенаріевъ, подъ председательствомъ которыхъ и разрѣшалъ судебныя, а вѣроятно и иныя мѣстныя дѣла, поскольку они не разрѣшались собраніемъ рода или сельской общины. Конунгъ довольствовался посылкой своихъ "отроковъ" / pueri regis / для собранія выпадавшей на его долю части виры /т.наз. fredum/, для собранія "даровъ", не поднесенныхъ ему во время народнаго

собранія, для надзора надъ королевскими землями, гдѣ тако - выя имѣлись, для созванія народнаго собранія или войска и т. д. Къ концу У в. эти временные уполномоченные /sacebarones/, повидимому; потеряли значеніе и были замѣнены графіонами, т. е. графами, но и власть послѣднихъ продолжала быть ограниченной, покуда не начались завоеванія.

Завоеванія, въ 20 л. подчинившія Хлодвигу территорію въ 10-12000 кв. миль, застали завоевателя безъ всякаго административнаго опыта и безъ сколько нибудь развитой системы должностныхъ лицъ. Результатомъ этого съ одной стороны является своеобразное устройство центральнаго управленія, съ другой стороны сохраненіе внѣшнихъ рамокъ римской административной системы съ крайнимъ упрощеніемъ и огрубѣніемъ ихъ внутренней жизни.

Что касается прежде всего центральнаго управленія, то весьма естественно, что многочисленные походы съ одной, быстрое увеличеніе количества дѣлъ, восходившихъ до короля и необходимость позаботиться напр. объ управленіи огромными королевскими землями или, получившей чрезвычайно большое значеніе, казной съ другой стороны не могли не вызвать потребность въ нѣкоторомъ раздѣленіи труда, въ созданіи спеціальныхъ органовъ для исправленія отдѣльныхъ функцій королевской власти.

Единственнымъ учрежденіемъ, способнымъ раздѣлить обязанности конунга, очевидно была дружина. Но ея члены не могли взять на себя всѣхъ функцій: не умѣя писать, плохо или вовсе не зная латинскій языкъ, дружинники очевидно были не способны помогать королю при составленіи разнаго рода грамотъ, жарственныхъ, охранныхъ, посланій епископовъ и т.д. Вся письменная часть какъ канцелярская, такъ и дипломатиче-

ская , административная и даже законодательная /точнѣе указная/ работа - поэтому возлагается на римскую канцелярію, во главѣ которой стоитъ референдарій/ предшественникъ каролингскаго и капетинскаго канцлера/ и которая вѣроятно заимствована или создана по образцу тѣхъ officia , которыя состояли при римскихъ префектахъ, викаріяхъ и т д. и еще раньше были заимствованы у нихъ визиготами и бургундами.

Наряду съ римскимъ референдаріемъ мы встрѣчаемъ рядъ германскихъ должностей, одни названія которыхъ доказываютъ, что раньше, чѣмъ пріобрѣсти политическое значеніе, онѣ имѣли чисто придворное, такъ сказать домашнее значеніе. Представители ихъ назначаются королемъ изъ состава его дружины или такъ называемыхъ антрустіоновъ т.е. тѣхъ, которые находятся in truste regia подъ охраной, покровительствомъ конунга Антрустіоны съ оружіемъ въ рукахъ приносятъ конунгу присягу, обязуясь оказывать ему trustem et fidelitem поддержку и вѣрность, и составляютъ не только его конную гвардію такова первоначально главная цѣль ихъ существованія но и группу его ближайшихъ совѣтниковъ и помощниковъ, за что, пользуясь устроенной вирой /въ 600 солидовъ/, если они свободные - антрустіонами могутъ быть и литы и рабы - и разнаго рода королевскими милостями.

Среди дружинниковъ формально господствуетъ равенство: всѣ они одинаково обязаны служить конунгу и одинаково пользуются устроенной вирой. Фактически они однако распадаются на группы, смотря по степени ихъ приближенности къ королю, ихъ заслугамъ, занимаемымъ ими должностямъ, а впослѣдствіи и по своему богатству подаренными конунгомъ землями. Болѣе вліятельные изъ нихъ въ источникахъ называются proceres, prin-

eypes, optimates, seniores, priores palatii
Независимо отъ этого они вдобавокъ распадаются еще на двѣ группы, смотря по тому, находятся ли они въ данное время при самомъ королевскомъ дворѣ или посланы ли они въ качествѣ специальныхъ уполномоченныхъ /missi / графовъ и т.д. въ провинціи.

Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ палатный мѣръ / maior domus/ Должность майордома встрѣчается, какъ въ римской имперіи, такъ и у германцевъ / lex Salica Herold II,6,7/ и первоначально онъ является простымъ управляющимъ, какъ королевскаго, такъ и частныхъ домовъ. Но тогда какъ въ римской имперіи аналогичная должность куропалата /византійское выраженіе для лица, завѣдующаго cura palatii / имѣетъ исключительно придворный характеръ, тогда какъ управленіе государствомъ здѣсь лежитъ на цѣломъ рядѣ министровъ /см. выше/, во франкскомъ государствѣ послѣднихъ нѣтъ и управляющій королевскимъ домомъ естественно становиться главнымъ помощникомъ конунга, его главнымъ, если не единственнымъ министромъ. Въ качествѣ управляющаго королевскимъ домомъ онъ, вѣроятно, съ самаго начала стоитъ во главѣ всего придворнаго штата, въ томъ числѣ и дружины, надъ которой въ виду этого долженъ имѣть дисциплинарную власть. Дальнѣйшія его полномочія едва ли опредѣлились сразу: при энергичныхъ конунгахъ УI в., изъ коихъ каждый имѣетъ своего майордома, послѣдній самъ подъ постояннымъ надзоромъ конунга, лично рѣшающаго большинство сколько нибудь важныхъ дѣлъ, къ коимъ несомнѣнно принадлежали и дѣла, касавщіяся дружины, какъ той ея части, которая находилась при дворѣ, такъ и той, которая находилась въ провинціяхъ. Тѣмъ не менѣе майордомы уже въ

силу того, что назначались изъ лицъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ конунга, а дальше и въ силу самой опредѣленности тѣхъ полномочій, которыя вытекали изъ ихъ начальства надъ дружиной, при сколько-нибудь благопріятныхъ условіяхъ /болѣзнь, малолѣтство, слабость конунга/ быстро должны были расширить кругъ своей постоянной дѣятельности и усилить свою власть во всемъ внутреннемъ управленіи. Вѣдь ихъ начальство надъ дружиной дѣлало ихъ главою, какъ внутренняго управленія - вѣдь графы и т.д. назначались изъ дружинниковъ - такъ и управленіе королевскими /или что тоже, государственными/ имуществами, которыя конунгами въ широкихъ размѣрахъ раздавались тѣмъ же дружинникамъ, такъ, наконецъ, и начальниками войска, наиболѣе важную и постоянную часть котораго составляла опять таки дружина. Какъ довѣренное лицо конунга майордомъ съ теченіемъ времени соединитъ въ своихъ рукахъ самыя разнообразныя полномочія и съ VII в. сдѣлается чѣмъ то вродѣ великаго визиря франкскаго конунга.

Значительно меньшимъ вліяніемъ пользуются остальныя должностныя лица этой эпохи. На первомъ планѣ среди нихъ слѣдуетъ поставить пфальцграфа /comes palatii /, значеніе котораго связано преимущественно съ судебной дѣятельностью конунга. Онъ обязательно присутствуетъ во всѣхъ засѣданіяхъ королевскаго суда, результаты которыхъ сообщаетъ референдарію, который затѣмъ согласно свидѣтельству пфальцграфа составляетъ соотвѣтственный актъ. Возможно и даже вѣроятно, что пфальцграфъ наряду съ этимъ участвуетъ въ самомъ разсмотрѣніи дѣла, докладываетъ о немъ и даетъ свои заключенія. Рѣшеніе дѣлъ во всякомъ случаѣ принадлежитъ королю и его суду, а позднѣе съ возвышеніемъ майордомовъ послѣднимъ.

За указанными лицами слѣдуетъ: казначей / thesaurarius или cubicularius при Каролингахъ camerarius /, завѣдующій королевской казной, выдающій изъ нея, по приказанію конунга, дары и т.д., конюшій / comes stabuli, constabulus / завѣдующій королевскими конюшнями, но подчасъ начальствующій также надъ войсками, и кравчій / princeps pincernarum, каролингскій buticularius /. Таковы единственные органы центральнаго управленія во франкскомъ государствѣ; изъ его обзора само собой выясняется, какъ слабо было здѣсь раздѣленіе административнаго труда, какъ безпорядочно и случайно должно было быть распредѣленіе вѣдомствъ и дѣлъ между помощниками короля, поскольку такое раздѣленіе вообще существовало.

Весьма естественно, что крайняя простота, грубость и безпорядочность центральнаго управленія должна была привести къ расширенію правъ, самостоятельности, а далѣе злоупотребленій и произвола представителей королевской власти въ провинціяхъ. Въ основѣ административнаго дѣленія франкскаго государства лежатъ въ германскихъ областяхъ волость / pagus /, въ римскихъ - городской округъ римскихъ временъ / civitas /. Во главѣ тѣхъ и другихъ стоятъ должностныя лица, германское обозначеніе которыхъ графъ, римское - comes. Права графовъ первоначально, вѣроятно, не одиковы и колеблются смотря по тому стоятъ ли они во главѣ волости, гдѣ въ первыя времена еще сохранялась прежняя самостоятельность народныхъ собраній и судовъ, или во главѣ римскаго городского округа, не обладавшаго почти никакимъ самоуправленіемъ. Съ теченіемъ времени ростъ королевской власти и въ германскихъ областяхъ приводитъ къ упадку волостныхъ собраній и судовъ

и къ усиленію графской власти. Какъ до этого времени въ римскихъ областяхъ, такъ и до этого времени /УI в. у франковъ/ и въ германскихъ, графъ является полнымъ представителемъ королевской власти въ подчиненной ему мѣстности, иначе говоря, обладаетъ какъ военной, такъ и гражданской, какъ судебной, такъ и финансовой властью, имѣетъ право распоряженія /обладаетъ банномъ/, за нарушеніе которыхъ снимаетъ съ соотвѣтственныхъ лицъ штрафъ /отъ 4 до 15 солидовъ/ и пользуется полицейской властью. Само собою разумѣется, что онъ не имѣетъ права помилованія и права налагать уголовныя наказанія безъ суда и безъ соблюденія мѣстнаго права: эти права принадлежатъ исключительно конунгу.

Въ силу своей военной власти онъ созываетъ мѣстное ополченіе и начальствуетъ имъ, въ силу судебной и полицейской власти предсѣдательствуетъ въ судѣ, исполняетъ его рѣшенія и заботится какъ о предупрежденіи преступниковъ, такъ и объ задержаніи ихъ, въ силу своихъ финансовыхъ полномочій онъ собираетъ причитающіяся королю доли виръ / fredum /, штрафы за нарушеніе королевскаго банна, собираетъ подати, налоги и пошлины, онъ самъ, наконецъ, /а не конунгъ/ назначаетъ своихъ помощниковъ, викаріевъ и центенаріевъ.

Графъ назначается и смѣняется конунгомъ и въ качествѣ его должностнаго лица имѣетъ тройную виру. Опредѣленнаго жалованія онъ не имѣетъ: вмѣсто этого ему уступается часть доходовъ въ ввѣренной ему мѣстности /напр. одна треть судебныхъ штрафовъ/, право постоя, кормленія и даровового проѣзда насчетъ поселенія и наконецъ пользованіе извѣстными королевскими имѣніями. Такъ какъ послѣдніе при смѣнѣ графовъ обыкновенно предостав-

лялись и его преемнику, то соотвѣтственныя земли постепенно въ силу обычая обязательно переходятъ отъ одного графа къ другому и выдѣляются изъ общаго числа королевскихъ земель въ особую категорію, пользованіе которой разъ навсегда соединено съ должностью графа / т. наз. res comitatus или fiscus comitialis/.

При слабой и безпорядочной организаціи центральнаго управленія и фактическомъ отсутствіи всякаго контроля надъ графами ихъ власть въ данной мѣстности въ сущности совершенно безгранична: единственное ограниченіе ея заключается въ возможности внезапной замѣны даннаго лица другимъ. Но это ограниченіе, очевидно, касается только лицъ, а не самаго учрежденія, какъ таковаго. Назначенный вновь графъ вплоть до своей замѣны другимъ, а затѣмъ и этотъ послѣдній попрежнему продолжаютъ быть полновластными владыками въ ихъ округѣ. Степень подчиненности и повиновенія графа конунгу при такихъ условіяхъ всецѣло зависитъ отъ личнаго характера и матеріальной силы конунга съ одной, графа съ другой стороны. Центральное правительство оказывается неспособнымъ направлять мѣстную жизнь иначе, какъ урывками.

Еще менѣе совмѣстима съ государственнымъ единствомъ и силой королевской власти другая должность меровингскаго періода, а именно герцогская / ducatus/. Званіе герцога dux соединено либо съ чисто военными полномочіями, либо съ управленіемъ областью, въ составъ которой входитъ нѣсколько графствъ, во главѣ каждаго изъ которыхъ обыкновенно стоитъ графъ, подчиненный герцогу. Въ отличіе отъ графской должности, являющейся нормальной и постоянной формой управленія провинціями, должность герцога расчитана на болѣе или ме-

нѣе исключительныя условія. Иначе говоря, умершій или отозванный графъ всегда замѣняется графомъ, тогда какъ герцогская должность можетъ остаться незамѣщенной, если внѣшнія условія не дѣлаютъ желательнымъ дальнѣйшее сосредоточеніе нѣсколькихъ округовъ въ рукахъ одного лица. Тѣмъ не менѣе весьма понятно, что уже въ силу своего значительнаго матеріальнаго вліянія герцогъ можетъ сдѣлаться еще болѣе опаснымъ для королевской власти, чѣмъ графъ, начальствующій надъ сравнительно небольшимъ округомъ. Особенно опасной герцогская власть становиться въ VII вѣкѣ въ чисто германскихъ областяхъ, гдѣ герцоги становятся во главѣ цѣлаго племени и въ силу этого являются выразителями спеціальныхъ племенныхъ интересовъ, стремленія германскихъ племенъ избавиться отъ владычества франковъ.

Наряду съ графами и герцогами, назначаемыми для общаго управляенія входящими въ составъ государства областями, меровингскіе конунги имѣютъ еще одну группу должностныхъ лицъ для управленія государственными или королевскими имуществами, повидимому заимствованную изъ римской имперіи. Да это и вполнѣ естественно: количество государственныхъ имуществъ до завоеваній не могло быть особенно значительно и едва ли нуждалось въ сколько нибудь стройной системѣ управленія; после завоеваній оно наоборотъ чрезвычайно возросло и при отсутствіи своей системы управленія конунги заимствовали ту, которая существовала въ государствахъ Сіагрія, визиготовъ и бургундовъ, т.е римскую, и затѣмъ, вѣроятно, распространили ее и на свои германскія земли. А въ римской имперіи, какъ мы видѣли, государственныя имущества находились подъ управленіемъ особаго министра /comes rerum privatarum/

подъ начальствомъ котораго состояли провинціальные *rationales*, собиравшіе доходы съ подчиненныхъ имъ имѣній, присоединявшихъ къ нимъ конфискованныя или пустующія земли и т.д. Каждый римскій чиновникъ имѣлъ свою канцелярію, во главѣ которой стоялъ *primicerius, princeps* или *domesticus*. Послѣднее названіе во франкской монархіи примѣняется какъ къ управляющему всѣми государственными имуществами меровинговъ, такъ и къ его подчиненнымъ, стоящимъ во главѣ опредѣленной группы этихъ имѣній. Весьма понятно, что округа этихъ доместиковъ менѣе значительны по объему, чѣмъ округа римскихъ раціоналовъ, но сущность дѣла одна и та же. Высокое служебное положеніе какъ придворнаго, такъ и областныхъ доместиковъ вмѣстѣ тѣмъ указываютъ на извѣстное намъ уже по римской имперіи важное значеніе государственныхъ имуществъ въ жизни франкской монархіи.

Это насъ приводитъ къ вопросу о франкскомъ финансовомъ строѣ и о томъ, какъ франкскіе конунги покрывали расходы по содержанію дружины и войска, по управленію и т.д.

Уже въ эпоху Тацита у германцевъ существовали зачатки податной организаціи. Съ одной стороны въ пользу государства уплачивалась часть вознагражденій /въ томъ числѣ и виръ/ за преступленія и извѣстныя штрафы / *Tac. Germ* 12: *pars mulctae regi vel civitati*/, съ другой стороны "среди отдѣльныхъ народностей существуетъ обычай добровольно и лично подносить князьямъ дары въ видѣ скота или плодовъ: это принимается ради почести, но служитъ и источникомъ для покрытія расходовъ" /*Germ.* 15/. Третьимъ источникомъ доходовъ, вѣроятно, съ древнѣйшихъ временъ была дань отъ побѣжденныхъ или поко-

ренныхъ сосѣдей. Примѣръ англосаксонскихъ порядковъ, наконецъ позволяетъ предположить, что конунги имѣли право пользоваться при своихъ объѣздахъ даровымъ помѣщеніемъ и угощеніемъ /англосаксонская feorma/. Несомнѣнно, однако, что всего этого а также и доходовъ съ королевскихъ имуществъ, даже при крайне простыхъ условіяхъ германской жизни было недостаточно для покрытія королевскихъ расходовъ и уже Тацитъ отмѣчаетъ, что для содержанія дружины князья /и конунги/ принуждены разсчитывать на военную добычу, которую нѣкоторымъ изъ нихъ замѣняетъ служба римской имперіи и получаемое отъ императоровъ вознагражденія за нее, вознагражденіе, которое было странно считать данью.

Таковы финансовыя средства франкскихъ конуговъ до эпохи завоеваній. Завоеванія и въ этомъ отношеніи ставятъ ихъ въ совершенно новое положеніе.

Въ германскихъ областяхъ франскаго государства, правда, по всему вѣроятію сохранились старые порядки и едва ли здѣсь можно допустить какое либо вліяніе римской податной организаціи, сохранившейся, по краней мѣрѣ отчасти, въ государствахъ визиготовъ, бургундовъ и продолжавшей функціонировать и послѣ франкскаго завоеванія.

Выше мы видѣли, что римская имперія кромѣ налоговъ, податей и пошлинъ и кромѣ доходовъ съ государственныхъ имуществъ располагаетъ еще многочисленными и чрезвычайно тяжелыми повинностями населенія, что налоги, въ свою очередь распадаются на прямые, изъ коихъ особенно важенъ поземельный кромѣ него существуетъ поголовный, съ городского населенія и спеціальные съ декуріоновъ и сенаторовъ/, и косвенные, среди коихъ первое мѣсто занимаютъ внѣшнія и внутреннія пош-

лины, въ Галліи доходящія до $2^I/2\%$ съ стоимости ввоза и вывоза.

Что касается прежде всего налоговъ, то какъ поземельный налогъ / tributum, census functio publica /, такъ и пошлины /portorium, teloneum остались въ силѣ и въ франкскую эпоху. Нельзя сказать того же самаго о специальныхъ налогахъ, лежавшихъ на сенаторахъ, декуріонахъ и торговцахъ / lustralis collatio мы не встрѣчаемъ никакого указанія на ихъ существованіе и должны предполагать, что они исчезли подъ вліяніемъ внутренней анархіи У вѣка и систематическихъ стремленій указанныхъ сословій избавиться отъ нихъ Сохраненіе пошлинъ - съ теченіемъ времени увеличивается количество таможенъ и терминовъ, которыми обозначаются разные виды общихъ и мѣстныхъ пошлинъ - и поземельнаго налога, наоборотъ, не подлежитъ сомнѣнію. Но и они съ теченіемъ времени претерпѣваютъ любопытныя измѣненія. Наиболѣе важное замѣчается въ тенденціи фиксировать ихъ размѣръ разъ навсегда. Особенно важно это для поземельнаго налога, главнаго налога римскихъ временъ.

Въ римское время высота обложенія опредѣляется согласно съ цѣнностью даннаго имѣнія. Болѣе или менѣе точная оцѣнка земель данной civitas, провинціи, діоцеза или префектуры даетъ возможность опредѣлить количество податныхъ единицъ /iuga, capita/, имѣющихся въ соотвѣтственной части имперіи, послѣ чего правительство имѣетъ возможность обложить всѣ эти единицы одинаково /ибо цѣнность ихъ равна/, же опредѣляя суммы, которая должна быть получена съ разныхъ имѣній, входящихъ въ составъ даннаго iugum или заключающихъ въ

себѣ нѣсколько *uiga*. Высота обложенія устанавливается согласно съ потребностями времени и, какъ мы видѣли, имѣетъ тенденцію повышаться.

Основнымъ условіемъ для сохраненія подобной системы являются повторяющіяся въ извѣстные, не слишкомъ продолжительные сроки переоцѣнки земель каждой данной области: только при такихъ условіяхъ можно будетъ сохранить дѣйствительную равноцѣнность отдѣльныхъ податныхъ единицъ, т.е. самое основаніе всей системы. Въ римской имперіи такія переоцѣнки и совершаются періодически, каждые I6 лѣтъ /индиқты/. Но для такой колоссальной работы необходимы болѣе или менѣе спокойное, мирное состояніе государства съ одной, существованіе обширнаго и опытнаго класса чиновниковъ съ другой стороны. О первомъ ни въ У ни въ УI вѣкѣ и рѣчи быть не можетъ но и характеръ чиновничества, поскольку онъ вообще сохраняется въ германскихъ государствахъ, разумѣется, долженъ измѣниться подъ вліяніемъ общаго упадка знаній и отсутствіи руководства со стороны варварскихъ начальниковъ.

Въ виду этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мы лишь изрѣдка слышимъ о попыткахъ конунговъ пересмотрѣть существующую оцѣнку земель, а также и въ томъ, что каждая такая попытка вызываетъ неудовольствіе со стороны населенія Такъ, мы случайно знаемъ, что Хлотарь I произвелъ переоцѣнку недвижимыхъ имуществъ въ округѣ города Тура /*Greg* 30/; такъ, ок. 565 г. три франкскихъ конунга по общему согласію совершаютъ новую переоцѣнку /*Avidin* 24/; такъ, наконецъ, въ 580 г. Хильперихъ дѣлаетъ тоже въ своемъ государствѣ и повышаетъ размѣръ обложенія, чѣмъ вызываетъ возстаніе /*Greg* 5, 29; *hist. epit* 80/. Трудно, разумѣется, сказать насколько

умѣло велось это дѣло и охватывалось ли имъ когда нибудь хотя бы вся римская часть франкскаго государства. Несомненно лишь то, что огромное значеніе обычая въ это время отразилось и на финансахъ. Населеніе, въ томъ числѣ и крупные собственники, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, полагали, что всякое повышеніе налога какъ нарушеніе обычая есть актъ произвола, противъ котораго они протестовали, и уже въ 614 г. Хлотарь II долженъ былъ обѣщать, "что повсюду, гдѣ нечестиво /impie/ прибавленъ новый налогъ /census posit/ подъ это понятіе подводится и увеличеніе уже существующаго налога/ и народъ ропщетъ, онъ послѣ правильнаго разслѣдованія долженъ быть милостиво улучшенъ /т.е. отмѣненъ/.

Актъ Хлотаря II /ed Chlot. 8/ лишь заканчиваетъ долгій процессъ упадка фискальнаго значенія поземельнаго налога и установленіемъ своего рода обычнаго maximum'а поземельнаго обложенія, не исключающаго его дальнѣйшаго пониженія /по просьбѣ епископовъ или монаховъ, вслѣдствіе неурожая, военнаго опустошенія и т.д./, но исключающаго его повышеніе. Уже задолго до этого внутренняя анархія и неумѣлость королевской администраціи, сопротивленіе магнатовъ и нерадѣніе мѣстныхъ представителей, наконецъ податныя привелегія церквямъ и монастырямъ должны были значительно понизить поступленіе и уменьшить чистый доходъ казны.

Тѣ же причины вмѣстѣ съ общимъ упадкомъ экономической жизни и въ частности торговыхъ оборотовъ должны были уменьшить и доходность пошлинъ. Неспособная сохранить внутренній миръ и создать или возродить стройную бюрократическую систему, королевская власть прежде всего ощущаетъ последствія этого на своей казнѣ. Въ теченіе VI в. казна еще иг-

раетъ огромную роль въ жизни страны и источники всегда отмѣчаютъ захватъ или раздѣлъ какъ государства, такъ и казны; съ УII в казна начинаетъ пустѣть и теряетъ свое прежнее значеніе.

По мѣрѣ упадка податной организаціи доходы съ государственныхъ земель и повинности, игравшія огромную роль еще въ римской имперіи IУ, У в., пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе, на нихъ а не на податяхъ, основывается жизнь франкскаго государства.

Что касается повинностей, то я отмѣчу только всеобщую воинскую повинность, по крайней мѣрѣ со временъ сыновей Хлодвига, лежавшую одинаково какъ на франкахъ и др. германцахъ такъ и римлянахъ, и крайне раззорительную для населенія. Въ силу нея населеніе любой мѣстности или всего государства во всякое время могло быть призвано собраться и двинуться въ походъ съ собственнымъ вооруженіемъ и на собственный счетъ. Одно послѣднее обстоятельство само по себѣ представлялось чрезвычайно обременительнымъ, особенно, если вспомнить, какъ часто внѣшнія и внутреннія войны должны были подавать поводъ къ созыву ополченія. Но и независимо отъ этого, какъ мы видѣли, необходимость покидать хозяйства во время полевыхъ и иныхъ работъ чрезвычайно тяжело отражалось какъ разъ на массѣ населенія, обрабатывающей свои земли собственнымъ трудомъ безъ помощи крѣпостныхъ или рабовъ: мы уже видѣли, какое значеніе воинская повинность имѣла для общаго хода соціальнаго развитія въ германскихъ государствахъ.

Трудность собрать удовлетворительно вооруженное и обученное военному дѣлу придастъ особенно значеніе дружинѣ, вдобавокъ и поставляющей кандидатовъ на всѣ центральныя и

мѣстныя должности франкскаго государства. Отъ количества и качества дружинниковъ, ихъ опытности, энергiи, привязанности въ значительной мѣрѣ зависитъ сила конунга какъ въ его собственномъ государствѣ, такъ и при столкновенiяхъ съ сосѣдями, родственниками или чужими.

Содержанiе дружинъ въ виду этого составляетъ одну изъ главныхъ задачъ королевскаго управленiя, а при уменьшенiи поступленiй отъ податей почти единственнымъ источникомъ для достиженiя этой цѣли являются государственныя земли, а не доходы съ нихъ. Дѣло въ томъ, что при возрастающемъ упадкѣ торговли и сокращенiи запаса благородныхъ металловъ и нѣтъ возможности ни продать сколько-нибудь значительное количество продуктовъ хозяйства на государственныхъ земляхъ, не получить плату отъ колоновъ, литовъ, арендаторовъ и т.д. деньгами. Съ другой стороны, отдаленность многихъ королевскихъ земель отъ обыкновенныхъ центровъ государства /Парижъ Орлеанъ, Суассонъ, Реймсъ, Метцъ/ и невозможность хранить всѣ продукты въ какомъ нибудь центрѣ не позволяетъ конунгамъ пользоваться ими въ данной мѣрѣ для обезпеченiя матерiальныхъ потребностей дружины. Наконецъ и дружинники, особенно болѣе крупные сами стремятся получить въ даръ имѣнiе, а не кормиться въ королевскомъ дворцѣ. Въ результатѣ конунги изумительно щедро раздаютъ принадлежащiя имъ земли, заслуженнымъ дружинникамъ, а также и церквамъ. Вѣдь, если дружинникъ сражается за конунга, то церковь молится за него, отмаливаетъ его многочисленные грѣхи и уготовляетъ ему мѣсто на небесахъ

дары церквамъ всегда имѣютъ цѣль совершенно реально рисующуюся въ воображеніи людей этого времени - упокоеніе души, т.е. весьма грубое благополучіе ея въ загробной жизни. Ни въ чемъ смѣшеніе государственной и королевской собственности не сказывается рѣзче, какъ именно въ раздачѣ того, что мы бы назвали государственными имуществами, ради достиженія обезпеченія личныхъ интересовъ конунга.

Единственный серьезный базисъ королевской власти, единственный капиталъ, доходы съ котораго должны обезпечить удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей государства, расходуется такимъ образомъ самымъ нерасчетливымъ образомъ. Правда меровингское, какъ и вообще германское дареніе, не создаетъ полнаго права собственности получившаго даръ на послѣдній Brunner. die Landschenkungen der Merowinger und Agilolfinger въ Sitzungsberichte der Berliner Academie der Wissenschaften за 1885 г. стр. 1173 сл./. Германское дареніе всегда условно и, если противоположное не оговорено, относится только къ тому лицу, которое названо въ актѣ даренія, а не къ его потомству и не даетъ получающему даръ права отчуждать /продавать, дарить/ объектъ даренія /обыкновенно землю/ другому лицу. Но во первыхъ церковь считаетъ, что всякое имущество, поступившее въ ея собственность, должно оставаться въ ней на вѣчныя времена, а слѣдовательно смотритъ принципіально иначе на результатъ совершившагося даренія, а во вторыхъ и свѣтскія лица преимущественно дружинники/ естественно стремятся превратить свою условную собственность въ полную, сдѣлать ее наслѣдственной, свободно отчуждаемой и т.д. Въ томъ же направленіи работаетъ, наконецъ, и обычай: при нормальныхъ условіяхъ

подаренное имѣніе оставляется за наслѣдникомъ прежняго владѣльца и, хотя это принципіально и не исключаетъ возможности послѣдующаго отобранія дара дарителемъ, но практически права послѣдняго на подаренный предметъ становятся тѣмъ слабѣе и призрачнѣе, чѣмъ дольше данный предметъ находится въ рукахъ одной и той же семьи.

И здѣсь такимъ образомъ, сила королевскаго авторитета зависитъ всецѣло отъ фактическаго могущества и личной энергіи конунга. Безпрестанныя междоусобныя войны второй половины VI и начала VII в. заставятъ конуговъ подъ часъ прямо ухаживать за своими антрустіонами, увеличивать ихъ земельное могущество обезпечивать ихъ потомству наслѣдственныя права на подаренныя помѣстья. Эдиктомъ 614 г. Хлотарь II оказется вынужденнымъ утвердить всѣ предшествующія даренія и съ этихъ поръ самостоятельность антрустіоновъ не перестаетъ возрастать, а сила королевской власти наоборотъ быстро клонится къ упадку, какъ только конунги утратили возможность безусловно распоряжаться своими землями.

Въ результатѣ организація франкскаго госарства, несмотря на чрезвычайное усиленіе королевской власти при Хлодвигѣ и его сыновьяхъ, совершенно не обезпечиваетъ спокойное теченіе государственной жизни, дѣйствительное и постоянное вліяніе конунговъ на управленіе и безусловное повиновеніе мѣстныхъ властей. Дѣленіе государства между всѣми сыновьями даннаго конунга, отсутствіе стройно организованнаго центральнаго управленія, слабость или отсутствіе Контроля надъ герцогами, графами и доместиками, упадокъ податной организаціи расточеніе государственныхъ имуществъ — все это вмѣстѣ ставитъ силу королевскаго авторитета въ зависимость отъ лич-

ныхъ качествъ конунга или конунговъ, иначе говоря, отъ совершенно индивидуальнаго случайнаго момента. А такъ какъ при данныхъ соціальныхъ и политическихъ условіяхъ только королевская власть можетъ обезпечить государственное единство и относительный внутренній порядокъ, то слабость конунговъ или ихъ междоусобныя войны непосредственно должны привести къ разложенію государственнаго единства, къ анархіи и къ возвышенію мѣстныхъ магнатовъ. Въ римской имперіи за слабаго императора могутъ управлять министры, во франкской монархіи при равныхъ условіяхъ некому будетъ поддерживать миръ.

4. Эпоха внуковъ Хлодвига и упадокъ королевской власти въ VII вѣкѣ. После смерти Хлотаря I франкское государство снова распадается на четыре части, причемъ Хариберту достается Аквитанія /область къ югу и западу отъ Луары/ съ Парижемъ, Гунтрхальту Бургундія съ Орлеаномъ, Хильпериху Нейстрія /т. е. западная страна отъ Луары до Арденскаго лѣса/ съ Суассономъ, Сигиберту Австразія /т.е. восточная страна/, иначе говоря германскія области по Маасу и Рейну съ его притоками съ Реймсомъ. Ранняя смерть Хариберта въ 567 г. приводитъ къ новому раздѣлу его государства между другими братьями и съ этого времени намѣчается дѣленіе франкскаго государства на три части, враждующія между собою сначала въ лицѣ своихъ конунговъ, затѣмъ и въ лицѣ мѣстной свѣтской и духовной знати. Останавливаться подробнѣе на безконечныхъ войнахъ Хильпериха, Сигиберта и Гунтрхальна, сына Хильперика Хлотаря II, сына и внуковъ Сигиберта, Хильдеберта II, Теодориха II и Теодеберта II войнахъ, въ которыхъ играютъ большую роль и женщины, жена Хильперика Фредегунда и жена Сигиберта визиготская принцесса

Брунегильда, нѣтъ основанія /См. Thierry, Récits des temps mérovingiens/. Достаточно отмѣтить, что эти войны почти не прекращаются, ведутся съ поразительной жестокостью и раскрываютъ невѣроятную разнузданность и грубость нравовъ, какъ въ царствующемъ домѣ, такъ и среди знати, свѣтской и духовной, значеніе которой за это время естественно очень быстро возрастаетъ, такъ какъ конунги не имѣютъ ни времени, ни возможности заботиться о внутреннемъ порядкѣ и правильномъ управленіи и сами нуждаются въ поддержкѣ знати.

Двѣ черты опредѣляютъ въ виду этого характеръ государственнаго развитія этого времени: возрастающее обособленіе трехъ частей франкскаго государства и ростъ политическаго могущества аристократіи. Оба эти явленія тѣсно связаны другъ съ другомъ.

Какой классъ населенія въ самомъ дѣлѣ является выразителемъ той тенденціи къ обособленію Бургундіи, Нейстріи и Австразіи какъ не знать. Народная масса ни въ одной и изъ трехъ частей франкскаго государства не имѣетъ своего органа, который могъ бы служить выразителемъ и защитникомъ ея интересовъ. Города не играютъ рѣшительно никакой роли въ жизни государства, и одна только знать начинаетъ оспаривать у королевской власти первенствующее мѣсто въ государственной жизни. Само собой разумѣется, что отстаивая обособленность данной области знать должна опираться на болѣе или менѣе опредѣленое настроеніе массы ея населенія и весьма вѣроятно, что здѣсь уже играютъ роль тѣ факторы, которые постепенно /въ IX вѣкѣ/ привели къ отдѣленіи Франціи отъ Германіи и отъ бургундскихъ областей, причемъ особенно любопытно, что нѣкоторая обособленность бургундскихъ областей отъ французскаго королевства

продержалась до ХУ вѣка. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что самая быстрота меровингскихъ завоеваній должна была содѣйствовать сохраненію мѣстныхъ особенностей и послѣ завоеванія, какъ и Бургундія, такъ и въ чисто германскихъ областяхъ Завоеваніе исходило отъ салическихъ франковъ и при давнишнихъ глубокихъ раздорахъ между германскими племенами очень понятно что не только алламаны, баварцы и тюринги, но и бургунды и даже рипуарскіе франки /на нихъ покоится могущество австразійскихъ конунговъ/ сохранили память о своей самостоятельности и о пораженіяхъ, нанесенныхъ имъ и приведшихъ къ ихъ подчиненію салическихъ франковъ. Стоитъ вспомнить необычайную живучесть племенныхъ особенностей и племенной вражды нѣмецкихъ племенъ, швабовъ, баварцевъ, франковъ /т.е. восточныхъ или рипуарскихъ франковъ и хаттовъ/, саксовъ и т.д., следы которой сохранились до настоящаго времени ср. несочувствіе южныхъ и западныхъ германцевъ къ пруссакамъ/, чтобы согласиться, что въ УІ вѣкѣ всѣ эти явленія должны были проявляться во всякомъ случаѣ не менѣе рѣзко и что какихъ нибудь ста лѣтъ меровингскаго могущества было слишкомъ мало, чтобы старая рознь и старая вражда могли исчезнуть. Въ виду этого весьма естественно, что бургунды, болѣе или менѣе романизованные или находившіеся на пути къ романизаціи салическіе франки и мало затронутые римскимъ вліяніемъ рипуарскіе франки съ хаттами начинаютъ стремится къ обособленію, какъ только внутренніе раздоры потрясли объединявшую силу королевской власти. Никакихъ идей мы не должны искать за борьбой трехъ племенъ за самостоятельность; мы не должны себѣ также представлять эту борьбу слишкомъ сознательной и планомѣрной: возрастающее обособленіе трехъ частей меровингскаго госу-

царства является результатомъ стихійныхъ силъ, стихійной племенной вражды, а не сознательнаго стремленія къ опредѣленному идеалу.

Въ виду подобнаго характера всего движенія само собой ясно, что настоящими носителями его являются не римляне-провинціалы, а германскія племена. Не экономическія условія опредѣляютъ присоединеніе той или иной области къ бургундскому, нейстрійскому или австразійскому государству, а расовыя присоединеніе данной мѣстности къ одной изъ трехъ группъ зависитъ отъ того, какая изъ германскихъ народностей въ данной мѣстности является господствующей. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характерно что Аквитанія, т.е. нѣкогда визиготская область къ югу и западу отъ Луары до второй половины VII вѣка не проявляетъ никакихъ сепаратистическихъ тенденцій: завоеваніе этой области Хлодвигомъ привело къ массовому выселеніи готовъ, а количество поселившихся въ ней франковъ было слишкомъ незначительно, чтобы они могли играть какую либо роль среди римской массы, въ которой они, вѣроятно, быстро растворились. Вотъ почему Аквитанія въ VI и началѣ VII вѣка не играетъ самостоятельной роли и представляетъ лишенное собственной племенной жизни добавленія къ тремъ остальнымъ областямъ. Лишь со второй половины VII вѣка, когда баски изъ пиринейскихъ горъ проникли въ эту страну /названіе Баскони - Vasconia впослѣдствіи сохранило воспоминаніе о нихъ/, когда такимъ образомъ и здѣсь наряду съ римской массой оказалось племя съ рѣзко выраженной физіономіей и съ собственными интересами, Аквитанія начала пріобрѣтать самостоятельную жизнь и весьма опредѣленно и упорно /даже упорнѣе, чѣмъ другія области, такъ какъ рознь между басками и германцами, очевидно, была глубже, чѣмъ между разными

германскими племенами/ отстаивала свою самостоятельность даже отъ Пипина Короткаго и Карла Великаго, признавшаго ея право на нѣкоторую самостоятельность, назначивъ сына своего Людовика /Благочестиваго/ еще въ 781 г. Королемъ Аквитаніи.

Единственной выразительницей племеннаго сепаратизма, какъ уже замѣчено, только и могла явиться знать и это въ высшей степени характерное явленіе. Выше мы видѣли, что въ моментъ созданія Меровингской монархіи въ ней не существовало самостоятельной родовой знати. Если обломки германской родовой знати, быть можетъ и сохранились, то они во всякомъ случаѣ не представляли политической силы, независимой отъ конунга, а наоборотъ наряду со всѣми остальными лицами только на королевской службѣ, въ качествѣ приближенныхъ и дружинниковъ конунга, могли выдвинуться и пріобрѣсти вліяніе. Позднѣйшая франкская знать является служилой знатью, усилилась благодаря конунгамъ и ихъ пожалованіямъ, можно сказать, создана конунгами. Весьма значительная, если не большая часть ея, вѣроятно происходитъ отъ франкскихъ дружинниковъ, наряду съ которыми, впрочемъ несомнѣнно рано пріобрѣли значеніе остатки римскихъ сенаторскихъ родовъ и бургундской знати, поступившіе на службу къ Меровингамъ. Преобладаніе франковъ среди антрустіоновъ и въ частности среди тѣхъ изъ нихъ, которые были пожалованы помѣстьями, однако a priori вѣроятно.

чи основателями Меровингскаго государства, они, казалось бы естественно должны были явиться представителями единства того государства, которое они создали, и въ которомъ они, въ качествѣ королевскихъ дружинниковъ, графовъ и т.д., занимали господствующее положеніе. Значеніе знати, какъ выразительницы племенного сепаратизма, въ виду этого доказываетъ,

что созданная конунгами знать крупныхъ землевладѣльцевъ на-
столько обособилась отъ центра, настолько сжилась съ мѣстно-
стью, въ которой находились помѣстья, пожалованныя данному
лицу, настолько упрочила свои права на пожалованныя помѣстья
что она въ значительной мѣрѣ утратила характеръ бродячей слу
жилой знати и превратилась въ прочно осѣвшую въ данной тер-
риторіи родовую знать. Иначе говоря, королевская власть фак-
тически потеряла, какъ возможность неограниченно распоряжать
ся значительной группой служилыхъ людей, такъ и возможность
пользоваться весьма значительными землями, которыя были пожа-
лованы этимъ служилымъ людямъ за службу и вѣрность и которыя
конунги, занятые безпрестанными междоусобіями, не въ состоя-
ніи отнять у мятежной аристократіи.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что ни обособленіе Бургун-
діи, Австразіи, Нейстріи, ни усиленіе аристократіи не проя-
вились бы такъ быстро и не привели бы уже въ VII в. къ пол-
ному разложенію государства, если бы раздѣлы государства и
войны между конунгами не ослабили центральной власти. Враж-
да между конунгами, изъ которыхъ Гунтрхамнъ владѣетъ Бургун-
діей, Хильперихъ и Хлотарь II - Нейстріей, Сигибертъ и его
преемники Австразіей, содѣйствуютъ обособленію ихъ трехъ
дружинъ и ихъ фактическому сближенію и сліянію съ господст-
вующимъ племенемъ данной области. Объединеніе всего государ-
ства Хлотаремъ II въ 613 г. не могло сразу устранить того,
что было создано пятидесятилѣтними войнами. А въ то же вре-
мя конунги прибѣгаютъ къ самымъ рискованнымъ для ихъ власти
мѣрамъ, чтобы погубить своихъ противниковъ. Особенно любо-
пытно въ этомъ смыслѣ дошедшія до насъ постановленія Анде-
лоскаго мирнаго договора между Гунтрхамномъ и Хильдебертомъ

II, сыномъ Сигиберта /въ 587 г./. Договоръ начинается съ заявленія, что "когда пресвѣтлѣйшія государи короли Гунтрхамнъ и Хильдебертъ и славнѣйшая государыня королева Брунегильда во имя Христа собрались въ Андело", чтобы устранить всѣ поводы къ столкновенію между собою, они "при посредничествѣ духовенства и магнатовъ /mediantibus sacerdotibus atque proceribus/ и при посредничествѣ Бога" рѣшили и согласились соблюдать по отношенію другъ къ другу чистую любовь и простодушную вѣрность". Послѣ этого общаго введенія, въ высшей степени любопытнаго, такъ какъ въ немъ опредѣленно указывается посредничество епископовъ и магнатовъ - дружинниковъ, слѣдуетъ рядъ специальныхъ статей, изъ коихъ для насъ особенно интересны двѣ. Первая изъ нихъ даетъ любопытныя указанія на средства, которыми конунги пользовались въ междоусобной войнѣ для ослабленія противника: "было рѣшено /convenit/, что тѣ leudes, которые послѣ смерти государя Хлотаря сначала принесли присягу государю Гунтрхамну, а затѣмъ были уличены въ томъ, что перешли на другую сторону, должны быть удалены изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они окажутся", т.е. должны быть возвращены Гунтрхамну Хильдебертомъ. То же самое обязуется сдѣлать Гунтрхамнъ съ тѣми, которые перешли отъ Хильдеберта къ нему. Во время войнъ между двумя конунгами магнаты очевидно по своему усмотрѣнію перебѣгали отъ одного изъ нихъ къ другому, разсчитывая не безъ основанія, что выигравшій отъ ихъ измѣны конунгъ защититъ ихъ отъ своего соперника. Нечего и говорить, насколько подобное положеніе должно было ослабить авторитетъ обоихъ конунговъ: въ виду этого весьма естественно, что въ связи съ ихъ примиреніемъ мы замѣчаемъ тенденцію къ устра-

ненію неблагопріятныхъ послѣдствій ихъ неудачной политики.

Если указанный пунктъ Анделосскаго договора выясняетъ намъ одну изъ причинъ, способствовавшихъ возвышенію аристократіи, то другой, подтверждающій всѣ даренія какъ Гунтрхамна и Хильдеберта, такъ и всѣхъ ихъ предшественниковъ, доказываетъ, насколько королевская власть уже около 587 г. должна была считаться съ новой дружинной знатью. "Да хранится твердо все то, что названные конунги пожаловали церквамъ или своимъ дружинникамъ /fidelibus/ или, что они еще предполагали бы справедливо имъ пожаловать /aut ad hue conferre cum justica voluerit/ и да будетъ немедленно /de praesenti/ возвращено, что было отнято у дружинниковъ. И пусть каждый спокойно владѣетъ тѣмъ, чѣмъ онъ владѣлъ до смерти государя конунга Хлотаря въ силу дареній предшествующихъ конунговъ". Усматривать въ Англосаксонскомъ договорѣ актъ, которымъ разъ на всегда условныя даренія предшествующаго времени были замѣнены признаніемъ безусловнаго права собственности дружинника на пожалованное помѣстье, такъ же мало возможно, какъ усматривать въ Кверсійскомъ капитуляріи Карла Лысаго актъ, которымъ принципіально и разъ на всегда была признана наслѣдственность должностныхъ леновъ. Оба акта являются лишь отдѣльными и вовсе не рѣшающими моментами въ постепенномъ переходѣ полнаго права собственности на меровингскія помѣстья или на каролингскія бенефиціи къ дружинникамъ. И тѣмъ не менѣе формальное подтвержденіе всѣхъ предшествовавшихъ и даже будущихъ королевскихъ пожалованій Гутрхамномъ и Хильдебертомъ, т.е. двумя наиболѣе могущественными франкскими конунгами того времени, крайне любопытно и ясно указываетъ на тенденцію дружины превратиться въ классъ

крупныхъ землевладѣльцевъ и порвать связь съ королемъ.

Характерными проявленіями измѣнившихся отношеній между королевской властью и аристократіей являются далѣе возстанія бургундскихъ вельможъ. Гунтрхамна-Бозона и патриція Муммола противъ Гунтрхамна и ожесточенная борьба Брунегильды съ магнатами Австразіи, приведшая въ концѣ концовъ къ соглашенію между австразійскими магнатами и нейстрійскимъ конунгомъ Хлотаремъ II, къ паденію Брунегильды /точнѣе ея правнуковъ, при дворѣ которыхъ она играла господствующую роль/ и къ возсоединенію всего франкскаго государства при Хлотарѣ II въ 613 г.

Хлотарь II /613-628/ и его сынъ и преемникъ Дагобертъ /628-638/ являются послѣдними крупными фигурами среди меровингскихъ конунговъ. При нихъ королевская власть еще настолько сильна, что формально сохраняетъ господствующее положеніе въ государствѣ. Тѣмъ не менѣе однако она не въ состояніи устранить политическое вліяніе аристократіи и по цѣлому ряду вопросовъ принуждена дѣлать ей въ высшей степени важныя уступки.

Характерно ужъ то, что, несмотря на соединеніи Нейстріи, Австразіи и Бургундіи каждая изъ этихъ областей и послѣ 613 года сохраняетъ своего палатнаго мера, при чемъ палатный меръ Бургундіи Варнахарій добивается признанія его власти пожизненной. Ясно, что при такихъ условіяхъ власть палатныхъ меровъ должна необычайно возрасти и уже Варнахарій стремится воспользоваться ею не только противъ конунга, но и противъ аристократіи. Любопытно, что послѣ его смерти /въ 626 г./ бургундскіе магнаты, собравшись въ Troyes решили просить Хлотаря не назначать ему преемника, причемъ они разу-

мѣется имѣли въ виду не интересы королевской власти, а свои собственные интересы. Королевская власть мало выигрывала отъ устраненія палатнаго мера: вмѣсто одного покорнаго мера, она при такихъ условіяхъ должна была считаться съ многочисленной, не менѣе мятежной знатью.

Если Варнахарій повидимому не былъ представителемъ ни королевскихъ, ни аристократическихъ, а исключительно личныхъ или семейныхъ интересовъ, во имя которыхъ онъ, кажется, стремился къ совершенно самостоятельному положенію въ Бургундіи, то палатный меръ Австразіи Пепинъ Старшій или Ланденскій - одинъ изъ родоначальниковъ каролингскаго дома - наоборотъ возвысился, сколько мы можемъ судить, въ качествѣ представителя интересовъ австразійскихъ магнатовъ. Вмѣстѣ съ епископомъ Арнульфомъ Метцкимъ Пепинъ уже до 613 г. стоялъ во главѣ мѣстной знати, боровшейся съ Брунегильдой. Въ 622 г. они добиваются назначенія Дагоберта, сына Хлотаря II, конунгомъ Австразіи, а въ 625 г. заставляютъ Хлотаря уступить сыну всѣ галло - римскія территоріи, которыя до 613 г. принадлежали къ Австразіи; третейскій судъ изъ 12 магнатовъ разобралъ дѣло и высказался въ пользу требованій Австразійцевъ.

Еще любопытнѣе, чѣмъ эти факты, содержаніе знаменитаго эдикта 614 г., о симптоматическомъ значеніи котораго намъ уже приходилось говорить. Изданный почти непосредственно послѣ событій 613 г., когда Хлотарь, благодаря поддержкѣ Пепина и Арнульфа завоевалъ Австразію, а благодаря поддержкѣ Варнахарія и другихъ магнатовъ - Бургундію, онъ содержитъ цѣлый рядъ уступокъ, которыя Хлотарь былъ вынужденъ сдѣлать по требованію духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ. Формально онъ такъ же, какъ великая хартія вольностей Іоанна Безземельнаго

мельнаго, издань самимъ конугомъ, причемъ въ франкскомъ па мятникѣ /строго говоря ихъ два edictum и constitutio или praeceptio Chlotachrii / отмѣчается, что король совершаетъ данный актъ послѣ совѣщанія cum pontificibus vel tam magnis viris optimatibus nostris in synodi consilio/. Фактически, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что какъ Іоаннъ, такъ и Хлотарь уступаютъ давленію знати. Иначе Fustel de Coulanges ук. соч. стр. 612 сл./. Искать въ эдиктахъ Хлотаря какой нибудь новый принципъ политической жизни, новую теорію франкскаго государственнаго права, разумѣется, нельзя: Хлотарь только обязуется рядъ конкретныхъ злоупотребленій, удовлетворить опредѣленныя жалобы знати, но самый фактъ законодательной формулировки извѣстныхъ уступокъ остается крайне важнымъ.

Такъ, Хлотарь обѣщаетъ не издавать приказовъ, противорѣчащихъ извѣстному мѣстному праву, не издавать судебнаго рѣшенія, не выслушавъ предварительно обвиненнаго, не налагать новыхъ /не увеличивать старыхъ/ налоговъ, не нарушать правъ наслѣдниковъ лица, умершаго безъ завѣщанія, не выдавать замужъ дѣвицъ или вдовъ, посвятившихъ себя монашеской жизни и т.д. Далѣе онъ утверждаетъ всѣ дары, совершенные имъ самимъ или его предшественниками, подтверждаетъ, хотя и не безъ оговорокъ, рядъ привилегій духовенства /юрисдикція, иммунитеты/, возстанавливаетъ право мѣстнаго клира избирать епископовъ, причемъ однако оставляетъ за собой право назначать и помимо избранія "достойныхъ" и наконецъ приказываетъ, чтобы должностныя лица /iudex / назначались изъ населенія той мѣстности, которой они они должны управлять, "чтобы они были принуждены вознаградить, согласно

законному порядку изъ собственныхъ средствъ тѣхъ, которымъ они сдѣлали зло". Долгое время полагали, что обязанность конунга назначать своихъ должностныхъ лицъ изъ жителей данной мѣстности представляетъ результатъ стремленія мѣстной знати захватить въ свои руки должности графовъ и т.д., и не обращали достаточнаго вниманія на тѣ слова эдикта, въ которомъ совершенно опредѣленно указывается цѣль этого постановленія Для пониманія его мы должны помнить, какъ значительно могущество должностныхъ лицъ - графовъ, викаріевъ, центенаріевъ,- что при данныхъ условіяхъ не можетъ привести къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ и насиліямъ. При безпрестанныхъ войнахъ предшествовавшей эпохи и при фактическомъ отсутствіи королевскаго контроля единственная возможность добиться наказанія даннаго лица за причиненныя насилія или убытки только и можетъ заключаться въ судебномъ присужденіи вознагражденія изъ собственнаго имущества обидчика, расположеннаго въ данной мѣстности. Графъ, владѣющій поземельной собственностью гдѣ нибудь въ восточной Австразіи, но управляющій какой нибудь областью въ южной Бургундіи, фактически можетъ безнаказанно хозяйничать въ своемъ графствѣ: единственный залогъ фактической уплатой наложеннаго на него штрафа такъ далекъ отъ мѣста его преступленій, что частнымъ лицамъ и даже суду трудно, если не невозможно, привести приговоръ въ исполненіе. Цѣль указаннаго установленія заключается такимъ образомъ въ относительномъ обезпеченіи мѣстнаго населенія отъ слишкомъ возможныхъ злоупотребленій должностныхъ лицъ но само собой ясно, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на очень характерное возрастающее обособленіе провинцій франкской монархіи, на преобладаніе мѣстныхъ интересовъ надъ об-

щими.

Таковы разнообразные симптомы возрастающаго упадка королевской власти. Наряду съ внутренними причинами, на которыя выше уже было указано, этому содѣйствуетъ и упадокъ внѣшняго могущества Меровинговъ, на которомъ не могли не отразиться 5 лѣтнія войны между внуками и правнуками Хлодвига. Уже съ 562 г. восточныя области франкскаго государства подвергаются періодическимъ набѣгамъ аваровъ, поселившихся около этого времени въ Венгріи и опустошавшихъ какъ Балканскій полуостровъ здѣсь они напр. въ 626 г. осадили Византію - такъ и лангобардскую Италію и франкскую Галлію. Наряду съ Аварами и отчасти подъ ихъ властью появляются славяне, съ IУ в. и даже раньше начавшіе заселять какъ Балканскій полуостровъ, такъ и восточно-германскія земли. Хорваты и Хорутане въ Альпійскихъ земляхъ Австріи, Чехи въ Богеміи, Сербы, Бодричи, Лютичи и др. полабскіе славяне по Эльбѣ постепенно вытѣсняютъ германцевъ все дальше на западъ и проникаютъ въ нынѣшнюю среднюю Германію /ср. Лейпцигъ - Липецкъ/. При Дагобертѣ борьба съ ними особенно обостряется: среди чеховъ создается первая исторически извѣстная славянская держава, по преданію основанная франкскимъ купцомъ Само. Борьба съ восточными сосѣдями требуетъ усиленной самозащиты пограничныхъ германскихъ племенъ, баварцевъ и тюринговъ и въ связи съ этимъ именно у нихъ впервые встрѣчаемъ племенныхъ герцоговъ: самъ Дагобертъ назначаетъ Радульфа герцогомъ Тюринговъ, а нѣкоторые ученые полагаютъ, что и баварскій герцогскій домъ Агилольфинговъ франкскаго происхожденія, иначе говоря, что Агилольфинги изъ франкскихъ должностныхъ лицъ сдѣлались наслѣдственными герцогами баварскаго племени.

Образованіе племенныхъ герцогствъ представляетъ наиболѣе характерное явленіе внутренняго разложенія франкскаго государства, эпохи наступившей послѣ смерти Дагоберта. Авторитетъ королевской власти быстро и неудержимо падаетъ, чему немало способствуетъ то обстоятельство, что какъ въ 638, такъ и въ 656 г.г. всѣ конунги малолѣтніе. Магнаты постоянно вмѣшиваются въ вопросы престолонаслѣдія и участвуютъ при раздѣлахъ государства между сыновьями даннаго конунга. Въ Австразіи званіе палатнаго мера становится наслѣдственнымъ и одинъ изъ меровъ Гримоальдъ, сынъ Пепина, уже въ 656 г. дѣлаетъ попытку, постригнувъ меровингскаго конунга Дагоберта въ монахи, провозгласить конугомъ своего собственнаго сына Хильдеберта. Магнаты однако возстаютъ противъ него и провозглашаютъ конугомъ дядю Дагоберта II Хлодвига II; казнь Гримоальда на долгое время сломила силу Каролинговъ, но еще усилила аристократію. Въ Нейстріи и Бургундіи въ то же время ведется безконечная борьба между палатнымъ меромъ Эброиномъ и епископомъ Леодегаріемъ Отенскимъ, а далѣе между Эброиномъ и Пепиномъ Среднимъ или Геристальскимъ, герцогомъ Австразіи. Общепризнанной центральной власти не стало.

Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ настающая борьба всѣхъ со всѣми - борьба палатныхъ меровъ между собою и со знатью, борьба знати съ палатными мерами и между собою въ собственно германскихъ областяхъ приводитъ къ возрожденію самостоятельности племенъ, во главѣ которыхъ почти всюду

Литографія Богданова, Эртелевъ пер. № 1-12.
Директоръ

появляются герцоги. Наряду съ герцогами австразійскихъ франковъ, баварцевъ, тюринговъ и фризовъ однако и аламанскіе и особенно саксонскіе магнаты фактически вполнѣ самостоятельны и въ то же время, какъ мы видѣли, создается племенное герцогство въ Аквитаніи.

Б. Реорганизація франкской монархіи. Первые Каролинги.x/

а/ Карлъ Мартеллъ. Возсоединеніе распавшейся монархіи меровинговъ и попытка широкой реорганизаціи ея строя какъ извѣстно, выпали на долю династіи Каролинговъ. Выяснить вполнѣ удовлетворительно тѣ условія, которыя дали Каролингамъ возможность выйти побѣдителями изъ всеобщей борьбы за политическое господство, характеризующей большую часть УII и первыя времена УIII в., въ настоящее время чрезвычайно трудно. Какъ мы видѣли, первые представители новой династіи, Пепинъ Старшій и Арнульфъ уже въ началѣ УII в. играютъ руководящую роль среди магнатовъ Австразіи и первый изъ нихъ становится палатнымъ меромъ. Основой ихъ могущества, разумѣется служило землевладѣніе; ихъ, вѣроятно, очень многочисленныя и значительныя помѣстья, повидимому, сосредоточивались преимущественно въ области между Мозелью и Рейномъ

---

x/ Родословная Каролинговъ.

Пепинъ Старшій /Ланденскій/ +639. Арнульфъ еп. Мецкій

Гримоальдъ +656. Бегга Ансегизилъ

Хильдебертъ. Пепинъ Средній /Геристальскій/ +714

Гримоальдъ Карлъ Мартеллъ +741.

Теодоальдъ Карлманъ Пепинъ Младшій или Короткій

до 747 г. Карлъ Великій

Пріобрѣтеніе званія палатнаго мера доволо имъ, точнѣе Пепину, какъ мы видѣли, вдобавокъ положеніе перваго министра съ плохо ограниченной компетенціей и въ частности большее вліяніе на аристократію и управленіе королевскими землями. Являясь представителями мѣстной знати въ борьбѣ съ властью, они естественно до крайности расширяютъ свои и безъ того обширныя права. Пораженіе и казнь Гримоальда /въ 656 р./ возбудившаго противъ себя какъ меровинга Хлодвига II, такъ и магнатовъ на нѣкоторое время надломило силы новой династіи, но уже его племянникъ, Пепинъ Средній, соединившій въ своихъ рукахъ земли двухъ родоначальниковъ династій по примѣру тюрингскихъ фризскихъ и т.д. герцоговъ принимаетъ званіе герцога /не палатнаго мера/ Австразіи и ок. 680 г. вступаетъ въ борьбу съ могущественнѣйшимъ лицомъ Нейстріи и Бургундіи, Эброиномъ. Побѣжденный послѣднимъ, онъ послѣ убіенія Эброина /въ 681 г./ снова вступаетъ въ борьбу съ западными палатными мерами и магнатами и въ 687 г. въ битвѣ при Тертри одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ своими соперниками. Съ этого момента онъ фактически господствуетъ одинаково въ Австразіи, Нейстріи и Бургундіи, хотя самостоятельность трехъ областей также сохраняется, какъ королевская Власть Меровинговъ. Какъ мало значенія имѣютъ эти формальности видно хотя бы изъ того, что въ Нейстріи и Бургундіи состоятъ мерами его сыновья а впослѣдствіи при малолѣтнемъ Нейстрійскомъ конунгѣ Дагобертѣ III нѣкоторое время палатнымъ мѣромъ былъ даже 6-лѣтній внукъ Пепина, Теодальдъ. Положеніе самаго Пепина трудно юридически опредѣлить: онъ называетъ себя vir illustris или dux et princeps Francorum. Во всякомъ случаѣ его власть не простирается на Баварцевъ, тюринговъ, сак-

совъ, фризовъ и аквитанцевъ /гасконцевъ/ и даже съ аламаннами ему приходится вести продолжительныя войны.

Для полнаго возстановленія франкской монархіи потребовалась еще напряженная дѣятельность его сына, Карла Мартелла, и его внука, Пепина Короткаго. Полное подчиненіе аквитанцевъ, баварцевъ и саксовъ - болѣе полное, чѣмъ при самыхъ могущественныхъ Меровингахъ - состоялось даже только при Карлѣ Великомъ.

Особенно большое значеніе для упроченія власти Каролинговъ имѣло управленіе Карла Мартелла. Устранивъ Теодоальда, назначеннаго Пепиномъ наслѣдникомъ и палатнымъ мѣромъ, уничтоживъ окончательно сопротивленіе возставшихъ послѣ смерти Пепина /714/ Нейстрійскихъ магнатовъ и покоривъ Бургундію, Карлъ въ теченіи 24 л. ведетъ безпрерывныя войны въ двухъ направленіяхъ, съ племенными герцогами Германіи и съ завоевавшими Испанію /711/ арабами.

Арабское движеніе, какъ извѣстно, еще въ концѣ VII в. привело къ покоренію всей нѣкогда римской Африки халифамъ власть которыхъ съ этого времени простирается отъ Антлантическаго океана до границъ китайскаго Туркестана и Инда. Въ 711 г. они переправляются черезъ Гибралтарскій проливъ, побѣждаютъ визиготовъ при Хересъ дела Фронтера и быстро захватываютъ весь Пиринейскій полуостровъ. Государство визиготовъ перестало существовать. Въ 720 г. арабы переходятъ черезъ Пиринеи и послѣ продолжительной борьбы съ аквитанскимъ герцогомъ Эвдономъ захватываютъ Септиманію, въ 725 г. проникаютъ до Отена /въ Бургундіи/, а въ 732 г. до Тура. Эвдонъ повидимому, обращается за помощью къ Карлу и въ 732 г. арабы терпятъ пораженіе при Пуатье, въ которомъ погибъ намѣст-

никъ халифа Абдуррахманъ. Значеніе этого пораженія обыкновенно чрезвычайно преувеличивается. Оно отнюдь не навело паническаго страха на арабовъ, которые наоборотъ неоднакратно совершаютъ походы на Галлію, но уже потому неспособны одержать серіозные успѣхи, что среди нихъ самихъ происходитъ ожесточенная борьба между сѣверно и южноарабскими племенами, между разными религіозными и политическими партіями, наконецъ между династіями Оммейядовъ и Аббассидовъ. Побѣда Аббассидовъ въ Сиріи и избіеніе почти всѣхъ Оммейядовъ съ одной бѣгство одного изъ послѣднихъ, Абдуррахмана, въ Испанію и отдѣленіе послѣдней отъ Багдадскаго халифата /въ 754 г./ съ другой стороны окончательнѣ надломили силу арабскаго движенія и съ этого времени испанскій халифатъ перестаетъ быть опаснымъ врагомъ западнаго христіанства /См. A. Müller, Geschichte des Islam русскій переводъ очень плохъ/.

Тѣмъ не менѣе значеніе борьбы Карла Мартелла съ арабами не безъ основанія признается чрезвычайно большимъ. Не говоря о томъ нравственномъ вліяніи, которое онъ естественно пріобрѣтаетъ, какъ защитникъ христіанства отъ невѣрныхъ и которое вѣроятно, немало содѣйствовало упроченію каролингской династіи въ западной части франкской монархіи, съ арабскими войнами въ настоящее время принято соединять рядъ въ высшей степени важныхъ мѣръ въ области его внутренняго управленія, а именно такъ наз. секуляризацію церковнаго имущества и широкое развитіе вассалитета и бенефиціальной системы /Ср. Brunner, der Reiterdienst und die Anfänge des Lehnswesens, Zeitschrift der Savignystiftung, germanist. Abth. VIII/.

Останавливаться подробнѣе на этомъ мы здѣсь не будемъ

/см. дальше/. Здѣсь достаточно сказать, что безпрестанныя войны вмѣстѣ съ измѣненіемъ въ военной техникѣ /переходъ съ пѣшаго войска къ конному/ требуютъ созданія такого класса лицъ, который въ любое время можетъ быть созванъ для похода противъ западныхъ или восточныхъ враговъ. Между тѣмъ конная служба, да вдобавокъ еще безпрерывная, требуетъ значительныя средства, которыя въ свою очередь могутъ быть обезпечены исключительно поземельной собственностью. А государственныя земли почти цѣликомъ расхищены и перешли либо въ церкви, либо къ свѣтскимъ магнатамъ. Единственнымъ средствомъ при данныхъ условіяхъ является та или иная форма конфискаціи розданныхъ меровингами земель для новой раздачи ихъ лицамъ способнымъ сослужить государству службу, въ которой оно нуждается. Такими лицами являются вассалы Карла - т.е. дружинники новой формаціи - и имъ то онъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ отдаетъ не только церковныя земли, но и церковныя должности, аббатства, епископства и архіепископства, предоставляя имъ содержать на доходы съ своихъ земель и должностей соотвѣтственное количество вооруженныхъ всадниковъ Глубокій нравственный и умственный упадокъ франкской церкви и ея постоянное вмѣшательство въ политическія дѣла, приведшія напр., къ низложенію архіепископа Ригоберта Реймскаго, къ аресту архіепископа Евхарія Орлеанскаго, наконецъ даже въ казни аббата Видона Вандрилльскаго, даютъ Карлу удобное основаніе къ вмѣшательству въ церковныя дѣла, къ замѣщенію церковныхъ должностей, конфискаціи и раздачѣ церковныхъ земель. Если однако послѣдняя при этомъ отражается преимущественно на матеріальномъ положеніи церкви, то замѣщеніе церковныхъ должностей вассалами Карла угрожаетъ всему строю

и внутреннему характеру церковной жизни. Такія лица, какъ Милонъ, получившій епископство Реймское и Тирское, или племянникъ Карла Гуго, получившій епископство Парижское, Руанское и Байеское и аббатства Вандрилльское и Жюмьежское, и въ качествѣ архіереевъ оставались совершенно свѣтскими людьми и вводили въ епископскія дворцы военные нравы того времени.

На ряду съ церковными землями Карлъ, впрочемъ, воспользовался, повидимому, и конфискованными у свѣтскихъ магнатовъ землями для матеріальнаго обезпеченія своихъ вассаловъ. "Онъ покорилъ тирановъ, присвоившихъ себѣ власть во всемъ франкскомъ государствѣ" /tirannos per totam Franciam dominatum sibi vindicantes oppressit/ говоритъ о немъ Эйнгардъ, біографъ Карла Великаго /Car. 2/. Болѣе ранные источники подтверждаютъ это общее свидѣтельство о войнахъ Карла въ Нейстріи, Аквитаніи и Бургундіи, а при тогдашнихъ условіяхъ подавленіе возстанія или заговора естественно влекло за собою казни, тюремное заключеніе и конфискаціи, увеличивавшія количество земель, находившихся въ распоряженіи Карла.

Какъ уже сказано, мы дальше еще вернемся къ послѣдствіямъ указанныхъ мѣропріятій Карла. Здѣсь остается еще замѣтить, что никакой вражды къ христіанству или церкви, какъ таковой у Карла не замѣчается. Наоборотъ, онъ, также какъ его предшественники, поддерживаетъ христіанскихъ миссіонеровъ, при обращеніи племенъ внутренней Германіи: къ его времени относится дѣятельность Бонифація, "Апостола нѣмцевъ", который самъ признаетъ, что безъ поддержки франкскихъ властей его проповѣдь осталась бы неуспѣшной.

б/ Миссіонерская дѣятельность Бонифація и организація франкской церкви. Принятіе христіанства Хлодвигомъ и частью его салическихъ франковъ не привело къ быстрому распространенію новой религіи даже среди массы рыцарскихъ франковъ и хаттовъ, не говоря уже объ аломаннахъ, баварцахъ и т.д. Отчасти это, повидимому, объясняется и внутреннимъ упадкомъ галло-римской церкви, неспособность которой къ широкой миссіонерской дѣятельности доказывается безусловнымъ преобладаніемъ ирландцевъ въ этой области. Св. Колембанъ /ум. 615/ въ концѣ УІ в. работаетъ въ этомъ направленіи въ самой Галліи, Австразіи /т.е.среди рипуарскихъ франковъ и хаттовъ/ и среди аломановъ. Его ученики, св. Галлъ и св. Сигибертъ сосредоточиваютъ свою дѣятельность въ Швейцаріи и ближайшихъ придунайскихъ областяхъ; монахи Люксейль-скаго монастыря основаннаго Коломбаномъ, св. Рупрехтъ и св. Эммеранъ во второй половинѣ УІ в. проникаютъ въ Баварію, гдѣ пользуются поддержкой герцогскаго дома, давно уже принявшаго христіанство, св. Килиіанъ проповѣдуетъ въ Тюрингіи. Тѣмъ не менѣе ихъ проповѣдь мало успѣшна и особенно среди саксовъ и фризовъ христіанство встрѣчаетъ упорное сопротивленіе.

На смѣну Ирланцевъ съ конца УІІ в. выступаютъ Англо-Саксонскіе миссіонеры: св. Виллибрордъ и особенно ученикъ его св. Бонифацій. Въ отличіе отъ Ирланцевъ они при этомъ дѣйствуютъ въ полномъ согласіи съ римской церковью, которой сами Англо-Саксы непосредственно были обязаны своимъ обращеніемъ /миссія св. Августина при папѣ Григоріи Великомъ 590 - 604/. Назначенный папой Григоріемъ II въ 722 г. епископомъ, онъ обѣщаетъ эму безусловную покорность и упорную борьбу съ неповинующимся папѣ духовенствомъ. Рекомендатель-

ное письмо папы къ Карлу Мартеллу сообщаетъ ему поддержку послѣдняго: съ 732 г. онъ состоитъ подъ спеціальнымъ покровительстовмъ Карла: его дѣятельность среди хаттовъ и тюринговъ, далѣе его назначеніе архіепископомъ /въ 732 г./съ правомъ назначать епископовъ даетъ ему возможность приняться за организацію германской церкви. Основывается рядъ епископствъ /четыре въ Австразіи и Тюрингіи Вюртцбургѣ, въ Фрицларѣ, Эрфурстѣ и Эйхштедтѣ и 4 въ Баваріи въ Регенсбургѣ, въ Зальцбургѣ, въ Фрейзингенѣ и Пассау/ и знаменитый монастырь въ Фульдѣ; наряду съ продолжающейся и миссіонерской дѣятельностью ведется усиленная борьбъ съ непокорнымъ и распущеннымъ духовенствомъ; наконецъ, уже послѣ смерти Карла его сыномъ Карломаномъ созывается соборъ Австрозійской церкви въ 742 г., главная дѣятельность котораго сосредоточена на возстановленіе церковной дисциплины /за 80 лѣтъ здѣсь не было ни одного собора/. Соборныя рѣшенія настаивають на ежегодномъ созывѣ соборовъ, на подчиненіи всего духовенства епископамъ,на устраненіи недостойныхъ священниковъ и соблюденіи каноновъ и естественно возбуждаетъ вопросъ объ отобранныхъ у церкви земляхъ /см. ниже/.

За организаціей и реорганизаціей германской церкви - главой ея признается Бонифацій, въ качествѣ архіепископа и папскаго легата - непосредственно слѣдуетъ реорганизація совершенно разложившейся галльской церкви. Соборъ западно-франкскаго духовенства въ 744 г., общій соборъ франкской церкви въ 745 г. въ общемъ строго слѣдуетъ примѣру Австразійскаго собора, стремясь къ водворенію порядка и соблюденію церковныхъ какноновъ и также, какъ Австрозійскій соборъ возбуждаютъ вопросъ о церковныхъ земляхъ. Реорганизація

франкской церкви въ 748 г. завершается формальнымъ признаніемъ верховенства папы, къ рѣшенію котораго обращаются одинаково и сторонники и противники реформъ.

в/ Пепинъ. Безъ поддержки сыновей и преемниковъ Карла /ум. 741 г./, Карломана /741 - 747 / и Пепина /741 - 763/ широкая дѣятельность Бонифація несомнѣнно была бы невозможна. Ихъ содѣйствіе церковной реформѣ, ихъ уступки по вопросу о церковныхъ земляхъ, а далѣе особенно отреченіе Карломана отъ власти, послѣ котораго онъ поступилъ въ монастырь повидимому доказываютъ, что и независимо отъ личной дѣятельности Бонифація необходимость церковной реформы уже успѣла проникнуть въ сознаніе общества.

Во всякомъ случаѣ однако не на ней сосредоточивается дѣятельность братьевъ и особенно Пепина. По прежнему ему приходится считаться съ возстаніями и набѣгами многочисленныхъ враговъ внѣшнихъ. При смерти Карла Мартелла въ составъ его государства входили только Нейстрія, Бургундія, и Провансъ на западѣ, Австразія, Тюрингія, Аламаннія на востокѣ: ни Аквитанія, ни Баварія, ни земли саксовъ и фризовъ не упоминались, повидимому, въ его завѣщаніи, которымъ онъ отдалъ Карлману восточную, Пепину западную часть своихъ владѣній. Нельзя сказать, чтобы Каролинги не претендовали на власть надъ Аквитаніей, Баваріей, саксами и фризами, но во всякомъ случаѣ ихъ власть здѣсь еще не успѣла прочно установиться. Въ войнахъ съ названными племенами и въ борьбѣ съ возстаніями ихъ неполноправнаго брата Грифона - во время послѣднихъ они провозглашаютъ въ 742 г. конунгомъ Хильдериха III /последніе годы Карла Мартелла отъ 737 - 741 не было восе конунга и Карлъ управлялъ отъ своего имени/ - проходитъ боль-

шая часть управленія обоихъ братьевъ.

Несмотря на всѣ эти войны и возстанія, власть Каролинговъ на столько упрочилась, что Пепинъ можетъ не только низложить послѣдняго Меровинга Хильдериха III и превозгласить себя конунгомъ, но и вмѣшаться въ Италіанскія дѣла и подготовить присоединеніе Лангобардской Италіи къ Франкскому государству.

Наиболѣе характерной и по своимъ послѣдствіямъ важной чертой при низложеніи Хильдериха III и провозглашеніи Папина конугомъ является участіе папы Захарія въ этомъ дѣлѣ. Самъ Пепинъ отправляетъ къ папѣ специальныхъ пословъ, епископа Буркгарда Вюрцбургскаго и Сенъ-Денисскаго аббата Фульрада, которые отъ имени франкскаго народа знакомятъ папу съ ненормальнымъ положеніемъ дѣлъ во франкскомъ государствѣ и испрашиваютъ у него, какъ у признаннаго главы церкви указанія, какъ возстановить нормальный порядокъ. Папа заинтересованный въ франкской поддержкѣ противъ лангобардовъ, иконоборческихъ императоровъ и арабовъ / уже Григорій III обратился за помощью къ Карлу М. противъ лангобардскаго конунга Ліутпранда и прислалъ ему ключи отъ гроба апостола Петра/, естественно высказывается за низложеніе безпомощнаго Хильдериха III и признаетъ право Пепина на престолъ. По полученіи этого отвѣта /а можетъ быть даже по приказанію папы/, Пепинъ созываетъ въ 751 или 752 г. placitum generale нѣчто вродѣ народнаго собранія въ Суассонѣ, которое провозглашаетъ его конугомъ, послѣ чего по библейскому и англосаксонскому примѣру совершается его помазаніе. Папское согласіе и новый во франкской монархіи обрядъ помазанія очевидно должны замѣнить законное право на престолъ: вотъ

почему помазаніе торжественно повторяется въ 754 г., когда папа Стефанъ II явился ко двору Пепина съ просьбой о поддержкѣ противъ Аистульфа Лангобардскаго. Помазаніе при этомъ распространяется и на жену и на сыновей Пепина, причемъ папа формально угрожаетъ отлученіемъ тѣмъ, кто дерзнетъ избрать конунга изъ другого рода.

Путешествіе Стефана II ко двору Пепина, какъ уже замѣчено, непосредственно вызвано вторженіемъ Аистульфа въ византійскія области Италіи и въ частности въ римскій дукатъ / ducatus Romanus /. Неспособность византійцевъ защитить свои владѣнія отъ лангобардовъ и враждебныя отношенія между иконоборческими императорами и папами заставляютъ послѣднихъ выбирать между лангобардскимъ владычествомъ и франкскимъ вмѣшательствомъ. Обязанный папѣ своей королевской властью и назначенный Стефаномъ II римскимъ патриціемъ /тоже званіе получили его сыновья/ Пепинъ послѣ неудачной попытки мирнаго посредничества переходитъ въ 754 г. черезъ Альпы и принуждаетъ Аистульфа къ уступкѣ Равенны, Эмиліи и Пентаполя и къ признанію франкскаго верховенства. Уступленныя ему области Пепинъ затѣмъ отдаетъ не императору, а папѣ и тѣмъ кладетъ основаніе свѣтской власти папъ. Два года спустя нападеніе Аистульфа на Римъ и новыя просьбы папы заставляютъ Пепина предпринять второй походъ въ Италію. Аистульфъ снова терпитъ пораженіе, долженъ выдать указанныя области и треть своей казны и принести Пепину присягу въ вѣрности. Уступленныя области, несмотря на посольство императора, настаивающаго на своихъ правахъ, окончательно переходятъ къ папѣ.

Въ результатѣ Итальянскихъ походовъ, покореніе Аквитаніи /ея герцогъ Вайфаръ въ 766 г./ и Баваріи / герцогъ Тас-

силонъ въ 757 г. призналъ себя вассаломъ Пепина и принесъ ему присягу въ вѣрности/ Пепинъ пріобрѣлъ господствующее положеніе въ Западной Европѣ: его дипломатическія сношенія съ императорами, съ Оммейядскими халифами Кордовы и абассидскими халифами Багдада, съ папами и англосаксонскими конунгами доказываютъ насколько прочно міровое значеніе франкской монархіи было признано всѣми сосѣдями.

Какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ Карлъ Великій является лишь продолжателемъ своего отца. Уже при послѣднемъ намѣчается рядъ реформъ, которые были закончены и последовательно проведены преемникомъ. Отмѣтимъ здѣсь лишь стремленіе уничтожить племенныя герцогства и дальнѣйшее развитіе вассалитета и бенефиціальной системы; обо всемъ этомъ намъ придется говрить дальше.

в/ Карлъ Великій. Дѣятельность Карла Великаго /768-814/ группируется вокругъ трехъ пунктовъ, покоренія полу или вовсе не покоренныхъ сосѣдей и обезпеченія границъ, усиленія центральной власти, предназначенной не только поддерживать внутренній порядокъ, но и оказывать культурное воздѣйствіе на населеніе, и возстановленія императорской власти.

Что касается перваго, то мы только вкратцѣ замѣтимъ, что помимо окончательнаго покоренія Аквитаніи /въ 768 г.; дана сыну Карла Людовику съ королевскимъ титуломъ въ 781/ и Баварія /низложеніе готовившаго возстаніе герцога Тассилона въ 787 году/ Карлу удается послѣ двадцатилѣтныхъ войнъ покорить Саксовъ /война продолжалась отъ 772 - 785 и отъ 792 - 803 года и привела къ насильственному обращенію Саксовъ, которые массами были переселы въ франкскія обла-

сти и замѣнены франками/, уничтожить аварское царство/ походами 792 - 796 г., послѣ которыхъ государство Карла простирается до Савы/, остановить славянское движеніе на Западъ и отнять у арабовъ восточную часть пиринейскаго полуострова /т. наз. Испанская марка, доходившая до Эбро, была организована послѣ 801 г./. Независимо отъ этого Карлъ однимъ походомъ въ 774 г. уничтожаетъ лангобардское государство и принимаетъ титулъ лангобардскаго короля: только Венеція, далматинскія области и южная Италія съ Сициліей остаются подъ властью Византіи, да лангобардскіе князья Беневента почти самостоятельны. Въ результатѣ монархія Карла Великаго охватываетъ область въ приблизительно 30000 кв. миль и впервые имѣетъ границы въ общемъ удобно поддающіяся защитѣ: Андріатическое и Средиземное море, Эбро, Бискайскій заливъ, каналъ Ламаншъ, Нѣмецкое море, рѣку Эйдеръ въ южной Ютландіи, Эльбу, Заале, Богемскія горы, Дунай и восточныя Альпы. Изъ всѣхъ государствъ, выступившихъ съ притязаніями на римское наслѣдство, въ 800 году сохранились только четыре: двѣ христіанскія - монархія Карла и византійская имперія /если оставить въ сторонѣ государства англосаксовъ и двѣ мусульманскія - багдадскій и кордовскій калифатъ.

Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ власть Карла напрашивалась на сравненіе съ властью римскихъ императоровъ и еще до 800 г. его приближенные повидимому пропагандировали мысль о возстановленіи имперіи на Западѣ /ср. Alcuini epist 110: det tibi perpetuam clemens in saecula salutem - et decus imperii, David, Deus

Это письмо написано въ 799 году; въ кружкѣ окружавшихъ его писателей и ученыхъ Карлъ назывался Давидомъ/. незави-

симо отъ его фактическаго могущества этому по всему вѣроятію немало содѣйствовало накопившееся раздраженіе противъ иконоборцевъ /хотя въ 800 г. въ Византіи наступила Реакція противъ иконоборства/, а также и то обстоятельство, что на императорскомъ престолѣ въ то время находилась женщина, Ирина, вдобавокъ добившаяся власти преступленіемъ, низложеніемъ и ослѣпленіемъ собственнаго ея сына, Константина УII. "Къ нему явились послы, извѣщавшіе его о томъ, что у грековъ болѣе нѣтъ императора /quod... nomen imperatoris cessasset/ и что у нихъ водворилось женское царство", говоритъ по этому поводу одинъ изъ лѣтописцевъ /Ann. Moess Самое существенное, однако, было то, что Карлъ былъ единственнымъ защитникомъ западной церкви и что въ императорской власти въ это время усматривали христіанскую власть по преимуществу. Мысль о возстановленіи императорской власти по всему вѣроятію возникла именно среди духовенства: во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что духовенство явилось ея наиболѣе вѣрнымъ защитникомъ во время царствованія Людовика Благочестиваго и въ связи съ этимъ естественно поддерживало насколько возможно и единство имперіи.

Что касается самаго факта принятія императорскаго титутула Карломъ, то на этотъ счетъ существуетъ непримиримое разногласіе среди разныхъ источниковъ. Біографъ и приближенный Карла, Эйнгардъ, какъ извѣстно, разсказываетъ, что 25 Декабря 800 года папа Левъ III совершенно неожиданно для Карла и противъ его воли провозгласилъ его императоромъ и короновалъ его, и утверждаетъ, что Карлъ впослѣдствіи говорилъ, что несмотря на великій праздникъ не отправился бы въ церковь, если бы зналъ о намѣреніи папы. Независимо отъ

внутренней сомнительности этого разсказа можно ли допустить, чтобы провозглашеніе и коронація Карла не потребовали никакихъ, хотя бы чисто внѣшнихъ, подготовленій и чтобы послѣдніе остались ему совершенно неизвѣстными - независимо отъ этого противъ правдивости разсказа Эгингарда говорятъ заключающіяся въ другихъ источникахъ свѣдѣній, согласно которымъ вопросъ о провозглашеніи Карла былъ разсмотрѣнъ и рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ собраніемъ духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ при участіи папы Льва III. Если въ виду этого придавать какое либо значеніе риторическому разсказу Эгингарда и вѣрить его словамъ о неудовольствіи Карла по поводу случившагося, то остается только предположить, что его недовольство не къ самому факту провозглашенія, а къ той формѣ, въ которой онъ совершился: быть можетъ, Карлъ не хотѣлъ быть обязанъ папѣ своимъ новымъ титуломъ и не желалъ получить корону изъ рукъ папы /при коронаціи его сына Людовика Благочестиваго не папа и не другое духовное лицо а самъ Карлъ возложилъ на него корону/, быть можетъ, онъ имѣлъ въ виду и другія нарушенія предполагавшагося имъ церемоніала. Во всякомъ случаѣ едва ли можно допустить, чтобы такой важный актъ могъ совершиться безъ предварительнаго обсужденія и согласія самаго императора.

Пріобрѣтеніе императорскаго титула для Карла не имѣло одного только внѣшняго значенія. Какія представленія онъ соединялъ съ императорской властью мы, правда, не знаемъ; зато намъ извѣстно, что въ 802 году отъ всего населенія имперіи потребовали крайне любопытную присягу въ вѣрности. Присягу въ вѣрности населенія и раньше уже было обязано принести и въ капитуляріи 789 года Карлъ такъ формулировалъ

ее: "Что касается присяги въ вѣрности, которую слѣдуетъ при-
нести намъ и нашимъ сыновьямъ, то она должна заключаться въ
слѣдующихъ словахъ: симъ я, такой-то, присягаю государю моему королю Карлу и его сыновьямъ въ томъ, что я имъ вѣренъ и всю мою жизнь буду вѣренъ безъ обмана и дурного умысла".
Въ 802 году, однако, спеціальный капитулярій даетъ подробныя разъясненія, какъ слѣдуетъ понимать присягу и именно въ этихъ разъясненіяхъ заключается интересъ этого акта. Капитулярій требуетъ, что каждый человѣкъ /omnis homo/ во всемъ царствѣ принесъ присягу Карлу какъ императору /nomine Caesaris/. Дальше даются указанныя разъясненія, "чтобы каждый могъ понять, сколько и какія великія вещи содержатся въ этой присягѣ. Дѣло не только въ томъ, какъ многіе до сихъ поръ думали, чтобы быть вѣрными государю императору настолько чтобы не покушаться на его жизнь и не вводить враговъ въ его царство .... Всѣ должны знать, что присяга въ вѣрности содержитъ всѣ слѣдующія обѣщанія: во первыхъ, каждый лично долженъ служить Богу согласно Божьему закону и своему обѣщанію по мѣрѣ своего разумѣнія и силъ, ибо государь императоръ не можетъ единолично примѣнять ко всему необходимую заботу и надзоръ, во вторыхъ никто не долженъ ни ложной присягой, ни другими дурными способами или обманомъ, ни соблазномъ, ни деньгами присваивать себѣ раба государя императора или его землю, ни вообще что либо, что ему принадлежитъ.... Да не посмѣетъ никто привлекать къ себѣ или скрывать бѣглыхъ крѣпостныхъ фиска...; никто не долженъ совершать обмана, грабежа или како-

Литографія Богданова Эртелевъ пер., д.1-12.

Директоръ [signature]

го либо зла по отношенію къ церквямъ Божіимъ или къ вдовамъ сиротамъ и чужестранцамъ, ибо самъ государь императоръ.... назначенъ быть ихъ покровителемъ и защитникомъ; да не посмѣетъ никто расхищать пожалованное ему имѣніе государя императора /beneficium domni imperatoris /...; да не посмѣетъ никто не послушаться приказа государя императора о призывѣ на военную службу;....да не посмѣетъ никто никогда не исполнить какого либо приказа или предписанія государя императора, ни затруднять или мѣшать тому, что дѣлается въ его интересѣ, ни въ чемъ другомъ сопротивляться его волѣ и предписаніямъ; да не посмѣетъ никто не уплатить ему должное или цензъ....Все это должно быть соблюдено во имя императорской присяги".

Съ современной точки зрѣнія эти длинныя разъясненія представляются въ высокой степени странными. Но для даннаго времени они очень характерны и имѣютъ даже извѣстное воспитательное значеніе, поскольку авторитетно напоминаетъ о соблюденіи заповѣдей и оффиціально подтверждаютъ защиту церквей, вдовъ, сиротъ и всякаго рода чужестранцевъ /а кто въ это время не чужестранецъ, peregrinus , внѣ мѣста своего рожденія./ властью. Аналогичныя постановленія и напоминанія чисто религіозныхъ и нравственныхъ правилъ занимаютъ широкое мѣсто и въ законодательныхъ актахъ англосаксонскихъ конунговъ, очевидно отвѣчая и тамъ и здѣсь насущной потребности въ распространеніи и упроченіи весьма элементарныхъ съ нашей точки зрѣнія взглядовъ и отношеній. Но и независимо отъ того религіозно-нравственнаго значенія, которое они придаютъ императорской власти Карла, разъясненія капитуляріи 802 г. очень любопытны какъ свидѣтельство о тѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ

между и ператоромъ и подданными, которыя Карлу представляются желательными. Власть его представляется совершенно неограниченной: подъ страхомъ нарушить присягу въ вѣрности, присягу приносимую по его предписанію на мощахъ святыхъ, каждый подданный Карла обязанъ исполнять всѣ его "приказы и предписанія" безъ всякаго различія. Влать его такимъ образомъ въ теоріи также неограниченна, какъ власть самыхъ могущественныхъ Меровинговъ и какъ раньше власть римскихъ императоровъ. На практикѣ правда самое содержаніе капитулярія 802 г. доказываетъ, какъ мало самые элементарные принципы государственности проникли въ жизнь. Но это не мѣшаетъ ни Карлу, ни его слабымъ преемникамъ сохранить притязаніе на совершенно неограниченную власть.

Цѣлью этой власти, какъ видно изъ капитулярія 802 г., является не одно только самосохраненіе, но и религіозное, нравственно и культурное воздѣйствіе на населеніе. Власть Карла такимъ образомъ по своему характеру опредѣленно отличается отъ власти Меровинговъ и первыхъ Каролинговъ и едва ли подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ оказывается вліяніе церкви и болѣе тѣснаго сближенія съ Италіей, гдѣ несмотря на сравнительно глубокій упадокъ культурной жизни всеже въ монастыряхъ, а пожалуй и въ городахъ сохранилосб больше древнихъ традицій, чѣмъ въ предѣлахъ франкской монархіи. Недаромъ наряду съ Алкуиномъ лангобардъ Павелъ Діаконъ является крупнѣйшимъ представителемъ образованности этого времени. Параллельно съ возрожденіемъ государства идетъ сначала церковная реформа временъ Бонифація и Пепина, а затѣмъ и каролингское возрожденіе античныхъ традицій въ литерартурѣ и искуствѣ. Мы не имѣемъ возможности останавливаться подробнѣе на этомъ

любопытномъ явленіи. Отмѣтимъ лишь педагогическую и литературную дѣятельность англосакса Алкуина, Петра Пизанскаго, Павла Діакона /составившаго въ высшей степени интересную по многочисленнымъ включеннымъ въ нее народнымъ сказаніямъ исторію лангобардовъ/, позднѣе гота Теодульфа и баварца Лейдрада. При королевскомъ дворѣ создается школа для дѣтей королевскихъ вассаловъ, во главѣ которой стоитъ Аалкуинъ, и нѣчто въ родѣ Академіи, къ которой принадлежитъ самъ Карлъ. Основываются библіотеки, издаются указы объ организаціи школъ при соборахъ и монастыряхъ для обученія грамотѣ, письму и основамъ религіознаго ученія. Насколько всѣ эти благія намѣренія были осуществлены на дѣлѣ сказать трудно; но рядъ современниковъ Карла, вродѣ Ангильберта и Эгингарда, получившихъ воспитаніе въ новыхъ школахъ, всѣхъ характеромъ своей дѣятельности рѣзко отличаются отъ франкскихъ писателей, ученыхъ и поэтовъ УII и начала УIII вѣка. Возрождается не только латинскій языкъ, но и знаніе латинской литературы: Вергилій и Овидій являются главными учителями и источниками вдохновенія. Нечего, разумѣется, и говорить, что античная литература перестала быть родной литературой этой эпохи и разсматривается сквозь призму христіанскихъ представленій: въ этомъ смыслѣ литература эпохи Карла Великаго безусловно принадлежитъ къ т. наз. среднимъ вѣкамъ. Тѣмъ не менѣе и не смотря на отсутствіе крупныхъ талантовъ среди писателей этого времени литературная дѣятельность каролингской эпохи представляетъ настоящее возрожденіе знанія и литературы отъ глубокаго упадка послѣднихъ меровингскихъ племенъ и является введеніемъ къ своеобразной литературѣ среднихъ вѣковъ.

Аналогичное движеніе замѣчается и въ области искусства

Здѣсь особенно значительно вліяніе Италіи, съ которой франкская власть и франкское общество со времени лангобардскихъ походовъ стоятъ въ самой тѣсной и плодотворной связи. Отсюда вывозятся предметы античнаго искусства /напр. мраморной саркофагъ Карла съ изображеніемъ похищенія Персефоны Плутономъ: колонни, мозаики и т.д./, отсюда заимствуется стиль королевскихъ дворцовъ и церквей. Основываются школы переписчиковъ и живописцевъ въ Аахенѣ, Турѣ, Метцѣ и т.д./ См. о литературѣ и искусствѣ этого періода G. Kurth, les origines de la civilisation moderne; Specht, Geschichte des Unterrichtswesens im Mittelalter; Ebert, ук. соч.; Lamprecht, Geschichte des deutschem Volkes, II).

Наряду съ литературой, школьнымъ дѣломъ и искусствомъ правительство стремится поднять и экономическую жизнь. Основой ея по прежнему остается земледѣліе и по прежнему по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ древней Галліи до Рейна земля почти вся въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, помѣстья которыхъ обрабатываются рабами, крѣпостными и иными зависимыми людьми, по прежнему и даже больше прежняго матеріальнымъ базисомъ королевской власти остается королевское землевладѣніе Королевская дѣятельность въ виду этого естественно направлена на лучшую организацію королевскихъ имѣній, на улучшеніе земледѣльческой техники: этому вопросу посвященъ знаменитый капитулярій de villis /см. Guerard, Explication du capitulaire de villis въ biblioth. de l'ecole des chartes III серія т. IV, 201-247 и 313 - 350/. Во главѣ всего управленія государственными, т.е. королевскими землями, стоитъ королева, помощниками которой являются сенешаль и кравчій. Земли распадаются на извѣстное количество

самостоятельныхъ группъ / fisci или villae /, во главѣ каждой изъ которыхъ стоитъ королевскій iudex, непосредственно подчиненный центральному управленію /а не графу/. Подъ начальствомъ последняго въ свою очередь состоитъ рядъ низшихъ должностныхъ лицъ /т.наз. iuniores или ministeriales/: управляющіе отдѣльными имѣніями /maiores, Meier, maire/, лѣсничіе / forestarii /, управляющіе конными заводами / poledrarii /, производствомъ пива / magistri, qui cervisiam bonam facere debeant /, сборщики пошлинъ / telonarii/ завѣдующіе винными погребами / cellerarii / и т.д. Каждый изъ нихъ стоитъ во главѣ большаго или меньшаго количества рабовъ и распологаетъ барщиной крѣпостныхъ. Доходы съ даннаго округа поступаютъ къ iudexу, который долженъ ихъ точно записывать, покрывать ими расходы по управленію и посылать часть ихъ ко двору. Остатокъ, смотря по рѣшенію короля, хранится въ спеціальныхъ складахъ или предается.

Наряду съ упорядоченіемъ администраціи королевскихъ земель тотъ же и другіе капитуляріи содержатъ рядъ детальныхъ указаній относительно распространенія винодѣлія, введенія новыхъ культурныхъ растеній, созданія или привлеченія постояннаго штата ремесленниковъ и т.д.

Вліяніе этой сознательной политики, направленной на упорядоченіе управленія и повышенія доходности королевскихъ земель, не ограничивается только королевскими землями въ узкомъ смыслѣ, а простирается и на церковныя и по жалованныя вассаламъ земли, надъ управленіемъ и хозяйствомъ которыхъ Карлъ сохраняетъ постоянный надзоръ. Прослѣдить подробнѣе результаты этой стороны его дѣятельности, разумѣется, довольно трудно, но вліяніе ея на подъемъ экономической

жизни не можетъ подлежать сомнѣнію. Недаромъ мы съ IX в. въ Германіи замѣчаемъ первые признаки трехпольнаго хозяйства, наряду съ которымъ однако, разумѣется, еще долго держатся болѣе примитивныя системы, какъ пастбищно-дикотравное и подсѣчная /о нихъ сказано выше; см. v Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. I стр. 346 - 427/.

Культурное вліяніе королевской власти находится въ прямой зависимости отъ прочности авторитета центральной власти Въ концѣ концовъ дальнѣйшая судьба всѣхъ начинаній Карла зависѣла такимъ образомъ отъ прочности общей административно-политической организаціи его государства, отъ обезпеченія и королевской власти и всего государственнаго строя, отъ возрожденія аристократической анархіи VII и начачла VIII в. Войны Пепина Средняго, Карла Мартелла и Пепина Короткаго вмѣстѣ съ созданіемъ связаннаго съ интересами Каролингскаго дома вассалитета возстановили государственное единство и относительный внутренній порядокъ, создавъ такимъ образомъ первое необходимое условіе для экономическаго и культурнаго прогресса. Огромные военные успѣхи Карла Великаго, сближеніе съ Италіей, культурная дѣятельность правительства и части духовенства /во многомъ оно давало примѣръ и идеи экономической и т.д. политики Карла/ въ теченіе его царствованія усилили благопріятныя для дальнѣйшаго развитія условія Спрашивалось, было ли обезпечено и дальнѣйшее мирное развитіе государства отъ новыхъ посягательствъ знати, иначе говоря, были предприняты широкія и сознательныя реформы и въ соціальной, политической и административной области или нѣтъ.

Основными чертами меровингскаго государственнаго строя

и развитія, какъ мы видѣли, являются отсутствіе сознательной соціальной политики и фактическаго надзора центральной власти надъ ея мѣстными представителями, поглощеніе средней . мелкой собственности крупной и развитіе, а далѣе и политическое усиленіе землевладѣльческой знати, Результатомъ этихъ условій явилась анархія УII в., для устраненія которой потребовалась вѣковая дѣятельность Каролинговъ.

Но и въ политикѣ Каролинговъ, не исключая Карла Великаго не видно яснаго сознанія коренныхъ причинъ стараго зла и соотвѣтственно съ этимъ не видно и сколько - нибудь глубокихъ реформъ. Реформы Карла Великаго въ этой области касаются исключительно администраціи и сводятся къ устраненію слишкомъ крупныхъ намѣстничествъ и къ созданію постояннаго надзора спеціальныхъ органовъ центральной власти надъ графами и иными представителями мѣстнаго управленія.

Что касается перваго, то мы ужъ видѣли, что въ УII в. во всѣхъ краяхъ франкской монархіи развиваются герцогства Особенно опасны среди нихъ племенныя герцогства: австразійское, аквитанское, баварское, тюрингское, фрисландское, къ которымъ временно примыкаетъ аламаннское и саксонское /но не общесаксонское/. Австразійское герцогство Каролинговъ потеряло свое опасное значеніе съ того момента, какъ его герцоги /еще Пепинъ Короткій до 752 г. называетъ себя maior domus, dux et princeps Francorum/ фактически захватили центральную власть. Борьба съ остальными наполняетъ исторію Каролинговъ отъ 687 до 788 г. Неудивительно по этому, что Карлъ устраняетъ нетолько послѣднее племенное герцогство, сохранившееся до его времени, т.е баварское, но и герцогскую власть вообще. Управленія входящими въ составъ

его государства областями находится исключительно въ рукахъ графовъ, стоящихъ во главѣ одного опредѣленнаго округа /а не во главѣ нѣсколькихъ, какъ герцоги/: не только страна покоренныхъ саксовъ, но и лангобардское королевство по примѣру франкскихъ областей дѣлится на графства /Лангобардская Италія напр. на 20 графствъ/ Только въ пограничныхъ областяхъ маркграфамъ, /т.е. пограничнымъ графамъ/ подчинялись особенно крупныя области съ расширенной компетенціей. Сюда относятся: испанская марка противъ арабовъ, фріульская, аварская, тюрингская, заэльбская противъ аваровъ и славянъ и т.д. И тѣ и др. свободно назначаются и смѣняются королемъ: тенденція къ наслѣдственности графскаго званія, замѣчавшаяся въ послѣднія меровингскія времена, подавляется.

Но и независимо отъ этого положенія графовъ, по крайней мѣрѣ на время, значительно измѣняется подъ вліяніемъ тѣхъ "государевыхъ посланцевъ" /missi dominici/, которые со времени Карла ежегодно посылаются въ провинціи для надзора надъ мѣстными властями. Посылка спеціальныхъ уполномоченныхъ /missi/ встрѣчается, правда, уже раньше при Меровингахъ, но только при Карлѣ они становятся постояннымъ органомъ королевской власти. Въ 802 г. ихъ положеніе и обязанности были окончательно установлены аахенскимъ капитуляріемъ. Все государство раздѣлялось на missatica т.е. округа, ввѣренные надзору миссовъ, причемъ однако границы этихъ missatica не были опредѣлены разъ на всегда /при Людовикѣ Благочестивомъ они соотвѣтствовали архіепископскимъ провинціямъ/. Въ каждый округъ ежегодно посылалось по 2 мисса, духовное лицо, обыкновенно обладавшее въ данномъ округѣ духовной властью, и свѣтское, кото

рое не должно было происходить изъ него. Ихъ полномочія имѣли силу только въ теченіе года, но по истеченіи его иногда козобновлялись. Обязанности ихъ опредѣляются означеннымъ капитуляріемъ слѣдующимъ образомъ. Они должны заботиться о соблюденіи божественнаго закона и объ отправленіи правосудія, должны защищать церкви, бѣдныхъ, сиротъ, а дальше и весь народъ, должны заботиться о сохраненіи или установленіи добрыхъ отношеній между духовенствомъ и мірянами, вмѣстѣ съ графами должны принимать присягу населенія въ вѣрности и пояснять ея смыслъ и содержаніе, должны слѣдить за исполненіемъ законовъ /mundanae leges/, собирать свѣдѣнія о разводахъ и случаяхъ незаконнаго /съ точки зрѣнія церкви/ сожительства, должны слѣдить за порядкомъ и хозяйствомъ въ имѣніяхъ, пожалованныхъ королемъ изъ королевскихъ или церковныхъ земель, устранять всякія притѣсненія свободныхъ людей, заботиться о строгомъ исполненіи воинской повинности и исправномъ состояніи береговой охраны и т.д., однимъ словомъ они являются настоящими представителями королевской власти. Единственное, чего имъ недоставало, это право смѣнять собственною властью графовъ и начальствовать надъ войскомъ. Для исполненія всѣхъ этихъ многообразныхъ функцій они имѣли право созывать всюду собранія какъ должностныхъ лицъ, такъ и мѣстнаго населенія. Ежегодно они затѣмъ должны были представлять императору письменное отчеты. "Въ качествѣ непосредственныхъ представителей короля, миссы проводили, исходившія отъ королевской власти идеи реформъ какъ въ государствѣ, такъ и въ церкви, и сдѣлали возможной такую централизацію управленія, какой мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ

изъ средневѣковыхъ германскихъ государствъ, кромѣ норманд-
скихъ, которыя возникли на франкской основѣ". /Brunner,
Deutsche Rechtsgeschichte, J. II, 195/

Къ числу новыхъ чертъ, отличающихъ монархію Карла Вели-
каго отъ монархіи Хлодвига и его ближайшихъ преемниковъ,
наконецъ, нужно еще отнести так.наз. Майскія поля и ежегод-
ныя весеннія и осеннія собранія магнатовъ, изъ коихъ ве-
сеннее совпадало съ Майскимъ полемъ. Выше мы видѣли, что мы
совремeнъ Хлодвига не встрѣчаемъ общегосударственныхъ на-
родныхъ собраній: когда король сочтетъ это нужнымъ или же-
лательнымъ, онъ совѣщается со своей дружиной и только на
востокѣ,въ собственной Австразіи и у болѣе или менѣе само-
стоятельныхъ германскихъ племенъ /аламанновъ, баварцевъ,
тюринговъ/, вѣроятно сохраняются мѣстныя племенныя собра-
нія, собиравшіяся по крайней мѣрѣ въ Австразіи въ Мартѣ и
называвщіяся поэтому Мартовскими полями / Campus Mar-
tius /. Собранія эти имѣли преимущественно военный ха-
рактеръ, но могли пріобрѣсти и политическое значеніе: на
нихъ собиралось военное ополченіе даннаго племени, которое
могло служить представителемъ всего племени. Въ концѣ VII
в. Каролинги распространили свое австразійское Мартовское
поле на всю подвластную имъ страну, а въ 755 г. собранія
по военнымъ соображеніямъ были перенесены съ марта на май
/Campus Madius, Magiscampus/ Характерная при-
чина этой мѣры заключается въ томъ, что только въ маѣ кон-
ница, получившая преобладающее значеніе въ войскѣ, могла
найти необходимый кормъ на поляхъ и лугахъ, а слѣдователь-
но созывъ ополченія въ мартѣ сталъ немыслимъ. Преобладаю-
щее значеніе конницы въ войскѣ и майскихъ поляхъ само

по себѣ доказываетъ, что роль массы свободныхъ на этихъ собраніяхъ значительно сократилась, даже если бы они раньше играли болѣе значительную роль въ нихъ. Майскія поля регулярно собираются и при Карлѣ Великомъ, но политической роли не играютъ, если не придавать чрезмѣрнаго значенія тому обстоятельству, что ими пользуются для обнародованія законовъ и приказовъ, постановленныхъ королемъ при участіи магнатовъ, причемъ собраніе шумно выражаетъ свое одобреніе. Характерно, что уже при Людовикѣ I Майскія поля исчезаютъ.

Гораздо важнѣе собранія магнатовъ, Король, правда, ни до ни послѣ Карла Великаго формально не обязанъ ни ихъ созывать, ни подчиняться ихъ рѣшенію. Но фактически едва-ли какая - либо серьезная мѣра принимается безъ совѣщанія съ магнатами. Происхожденіе этихъ собраній не можетъ быть признано вполнѣ яснымъ. Какъ мы видѣли,уже первые Меровинги, /какъ и всѣ варварскіе конунги/ совѣщаются со своей дружиной и совѣщаніе съ ближайшими приближенными всегда сохраняетъ свое значеніе. Съ теченіемъ времени однако дружина начинаетъ распадаться на двѣ группы, на дружинниковъ и министровъ. постоянно живущихъ при дворѣ, и на такихъ, которые живутъ въ пожалованныхъ конунгами помѣстьяхъ; къ послѣднимъ примыкаютъ и должностныя лица,посланныя королемъ въ провинціи. Такъ какъ король не можетъ обращаться къ этой второй группѣ во всякое время, то постепенно возникаетъ обычай созывать ихъ въ извѣстные сроки ко двору. Участіе ихъ въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ является нестолько правомъ, сколько обязанностью, подчасъ довольно обременительной и соотвѣтствующей ихъ обязанности оказывать королю помощь въ его походахъ и войнахъ. Собранія магнатовъ, повидимому, обыкно-

венно совпадали съ духовными соборами: аналогичное явленіе мы встрѣчаемъиу англосаксовъ, гдѣ собраніе магнатовъ и духрвенства даже сливаются въ одно цѣлое. Первоначально при этомъ магнаты созывались и засѣдали одновременно съ Мартовскимъ полемъ, но со временъ Пепина Короткаго они собираются два раза въ годъ, весною и осенью. Весеннее собраніе было болѣе многочисленно и называется поэтому placitum generale, conventus generalis, synodus или concilium и обыкновенно совпадаетъ съ майскимъ полемъ, но сохраняетъ свой самостоятельный характеръ. Въ составъ его должны входить всѣ духовные и свѣтскіе магнаты государства /proceres, optumates/ которые здѣсь занимаются разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ всѣхъ дѣлъ текущаго года. Осеннее собраніе состоитъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и приближенныхъ лицъ, разрѣшаетъ неотложныя дѣла и обсуждаетъ тѣ вопросы и предложенія, которыми должно заняться слѣдующее весеннее собраніе. Независимо отъ этихъ собраній и между ихъ засѣданіями король, разумѣется, продолжаетъ совѣщаться съ живущими постоянно при его дворѣ министрами вассалами и т.д.

Теоретически кругъ дѣлъ, по которымъ испрашивается мнѣніе собравшихся, и самое рѣшеніе ихъ, какъ сказано, зависитъ отъ воли короля или императора и при такихъ государяхъ, какъ Пепинъ или Карлъ Великій, собранія магнатовъ несомнѣнно представляли не больше государственнаго совѣта безъ права инициативы и самостоятельнаго политическаго значенія, дополняя ту организацію управленія, которая давала государю возможность сохранить связь съ мѣстной жизнью и вліяніе на ея развитіе. При слабомъ государѣ они, наоборотъ, должны были превратиться въ серьезную опасность для власти: уже Людо-

викъ I обѣщалъ не предпринимать ничего безъ согласія магнатовъ /   2,10

и представилъ ихъ собраніе рѣшающее вліяніе на назначеніе миссовъ. Зарвитіе каролингскихъ учрежденій такимъ образомъ по прежнему продолжаетъ зависѣть отъ личности государя, сохраняя коренной недостатокъ меровингскаго строя.

Таковы наиболѣе существенныя черты, характеризующія государственный строй каролингской монархіи. Во всемъ остальномъ различія между нимъ и меровингскимъ строемъ первыхъ временъ очень незначительны. Во главѣ управленія по прежнему стоитъ король и его дворъ. Послѣдній по прежнему состоитъ изъ совокупности королевскихъ вассаловъ, придворнаго духовенства и иныхъ лицъ, окружающихъ короля. Изъ общей массы придворныхъ выдѣляются все тѣ же должностныя лица, полугосударственнаго, полупридворнаго характера. Мѣсто палатнаго мера, но безъ его прежняго вліянія, занялъ сенешаль или dapifer; мѣсто меровингскаго казначея / thesaurarius / занялъ такой же каролингскій, перемѣнившій лишь названіе / camerarius, kämmerer/; наряду съ ними сохранились коннетабль /comes stabili /, маршалы и кравчій / buticularius /. Нѣсколько измѣнилось только положеніе пфальцграфа / comes palati / и канцлера /cancellarius /, замѣнившаго меровингскаго референдарія. Что касается пфальцграфа /обыкновенно ихъ было нѣсколько/, то онъ оставаясь непремѣннымъ членомъ королевскаго суда; становится кромѣ того предсѣдателемъ самостоятельнаго суда, обладающаго всѣми правами королевскаго /напр. правомъ рѣшать дѣла не на основаніи законовъ или обычнаго права, а по справедливости , ex aequitate /,

пріобрѣтаетъ право докладывать королю передаваемыя на его разрѣшеніе дѣла и обладаетъ специальной канцеляріей, тогда какъ у меровингскаго пфальцграфа не было таковой: все это признаки возрастающаго скопленія судебныхъ дѣлъ при королевскомъ дворѣ. Что касается далѣе канцлера, то онъ въ отличіе отъ меровингскаго референдарія всегда назначается изъ духовныхъ лицъ - признакъ упадка образованія среди свѣтскихъ лицъ и постепенно начинаетъ пріобрѣтать политическое значеніе - признакъ возрастающаго значенія законодательной дѣятельности франкскаго правительства. Начиная съ Людовика Благочестиваго канцлерами назначаются лица, принадлежащія къ высшимъ классамъ общества, предоставляющія собственно государственныя обязанности своимъ подчиненнымъ и въ званіе верховнаго или архиканцлера / summus cancellarius, archicancellarius или notarius /, играющія роль министровъ.

Несмотря на малоудовлетворительную организацію каролингскаго государства - отсутствіе организованныхъ центральныхъ учрежденій, неопредѣленность компетенцій центральныхъ должностей, соединеніе военной и гражданской, административной и судебной власти въ рукахъ графовъ и ихъ подчиненныхъ, неудовлетворительность контроля надъ мѣстными властями, отсутствіе самоуправленія, тяжесть государственныхъ повинностей /особенно воинской, см. ниже/, - несмотря на возрастающій упадокъ мелкаго и средняго землевладѣнія и упроченіе власти землевладѣльца - сеньора надъ зависимымъ населеніемъ его помѣстій /см. ниже/, государство Карла Великаго представляетъ наиболѣе сильно организованное германское государство первой половины среднихъ вѣковъ. Относительная сила центральной власти особенно опредѣленно проявляется въ развитіи законо-

дательной дѣятельности Каролинговъ, видоизмѣняющей дѣйствующее въ разныхъ частяхъ государства обычное право и создающее наряду съ цѣлымъ рядомъ личныхъ /племенныхъ/ правъ общегосударственное, территоріальное право.

Обычныя права отдѣльныхъ племенъ, разумѣется, сохраняютъ свое значеніе: часть ихъ была записана по приказанію или подъ вліяніемъ меровинговъ, остальныя фиксируются въ каролингскую эпоху /сюда относятся права баварцевъ, фризовъ, саксовъ, англовъ, варновъ и т.д./. Наряду съ обычнымъ правомъ еще со временъ первыхъ меровинговъ существовали указы конунговъ, отчасти весьма важнаго содержанія /напр. эдиктъ Хильперика о распространеніи права наслѣдованія недвижимаго имущества на женщинъ/. Въ общемъ, однако, указанная дѣятельность меровиновъ, повидимому, не было особенно обширна, а развивается преимущественно при болѣе могущественныхъ каролингахъ.

Королевскіе указы этой эпохи обыкновенно обсуждаются въ собраніяхъ магнатовъ и дѣлятся на главы /capita capitula/, весьма разнообразнаго содержанія, почему и называются капитуляріями. По своему характеру и содержанію они распадаются на три группы: capitula legibus addenda, capitula per se scribenda и capitula missorum. Первые должны дополнить существующее право и имѣютъ значеніе законовъ: судя по примѣру 803 года, они прочитываются во всѣхъ народно-судебныхъ собраніяхъ скабинами /о нихъ см. ниже/, причемъ народъ выражаетъ свое согласіе съ ними, послѣ чего графъ, скабины и духовенство подписываются подъ присланной въ соотвѣтственное мѣсто копіей даннаго акта. Вторые не имѣютъ характера настоящихъ законовъ, но входятъ въ составъ

мѣстныхъ правъ и могутъ быть отмѣнены и измѣнены съ большей легкостью, чѣмъ первые, т.е. безъ согласія народа. Послѣдніе наконецъ, представляютъ инструкціи для миссовъ и вовсе не имѣютъ собственно законодательнаго характера.

Количество извѣстныхъ намъ капитуляріевъ сравнительно весьма значительно: такъ, мы знаемъ не менѣе 124 капитуляріевъ изданныхъ со времени воцаренія Карла Великаго до 827 г., т.е. за 59 лѣтъ. Ихъ вліяніе на правовую жизнь населенія несомнѣнно было значительно, какъ видно хотя бы изъ того, что уже къ 827 г. аббатъ Ансегизъ Вандрильскій счелъ нужнымъ составить сборникъ извѣстныхъ ему /29/ капитуляріевъ Карла Великаго и Людовика Благочестиваго /т.наз. collectio Ansgisi /, на который потомъ ссылается и самъ Людовикъ. Какъ уже замѣчено, они служили базисомъ для правового сближенія разнообразныхъ племенъ каролингской монархіи на почвѣ франкскаго права. Проникновеніе королевскаго права въ народное право представляетъ одинъ изъ характернѣйшихъ фактовъ прогресса въ развитіи права франкской эпохи. Проникая въ народные суды, вліяя въ силу обычая или королевскаго повелѣнія на племенное право, королевское право дѣйствовало какъ прогрессивный факторъ въ духѣ развитія и обновленія права въ соотвѣтствіи съ потребностями времени и культурнымъ прогрессомъ и сыграло, такимъ образомъ, такую же роль во франкскомъ государствѣ, какую преторское право играло въ исторіи римскаго права / Brunner ук. соч. I,281/.

Но подобно культурнымъ начинаніямъ Карла и успѣхъ его

Литографія Богданова, Эртелевъ пер.,д.I-I2.
Директоръ [подпись]

законодательной дѣятельности естественно зависѣлъ отъ фактической силы королевской власти и отъ характера ея отношенія къ ея единственному серьезному конкуренту, т.е. къ аристократіи. Именно въ этой области каждый шагъ королевской власти получалъ особое значеніе, но именно здѣсь она оказалась наименѣе цѣлесообразной и успѣшной. О соціальной политикѣ Каролинговъ и въ частности Карла Великаго мы поговоримъ дальше. Здѣсь замѣтимъ только, что устранивъ на время наиболѣе опасныя политическія притензіи аристократіи, ни Карлъ Великій, ни его предшественники не только не могли устранить ея соціальное господства, но, какъ видно уже изъ ихъ совѣщаній съ магнатами и какъ мы дальше увидимъ изъ другихъ фактовъ, въ существенныхъ чертахъ признали за аристократіей рядъ широкихъ правъ по отношенію къ зависимому отъ нея населенію и сами искали опору не въ массѣ народа, а именно въ аристократіи землевладѣльцевъ - вассаловъ.

Какъ сильная королевская власть первыхъ меровинговъ, такъ и власть каролинговъ пала въ связи съ раздачей королевскихъ земель /и должностей/ и ихъ упроченіемъ за аристократіей и въ связи съ внутренними войнами и нашествіями внѣшнихъ враговъ: мѣсто аваровъ и славянъ въ IX и X вв. заняли венгры, сарацины и норманы.

Наряду съ указанными ближайшими факторами разложенія продолжаютъ дѣйствовать и даже усиливаются болѣе общіе факторы. Универсальная монархія Карла Великаго выросла на почвѣ счастливыхъ войнъ, не на почвѣ экономическаго и культурнаго роста и сближенія входившихъ въ ея составъ племенъ. Отсутствіе общихъ идейныхъ и экономическихъ интересовъ идетъ рука объ руку съ безусловнымъ преобладаніемъ земледѣлія, съ

отсутствіемъ сколько нибудь развитой промышленности и торговли. Каждое племя рѣзко обособлено отъ другихъ, часть германскихъ племенъ едва пережила періодъ Тацитовскихъ обособленныхъ народностей, единственное что ихъ соединяетъ это сильная власть. Но при данныхъ условіяхъ власть обезпечена только тому, кто можетъ и умѣетъ пользоваться авторитетно, постоянно и непосредственно. А на протяженіи всей страны, это, очевидно, невозможно даже самому энергичному лицу. Отсюда многочисленныя возстанія и войны, съ которыми едва могутъ справиться даже такіе исключительно энергичные и неутомимые государи, какъ Пепинъ и Карлъ Великій. Съ воцареніемъ Людовика Благочестиваго весь строй каролингской монархіи и самое ея единство быстро и неудержимо падаютъ. Экономическія и культурныя условія и покоющаяся на нихъ обособленность многообразныхъ мѣстныхъ интересовъ дѣлали невозможнымъ сохраніе единства государства, въ составъ котораго входили романизованные западные и сохранившіе германскіе черты восточные франки, бургунды, баско-аквитанцы, лангобарды, едва затронутые цивилизаціей племена внутренней Германіи. Выразительницей мѣстныхъ интересовъ и племенной розни снова сдѣлалась аристократія, какъ безусловно господствующее сословіе, а нашествіе норманновъ, сарацинъ и венгровъ ускорили процессъ разложенія, заставляя мѣстное населеніе группироваться около той же аристократіи, какъ военнаго сословія по преимуществу. Таковы основныя причины разложенія каролингской монархіи

7/ Разложеніе Каролингской монархіи.[I/] Съ воцареніемъ Людовика Благочестиваго /8I4 - 840/ начинается поразительно быстрый упадокъ импеторской власти. Поводомъ къ возникшимъ затрудненіямъ, возстаніямъ и войнамъ служатъ семейныя дѣла. Въ 8I7 году Людовикъ по совѣту магнатовъ рѣшаетъ вопросъ о престолонаслѣдіи: старшій сынъ Лотарь провозглашается императоромъ и соправителемъ отца, второй, Пепинъ, получаетъ Аквитанію, третій Людовикъ Нѣмецкій - Баварію съ королевскимъ титуломъ. Людовикъ сохраняетъ верховную власть; онъ имѣетъ верховный надзоръ надъ управленіемъ и семейной жизнью /отъ него напр. зависитъ дать согласіе на браки сыновей/ и его согласіе обязательно для веденія дипломатическихъ переговоровъ, объявленія войны и заключенія мира. Послѣ его смерти всѣ эти права

I/ Родословная преемниковъ Карла Великаго:

Людовикъ Благочестивый 8I4-840.

Лотарь I 840-855. Пепинъ. Людовикъ Нѣмецкій. Карлъ Лысый импер.875-877

Людо-викъII, имп.855-875 · Лотарь II · Карлъ. · Пепинъ. · Карломанъ кор.бавар. · Людовикъ · Карлъ III Толстый имп.879-887 · ЛюдовикъII Косноязыч. имп.877-879

Ирменгарда · Бозонъ. кор.юж.Бургунд. · Арнульфъ Каринтійскій имп. · ЛюдовикъIII · Карломанъ · Карлъ le simple

Людовикъ слѣпой кор.Бург./и Итал. импер. · Людовикъ Дитя 9II · ЛюдовикъIУ Заморскій · Лотарь · Людовикъ ум.937.

должны перейти къ Лотарю. Весь этотъ актъ очевидно представляетъ компромиссъ между единствомъ императорской власти и государства /на которомъ настаиваетъ чрезвычайно влiятельное при дворѣ духовенство/ и древнегерманскимъ принципомъ равенства правъ сыновей на наслѣдство отца.

Второй бракъ Людовика съ Юдиѳью, дочерью баварскаго графа Вельфа, и рожденiе 4-го сына, Карла Лысаго, вызываетъ у Людовика желанiе надѣлитьиКарла государствомъ: съ этою цѣлью ему представляется Алламанiя и часть Бургундiи. Недовольный сокращенiемъ своихъ будущихъ владѣнiй и необычайнымъ могуществомъ новаго министра Людовика графа Беренгара, Лотарь встрѣчаетъ сочувствiе у духовныхъ магнатовъ, отстаивающихъ идею единства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое влiянiе на императора, устраненное Беренгаромъ, и въ Пепинѣ Аквитанскомъ. Возстанiе союзниковъ приводитъ къ бѣгству Беренгара, заточенiю Юдиѳи и ея сына въ монастырѣ и къ фактическому господству Лотаря: на Компiенскомъ собранiи магнатовъ Людовикъ въ 830 признаетъ совершившiеся факты, но отказывается отъ поступленiя въ монастырь Но усиленiе Лотаря вызываетъ союзъ Пепина и Людовика Нѣмецкаго съ отцомъ: Лотарь высѣляется въ Италiю и три собранiя магнатовъ занимаются наказанiемъ заговорщиковъ 830 г. Новая попытка Людовика надѣлить Карла съ согласiя Лотаря Аквитанiей вызываетъ новыя неудачныя возстанiя Пепина и Людовика Нѣмецкаго: Аквитанiя передается Карлу. Это вызываетъ соединенное возстанiе Лотаря, Пепина и Людовика въ 833 г. Войска сходятся около Кольмара, но вызванный Лотаремъ въ качествѣ посредника, папа ГригорiйIУ тайно убѣждаетъ сторонниковъ императора покинуть его и Людовикъ попадаетъ въ плѣнъ къ сыновьямъ. Законъ 817 г. возстанавли-

вается, Юдифь и Карлъ высылаются Лотаремъ въ Италію, Пепинъ и Людовикъ Нѣмецкій возвращаются въ свои удѣлы. Тогда Лотарь съ согласія и подъ вліяніемъ своего войска и духовенства принуждаетъ отца къ публичному покаянію /въ клятвопреступничествѣ, святотатствѣ и убійствѣ/, захватываетъ власть и стремится къ уничтоженію закона 817 г. въ свою пользу. Отсюда возстаніе его братьевъ, которые вынуждаютъ его освободить отца, который снова принимаетъ власть и въ 834 г. заставляетъ Лотаря довольствоваться Италіей, тогда какъ владѣнія двухъ другихъ сыновей увеличиваются. Надѣленіе Карла большими землями въ 837 г вызываетъ новое сближеніе Людовика Нѣмецкаго съ Лотаремъ, но смерть Пепина въ 837 г. даетъ возможность приступить въ 839 г. къ новому раздѣлу; Карлъ получаетъ западъ съ Аквитаніей, Лотарь востокъ съ Италіей, Людовикъ сохраняетъ Баварію. Недовольство Людовика заставляетъ императора снова двинуться противъ него во время этого похода онъ умираетъ, успѣвъ отослать императорскія инсигніи къ Лотарю.

Начинается трехлѣтняя борьба между братьями, вызванная стремленіемъ Лотаря придать императорскому титулу фактическое значеніе. Его нападенія сначала на Карла /въ 840 г./ затѣмъ на Людовика /въ 841 г./ отражаются. Вступивъ въ союзъ между собой, они наносятъ ему рѣшительное пораженіе при Fontenoy /въ 841 г./, которое признается побѣдителями за судъ Божій. Лотарь пытается пріобрѣсти сторонниковъ раздачей королевскихъ земель, вступаетъ въ сношеніе съ норманнами и съ возставшими противъ мѣстной аристократіи саксонскими крестьянами /т.наз. stellinga/, но братья подтверждаютъ свой союзъ въ 842 г. въ Страсбургѣ знаменитой

присягой, представляющей первый исторический памятникъ французскаго и нѣмецкаго яз. и тѣмъ самымъ доказывающей насколько подвинулось впередъ обособленіе среди романскихъ и германскихъ народовъ вообще, романскихъ и германскихъ франковъ въ частности.

Въ результатѣ въ 843 г. состоялся Верденскій договоръ, въ силу котораго Людовикъ получилъ германскія земли на востокъ отъ Рейна, кромѣ Фрисландіи, но зато съ Вормсомъ, Шпейеромъ и Мейнцемъ, Карлъ II Лысый романскія земли на западъ отъ Шельды, Мааса и Роны. Лотарь сохранилъ императорскій титулъ, но безъ верховныхъ правъ и получилъ земли простиравшіяся отъ Фрисландіи до Альпъ и Рима межу владѣніями его братьевъ. Въ нихъ находились двѣ главныя столицы Каролингской монархіи, Аахенъ и Римъ, но разнородность ихъ населенія была слишкомъ велика, чтобы его государство могло сохранить свою цѣлость.

Нужно однако замѣтить, что совершенный вв Верденѣ раздѣлъ отнюдь не считался окончательнымъ: теоретически каролингская монархія /какъ и римская имперія послѣ 395 г./ сохраняла свое единство и только власть была раздѣлена между тремя братьями. Въ виду этого они именуютъ себя просто королями, неоднократно собираются для обсужденія общихъ дѣлъ и сохраняютъ наслѣдственныя права одинъ на владѣнія другого. На практикѣ, однако, за исключеніемъ эпизодическаго царствованія Карла III Толстаго единства болѣе не возстанавливается

Продолжительныя войны и сопровождавшая ихъ анархія настолько глубоко потрясли авторитетъ власти, что дѣйствіе центробѣжныхъ силъ не могло остановиться н достигнутымъ верденскимъ договоромъ результатѣ. Тѣ же факторы разложенія

борьба между представителями каролингскаго дома, нашествія норманновъ, славянъ венгровъ и арабовъ, наконецъ, усиленіе аристократіи, упрочивающей за собой нетолько помѣстья, но и государственныя должности, т.е званіе герцога маркграфа /маркиза/, графа и т.д. - продолжаютъ свою разрушающую государство работу и по крайней мѣрѣ въ Италіи и во Франціи уже въ IX - X вв. приводятъ къ полному фактическому устраненію центральной власти.

а/ Государства Лотаря. Раньше всего совершается разложеніе государства, доставшагося Лотарю. Въ составъ его входили области, не имѣвшія ни по географическому, ни по этнографическому составу, ни по историческому и культурному прошлому ничего общаго между собою. Чисто германская Фрисландія, полуроманская полугерманская область между Маасомъ и Рейномъ, Бургундія и Италія слишкомъ рѣзко отличались другъ отъ друга, чтобы случайный фактъ ихъ объединенія подъ властью одного лица могъ обезпечить ихъ единство. Центральной частью своихъ владѣній Лотарь повидимому считалъ область между Маасомъ и Рейномъ, впослѣдствіи получившую названіе Лотарингіи /послѣ Лотаря I здѣсь царствовалъ сынъ его Лотарь II/. Расположенная между владѣній его двухъ братьевъ и тяготѣя, сообразно съ романскимъ или германскимъ характеромъ своего населенія отчасти къ французскому государству Карла II Лысаго, отчасти къ Нѣмецкому государству Людовика, эта страна /соотвѣтствующая отчасти древней Австразіи/ однако не могла служить базисомъ для государства, на фрисландскія области котораго нападали норманны, на итальянскія - сарацины, начавшіе съ 827 г. завоеваніе Сициліи у Византійцевъ /взятіе Мессины 831 г. Палерм

832, нападеніе на Римъ и сожженіе его предместій 847 г. и т.д./ Независимо отъ этого Бургундія съ давнихъ поръ обладала особенно сильной аристократіей, а въ Италіи приходилось считаться не только съ византійцами, сохранившими античную Великую Грецію и сюзеренитетъ надъ Венеціей, но и съ лангобардскими князьями Сполета /въ Тосканѣ/ и Беневента, а затѣмъ и съ папами. Какъ только власть начала ускользать изъ рукъ императоровъ, папы, назначеніе или утвержденіе коихъ со временъ Карла Великаго принадлежало императору, стремятся освободиться отъ вліянія императора /папа Сергій былъ избранъ въ 844 г. римлянами безъ вѣдома Лотаря и несмотря на его протѣстъ успѣлъ сохранить папскую власть; тоже повторилось затѣмъ при избраніи Льва IУ, но сами претендуютъ на нѣкоторое право контроля надъ королями /столкновеніе папы Николая I 858 - 867 съ ЛотаремъII/ и въ концѣ IX в. фактически даруютъ императорскую корону /напр. Карлу II, Людовику II Косноязычному и т.д./

Смерть Лотаря въ 855 г. и раздѣлъ его государства между тремя его сыновьями, а далѣе ихъ столкновенія и ихъ неспособность возстановить внутренній порядокъ и оградить своихъ подданныхъ отъ внѣшнихъ враговъ окончательно уничтожаетъ авторитетъ королевской власти въ ихъ 3 государствахъ. Старшій изъ нихъ Людовикъ II /855 - 875/ получилъ Италію и былъ коронованъ папой ЛьвомъIУ императоромъ; второй Лотарь II /855 - 860/, получилъ сѣверныя владѣнія своего отца, т.е. большую часть старой Австразіи или Лотарингію; третій Карлъ /855 - 863/ былъ провозглашенъ королемъ бургундскими магнатами, а послѣ его ранней смерти его земли были раздѣлены между его братьями, такъ что Людовикъ II получилъ южную

часть Бургундіи до Роны, а Лотарь область къ сѣверу отъ Роны.

Царствованіе Лотаря II наполнено борьбой съ Норманнами съ собственными вассалами, съ Карломъ Лысымъ и Людовикомъ Нѣмецкимъ, наконецъ съ папой Николаемъ I. Поводомъ къ последнимъ, имѣющимъ симптоматическое значеніе для измѣнившихся отношеній между духовной и свѣтской властью и въ частности для роста духовныхъ и свѣтскихъ притязаній папъ, послужилъ его разводъ съ Тейтбергой и незаконный съ точки зрѣнія церкви бракъ съ Вальдрадой, отъ которой онъ имѣлъ уже сына, тогда какъ бракъ съ Тейтбергой былъ безплоденъ. Протестъ последней, за которую вступился Карлъ Лысый и архіепископъ Реймскій Гинкмаръ, вызвалъ вмѣшательство папы. Николай I воспользовался этимъ случаемъ для упроченія своей власти надъ епископатомъ кассировалъ постановленіе лотарингскихъ епископовъ о разводѣ, отлучилъ, а впослѣдствіи и низложилъ ослушниковъ. Несмотря на то что въ этомъ заключалось неслыханное нарушеніе правъ мѣстныхъ соборовъ и королевской власти, остальные короли не только не поддержали Лотаря II, но и даже содѣйствовали его врагамъ и послѣ долгой борьбы/857 869/ Лотарь II умеръ на пути въ Римъ, гдѣ хотѣлъ добиться у преемника Николая II благопріятнаго для себя разрѣшенія дѣла.

Бездѣтная смерть Лотаря II въ 869 г. - его сынъ отъ Вальдрады признавался незаконнымъ - приводитъ сначала къ попыткѣ Карла Лысаго захватить все его государство, затѣмъ къ раздѣлу на основаніи Мерзенскаго договора 870, служащаго существеннымъ дополненіемъ къ Верденскому. На основаніи договора 870 г. 65 графствъ Лотарингіи дѣлятся такъ, что 30

достаются Карлу Лысому, 31 Людовику Благочестивому, а четыре дѣлятся между ними.

Границей Франціи и Германіи, довольно точно соотвѣтствующей этнографической границѣ романскаго и германскаго племени, является Мозель и нижній Маасъ. Людовикъ II устраняется отъ наслѣдства своего брата: съ его смертью въ 875 г. старшая линія каролинговъ прекращается и въ Италіи настаетъ полная анархія, устраненная только Оттономъ Великимъ ок. 962 года.

Императорскій титулъ и послѣ 875 г. сохраняетъ свою притягательную силу и, потерявъ всякое реальное значеніе, становится цѣлью болѣе сильныхъ каролингскихъ государей. Прежде всего его захватываетъ Карлъ II Лысый /императоръ отъ 875 г. до 877 г./, затѣмъ его сынъ Людовикъ Косноязычный /877 - 879/ далѣе сынъ Людовика нѣмецкаго Карлъ III Толстый /881 - 887/ далѣе герцогъ Гвидонъ Сполетскій и его сынъ Ламбертъ и т.д. Борьба между Гвидономъ Сполетскимъ и маркграфомъ Беренгаромъ Фріульскимъ, вмѣшательство нѣмецкихъ каролинговъ /особенно Арнульфа, бывшаго 896 - 899 императоромъ/, стремленіе папъ къ верховной власти, набѣги сарациновъ и нормановъ /въ 859 г. они разграбили напр. Пизу и Луну/ довершаютъ разложеніе франкскаго государства въ Италіи.

<u>б/ Государство Людовика Нѣмецкаго</u>. Въ отличіе отъ государстве Людовика Нѣмецкаго отличается гораздо большей географической, этнографической и культурной цѣльностью и вдобавокъ ими обладаетъ настолько сильной аристократіей, какъ западно франкскіе области: къ 843 г. повидимому, еще сохранился весьма значительный классъ свободныхъ крестьянъ и мелкихъ собственниковъ. За то здѣсь племенная рознь особенно велика,

количество лѣсовъ и болотъ, разъединяющихъ отдѣльныя племена, особенно значительно и кромѣ прирейнскихъ мѣстностей нѣтъ даже тѣхъ зачатковъ городской жизни, которыя сохранились на западѣ съ римскихъ временъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе церкви, способный оказать поддержку государству, среди сравнительно недавно и отчасти насильственно обращенныхъ племенъ не можетъ быть велико. Восточные франки въ области Майна и нижняго Рейна, алеманны и баварцы въ верхней, тюринги въ средней, саксы въ нижней Германіи ничѣмъ въ существѣ дѣлъ не связаны другъ съ другомъ: политическое значеніе племенной организаціи и розни кладетъ въ виду этого свою печать на всю нѣмецкую исторію отъ IX до XII вѣка и рѣзко отличаетъ ее отъ исторіи Италіи и Франціи, гдѣ общая романская основа культуры заставила исчезнуть различія между франкомъ, бургундомъ и лангобардомъ. Тогда какъ въ романскихъ странахъ какъ все государство, такъ и древніе области отдѣльныхъ германскихъ племенъ разложились на болѣе или менѣе значительныя сеньеріи, ничемъ не связанныя другъ съ другомъ, въ Германіи племена и ихъ территоріи сохраняютъ извѣстное единство. Это приводитъ съ одной стороны къ возрожденію племенныхъ герцогствъ, съ другой стороны даетъ тому или иному герцогскому роду возможность возобновить карьеру каролинговъ: въ отличіе отъ французскихъ или итальянскихъ сеньеровъ такія лица, какъ Генрихъ I или Оттонъ Великій опираются на на какую нибудь сеньерію, жители которой ничѣмъ кромѣ власти не связаны другъ съ другомъ, а не цѣлое саксонское племя, обладающее племенными традиціями и связью. Разложеніе этой племенной связи, раздробленіе племенной территоріи между отдѣльными болѣе мелкими династами, закончен-

ное во Франціи и Италіи въ IX вѣкѣ, въ Германіи начинается только въ XII и завершается въ началѣ XIII вѣка Избраніе Рудольфа Габсбургскаго, т.е. одного изъ территоріальныхъ князей безъ всякой племенной власти, королемъ Германіи служитъ внѣшнимъ выраженіемъ этого факта Съ этого момента дальнѣйшая исторія германскихъ территорій въ общемъ очень близко напоминаетъ исторію французскихъ территорій въ X и XI вѣкахъ.

Нечего и говорить, что обособленность племенъ чрезвычайно затрудняла положеніе нѣмецкихъ каролинговъ. Наряду съ этимъ имъ приходилось отражать нашествіе норманновъ на сѣверѣ, и славянъ, а потомъ и венгровъ на востокѣ. Норманскія нашествія, оказавшія особенно сильное вліяніе на разложеніе государства Карла Лысаго, начались еще при Карлѣ Великомъ и уже тогда угрожали всему побережью франкской монархіи, но особенно опасными и постоянными они сдѣлались во второй половинѣ IX вѣка. Вызванныя, вѣроятно, несоотвѣтствіемъ между ростомъ скандинавскаго населенія и скудосью почвы, они приводятъ къ основанію постоянныхъ стоянокъ норманновъ въ устьѣ Шельды, Сены и Луары, откуда они предпринимаютъ свои разрушительныя экспедиціи внутрь страны. въ 880 г. они поражаютъ и убиваютъ саксонскаго герцога Брунона и съ нимъ двухъ епископовъ и II графовъ. Они сжигаютъ Дордрехтъ, Утрехтъ и Антверпенъ, проникаютъ до Кельна, Бонна, Майнца, Трира, Метца и Аахена, которыя также подвергаются раззоренію. Ихъ предводители Гарольдъ, Рюрикъ, Ролланъ, Годфридъ изъ года въ годъ грабятъ всю область между Маасомъ и Рейномъ, разбиваютъ франкскія войска, получаютъ титулы герцоговъ Фрисландіи /напр. Рюрикъ и Годфридъ/ и только въ 891 г. королю Арнуль-

фу удается нанести имъ рѣшительное пораженіе и уничтожить ихъ фрисландскую стоянку.

На востокѣ неменьшая опасность угрожаетъ франкской монархіи отъ славянъ. Саксы ведутъ борьбу съ бодричами и лютичами, тюринги - съ сербами, баварцы - съ чехами, моравами и паннонскими славянами. Особенно значительной становится опасность, когда литовскимъ князьямъ Ротиславу /858 870/ и его племяннику Святополку /870 - 894/ удается сбросить нѣмецкое верховенство и соединить подъ своей властью значительную часть западныхъ славянъ, кромѣ моравовъ, чеховъ, словаковъ и паннонскихъ славянъ /т.наз. Великоморавское государство/. Раздѣлъ ихъ государства между сыновьями Святополка и ихъ междоусобія приводятъ, правда, къ разложенію славянской державы и облегчаютъ венграмъ завоеваніе названной по ихъ имени страны, что приводитъ дальше къ полному раздробленію западныхъ славянъ, но венгерскія нашествія вскорѣ оказываются еще болѣе опасными для Германіи, чѣмъ борьба съ славянами. Цѣлый рядъ походовъ доводитъ венгровъ до Лотарингіи, Бургундіи и средней Италіи: по самому характеру своей кочевой жизни венгры гораздо болѣе подвижны, чѣмъ земледѣльцы - славяне, и вплоть до половины X вѣка они поочередно разоряютъ то ту, то другую германскую область.

Если къ этимъ условіямъ, естественно ослабляющимъ авторитетъ центральной власти, неспособной защищать государство одновременно отъ всѣхъ враговъ, и наоборотъ усиливающимъ авторитетъ мѣстныхъ властей, отъ которыхъ только и можно ожидать спасеніе, прибавить еще хроническіе и у нѣмецкихъ каролинговъ раздѣлы и раздоры, то нѣтъ ничего удивительнаго

въ упадкѣ каролингскаго авторитета и въ Германіи. Послѣ смерти Людовика нѣмецкаго въ 876 г. и смерти двухъ его сыновей, Людовика и Карломана, оставшійся въ живыхъ Карлъ III Толстый, правда, еще разъ соединяетъ все государство Карла Великаго /отъ 884-887/ г., но въ высшей степени характерно, что именно его неспособность защитить Парижъ отъ норманновъ вызываетъ всеобщее возстаніе и окончательное разложеніе каролингской державы: весьма естественно, что основное требованіе, предъявляемое въ данное время какъ магнатами, такъ и народомъ къ государю, заключается въ военныхъ способностяхъ и энергичной защитѣ отъ безпрестанныхъ набѣговъ разнообразныхъ враговъ. Возстаніе незаконнаго сына Карломана, Арнульфа герцога Каринтійскаго, приводитъ къ формальному низложенію Карла Толстого на собраніи магнатовъ въ Трибурѣ въ 887 г. Западные франки /французы/ избираютъ королемъ защитника Парижа, графа Одона, бургундцы ставятъ двухъ кандидатовъ, Рудольфа на сѣверѣ, Бозона на югѣ, въ Италіи происходитъ борьба между Гвидономъ Сполетскимъ и Беренгаромъ Фріульскимъ, королемъ восточно франкскаго государства избирается Арнульфъ. Со временъ Пепина Короткаго магнаты теперь впервые претендуютъ на право низлагать и свободно избирать короля.

Удачныя войны съ норманнами и пріобрѣтеніе императорскаго титула Арнульфомъ лишь ненадолго задерживаютъ разложеніе государства. Оно завершается, когда послѣ его смерти вступаетъ на престолъ его семилѣтній сынъ, Людовикъ Дитя /899 - 911/. Несмотря на поддержку духовенства королевская власть теряетъ всякій авторитетъ. Съ нимъ пре

кращается нѣмецкая линія Карролинговъ.

в/ Государство Карла Лысаго. Власть Карла II Лысаго /843 - 877/ надъ доставшейся на его долю областью съ самаго начала была крайне слаба. Границами его государства на востокѣ были Шельда, Маасъ, Сона и Севенна, на югѣ - Средиземное море и Эбро: въ 870 г. въ силу Мерзенскаго договора и присоединенія западной части Лотарингіи восточной границы становится Мозель и Нижній Маасъ. Несмотря на преобладаніе общей романской культуры и романскихъ нарѣчій на всей этой территоріи /кромѣ Бретони/ и здѣсь, однако, есть рядъ очаговъ сепаратизма, съ которыми приходится считаться Карлу Лысому и его преемникамъ.

По терминологіи IX и X вв. государство распадается на три мало опредѣленныя области: Нейстрію между Сеной и Луарой, Францію между Сеной и Шельдой и Аквитанію въ югу и западу отъ Луары. Независимо отъ этого, особенно въ IX вѣкѣ, самостоятельной жизнью обладаютъ также Бретань и нѣкогда готская Септиманія между Севенами, Роной и Средиземнымъ моремъ, примыкающая къ испанской маркѣ.

Эпоха Карла Лысаго, фактически признаннаго только въ Нейстріи и Франціи, наполнена войнами съ бретонцами, аквитанцами и септиманцами съ одной, борьбой съ норманнами съ другой стороны. Къ этому присоединяются столкновенія съ другими каролингами и походы въ Италію /въ 875 и 877 г.г./ для пріобрѣтенія и упроченія императорской власти. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ король усиленно нуждается въ поддержкѣ магнатовъ, постоянно привлекаетъ ихъ къ себѣ раздачей земель, назначеніемъ сыновей на должность отцовъ, разнаго рода обѣщаніями и т.д.

Успѣхи Карла въ его многообразныхъ предпріятіяхъ тѣмъ не менѣе были ничтожны. Бретонскіе короли /Бретань никогда не была вполнѣ покорена франками, а съ У вѣка ея кельтское населеніе было увеличено эмиграціей изъ Британніи, откуда нашествія англосаксовъ мало по малу вытѣсняли кельтовъ/ Номеноэ, Эриспое и Саломонъ цѣлымъ рядомъ походовъ съ 843 г. расширили свои владѣнія, въ лицѣ Эриспое заставили Карла Лысаго признать свое королевское достоинство и уступить имъ Реннъ, Нантъ и Ретцъ, только внутреннія войны, начавшіяся послѣ убіенія Саломона /ок. 860 года/, устранили бретонскую опасность. - Септиманія и испанская марка фактически также были совершенно самостоятельны: ихъ герцогъ и маркграфъ Беренгаръ съ 840 г. не упоминалъ въ своихъ хартіяхъ о королѣ, а когда онъ былъ убитъ /въ 844 г./, его преемники въ общемъ продолжали его политику. Даже отдѣленіе Септиманія отъ испанской марки, состоявшееся въ 865 г. не помогло королямъ и Септиманія въ памятникахъ иногда называется королевствомъ.- Покорить Септиманію было еще труднѣе, что и Аквитанія въ теченіе 12 лѣтъ /843 - 855/ не признаетъ власти Карла и поддерживаетъ его двоюродного брата Пепина, сына Пепина, внука Людовика Благочестиваго.

Но особенной раззорительностью и опасностью отличаются набѣги норманновъ. Подъ начальствомъ своихъ "морскихъ конунговъ" они основываютъ стоянки не только въ устьяхъ Шельды, но и въ устьѣ Сены /въ 841 г./ и Луары /до 840 г. Исходя изъ Сенской стоянки, они совершаютъ нашествія на

Парижъ /въ 845, 857, 861, 885-6 г.г./, берутъ Руанъ,Реймсъ
Дміенъ, Лаонъ и ежегодно раззоряютъ долину Сены и Марны.
Опираясь на Луарскую стоянку, они раззоряютъ Нантъ, Ам-
блуазъ, Блуа, берутъ Бордо, появляются подъ Тулузой и
въ союзѣ съ Пепиномъ Аквитанскимъ раззоряютъ долину Лу-
ары, Гаронны и Дардоньи. Какъ Карлъ Лысый, такъ и его
преемники, совершенно безсильны въ борьбѣ съ ихъ подвиж-
ными полчищами: независимо отъ слабости королевской вла-
сти, этому содѣйствуетъ и неспособность ополченія вести
борьбу съ такими спеціальстами военнаго дѣла и грабежа,
какими естественно являются выходцы изъ Скандинавіи. Для
борьбы съ ними необходимы такіе же профессіональные вои-
ны, но не короли, а аристократія окружаетъ себя воинст-
венными вассалами, защищаетъ мѣстное населеніе, но и са-
ма не стѣсняется въ эту эпоху анархіи расширять и округ-
лить свои владѣнія грабежомъ и насиліемъ, на которыя по-
стоянно жалуются короли въ своихъ капитуляріяхъ, изъ ко-
торыхъ видно, что не только простые магнаты и обыкновен-
ные разбойничьи шайки, но и должностныя лица, герцоги и
графы,повинны въ грабежахъ. По отношенію къ норманнамъ
королямъ остается только откупаться отъ набѣговъ упла-
той большихъ выкуповъ /такъ Карлъ II уплачиваетъ въ 861
г. 5000 фунтовъ серебра, затѣмъ 4000 фунт.,потомъ еще 5000
въ 882 г. они получаютъ 12000 фунт. серебра отъ внука Кар-
ла II, Карломана; въ 886 г. Карлъ III Толстый снова обѣща-
етъ имъ дань, а до уплаты ея разрѣшаетъ имъ грабить сѣ-
верную Бургундію/ или вступать въ соглашеніе съ какимъ
нибудь норманскимъ вождемъ, долженствующимъ взять и со-

бя защиту страны отъ иныхъ норманновъ /такъ Карлъ Простоватый ок. 910 г. уступилъ герцогство Нормандію Роллону/. По отношенію къ магнатамъ короли въ существѣ дѣла безсильны: вѣдь эти же магнаты - вассалы являются ихъ единственной опорой. Въ борьбѣ противъ нихъ короли не могутъ болѣе опереться на свободную массу: тѣ остатки ея, которые успѣли сохраниться до этого времени, исчезли во время безпрестанныхъ войнъ и норманнскихъ набѣговъ, погибнувъ отъ враговъ и грабителей или подчинившись, добровольно или по принужденію, магнатамъ, вооруженные отряды которыхъ защищали данную мѣстность.

Но разъ не королевская власть, а аристократія является настоящей защитницей населенія, она одна обладаетъ не только матеріальной, но и нравственной силой въ государствѣ. Характерно, что истинными героями этого времени признавались не каролингскіе конунги, а такіе лица, какъ родоначальникъ дома Капетинговъ, Робертъ Сильный или его сынъ Одонъ, всю жизнь боровшійся съ норманнами. Славная защита Парижа отъ норманновъ въ 885 - 886 г.г. немало содѣйствовала избранію Одона королемъ /въ 887 г./.

Лучшей иллюстраціей упадка королевскаго авторитета служатъ капитуляріи Карла Лысаго Формально, правда, вся система администраціи сохранилась: формально графы еще должностныя лица, дѣйствія которыхъ контролируются королевскими миссами, формально король имѣетъ право ихъ назначать и смѣнять и пользуется прежней неограниченной властью Но фактически не только пожалованныя вассаламъ помѣстья, но и государственныя должности стали наслѣдственными /особенно характерны въ этомъ отношеніи и капитулярій 856 г.,

обращенный къ франкамъ и аквитанцамъ, и знаменитый Кьерсійскій капитулярій 877 г., предусматривающій случай малолѣтства и отсутствія сына даннаго графа и обезпечивающій графство за нимъ/, а короли не приказываютъ, а просятъ или стараются привлечь вассаловъ разнаго рода обѣщаніями. Вассалы, въ свою очередь, обращаются къ Карлу съ "совѣтами", полными жалобъ и угрозъ.

При преемникахъ Карла Лысаго, Людовикѣ Косноязычномъ /877 - 879/, который съ трудомъ добился признанія королемъ и при его молодыхъ сыновьяхъ, Людовикѣ III и Карломанѣ, раздѣлившихъ западно - франкскія области между собой, положеніе Каролинговъ еще ухудшается: въ Бургундіи Бозонъ, тесть Карла Лысаго, въ 879 г. былъ провозглашенъ королемъ духовными и свѣтскими магнатами долины Роны и, несмотря на союзъ каролинговъ противъ него, сохранилъ свое званіе.

Смерть Людовика III въ 882 г., Карломана въ 883, нѣмецкихъ каролинговъ, кромѣ Карла Толстаго и незаконнорожденнаго Арнульфа, наконецъ, смерть Бозона въ 887 г. даютъ Карлу Толстому возможность еще разъ объединить монархію Карла Великаго. Но уже въ 887 г. происходитъ возстаніе Арнульфа противъ него, повлекшее за собой его низложеніе во всѣхъ областяхъ, входившихъ въ составъ его государства. Западные франки избрали въ 888 г. защитника Парижа графа Одона, признаннаго также главными магнатами Аквитаніи; магнаты южной Бургундіи провозгласили королемъ Людовика Слѣпого сына Бозона /въ 890 г./; магнаты сѣверной Бургундіи/ свободное графство и западная Швейцарія/ признали королемъ Рудольфа, главу могущественнаго дома Вельфовъ, основавша

го свою столицу въ Сенъ - Морисѣ /въ 890 г./; въ Италіи Гвидонъ Сполетскій былъ коронованъ королемъ Италіи и императоромъ /891 г./. Монархія Карла Великаго окончательно перестала существовать, распавшись на пять королевствъ: Францію, двѣ Бургундіи/ объединенныя въ 933 г. подъ властью Рудольфа II, сына Рудольфа I, и просуществовавшія въ качествѣ арелатскаго королевства до 1032 г., когда здѣсь по праву наслѣдства Конрадъ II, римскій императоръ германской націи/, Италію и Германію.

Столѣтіе отъ избранія Одона до избранія Гуго Капета /888-987/ наполнено борьбой двухъ династій Каролинговъ и Капетинговъ, оспаривавшихъ другъ у друга власть надъ Франціей. Происхожденіе династіи Капетинговъ и ея преобладающаго положенія среди сѣверно-французскихъ магнатовъ представляется неяснымъ. Первый историческій представитель ея, графъ Робертъ Сильный, уже при Карлѣ Лысомъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ магнатовъ Нейстріи и прославился упорной борьбой съ норманнами, во время которой палъ въ 866 г. Его сынъ, графъ Одонъ Парижскій, провозглашенный королемъ маг-

---

Родословная первыхъ Капетинговъ:

Робертъ Сильный 866

Одонъ король 888-898 Робертъ король 922-923

Гуго Великій — дочь Герриберть гр. Германдуа. — дочь — Рауль герц. бург. кор. 923-936.

Гуго Капетъ король 987-996. — Генрихъ, герц. родонач. бургундскихъ капет., вымершихъ въ 1361 г.

Робертъ II 996-1031

Генрихъ I 1031-1060

Филиппъ I 1060-1108

Людовикъ VI 1108-1137

натами и признанный въ этомъ званіи Арнульфомъ, провелъ жизнь въ борьбѣ съ магнатами, желая придать фактическое значеніе королевскому титулу, но передъ смертью былъ вынужденъ назначить своимъ преемникомъ не своего брата Роберта, а послѣдняго изъ французскихъ каролинговъ, Карла Простоватаго /898 - 922; см. родословную/. Робертъ былъ вознагражденъ за это огромными землями нѣсколько аббатствъ /St-Germain des Prés, St Denis и др./; его могущество было настолько значительно, что онъ въ одной хартіи называется trimarchio, т.е. графомъ трехъ маркграфствъ. Браки его дочерей съ наиболѣе могущественными магнатами сѣвера, съ графомъ Герибертомъ Рермендуаскимъ и съ герцогомъ Раулемъ Бургундскимъ еще усилили его положеніе и Карлъ Простоватый послѣ двадцатилѣтнихъ войнъ съ магнатами былъ изгнанъ Робертомъ, который былъ избранъ и коронованъ королемъ /922-923/. Его смерть открыла доступъ къ престолу его зятю Раулю Бургундскому /923-936/, который еще увеличилъ владѣнія сына Роберта, Гуго Великаго, графствомъ Менъ и частью Пикардіи. Несмотря на свое господствующее положеніе Гуго послѣ смерти Рауля возводитъ на престолъ Людовика Заморскаго /936 - 954/, сына Карла Простоватаго, за что и получилъ званіе герцога Франковъ /dux Francorum/, т.е. независимо отъ своихъ огромныхъ нейстрійскихъ земель и графствъ еще оффиціальное главенство во Франціи" т.е. въ странѣ между Сеной, Шельдой и Маасомъ/. Владѣя кромѣ того послѣ смерти Рауля и Бургундіей /т.е. той частью Бургундіи, которая въ 860 г. досталась Лотарю II въ наслѣдство отъ его умершаго брата Карла, а въ 870 г. по мерзенскому договору перешла

къ Карлу Лысому и скоро образовала наслѣдственное герцогство/ Гуго безспорно обладалъ гораздо болѣе значительной властью, чѣмъ король. Людовикъ IУ въ виду этого вступилъ въ союзъ съ Оттономъ Великимъ, по женской линіи происдившимъ отъ каролинговъ, и борьба между нимъ и Капетингомъ закончилась только смертью Людовика IУ въ 954 г. и воцареніемъ его малолѣтняго сына Лотаря /954 - 986/. Преемникъ Гуго Великаго, его сынъ Гуго Капетъ, вознаградилъ себя за утрату Бургундіи, которая перешла къ его брату Генриху, графствомъ Луату, однимъ изъ крупнѣйшихъ владѣній сѣверной Аквитаніи, на наслѣдницѣ котораго онъ женился. Борьба между нимъ и Лотаремъ наполняетъ царствованіе послѣдняго; но притязанія короля на нѣмецкую Лотарингію поссорили его съ Оттономъ II, а столкновеніе съ архіепископомъ реймскимъ, главнымъ оплотомъ Каролингскаго дома въ сѣверовосточной Франціи, лишило его и его сына Людовика У /986 - 987/ послѣдней поддержки.

Смерть Людовика У и непопулярность его дяди Карла, герцога нѣмецкой нижней Лотарингіи, вмѣстѣ съ переходомъ архіепископа Адальберона Реймскаго на сторону Капетинговъ открыли Гуго Капету доступъ къ королевской власти. Въ 987 г. династія Каролинговъ рѣшеніемъ сѣверно-французскихъ магнатовъ окончательно была замѣнена Капетингами.

Но если столѣтняя борьба и закончилась, такимъ образомъ побѣдой Капетинговъ, то она не могла съ другой стороны не отразиться на ихъ фактическомъ могуществѣ. Нуждаясь въ поддержкѣ своихъ вассаловъ, они также какъ нѣкогда Каролинги были вынуждены вознаграждать ихъ землями и должностями и не смотря на королевскій титулъ фактическое могущество первыхъ Капетинговъ, даже въ сѣверной и въ сѣверо восточной

Франціи была скорѣе меньше, чѣмъ больше, могущества Роберта, сына Одона, и особенно Гуго Великаго. Аквитанія же и югъ съ графствомъ Тулузскимъ фактически вовсе не признавали королевской власти.

Разложеніе королингской монархіи низвели короля до положенія обыкновеннаго сеньера и создалу массу болѣе или менѣе самостоятельныхъ сеньеровъ наряду съ нимъ.

III. Характеръ и происхожденіе феодальнаго строя. Общій обзоръ внѣшней и внутренней исторіи франкскаго государства въ эпоху Меровинговъ и Королинговъ познакомилъ насъ съ судьбами королевской или, что при данныхъ условіяхъ то же самое, государственной власти, съ ростомъ политическаго могущества аристократіи и съ разложеніемъ государства въ IX и X вв., приводящимъ къ господству т.наз. феодальнаго строя. Остается познакомиться съ источниками политической силы аристократіи, съ факторами, создавшими феодальный строй. Раньше чѣмъ перейти къ указанному вопросу, однако, желательно дать общую характеристику этого строя.

I. Характеръ феодальнаго строя. Терминомъ "феодализмъ" въ настоящее время очень злоупотребляютъ, пользуясь имъ для характеристики всякаго государственнаго строя, въ которомъ первенствующую роль играетъ землевладѣльческая аристократія. Отчасти это объясняется тѣмъ, что нѣтъ вполнѣ удовлетворительнаго опредѣленія смысла этого термина въ примѣненіи къ тому времени и къ тѣмъ условіямъ, для обозначенія которыхъ онъ былъ созданъ.

Выяснить характерныя черты феодальнаго строя уже по-

тому очень трудно, что IX, X и XI вв. представляютъ эпоху полной анархіи, эпоху борьбы противоположныхъ идей - идеи неограниченной королевской власти и идеи безусловной независимости отдѣльныхъ магнатовъ. Въ классической странѣ феодализма, т.е. во Франціи/ на ней мы и остановимся подробнѣе эта борьба еще усложняется традиціонной обособленностью Аквитаніи съ одной, древней Нейстріи, т.е. сѣверной и сѣверовосточной Франціи, съ другой стороны. Борьба эта происходитъ черезъ разныя стадіи, которыя одинъ ученый характеризуетъ, какъ періодъ неорганизованной анархіи или сеньеріальный строй и періодъ организованной анархіи или собственно феодальный строй /Flach, les origines de l'ancienne France; для вопроса о происхожденіи феодальнаго строя вообще см. сочиненія, указанныя выше при разсмотрѣніи меровингскаго строя/: въ теченіе перваго періода господствующей чертой является фактически полная самостоятельность сеньоріи, въ теченіи второго періода замѣчается развитіе своего рода феодальной іерархіи и подчиненіе самостоятельности сеньоріи извѣстнымъ условіямъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько правильна эта характеристика, мы постараемся опредѣлить основныя черты феодальнаго строя, какъ онъ сложился по окончаніи періода полной анархіи, вызванной набѣгами норманновъ.

Сущность феодальнаго строя заключается въ экономическомъ, соціальномъ и политическомъ господствѣ землевладѣльческой знати, приводящемъ къ распаденію государства на сеньеріи, населеніе которыхъ большей частью находится какъ въ политической, такъ и въ экономической зависимости отъ барона, управленіе котораго не подлежитъ государственному

контролю, тогда какъ самая власть его надъ населеніемъ фактически проистекающая какъ изъ пожалованія, такъ и изъ добровольнаго подчиненія населенія или насильственной узурпаціи теоретически въ огромномъ большинствѣ случаевъ /нѣкоторое исключеніе представляютъ такъ наз. аллоды, число которыхъ постоянно рѣдѣетъ/ признается пожалованный съ условіемъ вѣрной службы тому лицу /самому королю или другому магнату/, отъ котораго исходитъ или которому приписывается пожалованіе данной сеньеріи, причемъ вѣрная служба, размѣры которой опредѣляются договоромъ между сторонами или господствующимъ въ данной мѣстности обычаемъ, исчерпываетъ всѣ обязанности вассала, /т.е. лица, получившаго сеньерію/ по отношенію къ сюзерену /т.е. лицу совершившему пожалованіе/.

Экономическое господство землѣвладѣльческой знати выражается въ безусловномъ господствѣ крупнаго землѣвладѣнія и зависимости массы населенія отъ сеньера, какъ помѣщика, соціальное господство - въ возрастающемъ затрудненіи доступа въ ряды военной аристократіи, наконецъ политическое господство - въ устраненіи всякаго непосредственнаго вліянія центральной власти на массу населенія, въ законномъ пріобрѣтеніи или узурпаціи всѣхъ государственныхъ правъ /военныхъ, судебныхъ, финансовыхъ, а въ иныхъ случаяхъ и права чеканки монетъ и назначенія духовныхъ властей/ знатью.

Баронъ пользуется своими политическими правами не въ качествѣ члена господствующаго сословія въ общихъ политическихъ собраніяхъ, рѣшающихъ военные, судебные, финансовые, административные и т.д. вопросы для всего государства а въ качествѣ владѣльца опредѣленной территоріи. Политическіе права знати приводятъ такимъ образомъ не къ аристокра-

тической организацiей государства /какъ напр.у визиготовъ или англосаксовъ/, а къ разложенiю государства, т.е. къ политической обособленности сеньерiй.

Господство сеньера въ подчиненой ему территорiи имѣетъ разные источники,и его формы и размѣры, смотря по характеру этихъ источниковъ,принципiально не однородны:иначе говоря, населенiе сеньерiи состоитъ изъ рабовъ, представляющихъ часть движимой собственности сеньера, изъ крѣпостныхъ, т.е. лицъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ и носящихъ извѣстныя повинности и оброки за пользованiе опредѣленнымъ участкомъ земли, далѣе изъ лицъ на разныхъ условiяхъ, добровольно подчинившихся сеньеру въ надеждѣ на его защиту, далѣе изъ свободныхъ арендаторовъ, обязанности коихъ ограничивается уплатой аренды,- все это лица такъ или иначе зависящiе отъ сеньера,какъ собственника - и наконецъ изъ лицъ, подчиненныхъ ему не въ качествѣ помѣщика,а въ качествѣ должностнаго лица /графа,маркиза, герцога/ или въ качествѣ феодальнаго сюзерена.Въ дѣйствительности эти различiя скорѣе впрочемъ имѣютъ теоретическiй характеръ:масса населенiя сеньерiи, за исключенiемъ вассаловъ самаго сеньера, подъ давленiемъ послѣдняго имѣютъ тенденцiю слиться съ крѣпостнымъ классомъ, какъ въ экономическомъ,такъ и въ юридическомъ отношенiи.Только въ городахъ/особенно на югѣ/ вѣроятно могъ сохраниться классъ лицъ,подчиненныхъ только политической,а не экономической власти сеньера.

Управленiе сеньерiей находится всецѣло въ рукахъ барона: внѣ своихъ собственныхъ сеньерiй ни короли,ни лица,получившiя отъ нихъ званiе графовъ и т.д.и т.д.и упрочившiя эти званiя за собой и за своей семьей,не имѣютъ никакого права контроля или вмѣшательства въ дѣла формально подчинен-

ныхъ имъ сеньерій, расположенныхъ въ данномъ королевствѣ, герцогствѣ или графствѣ.

Тѣмъ не менѣе баронъ не является въ большинствѣ случаевъ безусловнымъ собственникомъ своей сеньеріи, а болѣе или менѣе серьезно связанъ разнаго рода обязанностями по отношенію къ королю или другому барону. Источники этого у слѣдующаго періода различаютъ аллоды и феоды. Подъ аллодомъ подразумѣвается вотчина, находящаяся въ полной наслѣдственности и безусловной собственности даннаго лица: если она и была, быть можетъ, нѣкогда пріобрѣтена первымъ собственникомъ въ силу пожалованія, то во всякомъ случаѣ пожалованіе не было обставлено условіями или эти условія подвергались забвенію и аллодіальный собственникъ подчиненъ королю или мѣстному герцогу, графу и т.д. не какъ вассалъ, а какъ простой подданный. А такъ какъ вся система управленія построена на началахъ вассальной зависимости, а не подданства, то аллодіальный собственникъ естественно ускользаетъ отъ тѣхъ феоадльныхъ повинностей и поборовъ, которые фактически только существуютъ;встрѣчаются даже принципіальныя заявленія аллодіальныхъ собственниковъ, въ которыхъ они оспариваютъ у какой бы то ни было власти какое бы то ни было и право на ихъ повиновеніе или поддержку. Ясно, что аллоды представляютъ болѣе или менѣе рѣдкое исключеніе /чаще всего они встрѣчаются въ аквитаніи и вообще на югѣ/ и что мѣстные крупные бароны стремятся къ ихъ уничтоженію, т.е. къ превращенію аллода въ феодъ. Послѣдніе, т.е. феоды безусловно преобладаютъ во всей Франціи. Происхожденіе ихъ можетъ быть очень разнообразно; во первыхъ, данная

сеньерія могла создаться изъ пожалованнаго королемъ или другимъ лицомъ,помѣстья, увеличеннаго добровольнымъ или насильственнымъ подчиненіемъ окрестнаго населенія и снабженнаго финансовыми и судебными привиллегіями, уничтожившими права мѣстныхъ представителей центральной власти въ предѣлахъ привиллегированной территоріи; во вторыхъ, аллодіальный собственникъ добровольно или по принужденію могъ согласиться превратить свой аллодъ въ феодъ, чтобы посредствомъ признанія вассальной зависимости избавиться отъ насилій сосѣдняго крупнаго барона или обезпечить себѣ его защиту противъ третьихъ лицъ или расширить свои владѣнія на его службѣ и т.д.; далѣе король могъ даровать извѣстному лицу званіе графа и связанныя съ нимъ земли и права или крупный магнатъ могъ узурпировать это званіе, земли и права независимо отъ королевскаго назначенія и добиться признанія своего захвата со стороны короля и т.д. и т.д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, однако, какъ бы данныя сеньерія на дѣлѣ ни возникла, права даннаго владѣльца на нее признаются условными. Королевское или исходящее отъ иного лица пожалованіе и превращеніе аллода въ феодъ одинаково предполагаетъ установленіе специфически феодальныхъ отношеній между сюзереномъ и вассаломъ. Если первый обязанъ защищать своего вассала, то послѣдній обязанъ приносить присягу въ вѣрности и признать себя "человѣкомъ", вассаломъ своего сюзерена /foi и homage/, обязанъ оказывать ему помощь и совѣтъ" /auxilium et consilium/ обязанности также наслѣдственны,какъ самое пользованіе феодомъ их нарушеніе теоретически всегда влечетъ за собой потерю феода; на практикѣ оно, разумѣется, только тогда приводитъ къ потерѣ феода, когда сюзеренъ доста-

точно силенъ, чтобы наказать своего вассала.

Обязанности вассала, первоначально совершенно неопредѣленныя и очень широкія, постепенно сокращаются и нормируются обычаемъ. Такъ, ихъ обязанность "совѣтывать" сюзерену въ XI-XII вв. ограничивается обязанностью являться въ извѣстные сроки къ его двору /2-3 раза въ годъ/ и участвовать въ совѣщаніяхъ, пріурочиваемыхъ къ этимъ съѣздамъ; такъ, обязанность военной помощи въ то же время обыкновенно ограничивается сорока днями и т.д. Тѣмъ не менѣе именно эти феодальныя обязанности, теоретически одинаковыя для всѣхъ, какъ для крупнѣйшихъ, такъ и для ничтожнѣйшихъ вассаловъ даннаго лица, поскольку они находятся въ рукахъ короля, представляютъ послѣдній и единственный остатокъ прежнихъ правъ центральной власти и служатъ однимъ изъ средствъ, къ которымъ короли обращаются въ борьбѣ съ магнатами.

Раздавая свои земли, допуская и даже содѣйствуя поглащенію мелкой и средней собственности крупной, расточая судебныя и финансовыя права и привелегіи, освобождавшія крупныя помѣстья отъ власти должностныхъ лицъ государства, даруя самыя государственныя должности на феодальныхъ началахъ и допуская, наконецъ, превращеніе пожалованныхъ помѣстій и должностей въ наслѣдственную собственность, - короли въ концѣ концовъ уничтожили всѣ основы своего могущества. Вмѣсто массы подданныхъ, подчиненныхъ имъ въ существѣ дѣла неограниченной власти, у нихъ оказались только "вѣрные" /fideles/ или вассалы, опиравшіеся на безусловно покорную массу и на собственныхъ вассаловъ, стремившихся уничтожить всякую зависимость отъ центральной власти и во всякомъ случаѣ достигшихъ колоссальнаго сокращенія своихъ обязанностей. Какъ въ римской имперіи принцепсъ постепенно

превратился въ dominus' а, граждане - въ подданныхъ, такъ во франкской монархіи король и императоръ наоборотъ превратился въ сюзерена, подданные /точнѣе господствующая часть поданныхъ/ въ вассаловъ. Не воля народа или государя, не интересы государства, а феодальное право /т.е. право, опредѣляющее взаимныя отношенія между сюзеренами вассаломъ/ и феодальные интересы регулируютъ теченіе государственной жизни.

2/ Происхожденіе феодализма. Феодальный строй представляетъ результатъ цѣлаго ряда фактовъ экономическаго, соціальнаго и политическаго характера и является продуктомъ долгаго развитія: онъ не созданъ сразу при самомъ завоеваніи римскихъ областей франками, не обязанъ своимъ происхожденіемъ ни исключительно германскимъ, ни исключительно римскимъ явленіемъ, не созданъ ни исключительно экономическими, ни исключительно политическими факторами, а являются результататомъ всей жизни франской монархіи и отчасти послѣднихъ временъ имперіи.

Ближайшимъ образомъ въ его основѣ лежатъ развитіе крупнаго землевладѣнія, дружинный строй и наслѣдственность государственныхъ должностей.

а/ Развитіе крупной собственности и вотчинной автономіи. Экономическая жизнь франской монархіи /и почти всей западной Европы/ характеризуется двумя чертами, унаслѣдованными ею у римской имперіи IУ и У вѣка, возрастающимъ упадкомъ денежнаго хозяйства, доходящимъ къ У - УI вв. до безусловнаго господства натуральнаго хозяйства, и рѣшительнымъ преобладаніемъ крупнаго землевладѣнія. Результатомъ перва-

го обстоятельства, въ связи съ слабостью государственнаго развитія варваровъ и упадкомъ денежныхъ поступленій отъ податей и пошлинъ, является господствующее значеніе королевскаго землѣвладѣнія для матеріальнаго обезпеченія центральной власти, а при замѣнѣ денежной аренды повинностями и поборами натурой и невозможности сбыта ихъ за чистыя деньги отсюда слѣдуетъ необходимость, въ которую поставлена власть вознаграждать дружину землями. Крупное землевладѣніе, унаслѣдованное франкской монархіей у имперіи, такимъ образомъ естественно продолжаетъ развиваться и при франкскихъ королунгахъ.

Въ экономической борьбѣ крупнаго и мелкаго землевладѣнія всѣ выгоды на сторонѣ перваго /мы оставляемъ въ сторонѣ гористыя и иныя мѣстности съ особыми почвенными условіями: здѣсь подчасъ крупное землевладѣніе не можетъ конкурировать съ мелкимъ/. Слабость государственной власти, злоупотребленія должностныхъ лицъ, частыя войны, наконецъ, прямое насиліе магнатовъ съ одной, проповѣдь духовенства о душеспасительномъ значеніи дареній въ пользу церкви съ другой стороны еще содѣйствуетъ ускоренію процесса поглощенія мелкаго землевладѣнія крупнымъ.

Характернымъ проявленіемъ возрастающаго экономическаго и соціальнаго класса, упадка среднихъ и мелкихъ собственниковъ является между прочимъ судебная реформа временъ Карла Великаго, /многочисленныя войны котораго, какъ доказываютъ его капитуляріи, страшно обременяли свободное населеніе и въ свою очередь содѣйствовали его упадку/. Правосудіе въ франкской монархіи отправлялось собраніемъ сво-

бодныхъ людей графства или сотни подъ предсѣдательствомъ графа или его уполномоченнаго, и при участіи не менѣе 7 т. называемыхъ рахинбурговъ, принадлежавшихъ къ наиболѣе вліятельнымъ и опытнымъ людямъ круга; функція ихъ заключалась въ предложеніи вердикта, который утверждался собраніемъ и исполнялся графомъ. Участіе въ судебныхъ собраніяхъ было также обязательно, какъ участіе въ ополченіи: за неявку полагались штрафы, и одно изъ частыхъ злоупотребленій графовъ заключалось въ томъ, что они злоупотребляли своимъ правомъ созывать чрезвычайныя собранія /обыкновенныхъ во всемъ графствѣ было отъ 8 до 9 въ годъ/, чтобы воспользоваться штрафами. Но и независимость злоупотребленій судебная повинность представляла тяжкое бремя для массы свободныхъ. Въ виду этого очень характерно, что Карлъ, вѣроятно, между 770 и 780 годами издалъ капитулярій, которымъ число общихъ судебныхъ собраній /placita generalia/ въ каждомъ графствѣ было ограничено тремя въ годъ, а институтъ рахинбурговъ, до этого времени избиравшихся или назначавшихся въ каждомъ собраніи ad hoc, былъ превращенъ въ постоянное учрежденіе. Скабины /какъ теперь называются рахинбурги/ избираются массами при участіи графовъ и народа изъ "лучшихъ людей" /meliores/, причемъ ихъ функціи пожизненны: на общихъ собраніяхъ предложенный ими вердиктъ по прежнему утверждается народомъ, но въ отличіе отъ послѣдняго они кромѣ того подлежатъ любому количеству созывовъ на спеціальныя сессіи въ которыхъ также рѣшаютъ дѣла подъ предсѣдательствомъ гра-

Литографія Богданова, Эртелевъ пер. д. I-I2.
Директоръ.

фовъ, но уже безъ участія народа, судебная повинность котораго этимъ значительно облегчена.

Формы въ которыхъ совершается этотъ процессъ, естественно весьма разнообразны. Сюда относятся насильственный захватъ, покупка, добровольное удаленіе мелкаго собственника, продажа его собственности за долги или, въ виду его неспособности внести судебный штрафъ, наконецъ добровольное подчиненіе его магнату, встрѣчающееся въ широкихъ размѣрахъ уже въ римской имперіи и занимающее видное мѣсто въ соціальной жизни франкскаго государства.

Добровольное подчиненіе мелкаго собственника магнату или коммендація, цѣлью которой является чаще всего обезпеченіе защиты отъ чрезмѣрныхъ поборовъ должностныхъ лицъ или отъ насилій сосѣднихъ крупныхъ собственниковъ, представляется также характернымъ для первой половины среднихъ вѣковъ, какъ ассоціація /коммуна, гильдіи, ганза, цехъ братство и т.д./, цѣлью которой является взаимная помощь во всякихъ затрудненіяхъ, - для второй половины среднихъ вѣковъ. Это единственное средство спасенія для разрозненныхъ членовъ народной массы.

Коммендація, подчиняющая одно лицо покровительству /patrocinium. mundium / другого лица, повидимому, всегда сопровождается переходомъ собственности на землю коммендирующагося къ его покровителю: таковъ былъ порядокъ уже въ римской имперіи I вѣка. Получивъ соотвѣтственный участокъ земли въ собственность, патронъ затѣмъ возвращаетъ его прежнему собственнику, но уже не на правахъ собственности, а въ качествѣ прекарнаго владѣнія,

которое, строго говоря, въ любое время можетъ быть отнято у него, /но во франкскую эпоху пріобрѣтаетъ характеръ зависимаго наслѣдственнаго владѣнія, обремененнаго повинностями или оброками/, или на другихъ аналогичныхъ началахъ, обезпечивающихъ патрону матеріальное вознагражденіе за оказываемую имъ защиту. Патронами могли быть самыя разнообразныя лица и учрежденія, короли, церкви, монастыри, графы, наконецъ, обыкновенные представители мѣстной знати. Чаще всего, вѣроятно, обращались за покровительствомъ къ церквямъ и монастырямъ: обладая весьма значительной не только нравственной, но и матеріальной силой, крупные церкви и монастыри лучше далекаго короля могли защитить подчинившихся ихъ покровительству лицъ отъ чрезмѣрныхъ поборовъ должностныхъ лицъ и отв насилій свѣтской знати, и вдобавокъ обѣщали за отказъ отъ земли, сопровождавшій коммендацію, еще вознагражденіе въ загробной жизни.

Независимо отъ этого мы наблюдаемъ рядъ другихъ своеобразныхъ контрактовъ, въ концѣ концовъ также содѣйствовавшихъ увеличеніе крупнаго, особенно церковнаго землевладѣнія. Такъ напр. иногда данное лицо подноситъ свой участокъ земли церкви съ тѣмъ, чтобы получить его обратно въ качествѣ прекарія, но уже не въ прежнемъ объемѣ, а увеличеннымъ какой нибудь частью /преимущественно, вѣроятно, пустующихъ/ церковныхъ земель. Матеріально даритель такимъ образомъ даже выигрывалъ, но юридически положеніе и семьи его ухудшалось иногда въ силу того, что послѣ смерти весь данный ему въ качествѣ прекарія участокъ долженъ былъ окончательно поступить въ распоряженіе церкви, а во всякомъ случаѣ въ силу того, что собственность на его землю переходила къ церк-

ви,, въ силу чего онъ долженъ былъ нести повинности или оброки не только за участокъ, уступленный ему церковью, но и за тотъ, который ему принадлежалъ, но былъ уступленъ имъ церкви.

Результатомъ всѣхъ указанныхъ условій является полная побѣда крупной собственности надъ средней и мелкой. Масса населенія въ силу этого попадаетъ въ экономическую зависимость къ крупной знати и королевская власть уже въ силу этого теряетъ возможность опереться на нее въ начавшейся между нею и аристократіею борьбѣ.

При разсмотрѣніи политическаго положенія римской землевладѣльческой знати мы видѣли, что крупные собственники, освобожденные отъ подчиненія городскимъ властямъ и поборамъ уже въ эпоху имперіи стремятся къ пріобрѣтенію судебной, финансовой и даже религіозной власти надъ экономически-зависимымъ населеніемъ ихъ вотчинъ. Императоры ведутъ упорную борьбу съ этими притязаніями знати и тѣмъ не менѣе послѣдняя фактически одерживаетъ рядъ побѣдъ надъ властью. Анархія У и послѣдующихъ вѣковъ и политическая неразвитость франкскихъ завоевателей естественно должны содѣйствовать дальнѣйшему упроченію власти магната въ его вотчинахъ и помѣстьяхъ не понимая угрожающей ихъ власти опасности, конунги особенно содѣйствуютъ усиленію аристократіи дарованіемъ т. наз. иммунитетовъ и признаніемъ политическихъ правъ сеньера, т.е. крупнаго землевладѣльца по отношенію къ зависимому отъ него населенію.

Даже независимо отъ частнаго суда по гражданскимъ и полицейскимъ дѣламъ подчиненныхъ римскому магнату или церкви лицъ между собой - въ У вѣкѣ здѣсь уже встрѣчаются iudices

privati - и независимо отъ иммунитетовъ /см. дальше/ всякій хозяинъ по германскому праву, по мнѣнію Brunner'a /D. R 2,275 сл./ отвѣтственъ за дѣянія подчиненныхъ ему людей, обязанъ давать за нихъ mithio /unde mithio reddebit т.е. отвѣтъ. Подчиненные называются въ виду этого его sperantes или qui per eum sperare videntur cp. Brunner, Mithio und sperantes въ Festgabe für Beseler. Отвѣтственность хозяина и проистекающія изъ нея права, однако, неравномѣрны смотря по тому, касаются ли они раба, крѣпостного или свободнаго. По отношенію къ рабу права хозяина особенно значительны за преступленіе, совершенное рабомъ противъ раба того же лица, рабъ всецѣло подлежитъ судебной власти послѣдняго, доходящей до права казни; если же рабъ совершитъ преступленіе по отношенію къ постороннему лицу или вообще привлекается къ суду, то господинъ либо самъ отвѣчаетъ за него передъ судомъ, либо выдаетъ его /praesentare, repraesentare/ судьѣ. Послѣднее при каролингахъ считается обязательнымъ по болѣе тяжкимъ преступленіямъ. По отношенію къ крѣпостному /литу, колону/ и по отношенію къ свободнымъ лицамъ, живущимъ въ домѣ или коммендировавшихъ себя ему, хозяинъ также отвѣчаетъ передъ судомъ самъ и выдаетъ данное лицо суду /въ болѣе тяжкихъ случаяхъ выдача и здѣсь обязательна/: уже въ 856 г. Людовикъ II издаетъ капитулярій, которымъ приказываетъ привлекать зависимыхъ людей къ суду только черезъ посредство ихъ господина. Отвѣтственности господина естественно соотвѣтствуетъ дисциплинарная власть по отношенію къ зависимому люду, власть, имѣющая тенденцію превратиться въ судебную, особенно по столкновеніямъ между зависимыми людьми одного и того же господина. Судебныя права господина уже усиливаются

своеобразнымъ развитіемъ иммунитетовъ

Иммунитеты /immunitas, emunitas / встрѣчаются уже въ римской имперіи и обозначаютъ здѣсь дарованное или признанное верховной властью освобожденіе отъ податей и государственныхъ повинностей. Такимъ иммунитетомъ пользовались, напримѣръ, императорскія земли, ихъ фермеры и колоны по отношенію къ чрезвычанымъ поборамъ и т.наз. "грязнымъ повинностямъ" /sordida munera/. Аналогичными податными льготами пользовались церковныя земли и земли, пожалованныя императоромъ или удостоившіеся спеціальной привелегіи. Особенно значительнымъ становится развитіе иммунитовъ во франкской монархіи, причемъ содержаніе ихъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, расширилось, такъ какъ они были распространены не только на подати и повинности, но и на судебныя пошлины и штрафы. Иммунитетомъ пользовались во первыхъ всѣ королевскія имущества, затѣмъ въ силу особаго даренія многочисленныя церкви и свѣтскія лица. Число иммунитетовъ въ общемъ быстро растетъ, разбивая податную и судебную организацію государства.

Сущность франскаго иммунитета /объ иммунитетахъ въ удѣльной Руси см. любопытную статью Павлова-Сильванскаго въ Журналѣ Министерства Народ.Просв. за декабрь 1900 г./ сводится къ слѣдующему: Во первыхъ государственнымъ должностнымъ лицамъ, т.е. графамъ и т.д. запрещается входъ въ имѣніе /absque introiti iudicum / для исполненія какихъ бы то ни было служебныхъ обязанностей, чѣмъ, разумѣется, однако не затрогивается право самаго конунга или спеціальнаго уполномоченнаго исполнять политическія или слу-

жебныя функціи въ привиллегированномъ имѣніи. (absque introitu nostro vel heredum nostrorum... non praesumat ingredere) Однимъ этимъ фактически уже уничтожается непосредственная власть графа надъ населеніемъ привиллегированныхъ имѣній его графства и обезпечивается зависимость этого населенія отъ помѣщика. Должностныя лица не должны являться въ означенное имѣніе /или группы имѣній/ad causas audiendas ad freda exigenda, ad fideiussores tollendos т. е. для рѣшенія судебныхъ дѣлъ, для взиманія штрафовъ за нарушеніе мира и для назначенія поручителя за обвиняемаго. Оно не имѣетъ права взимать подати или требовать исполненіе повинностей(exactiones, redhibitiones или functiones publicae/ и не обладаютъ полицейскою властью /властью homines distringere / въ предѣлахъ даннаго имѣнія.

Судебныя и финансовыя права, отнятыя у должностныхъ лицъ, переходятъ къ помѣщику, причемъ государственныя подати и повинности переходятъ въ его полную собственность. Такова вторая существенная сторона иммунитета. Что касается прежде всего финансовой стороны дѣла, то только повинности по постройкѣ дорогъ и мостовъ /ср. l 6, C. Th. 15,3; указъ 423 г./, воинская повинность и пошлина остается за государствомъ; но и тутъ за ихъ исполненіемъ или уплатой слѣдитъ самъ помѣщикъ. Всѣ остальные подати и повинности всецѣло уступаются ему / sub omni emunitate omnes fredos concessos debeat possidere vel quicquid exinde fiscus forsitan de eorum hominibus poterat sperare... debeant cubeant cuncta proficere, - хартія 635 г.)

Параллельно съ этимъ помѣщикъ пріобрѣтаетъ не только полицейскую власть /необходимую хотя бы для задержанія преступниковъ или исполненія судебнаго приговора/, но и судебную власть, изъ которой проистекаетъ право на freda т.е. денежные штрафы за нарушеніе мира представляющіе дополненіе къ тѣмъ compositiones или денежнымъ вознагражденіемъ уплатѣ которымъ подлежитъ осужденный въ пользу истца. Тѣ дѣла за которые полагается казнь или тѣлесное наказаніе, т.е. уголовныя, по прежнему подлежатъ государственнымъ судамъ, но и тутъ задержаніе преступника, если только онъ не пойманъ на мѣстѣ преступленія, его препровожденіе въ судъ и т.д. производятся помѣщикомъ. Всѣ остальныя дѣла за исключеніемъ дѣлъ о свободѣ лицъ, подчиненныхъ помѣщику, рѣшаются непосредственно вотчиннымъ судомъ: въ VIII и тѣмъ болѣе IX вѣкѣ даже столкновеніе между населеніемъ имѣнія и третьими лицами только въ томъ случаѣ поступаютъ на разсмотрѣніе государственныхъ судовъ, когда вотчинный судъ отказалъ такому лицу въ правосудіи или по мнѣнію его рѣшилъ дѣло неправильно. Въ общемъ вотчинные суды такимъ образомъ соотвѣтствуютъ по своей компетенціи сотеннымъ судамъ викаріевъ и центенаріевъ графа и не обладаютъ лишь правами графскаго суда. Иначе говоря, помѣщикъ пріобрѣтаетъ въ своей вотчинѣ или въ своихъ вотчинахъ чисто государственныя права, а запрещеніе графамъ являться въ вотчину не можетъ не содѣйствовать дальнѣйшему расширенію его компетенціи.

Развитіе вотчины въ самостоятельную административную единицу наконецъ, завершается тѣмъ признаніемъ правъ и обязанностей сеньера / senior /, которое происходитъ въ эпоху Карла Великаго. Капитуляріи Карла предписываютъ вотчиннику

сеньеру подъ страхомъ личной отвѣтственности собрать и привести въ назначенное мѣсто ополченіе изъ свободныхъ людей живущихъ на его земляхъ или подчинившихся ему. Менѣе значительные сеньеры затѣмъ поступаютъ со своимъ отрядомъ подъ начальство графа, болѣе крупные, наоборотъ, по всему вѣроятію уже при карлѣ сами начальствуютъ надъ своими подчиненными и подчинены только непосредственно королю или главнокомандующему, т.е. фактически занимаютъ равное графамъ положеніе. Опасность этого факта не могла не проявиться, какъ только сильная рука Карла перестала сдерживать магнатовъ.

Для управленія имѣніемъ и въ частности для исполненія судебныхъ функцій вотчинника послѣдній назначаетъ особое должностное лицо / iudices, iudices privati, agentes, actores, vicedomini (praepositi, advocati) /. Оно замѣняетъ вотчинниковъ /особенно церковь или монастырь/ на судѣ, отвѣчаютъ за исполненіе государственныхъ повинностей и уплату пошлинъ /напр. собираютъ ополченіе/, доставляютъ преступника въ судъ и оказываютъ обвиняемымъ поддержку; внутри вотчины онъ обладаетъ полицейскою и судебною властью въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ ими пользуется самъ вотчинникъ, и если нѣтъ спеціальнаго управляющаго, руководитъ вотчиннымъ хозяйствомъ. Въ видѣ вознагражденія ему обыкновенно предоставлялось въ качествѣ бенефиція/см. ниже/ пользованіе частью имѣнія и частью судебныхъ пошлинъ.

Опасность этой организаціи для центральной власти была сознана Карломъ Великимъ и онъ сдѣлалъ попытку подчинить назначеніе этихъ частныхъ судей надзору государства: либо они должны быть назначаемы въ присутствіи и подъ надзоромъ графа въ судебныхъ собраніяхъ графства. Эта своеобразная по-

пытка парализовать вредное вліяніе иммунитетовъ, связанная съ тѣми ограниченіями правъ вотчинника, которыя вытекаютъ изъ бенефиціальной системы, продержалась, однако недолго. При слабыхъ преемникахъ Карла назначеніе фохтовъ, адво - катовъ, видамовъ и т.д. снова всецѣло зависитъ отъ вотчинника.

б/ Дружинный строй. Характеръ королевскихъ пожалованій и бенефицій. Первая характерная черта феодальнаго строя заключается въ развитіи автономныхъ сеньерій. Въ большей или меньшей степени это развитіе въ совершенно аналогичныхъ формахъ наблюдается и у другихъ германскихъ народовъ /напр. у визиготовъ и англосаксовъ/, а также и въ удѣльной Руси. Общія условія - господство натуральнаго хозяйства, раздача государственныхъ земель церквамъ и дружинникамъ, поглощеніе средняго и мелкаго землевладѣнія крупнымъ въ силу чисто экономическихъ фактовъ съ одной, слабости государственной власти съ другой стороны, наконецъ, чрезвычайно распространенная практика иммунитетовъ - среди всѣхъ этихъ народовъ породили весьма сходные результаты.

Очень обычно также то развитіе дружиннаго строя, которое мы наблюдаемъ во франкской монархіи. Спеціально франкской чертой, наоборотъ, является своеобразное развитіе т. наз. бенефиціальной системы и вліяніе этой системы на характеръ дружиннаго строя и феодальной аристократіи.

Выше мы уже видѣли, что дружина явилась однимъ изъ самыхъ существенныхъ источниковъ родовой знати поздней франкской эпохи, и что именно въ силу этого въ ея исторіи можно прослѣдить три разныхъ фазиса, въ теченіе каждаго

изъ которыхъ дружинники получаютъ разныя названія /антрустіоны, вассалы, министеріалы во франкскомъ и и основанныхъ на его развалинахъ государствахъ, гезиты, тегны или таны и найты - cniht - Knight, - въ государствѣ англосасовъ. Новый составъ дружинниковъ при этомъ естественно выступаетъ на смѣну предъидущему, какъ только послѣдній успѣлъ превратиться въ земледѣльческую знать и порвать свою прежнюю тѣсную связь съ королевскимъ дворомъ. Антрустіоны окружаютъ меровинговъ, вассалы представляютъ опору каролинговъ, министеріалы пріобрѣтаютъ большое значеніе въ Германіи при салической династіи /во Франціи ихъ значеніе не велико, такъ какъ ранее развитіе феодализма здѣсь лишало центральную власть всякаго значенія и въ силу этого не оставляло мѣста для развитія новаго дружиннаго класса/.

По характеру своихъ первоначальныхъ отношеній къ конунгу и по своему юридическому и политическому положенію всѣ три слоя дружины отличаются существенно однородными чертами.

Дружина, содержать которую можетъ какъ конунгъ, такъ и частныя лица /дружинники послѣднихъ при Меровингахъ называются gasindi /, состоитъ изъ лицъ, добровольно подчинившихъ себя данному лицу. Будучи "людьми" / homines / того лица, въ дружину котораго они поступили, дружинники находятся подъ его защитой, въ силу чего они, если состоятъ въ королевской дружинѣ, обладаютъ тройной вирой/; вождь отвѣчаетъ за нихъ передъ судомъ. Обязанности ихъ, подтверждаемыя особой дружинной присягой, заключаются въ военной и иной службѣ начальнику дружины и первоначально довольно неопредѣленны: за вѣрное исполненіе своихъ обязанностей они

пользуются помѣщеніемъ, продовольствіемъ одеждой, получають боевого коня и вооруженіе и могутъ удостоиться разнаго рода даровъ, предметами коихъ могутъ быть и земли. Послѣдніе могутъ быть пожалованы на разныхъ условіяхъ; пожизненно или наслѣдственно, съ правомъ отчужденія или безъ онаго, безвозмездно или за ежегодную плату и т.д. Въ составъ дружины могутъ входить какъ свободные, такъ и несвободные /послѣдніе принадлежатъ къ дружинѣ не по свободному соглашенію, а по рожденію/, но по мѣрѣ возвышенія данной дружинной формаціи замѣчается весьма естественная тенденція къ устраненію несвободныхъ, поскольку послѣдніе не успѣли уже осѣсть въ своихъ помѣстьяхъ и войти въ составъ не только свободныхъ, но даже знати. Эта черта также одинаково характерна для антрустіоновъ, вассаловъ и министеріаловъ.

Любопытнымъ отличіемъ вассаловъ /министеріаловъ/ отъ антрустіоновъ, хотя и болѣе важнымъ принципіально, вѣмъ на практикѣ, наоборотъ, повидимому слѣдуетъ признать тотъ фактъ, что антрустіонъ во всякое время можетъ выйти изъ состава дружины, причемъ, однако, обязанъ вернуть полученные имъ дары тогда какъ вассалъ не имѣетъ права покинуть своего господина кромѣ извѣстныхъ законныхъ случаевъ. Законными поводами къ выходу изъ дружины два капитулярія Карла Великаго признаютъ попытку господина обратить вассала въ рабство, покушеніе на его жизнь, угрозу мечемъ, покушеніе на честь жены или дочери вассала, нанесеніе ему побоевъ, отказъ въ защитѣ или отобраніе его алода, т.е. явленія совершенно исключительнаго характера. Чѣмъ объясняется такая связанность васаловъ по сравненію съ антрустіонами, сказать довольно трудно. Полагаютъ, что она стоитъ въ связи съ самымъ проис-

хожденіемъ вассалитета, на которое оказали вліяніе специально галло-римскіе порядки, въ частности пожизненный характеръ коммендаціи. Терминъ *vassus* : *vassalus* повидимому кельтскаго происхожденія /ср. кельтское *gwas* , отрокъ, слуга *puer-ministerialis* /: вассами первоначально называется высшій разрядъ слугъ несвободнаго происхожденія, непосредственно окружающихъ господина: Магнаты меровингскаго періода составляли изъ нихъ свои вооруженные отряды, а по мѣрѣ развитія ихъ вліянія /вѣроятно, очень рано/ въ составъ такихъ отрядовъ начали добровольно поступать свободные люди, предварительно коммендировавшіе себя магнату, т.е. поступившіе подъ его патронатъ. Коммендація и позднѣе всегда сопровождаетъ поступленіе въ отряды вассаловъ, т.е. въ дружину: поступающій въ число вассаловъ кладетъ свои сложенныя руки въ руки господина /*manibus* или *manibus iunctis se tradere, in manus se commendare*/ и приноситъ присягу въ вѣрности. Всякій вассалъ, такимъ образомъ принадлежитъ къ числу коммендировавшихъ себя господину, но не всѣ коммендировавшіеся принадлежатъ къ вассаламъ. А такъ какъ коммендація, какъ мы уже выше видѣли, имѣетъ пожизненный характеръ, то и положеніе вассала становится пожизненнымъ Дружина каролинговъ получаетъ такимъ образомъ, болѣе постоянный характеръ, чѣмъ меровингская: раньше чѣмъ захватить власть, вѣдь каролинги были простыми магнатами, примѣнявшими къ своей дружинѣ тѣ же правила, что и остальные магнаты; а позднѣе, сдѣлавшись королями, они естественно сохранили привычный для нихъ порядокъ, вдобавокъ больше прежняго обезпечивающій ихъ интересы.

Какъ при меровингахъ, такъ и при каролингахъ дружинни-

ки вознаграждаются и ихъ военная служба обезпечивается преимущественно пожалованiемъ помѣстiй и съ теченiемъ времени сначала большинство антрустiоновъ или газиндовъ, затѣмъ большинство вассаловъ осѣдаютъ на пожалованныхъ имъ земляхъ. Тѣмъ не менѣе сохраняется извѣстная, въ общемъ мало значительная группа какъ королевскихъ, такъ и частныхъ вассаловъ живущихъ постоянно при дворѣ короля или соотвѣтственнаго магната и не надѣленныхъ землями. Число ихъ въ каждомъ случаѣ настолько незначительно, а повиновенiе другихъ вассаловъ такъ плохо обезпечено, что король магнаты снова вынуждены пополнять свои отряды несвободными, т.е. министерiалами, съ теченiемъ времени имѣющими тенденцiю также выдѣлиться въ землевладѣльческiй классъ, если только королю или магнату послѣ пожалованiй, совершенныхъ раньше въ пользу вассаловъ, еще остается сколько нибудь значительный матерiалъ для новыхъ пожалованiй. Такъ это было въ Германiи и здѣсь большая часть совеременнаго стараго нѣмецкаго дворянства отъ министерiаловъ XI, XII и XIII вв.

По своему юридическому характеру и по своимъ послѣдствiямъ меровингскiя пожалованiя антрустiонамъ и каролингскiя пожалованiя вассаламъ существенно отличаются другъ отъ друга. И меровингскiя пожалованiя, правда, какъ мы видѣли выше, повидимому не создаютъ безусловнаго права собственности антрустiона на пожалованное помѣстье: если это не оговорено спецiально или не послѣдуетъ спецiальное королевское разрѣшенiе, то дружинникъ не имѣетъ права передавать свое помѣстье по наслѣдству, отчуждать и т.д. /Независимо отъ этого на немъ, разумѣется, продолжаютъ лежать спецiальныя обязанности дружинника, и неисполненiе ихъ можетъ повлечь за

собой потерю пожалованнаго/. Всѣ эти отрицательныя условія ограничивающія право собственности /proprietas / дружинника, однако, исключительно покоятся на германскомъ обычаѣ юридически точно не формулированы и не оговорены въ актѣ даренія /въ силу чего въ настоящее время могутъ быть установлены только по аналогіи съ англосаксонскимъ, древнешведскимъ, бургундскимъ, баварскимъ и т.д. правомъ. Вдобавокъ они противорѣчатъ не только римскому взгляду на характеръ даренія, но и тѣмъ канцелярскимъ, унаслѣдованнымъ отъ римлянъ формамъ, въ коихъ совершается дареніе и коими право дружинника на имѣніе опредѣляется какъ право полной собственности / proprietas /, а не какъ узуфруктъ и д.т.

Слабость королевской власти вмѣстѣ съ вліяніемъ римскихъ традицій /сильныхъ не только среди духовенства, но и среди римской знати - къ ней принадлежатъ такіе крупные магнаты, какъ патрицій Муммолъ въ концѣ УI вѣка - и среди массы населенія/ поэтому рано приводятъ къ установленію полнаго права собственности не только церкви, но и антрустіоновъ на ихъ помѣстья.

Истощеніе королевскихъ земель и военныя затрудненія конца УII и начала УIII вѣка приводятъ въ виду этого къ широкимъ конфискаціямъ, какъ только центральная власть въ лицѣ Пепина Средняго и особенно Карла Мартелла снова становится способной приняться за реогранизацію разлагавшагося государства меровинговъ. Войны съ арабами съ одной, съ фризами, саксами, тюрингами, баварцами, аламаннами съ другой стороны вмѣстѣ съ необходимостью обезпечить повиновеніе Нейстріи и Бургундіи, окончательно подчиненныхъ австразійскимъ герцогамъ и палатнымъ мерамъ только въ 717 г. и сл. годахъ.

приводятъ при Карлѣ Мартеллѣ къ фактической конфискаціи огромнаго большинства церковныхъ земель и къ отобранію многочисленныхъ земель галльскихъ "тирановъ", т.е магнатовъ, оказавшихъ Карлу сопротивленіе при завоеваніи Нейстріи и Бургундіи или уже послѣ этого возставшихъ противъ него. Особенное значеніе при этомъ имѣла т. наз. "секуляризація церковныхъ имуществъ"/отъ saecularis мірской, свѣтскій; секуляризація обращеніе имуществъ, предназначенныхъ удовлетворять религіозныя, духовныя нужды, на свѣтскія цѣли/. Нужно впрочемъ замѣтить, что о систематической секуляризаціи говорить нельзя: форма, въ которой Карлъ воспользовался церковными имуществами для надѣленія своихъ вассаловъ землями, на доходы съ которыхъ они должны были содержать себя и свои отряды въ боевой готовности, сводилась къ назначенію мірянъ на крупныя и доходныя церковныя должности /епископства, аббатства/ съ одной, къ многочисленнымъ отдѣльнымъ захватамъ и пожалованіямъ болѣе или менѣе значительныхъ церковныхъ земель съ другой стороны. Систематической конфискаціей всѣхъ или извѣстной точно опредѣленной части церковныхъ имуществъ не произошло, но наряду съ назначеніемъ мірянъ на церковныя должности именно безпорядочный характеръ захватовъ, неодинаково поражавшихъ разныя церкви, особенно тяжело отразился на всей матеріальной и духовной жизни церкви и долженъ былъ вызвать ожесточенные протесты.

Что же касается правъ вассаловъ на пожалованныя имъ имѣнія, то пожалованіе несомнѣнно имѣло по прежнему условный характеръ, вѣроятно, также плохо опредѣленный, какъ въ меровингскую эпоху; условный характеръ пожалованія обезпечивался фактическимъ могуществомъ Карла.

Послѣ смерти Карла, которая вообще заставила его сыновей пойти на нѣкоторыя уступки /такъ, послѣ шестилѣтняго перерыва въ 743 г. снова былъ избранъ меровингскій король/, протестъ церкви, среди которой какъ разъ въ это время замѣчается стремленіе къ реорганизаціи, привелъ къ принципіальному признанію правъ церкви на всѣ отобранныя у нея земли и къ фактическому возвращенію /не особенно значительной/ части послѣднихъ.

Съ одной стороны назначеніе епископовъ впредь должно было происходить съ соблюденіемъ каноническихъ правилъ и въ силу этого составъ епископата постепенно былъ обновленъ, причемъ однако прежнія епископскія земли повидимому большею частью не были возвращены, а остались въ рукахъ тѣхъ вассаловъ коимъ были пожалованы.

Съ другой стороны и права церкви не отобраны у нея земли по крайней мѣрѣ теоретически были признаны какъ Карломаномъ такъ и Пипиномъ. Первый призналъ права церкви уже въ 742 г. /Cap. Carlom. 742 г. c. 1 et fraudatas pecunias ecclesiarum eclesiis restituimus et reddidimus, что означаетъ, однако, не дѣйствительную передачу, а только принципіальное признаніе правъ церкви/, а вскорѣ послѣ этого на особомъ собраніи магнатовъ 7мы /т.е. Карломанъ/ по совѣту рабовъ Божіихъ и христіанскаго народа въ виду предстоящихъ войнъ и преслѣдованій другихъ народовъ, которые живутъ вокругъ насъ, рѣшили въ виду Божьяго милосердія удержать часть церковныхъ имуществъ на началахъ прекарнаго владѣнія и съ уплатой

Литографія Богданова, Эртелевъ пер. д. 1-12.
Директоръ

ценза / sub. precaris et censu /, для поддержки нашего войска / in diumorium exercitus nostri / съ тѣмъ, чтобы ежегодно съ каждаго дома / casata / уплачивался одинъ солидъ, т.е. 12 динаріевъ церкви или монастырю; такъ чтобы церковь была возстановлена въ правахъ, если тотъ умретъ, кому имѣніе было дано, и чтобы затѣмъ, если нужда потребуетъ и государь прикажетъ / princeps iubeat / прекарій былъ возобновленъ и былъ составленъ новый актъ. Независимо отъ этого слѣдуетъ имѣть въ виду, / observetur /, чтобы церковь или монастырь, имущество которыхъ отдано какъ прекарій, не терпѣли нужды или нищеты, и чтобы напротивъ, если ихъ бѣдность того требуетъ, вся собственность была возвращена церкви или дому Божьему". /Cap. Liptinense 743 г. с. 2/. Въ результатѣ мѣра Карла Мартелла была оправдана исключительными условіями, была признана временной: церковь снова пріобрѣла право собственности на свои земли, а пользующіеся ими вассалы были признаны прекаристами; фактическое возвращеніе всѣхъ земель должно было послѣдовать по мѣрѣ вымиранія вассаловъ, но Карломанъ /или его преемникъ/ сохранялъ право, если внѣшнія условія не измѣнятся / si necessitas cogat снова приказать соотвѣтственной церкви или монастырю предоставить пользованіе вымороченнымъ имѣніемъ новому вассалу и выдать ему актъ, которымъ подтверждалось, что данное имѣніе дано ему на правахъ прекарнаго владѣнія. Въ виду безпорядочнаго характера Карла Мартелла, въ силу котораго церкви и монастыри были лишены всякихъ средствъ, при этомъ предусматривалось, что въ подобныхъ случаяхъ должно состояться даже фактическое возвращеніе имущества.

Уступки Пепина были, повидимому, менѣе значительны. Судя по

по Суассонскому капитулярію 744 г. въ его владѣніяхъ, гдѣ опасность въ свое время была особенно велика, а количество церковныхъ земель и слѣдовательно размѣры конфискаціи особенно значительны, теоретически право собственности церкви на отобранныя земли также было признано въ полномъ объемѣ; на практикѣ, однако, однимъ только монастырямъ было выдано лишь самое необходимое, а по отношенію къ остальнымъ землямъ церковь должна была довольствоваться цензомъ причемъ не было обѣщано вернуть земли въ случаѣ смерти тѣхъ вассаловъ, въ чьихъ рукахъ они находились ко времени изданія капитулярія. Нарушеніе теоретически признанныхъ правъ церкви такимъ образомъ здѣсь не было признанно временной мѣрой /Cap. Suessionense 744 г. с.3; de rebus ecclesiasticis subtraditis monachi vel ansillas Dei consolentur, usqiad illorum necessitate satisfaceant; et quod superest census levetur Ср. Cap. 755 г. гл. 20,27/. Повторяющіяся жалобы и недовольство духовенства нѣсколько позднѣе - въ 750 и 751 г г. привели къ еще болѣе радикальной мѣрѣ, къ составленію описи церковныхъ имуществъ и къ ихъ планомѣрному раздѣлу, причемъ особенно пострадавшимъ церквямъ была возвращена извѣстная, необходимая для нихъ часть ихъ земель, тогда какъ другія, мало пострадвашія до этого церкви должны были поступиться частью своихъ владѣній. /Ann. Alam. къ 751 г.: res ecclesiarum descriptas atque divisas; Ann къ 750 г.: Pippinus monente sancto Bonifacio quibusdam episcopatibus vel medietates vel tertias rerum (reddidit) promittens in postmodum omnia restituere/.

Теоретическое право церкви на отобранныя у нея земли и теперь, разумѣется, было признано. Позднѣе мы еще нѣсколь-

ко разъ слышимъ о возвращеніи отобранныхъ земель /чаще всего оно ограничивается однимъ обѣщаніемъ/, но еще гораздо чаще о новыхъ захватахъ всегда быстро ростущихъ церковныхъ земель, особенно въ IX и X вв. Въ данный моментъ для насъ однако, важнѣе вліяніе конфискацій VIII вѣка на измѣненіе юридическаго характера пожалованій. Разъ права собственности церкви на земли, пожалованныя каролингскимъ вассаламъ были признаны, пожалованіе по крайней мѣрѣ этихъ земель не могло создать хотя бы и условное право собственности вассала на данное имѣніе. Капитуляріи прямо приписываютъ вассалу только прекарное владѣніе / precaria /.

Прекарное владѣніе, съ которымъ намъ уже неоднократно приходилось встрѣчаться, возникло какъ одна изъ разновидностей владѣнія вещью въ республиканскомъ Римѣ. Сущность его какъ мы уже видѣли, заключается въ томъ, что прекаристъ, получивъ по своей просьбѣ / preces отсюда precarium данную вещь въ безвозмездное пользованіе имѣетъ право на эту вещь и защищается въ обладаніи ею судомъ только по отношенію къ третьимъ лицамъ, но не по отношенію къ собственнику, который въ любое время имѣетъ право потребовать ея возвращеніе. Таковъ юридическій смыслъ прекарія въ римскую эпоху.

Въ меровингское время мы на церковныхъ земляхъ встрѣчаемся съ аналогическимъ явленіемъ, съ почти тѣмъ же самымъ названіемъ / precaria вмѣсто precarium /, отличающимся, однако, одной существенной чертой отъ римскаго прекарія. Какъ и въ римской эпохѣ дарованію прекарія предшествуетъ просьба прекариста, которая по крайней мѣрѣ въ

меровингскую эпоху принимаетъ характеръ письменнаго проше-
нія /т.наз. epistula precatoria или просто pre-
caria/, которая остается въ рукахъ собственника и въ
случаѣ тяжбы служитъ доказательствомъ его правъ; прошенію
прекариста далѣе соотвѣтствуетъ другой письменный актъ,
исходящій отъ собственника /т.наз. epistola praestatoria
или praestoria /, которымъ собственникъ свидѣтель-
ствуетъ, что исполнилъ просьбу прекариста и предоставилъ
ему извѣстный участокъ земли въ качествѣ прекарія. Все это
вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру и римскаго прекарія. Но дѣ-
ло въ томъ, что изъ многочисленныхъ формуляровъ для состав-
ленія указанныхъ актовъ явствуетъ, что вмѣсто того, чтобы
создавать безвозмездное право пользованія, которое въ любой
моментъ можетъ быть уничтожено собственникомъ, меровингскій
прекарій, повидимому, всегда создаетъ срочное /пятилѣтнее/
право пользованія и притомъ за уплату опредѣленнаго ценза
чѣмъ устраняется коренная особенность римскаго прекарія.
Это послѣднее обстоятельство вызвало оживленные споры о про-
исхожденіи меровингскаго прекарія: одни / Fustel de Cou-
langes, Brunner/ полагаютъ, что первоначальный характеръ
римскаго прекарія еще въ римскую эпоху началъ измѣняться
подъ вліяніемъ комбинаціи разнообразныхъ другихъ договоровъ
/напр. аренды/ съ прекаріемъ, такъ что пятилѣтнее дѣйствіе
меровингскаго прекарія объясняется господствомъ срока въ
въ арендныхъ договорахъ государства, церкви и частныхъ
лицъ въ эпоху имперіи, другіе Sur la pre-
caria; Esmain / наоборотъ считаютъ однородность
названій и меровингскаго и римскаго прекарія несуществен-
нымъ, внѣшнимъ моментомъ и выводятъ меровингскій прекарій

непосредственно изъ римской аренды.

Какъ бы то ни было - для насъ этотъ вопросъ въ данномъ случаѣ особеннаго значенія не имѣетъ, /отмѣчу только, что для меня лично первый взглядъ представляется болѣе правильнымъ - несомнѣнно лишь то, что меровингскій прекарій сроченъ и предполагаетъ по крайней мѣрѣ обыкновенную уплату ценза: неуплата послѣдняго *ipso facto* влечетъ за собой отобраніе прекарія. Но по истеченіи пятилѣтняго срока договоръ можетъ быть обновленъ на новый срокъ, причемъ снова составляются указанные письменные акты.

Съ теченіемъ времени меровингскій прекарій претерпѣваетъ новое существенное измѣненіе, очевидно вытекающее изъ обычнаго продленія прекарія на новые и новые сроки. Прекарій становится пожизненнымъ /и проявляется даже тенденція сдѣлать его наслѣдственнымъ/, причемъ возобновленіе письменныхъ актовъ черезъ каждые пять лѣтъ отпадаетъ, а отобраніе прекарія въ случаѣ неуплаты ценза замѣняется штрафомъ. Въ этомъ видѣ мы знакомимся съ прекаріемъ въ VIII вѣкѣ и таково, слѣдовательно, то владѣніе на прекарныхъ началахъ, которое было представлено каролингскимъ вассаламъ по отношенію къ церковнымъ землямъ.

Дарованіе прекарія уже въ римское время /ср. Тертуліанъ *ado Hermogenem, 9, his enim tribus modis aliena sumuntur: iure beneficio impeto est dominio, precario, vi* Ср. *l.* 14 *Dig* 43,26 слова юриста Павла: *magis ad.. beneficii causam, quam ad necoti contracti spectat precarii condiu*

называлось благодѣяніемъ", "бенефиціемъ" собственника, а въ меровингскую эпоху самый прекарій сталъ называться бенефиціемъ, прекарное владѣніе - бенефиціальнымъ. Этотъ по-

слѣдній терминъ безусловно становится господствующимъ для церковныхъ земель, пожалованныхъ каролингскимъ вассаламъ.

Послѣ соглашенія, установившагося между церковью и государствомъ при Пепинѣ и Карломанѣ, короли, какъ мы видѣли, продолжали пользоваться уступленными имъ для военныхъ цѣлей землями въ той формѣ, что послѣ смерти вассала или въ случаѣ отобранія у него помѣстья отдавали соотвѣтственной церкви или монастырю приказъ о передачѣ даннаго имѣнія другому вассалу на прежнихъ началахъ /это т.наз. *precario verbo dominico* или *verbo regis* /. Независимо отъ этихъ обязанностей, которыя лежали на вассалѣ по отношенію къ его сеньеру - королю, онъ кромѣ того долженъ былъ вносить цензъ въ пользу церкви /по капитуляріи 742 г. одинъ солидъ съ дома, обладающаго нормальнымъ надѣломъ, *casata rufe* /. Позднѣе /при Карлѣ Великомъ/ было постановлено что вассалъ, владѣющій по королевской милости имуществомъ, *(Form imper. 21: quicumque ex largitione nostra de rebus praefatae ecclesiae beneficia habets Cap. miss. 802 г. гл. 56 qui per beneficium domni imperatoris ecclesiasticas res habent.* обязанъ уплачивать церкви двойную десятину /*decimam et nonam*/ и кромѣ того, вѣроятно, очень низкій цензъ, которымъ признавалось право собственности церкви. Судя по частымъ напоминаніямъ объ уплатѣ двойной десятины, она, повидимому фактически рѣдко вносилась.

Но значеніе прекарнаго или бенефиціальнаго владѣнія не ограничивалось одними церковными землями. Уже въ силу обширности поступившихъ въ обращеніе церковныхъ земель, и вѣроятно и въ силу опредѣленности тѣхъ ограниченій, которыя вѣроятно возлагались на права вассала признаніемъ этой формы владѣнія, пожалованіе имѣній на бенефиціальныхъ на-

чалахъ быстро распространилось на всѣ земли, находившіяся въ распоряженіи каролинговъ, а по ихъ примѣру и на земли магнатовъ, которые также начали раздавать своимъ вассаламъ земли именно въ качествѣ бенефиціевъ.

Бенефиціальное владѣніе - терминъ бенефицій становится техническимъ для земель, выданныхъ для обезпеченія боевой готовности и военной службы даннаго лица - обстановлено цѣлымъ рядомъ условій и ограниченій.

Первымъ и основнымъ условіемъ является вѣрность владѣльца бенефиція по отношенію къ лицу, даровавшему бенефицій. Сила королевской власти при Пепинѣ и Карлѣ Великомъ и въ первыя времена Людовика Благочестиваго съ одной, неопредѣленность того servitium et consilium / служба и совѣтъ/, въ которомъ заключается основная обязанность вассала съ другой стороны даютъ королямъ возможность подвести разнообразныя группы дѣлъ подъ понятіе нарушеніе вѣрности. Сюда относится неисполненіе письменнаго приказа короля, продолжительный отказъ въ правосудіи, отказъ въ выдачѣ воровъ и разбойниковъ государственнымъ лицамъ, выступленіе въ походъ безъ предписаннаго вооруженія, трусость или вообще невоинственное поведеніе во время похода, отказъ въ поддержкѣ третьихъ лицъ противъ враговъ короля, и, наконецъ, хищническое хозяйство въ предѣлахъ пожалованнаго имѣнія, въ силу котораго имѣніе можетъ потерять свою цѣну, такъ что король не будетъ въ состояніи пожаловать его другому лицу безъ обезпеченія его жизни и боевой готовности и т.д. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ признанный невѣрнымъ вассалъ лишается своего помѣстья.

Права вассала на бенефицій, даже если онъ не нарушитъ вѣрности, прекращаются не только при его смерти, но и при смерти лица, даровавшаго бенефицій. Въ первомъ случаѣ сынъ вассала обязанъ явиться къ сеньеру, который можетъ утвердить его во владѣніи отца, но можетъ и отнять ихъ; во второмъ случаѣ вассалъ умершаго долженъ обратиться къ его преемнику, который точно также можетъ утвердить или неутвердить даръ своего предшественника. Далѣе права вассала на бенефицій ограничены и во время самаго владѣнія имъ: вассалъ имѣетъ лишь неотчуждаемое право пользованія на бенефицій и въ силу этого въ случаѣ его желанія совершить отчужденіе не только нуждается въ согласіи собственника, но и въ случаѣ его согласія не вассалъ, а сеньеръ совершаетъ актъ отчужденія.

Таково положеніе вассаловъ и бенефиціальнаго землевладѣнія въ эпоху расцвѣта каролингскаго могущества. Ихъ матеріальное положеніе находится въ полной зависимости отъ короля, которому собственная сила, характеръ вассальной зависимости и характеръ бенефиціальнаго землевладѣнія даютъ массу средствъ, чтобы держать вассаловъ въ полной зависимости. Подчиненность вассаловъ и удобства бенефиціальной системы на первый взглядъ настолько значительны, что каролинги пользуются вассалитетомъ не только для обезпеченія своей военной силы, но и для болѣе прочнаго подчиненія непокорныхъ магнатовъ и для усиленія своего вліянія на государственныхъ должностныхъ лицъ.

Что касается перваго пункта, то уже Карлъ Мартеллъ заставлялъ побѣжденныхъ магнатовъ поступать въ число его вассаловъ: такъ онъ поступилъ напр. въ 735 г. съ должност-

ными лицами и магнатами Бургундіи и даже съ населеніемъ города Ліона. Такъ позднѣе Пепинъ и Карлъ Великій заставили Баварскаго герцога Тассилона, признать себя ихъ вассаломъ и принести присягу въ вѣрности. Баварія по крайней мѣрѣ при Карлѣ считалась въ силу этого бенефиціемъ Тассилона, который вскорѣ былъ отобранъ у него за невѣрность, а самъ онъ онъ заточенъ въ монастырь. Кругъ королевскихъ вассаловъ, такимъ образомъ, быстро расширился и вассалитетъ сдѣлался типичной формой зависимости магнатовъ и собственно военнаго класса /наряду съ которымъ сохраняется сподчиніе/ отъ короля, причемъ у болѣе крупныхъ магнатовъ въ свою очередь имѣются вассалы.

Самымъ характернымъ проявленіемъ распространенности и значенія вассальной связи является, однако, дарованіе государственныхъ должностей въ качествѣ бенефиціевъ, встрѣчающихся уже при Карлѣ, и не извѣстное въ меровингскую эпоху. Принципіально, правда, предметомъ бенефиція могла быть каждая вещь, приносившая доходъ и способная въ силу этого обезпечить боевую готовность и т.д. бенефиціарія; на первомъ планѣ, разумѣется, стояли земли, но дальше слѣдуютъ и церкви и должности. Но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что распространеніе бенефиціальной системы на государственныя должности объясняется именно кажущимися выгодами болѣе строгой зависимости вассаловъ отъ сеньера.

Упадокъ королевской власти послѣ Карла Великаго, борьба между каролингами, нашествіе норманновъ, арабовъ, славянъ и венгровъ и ростъ политическаго могущества вассаловъ однако, скоро привели къ неожиданнымъ съ точки зрѣнія VIII вѣка результатамъ. Въ существѣ дѣла къ IX и X вв. съ васса-

лами повторилось то-же, что въ VI и VII вв. произошло съ антрустіонами, но съ формальной, а отчасти съ теоретической стороны результатъ былъ нѣсколько иной: усиленіе антрустіоновъ привело къ присвоенію ими полнаго права собственности на пожалованныя имъ земли, усиленіе вассаловъ - къ развитію феодальнаго строя, одно изъ самыхъ характерныхъ сторонъ котораго является сохраніе формальнаго / а отчасти и практическаго/ права собственности сеньера на пожалованныя имъ вассаламъ земли и проистекающія отъ сюда условія и ограниченія правъ вассала на его бенефиціи.

Первою цѣлью усилившихся вассаловъ, естественно, является наслѣдственность бенефиціевъ. Тенденціи къ установленію ея встрѣчаются очень рано и выражаются въ томъ, что какъ при смерти короля или сеньера, такъ и при смерти вассала прежній владѣлецъ или его дѣти по обычаю утверждаются во владѣніи бенефиціемъ. Такъ, Лотарь I въ 840 г., Карлъ Лысый въ 843 г., Людовикъ II въ 855 г. при самомъ воцареніи издаютъ акты, коими пожалованіе ихъ предшественниковъ утверждаются; съ другой стороны мы знаемъ рядъ примѣровъ, гдѣ бенефицій въ теченіи трехъ - четырехъ поколѣній остаются въ рукахъ одного и того-же семейства. Въ частности во Франціи капитулярій Карла II Лысаго не создаютъ, но констатируютъ фактъ наслѣдственности какъ земельныхъ, такъ и должностныхъ бенефиціевъ. Особенно любопытны и извѣстны постановленія Кьерсійскаго капитулярія 877 г., о которомъ выше уже было говорено: между прочимъ здѣсь устанавливается, что если умретъ графъ, сынъ котораго участвуетъ въ походѣ короля на Италію и слѣдовательно не можетъ вступить

во владѣніе отцовской власти, то сынъ Карла, Людовикъ Косноязычный, остающійся во Франціи, поручитъ управленіе графствомъ родственникамъ графа при участіи епископа и должностныхъ лицъ графства, пока королю не будетъ доложено о смерти графа и онъ не даруетъ сыну отцовскаго званія; также должно быть поступлено, если графъ оставитъ малолѣтняго сына. Если же графъ не оставитъ сына, то Людовикъ съ согласія королевскихъ вассаловъ назначитъ кого нибудь временнымъ правителемъ графства /опять съ участіемъ епископа и мѣстныхъ должностныхъ лицъ/; послѣдній не долженъ считать себя оскорбленнымъ если королю будетъ угодно назначить графомъ кого нибудь другого. Разъ наслѣдственность должностей такъ твердо установлена, то не удивительно, что въ томъ-же капитуляріи содержатся совершенно такія-же постановленія относительно остальныхъ бенефиціевъ, какъ пожалованныхъ королемъ, такъ и пожалованныхъ его магнатами.

Несмотря на констатированный такимъ образомъ уже во второй половинѣ IX в. фактъ установленія наслѣдственности бенефиціевъ среди прямого потомства мужского рода /наслѣдованіе женщинъ и боковыхъ родственниковъ устанавливается значительно позже/, мы не только въ десятомъ вѣкѣ, но и въ XI и даже въ XII вв. встрѣчаемъ еще пожизненныя бенефиціи удивительнаго въ этомъ, однако, ничего нѣтъ какъ въ виду продолжающейся борьбы королевской власти съ принципомъ наслѣдственности, такъ и въ виду того факта, что процессъ субъинфеодаціи /т.е. выдачи бенефиціевъ лицами, которыя сами состоятъ бенефиціаріями и пользуются для этого пожалованнымъ имъ бенефиціемъ/ постоянно создавалъ новые бене-

фиціи, владѣльцы оторыхъ не могли такъ быстро усилиться, чтобы добиться признанія того права наслѣдственности ихъ ближайшимъ сеньерамъ, которато послѣдній уже добился отъ своего сеньера.

Въ теченіи десятаго вѣка принципъ наслѣдственности бенефиціевъ въ общемъ прочно устанавливается и въ то- же время сначала въ южной, затѣмъ и въ сѣверной Франціи появляется новый терминъ для обозначенія наслѣдственнаго бенефиція, давшій названіе всей системѣ. Это - терминъ феодъ /feudum feodum fief ; на немѣцкомъ языкѣ Lehen Lehn , отсюда /: сначала онъ употреблялся наравнѣ съ болѣе раннимъ терминомъ, но съ XI в. послѣдній исчезаетъ.

- . - . - . -

Комбинація административно-политической автономіи крупнаго помѣстья съ бенефиціальной системой въ ея послѣднемъ видѣ и представляетъ основаніе т наз. феодальнаго строя. Принципъ: vassalus mei non est meus vassalus и соединенная съ нимъ тенденція къ созданію обособленныхъ политическихъ единицъ, сеньерій /такъ капитулярій Карла Лысаго 869 г. повелѣваетъ: "мы хотимъ, чтобы вассалы епископовъ, аббатовъ и аббатиссъ, вассалы графовъ нашихъ вассаловъ обращались за правосудіемъ къ своимъ сеньерамъ, какъ предшественники прежде поступали по отношенію къ предшественникамъ ихъ сеньеровъ"/, окончательно уничтожаютъ всякую непосредственную связь между королемъ и массой военнаго класса. Король имѣетъ дѣло только со своими вассалами, въ общемъ распадающимися на двѣ группы: группу крупныхъ

вассаловъ стоящихъ во главѣ одного или нѣсколькихъ графствъ и подчасъ болѣе сильныхъ, чѣмъ самъ король, который фактически не можетъ принудить ихъ къ испоненію ихъ феодальныхъ обязанностей, и группу болѣе мелкихъ вассаловъ, находящихся въ болѣе или менѣе зависимомъ отъ него положеніи и въ большей степени подчиненныхъ дѣйствію бенефиціальнаго или феодальнаго права. Однимъ изъ постоянныхъ средствъ королей въ борьбѣ съ феодалами всегда остается это феодальное право сначала онъ примѣняетъ его противъ мелкихъ, съ теченіемъ времени и противъ крупныхъ вассаловъ.

- . - . - , - . -

ПРОГРАММА
по
Исторіи Среднихъ вѣковъ
1901-1902г.

1 Введеніе. Ненаучность традиціоннаго дѣленія исторіи. Взглядъ XVIII вѣка и взглядъ романтиковъ начала XIXв. на средніе вѣка. Ихъ ненаучность.-Сложный характеръ "среднихъ вѣковъ" въ исторіи Западной Европы. Средніе вѣка съ точки зрѣнія античной культуры и съ точки зрѣнія германо-славянскаго міра.-Два періода въ исторіи среднихъ вѣковъ: до и послѣ IXв. Разная продолжительность культурной жизни европейскихъ народовъ и ея значеніе. Степень культурнаго развитія народовъ западной Европы ок. IV-V вѣка. Различная быстрота развитія европейскихъ народовъ.-Значеніе событій XV-XVI вѣка.
Римская имперія. Территорія, ея величина, границы и подраздѣленія. Ходъ римскихъ завоеваній въ эпоху республики и въ эпоху имперіи.- Населеніе; его вѣроятное количество и густота; народы культурные |греческой и римской культуры| и некультурные.

2 Значеніе имперіи для покоренныхъ народовъ. Неправильность прежняго взгляда на имперію. Источники. Отзывы современниковъ | Тацита, Плинія Старшаго, Аристида, Аппіана| о состояніи имперіи. Другія данныя: надписи, вещественные памятники, романизація.

Программа по исторіи Среднихъ Вѣковъ
Литографія Богданова. Эртелевъ пер., д, I-I2.
Директоръ [signature]

Причины процвѣтанія имперіи. I Обезпеченіе мира внѣшняго и внутренняго. Враги имперіи |некультурные и культурные |и общій характеръ борьбы съ ними. Ухудшеніе положенія въ III вѣкѣ, Сассаниды и германскіе племенные союзы.-Внутренній миръ до III вѣка и упадокъ его въ III вѣкѣ.

II. Отношеніе правительства къ провинціямъ. Эпоха республики. Отзывъ Цицерона. Намѣстники, публиканы и банкиры. Отсутствіе правосудія: отзывъ Тацита.-Эпоха имперіи: I|надзоръ императоровъ и 2|самоуправленіе: а|городское: характеръ провинціальнаго управленія; три группы городовъ, союзные, привилегированные, подчиненные намѣстникамъ; степень самостоятельности городовъ; внутренній строй римскихъ муниципій: народное собраніе, его составъ и значеніе, магистраты и ихъ компетенція, сенатъ, его значеніе и составъ; отношеніемъ императоровъ къ городамъ и причины городской автономіи.

б| областное: связь его съ культомъ императоровъ; ипроисхожденіе и смыслъ культа; культъ живыхъ и умершихъ императоровъ; провинціальные и областные алтари и храмы и связанные съ ними съѣзды; политическія права съѣздовъ и ихъ значеніе: рѣчь Фразея Пета и отзывъ Плинія Младшаго.

III. Забота о путяхъ сообщенія. Обезпеченіе порядка на Средиземномъ морѣ. Шоссейныя дороги. Ростъ торговли.

IУ. Распространеніе римской культуры среди покоренныхъ и отношеніе къ нимъ правительства: I|переселенческое движеніе, 2| вліяніе римскаго войска; лагерные города; римскій солдатъ какъ предоставитель культуры, 3|вліяніе административной системы; аристократическая политика императоровъ; латин-

ское право и право римскаго гражданства;допущенiе провин - цiаловъ къ римскимъ должностямъ и сенату:рѣчь Клавдiя;значенiе латинскаго и римскаго права для внутренней жизни провинцiй. Романизацiя; значенiе ея для имперiи и дальнѣйшей исторiи западной Европы.-Эллинизацiя,отношенiе правительства къ ней,ея отличiя отъ процесса романизацiи.-Внутреннее состоянiе римской культуры въ перiодъ романизацiи.

5 Причины упадка имперiи.Симптомы упадка,внѣшiе и внутренние.I. Соцiально-экономическое развитiе имперiи.Смыслъ жалобъ современниковъ на экономическое состоянiе имперiи: ростъ крупнаго землевладѣнiя насчетъ средняго и мелкаго. Переходъ отъ крупнаго хозяйства къ мелкому и его причины: истощенiе рабскаго рынка, большая выгодность свободнаго труда.

6. Развитiе колоната.1|Закрѣпощенiе мелкихъ арендаторов Юридическое положенiе арендаторовъ въ I в.Тенденцiя къ долгосрочности договоровъ въ интересахъ хозяевъ и арендаторовъ.Положенiе арендаторовъ по письмамъ Плинiя Младшаго. Буриинтанская надпись:организацiя крупнаго имѣнiя и положенiе арендаторовъ;значенiе императорскихъ статутовъ для опредѣленiя положенiя арендаторовъ.Закрѣпощенiе колоновъ: эдиктъ Константина В.и его значенiе;время и причины полнаго закрѣпощенiя. Роль податныхъ списковъ въ закрѣпощенiи 2| Надѣленiе рабовъ участниками земли для отдѣльной обработки.Юридическое положенiе такихъ рабовъ.Роль обычая и податныхъ списковъ въ прикрѣпленiи ихъ землѣ.3|Поселенiе варваровъ въ предѣлахъ имперiи. Эдиктъ 408г.Значенiе варварскихъ поселенiй въ развитiи колоната.4|Особенности эко-

номическаго положенія въ нѣкоторыхъ провинціяхъ.-Преобладающее значеніе закрѣпощенія римскихъ арендаторовъ въ дѣлѣ созданія колоната..

Упадокъ городскаго самоуправленія и закрѣпощенія декуріоновъ. Тенденція къ удаленію отъ городскихъ магистратуръ и курій. Прежній взглядъ на это явленіе и его несостоятельность. Причины вліянія концентраціи землевладѣнія на городское самоуправленіе: характеръ городскаго хозяйства, отвѣтственность городскихъ властей и удаленіе богатѣйшихъ лицъ изъ городской жизни. Безвозмездность городскихъ должностей. Отсутствіе кандидатовъ и средства для его устраненія |lex Malacitana|: фактическое устраненіе народныхъ собраній и окончательное господство курій въ городахъ. Недостатки олигархическаго управленія и установленіе надзора надъ городами. Значеніе городскихъ курій для государственнаго хозяйства: отвѣтственность декуріоновъ. Вліяніе анархіи III вѣка и возрастающихъ потребностей государства на экономическое и юридическое положеніе декуріоновъ.-Установленіе принудительной опеки государства.

8 Уменьшеніе количества населенія какъ результатъ экономическихъ условій. Склонность къ безбрачію. Отзывы Полибія, Цицерона и Плутарха о Греціи, рѣчь цензора Метелла въ Римѣ. Законы противъ безбрачія и привилегіи для отцевъ семейства. Ихъ безплодность. Примѣръ Франціи и Австріи. Распространеніе этихъ явленій на провинціи. Политика правительства: I| алиментарныя учрежденія и 2| поселеніе варваровъ. Размѣры и значеніе варварскихъ поселеній. Ихъ опасность для внутренняго мира и въ борьбѣ съ внѣшними врагами Варвари-

зація римскихъ провинцій, римскаго войска и администраціи. Федераты и ихъ роль въ расчлененіи имперіи.

9. Общіе результаты соціально-экономическаго развитія. Недовольство населенія. Отношеніе Сивиллиныхъ оракуловъ и Коммодіана къ Риму.

II. Отношеніе власти къ соціально-экономическому процессу. Характеръ политики императоровъ; ея аристократизмъ. Отношеніе общества къ власти; его безпомощность и бездѣйность. Анархія III вѣка какъ результатъ общаго недовольства; быстрая смѣна императоровъ. Неустойчивость центральной власти и ея вліяніе на императорскую политику. Военное происхожденіе и интересы императоровъ III вѣка. Развитіе бюрократіи и ея значеніе.

10. III. Характеръ умственнаго развитія имперіи. Причины политической бездѣйности римскаго общества. Основы античнаго міросозерцанія: недостатокъ точныхъ знаній, научныхъ методовъ и спекулятивный характеръ мышленія. Господство вопросовъ практической морали. Характеръ римской школы. Грамматика: господствующее положеніе литературы въ преподаваніи. Роль риторики; причины ея господства, характеръ изученія |темы| и ея вліяніе на умственную жизнь. Философія

Значеніе характера умственной жизни въ религіозномъ и политическомъ отношеніи. Пессимистическое настроеніе общества. Идея грѣховности человѣческой природы и тенденція къ монотеизму. Сенека. Стремленіе къ очищенію отъ грѣховъ. Аскетизмъ. Восточные культы. Неоплатонизмъ. Христіанство. Преобладаніе религіозно-этическихъ интересовъ.

II Результаты внутренняго упадка имперіи. I. Анархія и

военныя неудачи III вѣка. Варвары и персы. Военный деспотизмъ: возвышенiе преторiанскихъ префектовъ. Возстановленiе государственнаго единства и авторитета: иллирiйскiе императоры.

II Реорганизацiя государства. Ея общiй характеръ. I|Конституцiонный строй и характеръ военной власти. Попытка сенатской реставрацiи. Тацитъ и Пробъ. Возвращенiе къ абсолютизму. Практическiй упадокъ республиканскихъ формъ и теоретическое сохраненiе нѣкоторыхъ изъ нихъ|избранiе императора, титулатура, роль сената, подчиненiе императора законамъ|. Новый взглядъ Юстиніана на императорскую власть. Сущность и характеръ конституцiоннаго развитiя до IУ вѣка.

12 2| Административный строй: а|общiй характеръ. Источники и ихъ недостатки. Развитiе бюрократiи и централизацiи: устраненiе сословнаго характера должностей. Iерархiя должностей и развитiе центральнаго управленiя |преторiанскiе префекты III вѣка|. Раздѣленiе компетенцiи намѣстниковъ между разными должностями и увеличенiе количества провинцiй; отдѣленiе гражданской власти отъ военной.

13. б| Центральныя учрежденiя. Измѣненiя въ положенiи преторiанскихъ префектовъ и его причины. Компетенцiя префектовъ. Дѣленiе имперiи: викарiи и президы. Городскiе префекты и ихъ компетенцiя. Magistri militum, организацiя войска. Развитiе министерствъ: четыре главныхъ министерства; praepositus sacri cubiculi и primicerius notariorum Государственный Совѣтъ и Сенатъ. Республиканскiе магистраты

14 в| Областное и мѣстное управленiе. Формальное сохране-

ніе самоуправленія. Аристократическій характеръ областныхъ съѣздовъ и курій. Ростъ бюрократическаго контроля. Кураторы и дефенсоры.

2| Финансы и податная система. Доходы государства. Роль повинностей. а|Прямые и косвенные налоги. Поземельный налогъ, его характеръ до III вѣка и реформа IУ вѣка? смыслъ реформы. Высота обложенія. Дополнительные налоги: аннона и superindictio.-Подушный налогъ.-Сенаторскіе налоги . Налогъ на декуріоновъ и на торговый классъ.- Косвенные налоги:налогъ на куплю-продажу и на пошлины.Монополія.

15. б|Доходы съ государственныхъ земель.Государственныя и императорскія земли и управленіе ими. Размѣръ этихъ земель и источники для ихъ увеличенія: конфискація городскихъ земель.-Организація императорскаго помѣстья: coloni и conductores .Переходъ отъ краткосрочной аренды къ долгосрочной . Три формы аренды на государственныхъ и императорскихъ земляхъ,ихъ юридическій характеръ и вѣроятное происхожденіе |особенно эмфитевзисъ. Dominium. eminens и dominium. utile Соціальное положеніе и интересы кондукторовъ.

16 в| Повинности населенія.Ихъ значеніе для государства. Повинности землевладѣльцевъ : рекрутская повинность,военный постой,ямская повинность,доставка анноны и т.д. Sordida munera. Повинности сенаторовъ,декуріоновъ,навикуляріевъ,ремесленниковъ,солдатъ и канцелярскихъ чиновниковъ Значеніе повинностей для населенія.

3|Соціальная политика правительства.Характеръ соціальной жизни:упадокъ личной и общественной самодѣятельности

Два возможныхъ исхода. Система принудительной опеки ея проявленія. Аристократизмъ соціальной политики IУ и сл. вѣковъ. Четыре класса общества и отношеніе къ низшему. Сенаторское званіе и сословіе: его привилегіи. Классы должностей.

17 Перенесеніе столицы въ Константинополь. - Измѣненія въ положеніи Италіи. Упадокъ значенія Рима. Причины увеличенія количества резиденцій и перенесеніе столицы въ Константинополь. Прежнія судьбы Византіи. Константинополь при Константинѣ и его преемникахъ. Дальнѣйшій упадокъ Рима: Равенна.

Провозглашеніе вѣротерпимости и принятіе христіанства. Преслѣдованія христіанъ и ихъ причины религіозныя, политическія, культурныя. Законы на основаніи которыхъ христіане преслѣдуются до III вѣка. Преслѣдованіе христіанъ при Деціи и Валеріанѣ и его результаты. Прекращеніе преслѣдованія и возобновленіе его при Діоклеціанѣ. Его характеръ и результаты. Эдиктъ 311 года. Эдиктъ Константина и Лицинія. Характеръ эдиктовъ и мотивы ихъ изданія. Отношеніе Константина къ христіанству. Значеніе политики власти для церкви: увеличеніе количества вѣрующихъ и внутренняя жизнь церкви. Отношеніе церкви и государства къ ересямъ.

Общій характеръ реорганизаціи государства.

18. Ростъ элементовъ дезорганизаціи. Три фактора внутренняго разложенія. I) Аристократія. Сенаторское сословіе и базисъ его могущества. Юридическое положеніе крупнаго сенаторскаго помѣстья: его отношеніе къ городу. Крупное землевладѣніе въ Италіи и въ провинціяхъ его источники и характеръ

вытѣсненіе мелкаго и средняго землевладѣнія, захватъ пустующихъ земель, пожалованіе |надпись въ Henchir-Mettich|. Привилегіи императорскихъ и сенаторскихъ помѣстій. Отношеніе крупнаго помѣстья къ государству. Организація крупнаго помѣстья: колоны, ихъ экономическое положеніе и бытъ. Отношеніе властеля къ населенію и его попытки борьбы съ государстомъ. Борьба съ податной системой государства. Коммендаціи, ихъ причины и результаты. Правительственныя мѣры противъ патроната. Стремленіе властелей къ судебной власти надъ населеніемъ. Частныя войска. Положеніе крупныхъ помѣщиковъ въ У вѣкѣ.

19. 2| Церковь. Характеръ умственной жизни IУ и У в. Борьба разныхъ направленій внутри церкви, отношеніе къ ней правительства, оппозиція преслѣдуемыхъ и возстанія. Матеріальное положеніе церкви. Организація церкви. Возвышеніе епископовъ и обособленіе клира | Монтанизмъ |. Внутреннее управленіе церкви въ эпоху Константина: епископъ, пресвитеры, діаконы и низшій клиръ. Упадокъ вліянія міррянъ на избраніе духовныхъ лицъ. Взаимныя отношенія епископовъ другъ къ другу: архіепископы |митрополиты|, патріархи. Положеніе римскаго епископа. Нетерпимость.

Вліяніе принятія христіанства императорами на церковь. Два взгляда на взаимныя отношенія церкви и государства и ихъ практическіе результаты.

20. Варвары |Германцы|. Причины поселенія варваровъ въ имперіи. Политика правительства. Германцы въ римскомъ войскѣ. Военноплѣнные. Военныя поселенія |леты и гентилы|. Федераты, ихъ юридическое положеніе и историческое

значеніе. Вліяніе германцевъ на внутреннее развитіе имперіи Протестъ греко-римской массы. Безсиліе власти.

Значеніе варваровъ, аристократіи и цекрви какъ элементовъ разложенія.

21. Германцы до образованія племенныхъ союзовъ. Источники лингвистическіе, ареологическіе, памятники греко-римской письменности | характеръ последнихъ ; важность этнографическихъ аналогій. Цезарь и Тацитъ| и данныя о германскомъ бытѣ V и сл. вѣковъ | варварскія правды |. Межевыя карты.

Древнѣйшая исторія германскаго племени. Родина и культурный уровень индоевропейскаго пранарода. Его раздѣленіе Передвиженіе германцевъ въ западную Европу: мѣсто ихъ поселенія ок. 500 г. и раздѣленіе германскаго племени. Дальнѣйшія передвиженія германцевъ. Значеніе ихъ столкновенія съ Римомъ.

Вопросъ о догерманскомъ населеніи средней Европы и его культурномъ развитіи: данныя доисторической археологіи

Характеръ территоріи. Особленіе діалектическихъ группъ. Ингвеоны, Иствеоны и Герминоны.

22. Бытъ германцевъ по Цезарю и Тациту. Западные и восточные германцы. Германцы и краснокожіе. Общій характеръ германскаго быта этой эпохи.

Народность и ея составныя части. Народности и ихъ взаимныя отношенія. Колѣна. Степень ихъ самостоятельности. Ихъ происхожденіе и территоріализація. Сотня: часть населенія или часть территоріи. Происхожденіе сотенъ, ихъ значеніе и дальнѣйшая судьба.

Родъ. Родъ и деревня. Что такое родъ? Марки...

и патріархатъ. Родъ и семья въ эпоху Тацита. Составъ рода. Значеніе рода въ военномъ отношеніи. Судебнополитическое значеніе рода: кровная месть и система денежныхъ вознагражденій. Вира. Отношеніе народности къ столкновеніямъ между родами: объявленіе преступника стоящимъ "внѣ мира".

23. Экономическое значеніе рода. Скотоводство и земледѣліе. Свидѣтельство Цезаря о земледѣліи и распредѣленіи земли. Смыслъ его свидѣтельства: характеръ переложеннаго хозяйства. Переходъ права собственности на землю отъ народности къ колѣну, отъ колѣна къ роду. Свидѣтельство Тацита. Частная собственность въ эпоху Тацита и дальнѣйшій ходъ ея развитія.

Родъ и государство.

Соціальный строй. Четыре группы населенія. Свободные и ихъ значеніе въ жизни народности. Знать, ея юридическое и фактическое положеніе и ея происхожденіе. Матеріальное положеніе аристократіи. Рабы. Ихъ юридическое положеніе. Источники рабства. Фактическое положеніе рабовъ. Отпущеніе на волю. Положеніе либертовъ. Полусвободные. Ихъ положеніе по варварскимъ правдамъ. Происхожденіе класса полусвободныхъ . Политическое положеніе полусвободныхъ.

24 Политическій строй. Народное собраніе: политическое значеніе, составъ, характеръ и компетенція. Форма обсужденія и рѣшенія дѣлъ.

Конунгъ. Отсутствіе царской власти у западныхъ германцевъ и его причины. Различіе и сходство между конунгомъ и княземъ. Ихъ взаимныя отношенія. Избирательныя и

и наслѣдственныя черты королевской власти. Компетенція конунга и князя. Совѣтъ князей. Верховный жрецъ . Герцогъ |ограниченіе его власти|. Взаимныя отношенія князей и герцоговъ.

Войско. Составъ. Отношеніе германцевъ къ военному дѣлу.

Дружина. Свидѣтельство Цезаря и Тацита. Характеръ дружинной связи. Обязанности вождя и дружинниковъ. Кто имѣетъ право содержать дружину. Господствующее мнѣніе. Значеніе дружины въ жизни народности.

25. Право и судебная организація. Характеръ германскаго права. Что такое обычное право. Взглядъ германцевъ на его происхожденіе. Время кодификаціи обычнаго права. Отсутствіе полнаго однообразія. Низкая степень развитія германскаго права: отсутствіе системы, интереса къ субъективной сторонѣ проступка или преступленія, формализмъ.

Судопроизводство. Его недостатки. Судебная компетенція рода и государства. Ходъ процесса и характеръ судебной процедуры. Доказательства. Наказанія.

Нравы и умственная жизнь. Свидѣтельство Тацита о германскихъ нравахъ. Наши свѣдѣнія объ умственной и религіозной жизни германцевъ. Культъ предковъ. Представленія о божествахъ.

26. Римско-германскія отношенія до образованія племенъ. Эпоха Августа и Тиберія. Эпоха отъ Тиберія до Марка Аврелія: характеръ борьбы съ Цивилисомъ. Маркоманиская война. Ея причины и результатъ.

Образованіе племенныхъ союзовъ. Германскія племена

ихъ составъ и степень объединенности. Вѣроятное происхожденіе племенъ: географическое сближеніе, общая борьба для расширенія территоріи, этнографическая близость. Восточно-германскіе племена; ихъ отличіе отъ западно-германскихъ.

Римско-германскія отношенія въ III и IУ вѣкахъ. Упадокъ военнаго могущества Рима. Сассаниды. Опасность германскихъ набѣговъ. Особенности восточно-германскихъ нашествій. Ходъ борьбы Рима съ германцами. "Великое переселеніе". Положеніе имперіи около половины III вѣка: потеря agri decumates и Какіи. Значеніе уступки Дакіи. Успѣхи Франковъ и Аламановъ въ IУ вѣкѣ: Юліанъ Отступникъ. Визиготы и битва при Адріонополѣ.

ПРОГРАММА
по
Исторіи Среднихъ Вѣковъ.
1901-1902 г.

I бил. Введеніе. Ненаучность традиціоннаго дѣленія исторіи. Взглядъ XVIII в. и взглядъ романтиковъ начала XIX в. на Средніе Вѣка. Ихъ ненаучность.- Сложный характеръ "среднихъ вѣковъ" въ исторіи Западной Европы. Средніе вѣка съ точки зрѣнія античной культуры и съ точки зрѣнія германо-славянскаго міра.- Два періода въ исторіи среднихъ вѣковъ: до и послѣ XI в. Разная продолжительность культурной жизни европейск. народовъ и ея значеніе. Степень культурнаго развитія народовъ Западной Европы около IV-V вв. Различная быстрота развитія европейскихъ народовъ.- Значеніе событій XV-XVI вѣк.

Римская имперія. Территорія, ея величина, границы и подраздѣленія. Ходъ римскихъ завоеваній въ эпоху республики и въ эпоху имперіи.- Населеніе, его вѣроятное количество и густота; народы культурные |греческой и римской культуры| и некультурные.

2 бил. Значеніе имперіи для покоренныхъ народовъ. Неправильность прежняго взгляда на имперію. Источники. Отзывы современниковъ |Тацита, Плинія Старшаго, Аристида, Аппіана| о состояніи имперіи. Другія данныя: надписи, вещественные памятники, романизація.

Причины процвѣтанія имперіи. I. Обезпеченіе мира внѣшняго и внутренняго. Враги имперіи |некультурные и культурные| и общій характеръ борьбы съ ними. Ухудшеніе положенія въ III вѣкѣ, Сассаниды и германскіе племенные союзы.- Внутренній миръ до III вѣка и упадокъ его въ III вѣкѣ.

---

3 бил. 2. Отношеніе правительства къ провинціямъ. Эпоха республики. Отзывъ Цицерона. Намѣстники, публиканы и банкиры. Отсутствіе правосудія: отзывъ Тацита.- Эпоха имперіи. I| надзоръ императоровъ и 2| самоуправленіе: а|городское: характеръ провинціальнаго управленія; три группы городовъ, союзные, привилегированные, подчиненные намѣстникамъ; степень самостоятельности городовъ; внутренній строй римскихъ муниципій: народное собраніе, его составъ и значеніе; отношеніе императоровъ къ городамъ и причины городской автономіи; б| областное: связь его съ культомъ императоровъ; происхожденіе и смыслъ культа; культъ живыхъ и умершихъ император.; провинціальные и областные алтари и храмы и связанные съ ними съѣзды; политическія права съѣздовъ и ихъ значеніе: рѣчь Ѳразеи Петы и отзывъ Плинія Младшаго.

4 бил. 3. Забота о путяхъ сообщенія. Обезпеченіе порядка на Средиземномъ морѣ. Шоссейныя дороги. Ростъ торговли. 4. Распространеніе римской культуры среди покоренныхъ и отношеніе къ нимъ правительства: I|переселенческое движеніе, 2|вліяніе римскаго войска; лагерные города; римскій солдатъ какъ представитель культуры, 3|вліяніе административной системы; аристократическая политика императоровъ; латинское право и право римскаго гражданства; допущеніе провинціаловъ къ римскимъ должностямъ и сенату: рѣчь Клавдія; значеніе латинскаго и римскаго права для внутренней жизни провинцій. Романизація; значеніе ея для имперіи и дальнѣйшей исторіи западной Европы.- Эллинизація, отношеніе правительства къ ней, ея отличія отъ процесса романизаціи.- Внутреннее состояніе римской культуры въ періодъ романизаціи.

5 бил. Причины упадка имперіи. Симптомы упадка, внѣшніе

и внутренніе. I.Соціально-экономическое развитіе имперіи. Смыслъ жалобъ современниковъ на экономическое состояніе имперіи: ростъ крупнаго землевладѣнія насчетъ средняго и мелкаго. Переходъ отъ крупнаго хозяйства къ мелкому и его причины: истощеніе рабскаго рынка, бо́льшая выгодность свободнаго труда.

6 бил. Развитіе колоната. I|Закрѣпощеніе мелкихъ арендаторовъ. Юридическое положеніе арендаторовъ въ I в. Тенденція къ долгосрочности договоровъ въ интересахъ хозяевъ и арендаторовъ. Положеніе арендаторовъ по письмамъ Плинія Младшаго. Буринитанская надпись: организація крупнаго имѣнія и положеніе арендаторовъ; значеніе императорскихъ статутовъ для опредѣленія положенія арендаторовъ. Закрѣпощеніе колоновъ: эдиктъ Константина Вел.и его значеніе; время и причины полнаго закрѣпощенія. Роль податныхъ списковъ въ закрѣпощеніи. 2|Надѣленіе рабовъ участками земли для отдѣльной обработки. Юридическое положеніе такихъ рабовъ. Роль обычая и податныхъ списковъ въ прикрѣпленіи ихъ къ землѣ. 3|Поселеніе варваровъ въ предѣлахъ имперіи. Эдиктъ 408 г. Значеніе варварскихъ поселеній въ развитіи колоната. 4|Особенности экономическаго положенія въ нѣкоторыхъ провинціяхъ.- Преобладающее значеніе закрѣпощенія римскихъ арендаторовъ въ дѣлѣ созданія колоната.

7 бил. Упадокъ городского самоуправленія и закрѣпленіе декуріоновъ. Тенденція къ удаленію отъ городскихъ магистратуръ и курій. Прежній взглядъ на это явленіе и его несостоятельность. Причины вліянія концентраціи землевладѣнія на городское самоуправленіе: характеръ городского хозяйства, отвѣтственность городскихъ властей и удаленіе богатѣйшихъ лицъ

изъ городской жизни. Безвозмездность городскихъ должностей. Отсутствіе кандидатовъ и средства для его устраненія |lex Malacitana|: фактическое устраненіе народныхъ собраній и окончательное господство курій въ городахъ. Недостатки олигархическаго управленія и установленіе надзора надъ городами. Значеніе городскихъ курій для государственнаго хозяйства: отвѣтственность декуріоновъ. Вліяніе анархіи III в. и возрастающихъ потребностей государства на экономическое и юридическое положеніе декуріоновъ.- Установленіе принудительной опеки государства.

8 бил. Уменьшеніе количества населенія какъ результатъ экономическихъ условій. Склонность къ безбрачію. Отзывы Полибія, Цицерона и Плутарха о Греціи, рѣчь цензора Метелла въ Римѣ. Законы противъ безбрачія и привилегіи для отцовъ семейства. Ихъ безплодность. Примѣръ Франціи и Австріи. Распространеніе этихъ явленій на провинціи. Политика правительства: I| алиментарныя учрежденія и 2| поселенія варваровъ. Размѣры и значеніе варварскихъ поселеній. Ихъ опасность для внутренняго мира и въ борьбѣ съ внѣшними врагами. Варваризація римскихъ провинцій, римскаго войска и администраціи. Федераты и ихъ роль въ расчлененіи имперіи.

9 бил. Общіе результаты соціально-экономическаго развитія. Недовольство населенія. Отношеніе Сивиллиныхъ оракуловъ и Коммодіана къ Риму.

II. Отношеніе власти къ соціально-экономическому процессу. Характеръ политики императоровъ; ея аристократизмъ. Отношеніе общества къ власти; его безпомощность и бездѣйность. Анархія III в. какъ результатъ общаго недовольства; быстрая смѣна императоровъ. Неустойчивость центральной власти и ея

вліяніе на императорскую политику. Военное происхожденіе и интересы императоровъ III вѣка. Развитіе бюрократіи и ея значеніе.

10 бил. III. Характеръ умственнаго развитія имперіи. Причины политической безыдейности римскаго общества. Основы античнаго міросозерцанія: недостатокъ точныхъ знаній, научныхъ методовъ и спекулятивный характеръ мышленія. Господство вопросовъ практической морали. Характеръ римской школы. Грамматика: господствующее положеніе литературы въ преподаваніи. Роль риторики; причины ея господства, характеръ изученія |темы| и ея вліяніе на умственную жизнь. Философія.

Значеніе характера умственной жизни въ религіозномъ и политическомъ отношеніи. Пессимистическое настроеніе общества. Идея грѣховности человѣческой природы и тенденція къ монотеизму. Сенека. Стремленіе къ очищенію отъ грѣховъ. Аскетизмъ. Восточные культы. Неоплатонизмъ. Христіанство. Преобладаніе религіозно-этическихъ интересовъ.

11 бил. Результаты внутренняго упадка имперіи. I. Анархія и военныя неудачи I в. Варвары и персы. Военный деспотизмъ. Возвышеніе преторіанскихъ префектовъ. Возстановленіе государственнаго единства и авторитета: иллирійскіе императоры.

II. Реорганизація государства. Ея общій характеръ. I|Конституціонный строй и характеръ военной власти. Попытка сенатской реставраціи. Тацитъ и Пробъ. Возвращеніе къ абсолютизму. Практическій упадокъ республиканскихъ формъ и теоретическое сохраненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ |избраніе императора, титулатура, роль сената, подчиненіе императора законамъ|. Новый взглядъ Юстиніана на императорскую власть.

Сущность и характеръ конституціоннаго развитія до IУ вѣка.

12 бил. 2. Административный строй: а| общій характеръ. Источники и ихъ недостатки. Развитіе бюрократіи и централизаціи: устраненіе сословнаго характера должностей. Іерархія должностей и развитіе центральнаго управленія |преторіанскіе префекты III в.|. Раздѣленіи компетенціи намѣстниковъ между разными должностями и увеличеніе количества провинцій; отдѣленіе гражданской власти отъ военной.

13 бил. б| Центральныя учрежденія. Измѣненія въ положеніи преторіанскихъ префектовъ и его причины. Компетенція префектовъ. Дѣленіе имперіи: викаріи и президы. Городскіе префекты и ихъ компетенція. *Magistri militum* и организація войска. Развитіе министерствъ: четыре главныхъ министерства; *praepositus sacri cubiculi* и *primicerius notariorum*. Государственный Совѣтъ и Сенатъ Республиканскіе магистраты.

14 бил. в| Областное и мѣстное управленіе. Формальное сохраненіе самоуправленія. Аристократическій характеръ областныхъ съѣздовъ и курій. Ростъ бюрократическаго контроля. Кураторы и дефенсоры.

2| Финансы и податная система. Доходы государства. Роль повинностей. а| Прямые и косвенные налоги. Поземельный налогъ, его характеръ до III в. и реформа IУ в.; смыслъ реформы. Высота обложенія. Дополнительные налоги: аннона и *superindictio*.- Подушный налогъ.- Сенаторскіе налоги. Налогъ на декуріоновъ и на торговый классъ.- Косвенные налоги: налогъ на куплю-продажу и пошлины. Монополіи.

15 бил. б| Доходы съ государственныхъ земель. Государственныя и императорскія земли и управленіе ими. Размѣръ

этихъ земель и источники для ихъ увеличенія: конфискація городскихъ земель.- Организація императорскаго помѣстья: *colini* и *conductores* . Переходъ отъ краткосрочной аренды къ долгосрочной. Три формы аренды на государственныхъ и императорскихъ земляхъ, ихъ юридическій характеръ и вѣроятное происхожденіе |особенно эмфитевзисъ|. *Dominium eminens* и *dominium utile* . Соціальное положеніе и интересы кондукторовъ.

16 бил. в| Повинности населенія. Ихъ значеніе для государства. Повинности землевладѣльцевъ; рекрутская повинность, военный постой, ямская повинность, доставка анноны и т.д., *sordida munera*. Повинности сенаторовъ, декуріоновъ, навикуляріевъ, ремесленниковъ, солдатъ и канцелярскихъ чиновниковъ. Значеніе повинностей для населенія.

3| Соціальная политика правительства. Характеръ провинціальной жизни: упадокъ личной и общественной самодѣятельности. Два возможныхъ исхода. Система принудительной опеки и ея проявленія. Аристократизмъ соціальной политики IУ и сл.вѣковъ. Четыре класса общества и отношеніе къ низшему. Сенаторское званіе и сословіе: его привилегіи. Классы должностей.

17 бил. Перенесеніе столицы въ Константинополь.- Измѣненія въ положеніи Италіи. Упадокъ значенія Рима. Причины увеличенія количества резиденцій и перенесеніе столицы въ Константинополь. Прежнія судьбы Византіи. Константинополь при Константинѣ и его преемникахъ. Дальнѣйшій упадокъ Рима; Равенна.

Провозглашеніе вѣротерпимости и принятіе христіанства. Преслѣдованія христіанъ и ихъ причины, религіозныя, поли-

тическія, культурныя. Законы, на основаніи которыхъ христіане преслѣдуются до III вѣка. Преслѣдованіе христіанъ при Деціи и Валеріанѣ и его результаты. Прекращеніе преслѣдованія и возобновленіе его при Діоклеціанѣ. Его характеръ и результаты. Эдиктъ 3II года. Эдиктъ Константина и Лицинія. Характеръ эдиктовъ и мотивы ихъ изданія. Отношеніе Константина къ христіанству. Значеніе политики власти для церкви: увеличеніе количества вѣрующихъ и внутренняя жизнь церкви. Отношеніе церкви и государства къ ересямъ.

Общій характеръ реорганизаціи государства.

18 бил. Ростъ элементовъ дезорганизаціи. Три фактора внутренняго разложенія: I| Аристократія. Сенаторское сословіе и базисъ его могущества. Юридическое положеніе крупнаго сенаторскаго помѣстья: его отношеніе къ городу. Крупное землевладѣніе въ Италіи и въ провинціяхъ, его источники и характеръ: вытѣсненіе мелкаго и средняго землевладѣнія, захватъ пустующихъ земель, пожалованіе |надпись въ Herchir-Mettich|. Привилегіи императорскихъ и сенатскихъ помѣстій. Отношеніе крупнаго помѣстья къ государству. Организація крупнаго помѣстья: колоны, ихъ экономическое положеніе и бытъ. Отношеніе властеля къ населенію и его попытки борьбы съ государствомъ. Борьба съ податной системой государства. Коммендаціи, ихъ причины и результаты. Правительственныя мѣры противъ патроната. Стремленіе властелей къ судебной власти надъ населеніемъ. Частныя войска. Положеніе крупныхъ помѣщиковъ въ У вѣкѣ.

19 бил. 2| Церковь. Характеръ умственной жизни IУ и У вв.

Борьба разныхъ направленій внутри церкви, отношеніе къ ней правительства, оппозиція преслѣдуемыхъ и возстанія. Матеріальное положеніе церкви. Организація церкви. Возвышеніе епископовъ и обособленіе клира |Монтанизмъ|. Внутреннее управленіе церкви въ эпоху Константина: епископъ, пресвитеры, діаконы и низшій клиръ. Упадокъ вліянія мірянъ на избраніе духовныхъ лицъ. Взаимныя отношенія епископовъ другъ къ другу: архіепископы |митрополиты|, патріархи. Положеніе римскаго епископа. Нетерпимость.

Вліяніе принятія христіанства императорами на церковь. Два взгляда на взаимныя отношенія церкви и государства и ихъ практическія результаты.

20 бил. Варвары |Германцы|. Причины поселенія варваровъ въ имперіи. Политика правительства. Германцы въ римскомъ войскѣ. Военноплѣнные. Военныя поселенія |леты и гентилы|. Федераты, ихъ юридическое положеніе и историческое значеніе. Вліяніе германцевъ на внутреннее развитіе имперіи. Протестъ греко-римской массы. Безсиліе власти.

Значеніе варваровъ, аристократіи и церкви какъ элементовъ разложенія.

21 бил. Германцы до образованія племенныхъ союзовъ. Источники лингвистическіе, археологическіе, памятники греко-римской письменности |характеръ послѣднихъ; важность этнографическихъ аналогій. Цезарь и Тацитъ| и данныя о германскомъ бытѣ У и сл.вв. |варварскія правды|. Межевыя карты.

Древнѣйшая исторія германскаго племени. Родина и культурный уровень индоевропейскаго пранарода. Его раздѣленіе. Передвиженіе германцевъ въ Западную Европу: мѣсто ихъ поселенія около 500 года и раздѣленіе германскаго племени.

Дальнѣйшія передвиженія германцевъ. Значенія ихъ столкновенія съ Римомъ.

Вопросъ о до-германскомъ населеніи средней Европы и его культурномъ развитіи: данныя доисторической археологіи.

Характеръ территоріи. Обособленіе діалектическихъ группъ. Ингвеоны, Иствеоны и Герминоны.

22 бил. Бытъ Германцевъ по Цезарю и Тациту. Западные и восточные германцы. Германцы и краснокожіе. Общій характеръ германскаго быта этой эпохи.

Народность и ея составныя части. Народности и ихъ взаимныя отношенія. Колѣна. Степень ихъ самостоятельности. Ихъ происхожденіе и территоріализація. Сотни: часть населенія или часть территоріи? Происхожденіе сотенъ, ихъ значеніе и дальнѣйшая судьба.

Родъ. Родъ и деревня. Что такое родъ? Матріархатъ и патріархатъ. Родъ и семья въ эпоху Тацита. Составъ рода. Значеніе рода въ военномъ отношеніи. Судебнополитическое значеніе рода, кровная месть и система денежныхъ вознагражденій. Вира. Отношеніе народности къ столкновеніямъ между родами: объявленіе преступника стоящимъ "внѣ мира".

23 бил. Экономическое значеніе рода. Скотоводство и земледѣліе. Свидѣтельство Цезаря о земледѣліи и распредѣленіи земли. Смыслъ его свидѣтельства: характеръ переложнаго хозяйства. Переходъ права собственности на землю отъ народности къ колѣну, отъ колѣна къ роду. Свидѣтельство Тацита. Частная собственность въ эпоху Тацита и дальнѣйшій ходъ ея развитія.

Родъ и государство.

Соціальный строй. Четыре группы населенія. Свободные

ихъ значенiе въ жизни народности. Знать, ея юридическое и фактическое положенiе и ея происхожденiе. Матерiальное положенiе аристократiи. Рабы. Ихъ юридическое положенiе. Источники рабства. Фактическое положенiе рабовъ. Отпущенiе на волю. Положенiе либертовъ. Полусвободные. Ихъ положенiе по варварскимъ правдамъ. Происхожденiе класса полусвободныхъ. Политическое положенiе полусвободныхъ.

24 бил. Политическiй строй. Народное собранiе: политическое значенiе, составъ, характеръ и компетенцiя. Форма обсужденiя и рѣшенiя дѣлъ.

Конунгъ. Отсутствiе царской власти у западныхъ германцевъ и его причины. Различiе и сходство между конунгомъ и княземъ. Ихъ взаимныя отношенiя. Избирательныя и наслѣдственныя черты королевской власти. Компетенцiя конунга и князя. Совѣтъ князей. Верховный жрецъ. Герцогъ |ограниченiе его власти|. Взаимныя отношенiя князей и герцоговъ.

Войско. Составъ. Отношенiе германцевъ къ военному дѣлу.

Дружина. Свидѣтельства Цезаря и Тацита. Характеръ дружинной связи. Обязанности вождя и дружинниковъ. Кто имѣетъ право содержать дружину? Господствующее мнѣнiе. Значенiе дружины въ жизни народности.

25 бил. Право и судебная организацiя. Характеръ германскаго права. Что такое обычное право? Взглядъ германцевъ на его происхожденiе. Время кодификацiи обычнаго права. Отсутствiе полнаго однообразiя. Низкая степень развитiя германскаго права: отсутствiе системы, интереса къ субъективной сторонѣ проступка или преступленiя, формализмъ.

Судопроизводство. Его недостатки. Судебная компетенцiя рода и государства. Ходъ процесса и характеръ судебной проце-

дуры. Доказательства. Наказанія.

Нравы и умственная жизнь. Свидѣтельство Тацита о германскихъ нравахъ. Наши свѣдѣнія объ умственной и религіозной жизни германцевъ. Культъ предковъ. Представленія о божествахъ.

26 бил. Римско-германскія отношенія до образованія племенъ. Эпоха Августа и Тиберія. Эпоха отъ Тиберія до Марка Аврелія; характеръ борьбы съ Цивилисомъ. Маркоманнская война. Ея причины и результатъ.

Образованіе племенныхъ союзовъ. Германскія племена, ихъ составъ и степень объединенности. Вѣроятное происхожденіе племенъ: географическое сближеніе, общая борьба для расширенія территоріи, этнографическая близость. Восточно германскія племена; ихъ отличіе отъ западно-германскихъ.

Римско-германскія отношенія въ III и IУ вв. Упадокъ военнаго могущества Рима. Сассаниды. Опасность германскихъ набѣговъ. Особенности восточно-германскихъ нашествій. Ходъ борьбы Рима съ германцами. "Великое переселеніе". Положеніе имперіи около III вѣка: потеря agri decumates и Дакіи. Значеніе уступки Дакіи. Успѣхи франковъ и аламановъ въ IУ вѣкѣ. Юліанъ Отступникъ. Визиготы и битва при Адріанополѣ.

-.-.-.-.-.-.-.-

[illegible]

[illegible]

